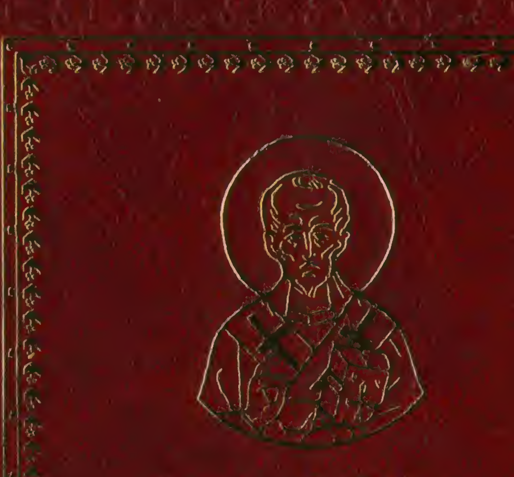

Священное Писание

в толкованиях святителя Иоанна Златоуста

Том V

Св. Евангелие от Иоанна

Тропарь
святому Иоанну Златоустому,
глас 8-й

Уст твоих, якоже светлость огня,
возсиявши благодать, вселенную
просвети: не сребролюбия мирови
сокровища сниска,
высоту нам смиреномудрия показа,
но твоими словесы наказуя,
отче Иоанне Златоусте,
моли Слова Христа Бога
спастися душам нашим.

Священное писание
в толкованиях святителя
Иоанна Златоуста

Том V

«Ковчег»
Москва
2006

По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
Архиепископа Тернопольского
и Кременецкого

Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том V. Беседы на Евангелие от Иоанна. — М.: «Ковчег», 2006. — 832 с.
ISBN 5-98317-088-0

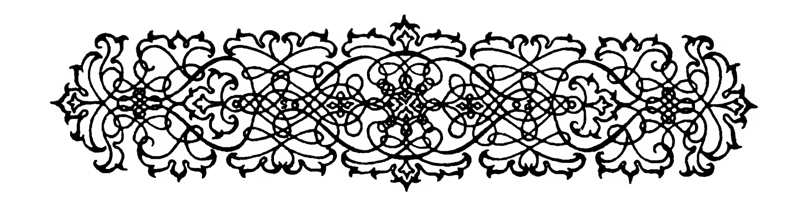
Подписано в печать 06.03.06. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 52 п. л. Усл. печ. л. 33,54.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Тираж 3000 экз. Заказ 2579.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

Оптовая и розничная книжная торговля

Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

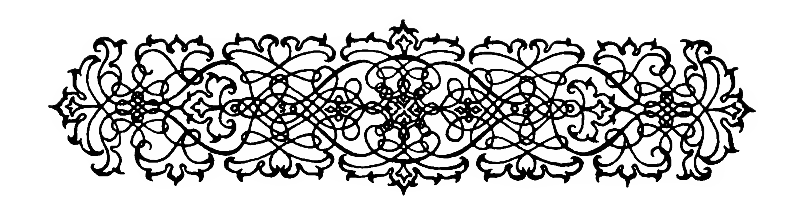
Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДЫ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

БЕСЕДЫ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

БЕСЕДА I

1. Зрители подвигов телесной борьбы, как скоро узнают, что пришел откуда-нибудь мужественный и уже увенчанный борец, все стекаются, чтобы видеть его ратоборство, искусство, силу. Тогда видишь, как на зрелище, наполненном бесчисленным множеством народа, все направляют чувственные и мысленные взоры, чтобы ничего тут не оставить без внимания. Если потом прибудет какой-нибудь замечательный музыкант, то опять те же самые люди наполняют зрелище и оставив все, что было у них в руках, иногда даже нужное какое-нибудь и настоятельное дело, сидят на возвышении, и с большим вниманием слушают пение и музыку, испытывая их благозвучие. Так обыкновенно делает простой народ. А сведущие в словесных науках тоже самое делают в отношении к софистам. И у тех есть свои зрелища и слушатели, рукоплескания и приговоры, и строгие испытания речей. Если же зрители борцов, зрители и вместе слушатели риторов и музыкантов сидят на зрелище с таким вниманием, то сколько усердия и внимания по справедливости должны вы

оказывать, когда не певец какой-нибудь и не софист выходит на подвиг, но когда вещает муж с небес, и издает глас сильнее грома? Своим гласом Он объял и наполнил всю вселенную, не потому, чтобы вопиял слишком громко, но потому, что двигал язык силою божественной благодати. И то удивительно, что такой сильный голос нисколько не груб или неприятен, но приятнее и вожделеннее всякого музыкального созвучия, способен даже увлекать, и, сверх всего этого, он совершенно свят, достоин трепетного благоговения, преисполнен столь великими тайнами и доставляет столько благ, что принимающие и сохраняющие их со тщанием и ревностью уже как бы перестают быть людьми и не остаются на земле, но, становясь выше всего житейского и присоединяясь к лику ангельскому, живут на земле, как бы на небе. Сын грома, возлюбленный (ученик) Христов, столп церквей, сущих по вселенной, тот, кто имеет ключи неба, кто испил чашу Христову и крещением Его крестился, кто с дерзновением возлег на перси Господни, — вот он ныне приходит к нам не с тем, чтобы представить какое-нибудь вымышленное зрелище или прикрывать себя личиною (не в таком роде он и говорить будет); не восходит он на возвышенное место, не ударяет ногою под музыку, не украшается позлащенною одеждою. Он входит в одежде, имеющей красоту безыскусственную; он является нам облеченный во Христа, обув красные ноги свои в уготование благовествования мира; пояс — не на персях, но на чреслах, не из кожи пурпурного цвета, не золотом покрытый сверху, но сотканный и составленный из самой истины. Таков он ныне является нам, без всякого лицеприятия; нет у него ни притворства, ни вымыслов, ни басней, но с открытою главою он возвещает открытую истину. Будучи сам по себе таким, он не иное внушает и слушателям своим видом, взорами, голосом. Он не имеет нужды в

каких-нибудь орудиях для вещания, как например, в цитре, или лире, или в чем-нибудь подобном; но все совершает своим языком, издавая голос приятнее и гораздо полезнее всякой игры на цитре и (всякой) музыки. Местом действия служит для него все небо; зрелищем — вселенная; зрителями и слушателями — все ангелы и из людей те, которые подобны ангелам, или желают такими сделаться. Только такие могут отчетливо постигать это благозвучие, обнаруживать его и в делах (своих) и быть такими слушателями, каким надобно быть. Все другие, как малые дети, хотя и слушают, но не разумеют того, что слушают, а увлекаются только удовольствиями и детскими играми. Так все люди веселые, роскошные, живущие для богатства, для почести и чрева, хотя и слушают иногда, что (им) говорят, но на деле не показывают ничего великого и возвышенного, потому что однажды навсегда прилепились к брению и праху. Апостола этого окружают горние силы, дивясь благообразию души его, разуму и красоте его добродетели, которою он привлек (к себе) и самого Христа и получил благодать духовную. Настроив свою душу подобно благозвучной, украшенной драгоценными камнями и имеющей златые струны лире, он достиг того, что через нее Духом возгласил нечто великое и возвышенное.

2. Итак, будем внимать не рыбарю, не сыну Зеведеову, но тому, кто ведает глубины Божие, то есть Духу, движущему эту лиру. Он ничего человеческого не будет говорить нам, но все, что ни скажет, будет из глубины Духа, из тех тайн, которых даже и ангелы не знали прежде, нежели они совершились. И ангелы вместе с нами через глас Иоанна и через нас научились тому, что мы познали. Это открыл другой апостол, когда сказал: *да скажется ныне началом и властем церковию многоразличная премудрость Божия* (Еф. III, 10). Итак, если и

начала и власти и херувимы и серафимы познали это через Церковь, то очевидно, что и они с великим тщанием занимались этим поучением. Таким образом мы и тем уже не мало почтены, что ангелы вместе с нами научились тому, чего прежде не знали. А что (они узнали) и через нас, об этом пока не буду говорить. Итак, окажем и мы с своей стороны безмолвное благоговение, не ныне только и не на тот только день, когда слушаем, но в продолжение всей (своей) жизни, потому что слушать его всегда хорошо. Если нам желательно знать, что делается в чертогах царских, как например, что делает или предпринимает царь касательно своих подданных, хотя часто это нисколько не относится к нам, то не гораздо ли более вожделенно слышать, что изрек Бог, и особенно, когда все это нас касается? А все это апостол (Иоанн) с точностью скажет нам, как друг самого (небесного) Царя, или, лучше, как такой муж, который имеет в себе Его самого говорящего, и от Него слышал все, что Он – от Своего Отца. *Вас рекох други,* говорил Он, *яко вся, яже слышах от Отца моего, сказах вам* (Ин. XV, 15). Итак, подобно тому, как если бы мы вдруг увидели кого-нибудь сходящего свыше, с высоты неба, и обещающего сказать нам в точности, что там (происходит), и конечно все стеклись бы к нему, подобно тому поступим и ныне. Именно с неба собеседует с нами этот, муж. Он не от мира, как говорит и сам Христос: *вы несте от мира сего* (Ин. XV, 19). В нем вещает Утешитель вездесущий и с такою же точностью ведущий *Божия,* с какою душа человеческая знает в себе *свое,* – Дух святости, Дух правый, владычественный, руководящий на небеса, дающий другие очи, способные видеть будущее, как настоящее, и сподобляющий нас еще во плоти созерцать то, что есть на небесах. Итак, будем оказывать ему безмолвное внимание в продолжение всей нашей жизни. Никто пусть не остается здесь ленивым,

сонливым, нечистым. Переселимся к небесам, потому что он вещает только там, и только тем, которые там обитают. А если будем оставаться на земле, то не получим отсюда никакой важной пользы. Слова Иоанна не относятся к тем, которые не хотят отстать от жизни скотской, точно так же, как и его не касаются здешние дела. Гром поражает наши души, имея и незначительный звук, а его голос не устрашает никого из верных; напротив, еще освобождает от страха и смущения душевного, и поражает только демонов и тех, которые им работают. Итак, чтобы нам видеть, как он их поражает, сохраним безмолвие, как внешнее, так и внутреннее, особенно внутреннее. Какая в самом деле польза, когда уста безмолвствуют, а душа возмущается и имеет в себе сильную бурю? Я ищу безмолвия в душе, в помыслах, так как и внимательного требую слуха. Да не увлекает же нас страсть к богатству, ни любовь к славе, ни сила гнева, ни волнение других страстей. Невозможно слуху неочищенному уразуметь как должно высоту изреченных глаголов, уразуметь, или познать, как следует, силу этих страшных и неизреченных таин и всякое добро, заключающееся в этих божественных изречениях. Если нельзя хорошо изучить игры на свирели и цитре, не устремив к тому всего ума, то как возможно вразуметь таинственный глас слушателю, сидящему с беспечной душой?

3. Так и Христос научает: *не дадите святая псом, ни пометайте бисер пред свиньями* (Мф. VII, 6). Бисером он называл эти самые речения (то есть Евангелие), хотя они гораздо драгоценнее бисера, и называл только потому, что у нас нет ничего ценнее этой вещи. Потому и сладость слова Писание часто имеет обычай сравнивать с медом, не потому, чтобы такова только была ее мера, но потому, что у нас нет ничего другого слаще меда. А что оно несравненно превосходит и драгоцен-

ность камней и сладость всякого меда, послушай, как пророк говорит о нем, показывая его превосходство. *Вожделенна*, говорит он, *паче злата и камене честна многа, и слаждша паче меда и сота* (Пс. XVIII, 11). Но это только для здоровых, — почему и присовокупил пророк: *ибо раб твой хранит я* (ст. 12). И опять в другом месте, назвав их сладкими, присовокупил: *гортани моему. Коль сладка*, говорит он, *гортани моему словеса твоя* (Пс. CXVIII, 113). И еще, выражая их превосходство, говорит: *паче меда и сота устом моим*, — потому что он имел крепкое здравие душевное. Так и мы не будем приступать к ним в болезни, но, уврачевав сперва душу, примем эту пищу. Для того я так много и говорю предварительно, еще не касаясь самых изречений Евангелия, чтобы каждый освободился от всякого вида болезни, и таким образом как бы взошел на самое небо, взошел чистым, отложив гнев, заботы, житейские тревоги и все иные страсти. Не очистив таким образом предварительно души, невозможно получить отсюда никакой важной пользы. И никто не говори мне, что мало времени до будущего собрания. Не только в пять дней, но в одну минуту можно переменить всю свою жизнь. Скажи мне, есть ли что хуже разбойника и человекоубийцы? Не крайняя ли это степень зла? И однако разбойник вдруг взошел на высоту добродетели и перешел в самый рай, не имея для этого нужды ни во многих днях, ни даже в половине одного дня; довольно было для этого одной минуты. Следовательно можно вдруг перемениться и сделаться златым, вместо бренного. Так как добродетель и порок происходят не от природы, то и перемена легка и не подвержена никакому насилию. *Аще хощете и послушаете Мене*, говорит Бог, *благая земли снесте* (Ис. I, 19). Видишь ли, что нужно одно только хотение? Но хотение — не обыкновенное, общее многим, а тщательное. Я знаю, что ныне все желают воспарить на небо; но надобно

доказать это желание в самых делах. И купец, желая обогатиться, не останавливает своего желания только на одной мысли, но снаряжает корабль, собирает корабельщиков, приглашает кормчего, снабжает судно всем, что нужно, берет в заем золото, переплывает море, отправляется в чужую землю, претерпевает множество опасностей и все прочее делает, что известно мореплавателям. Так и мы должны доказывать свое желание. И мы ведь совершаем плавание, не из (одной) земли в (другую) землю, но от земли к небу. Соделаем же ум наш способным к управлению, так, чтобы он возносил нас горе, а корабельщиков сделаем послушными ему; снарядим крепкий корабль, которого не могли бы потопить злоключения и скорби житейские, который не воздымался бы духом надмения, но был легок и скор в плавании. Если мы устроим таким образом корабль, кормчего и корабельщиков, то будем плавать благополучно, и преклоним к себе истинного кормчего – Сына Божия, Который не допустит наше судно погрузиться (в бездну), но, хотя бы дули тысячи ветров, Он и ветрам запретит и морю, и вместо бури сотворит великую тишину.

4. Приготовив себя таким образом, приходите в следующее собрание, если только вам желательно услышать что-нибудь полезное и сохранить слово в душе своей. Никто да не будет подобен проходной стезе (см.: Лк. VIII, 5, 12), никто да не будет камнем, никто – полным терний. Соделаем себя как бы новозделанными нивами. Тогда и мы, если увидим в вас землю чистую, будем с ревностью бросать семена; если же – грубую и каменистую, то простите нам, если не захотим напрасно трудиться. А если, оставив сеяние, начнем исторгать терния, то опять будет неблагоразумно бросать семена в невозделанную землю. Наслаждающемуся таким слушанием не должно приобщаться трапезы бе-

совской: *кое общение правде к беззаконию?* Ты стоял здесь, слушая Иоанна и через него внимая учению Духа, и после этого идешь слушать блудных женщин, произносящих речи постыдные, а еще постыднейшие дела представляющих на зрелище, также изнеженных юношей, которые взаимно друг друга бьют и бьются. Как же ты можешь вполне очиститься, оскверняемый такою грязью? Но для чего изображать по частям весь срам, какой там бывает. Все там — смех, все — стыд; там — ругательство, насмешки, выходки; все — разврат, все пагуба. Вот я наперед об этом говорю и объявляю всем вам. Никто из наслаждавшихся здешнею трапезою да не растлевает души своей теми пагубными зрелищами. Все, что там ни говорится и ни делается, есть сатанинская гордыня. Знаете вы, сподобившиеся таинства (крещения), какие между нами положены обеты, или лучше сказать, в какой завет вы вступили со Христом, когда Он сподоблял вас Своих таинств? Что вы перед Ним говорили? Что вы сказали ему о гордыне сатанинской? Как вы, с отречением от сатаны и ангелов его, отреклись и от всей гордыни его, и обещали более уже не уклоняться к ней? Итак, не мало нужно заботиться, чтобы не забывать столь великих обетов, и не делать себя недостойным таких таинств. Не видишь ли, как при царском дворе призываются к участию в совете царском и включаются в число друзей царевых только люди, ни в чем не преткнувшиеся и достоуважаемые? К нам пришел посланник с неба, посланный от самого Бога для того, чтобы сказать нам о некоторых необходимых предметах. А вы, оставив слушать то, что он хочет нам передать и для чего уполномочен к нам, сидите, слушая лицедеев. Каких достойно это молний, каких громов! Но как не должно приобщаться трапезе бесовской, так не должно принимать участия и в слушании бесовском, в нечистой одежде приходить к

светлой трапезе, обильной столь многими благами, — трапезе, которую уготовал сам Бог. Такова ее сила, что она вдруг может вознести на самое небо, если только мы будем внимать с чистым сердцем. Итак, неприлично тому, кто часто оглашается божественными словами, оставаться в настоящем низком состоянии, но необходимо тотчас воспарить, возлететь в самую горнюю страну, и насладиться сокровищами бесчисленных благ, которые да сподобимся получить все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцем и со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

В начале бе Слово (I, 1)

1. Если бы Иоанн хотел сам с нами беседовать, или говорить нам что-либо свое, от себя, то нужно было бы сказать о роде его, об отечестве, о воспитании. Но так как не он, а сам Бог через него вещает роду человеческому, то исследовать это представляется мне излишним и неуместным. Впрочем, может быть, это и неизлишне и даже весьма нужно. Когда узнаешь, кто он был, откуда и от кого происходил, и каков был сам по себе, потом услышишь его глас и все его любомудрие, — тогда ясно увидишь и то, что Евангелие было не собственным его произведением, но делом божественной силы, которая действовала в душе его. Итак — какое же было его отечество? Отечества у него не было почти никакого; он происходил из бедного селения, из страны самой в то время презренной, которая не имела в себе ничего хорошего. Книжники в унижение Галилеи говорили: *испытай и виждь, яко от Галилеи пророк не приходит* (Ин. VII, 52). Унижает ее и истинный изра-

ильтянин, говоря: *от Назарета может ли что добро быти* (Ин. I, 46)? Будучи из такой страны, Иоанн не происходил и из какого-нибудь замечательного в ней места, и не был там известен по своему имени. Отец его был бедный рыбарь, до того бедный, что и детей своих приготовлял к тому же ремеслу. А вы знаете, что ни один ремесленник не захочет добровольно сделать своего сына наследником собственного ремесла, если только не будет принужден к тому крайнею бедностью, особенно, если ремесло его низко. Но нет беднее, нет презреннее, невежественнее рыбарей; впрочем и между ними одни выше, а другие ниже. Апостол и в этом отношении занимал самую последнюю степень. Он и не в море ловил рыбу, а трудился в одном небольшом озере. И вот, когда он там находился вместе с отцом и Иаковом братом своим, и чинил с ними прорванные сети, что также показывало крайнюю бедность, — призвал его Христос. А что касается до внешнего образования, то и отсюда уже можно заключать, что он был вовсе необразован. Притом свидетельствует (об этом) и Лука, когда пишет, что он был человек не только простой, но и безграмотный. И это должно быть так; кто был так беден, не являлся среди народа, никогда не обращался с значительными людьми, но был занят только рыболовством, а если иногда и встречался с кем-нибудь, то беседовал разве с покупщиками рыбы и поварами, тот мог ли сделаться чем-нибудь лучше неразумных животных? Как было ему не подражать безгласию самих рыб? И вот этот-то рыбарь, вращавшийся около озер, сетей и рыб, родом из Вифсаиды галилейской, сын бедного рыбаря, и бедного до крайнего убожества, человек простой и притом на последней степени простоты, не изучавший наук ни прежде, ни после соединения со Христом, — вещает к нам. Узнаем же, о чем он с нами беседует. Не о том ли, что на полях? Или — что

в реках? Не о торговле ли рыбою? Иной, может быть, и ожидал бы услышать это от рыбаря. Но не бойтесь; ничего подобного мы не услышим. А услышим о том, что на небесах и чего прежде его еще никто не знал. Он приносит к нам столь возвышенные догматы, столь превосходные правила жизни и такую мудрость, какие возможны только для вещающего из самых глубин Духа, и вещает так, как только что пришедший с самых небес. Еще более, и из живущих на небе, как я и прежде говорил, не все могли бы это знать. Скажи же мне, свойственно ли это рыбарю? Или хотя бы ритору, или софисту, или философу, или вообще всякому, изучившему внешнюю мудрость? Нет; обыкновенному человеческому духу невозможно любомудрствовать так о вышнем бессмертном и блаженном Существе, о ближайших к нему силах, о бессмертии и бесконечной жизни, о естестве тел смертных, но впоследствии имеющих соделаться бессмертными, о будущем суде и наказании, о предстоящих отчетах в словах и делах, в мыслях и чувствах, также — знать, что такое человек, и что — мир, что такое человек по существу, и что такое — кажущийся человеком, но не таковой на самом деле, что такое порок, и что — добродетель.

2. Некоторые из этих предметов были исследуемы учениками Платона и Пифагора; а о прочих философах не стоит даже и упоминать нам, — до такой степени все они стали смешны. Именно они более других пользовались у эллинов уважением и считались главами этой науки. Они же, между прочим, написали нечто и относительно жизни гражданской и законов. Однако ж и они к стыду своему оказались во всем смешнее детей. Они вводили общих для всех жен; извращали самую жизнь; повреждали честность брака; узаконяли и многое другое, столько же достойное смеха, и таким образом провели всю свою жизнь. Что же касается до души,

то они оставили учение о ней самое постыдное; говорили, что души человеческие делаются мухами, комарами, деревьями; утверждали, что сам Бог есть душа, и вымышляли многие другие нелепости. И не это одно достойно порицания, а также обширное у них море умозаключений. Как бы в море носимые туда и сюда, они никогда не останавливались на одном предмете, потому что обо всем говорили на основании неверных и нетвердых умствований. Но не таков этот рыбарь; он все изрекает с точностью, и, как бы стоя на камне, никуда не совращается. Он удостоился проникнуть в самые недоступные тайны и, имея в себе глаголющего самого Господа, не подвергся никаким человеческим слабостям. А те философы, как люди, которые даже во сне не удостоились войти в царские чертоги, но вне их на площади оставались в толпе народа, и только по собственным соображениям гадали о невидимых предметах, — те впадали в великие заблуждения, когда хотели рассуждать о неизреченных предметах, и, как слепые и пьяные, даже в самых заблуждениях препирались друг с другом, и не только противоречили друг другу, но нередко и сами себе непрестанно переменяя свои мнения об одних и тех же предметах. А этот неученый, простой житель Вифсаиды, сын Заведея (хотя бы тысячу раз эллины насмехались над грубостью этих названий, я тем не менее и даже тем с большею смелостью буду произносить их, так как чем более этот народ представляется им грубым и чуждым эллинского образования, тем более славным является наше учение. Когда человек необразованный и некнижный возвещает то, чего никогда и никто из людей на земле не знал, и не только возвещает, но и убеждает, тогда, если бы только и вещал он, то и это уже было бы великим чудом; а если ныне, сверх того, представляется еще другое, важнейшее доказательство богодухновенности его глаголов, —

именно, что он всех своих слушателей во всякое время убеждает, — то кто не подивится обитающей в нем силе? И это, как я уже сказал, служит величайшим свидетельством того, что он не сам от себя учит), — и так этот-то необразованный человек написанным от него Евангелием объял всю вселенную, а телом пребывал в Азии, где в древности любомудрствовали все, принадлежавшие к эллинским школам. Там он был страшен для демонов, сияя среди врагов, уничтожая их мрак и разрушая твердыни демонские. Душой же своей он переселился в иную страну, достойную совершившего такие дела. Произведения эллинов все истребились и исчезли; а его деяния с каждым днем становятся более и более славными. С того времени, как явился он и с ним прочие рыбари, с того времени учение Платона и Пифагора, которое прежде почиталось господствующим, умолкло, так что (ныне) многие даже и по имени их не знают, хотя Платон, как говорят, и с царями беседовал, по их приглашению, имел много единомышленников, и плавал в Сицилию. А Пифагор, по прибытии в великую Элладу, показал здесь много разных родов чародейства. Ведь разговаривать с волами (говорят, что он и это делал) было не иное что, как дело волшебства. И это в особенности очевидно из того, что, беседуя таким образом с неразумными, он не только не приносил никакой пользы человечеству, но еще весьма много вредил ему. Природа человеческая конечно способнее к изучению философии; но он, как говорят, при помощи волхвования беседовал с орлами и волами. Он не делал природы неразумной разумною (это и невозможно для человека), а волхвованием только обманывал неразумных. Оставив учить людей чему-нибудь полезному, он внушал им, что все равно — есть бобы или головы своих родителей, а своих последователей уверял, что душа учителя их иногда бывала деревом, иног-

да — девицей, иногда — рыбой. Итак, не по справедливости ли все это уничтожено и исчезло совершенно? По справедливости, — вполне основательно. Но не таково учение этого простого и некнижного человека. Напротив и сириане, и египтяне, и индийцы, и персы, и эфиопы, и множество других народов, будучи людьми невежественными, научились любомудрствовать, когда переложили на свой собственный язык преподанное им учение.

3. Итак, не напрасно я сказал, что для него вся вселенная была местом зрелища. Он не оставлял подобных себе по естеству, и не трудился напрасно над природою бессловесных, что было делом излишнего честолюбия и крайнего безумия. Он, будучи чистым и от этой страсти, как и от других, только о том одном старался, чтобы вся вселенная научилась чему-нибудь полезному, могущему возвести ее от земли на небо. Поэтому он и не прикрывал своего учения, каким-нибудь мраком и тьмой, как те философы делали, закрывая неясностью учения, как бы некоторой завесой, зло, заключавшееся в сущности его. Его догматы яснее солнечных лучей, и потому доступны для всех людей по вселенной. Приходившим к нему он не повелевал, подобно тому (Пифагору), молчать в продолжение пяти лет; не так учил, как бы сидели перед ним бесчувственные камни, не баснословил, все определяя числами. Но, отвергши всю эту сатанинскую мерзость и гибель, сообщил такую удобопонятность своим словам, что все, сказанное им, ясно не только для мужей и людей разумных, но и для женщин и юношей. Он был уверен, что учение его истинно и полезно для всех, кто будет слушать, — и это свидетельствуют все последующие времена. Он привлек к себе всю вселенную, освободил жизнь нашу от всякого чуждого вымысла, после того, как мы услышали его проповедь. Поэтому-то мы, слушающие его, пожелали

бы лучше лишиться жизни, нежели догматов, которые он преподал нам. А отсюда, как и отовсюду, очевидно, что в учении его нет ничего человеческого, но что наставления, дошедшие до нас через эту божественную душу, божественны и небесны. Мы не найдем у него ни шума слов, ни напыщенности в речи, ни излишнего и бесполезного украшения и сочетания имен и слов (да это чуждо и всякого любомудрия); но увидим непреоборимую, божественную силу, правых догматов непобедимую крепость, сочетание бесчисленных благ. Искусственность была бы излишня в проповеди Евангелия; она свойственна софистам, лучше же сказать — и не софистам, а неразумным детям, так что и сам их философ (Платон) представляет своего учителя весьма стыдящимся этого искусства, и говорящим своим судьям, что они услышат от него речи, произносимые просто и как случится, не изукрашенные словами и не испещренные именами и выражениями, — потому что, говорил он, неприлично мне было бы, достопочтенные мужи, в таком возрасте составлять детские речи, и с ними приходить к вам. Но посмотри, какой смех! Чего, по описанию этого философа, учитель его избегал, как дела детского, того сам он более всего домогался. Так-то во всех случаях водились они одним честолюбием! А в Платоне ничего нет удивительного, кроме этого одного. Подобно тому, как, открыв гробы, отвне повапленные, ты увидишь, что они наполнены тлением и зловонием и сгнившими костями, подобно этому и в мнениях этого философа, если обнажишь их от прикрас в выражении, увидишь много мерзости, особенно когда он философствует о душе, без меры и превознося ее и унижая. Диавольская это хитрость — ни в чем не соблюдать умеренности, но, увлекая в противоположные крайности, вводить в заблуждение. Иногда он говорит, что душа причастна божескому существу; а иногда, воз-

высив ее так неумеренно и так нечестиво, оскорбляет ее другою крайностью, вводя ее в свиней и ослов, и в другие животные, еще хуже. Но об этом довольно, или лучше сказать – и то уже через меру. Если бы можно было научиться от них чему-нибудь полезному, то следовало бы и более ими заняться. А так как нужно было только обнаружить их постыдные и смешные стороны, то и это сказано нами более надлежащего. Итак, оставив их басни, приступим к нашим догматам, свыше принесенным к нам в устах этого рыбаря, и ничего человеческого не имеющим. Станем же рассматривать его изречения, и, к чему призывали мы вас вначале, то есть чтобы вы тщательно внимали словам нашим, тоже самое напоминаем вам и теперь. Итак, чем же начинает Евангелист свое сказание? *В начале бе Слово, и Слово бе к Богу*. Видишь ли ты в этом изречении все его дерзновение и силу? Как он вещает, нисколько не колеблясь, не ограничиваясь догадками, но все говоря положительно? Свойство учителя – не колебаться в том, что сам он говорит. А если бы кто, желая наставлять других, нуждался в человеке, который бы мог поддерживать его самого, то по справедливости ему следовало бы занимать место не учителя, а учеников.

Если же скажет кто-нибудь: почему Евангелист, оставив первую Причину, тотчас начал беседовать с нами о второй? то говорить о *первом* и *втором* мы отказываемся. Божество выше числа и последовательности времен: поэтому и отрекаемся говорить так, но исповедуем Отца самосущего, и Сына от Отца рожденного.

4. Так, скажешь ты; но почему же (Евангелист), оставив Отца, говорит о Сыне? Потому, что Отец был всеми признаваем, хотя и не как Отец, а как Бог; но Единородного не знали. Поэтому-то и справедливо Евангелист поспешил тотчас, в самом начале, предложить познание о Нем для тех, которые не ведали Его.

Впрочем и об Отце он не умолчал в этих же словах. Обрати внимание на духовный смысл их. Знал он, что люди *искони* и прежде всего признавали и чтили Бога. Поэтому сперва и говорит (о бытии Сына): *в начале,* а потом далее называет Его и Богом, но не так, как Платон, который одного называл умом, а другого душой. Это чуждо божественного и бессмертного естества. Оно не имеет ничего общего с нами, но весьма далеко от общения с тварью, — разумею по существу, а не по действиям. Поэтому-то Евангелист и называл Его Словом. Имея намерение вразумить (людей), что это Слово есть Единородный Сын Божий, Евангелист, чтобы кто-нибудь не предположил здесь страстного рождения, предварительно наименованием Сына Словом уничтожает всякое злое подозрение, показывая и то, что Он есть от Отца Сын, и то, что Он (рожден) бесстрастно. Видишь ли, как я сказал, что в словах о Сыне он не умолчал и об Отце? Если же этих объяснений недостаточно для совершенного уразумения этого предмета, не удивляйся: у нас теперь речь о Боге, о Котором невозможно достойным образом ни говорить, ни мыслить. Поэтому и Евангелист нигде не употребляет выражения: существо, — так как и невозможно сказать, что есть Бог по Своему существу, — но везде показывает нам Его только из Его действий. Так видим, что это Слово немного после называется у него светом, и опять свет этот именуется жизнью, Впрочем, не по этой одной причине он так называл Его; но, во-первых, по этой причине, а во-вторых, потому, что Слово имело возвестить нам об Отце. *Вся, елика слышах от Отца,* сказано, *возвестих вам* (Ин. XV, 15). Называет же Его вместе и светом и жизнью потому, что Он даровал нам свет ведения, а отсюда — жизнь. Вообще же нет ни одного такого имени, нет таких ни двух, ни трех и более имен, которые были бы достаточны для выражения того, что

касается Божества. По крайней мере желательно, чтобы хотя многими (именами), хотя и не вполне ясно, можно было изобразить Его свойства. Не просто же Евангелист назвал Его Словом, а с прибавлением члена, отличая Его и этим от всех других (существ). Видишь ли, как не напрасно я сказал, что этот Евангелист вещает нам с небес? Смотри, куда он тотчас, в самом начале, воспарив, возвел душу и ум своих слушателей. Поставив ее выше всего чувственного, выше земли, выше моря, выше неба, он возводит ее превыше самих ангелов, горних херувимов и серафимов, выше престолов, начал, властей и вообще убеждает ее вознестись выше всего сотворенного. Что же? Ужели, возведши на такую высоту, он мог остановить нас здесь? Никак. Но подобно тому, как если бы человека, стоящего на берегу моря, и обозревающего города, берега и пристани, привел кто-нибудь на самую середину моря и тем конечно удалил бы его от прежних предметов, однако ж ни на чем не мог бы остановить взора его, а только ввел бы его в неизмеримое пространство зрения, так и Евангелист, возведши нас выше всякой твари, устремив нас к вечности, ей предшествовавшей, оставляет взор наш носиться, не давая ему достигнуть в высоте какого-либо конца, — так как там и нет конца. Разум, восходя к началу, испытывает, какое это начало. Потом, встречая: *бе*, всегда предваряющее его мысль, не находит, где бы ему остановить свой помысл, но, напрягая взор и не имея возможности ничем его ограничить, утруждается и опять возвращается долу. Выражение: *в начале бе* означает не что иное, как бытие присносущное и беспредельное. Видишь ли истинное любомудрие и догматы божественные, — не такие, как у эллинов, предполагающих времена и признающих одних богов старшими, других младшими? Ничего подобного нет у нас. Если Бог *есть*, как и действительно *есть*, то ничего нет преж-

де Его. Если Он — Творец всего, то Он — первее всего. Если он — Владыка и Господь всего, то все — после Него, и твари и веки. Хотел я дойти и до других рассуждений, но, может быть, утомилась (ваша) мысль. Поэтому, предложив еще некоторые наставления, которые могут быть полезны вам для разумения как уже предложенных бесед, так и будущих впоследствии, я замолкну. Какие же это наставления? Знаю, что многие утомляются от продолжительности бесед. Но это бывает тогда, когда душа обременена многими житейскими попечениями. Как зрение, когда оно чисто и ясно, бывает остро и не утомляется, легко рассматривая мельчайшие предметы, но как скоро какая-нибудь дурная влага стекает с головы (на лицо), или снизу поднимается дым или пар, то перед зрачком образуется как будто густое облако, которое не позволяет ясно видеть и самых больших предметов, так обыкновенно бывает и в душе. Когда она очищена и не имеет в себе никакой возмутительной страсти, тогда она зорко видит то, на что ей взирать должно. Когда же она, будучи помрачена страстями, погубит свою доблесть, тогда неспособна делается ни к чему высокому, скоро утомляется и падает, склоняется ко сну и лености, опускает из виду то, что могло бы способствовать ей к добродетели и жизни добродетельной, и не обращается к ней с ревностью.

5. Итак, чтобы и с вами этого не случилось (я же не перестану внушать вам это), укрепите дух ваш, чтобы не услышать вам тех же слов, какие сказаны были Павлом верующим евреям. И для них, говорил он, *многое* было *слово и неудобь сказаемое глаголати* (Евр. V, 11), — не потому, чтобы таково оно было по существу своему, но *понеже*, говорит он, *вы немощни бысте слухи*. Больной и немощной обыкновенно утруждается так же кратким, как и продолжительным словом, и предметы ясные и удобопонятные считает трудно постигаемыми. Но здесь да

не будет ничего такого; но пусть каждый внимает учению, отложив всякое житейское попечение. Когда слушателем овладевает пристрастие к богатству, то невозможно, чтобы его занимало подобным образом и желание слушать поучения, потому что душа, сама в себе единая, не может вмещать в себе многих желаний, но одно желание; подавляется другим, и душа, таким образом, как бы разрываемая, делается еще слабее. Между тем, если какое-либо желание преобладает, то уже все обращает в свою пользу. Так обыкновенно случается и с детьми. Когда кто имеет у себя только одно дитя, то крайне любит этого одного; когда же сделается отцом многих детей, то и расположенность его к ним, разделившись, становится слабее. Если же так бывает там, где господствует естественное влечение и сила, и где любимые предметы сродны между собою, то что сказать о произвольном расположении и увлечении, и особенно, когда виды любви прямо противоположны один другому? А любовь к богатству противна любви к поучениям. Входя сюда, мы входим на небо, не по месту, разумею, но (по душевному) расположению. Ведь можно и находясь на земле стоять на небе, созерцать тамошние предметы и слушать исходящие оттуда глаголы. Итак, никто не приноси на небо ничего земного. Никто, стоя здесь, не озабочивайся делами домашними. Отсюда бы надлежало переносить в дом и на торжище пользу, здесь приобретенную, и сохранять ее там, а не это место наполнять попечениями, свойственными дому и торжищу. Для того-то мы и приступаем к учительской кафедре, чтобы здесь очищать скверны, отвне к нам привходящие. Если же и среди этого малого поучения мы хотим растлеваться посторонними речами или делами, то лучше бы и не начинать. Пусть же никто в церкви не печется о делах домашних; напротив, пусть и в доме размышляет о предметах церковного учения.

Пусть они будут для нас предпочтительнее всего, так как они относятся к душе, а те (домашние дела) к телу; лучше же сказать — и душе и телу полезны здешние поучения. Поэтому пусть будут они делом главным, а все прочее делом мимоходным. Они принадлежат и настоящей жизни и будущей, а дела внешние — ни той, ни другой, если не располагаются по правилам, основанным на первых. Здесь единственно можно научиться не только тому, чем будем мы после этой жизни и как тогда будем жить, но и тому, как управить жизнь настоящую. Этот дом есть духовная лечебница, устроенная для того, чтобы в ней врачевали мы те раны, которые получаем отвне (в мире), а не для того, чтобы выходить отсюда с новыми ранами. Если же мы не станем внимать тому, что глаголет нам Дух Святый, то не только не очистим прежних ран, но еще и другие получим. Будем же со всем тщанием внимать этой книге, теперь перед нами раскрываемой. Впоследствии не много потребно будет труда (для ее изучения), если тщательно мы узнаем ее начальные и основные изречения, но, потрудившись немного вначале, будем потом в состоянии, по слову Павла, *и иных научити*. Апостол Иоанн весьма возвышен, обилен многими догматами, и о них беседует более, нежели о чем-нибудь другом. Будем притом слушать не мимоходом. Для того-то мы и изъясняем (Евангелие) понемногу, чтобы для вас все было удобопонятно, и чтобы ничто не выходило из памяти. Убоимся же сделаться виновными перед тем голосом, который сказал: *аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели* (Ин. XV, 22). Какое мы будем иметь преимущество перед теми, которые вовсе не слышали (Евангелия), если и после слушания уйдем домой, ничего не имея, а только удивляясь произнесенным словам? Дайте нам сеять на добрую землю; дайте для того, чтобы еще более побудить нас (к сеянию). Если кто имеет в

себе терние, пусть воспламенит огонь Духа; кто имеет сердце грубое и упорное, пусть сделает его мягким и удобопреклонным, пользуясь тем же огнем. Если кто, находясь при пути, попирается всякими помыслами, пусть входит во внутренние чувства и не сообщается с теми, которые хотят войти туда на расхищение, и тогда мы увидим нивы ваши тучными. Если таким образом мы будем о себе заботиться, и с трудолюбием прилежать к этому духовному собеседованию, то хотя и не вдруг, по крайней мере мало-помалу, отрешимся от всего житейского. Будем внимательны, чтобы не было и о нас сказано: *яко аспида глуха уши их* (Пс. LVII, 5). Скажи мне, чем различается от зверя такой слушатель? Напротив, не бессловеснее ли всякого бессловесного тот, кто остается невнимательным, когда говорит Бог? Если быть человеком – в том состоит, чтобы благоугождать Богу, то не хотящий даже слышать о том, как это исполнить, что есть иное, как не зверь? Подумай же, как велико это зло, если тогда, как Христос желает сделать нас из людей равноангельными, мы сами себя превращаем из людей в зверей! Быть рабом чрева, быть одержиму страстью к богатству, гневаться, терзать, попирать ногами других, – свойственно не людям, а зверям. Впрочем, каждый зверь имеет, так сказать, свою особенную страсть, и притом по природе, а человек, свергший с себя власть разума, отторгшийся от жизни по Боге, предает себя всем страстям, и делается уже не зверем только, но каким-то чудовищем разновидным и разнохарактерным, и в самой природе своей уже не находит для себя извинения. Всякое зло происходит от произволения и свободных намерений. Но да не будет, чтобы когда-либо помыслить это о церкви Христовой! О вас мы думаем лучше, и имеем надежду спасения. Но чем более мы уверены в этом, тем более не оставим предохранительных внушений, чтобы, взошедши на са-

мый верх добродетелей, достигнуть нам с вами обетованных благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

В начале бе Слово (Ин. I, 1)

1. Излишне было бы теперь убеждать вас к внимательному слушанию. Вы уже поспешили показать это на самом деле. Это стечение, это стояние с напряженным вниманием, эта поспешность – оттесняя друг друга, занять ближайшее место, откуда внятнее для вас был бы слышен наш голос, нежелание выйти отсюда, несмотря на тесноту, пока не окончится это духовное зрелище, рукоплескания и возгласы одобрения, все свидетельствует о вашей душевной теплоте и усердии к слушанию. Потому-то и излишне увещевать вас к слушанию, а нужно только внушить вам, чтобы вы и всегда сохраняли в себе такое усердие, и не только бы здесь его показывали, но чтобы, и дома находясь, муж с женой, отец с детьми беседовали об этом; пусть одни передают другим и спрашивают друг друга, и пусть все оказывают взаимно такую добрую помощь. Никто не говори мне, что нам не нужно заниматься этим с детьми. Не только этим должно заниматься, но об этом только одном и надобно бы вам заботиться. Однако, ради немощи вашей, я уже не говорю этого; я и не отвожу детей от посторонних занятий, так же как и вас не отвлекаю от общественных дел. Я считаю только справедливым, чтобы из семи дней один посвящен был общему нашему Господу. В самом деле, как это несообразно – рабам своим приказывать, чтобы они все время

служили нам, а нам самим не уделить и малейшего времени для Господа, и притом тогда, как наше служение не приносит Ему ничего (потому что Бог ни в чем не нуждается) и только нам же самим обращается в пользу! Когда вы водите детей на зрелища, то не находите препятствия к этому ни в науках, ни в другом чем-нибудь. А когда надобно собрать и получить какую-нибудь духовную пользу, вы это дело называете бездельем. Как же вы не прогневаете Бога, когда во всем другом упражняете своих детей и на то находите время, а занимать их делом Божиим считаете тягостным и неблаговременным для детей?

Нет, не так, братие! Этот-то возраст преимущественно и нуждается в таких уроках. Возраст нежный, — он скоро усвояет себе то, что ему говорят, и как печать на воске, в душе детей отпечатлевается то, что они слышат. А между тем и жизнь их тогда уже начинает склоняться или к пороку или к добродетели. Потому, если в самом начале, и, так сказать, в преддверии отклонить их от порока, и направить их на лучший путь, то на будущее время это уже обратится им в навык и как бы в природу, и они уже не так удобно по своей воле будут уклоняться к худшему, потому что навык будет привлекать их к делам добрым. Тогда и для нас они будут достопочтеннее самих стариков, и для гражданских дел они будут полезнее, обнаруживая в юности свойства старцев. Невозможно, как я и прежде говорил, чтобы наслаждающиеся таким слушанием (Евангелия) и внимающие такому апостолу отходили отсюда, не получив какого-либо истинного, великого блага, будет ли участником в этой трапезе муж, или жена, или юноша. Если мы, приучая зверей к нашим словам, таким образом укрощаем их, то не гораздо ли бóлее через это духовное учение мы можем исправлять людей, когда там и здесь есть великое различие и между врачествами и между

врачуемыми? Ведь и грубость в нас не такова, как в зверях: у них она зависит от природы, а у нас от воли; да и сила слов не одинакова: там она происходит от человеческой мысли, а здесь – от силы и благодати Духа. Итак, кто отчаивается в себе самом, тот пусть помыслит об укрощенных зверях – и он никогда не впадет в отчаяние. Пусть всегда приходит он в эту лечебницу; пусть постоянно слушает законы Духа и, возвращаясь домой, слышанное записывает в своем уме. Таким образом он будет в доброй надежде и в безопасности, на самом деле чувствуя успех. И диавол, как скоро увидит, что в душе написан закон Божий, а сердце сделалось скрижалями этого закона, уже не будет более приступать. Где будут царские письмена, не на столе медном начертанные, но в боголюбивом сердце Духом Святым напечатленные, и благодатью блистающие, – туда он не сможет даже и заглянуть, а далеко отбежит. Для него и для помыслов, от него влагаемых, ничто так не страшно, как мысль, занятая предметами божественными, душа, постоянно прилежащая к этому источнику. Такую-то не может ни опечалить что-либо в настоящем, хотя бы то было и неприятное, ни надмить что-либо благоприятное; но, среди бурь и волнений, она будет наслаждаться тишиною.

2. Да и не от природы вещей происходит наше смущение, а от немощи нашего духа. Если бы мы подвергались этому страданию вследствие обстоятельств, то все люди должны были бы испытывать его, потому что все мы плывем по одному и тому же морю, на котором невозможно миновать волн и бурь. Если же есть люди, которые остаются вне бури и волнений моря, то очевидно, что бурю производят не обстоятельства, но состояние нашего духа. Следовательно, если мы настроим душу так, чтобы она все легко переносила, то не будет для нас ни бури, ни потопления, а будет всегда

благоприятная тишина. Но я не знаю, как, предположив себе ничего такого не говорить, я так увлекся этим поучением. Простите мне это многословие. Я боюсь, и очень боюсь, чтобы не ослабило в вас теперешнее усердие. Если бы я уверен был в этом, то не стал бы теперь говорить вам ничего такого. Усердие может облегчить для вас всякое дело. Время однако же заняться предстоящим сегодня, чтобы вы не утомленные выступили на поприще. Предстоят же нам подвиги против врагов истины, против таких, которые все придумывают к тому, чтобы уничтожить славу Сына Божия, лучше же сказать — свою собственную. Слава Сына Божия всегда пребывает такою, какова она есть, нисколько не уменьшаясь от злохульного языка; но те, которые стараются уничтожить Того, кому, по словам их, они поклоняются*, покрывают лица свои бесчестием, а душу подвергают казни. Итак, что же они говорят, когда мы так рассуждаем? Говорят, что изречение — *в начале бе Слово* еще не доказывает прямо вечности (Сына), потому что тоже сказано и о небе и о земле (Быт. I, 1). О, бесстыдство и нечестие! Я беседую с тобою о Боге, а ты мне указываешь на землю и людей, происшедших от земли. Таким образом, если Христос называется Сыном Божиим и Богом, также и человек называется Сыном Божиим и Богом (как например: *аз рех: бози есте и сынове Вишняго вси* (Пс. LXXXI, 5), ужели поэтому ты будешь состязаться с Единородным о сыновстве, и скажешь, что в этом отношении Он не имеет никакого преимущества перед тобой? Никак, говоришь ты. Однако ж ты это делаешь, хотя и не выражаешь на словах. Каким образом? Ты утверждаешь, что и ты участвуешь в усыновлении по

* Святой Златоуст разумеет ариан, которые признавали Сына Божия существом достопоклоняемым, только не совечным и не единосущным Отцу.

благодати, и Он — тоже. Если ты говоришь, что Он есть Сын не по естеству, то этим выражаешь не иное, а именно то, что Он — Сын по благодати. Впрочем рассмотрим и свидетельства, какие приводят нам. Сказано: *в начале сотвори Бог небо и землю: земля же бе невидима и неустроена* (Быт. I, 1). Также: *бе человек от Армафем Сифы* (1 Цар. I, 1). Вот свидетельства, которые они считают сильными! И действительно это сильно, но — для доказательства утверждаемой нами правоты догматов; а для поддержания хулы (еретиков) ничего не может быть слабее этих доказательств. Скажи, что общего имеют слова — *сотвори* и *бе*? Или что общего у Бога с человеком? Для чего ты смешиваешь то, что не терпит смешения, сливаешь раздельное, и горнее делаешь дольним? Здесь слово: *бе* не одно, само по себе, означает вечность, а в соединении с другими выражениями: *в начале бе* и: *Слово бе.* Подобно тому, как выражение: *сый*, когда говорится о человеке, показывает только настоящее время, а когда о Боге, то означает вечность, так и выражение: *бе*, когда говорится о нашем естестве, означает прошедшее для нас время, и именно известный предел времени, а когда — о Боге, то выражает вечность. Итак, слыша *о земле* и *человеке*, не следует предполагать о них ничего более того, что свойственно природе сотворенной. Все сотворенное, чтобы то ни было, произошло во времени, или в известном пределе его. А Сын Божий выше не только всякого времени, но и всех веков. Он есть Творец их и Создатель. *Им же,* сказано, *и веки сотвори* (Евр. I, 2). Творец же, конечно, существует прежде своих творений. Но так как некоторые до такой степени бесчувственны, что и после этого думают нечто высокое о своем достоинстве, то слово Божие выражениями: *сотвори* и *человек бе* предваряет такую мысль слушателей и уничтожает всякое бесстыдство. Все сотворенное, как земля, так и небо, сотворено во времени,

имеет временное начало и безначального в них нет ничего, потому что все (в известное время) получило бытие. Итак, когда ты услышишь выражения — *сотвори землю* и *человек бе,* то излишне будешь суесловить, сплетая только бесполезную болтовню. Но я скажу еще нечто большее. Что же это? То, что если бы и о земле сказано было — *в начале бе земля,* и о человеке — *в начале бе человек,* то и в таком случае мы не должны были бы предполагать о них ничего более того, что нам известно о них ныне. Уже одно наперед стоящее имя *земли* и *человека,* что бы потом об них ни говорилось, не позволяет уму воображать о них что-нибудь больше того, что ныне мы знаем; так же как и наоборот выражение: *Слово,* хотя бы что-нибудь маловажное сказано было о Нем, само по себе не позволяет думать при этом ничего низкого и ничтожного. А о земле далее говорится: *земля же бе невидима и неустроена.* Таким образом, сказав, что Бог сотворил землю и положил ей свойственный предел, бытописатель безопасно уже повествует о ней дальнейшее, зная, что никто не будет столько бессмыслен, чтобы почитать землю безначальною и несотворенною. Имя *земли* и выражение — *сотвори* достаточны для того, чтобы убедить самого несмысленного человека, что земля не вечна и не безначальна, но принадлежит к числу вещей, происшедших во времени.

3. Кроме того, выражение: *бе,* когда употребляется о земле и человеке, означает не просто бытие, но в отношении к человеку — происхождение его из известной страны, а в отношении к земле — качество ее бытия. Так Моисей не сказал просто: *земля же бе,* и потом умолк, но показал, в каком состоянии она была и после своего происхождения, то есть она была *невидима и неустроена,* еще покрыта водами и смешана с ними. И об Елкане не сказано только, что был человек, но в пояснение присовокуплено, откуда он был:

от Армафем Сифы. Но о Слове (говорится) не так. Стыжусь я и сличать между собою такие предметы! Если мы запрещаем делать сравнение между людьми, как скоро сравниваемые весьма различны между собою по достоинствам, хотя существо их одно, то там, где столь беспредельное расстояние и по существу, и по всему прочему, не крайнее ли безумие — делать такие сличения? Но да будет милостив к нам Тот, Кто хулится ими! Не мы открыли надобность в таких рассуждениях, но нам подают к ним повод те, которые вооружаются против собственного спасения.

Итак, что же я говорю? То, что выражение: *бе*, в отношении к Слову, означает, во-первых, вечность Его бытия: *в начале*, сказано, *бе Слово.* А во-вторых, то же *бе* показывает, что Слово было у кого-либо. Так как Богу по преимуществу свойственно бытие вечное и безначальное, то прежде всего это и выражено. Потом, чтобы кто-нибудь, слыша — *в начале, бе Слово,* не признал Его и нерожденным, такая мысль предупреждается тем, что прежде замечания, что было Слово, сказано, что оно *бе к Богу.* А чтобы кто-либо не почел Его словом только произносимым или только мысленным, для этого прибавлением члена, как я уже прежде сказал, и другим выражением *(к Богу)* устранена и такая мысль. Не сказано: *бе в Боге,* но: *бе к Богу*, чем означается вечность Его по ипостаси. Далее, еще яснее открывается это в присовокуплении, что *Бог бе Слово.* Но это Слово сотворенное, скажет кто-либо? Если так, то что же препятствовало сказать, что в начале сотворил Бог Слово? Так Моисей, повествуя о земле, не сказал: *в начале бе земля*, но сказал, что (Бог) сотворил ее, и тогда уже она *бе.* Что же, говорю, препятствовало и Иоанну подобным образом сказать, что в начале *сотвори Бог Слово?* Ведь если в рассуждении земли Моисей опасался, как бы не назвал ее кто-нибудь несотворенною, то гораздо более

Иоанну следовало бы страшиться этого относительно Сына (Божия), если бы Он был сотворен. Мир, будучи видим, сам по себе проповедует Творца: *небеса,* сказано, *поведают славу Божию* (Пс. XVIII, 1). Но Сын невидим и притом несравненно и беспредельно выше твари. Итак, если здесь, где не нужно было для нас ни слова, ни учения, чтобы признать мир сотворенным, пророк однако ж ясно и прежде всего дает нам это видеть, — то гораздо более Иоанну нужно было бы сказать это о Сыне, если бы Он был сотворен. Так, скажут; однако ж Петр высказал это ясно и определенно? Где же и когда? Тогда, когда, беседуя с иудеями, говорил: *яко Господа Его и Христа Бог сотворил есть* (Деян. II, 36). А почему же ты не присовокупляешь и дальнейших слов, именно: *сего Иисуса, его же вы распясте?* Или не знаешь, что одни изречения относятся к нетленному естеству, а другие к воплощению? Иначе, если все вообще будешь разуметь о Божестве, то придешь к заключению, что Божество и страданиям подвержено. Если же оно не причастно страданиям, то и не сотворено. Если бы кровь истекла из самого божеского и неизреченного естества, и оно, вместо плоти, было пронзено и рассечено гвоздями на кресте, то хитрословие твое в этом случае имело бы основание. Но как и сам диавол не стал бы таким образом богохульствовать, то для чего же ты притворно принимаешь на себя такое непростительное неведение, которым и демоны не прикрывали себя? Притом же слова: *Господь и Христос* относятся не к существу, но к достоинству. Первое означает власть, а второе — помазание. Итак, что же ты скажешь о Сыне Божием? Если бы Он и был сотворен, по вашему мудрованию, — эти изречения не имели бы места. Нельзя представить себе, что Он сперва был сотворен, а потом Бог поставил Его (Господом и Христом). Он неотъемлемое имеет начальство, и имеет его по самому естеству и существу Своему.

Будучи спрошен, Царь ли Он есть, отвечал: *аз на сие родихся* (Ин. XVIII, 57). А Петр говорит здесь о Нем, как о поставленном (в Господа и Христа), и – это относится у него только к воплощению.

4. Что удивляешься, если Петр говорит это? И Павел, беседуя с афинянами, называет Его только мужем, говоря так: о *муже, его же предустави, веру подая всем, воскресив его от мертвых* (Деян. XVII, 31). Ничего не говорит он здесь ни об *образе Божием,* ни о *равенстве* Его (с Отцом), ни о том, что Он есть *сияние славе Его.* Так и следовало. Тогда еще не время было для такого учения, а желательно было, чтобы они прежде приняли, что Он – человек и что воскрес. Так делал и сам Христос; а от Него и Павел научившись, таким же образом устроял дела своей проповеди. Не вдруг Христос открыл нам Свое божество, но сперва был почитаем только за пророка и Христа, – как бы простого человека; уже впоследствии из дел и слов Своих явился тем, чем был. Потому-то и Петр вначале употребляет такой же образ речи. Это была первая всенародная проповедь его к иудеям. И так как они еще не в состоянии были ясно познать божество Его, то апостол обращает к ним слово о воплощении, чтобы слух их, приобученный этим словом, предрасположен был и к прочему учению. Если захочет кто прочитать всю проповедь апостола от начала, для того весьма ясно будет то, что я говорю. Апостол Петр также и мужем называет Его, и пространно рассуждает о Его страдании, воскресении и рождении по плоти. И Павел, когда говорит: *бывшем от семене Давидова по плоти* (Рим. I, 3), не иное что внушает нам, а именно то, что слово: *сотвори* употреблено в отношении к воплощению, как и мы исповедуем. Напротив, сын громов говорит нам ныне о бытии неизреченном и предвечном; потому, оставив слово – *сотвори,* Он поставил: *бе;* тогда как, если бы Сын Божий был создан,

это-то особенно и нужно было бы с точностью показать. Если Павел опасался, как бы кто-нибудь из неразумных не предположил, что Сын больше Отца, и что Родивший некогда покорится Ему, почему и говорил в послании к коринфянам: *внегда же рещи, яко вся покорена суть ему, яве, яко разве покоршаго Ему вся* (1 Кор. XV, 27), — хотя кто мог бы подумать, что Отец когда-нибудь подчинится Сыну, наравне со всеми тварями? — если Павел опасался таких безрассудных мнений, и потому сказал: *разве покоршаго Ему вся,* то гораздо более надлежало Иоанну, если бы Сын Божий был сотворен, опасаться, чтобы кто-нибудь не признал Его несотворенным, и это-то прежде всего надлежало ему изъяснить. Но теперь, так как Сын рожден, то и справедливо ни Иоанн, ни другой какой-либо апостол, или пророк, не сказали, что Он сотворен. Да и сам Единородный не преминул бы сказать об этом, если бы это было так. Тот, кто по снисхождению так смиренно говорил о Себе, тем более не умолчал бы об этом. Я считаю не невероятным, что Он скорее умолчал бы о Своем величии, которое имел, нежели, не имея его, оставил бы без замечания, что Он не имеет этого величия. То было благовидное побуждение к умолчанию — желание научить людей смиренномудрию, и поэтому Он умалчивал о том, что великого принадлежит Ему. А здесь ты не можешь указать никакого справедливого предлога к умолчанию. Если бы Он был создан, для чего было бы Ему умалчивать о Своем происхождении, когда Он не упоминал о многом таком, что действительно принадлежало Ему? Тот, кто для научения смиренномудрию часто говорил о Себе уничижение, и приписывал Себе то, что на самом деле не свойственно Ему, Тот, говорю, если бы был создан, гораздо более не преминул бы сказать об этом. Или ты не видишь, как Он сам все с той целью, чтобы никто не признавал Его *нерожден-*

ным, и говорит и делает, даже говорит о Себе по-видимому несообразно с Своим достоинством и существом, и нисходит до смирения пророка? Изречение: *яко же слышу, сужду*, также: *Он ме рече, что реку, и что возглаголю* (Ин. V, 30; XII, 49) и тому подобные свойственны только пророкам. Итак, если, желая отстранить такое предположение, Он не обинуясь говорил о Себе столь смиренные слова, то тем более Он говорил бы подобным образом, если бы был создан, чтобы кто-нибудь не признал Его несозданным, — например: «не думайте, что Я рожден от Отца; Я сотворен, а не рожден, и — не одного с Ним существа». Но Он делает все напротив. Он употребляет такие выражения, которые невольно, даже не желающих того, заставляют принять противное мнение. Так, Он говорит: *яко аз в Отце, и Отец во Мне,* (Ин. XIV, 10); также: *толико время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе: видевый Мене виде Отца* (ст. 9); или: *да еси чтут Сына, якоже чтут Отца* (Ин. V, 23); *якоже Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет, живит* (ст. 21); *Отец мой доселе делает, и Аз делаю* (ст. 17); *якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца. Аз и Отец едино есма* (Ин. X, 15, 30). Везде употребляя выражение: *якоже* и: *тако,* показывает, что Он *едино* с Отцем и что имеет нераздельное с Ним существо. А силу власти Своей Он обнаруживает как в этих же изречениях, так и во многих других, — так, например, когда говорит: *молчи, престани; хощу, очистися; тебе глаголю, бесе глухий и немый, изыди из него;* также: *слышасте, яко речено бысть древним: не убиеши; Аз же глаголю вами: яко гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть* (Мк. IV, 39; Мф. VIII, 3; Мк. IX, 55). И все другое подобное, что Он законополагает и чудотворит, достаточно доказывает власти Его; а лучше сказать, и самая малейшая часть того может вразумить и убедить людей, не совсем бесчувственных.

5. Но таков дух тщеславия, что оно ослепляет разум увлекаемых им людей, даже в отношении к самым очевидным предметам, побуждает противоречить даже признанным истинам; а других, и очень хорошо разумеющих истину и уверенных в ней, заставляет лицемерно противостоять ей. Так было и с иудеями. Не по неведению отвергали они Сына Божия, а для того, чтобы получить честь от народа. *Вероваша,* сказано, *в Него, но бояхуся, да не из сонмищ изгнани будут* (Ин. XII, 42), и из угождения другим жертвовали собственным спасением. Да и невозможно, невозможно тому, кто так раболепствует временной славе, получить славу от Бога. Поэтому-то Христос и укорял иудеев, говоря: *како можете веровати, славу от человек приемлюще, и яже от Бога, не ищуще?* (Ин. V, 44). Это какое-то сильное упоение; объятый этою страстью, человек делается неисправим. Она, отторгая от небес душу своих пленников, пригвождает ее к земле, не позволяет ей воззреть к свету истинному, побуждает постоянно вращаться в тине, приставляя к ним владык, столь сильных, что они владеют ими, даже ничего не приказывая. Тот, кто болеет этою болезнью, хотя бы никто не приказывал ему, добровольно делает все, чем только думает угодить своим владыкам. Для них он одевается и в одежды нарядные, и украшает лицо, заботясь в этом случае не о себе, но об угождении другим, и выводит с собой на площадь провожатых, чтобы заслужить от других удивление, и все, что ни делает, предпринимает единственно для угождения другим. Итак, есть ли болезнь душевная тягостнее этой? Человек нередко бросается в бездну, чтобы только другие удивлялись ему. Приведенные слова Христовы достаточно показывают всю мучительную силу этой страсти: но можно еще познать ее и из следующего. Если ты захочешь спросить кого-нибудь из граждан, делающих большие издержки, для чего они тратят столько золота,

и что значат такие расходы, то ни о чем другом от них не услышишь, так только об угождении толпе. Если же ты опять спросишь их: что же такое толпа? – они ответят: это есть нечто шумное, многомятежное, большею частью глупое, без цели носящееся туда и сюда, подобно волнам моря, составляемое часто из разнообразных и противоположных мнений. Кто имеет у себя такого владыку, не будет ли тот жалок более всякого другого? Впрочем, когда мирские люди прилепляются к нему, это еще не так опасно, хотя действительно опасно. Но когда те, которые говорят, что отреклись от мира, страдают тою же или еще тягчайшей болезнью, то это крайне опасно. У мирских только трата денег, а здесь опасность касается души. Когда правую веру меняют на славу и, чтобы прославиться самим, уничижают Бога, – скажи мне, не составляет ли это высшей степени бессмыслия и безумия?

Другие страсти, хотя заключают в себе большой вред, но по крайней мере приносят и некоторое удовольствие, хотя и временное и короткое. Так корыстолюбец, винолюбец, женолюбец, имеют некоторое удовольствие, хотя и непродолжительное; но обладаемые страстью тщеславия всегда живут жизнью горькою, лишенною всякого удовольствия. Они не достигают того, что так любят, разумею – славы народной; а хотя по-видимому и пользуются ею, на самом же деле не наслаждаются, потому что это вовсе и не слава. Потому и самая страсть эта называется не славою, а тщеславием. И справедливо все древние называли это тщеславием. Она тщетна и не имеет в себе ничего блистательного и славного. Как личины кажутся (снаружи) светлыми и приятными, а внутри пусты, поэтому, хотя и представляются благообразнее телесных (естественных) лиц, однако никогда еще и ни в ком ни возбуждали любви к себе, точно так, или еще более, слава у толпы

прикрывает собою эту неудобоизлечимую и мучительную страсть. Она имеет только снаружи вид светлый, а внутри не только пуста, но и полна бесчестия и жестокого мучения. Откуда же, скажешь, рождается эта безумная и не приносящая никакого удовольствия страсть? Ни откуда более, как только от души низкой и ничтожной. Человек, увлекаемый славою, неспособен мыслить что-либо великое и благородное; он необходимо становится постыдным, низким, бесчестным, ничтожным. Кто ничего не делает для добродетели, а только одно имеет в виду — чтобы понравиться людям, не стоящим никакого внимания, во всяком случае следует погрешительному, блуждающему их мнению, тот может ли стоить чего-нибудь? Заметь же: если бы кто спросил его: как ты сам думаешь о толпе? — без сомнения, он сказал бы, что считает толпу невежественной и бездельною. Что же? Захотел ли бы ты сделаться подобным этой толпе? Если бы и об этом опять кто-нибудь спросил его, то я не думаю, чтобы он пожелал сделаться таким же. Итак не крайне ли смешно искать славы у тех, кому сам никогда не захотел бы сделаться подобным?

6. Если же ты скажешь, что в толпе много людей, и что они составляют одно, то поэтому-то особенно и надобно ее презирать. Если каждый из толпы сам по себе достоин презрения, то, когда таких много, они заслуживают еще большего презрения. Глупость каждого из них, когда они собраны вместе, становится еще большею, увеличиваясь от многочисленности. Поэтому каждого из них порознь конечно можно бы исправить, если бы кто взял на себя это дело, но не легко было бы исправить всех их вместе, — оттого, что безумие их в таком случае увеличивается; они водятся обычаями животных, во всяком случае, следуя один за другим во мнениях. Итак, скажите мне: в такой ли толпе будете вы

искать славы? Нет, прошу и молю. Эта страсть все извратила; она породила любостяжание, зависть, клеветы, наветы. Она вооружает и ожесточает людей, не потерпевших никакой обиды, против тех, которые никакой обиды не сделали. Подверженный этой болезни не знает дружбы, не помнит приязни, нисколько не хочет никого уважить; напротив, все доброе извергши из души, непостоянный, неспособный к любви, против всех вооружается. Сила гнева, хотя и она мучительна и несносна, не постоянно однако возмущает дух, а только в то время, когда его раздражают другие. Напротив, страсть тщеславия — всегда, и нет, так сказать, времени, в которое она могла бы оставить, потому что разум не препятствует ей и не укрощает ее; она всегда остается, и не только побуждает ко грехам, но, если бы мы успели сделать что-нибудь и доброе, она похищает добро из рук. А бывает так, что она не допускает и начать доброго дела. И если Павел лихоимание называет *идолослужением* (Еф. V, 5), то как, по справедливости, назвать матерь его (лихоимания), корень и источник, то есть тщеславие? Нельзя найти и названия, достойного этого зла!

Итак, воспрянем, возлюбленные, отложим эту порочную одежду, разорвем, рассечем ее, сделаемся когда-нибудь свободны истинною свободою, и усвоим себе чувства достоинства, данного нам от Бога. Пренебрежем славой у толпы. Нет ничего столь смешного и унизительного, как эта страсть; ничто столько не преисполнено стыда и бесславия. Всякий может видеть, что желание славы во многих отношениях есть бесславие, и что истинная слава состоит в том, чтобы презирать славу, считать ее за ничто, а все делать и говорить только в угождение Богу. Таким образом сможем мы и награду получить от Того, Кто видит все наши дела в точности, если только будем довольствоваться этим одним

зрителем их. Да и какая нужда нам в других глазах, когда видит наши дела именно Тот, Кто будет и судит их? Как это несообразно: раб, что ни делает, все делает в угождение господину, не ищет ничего более, как только его внимания, не хочет привлекать на свои дела ничьих чужих взоров, хотя бы зрителями тут были и важные люди, но только то одно имеет в виду, чтобы видел его господин; а мы, имея столь великого над собою Господа, ищем других зрителей, которые не могут принести нам никакой пользы, а могут только, своими взглядами, повредить нам и сделать всякий труд наш напрасным. Да не будет этого, умоляю вас! Но от кого мы имеем получить награды, Того будем признавать и зрителем и прославителем наших дел. Не будем ни в чем полагаться на глаза человеческие. А если бы мы захотели достигнуть славы и между людьми, то получим ее тогда, когда будем искать единой славы от Бога. Сказано: *прославляющих Меня прославлю* (1 Пар. II, 30). И как богатством мы тогда особенно обилуем, когда презираем его и ищем богатства только от Бога (потому что сказано: *ищите прежде царствия Божия и сия вся приложатся вам,* (Мф. VI, 33), так — и в отношении к славе. Когда уже безопасны будут для нас и богатство и слава, тогда Бог и подаст нам их в изобилии. Но этот дар бывает безопасен тогда, когда не овладевает нами, не покоряет нас себе, не обладает нами, как рабами, но остается в нашей власти, как у господ и свободных. Для того-то Бог и не позволяет нам любить богатство и славу, чтобы они не овладевали нами. А когда мы достигнем такого совершенства, то Он и подаст нам их с великою щедростью. Кто, скажи мне, славнее Павла, который говорит: *не ищем от человек славы, ни от вас, ни от инех* (1 Сол. II, 6)? Кто счастливее ничего не имеющего и всем владеющего? Когда мы, как я выше сказал, не будем покоряться владычеству их (богатства и сла-

вы), тогда и будем ими обладать, тогда их и получим. Итак, если мы желаем получить славу, будем благать славы. Таким образом, исполнив законы Божии, сможем мы получить и здешние и обетованные блага, благодатью Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

В начале бе Слово, и Слово бе к Богу (Ин. I, 1)

1. Детей, только еще начинающих учиться, учители не подвергают сряду многим трудам, да и в один раз немного занимают их науками, а понемногу, и притом одно и то же часто повторяют им, чтобы удобнее вложить свои уроки в их ум, и чтобы дети, наскучив в самом начале множеством (уроков) и трудностью их для своей памяти, не сделались оттого неспособнее к усвоению преподаваемого, потому что от трудности может произойти в них и некоторое расслабление. Таким же образом желая устроить и свои поучения и облегчить труд для вас, я понемногу беру с этой божественной трапезы и передаю душам вашим. Поэтому я снова коснусь тех же слов Евангелия, не так, чтобы опять говорить одно и то же, а чтобы только присовокупить к сказанному остальное. Итак, возведем же слово к началу. *В начале бе Слово, и Слово бе к Богу*. Когда все прочие евангелисты начинали с воплощения (Матфей говорит: *книга родства Иисуса Христа сына Давидова;* Лука вначале повествует нам о Марии; и Марк подобным же образом излагает сначала повествование о Крестителе), для чего Иоанн только вкратце коснулся этого предмета, притом уже после тех первых слов, сказав: *и Слово плоть бысть* (ст. 14), а все прочее, — Его зачатие, рождение, воспитание, возрастание минуя, вдруг возвещает нам о

Его вечном рождении? Какая тому причина, я и скажу вам теперь. Так как прочие евангелисты большею частью повествовали о человеческом естестве Сына Божия, то должно было опасаться, что бы поэтому самому кто-нибудь из людей, пресмыкающихся по земле, не остановился только на этих одних догматах, что и случилось с Павлом Самосатским*. Итак, возводя склонных к падению людей от такого пресмыкания по земле и привлекая к небу, Иоанн справедливо начинает свое повествование свыше, от бытия предвечного. Тогда как Матфей приступил к повествованию, начав от Ирода царя, Лука – от Тиверия Кесаря, Марк – от крещения Иоаннова, – Евангелист Иоанн, оставив все это, восходит выше всякого времени и века, и там устремляет ум своих слушателей к одному: *в начале, бе*, и не позволяя уму нигде остановиться, не полагает ему предела, как те (евангелисты) – Ирода, Тиверия и Иоанна. Но вместе с этим достойно удивления и то, что как Иоанн, устремившись к возвышеннейшему слову, не оставил однако ж без внимания и воплощения, так и они с особенным тщанием повествуя о воплощении, не умолчали также и о предвечном бытии. И этому так быть должно, потому что один Дух двигал души всех их; а потому они и показали совершенное единомыслие в своем повествовании. Ты же, возлюбленный, когда слышишь *о Слове,* никогда не терпи тех, которые называют Его творением, равно как и тех, которые почитают Его простым словом. Много есть слов божественных, которыми действуют и ангелы, но ни одно из этих слов не есть само Божество, а все это только пророчество и Божие повеление. Так обыкновенно называет Писание законы Божии, повеления и пророчества. Поэтому, и говоря об ангелах, оно присовокупляет: *сильные крепостию, творящии слово Его*

---

* Павел Самосатский, епископ антиохийский, еретик III века.

(Пс. CII, 21). Напротив это Слово (о котором говорит Евангелист Иоанн) есть ипостасное Существо, бесстрастно происшедшее от самого Отца. Это именно, как я и прежде сказал, (Евангелист) изобразил самым наименованием *Слова.* Потому как изречение: *в начале, бе Слово* означает вечность, так и выражение: *сей бе искони к Богу* показывает Его совечность (с Отцем). А чтобы ты, услышав: *в начале бе Слово,* и признав его вечным, не подумал однако же, что жизнь Отца на некоторое расстояние, то есть на большое число веков, предшествует (жизни Сына), и таким образом чтобы ты не положил начала Единородному, (Евангелист) присовокупляет: *искони бе к Богу,* то есть Он также вечен, как сам Отец. Отец никогда не был без Слова; но всегда был *Бог* (Слово) *у Бога* (Отца), в собственной однако же ипостаси. Но как же, скажешь ты, Евангелист говорит, что Слово *в мире бе,* если Оно было действительно у Бога? Подлинно, оно и у Бога было, и в мире было: никаким местом не ограничивается как Отец, так и Сын. *Если величию Его несть конца, и разуму Его несть числа* (Пс. CXLVI, 5), то ясно, что существо Его не имеет никакого временного начала. Ты слышал, что *в начале сотвори Бог небо и землю?* Что ты думаешь об этом начале? Без сомнения то, что небо и земля произошли прежде всех видимых творений. Так когда слышишь о Единородном, что Он *в начале бе,* разумей бытие Его прежде всего мыслимого и прежде веков. Если же кто скажет: как возможно Сыну не быть по времени после Отца? происшедший от коголибо необходимо должен быть после того, от кого произошел, — отвечаем, что таковы только человеческие рассуждения, и тот, кто предлагает такой вопрос, будет пожалуй давать еще более нелепые вопросы. Но этого не должно бы допускать даже до слуха. У нас ныне слово о Боге, а не о естестве человеческом, подчиненном порядку и необходимости подобных умствований. Впро-

чем, для совершенного удовлетворения людей более слабых, будем и на это отвечать.

2. Скажи мне: сияние солнца из самого ли естества солнечного истекает, или из чего иного? Всякий, имеющий неповрежденные чувства, необходимо признает, что сияние происходит от самого естества солнца. Но, хотя сияние исходит от самого солнца, однако же мы никогда не можем сказать, что оно существует после солнечного естества, потому что и солнце никогда не является без сияния. Итак, если и в видимых и чувственных телах то, что происходит от чего-нибудь другого, не всегда после того существует, от чего происходит, то почему ты не веришь этому в рассуждении невидимого и неизреченного естества? И здесь то же самое, только так, как сообразно это вечному существу. Поэтому и Павел назвал Сына сиянием славы Отчей (см.: Евр. I, 3), изображая этим и то, что Он рождается от Отца, и то, что Сын совечен Отцу. Скажи же мне: все века и всякое пространство времени не через Сына ли произошли? И это необходимо должен признать всякий, кто не потерял еще ума. Итак, нет никакого расстояния (времени) между Отцом и Сыном; а если нет, то Сын не после Отца существует, но совечен Ему. Выражения: *прежде* и: *после* обозначают понятия времени. Без века или времени никто не мог бы и представить себе таких понятий. А Бог выше времен и веков. Если же, несмотря на то, ты будешь утверждать, что Сын получил начало, то смотри, как бы через такие умозаключения не дошел ты до необходимости и самого Отца подвести под какое-либо начало, под начало хотя первейшее, но все же — начало. Скажи мне: приписывая Сыну какой бы то ни было предел или начало, и от этого начала восходя еще выше, не говоришь ли ты, что Отец существует прежде Сына? Очевидно так. Скажи же далее: насколько прежде Отец существует? Малое

или великое расстояние здесь ты укажешь, во всяком случае ты подведешь Отца под начало. Очевидно, что, назвав это расстояние великим или малым, ты будешь таким образом измерять его, но измерять нельзя, если с той и другой стороны нет начала. Итак, для этого, сколько от тебя зависит, ты даешь начало и Отцу; и следовательно, по вашему рассуждению, не будет уже безначальным и Отец. Видишь ли, как истинно сказанное Спасителем, и как слово Его везде являет свою силу? Какое это слово? *Иже не чтит Сына, не чтит и Отца* (Ин. V, 23). Знаю, что для многих сказанное непонятно; потому мы во многих случаях и остерегаемся вдаваться в подобные умозаключения, так как простой народ не может следить за ними, а если бы и стал следить, — не удерживает из них ничего с твердостью и точностью. *Помышления бо смертных боязлива и погрешительна умышления их* (Прем. IX, 14). Между тем я охотно спросил бы противников наших и о том, что значит сказанное у пророка: *прежде Мене не бысть ин Бог, и по Мне не будет* (Ис. XLIII, 10). Если Сын после Отца существует, то как же сказано: *и по мне не будет?* Или уже вы будете отвергать и самое существо Единородного? А необходимо или наконец на это дерзнуть, или допустить единое Божество в собственной ипостаси Отца и Сына. Также, каким образом истинно то, что *вся тем быша?* Если был век прежде Его, то каким образом существовавшее прежде Него могло бы произойти через Него? Видите ли, до какой дерзости доводит их умствование, после того, как однажды поколебали они истину? Почему же не сказал Евангелист, что Сын произошел *из не сущаго**, как изъясняет это Павел о всех тварях, говоря: *нарицая не сущая, яко сущая* (Рим. IV, 17), а говорит: *в начале бе?* Последнее же выражение противоположно первому. Но

* Так говорили ариане о Сыне Божием.

оно весьма справедливо: Бог не происходит ни от чего и не имеет ничего первее Себя. Скажи же мне еще: не признаешь ли ты, что Творец несравненно превосходнее своих тварей? Но, если бы Он был подобен им — тем, что происходил бы из несущего, то где же было бы Его несравненное превосходство? А что значит изречение: *Аз первый, и Аз по сих, и прежде Мене не бысть ин Бог* (Исх. XLI, 4)? Если Сын не одного и того же существа с Отцем, то Он есть иной Бог; если Он не совечен (Отцу), то после Него; и если произошел не из существа Его, то очевидно — сотворен. Если же возразят, что это сказано для отличия (Бога) от идолов, то не должны ли согласиться, что здесь для отличия от идолов говорится о едином истинном Боге? А если это в самом деле сказано для отличия от идолов, то как же ты изъяснишь все это изречение: *по Мне, не будет ин Бог?* Не Сына отвергая, говорит так слово Божие, а выражая только то, что кроме Бога (истинного) нет бога — идольского; но не то, что нет Сына. Хорошо, скажет кто-либо, но не должно ли поэтому и слова: *прежде Мене не бысть ин Бог* понимать так, что не было бога идольского, что следовательно Сын был прежде Отца? Но какой демон мог бы сказать это? Я думаю, что и сам диавол не скажет этого. С другой стороны, если Сын не совечен Отцу, то почему ты называешь бытие Его беспредельным? Если Он имеет начало исперва, то хотя бы Он был бессмертен, Он не может еще быть беспредельным. Беспредельное должно быть без пределов с той и другой стороны. Изъясняя это, и Павел говорит: *ни начала днем, ни животу конца имея* (Евр. VII, 3), и таким образом выражает и безначальность и бесконечность, то есть, как в том, так и в другом отношении Он не имеет предела; как нет конца, так нет и начала.

3. Далее: каким образом, если Сын есть *живот,* могло быть когда-нибудь время, в которое Он не

был?* Если Он есть *живот*, как Он и действительно есть, то все согласятся, что жизнь должна существовать всегда, быть безначальною и бесконечною. Если же было время, когда Его не было, то каким бы образом Он был жизнью других существ, не будучи некогда сам жизнью? Но как же, скажет кто-либо, Евангелист Иоанн сам полагает Ему начало, когда говорит: *в начале бе*. А для чего, я скажу, ты обратил внимание на выражения: *в начале*, и: *бе*, а не помыслишь об изречении — *Слово бе?* Что же? Когда пророк говорит об Отце: *от века и до века ты еси* (Пс. LXXXIX, 3), то ужели Он таким выражением полагает Ему пределы? Никак; он выражает вечность. Так рассуждай и здесь. Евангелист, говоря так о Сыне, не полагает Ему предела. Он и не сказал о Сыне: имел начало, но — *в начале бе*, через это *бе* внушая мысль о безначальном бытии Сына. Но вот, скажет еще кто-либо, об Отце сказано с приложением члена, а о Сыне — без члена**. Что же? Когда апостол говорит: *великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*, и также: *сый над всеми Бог*, то вот здесь он упоминает о Сыне без члена. Но он делает это и в отношении к Отцу. В послании к Филиппийцам он так говорит: *иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу**** (II, 6). Также в послании к Римлянам: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (Рим. I, 7). А с другой стороны и излишне было прибавлять здесь член, потому что выше он был часто прилагаем к слову: *Бог*. Как об Отце говоря, Евангелист выражает: *Дух есть Бог* (Ин. IV, 24), и мы не отвергаем бестелесности в Боге

---

* Здесь святой Златоуст имеет в виду выражение ариан о Сыне Божием: было, когда Его не было

** В подлинном тексте Евангелия первое относится к Отцу; а последнее к Сыну. Ариане и аномеи отсюда делали возражение, что Сын не имеет единого божеского естества с Отцом.

*** Здесь имя Бога двукратно повторяется без члена.

потому, что к слову *Дух* не приложено члена, так и здесь, хотя при выражении о Сыне не употреблено члена, однако ж Сын поэтому не есть Бог меньший. Почему так? Потому что, повторяя слова: *Бог* и: *Бог*, Евангелист не показывает нам никакого разделения в Божестве; а даже напротив, сказав прежде — *Бог бе, Слово,* он, чтобы кто-нибудь не почел божество Сына меньшим, тотчас присовокупляет и доказательство истинного Его божества, приписывает Ему вечность: сей *бе*, говорит, *искони, к Богу*, и — творческую силу: *вся тем быша и без него ничтоже бысть, еже бысть.* Это самое и Отец везде через пророков поставляет преимущественным доказательством своего (божеского) существа. И пророки часто употребляют этот вид доказательства, и не просто только, но и вооружаясь против чествования идолов. *Бози,* сказано, *иже небо и землю не сотвориша, да погибнут* (Иер. X, 11). И в другом месте: *Аз рукою моею простерх небо* (Ис. XLV, 12); и во всяком случае Он представляет это, как признак божественности. Но Евангелист не довольствуется и этими изречениями, а называет еще Его *животом* и *светом.* Итак, если Он всегда был с Отцом, если сам все произвел, устроил и содержит (это выражается словом — *живот),* если Он все просвещает, то кто столько безумен, что скажет, будто Евангелист хотел в этих изречениях показать меньшую степень божества Его, тогда как ими-то особенно и можно доказать равенство и нераздельность Его (с Отцем)? Не будем же смешивать твари с Творцем, чтобы и нам не услышать слов: *почтоша и послужиша твари, паче Творца* (Рим. I, 25). Хотя и говорят некоторые, что это сказано о небесах, но, говоря о них, слово Божие совершенно запрещает служение всякой вообще твари, как дело языческое.

4. Да не подвергнем же себя этой клятве! Для того и пришел (на землю) Сын Божий, чтобы освободить нас от этого служения. Для того Он принял зрак раба, что-

бы избавить нас от этого рабства. Для того и подверг Себя оплеванию, заушению, для того претерпел поносную смерть. Не сделаем же всего этого бесплодным (для нас), не будем возвращаться на прежнее, лучше же сказать – еще гораздо тягчайшее нечестие. Не все равно – твари служить, и самого Творца низводить до ничтожества твари, сколько по крайней мере это зависит от нас, так как сам Он пребывает всегда таким, каков есть, по сказанному: *ты же тойжде еси, и лета твоя не оскудеют* (Пс. CI, 28). Будем же прославлять Его, по преданию Отцов; будем прославлять Его и верою и делами. Нет никакой пользы для нашего спасения от правых догматов, когда наша жизнь развращена. Потому направим ее к благоугождению Богу, удаляя себя от всякой нечистоты, несправедливости, любостяжания, как странники и пришельцы, и чуждые (всему) здешнему. А если кто имеет много денег и стяжания, пусть пользуется ими, как странник, который спустя немного времени волею или неволею должен оставить их. Если кто терпит обиду от кого-нибудь, пусть не вечно гневается, а лучше пусть не гневается и временно. Апостол не позволяет нам продолжать гнева более одного дня. *Солнце*, говорит он, *да не зайдет во гневе вашем* (Еф. IV, 26). И справедливо: надобно желать, чтобы и в такое короткое время не случилось ничего неприятного. А если еще и ночь застигнет нас (во гневе), то дело будет для нас еще хуже, потому что от одного воспоминания о нем возродится в нас безмерный огонь, и мы на свободе с большим огорчением для себя будем размышлять о нем. Поэтому-то прежде, нежели к погибели нашей настанет покой ночи и мы возжжем к себе сильнейший огонь, апостол и повелевает предупреждать и отвращать опасность. Страсть гнева сильна, сильнее всякого пламени; потому и нужно с большою поспешностью предупреждать силу огня и не допускать его до воспламенения. А болезнь эта бывает причиною многих зол. Она нисп-

ровергает целые дома, разрывает давнее содружество, в короткое и скорое время производит самые неутешительные случаи. *Устремление бо ярости его,* сказано, *падение ему* (Сир. I, 22). Итак не оставим этого зверя без обуздания, но набросим на него со всех сторон крепкую узду — страх будущего суда. Если тебя оскорбит друг, или огорчит кто-нибудь из ближних — помысли тогда о согрешениях своих против Бога и о том, что своею кротостью в отношении к ним ты умилостивишь для себя более и тот (будущий) суд, — сказано: *оставите, и оставится вам* (Лк. VI, 37), — и гнев тотчас отбежит (от тебя). При этом обрати внимание также и на то, когда ты, будучи приведен в ярость, удерживал себя, и когда был увлечен страстью; сравни то и другое время, — получишь и отсюда значительное исправление. Скажи мне: когда ты хвалишь себя, тогда ли, когда был побежден (гневом), или тогда, когда победил? Не тогда ли именно (когда увлекаемся гневом) мы наиболее обвиняем себя и стыдимся, хотя бы и никто нас не обличал, и приходим к раскаянию в своих словах и делах? А когда преодолеваем гнев, не торжествуем ли тогда и не хвалимся ли, как победители? Победа над гневом состоит не в том, чтобы воздавать за обиду тем же (это не победа, а совершенное поражение), но — в том, чтобы с кротостью переносить оскорбления и поношения. Не делать, а терпеть зло, — вот истинное преимущество. Поэтому не говори во гневе: «вот и я восстану, вот и я нападу на него». Не сопротивляйся и тем, которые убеждают тебя укротить гнев, не говори: «не потерплю, чтобы такой-то насмеялся надо мной». Да он никогда и не насмеется над тобой, разве — когда ты сам на него вооружишься. А если он и тогда посмеется над тобой, то разве только в безумии сделает это. Ты же, побеждая, не ищи славы у безумных, но признавай достаточным для себя иметь славу у людей разумных. Но для чего я вывожу тебя на малое и

ничтожное зрелище, составленное из людей? Воззри тотчас к Богу, и Он тебя восхвалит. А тому, кто от Него прославляется, не должно искать чести от людей. Честь людская нередко находится в зависимости и от приязни людей, и от вражды, и во всяком случае не приносит никакой пользы, Напротив, суд Божий чужд такого настроения и приносит прославляемому от Бога великую пользу. Итак к этой-то славе и будем стремиться.

5. Хочешь ли узнать, какое великое зло — гнев? Стань на площади, когда там ссорятся другие. В себе самом тебе нельзя так видеть это безобразие, потому что разум во гневе помрачается и сознание теряется, как у пьяных. Но когда ты очистишься от этой страсти, тогда наблюдай в других себя самого, так как в это время у тебя рассудок не поврежден. Итак, смотри вот на окружающую толпу, а среди ее на бесчинствующих в раздражении людей, подобно беснующимся. Когда ярость, возгоревшись в груди, восстанет и ожесточится, тогда огнем дышат уста, огонь испускают глаза, все лицо вздувается, руки беспорядочно протягиваются, смешно прыгают ноги и наскакивают на удерживающих. Ничем не отличаются раздраженные от сумасшедших, все делая без сознания, и даже не отличаются от диких ослов, когда те бьют и кусают друг друга. Поистине, безобразен человек раздраженный. Потом, когда после этого столь смешного зрелища, они возвратятся домой и придут в себя самих, то возымеют еще большую скорбь и страх, представляя себе, кто присутствовал при их ссоре. Как безумные, прежде не видя присутствующих, потом, когда приходят в сознание, рассуждают, друзья ли были зрителями их, или враги и неприятели. Равно боятся они тех и других: первых — потому, что они будут укорять их и увеличат стыд; а вторых — потому, что они будут радоваться о их посрамлении. А если им случилось еще нанести друг другу раны, тогда тягчайший бывает страх, что-

бы не случилось чего-нибудь еще хуже с раненым, чтобы например болезнь от ран не принесла ему смерти, или чтобы поднявшаяся неисцелимая опухоль не подвергла его жизнь опасности. «И что мне была за надобность ссориться? Что за брань и ссоры? Пропадай они совсем». И вот они проклинают все те случайные обстоятельства, которые послужили поводом к ссоре. А глупейшие из них обвиняют в происшествии и лукавых демонов и злой час.

Но не от злого часа это происходит, потому что и не бывает никогда злого часа, и не от злого демона это происходит, а от злобы увлеченных гневом. Они-то сами и демонов привлекают и всякое зло на себя наводят. Но сердце, скажет кто-нибудь, от оскорблений возмущается и терзается. Знаю это и я. Поэтому-то и превозношу тех, которые укрощают этого ужасного зверя. Если желаем, то можем отразить от себя эту страсть. Почему мы не подвергаемся этой страсти, когда укоряют нас начальствующие? Не потому ли, что в нас (при этом случае) возникает страх, равносильный этой страсти, который поражает нас и не допускает даже зародиться в нас гневу? Почему и рабы, получая от нас тысячи укоризн, все это переносят в молчании? Но потому ли, что и на них наложены те же узы? Так и ты помысли о страхе Божием, о том, что сам Бог тогда уничижает тебя, повелевая тебе молчать, и ты все будешь переносить кротко. Скажи нападающему на тебя: что я могу тебе сделать? Некто иной удерживает мою руку и язык мой. И эта мысль побудит и тебя и его к благоразумию. Иногда из-за людей мы терпим даже несносные обиды, и говорим оскорбителям нашим: не ты, а такой-то оскорбил меня. К Богу ли не будем иметь даже и такого благоговения? Какое же будет для нас оправдание? Итак, скажем нашей душе: Бог нас уничижает ныне, — Бог, удерживающий наши руки; не будем

же храбриться, и да не будет для нас Бог менее людей досточтим. Вы ужасаетесь этих слов? Но я желаю, чтобы вы страшились не слов только, но и дел. Бог повелел нам не только терпеть, когда нас заушают, но и быть готовыми переносить что-нибудь и хуже того. А мы напротив с таким усилием сопротивляемся, что не только не бываем готовы на злострадания, но и стараемся мстить за себя, а часто даже первые поднимаем неправедные руки; считаем себя униженными, если не воздадим тем же. Странно, что мы считаем себя победителями, тогда как терпим крайнее поражение и бываем повержены долу; получая бесчисленные удары от диавола, думаем, что мы его преодолеваем. Итак познаем, прошу вас, этот род победы, и будем побеждать таким образом. Злострадать значит быть увенчанным. Если мы хотим быть прославлены от Бога, будем соблюдать те обычаи мирских подвигов, а закон, данный от Бога для подвигов духовных; будем все переносить с долготерпением. Таким образом мы победим и препирающихся с вами, и все, что есть в мире этом, и обетованные блага получим, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

Вся тем быша, и без него ничтоже бысть, еже бысть (Ин. I, 3)

1. Моисей, в начале бытописания Ветхого Завета, повествует нам о предметах чувственных и подробно исчисляет их. Сказав: *в начале сотвори, Бог небо и землю,* он потом присовокупляет, что произошел свет, твердь (второе небо), естество звезд, всякого рода животные и

все прочее; не будем останавливаться на каждом творении, чтобы не медлить. А Евангелист Иоанн, все заключив в одном изречении, обнимает им и все видимое, и то, что выше видимого. Оставляя то, что известно его слушателям, а возводя мысль к предметам более возвышенным и обнимая все творчество — вообще, он говорит не о творениях, но о Создателе, Который и произвел все из небытия в бытие. Таким образом Моисей касается только меньшей части создания (так как ничего не сказал нам о силах невидимых), и тем ограничился. А Евангелист, поспешая взойти к самому Творцу, справедливо все прочее минует, и сказанное, равно и умолчанное Моисеем заключает в одно краткое изречение: *вся тем быша*. Но чтобы ты не подумал, что он говорит только о том, что сказано и Моисеем, присовокупляет: *и без него ничтоже бысть, еже бысть*, то есть ничто сотворенное, видимое или умом созерцаемое, не получило бытия иначе, как силою Сына. После слова: *ничтоже* мы не будем ставить точки, как делают еретики. Они, желая доказать, что Дух Святой есть тварь, читают так: *еже бысть, в том живот бе* (ст. 4). Но в таком чтении нет смысла. И во-первых, здесь не кстати было упоминать о Духе; а если Евангелист и хотел упомянуть, то для чего употребил такое неясное выражение о Нем? Да и откуда видно, что это сказано о Духе? А иначе мы, на основании такого изложения слов, можем заключить, что не Дух, а Сын произошел через себя самого. Но остановитесь на этом изречении, чтобы оно не миновало вас. Станем читать так, как они; таким образом нелепость для нас будет еще очевиднее: *еже бысть, в том живот бе.* Они говорят, что здесь *животом* назван Дух. Но, как видно, этот самый *живот* есть вместе и *свет*, потому что Евангелист присовокупляет: *и живот бе свет человеком* (ст. 4). Итак, по их мнению, и *свет человеком* у Евангелиста означает Духа. Что же? Когда Евангелист продолжает:

бысть человек послан от Бога, да свидетельствует о свете (ст. 6, 7), – они уже необходимо должны допустить, что и здесь говорится о Духе. Кто выше назван Словом, тот после именуется и Богом, животом и светом. Живот, говорит Евангелист, было Слово и этот же самый живот был светом. Итак, если Слово было *живот* и Слово же *плоть бысть*, то и живот *плоть бысть*, – и мы видели славу его, славу, как единородного от Отца. Следовательно, как скоро они говорят, что здесь *животом* назван Дух, смотри, какие выходят отсюда нелепости: выходит, что не Сын воплотился, а Дух, и что Дух есть единородный Сын. А если не так, то, избегая этой нелепости, они при своем чтении могут впасть в нелепость еще большую. Если они согласятся, что здесь сказано о Сыне, между тем не поставят наших знаков препинания и не станут читать так, как мы, то должны будут говорить, что Сын произошел сам от себя, – потому что если Слово есть *живот*, а *еже бысть, в том живот бе*, то, вследствие их чтения, Слово произошло от себя и через себя. Далее Евангелист между прочим прибавляет *и видехом славу Его, славу яко единородного от Отца*. Вот, по их чтению, и Дух Святый становится единородным Сыном, потому что все это повествование относится к одному и тому же лицу. Видите ли, как извращается мысль, когда уклоняется от истины, и сколько происходит отсюда нелепостей? Итак, что же? Разве Дух не есть свет, скажешь ты? Конечно – свет; но здесь сказано не о Нем. Так Бог называется духом, то есть бестелесным, но ведь не везде же, где говорится о духе, разумеется Бог. И что удивляешься, если мы это говорим об Отце? Мы и об Утешителе не станем утверждать, что, где только говорится о духе, там непременно разумеется Утешитель. Хотя это и есть наиболее отличительное Его имя, но не везде, где встречается слово: *дух*, надобно разуметь Утешителя. Также и Хри-

стос называется *Божия сила и Божия премудрость;* но не везде, где говорится о силе и премудрости Божией, разумеется Христос. Так и здесь: хотя и Дух просвещает, но теперь Евангелист говорит не о Духе. Впрочем, когда мы и доводим их до таких нелепостей, они, снова усиливаясь противостоять истине и все еще держась своего чтения: *еже бысть, в том живот бе*, объясняют это так, что все сотворенное было – жизнь. Что же? И казнь содомлян, и потоп, и геенна, и тому подобное все это – жизнь? Но мы, говорят они, разумеем создание. Но и то, что нами теперь указано, конечно относится к созданию. Однако ж, чтобы вполне изобличить их, спросим их: скажи мне, дерево – жизнь? Камень – жизнь? Эти бездушные и неподвижные предметы – жизнь? Да и человек – жизнь совершенная? Кто это скажет? Человек – не самобытная жизнь, а только существо, причастное жизни.

2. Но посмотри и здесь, какие опять нелепости. Станем выводить заключения тем же порядком, чтобы дознать все бессмыслие. Таким образом они приписывают Духу то, что никогда нисколько Ему не приличествует. А начав с этого, они уже людям приписывают то, что по их мнению действительно сказано о Духе. Рассмотрим еще это чтение. Тварь тут называется жизнью; следовательно она есть и свет, и о ней-то свидетельствовать приходил Иоанн. Отчего же и сам он – не свет? Сказано: *не бе той свет.* Но ведь он принадлежал к числу тварей? Почему же он – не свет? Каким образом *в мире бе и мир тем бысть?* Тварь ли была в твари и тварь произошла через тварь? Как же *мир его не, позна?* Тварь не познала твари? *Елицы же прияша его, даде им область чадом Божиим быти* (ст. 12). Но довольно уже смеха; я предоставляю вам самим проследовать все эти чудовищные мысли, чтобы не подумали, будто я говорил это просто для забавы, и чтобы не тратить по-пустому вре-

мени. Если те слова сказаны не о Духе (как и действительно не сказаны и как я уже показал), не сказаны и о твари, а несмотря на то, они все еще держатся своего чтения, то наконец отсюда должно выйти еще нелепейшее следствие, — что, как мы уже прежде сказали, Сын произошел сам через Себя. Если *свет истинный* есть Сын, а свет этот есть и *живот*, и живот был в Нем самом, то по их чтению такое заключение необходимо. Итак, оставим его и обратимся к надлежащему чтению и изъяснению. Какое же правильное чтение? Словами: *еже бысть* надобно закончить предыдущую мысль, а затем начать следующие слова: *в том живот бе*. Слова эти значат то же, что и предыдущие: *без него ничтоже бысть, еже бысть*. Из всего, говорит, что только существует, ничто не произошло без Него. Видишь ли, как этим кратким прибавлением Евангелист устраняет все могущие представиться несообразности? Сказав: *без него ничтоже бысть* и присовокупив: *еже бысть*, он таким образом обнял все твари, даже и умопостигаемые, и исключил из них Святого Духа. Такое прибавление и нужно было, чтобы на его слова: *вся тем быша, и без Него ничтоже бысть* кто-либо не сказал: «если все произошло через Него, то через Него же произошел и Дух». Я, говорит он, сказал, что все, что ни сотворено, через Него произошло, невидимое ли то, или бестелесное, или небесное. Поэтому-то не просто я сказал: *все*, а — *все, еже бысть*, то есть все сотворенное. Но Дух не сотворен. Видишь ли, как точно учение? Евангелист только упомянул о сотворении видимых тварей, так как об этом уже прежде учил Моисей; Евангелист уже наставленных в этом предмете людей возводит к высшим созданиям, то есть бестелесным и невидимым, и вовсе исключает из числа их Святого Духа. Подобным образом говорил и Павел, вдохновенный благодатью: *яко тем создана быша всяческая* (Кол. I, 16). Вот и здесь

опять такая же точность, потому что тот же Дух управлял и душою Павла. И вот, чтобы кто не исключил чего-либо сотворенного из создания Божия, – так как есть твари невидимые, – а с другой стороны, чтобы не включил кто в их число Утешителя, Павел, минуя твари чувственные и всем известные, исчисляет создания небесные и говорит: *аще престоли, аще господствия, аще начала, аще власти* (Кол. I, 16). Частица: *аще*, поставленная перед каждым словом, выражает не другое что, как и те слова: *вся тем быша и без него ничтоже бысть, еже бысть*. А если тебе кажется, что выражение: *тем* (через Него) как бы уменьшает Его достоинство, то послушай, что говорит Павел: *в начале ты Господи, землю основал еси, и дела руку твоею суть небеса* (Евр. I, 10). Таким образом что сказано у пророка (см.: Пс. CI, 26) об Отце, как Создателе, то Павел говорит о Сыне, изображая Его не иначе, как Творца, а не так, как бы Он имел значение существа только служебного. А если здесь сказано: *тем* (через Него), то это так выражено для того только, чтобы кто-нибудь не сталь почитать Сына нерожденным. Но что в отношении к созданию Ему принадлежит достоинство, нисколько не меньшее Отца, об этом послушай Его самого: *яко же Отец*, говорит Он, *воскрешает мертвыя и живит, такожде и Сын ихже хощет живит* (Ин. V, 21). Итак, если и в Ветхом Завете сказано о Сыне: *в начале, ты, Господи, землю основал еси*, то Его достоинство, как Создателя, очевидно. Если же ты скажешь, что пророк говорил эти слова собственно об Отце, а Павел только приписал Сыну сказанное об Отце, то и таким образом выходит то же самое. Да Павел и не решился бы приписать этого Сыну, если бы не был совершенно уверен в равночестности (Отца и Сына). Было бы крайне дерзновенно принадлежащее естеству, ни с чем несравнимому, относить к естеству меньшему и подчиненному.

3. Но Сын не меньше и не ниже Отца по существу. Поэтому Павел дерзнул сказать о Нем не только вышеуказанные слова, но еще и нечто другое. Выражение: *из него,* которое ты признаешь исключительно достойным одного Отца, Павел употребляет и о Сыне, говоря так: *из него же все тело составы и соузы подаемо и снемлемо, растит возращение Божие* (Кол. II, 19). Но не довольствуется он и этим; а и с другой стороны заключают вам уста, прилагая выражение: *имже* к Отцу, – выражение, которое по твоим словам означает меньшее достоинство: *верен Бог,* говорит он, *имже звани бысте во общение Сына Его* (1 Кор. I, 9). Также: *волею его.* И еще: *яко из того, и тем, и в нем всяческая* (Рим. XI, 36). Но не только о Сыне говорится: *из того,* но и о Духе. Так ангел сказал Иосифу: *не убойся прияти Мариам жены твоея: рождшееся бо в ней от Духа есть свята.* Равным образом и выражение: *о нем,* относящееся к Духу, пророк не отказывается приложить и к Богу (Отцу), говоря так: *о Бозе сотворим силу* (Пс. LIX, 14). И Павел говорил: *моляся, аще убо когда поспешен буду волею Божиею приити к вам* (Рим. I, 10); и ко Христу относит тоже выражение: *о Христе Иисусе.* Таких выражений, безразлично употребляемых, мы можем много и часто находить в Писании, чего не могло бы быть, если бы повсюду не предполагалось одно и тоже существо. Не думай также, что в словах: *вся тем быта* говорится здесь о чудесах: о них повествовали прочие евангелисты. А Иоанн после этих слов присовокупляет: *в мире бе и мир тем бысть* (ст. 10), – мир, а не Дух, потому что Он не есть творение, а выше всякой твари. Но поспешим далее. Сказав о создании: *вся тем быша, и без него ничтоже бысть, еже бысть,* Иоанн прилагает к тому и учение о промысле в следующих словах: *в том живот бе.* А присовокупил эти слова: *в том живот бе* – для того, чтобы никто не сомневался, каким образом все через Него произошло. Как в бездонном источ-

нике сколько ни черпай воды, не уменьшишь источника, так и творческая сила Единородного, сколько бы ни было создано или произведено ею, нисколько от того не уменьшается. Или лучше я употреблю более свойственное этой силе сравнение, именно назову ее светом, как и сам Евангелист говорит далее: *и живот бе свет человеком*. Как свет, хотя бы освещал неисчислимое множество предметов, нисколько оттого не уменьшается в своей светлости, так в Боге, и прежде и после сотворения: сила нисколько не оскудевает, ни мало не умаляется и не ослабевает от многочисленности творения; но, хотя бы надлежало произойти еще тысяче таких миров, хотя бы и бесконечному множеству их, Его сила довлеет на всех, чтобы не только произвести их, но и сохранить после создания. Наименование *жизни*, употребленное здесь, относится не только к созданию, но и к промышлению о сохранении созданного. Кроме того, говоря о жизни, Евангелист полагает основание учению о воскресении и предначинает то дивное благовестие, что, с пришествием к нам жизни, разрушена держава смерти, что по озарении нас светом, уж нет тьмы, а всегда пребывает в нас жизнь, и смерть уже не может преодолевать ее. Итак вполне можно сказать и о Сыне то, что сказано об Отце: о *нем живем и движемся и есмы* (Дян. XVII, 25). Это и Павел выражает в следующих словах: *яко тем создана быша всяческая, и всяческая в нем состоятся* (Кол. I, 16, 17). Поэтому Сын называется и корнем и основанием.

Но, когда слышишь, что *в том живот бе*, не представляй Его себе сложным, потому что впоследствии Он говорит и об Отце: *якоже Отец имать живот в себе, тако даде и Сынови живот имети* (Ин. V, 26). Ты не скажешь по этому поводу об Отце, что Он сложен; не говори же и о Сыне. В другом месте сказано, что *Бог есть свет*

(1 Ин. I, 5), также – что́ *он живет во свете неприступнем* (1 Тим. VI, 12). Но все это говорится не для того, чтобы дать нам понятие о сложности, а чтобы мало-помалу возвести нас на высоту догматов. В самом деле, так как для народа не легко было понять, каким образом Он имеет жизнь сам в Себе, то он и говорил сначала о том, что не так высоко, а потом, научив их, уже возводить к более возвышенным истинам. Тот, кто сказал, что Ему (Отец) *даде живот имети,* сам потом говорит: *Аз есмь жизнь,* и еще: *Аз есмь свет.* А какой это свет? Свет не чувственный, а духовный, просвещающий душу. Так как Христос говорил: *никтоже может приити ко Мне, аще не Отец привлечет его* (Ин. VI, 44), то Евангелист, предваряя эти слова, и сказал, что Он есть тот, который просвещает, чтобы ты, услыша что-либо подобное об Отце, не приписал того только одному Отцу, но и Сыну, – *ибо вся,* говорит Он, *елико, имать Отец мой, моя суть* (Ин. XVI, 15). Итак, Евангелист сперва поучает нас о создании, потом говорит и о духовных благах, дарованных нам с пришествием Спасителя, и означает их одним словом: *живот бе свет человеком.* Не сказал: *бе свет* иудеям, но – всем людям, потому что не иудеи только, а и язычники получили познание о Нем, и свет этот прилагается в общение всем. Но почему Евангелист не присоединил сюда и ангелов, а сказал только о людях? Потому, что у Евангелиста теперь слово о роде человеческом, и потому, что Спаситель к нему пришел благовествовать благая. *И свет во тме светится* (ст. 5). Тьмою здесь называет и смерть и заблуждение. Свет чувственный сияет не во тьме, а когда нет тьмы; но проповедь евангельская светила среди мрака заблуждения, все облегавшего, и рассеивала его. Свет этот проник и в самую смерть и победил ее, так что уже одержимых смертно избавил от нее. Итак, поелику ни

смерть, ни заблуждение не преодолели этого света, но он всюду блистает и светит собственною силою, то Евангелист и говорит: *и тма его не объят.* Да он и неодолим и не любит обитать в душах, не желающих просвещевая.

4. Но, если он не всех объемлет, ты не должен этим смущаться. Бог приближается к нам не с принуждением, не против нашей воли, но по нашему желанию и благорасположению. Не заключай дверей для этого света – и получишь много наслаждения. А приходит к нам этот свет посредством веры и, пришедши, в обилии просвещает того, кто приемлет его. И если ты представишь ему чистую жизнь, он постоянно будет обитать в тебе. *Любяй Мя, заповеди моя соблюдет,* говорит Спаситель, *и приидем к нему* (Я и Отец мой) *и обитель у него сотворим* (Ин. XIV, 24). Как никто не может пользоваться светом солнечным, не открывая глаз, так никто не может участвовать в этом просвещении, не отверзая вполне очей души и не изощрив их во всех отношениях. А как это можно сделать? Очищая душу от всякой страсти. Грех есть тьма и тьма глубокая; и это видно из того, что он совершается безрассудно и тайно. *Всяк бо, делаяй злая, ненавидит света и не приходит к свету* (Ин. III, 20). *А бываемая отай срамно есть и глаголати* (Еф. V, 12). Как во тьме мы не распознаем ни друга, ни врага и вовсе не узнаем свойства вещей, так – и в грехе. Человек любостяжательный не отличает друга от врага; завистник и на человека самого благорасположенного к нему смотрит, как на врага; наветник одинаково вооружен против всех, – словом: всяк, делающий грех, ничем не отличается от людей, упивающихся и беснующихся, в том отношении, что не распознает свойства предметов. И как ночью на наши глаза – все равно: дерево ли, или свинец, желе-

зо, серебро, или золото, или драгоценный камень, потому что для различения этих предметов недостает света, так человек, ведущий нечистую жизнь, не постигает ни доблести целомудрия, ни красоты любомудрия. Ведь во тьме, как я сказал, и драгоценные камни не обнаруживают своей красоты, не сами по себе, но по незнанию тех, кто смотрит. Но не эта одна беда постигает нас, когда мы живем во грехах; мы живем тогда еще и в постоянном страхе. Как находящиеся в пути в безлунную ночь чувствуют страх, хотя бы и ничего страшного не было, так и грешники не могут иметь дерзновения, хотя бы и никто не обличал их; но, чувствуя угрызения совести, они всего боятся, все подозревают, все на них наводит страх и ужас, на все озираются с боязнью, всего трепещут. Будем же убегать такой мучительной жизни. А за такою мукою еще последует смерть, смерть бессмертная; тогда не будет и конца наказанию. Здесь же ничем не отличаются от умопомешанных те, которые, как бы во сне, представляют себе вещи небывалые. Так воображают себя богатыми, не будучи богатыми; думают раскошествовать, не имея никакого удовольствия; и не прежде они узнают, как должно, такое заблуждение, пока не освободятся от умопомешательства, или пока не отрясут с себя сна. Поэтому-то Павел заповедует всем трезвиться и бодрствовать; тоже повелевает и Христос. Кто трезвится и бодрствует, тот, хотя бы увлекся грехом, немедленно отражает его; а кто спит или безумствует, тот и не чувствует, какую власть имеет над ним грех. Не будем же спать. Теперь не ночь, а день; потому *якоже во дни, благообразно да ходит* (Рим. XIII, 13). Ничего нет постыднее греха. В этом отношении не так худо в наготе ходить, как во грехах и преступлениях. Нагота еще не такое преступление, — нередко она происходит

и от нищеты; но ничего нет постыднее и презреннее греха. Представим себе тех, которых ведут в судилище за кражу и подлог: какой срам и смех покрывает их, как людей бесстыдных, лживых и наглых! Нам неприятно и тяжко терпеть, чтобы верхняя одежда была надета на нас небрежно или навыворот; даже когда и на других увидим это, то исправляем; а когда все мы и ближние наши ходим на головах, то не замечаем этого. Скажи мне, что может быть постыднее, как мужчине входить к распутной женщине? Кто заслуживает более осмеяния, чем человек сварливый, склонный к злословию и завистливый? Отчего же все это кажется не так стыдно, как ходить в наготе? Только от привычки. Этого никто никогда не дозволял себе по доброй воле; а на грехи осмеливаются всегда все, без всякого страха. Конечно, если бы кто вошел в сонм ангелов, в котором никогда ничего такого не бывало, то увидел бы, как это достойно посмеяния. Но что я говорю о сонме ангелов? Если бы кто в царских чертогах, введши блудницу, воспользовался ею, или упился вином, или дозволил себе другой какой-либо бесчестный поступок, такой подвергся бы самому строгому наказанию. Если же в царских чертогах не терпимы подобные дерзости, тем более мы должны подвергнуться крайнему наказанию, если осмеливаемся на такие дела в присутствии Царя вездесущего и всевидящего. Поэтому, умоляю, покажем в образе жизни нашей скромность и чистоту. Мы имеем Царя, Который непрестанно зрит все дела наши. А чтобы нас озарял всегда в обилии высший свет, будем привлекать к себе его луч. Тогда мы будем наслаждаться и настоящими и будущими благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

Бысть человек послан от Бога, имя ему Иоанн (Ин. I, 6)

1. Евангелист, вначале сказав нам о Боге Слове то, что было особенно нужно, далее последовательно и по порядку переходит к соименному с ним проповеднику Слова, Иоанну. А ты, слыша, что он послан был от Бога, не принимай его слов за человеческие. Все он вещал не от себя, но от Пославшего его. Поэтому называется он и ангелом (вестником), так как дело вестника – ничего не говорить от себя. Слово: *бысть* означает здесь не происхождение его, а именно его послание. *Бысть послан от Бога*, то есть его Бог послал. Как же говорят, что слова: *во образе Божии сый* (Флп. II, 6) не выражают равенства Сына со Отцем, потому что (к слову: *Бог)* не приложен член? Вот и здесь *(бысть человек послан от Бога)* совсем нет члена. Между тем, разве здесь речь не об Отце? А что сказать о словах пророка: се *аз послю ангела моего пред лицем твоим, иже уготовит путь твой* (Мал. III, I)? Слова: *мой* и *твой* указывают на два лица. *Сей прииде во свидетельство, да свидетельствует о свете* (Ин. I, 7). Что же, скажет кто-нибудь, раб свидетельствует о Господе? Но не будешь ли ты еще более изумляться и недоумевать, когда увидишь, что Господь не только получает свидетельство от раба, но и приходит к нему и вместе с иудеями принимает крещение от него? Однако не смущаться и колебаться мыслью, а изумляться должно Его неизглаголанной благости. Если же кто остается в недоумении и смущении, то Господь и ему скажет тоже, что сказал Иоанну: *остави ныть, тако бо подобаешъ нам исполнити всяку правду* (Мф. III, 15). А кто и после этого стал бы смущаться, тому Он скажет тоже, что сказал иудеям: *не от человека*

свидетельство приемлю (Ин. V, 34). Но если Он не имеет нужды в таком свидетельстве, для чего же послан был от Бога Иоанн? Не для того, что он имел нужду в его свидетельстве (говорить это было бы крайним богохульством). А для чего? Это изъясняет нам Евангелист, когда говорит: *да вси веру имут ему* (там же, I, 7). А если сам Христос говорит: *не от человека свидетельство приемлю,* то да не подумают несмысленные, что Он сам Себе противоречит, говоря здесь так, а в другом месте — так: *ин есть свидетельствуяй о Мне и вем, яко истинно есть свидетельство его* (Ин. V, 30). В последнем случае он разумел Иоанна, а сказав: *не от человека свидетельство приемлю,* он тотчас присовокупляет и объяснение своим словам, именно: *сия глаголю, да вы спасени будете* (V, 34). Как бы так он говорил: «Я Бог и истинный Сын Божий, единого (со Отцем) бессмертного и блаженного существа, и потому не имею нужды ни в каком свидетеле. Хотя бы и никто не хотел свидетельствовать о Мне, Я оттого в своем естестве нисколько не унижаюсь. А так как спасение людей есть предмет Моего попечения, то Я снизошел до такого самоуничижения, что и человеку предоставляю свидетельствовать о Мне». А от этого, по немощи иудеев, тем легче и доступнее для них могла быть вера в Него. Потому Он как облекся плотью, чтобы, явившись людям в Своем божестве без покрова, не погубить всех их, так и проповедником о Себе послал человека, чтобы слушатели того времени, слыша сродный себе голос, тем легче последовали Ему. А что Сын Божий не имел никакой нужды в свидетельстве Иоанна, для доказательства довольно было бы Ему только явить Себя таким, каков Он есть по Своему существу, и поразить всех ужасом. Но Он этого не сделал, потому что, как я уже сказал, Он всех таким образом уничтожил бы, так как никто не был бы в состоянии вынести приражения этого неприступного света. Поэтому-то,

говорю, Он и плотью облекается и свидетельство о Себе поручает одному из сорабов наших, все устрояя ко спасению людей и имея в виду не Свое только достоинство, но и благоприемлемость и пользу Своих слушателей. Это Он выразил и сам, когда сказал: *сия глаголю, да вы спасени будете.* И Евангелист, повторяя изречение Господа, после слов: *да свидетельствует о свете* присовокупляет: *да вси веру имут ему.* Как бы так он говорил: не думай, что Иоанн Креститель пришел свидетельствовать для того, чтобы придать достоверность учению Господа; нет; а для того, чтобы единоплеменники его уверовали через него. Что Евангелист именно спешил предотвратить такую мысль, это видно из последующих слов, которые он присовокупляет: *не бе той свет* (ст. 8). А если бы он прибавил это не для устранения такой мысли, тогда это было бы только излишним распространением слов и скорее было бы тождесловие, чем изъяснение учения. В самом деле, сказав, что Иоанн послан был, *да свидетельствует о свете,* для чего еще он говорит: *не бе, той свет?* Не без цели и не напрасно. У нас обыкновенно свидетельствующий бывает больше того, о ком свидетельствует, и нередко признается более достойным доверия. Поэтому-то, чтобы кто не подумал того же и об Иоанне, Евангелист тотчас, с самого же начала, уничтожает эту мысль и, исторгая ее с корнем, показывает, кто этот свидетельствующий, и кто Тот, о Ком он свидетельствует, и какое различие находится между тем и другим. Сделав это и показав несравнимое превосходство последнего перед первым, Евангелист уже без опасения переходит к последующему сказанию; и если что нелепого было в мыслях людей неразумных все то тщательно устранив, он уже без всякого затруднения и беспрепятственно приступает к продолжению слова. Итак будем молиться, чтобы, при откровении таких высоких истин, при учении правом, и жизнь наша была чиста и

поведение безукоризненно, так как не приносит нам пользы учение, когда у нас нет добрых дел. Если бы мы имели и всецелую веру и разумение Писаний, но если мы не будем иметь доброго направления в жизни, то ничто не спасет нас от геенского огня и пламени неугасимого в вечности. Как люди, делающие добрые дела, воскреснут в жизнь вечную, так люди, дерзающие на дела злые, воскреснут для наказания вечного и бесконечного. Поэтому все попечение приложим к тому, чтобы в худых делах не погубить плодов правой веры, но по доброй жизни с дерзновением созерцать Христа, — а выше этого блаженства ничего не может быть, — чего и да сможем достигнуть, делая все во славу Бога, Которому слава, с Единородным Сыном и Святым Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Бе свет истинный, иже просвещает всякого человека, грядущего в мир (Ин. I, 9)

1. Мы питаем вас, чада возлюбленные, учением Писаний только по частям, и не все вдруг излагаем, для того, чтобы вы легче могли сохранить предлагаемое вам. .Кто, при построении дома, прежде, чем скреплены первые камни, кладет на них другие, тот возводит стену некрепкую и удоборазрушимую. А кто выжидает, пока одни камни скрепятся известью, и потом уже мало-помалу прибавляет к ним другие, тот строит здание прочное, немаловременное, неразрушимое, крепкое. Таким строителям будем подражать и мы и подобным образом станем созидать ваши души. Я опасаюсь, чтобы, пока первые основания еще не утверждены, приложение дальнейшего учения не повредило и начаткам, так как разум еще не довольно силен, чтобы удержать

все. Что же сегодня прочитано нам? *Бе свет истинный, иже просвещает всякого человека, грядущаго в мир.* Евангелист, говоря выше об Иоанне, заметил, что он пришел, *да свидетельствует о свете,* и что именно в то время он для этого был послан. А чтобы, слыша это, кто-нибудь, по поводу недавнего явления свидетеля, не возымел подобного подозрения и касательно самого свидетельствуемого лица, Евангелист возводит мысль выше и устремляет ее к бытию безначальному, никогда нескончаемому и непрестающему. Но как может, скажешь ты, иметь такое бытие Тот, Кто есть *Сын!* Мы говорим о Боге, а ты спрашиваешь, как это возможно? И ты не страшишься и не ужасаешься? Если бы кто спросил тебя, каким образом наши души, а потом и тела будут жить вечно, ты, конечно, посмеялся бы над таким вопросом, потому что не уму человеческому изведывать такие предметы, а его долг только верить, да и не испытывать того, что сказано, так как достаточным доказательством сказанного служит для него могущество Того, Кто изрек это. И ты спрашиваешь у нас, как это возможно, когда мы говорим, что безначален Тот, Кто создал души и тела, и бесконечно превосходит всякое создание? Кто в полном рассудке и в здравом уме станет говорить это? Ты слышал, что *бе свет истинный.* Зачем же понапрасну усиливаешься обнять своим умом эту жизнь бесконечную? Это невозможно. Для чего исследоваешь неисследимое? Для чего испытуешь непостижимое? Для чего изведываешь недоведомое? Рассмотри самый источник солнечных лучей. Ты не можешь этого сделать, однако ты в этом случае не досадуешь и не скорбишь о своем бессилии. Отчего же ты так смел и опрометчив в предметах гораздо важнейших? Сын громов, Иоанн, возглашающий через духовную трубу, услышав от Духа, что *бе свет,* ничего больше и не испытывал. А ты, не имея его благодати, рассуждая только по своим слабым умоза-

ключениям, — ты усиливаешься переступить даже за черту его ведения? За это ты не сможешь достигнуть и меры его ведения. Таково-то коварство диавола: доверившихся ему он выводит за пределы, положенные для нас Богом, как будто бы мы могли иметь гораздо более (знания). А обольстив нас такими надеждами и лишив благодати Божией, он не только ничего более не сообщает нам (да и как он, диавол, может это?), но и не допускает возвратиться в прежние пределы, в которых мы были безопасны, а всюду заставляет нас блуждать и нигде не дает остановиться. Таким образом он и первозданного человека довел до изгнания из рая. Наделив его надеждою бо́льшего ведения и почести, диавол лишил его и того, чем он прежде спокойно пользовался. Человек не только не соделался равным Богу, как обещал ему диавол, но и подпал под иго смерти; не только через вкушение от древа не получил ничего более, но в надежде бо́льшего ведения утратил не мало и прежнего знания. Он стал стыдиться своей наготы и скрывать ее, тогда как до обольщения он был выше подобного стыда. Даже то, что он стал видеть свою наготу и почувствовал нужду в прикрытии себя одеждою, — эти и другие еще большие скорби были следствиями обольщения. Чтобы не потерпеть и нам того же, будем повиноваться Богу и пребывать в Его заповедях, ничего более не испытуя, иначе мы лишимся уже и дарованных нам благ, как наказаны и эти (еретики). Они, как скоро стали изыскивать начало жизни безначальной, лишились и того, что могли иметь. Не нашли они и того, чего искали; да это и невозможно. А между тем от правой веры в Единородного они отпали. Но мы не будем преступать пределов вечных, которые положили отцы наши, а во всем будем следовать законам Духа и, слыша, что *бе свет истинный*, ничего больше не будем исследовать; да и невозможно никому простираться далее этого изречения.

Если бы Бог рождал подобно человеку, то необходимо было бы какое-либо разделение между рождающим и рождаемым. Но как это рождение неизреченное и только Богу свойственное, то оставь обыкновенные понятия: *прежде* и *после*. Это – выражение времени, а Сын есть творец и всех веков.

2. Следовательно, говорят иные, Бог не отец (Сыну), а брат. Но, скажи мне, какая нужда (в подобном заключении)? Если бы мы говорили, что Отец и Сын имеют бытие разделенное в своем начале, то может быть ты имел бы право говорить так. Но мы избегаем такого нечестия и говорим, что Отец и безначален, и нерожден, а Сын безначален, но рожден от Отца. Какая же надобность из такого учения выводить такое нечестивое заключение? Никакой нет надобности. Сын есть отблеск. А отблеск представляется нераздельно с тем естеством, которого есть отблеск. Поэтому-то и Павел так назвал (Сына) (см.: Евр. I, 3), чтобы мы не предполагали никакого разделения между Отцом и Сыном. Вот что выражается этим наименованием. Таким подобием апостол исправляет нелепые мысли, приходящие в голову людям бессмысленным. Слыша об отблеске, говорит апостол, не думай, что Сын не имеет собственной ипостаси. Мысль такая нечестива и свойственна безумию савеллиан и маркеллиан. Мы учим не так; а говорим, что Он имеет Свою собственную ипостась. Поэтому, назвав Его отблеском, апостол присовокупляет, что Он есть и *образ ипостаси Его* (Отца) (Евр. I, 3), чтобы тем выразить и собственную Его ипостась и единосущие с Тем, Которого есть образ. Нет, как я уже говорил, одного какого-либо достаточного выражения, чтобы передать людям все это учение о Боге. Желательно, по крайней мере, совокупив несколько выражений, из каждого извлечь то, что приличествует. Таким образом мы можем воздать достойное славословие Богу, – до-

стойное говорю то есть, по нашим силам. А если бы кто думал, что может говорить достойно о самом существе божеском, и усиливался доказать, что знает Бога, как Бог знает самого себя, тот-то именно и не имел бы никакого познания о Боге. Зная это, будем твердо держаться того, что предали нам *иже испервa самовидцы и слуги бывшии Словесе*, и больше ничего не будем испытывать. Две опасности угрожают страждущим этой болезнью: одна та, что они напрасно трудятся, отыскивая то, чего нельзя найти; другая – что прогневляют Бога, усиливаясь преступить пределы, Им положенные. А какой это возбуждает гнев в Боге, нет нужды говорить вам, потому что вам всем это известно. Итак, удаляясь от сумасбродства еретиков, будем с трепетом внимать Его словам, чтобы Он всегда охранял нас. *На кого воззрю*, говорит Он, *токмо на кроткого и смиренного, молчаливаго, и трепещущаго словес моих* (Ис. LXVI, 2)? Итак, оставив это гибельное любопытство, станем лучше сокрушаться сердцем, будем оплакивать грехи свои, как заповедал нам Христос. Станем скорбеть о своих преступлениях, возобновим тщательно в памяти все, на что мы отваживались в прошедшее время, и все то постараемся совершенно загладить. К этому Бог открыл нам много путей. *Глаголи ты*, говорит Он, *беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). И в другом месте: *рех: исповем на мя беззаконие мое, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. XXXI, 5). Так, частое воспоминание грехов и обвинение себя в них не мало способствует к уменьшению великости их. Есть и другой путь, еще более верный, когда мы не помним зла ни на ком, кто согрешил против нас, когда прощаем всякому сделанные против нас проступки. Хочешь ли знать еще третий путь? Послушай, что говорит Даниил: *сего ради грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогих* (Дан. IV, 24). Есть и еще, кроме этого,

путь – частое упражнение в молитвах, постоянное прилежание в молениях к Богу. Приносит нам немало утешения и оставления грехов также и пост, когда соединяется с любовью к ближним; он угашает и силу гнева Божия. *Огнь горящий угасит вода и милостынями очищаются грехи* (Сир. III, 30). Итак, будем ходить по всем этим путям. Если будем всегда держаться их и на них обращать свое внимание, то не только очистим прошедшие преступления, но и на будущее время весьма много приобретем для себя пользы, – не дадим диаволу возможности нападать на нас, да и сами не впадем в беспечность житейскую, в это гибельное любопытство. Диавол между прочим и до этого доводит, и потом до этих безрассудных изысканий и вредных словопрений, как скоро замечает, что люди предаются праздности и недеятельности, вовсе не заботясь о добродетельной жизни. Но мы заградим ему этот проход, будем бодрствовать, трезвиться, чтобы, после краткого времени небольших трудов, достигнуть в бесконечные веки бессмертных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Бе свет истинный, иже просвещает всякого человека, грядущего в мир (Ин. I, 9)

1. Ничто не препятствует нам и сегодня снова коснуться этих слов, потому что в прошедший раз изложение догматов не дозволило нам проследить вполне все прочитанное. Где же те, которые говорят, что Сын не есть истинный Бог? Здесь Он называется *истинным светом*, а в другом месте самою *истиною* и самою *жизнию*. Впрочем эти последние слова мы яснее исследуем, ког-

да дойдем до них; а теперь надобно вашей любви сказать о свете. Если он *просвещает всякаго человека, грядущаго в мир,* то отчего столько людей остаются не просвещенными? Оттого конечно, что не все познали веру Христову. Как же он *просвещает всякого человека?* Смотря по приемлемости каждого. Если некоторые, по своей воле смежив очи ума, не хотят принять лучей этого света, то омрачение их происходит не от естества самого света, а от злобы этих людей, добровольно лишающих себя дара. Благодать изливается на всех; она не чужда ни иудея, ни эллина, ни варвара, ни скифа, ни свободного, ни раба, ни мужа, ни жены, ни старца, ни юноши; ко всем одинаково близка и всех равночестно призывает. Но те, которые не хотят воспользоваться этим даром, те по справедливости самим себе должны приписывать такое ослепление. Если тогда, как вход открыт для всех и никто не преграждает его, некоторые по произвольному ожесточению остаются вне, то они гибнут не от чего-либо другого, а от собственной порочности. *В мире бе* (ст. 10), — но не как современный миру; нет. Поэтому (Евангелист) и присовокупляет: *и мир тем бысть* (ст. 10). Через это он опять возводит тебя к предвечному бытию Единородного. Кто слышит, что все есть создание Его, тот хотя бы был вовсе бесчувствен, хотя бы был враг и противник славы Божией, во всяком случае волею или неволею принужден будет признать, что творец существует прежде творений. Потому-то я всегда и дивлюсь безумию Павла Самосатского, — как он дерзал противоречить столь очевидной истине и сам себя добровольно низринул в бездну. Он заблуждался не по неведению, а очень хорошо понимая дело, подвергся одной участи с иудеями. Как иудеи, имея в виду суд людей, оставили здравую веру и, хотя знали, что Иисус есть Единородный Сын Божий, но, ради своих начальников, не исповедовали,

чтобы не быть изгнанными из синагоги, так и Павел Самосатский, как говорят, из угождения какой-то женщине, отрекся от своего спасения. Подлинно, страшно, страшно преобладание тщеславия; оно может ослепить очи и мудрых людей, если они не станут бодрствовать. Если это может сделать мздоимство, тем больше страсть тщеславия, гораздо сильнейшая. Поэтому-то и говорил Христос иудеям: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищете* (Ин. V, 44)? *И мир Его не позна.* Евангелист называет здесь миром множество людей растленных, преданных земным делам, толпу, мятежный и бессмысленный народ. Но други Божии и все дивные мужи познавали Христа еще прежде Его явления во плоти. Именно о праотце сам Христос сказал: *Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день мой: и виде и возрадовася* (Ин. VIII, 56). И о Давиде в обличение иудеев Он говорил: *како убо Давид духом Господа Его нарицает, глаголя: рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене* (Мф. XXII, 43, 44). Много раз, препираясь с ними, Он упоминает и о Моисее (Мф. V, 46); а о прочих пророках – апостол. А что все пророки, начиная от Самуила, познавали Христа и задолго предвозвещали пришествие Его, об этом говорит апостол Петр: *и вси пророцы от Самуила и иже по сих, елицы глаголаша, такожде предвозвестиша дни сия* (Деян. III, 24). Иакову и отцу его, как и деду его, являлся сам Бог, беседовал с ними, обещая даровать им многие и великие блага, что и исполнил на самом деле. Как же, скажешь ты, Он сам говорил: *мнози пророцы восхотеша видети, яже вы видите, и не видеша: и слышати, яже слышате, и не слышаша* (Лк. X, 24)? Как же они знали Его? Конечно знали; и я попытаюсь доказать это из тех же самых слов, из которых некоторые заключают, будто бы пророки не имели познания об Иисусе Христе. Он говорит: *мнози восхотеша видети, яже вы видите;* значит,

они знали, что Он придет к людям и совершит дела, которые и действительно совершил. А если бы не знали этого, то и не восхотели бы видеть, потому что никто не может желать того, чего совсем не знает. Следовательно они знали Сына Божия, знали и то, что Он придет к людям. Но что это такое, чего они не видели и не слышали? То, что ныне вы видите и слышите. Пророки, хотя слышали глас Его и самого Его видели, однако – не во плоти, не в том виде, в каком Он обращался с людьми и открыто беседовал с ними. На это и сам Он ясно указывает, – говорит не просто: они желали *Меня видеть*, а как? Желали *видеть, что вы видите*; не сказал также: желали *Меня слышать*, но: *что вы слышите.* Таким образом, хотя они и не видели Его явления во плоти, однако ж знали, что оно будет, и его желали. Они веровали во Христа, хотя и не видели Его во плоти. Если же язычники, думая укорить нас, спросят: что же делал Христос прежде, когда еще не промышлял о роде человеческом? Почему Он, оставив нас на столь долгое время без попечения, уже в последнее время пришел устроить наше спасение? – мы скажем, что Он еще и прежде того времени был в мире, предустроял дела и ведом был всем достойным. А если вы скажете, что Он был неведом, потому что не все тогда знали Его, а только люди избранные и добродетельные, то на таком основании вы пожалуй допустите, что Он и в настоящее время не имеет поклонения от людей, потому что и ныне еще не все знают Его. Но как в настоящее время никто не может отрицать, что есть люди знающие Его, – потому только, что есть люди не знающие Его, – так нельзя сомневаться в том и по отношению к прежним временам, потому что многие, или лучше сказать, все избранные и дивные мужи знали Его.

2. Но если бы кто спросил: почему тогда не все веровали в Него и не все почитали Его, а только одни

праведные? – то спрошу и я: отчего и в настоящее время не все знают Его? Да что говорить о Христе? Отчего как прежде, так и ныне не все знают и Отца Его? Некоторые говорят, что все (в мире) носится самодвижно; другие попечение о всем приписывают демонам; а есть и такие, которые, кроме истинного Бога, измыслили для себя какого-то другого; из них иные богохульствуют, утверждая, будто есть какая-то противная Богу сила, и еще думают, что законы Божии принадлежат какому-то злому духу. Что же? Ужели потому, что некоторые отвергают Бога, и мы будем говорить тоже, или согласимся, что Он зол, так как некоторые высказывают и это богохульство? Прочь это безрассудство и это крайнее безумие! Если бы мы стали поверять догматы судом этих безумных людей, то и нас самих ничто не удержало бы от крайнего безумия. Конечно никто не скажет, что солнце вредно для глаз, потому что есть больные глазами; напротив, оно светоносно по суду людей здоровых. Никто также не скажет, что мед горек, потому что он кажется таким на вкус больных. Итак не по примеру ли больных некоторые утверждают, что или нет Бога, или что Он зол, что иногда Он промышляет, а иногда вовсе не делает этого? И кто скажет, что они люди здоровые? Напротив, это – люди не исступленные ли, безумные и крайне помешанные? *Мир его не позна,* сказано; однако ж те, которых недостоин был мир, познали Его. Сказав же о непознавших Его, Евангелист вкратце излагает и причину этого неведения; говорит не просто: никто не познал Его, но: *мир Его не позна,* то есть люди, преданные одному миру и только о мирском помышляющие. Так обыкновенно называл их и Христос, как, например, когда говорил: *Отче праведный, и мир Тебе не позна* (Ин. XVII, 25). Но мир, как мы сказали, не познал не только Сына, но и Отца, потому что ничто не приводит в такое расстройство рассудок, как привязанность к

предметам временным. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно, от мира и воздерживайтесь от дел плотских; от них происходит потеря не в случайных, а в самых высших благах. Человек, слишком занятый делами настоящей жизни, не может надлежащим образом усвоить предметов небесных; но по необходимости, заботясь о тех, лишается этих. *Не можете,* сказано, *Богу работати и мамоне* (Лк. XVI, 13). Последуя одному, по необходимости надобно оставить другого. И об этом гласит самый опыт. Те, которые смеются над страстью к богатству, те-то наиболее и любят Бога, как должно. Напротив те, которые высоко ценят богатство, как первое благо, слабейшую имеют любовь к Богу. Душа, будучи однажды пленена любостяжанием, уже не может легко и удобно удерживаться, чтобы не сделать, или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже рабою другого господина, и притом такого, который повелевает ей все противное Богу.

Итак, воспряните и пробудитесь и, размыслив о том, какого Господина мы рабы, возлюбим только Его власть; возрыдаем и оплачем прежнее время, в которое мы работали мамоне; свергнем однажды навсегда ее тяжкое, несносное иго и будем постоянно носить иго Христово, легкое и отрадное; Христос же не повелевает ничего такого, что внушает мамона. Она повелевает быть врагами всем; а Христос – напротив: миловать и любить. Она, привязав нас к праху и пыли (таково – золото), не дает нисколько, даже ночью, вздохнуть свободно; а Христос освобождает нас от этой излишней и неразумной заботы, повелевает собрать сокровища на небесах, не неправдою в отношении к другим, а собственною правдою. Мамона, после стольких трудов и скорбей, не может даже остаться с нами, когда мы *там* будем терпеть наказания и злострадать за исполнение ее внушений; она даже увеличит для нас пламя; а Христос, даже когда по-

велевает дать ближнему чашу холодной воды, не попустит нас и за то лишится награды и возмездия, но воздаст с великою щедростью. Итак не крайне ли безрассудно — пренебрегать столь кроткое и столь великими благами изобилующее владычество, и работать властителю неблагодарному и непризнательному, который ни здесь, ни там не может никакой пользы принести последующим и повинующимся ему? Но не то одно худо, и не то одно вредно, что он не может избавить преданных казни; а и то еще, что он, как я сказал, подвергает бесчисленному множеству зол людей, покоряющихся ему. Весьма многие из тех, которые будут наказаны, будут терпеть наказание именно за то, что служили деньгам, любили золото и не помогали нуждающимся. Чтобы не терпеть и нам того же, будем расточать (свои сокровища), отдавая их бедным; освобождать свою душу и от здешних зловредных попечений и от будущих, за то уготованных, мучений. Приготовим себе оправдание на небесах; вместо стяжаний земных, соберем сокровища неистощаемые, сокровища, которые могут сопутствовать нам на небо, могут защитить нас в опасности и умилостивить тогда Судью. Да будет же ко всем нам Его благоволение и ныне и в тот день, и да насладимся с великим дерзновением благ, какие уготованы на небесах любящим Его, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

Во своя прииде, и свои Его не прияша (Ин. I, 11)

1. Если вы помните прежние наши размышления, то мы с большей охотой будем продолжать назидание, получая отсюда и для себя много пользы. Как скоро вы

запомнили прочитанное, то и для вас вразумительнее будет слово наше, и от нас не много потребуется труда, — потому что вы, при своей любознательности, можете уже глубже вникать в дальнейшее учение. Кто всегда теряет (из памяти) то, что ему преподано, тот всегда будет нуждаться в учителе и никогда не узнает ничего. А кто все принятое хранит и к тому прилагает дальнейшие (наставления), тот скоро из ученика может сделаться учителем и будет полезен не для себя только, но и для других. Я надеюсь, что именно таково будет предстоящее собрание, и заключаю это из такой великой его ревности к слушанию. Потому в душах ваших, как в надежном хранилище, мы положим сребро Господа и, сколько поможет благодать Духа, изъясним предложенное нам сегодня чтение. Евангелист, говоря о прежних временах, сказал: *мир Его не позна*; далее обращая речь ко временам самой проповеди, он говорит: *во своя прииде, и свои Его не прияша. Своими* он здесь называет иудеев, как народ особый, или всех людей, как происшедших от этого народа. И как выше, болезнуя о неразумии многих людей и пристыжая общий дух (времени), он говорил, что не познал Создателя мир, через Него происшедший, так и здесь, негодуя на неблагодарность иудеев и многих других, он произносит еще более тяжкое осуждение, говоря: *свои Его не прияша*, тогда как Он к ним-то и приходил. Но не один Евангелист, а и пророки с удивлением говорили то же самое, наконец и Павел, изумленный тем же. Так взывали пророки, говоря от лица Иисуса Христа: *людие, ихже не ведех, работаша Ми, в слух уха послушаша Мя: сынове чуждии солгаша Ми, сынове чуждии обетшаша и охромоша от стезь своих* (Пс. XVII, 44—46). И в другом месте: *имже не возвестися о нем, узрят и, иже не слышаша, уразумеют* (Ис. LII, 15). Также: *обретохся не ищущим Мене, явлен бых не вопрошающим о Мне* (LXV, 1). А Павел в послании к Римлянам

говорил: *что убо? Егоже искаше Исраиль, сего не получи: избрание же получи* (Рим. XI, 7). И в другом месте: *что убо речем? Яко языцы, не гонящии правду, постигоша правду. Исраиль же, гоня закон правды, в закон правды не постиже* (Рим. IX, 30, 31). Поистине, достойно удивления то, как иудеи, воспитанные на книгах пророческих, каждый день слушавшие Моисея, который весьма многое говорит о пришествии Христовом, равно и других, после него бывших пророков, наконец видевшие и самого Христа, Который каждый день творил для них чудеса, с ними только и беседовал, и как ученикам еще не дозволял *ходить на путь языков,* или входить в какой-либо город самарянский, так и сам этого не делал и часто говорил, что Он послан к овцам погибшим дому Израилева, — как, говорю, иудеи, получив столько знамений, слыша каждый день пророков и самого Христа с Его постоянными внушениями, до того ослепили и оглушили сами себя, что уже ничто не могло привести их к вере во Христа.

Между тем язычники, не имея у себя ничего такого, никогда не слышав божественных вещаний, даже, так сказать, и во сне всегда занимались только бреднями людей умопомешанных (такова языческая философия), перечитывали пустословия поэтов, привязаны были к деревьям и камням и не знали ничего здравого и полезного ни в верованиях, ни в правилах жизни; а жизнь их была еще более нечиста и преступна, чем учение. Да и могло ли быть иначе, когда они видели, что их боги находят удовольствие во всяком пороке, что они чествуются срамными словами и еще более срамными делами и это принимают, как празднество и почесть; кроме того чествуются и гнусными убийствами и умерщвлением детей, — и в этом люди подражали богам же. Но, несмотря на то, что они ниспали до такой глубины зла, вдруг, как бы какою машиною, поднялись на высоту и

явились нам, блистая с самого верха небес. Как же это и отчего произошло? Послушай, что говорит об этом Павел. Блаженный апостол, тщательно исследуя эти обстоятельства, не оставил их до тех пор, пока не нашел причины и не изъяснил ее всем. Какая же это причина? И отчего была у иудеев такая слепота? Послушай, что говорит об этом он сам, тот, которому вверено было это домостроительство. Что же он говорит в разрешение такого недоразумения многих? *Неразумеюще*, говорит он, *Божия правды, и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинушася* (Рим. X, 3). Вот за что они подверглись такому несчастью. И в другом месте, тоже самое излагая иначе, апостол говорит: *что убо речем? Яко языцы, не гонящии правду, постигоша правду, правду же, яже от веры. Исраиль же, гоня закон правды, в закон правды не постиже. Чесо ради? Зане не от веры. Преткнушася бо о камень претыкания* (Рим. IX, 30–32). Это значит, что неверие иудеев было для них причиною зол, а неверие происходило от надменности. Сначала они имели больше, нежели язычники, именно: получили закон, имели познание о Боге и прочее, о чем говорит Павел. Но по пришествии Христа, как скоро увидели, что как они, так и язычники по вере равночестно призываются ко спасению и что в деле веры обрезанный не имеет никакого преимущества перед обращенным из язычников, — тогда от гордости они перешли к зависти и не стерпели великого и неизреченного человеколюбия Господа. А это произошло в них не от чего-либо другого, как от высокомерия, злости и человеконенавистничества.

2. Какой же вред вам, бессмысленнейшие из людей, принесло это попечение (Господа), оказанное другим? Разве уменьшились ваши блага оттого, что другие получили участие в них? Но поистине злость слепа и ничего справедливого не может скоро понять. Терзаясь мыслью, что и другие будут иметь участие в тех же правах,

они обратили меч на самих себя и лишили сами себя человеколюбия Божия. Но так требовала справедливость. Сказано: *друже, не обижу тебе, хощу же и им дати, якоже тебе* (Мф. XX, 13, 15). Но они не стоят и этих слов. Наемник (упоминаемый в Евангелии), хотя и досадовал, по крайней мере мог указать на свои труды в продолжение целого дня, на тяготу, зной и пот; они же что могли бы сказать? Ничего такого; в них была только беспечность, невоздержность и множество пороков, в которых постоянно обличали их все пророки и которыми они, так же как и язычники, оскорбляли Бога. На это указывая, Павел и говорил: *несть разнствия* между иудеем и эллином. *Вси бо согрешиша, и лишени суть славы Божия: оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. III, 22–24). Но этот предмет с пользою и весьма мудро излагает апостол в целой главе послания. А перед тем он еще показывает, что иудеи даже большего достойны наказания: *елицы бо в законе согрешиша*, говорит он, *законом суд приимут* (Рим. II, 12), то есть суд более строгий, так как, кроме природы, они имеют обвинителем и закон. Да и не поэтому только, а и потому, что они были причиною хуления Бога между язычниками. *Вас ради,* сказано, *имя мое хулится во языцех* (Ис. III, 5, ср. Рим. II, 22). Это особенно раздражало их, так что и уверовавшим от обрезания казалось странным это обстоятельство; потому-то они и обвиняли Петра, когда он возвратился к ним из Кесарии, за то, что он входил в общение с людьми необрезанными и ел вместе с ними; да и после того, как поняли предопределение Божие, они еще дивились, как дары Духа Святого излились и на язычников, этим изумлением выражая то, что они никогда не ожидали такой странности. Итак зная, что это особенно уязвляло их, апостол все направляет к тому, чтобы уничтожить их гордость и подавить их слишком надменное высокомерие. И смотри, как это он делает: пос-

ле рассуждения о язычниках, показав, что они не имеют никакого ни в чем оправдания, ни надежды на спасение, тщательно обличив также и превратное их учение и нечистоту их жизни, он переносит свое слово на иудеев. Повторив все, сказанное о них пророком, — что они и преступны, и коварны, и лукавы, и что все вообще непотребны, и ни один из них не взыскует Бога, но все уклонились, и тому подобное, — апостол присовокупляет: *вемы же, яко елика, закон глаголет, сущим в законе глаголет: да всяка уста заградятся, и повинен будет весь мир Богови. Вси бо согрешиша и лишени суть славы Божия* (Рим. III, 19, 23). Что же ты превозносишься, иудей? Что о себе много думаешь? Твои уста заграждены, твоя самоуверенность уничтожена, и ты вместе со всем миром подлежишь суду и, подобно другим, имеешь нужду в оправдании туне. Итак, хотя бы ты был прав по закону и имел много дерзновения перед Богом, тебе не надлежало завидовать тем, которые могли быть помилованы и спасены человеколюбием Божиим. Крайне худо огорчаться благополучием других, и особенно, когда оно не соединено с ущербом для тебя. Если бы спасение других вредило твоему благополучию, — ты имел бы основание огорчаться, — хотя и это несвойственно человеку, научившемуся любомудрствовать. Но если ни казни других не умножают для тебя наград, ни благополучие не уменьшает их, то для чего ты сам себя терзаешь, потому только, что другой спасается туне? Не надлежало тебе, как я сказал, раздражаться тем, что и язычникам благодатью даровано спасение, хотя бы ты сам был из людей достойных одобрения. Но когда ты, будучи в том же повинен (как и язычник) перед Господом, и навлекши на себя гнев Его, еще досадуешь на чужое благополучие и думаешь о себе так много, как будто ты один имеешь право на общение благодати, то ты подлежишь более, чем все другие, тяжким мучениям, не за

зависть только и надменность, а и за крайнее безрассудство. Ты возрастил в себе корень всех зол — высокомерие. Поэтому и один мудрый сказал: *начало греха гордыня* (Сир. X, 15), то есть корень, источник, мать. Так через нее, и первозданный человек лишился блаженного состояния; через нее и обольстивший его диавол ниспал с высоты своего достоинства. Это гнусное существо, узнав, что грех этот может низвергнуть и с самих небес, избрало этот путь, чтобы лишить Адама столь великой чести. Надмив его обещанием равенства с Богом, он таким образом ниспроверг и низринул его в самую глубину ада. Подлинно, ничто так не отчуждает от человеколюбия Божия и не подвергает огню геенскому, как преобладание высокомерия. Когда оно в нас есть, то вся наша жизнь делается нечистою, хотя бы мы подвизались в целомудрии, девстве, постничестве, молитвах, милостыне и других добродетелях. *Нечисть,* сказано, *пред* Господом *всяк высокосердный* (Притч. XVI, 5). Итак, если хотим быть чистыми и свободными от наказания, уготованного диаволу, обуздаем в себе надменность духа, отсечем высокомерие. А что гордые необходимо подвергнуться одному наказанию (с диаволом), — послушай, что говорит об этом Павел: *не новокрещенну, да* не *разгордився в суд впадет* и в сеть *диавола* (1 Тим. III, 6). Что значит: *в суд?* Значит: в то же осуждение, в то же наказание. Как же избежать этой беды? Избежим, если будем размышлять о своей природе, о множестве согрешений, о великости будущих мучений, о том, что все, кажущееся здесь блистательным, временно, ничем не лучше травы и увядает скорее весенних цветов. Если часто будем возбуждать в себе такие мысли и приводить себе на память людей совершивших великие подвиги, то диавол не сможет легко надмить нас, сколько бы ни усиливался, не сможет даже запнуть нас на первых шагах. Бог же, Бог смиренных,

благий и милосердный, сам да даст вам и нам сердце сокрушенное и смиренное. Таким образом мы будем в состоянии легко совершить и все прочее во славу Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу и Святому Духу во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Во своя прииде, и свои Его не прияша (Ин. I, 11)

1. Бог, Человеколюбец и Благодетель, все творит и все устрояет так, возлюбленные, чтобы мы блистали добродетелью. И желая, чтобы мы были благочестны, Он без всякого насилия и принуждения, а только убеждением и благотворениями, всех желающих того призывает и привлекает к Себе. Потому, когда пришел Он, одни приняли Его, а другие не приняли. Он никого не хочет иметь Своим рабом против воли или по принуждению; а хочет, чтобы все свободно и добровольно служили Ему и познавали сладость служения Ему. Люди, имея нужду в услужении рабов, связывают их законом рабства и против воли их; а Бог, не имея нужды ни в чем, никаких, подобных нашим, потребностей, все творит только ради нашего спасения и в этом делает нас самим себе господами. Потому и не желающих Он не подвергает никакому насилию, или принуждению; Он имеет в виду только нашу пользу. А против воли быть увлечену на служение – все равно, что и совсем не служить. Почему же, скажешь ты, Он наказывает не желающих повиноваться Ему? Зачем угрожает геенною не слушающим повелений Его? Это потому, что, будучи попремногу благ, Он имеет великое попечение о нас даже и тогда, как мы не повинуемся Ему, не отступает и тогда, как мы удаляемся и бегаем от Него. И как мы уклонились от первоначального пути благотворе-

ния, то есть не восхотели идти путем убеждения и благополучия, то Он повел нас другим путем — наказаний и мук, — путем, конечно, весьма тяжким, но неизбежным. Когда первый путь пренебрегается, тогда по необходимости надобно идти другим. И законодатели полагают многие и жестокие наказания преступникам; однако ж за то мы не осуждаем их, а напротив, еще и более уважаем их за постановления о наказаниях, так как, не имея ни в чем никакой надобности с нашей стороны, часто даже не зная, кто впоследствии будет пользоваться помощью их постановлений, заботятся о благоустройстве нашей жизни тем, что добродетельным людям воздают честь, а людей порочных, нарушающих спокойствие, укрощают наказаниями. Если же мы таких законодателей почитаем и любим, то не гораздо ли более должны благоговеть перед Богом и любить Его за столь великое попечение о нас? И различие между попечительностью тех и промыслом Божиим о нас — беспредельно. Подлинно, богатство благости Его неизреченно и превышает всякое разумение. Заметь же: Он *во своя прииде*, не по собственной какой-либо нужде (потому что, как я сказал. Божество ни в чем не нуждается), а для благотворения своим. Несмотря на то, *свои* не приняли, но отвергли Того, Кто пришел к ним для их же пользы; мало того: изгнав Его из виноградника, убили (см.: Лк. XX, 10). И при всем том Он не преградил для них покаяния, но дал им возможность, только бы сами захотели, и после того беззакония, очистить все согрешения свои верою в Него и сравняться с теми, которые ничего такого не сделали и более других Ему любезны. А что я говорю это не без основания и не в шутку, ясное также свидетельство дают все обстоятельства блаженного Павла. Он гнал Христа, уже после распятия Его, и свидетеля Его Стефана убил руками других многих; но, когда раскаялся, осудил в себе прежние грехи, прибег к

Тому, Кого гнал, Тот тотчас сопричислил его к Своим друзьям и притом первейшим, поставил его – гонителя, хулителя и оскорбителя – проповедником и учителем всей вселенной. Он и сам не стыдился проповедовать об этом, восхищенный человеколюбием Божиим, и в писаниях своих, как бы на столпе, изобразив прежние свои дерзости, обнаружил их перед всеми, считая за лучшее выставить на позор перед всеми прежнюю свою жизнь, чтобы тем яснее показать величие дара Божия, нежели скрыть неизреченное и неисповедимое человеколюбие Господа, не желая обнаружить перед всеми собственное заблуждение. С этою целью он то там, то здесь упоминает о гонениях, наветах и ополчениях своих против Церкви; в одном месте говорит: *несмь достоин нарещися апостол, зане гоних Церковь Божию* (1 Кор. XV, 9); в другом: *яко Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз* (1 Тим. I, 15); в третьем: *слышасте мое житие иногда в жидовстве, яко по премногу гоних Церковь Божию и разрушах ю* (Гал. I, 13).

2. Таким образом Павел, как бы в некоторое воздаяние Христу за долготерпение к нему, показывая, кого, какого враждебного и неприязненного человека (Господь) спас, с великим дерзновением возвещает о той брани, которую он вначале со всею ревностью воздвигал против Христа. Вместе с тем он внушает благие надежды и тем, которые отчаиваются в себе самих. Христос, говорит он, для того и помиловал его, чтобы в нем первом показать все долготерпение и преизобильное богатство благости Своей, в пример тем, которые после того могли уверовать в Него для жизни вечной, хотя бы и их грехи превышали всякую надежду прощения. На это именно указывая, и Евангелист говорит: *во своя прииде, и свои Его не прияша.* Откуда пришел все наполняющий и везде сущий? Какое место лишил Сво-

его присутствия Тот, Кто в руке Своей держит все и над всем владычествует? Никакого места Он не оставил (как это возможно?). А совершилось это по Его снисхождению к нам. Так как Он, будучи в мире, не казался находящимся в мире, потому что неведом был, напоследок же явил Себя, благоволив облечься в нашу плоть, то это самое явление и снисхождение Его Евангелист и называет пришествием. Достойно удивления, что ученик не стыдится унижения своего Учителя, но смело описывает нанесенное Ему оскорбление: и это – не маловажное доказательство его правдолюбивого духа. Впрочем, если стыдиться, то надобно стыдиться за тех, которые нанесли, а не за Того, Кто претерпел оскорбление. Он тем еще более прославился, что и после такого оскорбления так промышляет о Своих оскорбителях; а они перед всеми оказались неблагодарными и презренными, потому что отвергли, как врага и неприятеля, Того, Кто пришел к ним с такими благами. Да и не тем только они повредили себе, но и тем, что не получили того, чего достигли принявшие Его. А что получили последние? *Елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти* (ст. 12). Но для чего же ты, блаженный, не сказываешь нам и о наказании тех, которые не приняли Его, а говоришь только, что они *свои* были и *во своя* Пришедшего не приняли? А что они за это потерпят, какому наказанию подвергнутся, того ты не присовокупил. Может быть через это ты более устрашил бы их и угрозою смягчил бы грубость их надменности. Для чего же ты умолчал об этом? Но какое же другое, говорит Евангелист, наказание могло бы быть более того, что они, имея возможность сделаться чадами Божиими, не делаются таковыми, но добровольно лишают сами себя такого благородства и чести? Впрочем, наказание их не ограничится тем только, что они не получат никакого блага; их постигнет еще огонь неугасающий, что впо-

следствии яснее открывает Евангелист. Теперь же он говорит о неизреченных благах, дарованных принявшим Господа, и вкратце изображает эти блага следующими словами: *елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти.* Хотя бы то были рабы или свободные, эллины или варвары, или скифы, хотя бы немудрые или мудрые, жены или мужи, дети или старцы, незнатные или знатные, богатые или бедные, начальники или простолюдины, все, говорит Евангелист, удостоены одной почести. Вера и благодать Духа, устранив неравенство мирских достоинств, всем им сообщила один вид, на всех напечатлела один образ — царский. Что может сравниться с таким человеколюбием? Единородный Сын Божий не возгнушался сопричислить к лику чад — и мытарей, и волхвов, и рабов, и самых неважных людей, многих еще с поврежденными членами тела и со множеством недостатков. Такова сила веры в Него, таково величие благодати! Как огонь, проникши в землю, в которой есть металл, тотчас из нее производит золото, так, и еще лучше, крещение делает омываемых им из бренных золотыми, когда Дух, наподобие огня, проникает в наши души и, попаляя в них *образ перстнаго*, износит, как бы из горнила, *образ небесного,* образ новый, светлый, блестящий. Но для чего Евангелист не сказал: *сотворил* их чадами Божиими, а говорит: *даде им область чадом Божиим быти?* Чтобы показать, как много нужно заботливости для сохранения во всю жизнь в чистоте и неповреждении того образа усыновления, который напечатлен в нас при крещении; а вместе — чтобы показать и то, что такой власти никто не может отнять у нас, если наперед сами себя не лишим ее. Если получающие от людей в каких-либо домах полномочие имеют почти такую же силу, какую и те, которые им дали его, то тем более мы, получив от Бога такую по-

честь, если только не сделаем ничего недостойного этой власти, будем всех сильнее, потому что всех выше и совершеннее Тот, Кто сообщил нам такое достоинство. Еще и то хочет показать (Евангелист), что благодать не иначе приходит, как только к тем, которые сами желают и заботятся о приобретении ее. Таким-то людям принадлежит область – соделываться чадами. А если сами люди предварительно не возымеют желания, то и дар не приходит, и благодать в них ничего не производит.

3. Итак Евангелист, повсюду отвергая принуждение и показывая свободу воли и самостоятельность человека, тоже самое высказал и теперь. И в этих самых тайнах одно принадлежит Богу – даровать благодать, а другое человеку – показать веру. Но затем требуется от человека еще много заботливости: для сохранения чистоты, для нас недовольно только креститься и уверовать; но, если мы желаем приобрести совершенную светлость, то должны вести достойную того жизнь. А это Бог предоставил нам самим. Таинственное возрождение и очищение наше от всех прежних грехов совершается в крещении; но пребыть в последующее время чистыми и не допускать к себе снова никакой скверны – это зависит от нашей воли и заботливости. Потому-то (Евангелист) напоминает нам и о самом способе (духовного) рождения и, через сравнение его с рождением плотским, показывает его превосходство, говоря: *иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася* (ст. 13). И это он сказал для того, чтобы мы, познав ничтожество и уничижение нашего первого рождения от крови и похоти плотские, постигнув напротив важность и достоинство второго рождения по благодати, возимели высокое о нем понятие, понятие, достойное этого дара от Того, Кто рождает нас таким образом, и затем со своей сто-

роны показывали великое о нем попечение. Мы должны не мало опасаться, чтобы, последующим нерадением и пороками осквернив это прекрасное одеяние, не быть нам изверженными из брачного чертога, подобно пяти юродивым девам, или подобно тому, кто не имел брачной одежды. И этот человек был также в числе гостей, и был приглашен; но как, и после приглашения и такой почести, оказал неуважение к пригласившему его, то — послушай, какой подвергается участи, бедственной и многих слез достойной. Пришедши для того, чтобы участвовать в светлом пире, он не только изгоняется с пира, но, связанный по рукам и ногам, отводится в тьму кромешную, где предается вечному и непрестанному плачу и скрежету зубов. Итак, возлюбленные, не будем считать одну веру достаточною для спасения. Если мы не представим чистой жизни, но явимся в одеждах, неприличных блаженному нашему признанию, то ничто не спасет и нас от таких же страданий, каким подвергся тот несчастный. В самом деле, не странно ли, что когда сам Бог и Царь не гнушается простыми, незнатными и ничего нестоящими людьми, но с распутий приводит их за Свою трапезу, мы показываем в себе такую бесчувственность, что и в такой чести не делаемся лучшими, но и по призвании остаемся в том же зле, и таким образом попираем неизреченное человеколюбие Призвавшего? Он не для того призвал нас к этому духовному и страшному общению таинств, чтобы мы приступали к ним с прежними злодеяниями, а для того, чтобы, совлекшись постыдных одежд, облеклись в такие, какие приличны угощаемым в царских чертогах. Если же мы не хотим поступать достойно такого призвания, то это зависит от нас, а не от Того, Кто так почтил нас. Не Он изгоняет нас из дивного сонма званных, но мы сами себя изгоняем. Он все с Своей стороны сделал: устроил брачный пир, пригото-

вил трапезу, послал пригласителей, принял пришедших и всякую другую честь оказал; но мы своими нечистыми одеждами, то есть греховными делами нанесли оскорбление Ему и присутствующим на брачном пире и всему браку, и потому справедливо мы изгоняемся. Таким образом уважая брачный пир и званных, Царь изгоняет отсюда дерзких и бесстыдных. А если бы Он оставил одетых в такие одежды, то через это сам оказал бы неуважение и к другим званным. Но не дай Бог никому, ни нам, ни кому-либо из других людей испытать такой гнев Призвавшего. Для того и написано это, прежде чем сбудется, чтобы, вразумленные угрозами Писания, мы не довели себя на деле до такого бесчестия и наказания, но, довольствуясь уже только такими словами (Писания), все явились на тот зов в светлой одежде, которую и да получим все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

И Слово плоть бысть, и вселися в ны (Ин. I, 14)

1. Одного у всех вас хочу просить утешения, прежде нежели приступлю к изъяснению изречений евангельских; но только не отвергните просьбы. Не тяжкого чего-нибудь и трудного прошу от вас; да и не мне только приемлющему полезно будет это одолжение, но и вам оказывающим его, и может быть для вас еще гораздо полезнее? Что же это такое, о чем хочу просить вас? Пусть каждый из вас тот отдел из Евангелия, который будет читаем в первый день по субботе, или в самую субботу, среди вас (в церкви), возьмет перед этими днями в руки и дома внимательно прочитывает, многократ-

но со тщанием просматривает содержание его и хорошо вникает в него; пусть отмечает, что́ там ясно и что́ неясно, что́ есть по-видимому противоречащего, хотя на самом деле не таково; и все обсудив, таким образом собирайтесь сюда к слушанию (бесед). Не малая будет польза от такого усердия и вам и нам: нам немного потребно будет труда — объяснять вам силу изречений, когда ваш ум уже предварительно усвоит себе понятие о них; а вы таким способом более изощритесь и будете понятливее в слушании, не только к собственному вашему назиданию, но и к научению других. Теперь же, так как многие из приходящих сюда слушать по необходимости должны вникать одновременно во все — и в самые изречения и в наши на них объяснения, то, хотя бы мы употребили на это целый год, не получат они большой пользы. Да и возможно ли это, когда они мимоходом и только здесь, на краткое время, занимаются поучениями? А если кто будет ссылаться на дела и заботы, на недосуг при множестве занятий общественных и частных, то, во-первых, это-то самое и служит к немалому их осуждению, что они заняты таким множеством дел, и так совершенно связаны житейскими попечениями, что не имеют даже немного свободного времени для занятий более, чем всякие другие, необходимых; во-вторых, это только отговорка и предлог, в чем обличают их и приятельские сходбища, и препровождение времени на зрелищах, и стечение на конные состязания, на которых часто проводят целые дни, и однако никто в таких случаях не жалуется на множество дел. Итак, в делах маловажных вы никогда не отказываетесь никакими предлогами и можете найти много свободного времени; а когда надобно внимать слову Божию, то это кажется вам столь излишним и незначительным делом, что будто бы не стоит употреблять на это и малого свободного времени. Достойны ли так думаю-

щие люди даже дышать, или смотреть на это солнце? Есть у таких нерадивых людей и другой предлог, еще более неосновательный, будто бы они не приобрели и не имеют книг Священного Писания. Но в отношении к богатым смешно было бы распространяться нам о таком предлоге; а бедных, которые, я думаю, по большей части пользуются им, желал бы я спросить, не все ли орудия ремесла, каким каждый из них занимается, есть у них, сколько нужно, и в исправности, хотя бы угнетала их крайняя бедность? Как же не нелепо – там не отговариваться бедностью, но употреблять все усилия, чтобы ни в чем не нуждаться; а где можно приобрести столь великую пользу, здесь жаловаться на недосуг и убожество? Впрочем, хотя бы действительно некоторые были так, бедны, все же из непрерывно здесь бывающего чтения могли бы узнать сколько-нибудь содержание божественных Писаний. Если же это кажется вам невозможным, то не без причины так кажется. Многие не с большим усердием приходят слушать чтение Писаний, но, исполнив это только как долг урочного времени, тотчас возвращаются домой; а если некоторые и остаются, то бывают нисколько не лучше удалившихся, присутствуя здесь с нами только телом. Но, чтобы нам не слишком обременить вас обличениями и не потерять всего времени в упреках, приступим к изречениям евангельским: время наконец обратить слово на предлежащие предметы. Только будьте внимательны, чтобы ничто сказанное не было потеряно для вас. *И Слово плоть бысть*, говорит Евангелист, *и вселися в ны* (Ин. I, 14). Сказав, что принявшие Слово родились от Бога и соделались чадами Божиими, предлагает причину и основание такой неизреченной почести. Причина та, что само Слово соделалось плотью и Господь воспринял на Себя образ раба. Будучи истинным Сыном Божиим, Он соделался сыном человеческим, чтобы

сынов человеческих соделать чадами Божиими. Высокое в общении с уничиженным нисколько не теряет собственного достоинства, а уничиженное возвышается через то из своего уничижения. Так это совершилось и во Христе. Он через такое снисхождение нисколько не унизил собственного естества, а нас, седящих всегда во мраке и уничижении, возвел к неизреченной славе. Так царь, когда внимательно и благосклонно беседует с бедным и нищим, то нисколько не стыдит себя самого, а бедного делает через то для всех лицом заметным и почетным. Если же в отношении к преходящему достоинству человеческому общение с низшим нисколько не вредит высшему, то тем более по отношению к тому нетленному и блаженному Существу, которое не имеет в себе ничего преходящего, ни прибывающего, ни убывающего, но обладает всеми совершенствами неизменно и вечно. Итак, когда ты слышишь, что *Слово плоть бысть,* то не смущайся и не колеблись. Не самое существо Его изменилось в плоть (это и помыслить нечестиво); а пребывая тем, что есть, оно таким образом приняло образ раба.

2. Для чего же (Евангелист) употребил слово: *бысть?* Для того, чтобы заградить уста еретиков. Есть такие, которые говорят, будто все, что касается воплощения, есть только воображение, обман чувств, предположение; поэтому Евангелист, желая совершенно уничтожить их хулу, и употребил выражение: *бысть,* намереваясь этим показать не изменение существа, нет, а восприятие истинной плоти. Как в словах: *Христос, ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва* (Гал. III, 13), Писание не то говорит, будто существо Его, оставив собственную славу, превратилось в клятву (этого не подумали бы и демоны, и совершенно безумные и лишенные естественного смысла люди: так нечестива и вместе безумна эта мысль!), — как не это говорит Писа-

ние, а то, что Он, приняв на Себя изреченную против нас клятву, не оставил нас более быть под клятвою, – так и здесь сказано, что Слово плоть *бысть*, – не изменив своего существа в плоть, но только приняв ее, так что существо осталось неприкосновенным. Если же скажут, что Бог, как всемогущий, мог перемениться и в плоть, на это мы ответим, что Бог не иначе все может, как пребывая Богом; а если бы Он допустил в Себе изменение, и притом изменение на худшее, то как же был бы Он и Богом? Измениться совершенно несвойственно нетленному Существу. Потому и пророк сказал: *вся яко риза обетшают, и яко одежду свиеши я, и изменятся. Ты же тойжде еси и лета твоя не оскудеют* (Пс. CI, 27). Существо это выше всякого изменения. Нет ничего превосходнее Его, чего бы оно могло достигать преуспеванием. Что я говорю: превосходнее? Нет ничего равного, или сколько-нибудь близкого. Следовательно, если бы Бог изменялся, то претерпевал бы изменение к худшему. Но тогда он не был бы и Богом. Но да обратится хула на главу говорящих ее. А что слово: *бысть* сказано для того, чтобы ты не принял воплощения за вымысел, заметь это из последующего, как (Евангелист) объясняет свое выражение и опровергает нечестивую мысль. Он присовокупляет: *и вселися в ны*, – как бы говоря: ничего несообразного не подозревай в слове: *бысть*. Я говорю не об изменении этого неизменяемого Существа, а о вселении и обитании Его (среди нас). Обитающее не одно и то же с обиталищем, а есть нечто другое; одно вселяется в другом; иначе не было бы и вселения, – потому что ничто не вселяется в самом себе. Иное я говорю в отношении к естеству. Через соединение и общение Бог Слово и плоть суть одно, не в том смысле, что произошло какое-либо смешение или уничтожение естеств, а в том, что образовалось некоторое неизреченное и невыразимое их единение. А как это

сделалось, не спрашивай; это произошло, как Он сам знает. Но какое же это обиталище, в котором Он вселился? Послушай, что́ пророк говорит: *возставлю скинию Давидову падшую* (Ам. IX, 11). Пало, подлинно пало неисцельным падением естество наше и имело нужду в этой единой державной деснице. Да и не могло оно восстать, если бы Создавший его вначале не простер к нему десницы и не обновил его свыше через возрождение водою и духом. И заметь то, что есть страшного и неизреченного в этом таинстве: Он навсегда обитает в этой скинии (то есть в плоти человеческой). Он облекся нашею плотью не с тем, чтобы опять оставить ее, но чтобы всегда иметь ее с Собою. А если бы не так, то Он не удостоил бы ее царского престола и, нося ее, не был бы поклоняем от всего горнего воинства ангелов, архангелов, престолов, господств, начал и властей. Какое слово, какой ум может представить столь великую почесть, оказанную роду нашему, поистине сверхъестественную и дивную? Какой ангел? Какой архангел? Никто никогда, ни из небесных, ни из земных. Таковы дела Божии, так велики и вышеестественны Его благодеяния, что не только язык человеческий, но и ангельская сила не может вполне высказать их. Потому и мы заключим слово молчанием, напомнив только вам — воздавать столь великому Благодетелю нашему воздаянием, от которого вся польза опять к нам же обратится. Это воздаяние в том состоит, чтобы мы имели ревностное попечение о душе нашей. И то есть дело Его человеколюбия, что Он, не нуждаясь сам ни в ком из нас, принимает за воздаяние Себе, когда мы печемся о собственной своей душе. Потому крайне безумно и достойно бесчисленных наказаний — удостоившись столь великой почести, не воздавать с своей стороны по силам, и притом когда польза от того переходит опять к нам же и когда уготованы нам за

то бесчисленные блага. Воздадим же за все это славу человеколюбцу Богу, не словами только, но гораздо более делами, чтобы получить нам и будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

И видехом славу Его, славу яко Единородного от Отца, исполнь благодати и истины (Ин. I, 14)

1. Сказанное нами вчера, может быть, показалось вам более чем следует стеснительным и тяжким, так как мы произнесли слово укорительное и далеко простерли обличение многих в нерадении. Но если бы мы делали это только с намерением – оскорбить вас, то, может быть, справедливо каждый из вас негодовал бы. А как мы пренебрегали приятность в словах, имея в виду пользу вашу, то, хотя бы вы и не хотели принять нашего попечения о вас, вы должны по крайней мере простить такой любви нашей. Мы и очень опасались, чтобы, при нашем старании, вы с своей стороны, не желая показать такого же усердия к слушанию, не подверглись тем более тяжкому ответу за последствия. Поэтому мы и вынуждаемся непрестанно возбуждать вас и воздвигать от сна, чтобы ничто из сказанного не было для вас потеряно. Только таким образом можете вы в настоящем веке жить с дерзновением и в будущий день предстать престолу Христову. Но так как мы вчера уже довольно тронули вас, то приступим теперь прямо к самым изречениям Евангелия. *И видехом*, говорит Писание, *славу Его, славу яко Единороднаго от Отца* (ст. 14). Евангелист, сказав, что мы сделались чадами Божии-

ми, и показав, что это произошло не иначе, как через воплощение Слова, теперь представляет и другую от того пользу. Что же это такое? *Видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца.* Мы не могли бы видеть, если бы Он не явился нам в воспринятой Им плоти. Если у Моисея, имевшего одинаковое с нами естество, люди тогдашнего времени не могли видеть лица, потому только, что оно было прославлено, и праведник даже имел нужду в покрывале, чтобы прикрыть величие славы и чтобы вид пророка казался им тихим и спокойным, то как мы, бренные и земнородные, могли бы созерцать чистое Божество, которое неприступно и для самих горних сил? Для того-то Он и вселился среди нас, чтобы мы могли безопасно приступать к Нему, беседовать и обращаться с Ним.

Что же значит: *славу яко Единороднаго от Отца?* Так как многие и из пророков прославились, например, тот же Моисей, Илия и Елисей, из которых один был вознесен на огненной колеснице, а другой обыкновенным образом взят отсюда; после них прославились: Даниил, три отрока, и многие другие, которые и чудеса творили; да и ангелы, являвшиеся людям, открывали взиравшим на них лучезарный свет собственного естества; и не ангелы только, но и херувимы являлись пророку с великою славою, — также и серафимы; поэтому-то Евангелист, отводя нас от всех этих существ, отвлекая мысль нашу от твари и славы подобных нам рабов, возводит нас к самому верху совершенств. Не пророка, говорит он, не ангела, не архангела, не других высших сил и не иного какого-либо сотворенного существа, если еще есть какое-либо иное, но самого Владыки, самого Царя, самого истинного Единородного Сына, самого общего всех нас Господа мы видели славу. Выражение: *яко* — означает здесь не уподобление и не сравнение, а подтверждение и неподлежащее сомнению определение;

как бы так сказал Евангелист: мы видели славу, какую подобает и свойственно иметь единородному и истинному Сыну Царя всех Бога. Так и обыкновенно бывает, и я не откажусь подтвердить слова свои общим обычаем, — потому что не для красоты речи и не для стройности слова нам теперь нужно говорить, но единственно для вашей пользы. Поэтому ничто не препятствует нам подтвердить свои мысли и обычаем многих? Какой же этот обычай многих? Многие, увидев царя приукрашенного, блистающего со всех сторон драгоценными камнями, потом, когда рассказывают другим об этой красоте, великолепии, славе, описывают, сколько могут, цвет багряницы, величину камней, белизну коней, золотую упряжь, блистающие покрывала; но как, пересказав это и прочее, все еще не могут изобразить словом всего блеска, и прибавляют тотчас такие слова: да что много говорить? словом сказать: *как царь* — и этим выражением: *как* хотят показать не то, что только подобен царю тот, о ком они говорят, но то, что это истинный царь, — так и Евангелист употребил выражение: *якоже,* желая изобразить высочайшее и несравненное превосходство славы (Сына Божия). Все другие, и ангелы, и архангелы, и пророки, делали все только по повелению (Божию), а Он со властью, свойственною Царю и Господу. Потому-то и народ дивился, что Он учил, как власть имеющий.

2. Итак, являлись, как я сказал, и ангелы на земле с великою славою, например — Даниилу, Давиду, Моисею, но они делали все как слуги, повинующиеся своему Господу, а Христос явился, как Владыка и Вседержитель, хотя и в смиренном и уничиженном виде. Впрочем, и в этом виде тварь познала своего Господа. Каким образом? Звезда, явившаяся на небе, привела волхвов поклониться Ему; многочисленный лик ангелов, отовсюду собравшихся, окружал и воспевал Его; явились

внезапно и другие проповедники; все, встречая друг друга, возвещали это неизреченное таинство, ангелы — пастырям, пастыри — жителям города, Гавриил — Марии и Елисавете, Симеон и Анна приходившим в храм. Да и не только мужи и жены окрылялись радостью, но и младенец, еще не исшедший на свет из утробы матери, — я разумею жителя пустыни, соименного этому Евангелисту, — взыграл во чреве матери, и все оживлялись надеждами на будущее. Так было тотчас при Его рождении; а когда Он более открыл Себя, тогда опять произошли другие чудеса, еще больше прежних. Уже не звезда и небо, не ангелы и архангелы, не Гавриил и Михаил, но сам Отец свыше с небес возвестил о Нем, и вместе с гласом Отца Утешитель явился над Ним и пребыл на Нем. Поэтому справедливо сказал Евангелист: *видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца.* Впрочем, и не поэтому только сказал так, а и потому, что за этим последовало. Уже не пастыри только, не вдовствующие жены, не престарелые мужи возвестили нам, но и самое существо дел громче всякой трубы провозглашало о Нем, и таким образом произошло то, что молва о делах Его скоро была и здесь услышана. *И изыде*, говорит Писание, *по всей Сирии слух Его* (Мф. IV, 21) и всем открыл Его; все отовсюду возвещало, что сам Царь сошел с небес. Бесы отовсюду убегали и удалялись, диавол посрамленный отступал, самая смерть сначала понемногу устрашалась, а потом и совершенно упразднялась, всякого рода болезни были исцеляемы, мертвые оставляли гробы, демоны — бесновавшихся, болезни — немощных. Виделись дела чудные и дивные, которые поистине пророки желали видеть, но не видели. Зрение восстановлялось; и то вожделенное зрелище, которое все желали бы видеть, — как Бог сотворил Адама из земли, — и это зрелище Христос показал всем, хотя в малом виде, но по отношению к

лучшим частям тела. Расслабленные и распавшиеся члены укреплялись и соединялись один с другим, омертвевшие руки получали движение, расслабленные ноги внезапно вскакивали, загражденные глухотою уши отверзались, и громким голосом восклицал язык, связанный дотоле немотою. Как искусный художник восстановляет здание, развалившееся от времени, так Он — общее естество человеческое: отторгнутые части восполнял, распавшиеся и расторгнутые — соединял, а совершенно отпавшие — восстановлял. Что же сказать о восстановлении души, которое гораздо удивительнее исцеления телесного? Важно здравие телесное, но гораздо важнее здравие душевное, и тем важнее, чем душа превосходнее тела; да и не потому только, но и потому, что телесная природа следует направлению, каким хочет вести ее Создатель, и нисколько не противится, а душа, будучи властна сама в себе и имея свободу в действиях, не всегда повинуется Богу, и именно в том, чего не хочет. Он не желает против воли ее и насильно делать ее непорочной и добродетельной; да это не было бы и добродетелью; ее надобно убеждать — свободно и добровольно сделаться такою; а это гораздо труднее врачевания телесного. Но Он совершил и это и отогнал всякий род зла. И как врачуя тела, Он восстановлял их не только к здравию, но и к совершеннейшему благосостоянию, так и души не только освобождал от крайней греховности, но и возводил на самый верх добродетели. Так мытарь делался апостолом; гонитель, хулитель и досадитель являлся проповедником вселенной; волхвы становились учителями иудеев; разбойник оказывался жителем рая; блудница славилась великою верою; жена хананеянка и жена самарянка — одна, будучи также блудницей, принимала на себя проповедь между соплеменниками и, увлекши целый город, привела его ко Христу, а другая верою и

терпением достигла изгнания злого беса из души своей дочери. Еще другие, гораздо худшие этих, скоро присоединились к числу учеников. Все внезапно изменялось в своем виде: недуги телесные, болезни душевные прелагались в здравие и совершеннейшую добродетель; и притом не два или три человека, не пять или десять, не двадцать или только сто, но целые города и народы обращались с великою быстротой. А кто может изобразить мудрость правил, совершенство небесных законов, благоустройство равноангельской жизни? Он ввел между нами такой образ жизни, такие положил для нас законы, такие установил нравы, что усвояющие их скоро соделываются ангелами и подобными Богу, сколько это возможно по силам нашим, хотя бы сами по себе они были хуже всех людей.

3. Приводя все эти чудеса, – чудеса в телах, чудеса в душах, чудеса в стихиях, – заповеди, неизреченные, высшие самых небес дары, законы, благоустройство, силу убеждения, обетования в будущем, наконец страдания Его, – Евангелист изрек эти чудные и исполненные высокого учения слова: *видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца, исполнь благодати и истины.* Мы не чудесам Его только дивимся, но и страданиям, – тому, как Он был пригвожден ко кресту, бичуем, заушаем, подвергаем оплеванию; как терпел удары по главе от тех самых, которые были Им облагодетельствованы. Так, и об этом обо всем, что кажется унизительным, достойно сказать то же изречение, как и сам Евангелист называет все это славою. Действительно, все это было не только делом промышления и любви, но и неизреченной силы. Тогда-то и смерть упразднялась, и клятва разрушалась, и бесы были посрамлены, и торжество над ними открывалось, и рукописание грехов наших было пригвождаемо ко кресту. Но тогда как эти чудеса совершались невидимо, были и другие – види-

мые, которые показывали, что Он есть истинно единородный Сын Божий и Господь всей твари. Когда блаженное тело Его еще висело на кресте, солнце сокрыло лучи свои, земля поколебалась и вся покрылась мраком, гробы отверзлись, недра земли сотряслись и великий сонм умерших восстал и пришел в город (Иерусалим). Потом, когда камни приставлены были к дверям гроба Его, еще и печати приложены, Он, умерший, распятый, пригвожденный, восстал и, исполнив одиннадцать учеников Своих некоторой непобедимой и божественной силы, послал их ко всем людям, по всей вселенной – врачевать их общее естество, исправлять образ жизни, распространять по всей земле познание небесного учения, разрушать силу бесовскую, открывать великие и неизреченные блага, благовестить нам бессмертие души и вечную жизнь тела, награды, превышающие всякий ум и никогда не могущие окончиться. Итак, блаженный Евангелист, представляя себе все это и большее чем это, что он сам знал, но не решался написать (потому что и мир не вместил бы того, как он сам говорит: *яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему мiру вместити пишемых книг,* – Ин. XXI, 25), – все это, говорю, представляя, он воскликнул: *и видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца, исполнь благодати и истины.* А тем, которые удостоились видеть и слышать столь великие чудеса и получили столь великий дар, надлежит показать и жизнь достойную учения, чтобы сподобиться и будущих благ. Для того и пришел Господь наш Иисус Христос, чтобы не только здесь мы видели славу Его, но и в будущем веке. Потому Он и говорил: *хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною, да видят славу Мою* (Ин. XVII, 24). Если же здешняя слава Его была столь блистательна и величественна, то что сказать о той Его славе? Она откроется уже не на тленной земле, не пе-

ред существами, облеченными в смертные тела, каковы мы теперь, но в творении нетленном и бессмертном, и с таким величием, какого невозможно изобразить никаким словом. О, блаженны, трижды блаженны и беспредельно блаженны те, которые удостоятся созерцать эту славу! О ней говорит пророк: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. XXVI, 10). Но да не будет того, чтобы кто-либо из нас был отвержен и не удостоился некогда зреть ее! А если мы не будем наслаждаться ею, то и об нас справедливо будет сказать: лучше было бы, если бы мы и не родились. Для чего же мы живем? Для чего дышим? Для чего существуем, если не достигнем такого созерцания, если никому из нас не дозволено будет зреть тогда нашего Господа? Если не видящие света солнечного проводят жизнь горше всякой смерти, то как должны страдать те, которые лишатся того света? Здесь в этом лишении только и состоит несчастье, а там — не в этом только; впрочем, если бы и эта только была беда, то и в таком случае наказание было бы не равно, но будущее тем тяжелее настоящего, чем то Солнце несравненно превосходнее здешнего; а кроме того надобно ожидать еще и другой казни. Кто не удостоится видеть того света, тот не только вовержен будет во тьму, но и гореть будет в огне непрерывном, истаивать в нем, скрежетать зубами и терпеть другие бесчисленные страдания. Итак, не будем нерадивы о себе самих, и за кратковременное нерадение и беспечность не подвергнем себя вечному наказанию; но будем бодрствовать и трезвиться, будем все делать и устроять так, чтобы удостоиться того (вечного) наслаждения и избавиться от реки огненной, протекающей с великим шумом перед страшным судилищем. А кто однажды впадет в нее, тот должен будет остаться там навсегда, и уже никто не избавит его от мучения — ни отец, ни мать, ни брат. Об этом вопиют и пророки; один говорит: *брат не*

избавит, избавит ли человек (Пс. XLVIII, 8)? А Иезекииль говорит еще более: *и аще будут Ное, и Даниил, и Иов, ни сынове, ни дщери их спасутся* (Иез. XIV, 14–16). Одна только там защита – защита делами; а кто не имеет ее, тому никаким другим средством спастись невозможно. Итак, все это непрестанно имея в виду и размышляя, очистим жизнь нашу и сделаем ее светлою, чтобы с дерзновением узреть Господа и достигнуть обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIII

Иоанн свидетельствует о Нем, и воззва глаголя: Сей бе, егоже рех, иже по мне грядый, предо мною бысть, яко первее мене бе (Ин. I, 15)

1. Не вообще ли мы течем и труждаемся? Не на камнях ли сеем, или не при пути ли в терниях, сверх чаяния нашего, падают семена? Я сильно беспокоюсь и боюсь, чтобы земледелие не осталось для нас бесплодным, – не потому впрочем, чтоб я сам мог потерпеть ущерб в награде за этот труд. Дело учителей не таково, как – земледельцев. Земледелец, часто после годичных работ, после такого изнурения и пота, – если земля не принесет ничего, стоющего трудов, – не может ни у кого другого найти какого-либо утешения за свои труды, а со стыдом и скорбью возвращается с поля домой, к жене и детям, не имея права ни от кого требовать воздаяния за продолжительные труды. Но с нами ничего такого не может случиться. Пусть возделываемая земля не приносит никакого плода; если только мы с своей стороны приложим весь труд, Господь земли и наш

Господь не допустить нас остаться с пустыми надеждами, но дарует возмездие. *Кийждо,* сказано, *свою мзду приимет по своему труду* (1 Кор. III, 8), а не по исходу дел. А что это так, послушай: *и ты,* сказано, *сыне человечь, засвидетельствуй людям сим, не услышат ли, не уразумеют ли* (Иез. II, 5, 6). И через того же Иезекииля можно узнать вот что: если страж предвозвестил, чего должно убегать и что избирать, то он избавил душу свою, хотя бы и никто не слушал его*. Тем не менее, имея это сильное утешение, уверенные в воздаянии за труды наши, мы, когда в деле вашего спасения не видим успеха, чувствуем себя ничем не лучше тех земледельцев, которые стенают, проливают слезы и от стыда скрываются. Здесь – соучастие учителя, здесь – попечительность отца. Так Моисей, хотя мог избавиться от неблагодарных к нему иудеев и сделаться еще более славным родоначальником другого и гораздо более многочисленного народа (*остави мя,* сказал ему Бог, *и потреблю их и сотворю тя в язык велик,* – Исх. XXII, 10, – так как Моисей был муж святой, раб Божий, друг, близкий и верный Богу), но он и слышать не мог таких слов, а желал лучше погибнуть с людьми, однажды ему вверенными, нежели быть спасенным без них и получить достоинство более важное. Таков должен быть водитель душ. Странно было бы, если бы кто, имея худых детей, желал лучше назваться отцом других, а не тех, которые от него родились; так странно было бы, если бы и мы стали постоянно переменять врученных нам учеников одних на других, присвоять себе начальство то над теми, то над другими, и не иметь ни к кому искреннего расположения. Впрочем, относительно вас да не будет никогда

---

* Здесь святой Златоуст излагает только мысль, содержащуюся в книге пророка Иезекииля (III, 19) не приводя буквально слов его.

таких подозрений. Мы убеждены, что вы преизбыточествуете в вере в Господа нашего Иисуса Христа, в любви друг к другу и ко всем. А это мы говорим с тем намерением, чтобы возбудить вас к усилению вашей ревности и к приумножению, более и более, добродетели в вашей жизни. Таким образом вы сможете проникнуть умом до самой глубины предложенного у нас учения, если то есть нечистота греховная не будет помрачать очей разума и не повредит его зоркости и остроты. Итак, что же предложено у нас сегодня? *Иоанн свидетельствует о Нем и воззва глаголя: Сей бе, егоже рех, иже по мне грядый, предо мною бысть: яко первее мене бе.* Многократно Евангелист, и выше и ниже, обращается к Иоанну и во многих местах представляет его свидетельство. Но это он делает не напрасно, а очень разумно. Так как все иудеи имели великое уважение к этому мужу (Иосиф приписывает даже его смерти войну и доказывает что из-за него столичный некогда город перестал быть городом, и вообще много говорит в похвалу ему), то Евангелист, желая именем его пристыдить иудеев, часто припоминает им свидетельство Предтечи. Другие евангелисты упоминают о древнейших пророках, и при каждом обстоятельстве в жизни Его (Христа) отсылают к ним слушателя. Так, когда Он рождается, Евангелист говорит: *сие же все бысть, да сбудется реченное* Исаием *пророком глаголющим: се дева во чреве приимет и родит сына* (Мф. I, 22, 23). Когда Он подвергается злым умыслам и повсюду отыскивается с такою тщательностью, что и незрелый возраст избивается Иродом, — они приводят Иеремию, который говорит: *глас в Раме слышан бысть, плачь и рыдание и вопль мног: Рахиль плачущися чад своих* (Мф. II, 18; ср. Иер. XXXI, 15). Когда Он опять возвращается из Египта, — они припоминают Осию, который также говорит: *от Египта воззвах сына моего* (Мф. II, 15; ср. Ос. XI, 13). Так другие евангели-

сты делают и во всех случаях. А этот Евангелист (Иоанн), более возвышенным, чем другие, гласом проповедающий, представляет яснейшие и ближайшие свидетельства, и приводит не только отшедших и умерших, но и современного свидетеля, который указывал уже на пришедшего (Господа) и крестил Его, — не с тем приводит, чтобы свидетельством раба придать более достоверности словам Владыки, но снисходя к немощи слушателей, потому что подобно тому как, если бы Господь не принял вида раба, то не был бы легко принят, так, если бы гласом раба не предрасположил к себе слуха сорабов, то многие из иудеев не приняли бы Его слова.

2. Притом здесь устроялось и нечто другое, достойное удивления. Кто говорит о себе самом что-либо великое, тот делает собственное свидетельство подозрительным и нередко таким образом восстановляет против себя многих из слушателей; поэтому-то приходит свидетельствовать о нем другой. С другой стороны, большинство обыкновенно стекается на голос более привычный и сродный, так как знает его более, чем какой-либо другой. Потому-то глас с неба и был только однажды или дважды, а голос Иоанна — часто и много. Те, которые стояли выше немощей народа, отрешились от всего чувственного, только они и могли слышать глас свыше и не слишком нуждались в голосе человеческом, так как во всем повиновались вышнему гласу и им водились. Но которые еще обращались долу, были покрыты многими завесами, — те имели нужду в голосе низшем. Так сам Иоанн, уже вполне отрешившись от всего чувственного, не нуждался в наставлении от людей, а получал научение с небес. *Пославый мя крестити водою*, говорит он, *той мне рече: над негоже узриши Духа Божия сходяща, той есть* (Ин. I, 33). Между тем иудеи, будучи еще детьми и не в силах подняться до такой

высоты, имели учителем человека, который однако не свое им говорил, а возвещал вышние откровения. Итак, что же говорит (Евангелист)? *Иоанн свидетельствует о Нем, и воззва глаголя.* Что значит: *воззва?* Значит: проповедует смело, свободно, без всякой боязни. А что проповедует? О чем свидетельствует и взывает? *Сей бе*, говорит, *егоже рех, иже по мне грядый, предо мною бысть: яко первее мене бе.* Свидетельство несколько прикровенное и еще не очень возвышенное. Он не говорит: сей есть Сын Божий единородный; а что? *Сей бе, егоже рех, иже по мне грядый, предо мною бысть: яко первее мене бе.* Как птицы выучивают птенцов своих летать не вдруг и не в один день вполне, а сперва выводят их только из гнезда, потом, дав им отдых, продолжают далее полет их, на другой день прибавляют еще больше, и таким образом неприметно, мало-помалу поднимают их на надлежащую высоту, — подобным образом и блаженный Иоанн не вдруг возводит иудеев к горнему, но мало-помалу учит их воспарять от земли, говоря, что Христос был выше его (Предтечи). И то уже было не мало, чтобы слушатели могли поверить, что муж, еще не явившийся к ним и еще не сотворивший чудес, превосходит Иоанна, мужа столь дивного и славного, к которому стекались все и которого почитали ангелом. А между тем Иоанн-то и старался утвердить в мыслях слушателей, что свидетельствуемый больше свидетельствующего, пришедший после больше пришедшего прежде, еще не виденный больше известного и прославившегося. И посмотри, как разумно он произносит свидетельство. Он указывает не только явившегося, но еще прежде Его явления проповедует о Нем. Такой именно смысл имеют его слова: *Сей есть, егоже рех,* — как и Матфей повествует, что всем, приходившим к нему (Иоанну) он говорил: *аз убо крещаю вы водою в покаяние: грядый же по мне креплий мене есть, емуже несмь досто-*

ит разрешити ремень сапогу его (Мф. III, 11). Но для чего он так делал еще прежде явления (Господа)? Чтобы свидетельство самого явившегося тем удобнее могло быть принято, когда мысль слушателей уже приготовлена была к тому словами Иоанна, и чтобы не повредил этому свидетельству вид Его уничиженный. Ведь если бы иудеи увидели самого Христа, не слыхав предварительно ничего о Христе и не получив этого чудного и великого свидетельства о Нем в словах Иоанна, то убогий вид Христа тотчас бы стал в противоречие с величием Его слов. А Он облекся в такой смиренный и для всех обычный вид, что и самарянские жены, и блудницы, и мытари с большою свободою осмеливались подходить к Нему и вступали в беседу с Ним.

3. Итак, сказал я, если бы иудеи в одно время и услышали беседу и увидели самого (Христа), то может быть посмеялись бы свидетельству Иоанна. Но как они уже много слышали о Христе, прежде Его явления, и тем, что было говорено о Нем, было возбуждено их внимание, то с ними случилось противное: они уже не отвергли учение, судя по виду Того, о Ком свидетельствовал Иоанн, но, веря уже сказанному, признали Его славным еще более Иоанна. Выражение: *грядый по мне* значит: имеющий проповедать после меня, а не имеющий быть после меня. Это обозначается и у Матфея словами: *по мне грядет муж* (Мф. III, 11), относящимися не к рождению Его от Марии, но к пришествию на проповедь. Если бы говорено было о рождении, то сказано было бы не: *грядет*, а: *пришел*, – потому что Христос уже родился в то время, как Иоанн говорил это. А что значит: *предо мною бысть?* Что он славнее, досточтимее меня. «Не думайте, что я больше Его, потому только что я прежде Его пришел проповедать; я гораздо меньше Его и так меньше, что не достоин быть в числе рабов Его». Таким образом слова: *предо мною бысть* оз-

начают то же, что выражает иначе Матфей, говоря: *недостоин разрешити ремень сапогу его.* А что слова: *предо мною бысть* сказаны не о происхождении Его, очевидно из прибавления. Если бы Иоанн хотел сказать о происхождении, то прибавление: *яко первее мене бе* — было бы излишним. Да и кто столько глуп и бессмыслен, что не поймет, что прежде его бывший есть первее его? Если же в этом изречении разумеется предвечное бытие, то оно значит не другое что-либо, как и слова: *по мне грядый, предо мною бысть.* Но в таком случае это было бы сказано нерассудительно и напрасно была бы приложена такая причина. Если бы он это хотел показать, то ему надлежало бы сказать: *по мне грядый первее мене бе, яко предо мною бысть.* Кто произошел прежде, о том, по этой причине, справедливо можно сказать, что он первее другого; а если один только первее другого, это еще не причина, что тот произошел прежде этого. А что мы теперь говорим, то имеет свое твердое основание. Вы все, конечно, знаете, что мысли неясные имеют всегда нужду в доказательствах, а не мысли ясные. Если бы речь была о существовании, то не было бы непонятно, что прежде происшедший и должен быть первым; но так как Иоанн говорит о достоинстве, то справедливо и занимается решением представляющегося недоумения. И вероятно многие недоумевали, отчего и на каком основании пришедший после стал напереди, то есть оказался более досточтимым? На такой вопрос он немедленно представляет причину; а причина та, что Христос по бытию первее его (Иоанна). «Не по какому-либо преуспеванию, говорит он, Христос меня, прежде его пришедшего, оставил позади себя и сам стал напереди: Он первее меня, хотя и после меня приходит».

Но, скажешь ты, если это говорено было о явлении (Христа) людям и о последующем прославлении Его между ними, то каким образом о том, что еще не при-

шло к концу, он говорит как уже о бывшем? Он не сказал: *будет,* но: *бысть.* Но это у древних пророков было в обычае, чтобы то есть о будущих событиях говорить так, как бы уже о совершившихся. Так Исаия, говоря об умерщвлении Его, не сказал, что Он как овча на заколение веден будет, — в будущем времени, — но: *яко овча на заколение ведеся* (Ис. LIII, 7). Он в то время еще не воплотился; а пророк говорит о будущем событии, как уже сбывшемся. И Давид, назнаменуя крест, не сказал: «ископают руце мои и нози мои», но: *ископаша руце мои и нозе мои.* И: *разделиша ризы моя, и о одежди моей меташа жребий* (Пс. XXI, 17, 19). Говоря и о предателе, который еще не родился, он так выражается: *ядый хлебы моя возвеличи на мя запинание* (Пс. XL, 10). Подобным образом он говорит и о том, что произошло на кресте: *даша в снедь мою желчь и в жажду мою напоиша мя оцта* (Пс. LXVIII, 22).

4. Хотите ли, чтобы мы продолжали дальше, или довольно и этого? Я так думаю. Правда, мы этого участка не разработали по всей ширине его, зато проникли в глубину его; а в этом труда не меньше; притом же мы и опасаемся, чтобы, задержав вас свыше меры, не ослабить в вас ревности. Итак окончим слово надлежащим образом. А каким надлежащим образом? Славословием, подобающим Богу. Но Богу подобает славословие не на словах только, а гораздо более на самых делах. *Тако да просветится,* сказано, *свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). И подлинно, возлюбленный, нет ничего светоноснее доброго образа жизни. Выражая это, и говорит один из мудрых: *путие праведных подобне свету светятся* (Притч. IV, 18). Они не только светят самим тем, которые возжигают свет в делах своих, но и руководят на правый путь ближних их. Возлием же елей в эти светильники, чтобы огонь поднялся выше и чтобы

свет явился в изобилии. Елей этот имеет не только ныне много силы, но, когда еще жертвы были в употреблении, он много превосходил силу их. *Милости*, сказано, *хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6; ср. Мф. IX, 13): и совершенно справедливо. Тот жертвенник – бездушный; а этот – одушевленный (то есть сердце доброе, милостивое). Там все, положенное на жертвеннике, делается добычею огня, обращается в пепел, разрешается в золу и пыль, и дым рассеивается в воздухе; здесь нет ничего такого, и плоды здесь другие. Это показывает и Павел. Говоря о богатстве любви к бедным у коринфян, он писал: *яко работа служения сего не токмо есть исполняющая лишения святых, но и избыточествующая многими благодареньми Богови.* И потом: *славяще Бога, о покорении исповедания вашего в благовествовании Христове, и о простоте сообщения к ним и ко всем, и о тех молитве о вас, возжелеющих вас* (2 Кор. IX, 12–14). Видишь ли, какая любовь к бедным разрешается в благодарение и хвалу Богу, в усердные молитвы и в пламеннейшую любовь получивших благодеяние? Будем же, возлюбленные, приносить жертвы, будем приносить на этих жертвенниках каждый день. Жертвы эти важнее и молитв и постов и многих других дел, только бы были (приносимы) от прибытка праведного и таких же трудов, и чисты от всякого любостяжания, хищения и насилия. Такие-то приношения приемлет Бог, а другие – противоположные – отвергает и ненавидит. Он не хочет, чтобы мы Его чтили жертвами чужих несчастий. Такие жертвы нечисты и непотребны и скорее прогневали бы, чем умилостивили Бога. Поэтому должно прилагать все старание к тому, чтобы под видом служения не оскорбить Того, кого мы хотим почтить. Если Каин, принесши (Богу) худшее, что у него было, и в этом не сказав неправды никому другому, подвергся крайнему наказанию, то не понесем ли мы наказания еще более тяжко-

го, когда принесем что-либо от хищения и любостяжания? Поэтому Бог и явил нам этот вид заповеди (*милости хощу, а не жертвы*), чтобы мы миловали, а не истязали сорабов. А кто берет принадлежащее другим и передает еще другому, тот не милует, а обижает и оказывает крайнюю несправедливость. Как камень не производит из себя елея, так и жестокосердие — человеколюбия. Милостыня, имеющая такой корень, еще не есть милосердие. Поэтому я убеждаю вас — обращать внимание не на то только, чтобы подавать нуждающимся, а и на то, чтобы это подаяние не было хищением у других, так как *единому молящуся, а другому проклинающу, коего глас услышит Владыка* (Сир. XXXIV, 24)? Если мы так тщательно будем вести себя, то, по благодати Божией, сможем сподобиться и от Бога великого человеколюбия, помилования и прощения во всем, в чем согрешили в продолжение этого долгого времени, — и избежать реки огненной, от которой да будем похищены все мы и достигнем царства небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIV

И от исполнения Его мы вси прияхом, и благодать возблагодать (Ин. I, 16)

1. Недавно мы говорили, что Иоанн, — разрешая недоумение тех, которые стали бы сами с собою рассуждать, почему Христос, пришедши на проповедь после Иоанна, стал первее и славнее его, — присовокупляет: *яко первее мене бе*. Это — одна причина. Но Евангелист представляет и другую, которая ныне высказана (в Евангелии). Какую же? *От исполнения Его*, говорит он, *мы еси*

прияхом, и благодать возблагодать. Затем приводит еще иную причину. Какую? *Яко закон Моисеом дан бысть: благодать же и истина Иисус Христом бысть* (ст. 17). Но что же значат, скажешь ты, слова: *и от исполнения Его мы вси прияхом?* К этому и надобно теперь обратить слово. У Него, говорит Евангелист, не заимствованный дар; но Он есть самый источник, самый корень всех благ, — самосущая жизнь, самобытный свет, самосовершенная истина. Он не удерживает обилия благ в Себе самом, но изливает его на всех других, и изливая, с лихвой Сам пребывает всегда полным; ущедряя других, Сам ни в чем не умаляется; всегда источая и всем сообщая эти блага, остается в том же совершенстве. А что имею я в себе (говорит Иоанн), это заимствованное, так как я получил от другого, — это нечто малое из всего и как бы скудная капля перед невыразимой пучиной и безбрежным морем. Лучше же сказать, — и это подобие не может изобразить того, что мы усиливаемся высказать. Отдели от моря каплю, — и море тем самым уменьшится, хотя уменьшение и не заметно. Но о том источнике нельзя этого сказать: сколько бы ни исчерпывали его, он нисколько не уменьшается. Итак, нужно перейти к некоторому другому подобию: и оно, конечно, будет слабо и не может изъяснить нам того, чего мы доискиваемся, но по крайней мере ближе первого приведет нас к предположенной мысли. Представим себе источник огня, — и вот от него возжигается тысяча, две, три и больше светильников. Не остается ли огонь в одной и той же полноте и после того, как сообщит свою силу столь многим светильникам? Это известно каждому. Если же в телах делимых и через отнятие (частиц) уменьшаемых находится нечто такое, что, и после сообщения своих сил другим телам, нисколько не уменьшается, то гораздо в высшей степени это должно быть в силе бес-

телесной и бессмертной. Если воспринимаемое здесь (в огне) есть и сущность и тело, и делится и не делится, то когда речь идет о силе, и притом силе, исходящей от бестелесной сущности, гораздо более несомненно то, что она не подвержена ничему такому.

Потому-то и говорит Иоанн: *и от исполнения Его мы вси прияхом,* — и свое свидетельство соединяет со свидетельством Крестителя. Слова: *и от исполнения Его мы вси прияхом* принадлежат не Предтече, а ученику (Христову). Слова же эти значат вот что: не думайте, что мы, как люди, много времени обращавшиеся с Ним и разделявшие с Ним трапезу, свидетельствуем только из благодарности. Вот и Иоанн, человек, даже не видевший Его прежде и не обращавшийся с Ним, а видевший его вместе с другими только в то время, когда крестил, — и он воззвал: *первее мене бе,* сказав этим все. Между тем все мы — двенадцать, триста, пятьсот, три, пять тысяч и десятки тысяч иудеев, все вообще множество верующих и тогдашнего, и настоящего, и будущего времени от исполнения Его получили. Что же получили? *Благодать возблагадать.* Какую же благодать вместо какой благодати? Новую вместо древней. Подобно тому, как была правда и правда (*по правде законней,* сказано, *быв непорочен,* — Флп. III, 6), — вера и вера (от *веры в веру,* — Рим. I, 17), — усыновление и усыновление (*ихже всыновление,* сказано — Рим. IX, 4), — слава и слава (*аще бо престающее, славою много паче пребывающее в славе,* — 2 Кор. III, 11), закон и закон (*закон,* сказано, *духа жизни свободи мя,* — Рим. VIII, 2), — служение и служение (*ихже служение,* сказано, — 2 Кор. III, 7, 8 — и в другом месте: *духом Богу служа,* — Флп. III, 5), — завет и завет (*и завещаю им завет нов, не по завету, егоже завещах отцем их,* — Иер. XXXI, 31), — освящение и освящение, крещение и крещение, жертва и жертва, храм и храм, обрезание и обрезание, — так есть благодать и благодать. Но здесь одно — образцы, а

другое — истина; и то и другое есть только нечто соименное, а не однозначащее. И на снимках и на изображениях называется человеком написанный и черными красками и белыми, точно также, как и имеющий свой естественный цвет. И статуи, будет ли статуя золотая или глиняная, равно называются статуями. Но иное — образ, а иное — истина.

2. Итак, по сходству имен не заключай о тожестве вещей, так же как и о разности их. Если был образ, то он не был чужд истины, только если он заключал в себе тень, то был ниже истины. Какое же различие между всеми указанными понятиями? Хотите ли, мы займемся истолкованием одного или двух высказанных понятий? Таким образом будут понятны для вас и прочие, — и все мы увидим, что одни из них были уроками для детей, а другие для людей возмужавших и крепких; что одни были законоположены только для людей, другие как бы для ангелов. С чего же нам начать? Хотите ли, с самого усыновления? Итак; какое различие между усыновлением ветхозаветным и новозаветным? То было честью на словах, а это на самом деле. О том сказано: *аз рех, бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. LXXXI, 6); об этом: *от Бога родишася* (ст. 13). Как и каким образом? *Банею пакибытия и обновления Духа Святаго.* Те, и с именем сынов, имели в себе духа работы, — почтены были этим названием, оставаясь рабами; мы, соделавшись свободными, получили эту почесть не по имени только, а на самом деле. На это указывая, Павел говорил: *не приясте бо духа работы паки в боязнь: но приясте духа сыноположения, о немже вопием: Авва Отче* (Рим. VIII, 15). Как рожденные свыше и, так сказать, воссозданные, мы потому и названы сынами. А если бы кто хотел дознать образ освящения ветхозаветный и новозаветный, то опять и здесь увидит много разности. Древние назывались этим именем (святых), когда не служили идолам, не творили блу-

да, не прелюбодействовали; а мы делаемся святыми не только через воздержание от тех (пороков), но и через приобретение высших совершенств. И сначала мы получаем этот дар от самого наития Святого Духа; а потом и через собственную жизнь, которая гораздо выше иудейской. А что эти слова – не самохвальство, послушай, что сказано тем: не волхвуйте, не очищайте чад своих, так как вы народ святой (см.: Втор. XVIII, 10, 13). Таким образом у них святость состояла в удалении от обычаев языческих; а у нас не так, но *да будет свята*, сказано, *и телом и духом* (1 Кор. VII, 34). *Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никто же узрит Господа* (Евр. XII, 14). И: *творяще святыню в страсе Божии* (2 Кор. VII, 1). Слово: *святой* не о всех, к кому прилагается, выражает одну и ту же мысль. Называется святым и Бог, но не так, как мы. Смотри, что говорит пророк, услышав глас, исходящий от серафимов: *о, окаянный аз, яко человек сый, и нечисты устне имый, посреде людей, нечистыя устне имущих, аз живу* (Ис. VI, 5), – а пророк был свят и чист. Но если судить о святости нашей по образцу горней, то мы оказываемся нечистыми. Святы и ангелы и архангелы, святы также серафимы и херувимы; но есть опять разность в святости между нами и высшими силами. Я мог бы проследить и все прочие понятия, но вижу, что слово становится слишком продолжительным. Поэтому, оставив дальнейшее исследование, мы предоставляем вам самим рассудить об остальных предметах: вы можете дома, сличив их, понять различие между ними, и подобным образом проследить все прочее. *Даждь*, сказано, *премудрому вину, и премудрейший будет* (Притч. IX, 9). Таким образом начатое нами окончите вы. А нам нужно возвратиться к прежнему порядку слова.

Сказав: *от исполнения Его мы вси прияхом*, Евангелист присовокупляет: *благодать возблагодать*, – и тем показы-

вает, что и иудеи спасаются благодатью. «Не ради умножения вашего, говорит (Бог), но ради отцов ваших Я избрал вас». А если они избраны Богом не за свои заслуги, то явно, что получили эту почесть по благодати. Да и мы все спасены благодатью, — только не так, как они, не в той же, а гораздо важнейшей и возвышеннейшей степени. Таким образом и благодать у нас не такова. Нам даровано не только оставление грехов (это у нас общее с ними: *вси бо согрешиша*, — Рим. III, 23), но и оправдание, и освящение, и усыновление, и благодать Духа, несравненно более светоносная и изобильная. Через эту благодать мы соделались любезными Богу уже не как рабы, но как сыны и други. Потому и сказано: *благодать возблагодать*. И подзаконное домостроительство было делом благодати, да и самое происхождение наше из небытия; не за какие-либо предшествующие заслуги мы получили это воздаяние, — как это могло быть, когда нас совсем и не было? — но так было потому, что Бог во всяком случае предваряет нас Своими благодеяниями. И не только наше происхождение из небытия, но и немедленное, после происхождения, научение тому, что должно делать и чего не делать, вложение закона этого в самую природу нашу, внедрение в нас неподкупного судилища совести — все это есть дело величайшей благодати и неизреченного человеколюбия. Дело благодати также — после повреждения этого закона возобновление его через закон писанный. Преступившим заповедь, однажды данную, следовало бы подвергнуться наказаниям и мучениям. Но этого не сделано; а (последовало) снова исправление и даровано прощение не по праву, но по милости и благодати. А что — по милости и благодати, об этом послушай, как говорит Давид: *творяй милостыни Господь, и судьбу всем обидимым. Сказа пути своя Моисеови, сыном Исраилевым хотения своя* (Пс. CII, 6, 7). И в другом месте:

благ и прав Господь, сего ради законоположит согрешающим на пути (Пс. XXIV, 8).

3. Итак получение закона есть дело милости, сострадания и благодати. Поэтому Евангелист, сказав: *благодать возблагодать*, еще сильнее доказывает величие даров, когда присовокупляет следующие слова: *яко закон Моисеом дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть.* Видите ли, как Иоанн Креститель и ученик (Христов) мало-помалу и незаметно возводят слушателей к самому возвышенному разумению, приготовив их к тому сначала более простыми мыслями. Креститель, сравнив с собою Того, Кто без сравнения превосходит всех, таким образом показывает Его превосходство, и для того говорит: *иже предо Мною бысть*, и потом присовокупляет: *яко первее мене бе.* А Евангелист выражает гораздо больше того (Крестителя), впрочем все еще ниже достоинства Сына единородного; Евангелист делает сравнение не с Иоанном, но с тем, кто был в большем уважении у иудеев, разумею Моисея. *Яко закон*, говорит, *Моисеом дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть.* Но заметь благоразумие. Он сличает не лица, а дела. А как скоро показано превосходство дел одного перед другим, то и неблагодарные по необходимости должны были принять такое учение и внушение о Христе. Когда свидетельствуют самые дела — такие, в которых нимало нельзя подозревать ни пристрастия, ни вражды к кому бы то ни было, то представляется доказательство неопровержимое и для людей неблагомыслящих. Дела эти оказываются такими, как расположили их сами виновники. Поэтому-то свидетельство таких дел есть самое несомненное. Посмотри также, какое, доступное даже для людей слабых, Евангелист делает сравнение. Он не изображает на словах превосходства (благодати перед законом), а только в самых наименованиях показывает различие их, противопо-

ставляя *закону — благодать и истину*, и словам: *дан бысть* — слово: *бысть*. А различие большое между тем и другим. *Дан бысть* — это выражение относится к служителю, принявшему закон от другого и предавшему тем, кому повелено было дать; а: *бысть* благодать и истина — это изображает Царя, властью своею отпускающего все согрешения и раздающего Свои дары. Поэтому (Господь) говорил: *отпущаются тебе греси*. Также: *но да увесте, яко власть имать Сын человеческий на земли отпущати грехи, глагола расслабленному: возстани и возми одр твой, и иди в дом твой* (Мк. II, 9, 10). Видишь ли, как благодать через Него происходит? Заметь тоже и касательно истины. На благодать указывает и то обстоятельство, и событие с разбойником, и дар крещения, и благодать Духа, через Него подаваемая, и многое другое. А истину мы уразумеем яснее, если изучим образы. Домостроительство, имевшее совершиться в Новом Завете, предварительно предначертали образы, как преобразования; а Христос, с пришествием Своим, совершил его. Итак, рассмотрим вкратце некоторые образы, — проследить все образы в настоящее время и не возможно. Вы же, изучив некоторые, которые я представлю, по ним уразумеете и прочие. Итак, хотите ли начнем с самых страданий? Что говорит преобразование? «Возьмите овча по домам и принесите в жертву, как повелел и законоположил Господь» (Исх. XII). Но Христос не так сделал; Он не повелевает этого, а сам становится как овча, принося Отцу Себя самого в жертву и приношение.

4. Посмотри еще, как образ дан был через Моисея, а истина совершилась через Иисуса Христа. Во время нападения амаликитян на евреев на горе Синайской были распростерты руки Моисея, и поддерживаемы Аароном и Ором, которые стояли по ту и по другую сторону; а Христос сам собою держал свои руки

распростертые на кресте. Видишь ли, как дан был образ и как совершилась истина? Также закон говорил: *проклят всяк, иже не пребудет во всем, написанном в книге сей* (Втор. XXVII, 26). А что говорит благодать? *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии и Аз упокою вы* (Мф. XI, 28). И Павел: *Христос ны искупил есть от клятвы, законныя, быв по час клятва* (Гал. III, 13). Итак, получив столь великую благодать и истину, не сделаемся, вследствие самой великости дара, беспечны. Чем большей мы удостоены почести, тем более должны быть и добродетельны. Кто, будучи немного облагодетельствован, немного оказывает и ревности в себе, тот не столь великого заслуживает и осуждения; но кто, будучи возведен на самую высшую степень почести, обнаруживает в себе свойства низкие и дела унизительные, тот заслужит гораздо большее наказание. Но не дай Бог — когда-либо предполагать это в вас. Мы уповаем, о Господе, что вы воспарили душами вашими к небесам, отрешились от земли и, будучи в мире, не преданы страстям мира. Однако ж и при такой уверенности, мы не перестаем почасту внушать вам одно и тоже. В телесной борьбе все зрители также убеждают (бойцов) не падать, не лежать простертыми ниц, но быть бодрыми и держаться на ногах; но тех, которые, несмотря на увещания, не могут встать, однажды навсегда лишают победы, и, как неспособных к подвигам, с презрением оставляют в таком положении. Но здесь можно ожидать чего-нибудь хорошего не только от вас, бодрствующих, но и от падших, если только они захотят исправиться. Для того-то мы и делаем все, и умоляем, и докучаем, и укоряем, и хвалим, чтобы устроить ваше спасение. И вы потому не досадуйте на наши частые увещания к жизни добропорядочной. Мы говорим, не как осуждающие ваше нерадение, но как имеющие самые добрые о вас надежды. Притом, что доселе было

сказано и впредь будет сказано, то касается не вас только, а и нас говорящих. И мы сами имеем нужду в таком же назидании, и хотя сами говорим, но ничто не препятствует обратить те же речи и к нам. Слово, встретив виновного в грехах, исправляет его; не причастного греху и свободного от него отводит от него еще далее. Ведь и мы не чисты от согрешений. Итак врачевание одно для всех, и пособия врачебные предлагаются всем. Но излечение не одно у всех, а соразмеряется с произволением пользующихся им. Потому кто пользуется врачеством, как должно, тот получает облегчение от врачевания; а кто врачества не прилагает к ране, тот усиливает в себе зло и обращает его к самым несчастным последствиям. Итак, не будем досадовать, когда нас врачуют, но лучше будем радоваться, хотя бы способ учения причинял нам горькие скорби, — потому что впоследствии он принесет самый сладкий плод. Все будем делать так, чтобы чистыми от ран и язв, нанесенных душе уязвлением греха, перейти нам в век будущий, чтобы сподобиться лицезрения Христа и быть преданными не жестоким и мстительным силам, а тем, которые могут ввести нас в наследие небесное, уготованное любящим Его, — что и да получим все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XV

Бога никтоже виде нигдеже: Единородный Сын, сый в лоне отчи, той исповеда (Ин. I, 18)

1. Бог хочет, чтобы мы не просто слушали имена и слова, находящиеся в Писании, но — с разумением. Поэтому блаженный Давид многие из своих псалмов

надписал так: *в разум,* и говорил: *открый очи мои и уразумею чудеса от закона твоего* (Пс. CXXIII, 18). После него сын его, заступивший его место, учит, что мудрости должно искать, как серебра, приобретать ее больше, чем золота. А Господь внушал иудеям испытывать Писания и тем нас еще более побуждает к исследованию. Он не в том смысле говорил это, чтобы, только прочитав, можно было с первого раза понять Писание. Никто, конечно, не станет испытывать того, что находится вблизи и под рукою, а испытывают то, что остается в тени и может открыться только после долгого изыскания. Для того-то Писание называется и сокровищем сокровенным, чтобы побудить нас к испытанию его. А это внушается нам для того, чтобы приступали к словам Писания не просто, как случилось, но с большою осмотрительностью, потому что кто станет слушать, что читается в нем, без рассуждения и все принимать буквально так, как сказано, тот может предполагать много нелепого о Боге. Он пожалуй допустит, что Бог есть и человек и что Он состоит из меди, что он и гневлив и яростен, и много других еще более худых мыслей. Если же кто будет вникать в глубину смысла, то избежит всякой такой нелепости. Вот и в чтении, ныне нам предложенном, говорится, что Бог имеет лоно, а это свойственно телам; но никто не будет столько глуп, чтобы бестелесного почитать телом. Чтобы все это понять в смысле духовном, как должно, исследуем это место подробнее. *Бога никтоже виде нигдеже.* Каким путем Евангелист пришел к этому? Показав великое преимущество даров Христовых — такое, что неизмеримое расстояние находится между этими дарами и сообщенными через Моисея, он хочет потом высказать и достаточную причину такой между ними разности. Моисей, как раб, был служителем дел низших; а Христос, как Владыка и Царь и Сын Царя, принес нам несравненно

высшие дары, сосуществуя всегда со Отцем и видя Его непрестанно. Потому-то Евангелист и присовокупил: *Бога никтоже виде нигдеже.* Что же мы скажем на слова велегласнейшего Исаии: *видех Господа седяща на престоле высоце и превознесенне* (Ис. VI, 1)? Что скажем на свидетельство самого Иоанна о том, что Исаия сказал это тогда, когда видел славу Его (см.: Ин. XII, 41)? Что скажем на слова Иезекииля? И он ведь видел Бога, седящего на херувимах. Что – на слова Даниила? И он говорит: *и ветхий денми седе* (Дан. VII, 9). Что также – на слова Моисея: *яви, ми славу твою, да разумно вижду Тя* (Исх. XXXIII, 13)? А Иаков и прозвание получил от этого, то есть был назван Израилем, а Израиль значит: *видящий Бога.* Видели Его и другие. Итак, почему же Иоанн сказал: *Бога никтоже виде нигдеже?* Он показывает, что все то было делом снисхождения, а не видением самого существа божественного. Если бы они видели самое существо, то видели бы его не различным образом. Оно просто, необразно, несложно, неописанно; не сидит, не стоит, не ходит. Все это свойственно только телам. Но как Бог существует, это знает Он один и это возвестил сам Бог Отец через одного пророка: *аз,* говорит, *видения умножих и в руках пророческих уподобился* (Ос. XII, 10), то есть Я снизошел, явился, по не тем, что Я есмь. А как Сын Его имел явиться нам в действительной плоти, то Он изначала приготовлял людей к созерцанию существа Божия, сколько им возможно было видеть. Но что Бог есть сам в себе, того не видели не только пророки, но и ангелы и архангелы; и если бы ты спросил их об этом, то в ответ не слышал бы ничего о существе, а только пение: *слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (Лк. II, 14). Если бы ты пожелал узнать о том что-либо от херувимов, или серафимов, то услышал бы таинственную трисвятую песнь и что исполнь *небо и земля славы его* (Ис. VI, 2). А если

бы ты обратился с вопросом к силам еще высшим, то ничего не узнал бы, кроме того, что у них одно дело — хвалить Бога. *Хвалите Его,* сказано, *вся силы Его* (Пс. CXLVIII, 2). Итак, самого (Бога Отца) видит только Сын и Дух Святый. Да и как созданное существо, каково бы оно ни было, может видеть Несозданного! Если мы не можем ясно видеть какую бы то ни было бестелесную силу, даже сотворенную, — а этому много оказалось примеров по отношению к ангелам, — то тем более мы не можем видеть существа бестелесного и не созданного. Поэтому и Павел говорит: *Его же никтоже видел есть от человек, ниже видети может* (1 Тим. VI, 16). Но не принадлежит ли это преимущество только одному Отцу, а не Сыну? Нет — и Сыну также. А что принадлежит это и Сыну, послушай Павла, который показывает это и говорит: *иже есть образ Бога невидимого* (Кол. I, 15). А как образ невидимого, Он и сам невидим, иначе не был бы и образом. Если же (Павел) в другом месте говорит: *Бог явися во плоти* (1 Тим. III, 16), — ты не удивляйся; это явление совершилось во плоти, а не по существу. Но что и Он невидим, не только для людей, а и для высших сил, показывает также Павел. Сказав: *явися во плоти,* он присовокупляет: *показася ангелом.*

2. Таким образом Он показался ангелам тогда, когда облекся плотью; а прежде того они также не видели Его, потому что и для них существо было не видимо. Как же, скажете, сам Христос сказал: *да не презрите единаго от малых сих: глаголю бо вам: яко ангели их на небесех выну видят лице Отца моего небеснаго* (Мф. XVIII, 10)? Что же? Неужели Бог и лицо имеет и небесами ограничивается? Но никто не будет до такой степени лишен ума, чтоб утверждать это. В каком же смысле это сказано? В том же, в каком сказано: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. V, 8). Говорится здесь о видении, нам возможном, о видении умом и мыслью о Боге.

Таким образом и об ангелах можно сказать, что они по своему чистому и бодрственному естеству всегда не что другое созерцают, а только Бога. Потому-то и сам (Господь) также говорит: *ни Отца кто знает, токмо Сын* (Мф. XI, 27). Что же? Неужели все мы находимся в неведении о Нем? Нет; только никто не знает (Отца) так, как Сын. А как и прежде многие видели Его, в доступной для них мере видения, существа же божеского не видел никто, так и ныне все мы знаем Бога, но каков Он в существе своем, того не знает никто, — только один Рожденный от Него. Знанием Он здесь называет точное созерцание и постижение, и притом такое, какое имеет Отец о Сыне. *Якоже знает Мя Отец*, говорит Он, *и Аз знаю Отца* (Ин. X, 15).

Смотри же, с какою полнотою выражает это Евангелист. Сказав: *Бога никтоже виде нигдеже*, он не говорит потом, что *Сын, видящий Его, исповеда*, но представляет нечто другое, что еще полнее видения, именно: *сый в лоне Отчи*, — так как пребывание в лоне гораздо более означает, нежели видение. Кто просто — видит, тот имеет еще не совсем точное познание о видимом предмете; а кто пребывает в лоне, тот имеет полное ведение. Итак, если Отца никто не знает, кроме Сына, то ты, слыша это, не подумай, что, хотя Сын знает Отца совершеннее, чем все другие, но не знает, каков Он есть в себе; и вот для этого-то Евангелист и говорит, что Сын пребывает в лоне Отца; а сам Христос вещает, что знает Отца столько же, сколько Отец Сына. Итак, кто стал бы противоречить, того спроси: знает ли Отец Сына? И он, если только не сошел с ума, конечно, ответит: да. Затем опять мы спросим: имеет ли Отец ведение о Сыне полное и видит ли ясно, что есть Сын? Конечно противник согласится и на это. А отсюда ты выведи и полное знание Сына об Отце. Сам (Сын) сказал: *якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца* (Ин. VI, 46);

и в другом месте: *не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога.* Поэтому, как я сказал, Евангелист и упомянул о лоне, одним этим словом изъясняя нам все: сродство и единство существа, нераздельное ведение и равенство власти. А иначе и Отец не мог бы иметь в лоне Своем какое-либо иное существо, да и Сын, если бы был рабом и одним из многих, не дерзнул бы пребывать в лоне Владыки; это свойственно только истинному Сыну, обладающему великим дерзновением перед Родителем и имеющему в себе нисколько не меньше (Его). Хочешь ли дознать вечность Сына? Послушай, что говорит Моисей об Отце. Спросив о том, что сказать в ответ египтянам, если они спросят, кто послал его, он получил повеление сказать: *Сый посла мя* (Исх. III, 14). Слово: *Сый* означает бытие постоянное, бытие безначальное, бытие в истинном и собственном смысле. То же означает и выражение: *в начале бе,* изображая бытие постоянное. И это выражение употребляет здесь Иоанн именно для того, чтобы показать, что Сын существует в лоне Отца безначально и вечно. А чтобы ты, по общности наименования, не заключил, что Он один из тех, которые соделались сынами по благодати, для того здесь приложен член, который и отличает Его от сынов по благодати. Если же для тебя этого недостаточно, и ты все еще склоняешься долу, то выслушай наименование, более свойственное Сыну: *единородный.* А если ты и после этого смотришь книзу, то я не откажусь употребить о Боге и человеческое выражение, — разумею лоно, только бы ты не представлял себе ничего уничиженного. Видишь ли человеколюбие и промышление Владыки? Бог допускает о Себе слова недостойные, чтобы по крайней мере таким образом ты открыл глаза и помыслил что-либо великое и высокое, — и ты все еще остаешься долу? В самом деле, скажи мне, для чего здесь упоминается лоно, понятие грубое и плот-

ское? Для того ли, чтоб мы представляли себе Бога телом? Нет, вовсе нет, говоришь ты; для чего же? Если оно не изображает ни истинности Сына, ни того, что Бог не есть тело, то конечно изречение это брошено напрасно и без всякой нужды. Так для чего же? Я не перестану спрашивать тебя об этом. Не явно ли — для того, чтобы посредством его мы поняли именно то, что Он есть истинно Сын единородный и совечен Отцу? *Той исповеда,* — сказано. Что Он исповедал? Что *Бога никтоже виде нигдеже?* Что Бог един? Но это (говорили) и пророки, часто взывал и Моисей: *Господь Бог твой, Господь един есть* (Втор. VI, 4); и Исаия: *прежде Мене не бысть ин Бог, и по Мне несть* (Ис. XLIII, 10).

3. А что же еще мы узнаем от Сына, как сущего в недрах отчих? Что узнаем от Единородного? Во-первых, что это самое составляет Его действенную силу. Потом, мы получили более ясное учение и познание о том, что Бог есть Дух и что поклоняющиеся Ему должны покланяться духом и истиною; еще же и то, что Бога видеть невозможно, что Его не знает никто, кроме Сына, и что Он есть Отец истинного Единородного; также и все прочее, что об Нем повествуется. Самое же слово: *исповеда* выражает учение яснейшее и очевиднейшее, которое Он передал не одним иудеям, а и всей вселенной, и которое сам исполнил. Пророкам внимали не все даже иудеи, а Единородному Сыну Божию покорилась и уверовала вся вселенная. Итак, исповедание означает здесь особенную ясность учения. Потому-то называется и Словом и Ангелом великого совета. Если же мы удостоены высшего и совершеннейшего учения, после того как Бог в последние дни возглаголал нам уже не только через пророков, но и через Единородного Сына, то и мы должны показать жизнь более возвышенную и достойную такой почести. Как Он снизошел к нам до того, что восхотел беседовать с нами не через рабов, а сам

непосредственно, то несообразно было бы с нашей стороны не показать в себе ничего лучше прежних времен. Иудеи имели учителем Моисея, а мы самого Владыку Моисея. Итак покажем любомудрие, достойное этой почести, и не будем иметь ничего общего с землею. Он для того и принес нам учение свыше, с небес, чтобы вознести туда нашу мысль, чтобы мы сделались, по мере сил своих, подражателями своего Учителя. А как нам, скажешь, сделаться подражателями Христу? Делая все для общего блага и не ища своего. И *Христос,* сказано, *не себе угоди, но, якоже есть писано, поношения поносящих ти нападоша на мя* (Рим. XV, 3). Никто пусть не ищет своего. А пусть, ища своего, всякий имеет в виду ближних; что — наше, то — и их. Мы одно тело и члены и части друг друга (см.: Рим. XII, 5). Не будем же в отношении друг к другу, как разделенные. Пусть никто не говорит: такой-то мне не друг, не родственник, не сосед; у меня нет ничего общего с ним: как мне приступить к нему? Как начать разговор? Если он и не родственник, не друг тебе, — все же он человек, одного с тобою естества, имеет одного Владыку, сораб, сожитель, — так как живет в одном с тобою мире. А если еще содержит одну веру, то вот он и член твой. Какая дружба может произвести такое единение, как сродство веры? Мы должны показывать не такую близость, не такое иметь общение между собою, как друзья с друзьями, а как члены с членами. Другого высшего дружества и общения, чем это, не найдет никто никогда. Ты так же не можешь говорить: откуда у меня близость и связь с таким-то, как не можешь сказать этого о своем брате, потому что это было бы смешно. *Вси бо во едино тело крестихомся,* — сказано (1 Кор. XII, 13). Для чего *во едино тело?* Для того, чтобы не разделяться, но взаимным согласием и дружеством сохранять связь всего тела. Итак, не будем презирать друг друга, чтобы не пренебречь самих себя, — потому

что сказано: *никтоже когда плоть свою возненавиде, но питает и греет ю* (Еф. V, 29). Для этого Бог дал нам один дом — мир этот; разделил все поровну: одно для всех возжег солнце, распростер один кров — небо; устроил одну трапезу — землю; дал и другую трапезу, которая гораздо важнее этой, но также одну: соучастники таинств знают, что я говорю; даровал всем один духовный образ рождения; у всех нас одно отечество на небесах; все пьем из одной и той же чаши. Ни богатому Он не дал ничего больше и драгоценнее, ни бедному ничего меньше и малоценнее; но всех равно призвал, и как плотские, так и духовные (блага) равно сообщил. Отчего же такое неравенство в жизни? От любостяжания и высокомерия богатых. Но, братия, да не будет впредь этого. Так как у нас есть нечто общее и необходимейшее, что соединяет нас во едино, то не будем разделяться из-за дел земных и ничтожных, — разумею богатство, бедность, плотское родство, вражду, дружество. Все это тень, еще ничтожнее и тени для тех, которые соединяются узами высшей любви. Будем же сохранять эти узы неразрывными, — и никакой злой дух не сможет проникнуть в нас, чтобы разрушить такое единение. Итак, да будет оно во всех нас, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVI

И сие есть свидетельство Иоанново, егда послаша жидове от Иерусалима иереев и левитов, да вопросят его: ты кто еси (Ин. I, 19)?

1. Опасная страсть, возлюбленный, — зависть; опасная и гибельная для самих завидующих, а не для тех, которым завидуют. Она прежде всего им самим причи-

няет вред и гибель, как какая-нибудь смертоносная отрава, внедрившаяся в души их. А если она когда-либо вредит и тем, которым завидуют, то это вред малый и незначительный, и еще доставляет им пользу, гораздо более важную, чем потеря. И так бывает не с завистью только, а и со всеми другими страстями: не тот, кто терпит зло, а тот, кто делает зло, получает вред. Иначе, если бы это было не так, Павел не внушал бы своим ученикам — лучше терпеть несправедливость, чем делать ее, говоря: *почто не паче обидими есте? Почто не паче лишены бываете* (1 Кор. VI, 7)? Он хорошо знал, что гибель всюду следует не за тем, кто терпит зло, а за тем, кто делает зло. Все это говорю я по поводу зависти иудеев. Люди стекавшиеся из городов к Иоанну и, в покаянии о своих грехах, получившие крещение, — те самые, после крещения, как бы передумав снова, посылают спросить его: *ты кто еси?* Подлинно порождения ехидн, змеи, если еще не хуже их. Род лукавый, прелюбодейный и развращенный, ты уже после крещения изведываешь и любопытствуешь узнать о Крестителе? Может ли быть что-нибудь глупее этой глупости? Как же вы приходили к нему? Как исповедовали свои грехи? Как спешили креститься от него? Как вопрошали его о том, что должно делать? Итак, все это делалось у вас безрассудно, без сознания причины и основания на то? Впрочем ничего такого не сказал блаженный Иоанн, не возопил, не стал их укорять; но отвечал со всею снисходительностью. А для чего он так поступил, — стоит узнать, чтобы всем было явно и очевидно злодейство иудеев. Иоанн часто свидетельствовал перед иудеями о Христе и, когда крестил, нередко напоминал о Нем приходящим и говорил: *аз убо крещаю вы водою: грядый же по мне, креплий мене есть: той вы крестит Духом Святым и огнем* (Мф. III, 11). Но они в отношении к Иоанну показали человеческую слабость: имея в виду славу мирскую и

взирая на внешность, они думали, что недостойно Иоанна подчинять себя Христу. Иоанна возвышало многое в их глазах: во-первых, именитое и знатное происхождение, потому что он был сын первосвященника; во-вторых, строгость жизни и презрение всего человеческого, потому что он, пренебрегая и одеждою, и домом, и самою пищею, проводил перед тем все время в пустыне. Во Христе все было напротив, происхождение уничиженное, что иудеи часто и выставляли на вид, говоря: *не сей ли есть тектонов сын? Не мати ли его нарицается Мариам, и братия его Иаков и Иосий* (Мф. XIII, 55)? А мнимое Его отечество было в таком бесславии, что и Нафанаил говорил: *от Назарета может ли что добро быти* (Ин. I, 46)? Образ жизни был у Него обыкновенный, одежды ничем не отличавшиеся от других; кожанного пояса Он не носил, власяницы не имел, меда и акридов не ел; он жил, как и все, присутствовал в собраниях людей порочных и мытарей, только чтобы привлечь их. Иудеи, не понимая этого, поносили Его, как и сам Он говорит: *прииде Сын человеческий ядый и пияй, и глаголют: се человек ядца и винопийца, мытарем друг и грешникам* (Мф. XI, 19). И вот как Иоанн часто отсылал их от себя к Тому, кто, по их мнению, был ниже его, то они, стыдясь и досадуя на это и желая лучше иметь учителем Иоанна, открыто не осмеливались этого высказать; а отправляют к нему посольство, надеясь лестно расположить его к тому, чтобы он объявил себя Христом. И не каких-либо презренных людей они посылают к нему, как ко Христу, когда, желая схватить Его, послали слуг, потом иродиан и им подобных людей; но священников и левитов, да и священников именно из Иерусалима, то есть почетнейших (Евангелист не без причины заметил это). Посылают же затем, чтобы спросить Иоанна: *ты кто еси?* А между тем и рождение его было известно всем, так что все говори-

ли: *что убо отроча сие будет* (Лк. I, 66)? – и молва о нем пронеслась по всей нагорной стране. Опять, когда он пришел на Иордан, жители всех городов спешили к нему, и из Иерусалима и со всей Иудеи шли креститься у него. И так эти-то люди теперь спрашивают, – не потому, чтобы не знали его (как могли они не знать человека, сделавшегося столько известным?); но они хотели привести его к тому, что я высказал.

2. Послушай же, как этот блаженный муж отвечает именно на ту мысль их, с которою они спрашивали его, а не на самый вопрос. Когда они спросили: *ты кто еси?* – он не вдруг сказал то, что следовало сказать: *аз глас вопиющаго в пустыни* (Мк. I, 3). А что? Он уничтожает их предположение, – на вопрос: *ты кто еси?* – он *исповеда, и не отвержеся, и исповеда, яко несмь аз Христос* (ст. 20). Заметь мудрость Евангелиста. Три раза он говорит одно и тоже, чтобы показать и добродетель Крестителя и все лукавство и безмыслие иудеев. Также и Лука говорит, что, когда народ предполагал, не он ли Христос, – он уничтожил это предположение. Таково свойство благомыслящего служителя – не только не похищать чести, принадлежащей господину, но и отвергать ее даже в таком случае, когда бы предлагали ее другие. Впрочем, простой народ пришел к такому предположению по простоте и неведению; а те спрашивали его, как я сказал, с злым умыслом, надеясь лестно увлечь его к тому, чего хотели. А если бы они не это именно имели в виду, то не перешли бы тотчас к другому вопросу, а стали бы досадовать на то, что он говорит совсем другое и отвечает не на вопрос; они бы сказали ему: разве мы это предполагаем? Разве об этом пришли спрашивать? Но, как бы будучи пойманы и уличены, они переходят к другому предмету и говорят: *что убо? Илиа ли еси ты? И глагола: несмь* (ст. 21). Они ожидали, что и Илия придет, как и Христос сказал. На

вопрос учеников: *что убо книжницы глаголют, яко Илии подобает приити прежде?* – Он сказал: *Илиа убо приидет прежде, и устроит вся* (Мф. XVII, 10). Потом спросили: *пророк ли еси?* И он отвечал: *ни.* Однако ж он был пророк. Почему же он отрекся? Опять потому, чго смотрел на цель спрашивавших. Они ожидали, что придет некоторый избранный пророк, так как Моисей говорил: *пророка от братии твоея, якоже мене, возставит тебе Господь Бог твой, того послушайте* (Втор. XVIII, 15). А это был Христос. Поэтому они не вообще говорят: *пророк ли еси?* разумея одного из многих пророков, но с присовокуплением члена: «не тот ли ты пророк, о котором предвозвестил Моисей»? Поэтому-то он и отрекся – не от того, что он – *пророк,* а от того, что он – именно *тот* (предвозвещенный) пророк. *Реша же ему: кто еси? Да ответ дамы пославшим ны: что глаголеши о тебе самом* (ст. 22). Видишь ли, как они еще сильнее приступают и настаивают, повторяют вопросы и не отстают? Но Иоанн с кротостью сперва отвергает их ложные предположения, и потом дает действительное понятие о себе: *аз*, говорит: *гласъ вопиющаго в пустыни: исправите путь Господенъ: якоже рече Исаиа пророк* (ст. 23). Так как он уже высказал о Христе нечто великое и высокое, то, как бы в ответ на их мысль, тотчас спешит обратиться к пророку и таким образом подтверждает свои слова. *И послании беху от фарисей: и вопросиша его, и реша ему: что убо крещаеши, аще ты неси Христос, ни Илиа, ни пророк* (ст. 24, 25)? Видишь ли, как не напрасно я говорю, что они именно до этого хотели довести его? А сначала этого они не говорили, чтобы не подвергнуться общей от всех укоризне. Потом, когда он сказал: *несмь Христос,* они желая скрыть то, что затевали в душе, переходят к Илии и к (обещанному) пророку. Когда же Иоанн сказал, что он ни тот, ни другой, они наконец, приведенные в недоумение, сбросив с себя личину, уже

открыто выставляют свой лукавый замысел и говорят: *что убо крещаеши, аще неси Христос?* Потом, опять желая прикрыться, присоединяют и других лиц, Илию и пророка. Так как не могли поколебать его честью, то думают обвинением вынудить у него признание в том, чего не было. Но и этого не могли сделать. О, безумие! О, надменность и безвременная суетливость! Вы посланы узнать от него, кто и откуда он: не хотите ли предписывать ему и законов? И этого именно хотели они, принуждая его объявить себя самого Христом. Однако он и теперь не негодует и не высказывает ничего такого, хотя и справедливо было бы, как например: «вы ли хотите мне приказывать и давать законы»? Но опять показывает большую кротость. *Аз*, говорит, *крещаю водою: посреде же вас стоит, егоже вы не весте. Той есть грядый по мне, иже предо мною бысть, емуже несмь аз достоин, да отрешу ремень сапогу* (ст. 26, 27).

3. Что на это могли бы сказать иудеи? Здесь обвинение на них неопровержимое, осуждение нещадное; они сами на себя произнесли суд. Каким образом? Они почитали Иоанна достойным всякой веры и столько правдивым, что верили ему не только тогда, когда он свидетельствовал о других, но и когда говорил о себе самом. Если бы они не были такого мнения о нем, то не послали бы узнать от него о нем же самом. Известно, что мы верим только тем людям, когда они говорят о самих себе, которых признаем людьми самыми правдивыми. Но не это только заграждает их уста, а и самое расположение духа, с которым они приступили к нему; они пришли к нему с особенным усердием, хотя потом и переменились. Указывая на то и на другое, Христос говорил: *он бе светильник горя и светя: вы же восхотесте возрадоватися в час светения его* (Ин. V, 35). А самый ответ Иоанна еще более показал в нем человека, достойного веры. Кто не ищет славы своей, сказано, тот *исти-*

нен есть, и несть неправды в нем (Ин. VII, 18). И он не искал; но отослал их к другому. Между тем посланные были из людей доверенных, почетных, так что им не оставалось никакого убежища, или оправдания в своем неверии Христу. Почему вы не приняли того, что говорил о Нем Иоанн? Вы послали своих старшин, через них вы спрашивали его, вы слышали, что отвечал Креститель; они, с своей стороны, показали всю ревность, все любопытство, указывали на всех лиц, которых вы предполагали в нем. И однако он с полною свободою исповедал, что он – ни Христос, ни Илия, ни пророк. Не ограничиваясь этим, он сказал и то, кто он сам, беседовал о сущности своего крещения, – именно, что оно маловажно и несовершенно, и не имеет в себе ничего, кроме воды, – показывая тем превосходство крещения, дарованного Христом. Присовокупил и свидетельство Исаии пророка за долгое до того время, и одного наименовал Господом, а другого – Его служителем и рабом. Что же после этого оставалось делать? Не уверовать ли в Того, о ком (Иоанн) свидетельствовал, – поклониться Ему и исповедать Его Богом? А что свидетельство это было делом не лести, а истины, это показывал нрав и любомудрие свидетеля. Понятно это и потому, что никто не предпочитает себе ближнего и, когда можно получить самому честь, никто не захотел бы уступить ее другому, особенно когда честь так велика. Таким образом и Иоанн не представил бы такого свидетельства о Христе, если бы Он не был Богом. Если бы и от себя отклонил эту честь, как такую, которая выше его природы, то конечно не приписал бы ее и другому, низшему существу. *Посреде же вас стоит, егоже вы не весте.* Это он сказал потому, что (Христос) обыкновенно вмешивался в толпу народа, как человек простой, и учил всегда против гордости и тщеславия. *Ведением* же здесь Иоанн называет знание точное, именно о

том, кто Он таков и откуда. А выражение: *по мне грядый* Иоанн часто употребляет, говоря как бы так: «не думайте, что все заключается в моем крещении. Если бы оно было совершенно, то не пришел бы после меня другой с установлением другого крещения. А мое крещение только приготовление и указание пути к тому крещению. Наше дело – тень и образ. Должно прийти другому лицу, которое покажет истину». Таким образом слова: *по мне грядый* наиболее указывают на Его достоинство. Если бы (крещение Иоанново) было совершенно, то не было бы нужды искать второго. *Предо мною бысть,* то есть Он досточтимее, славнее меня. А чтобы не подумали, что это превосходство есть только сравнительное, то, желая показать Его несравненное достоинство, Иоанн присовокупляет: *ему же несмь аз достоин, да отрешу ремень,* то есть, Он не просто *предо мною бысть,* но так, что я недостоин быть в числе даже последних служителей Его: развязывать обувь и есть дело самого низкого служения. Если же Иоанн недостоин разрешить ремень, – Иоанн, *котораго больше не было в рожденных женами,* то где же нам поместить себя? Если достойный целого мира, или лучше, больший его (так как сказано: *ихже не бе достоин весь мир*), если он признает себя недостойным быть в числе Его последних служителей, то что же скажем мы, обремененные тысячами пороков, – мы, настолько отстоящие от добродетели Иоанна, насколько отстоит земля от неба?

4. Итак, Иоанн говорит о себе, что *не достоин разрешить ремень сапогу;* а враги истины доходят до такого безумия, что считают себя достойными знать Его также, как Он знает Себя самого. Что может быть хуже такого безумия? Что сумасброднее такого самохвальства? Хорошо сказал некто мудрый: *начало гордыни не-*

знание Господа (Сир. X, 14). Диавол, не бывший прежде диаволом, не был бы низвержен и не стал бы диаволом, если бы не заболел этой самой болезнью. Она лишила его прежнего достоинства, она низвела его в геенну, она послужила для него причиною всех зол. Порок этот может сам по себе повредить всякую добродетель души – милостыню ли, молитву ли, пост, или что-либо другое. Сказано, что высокое у людей не чисто перед Господом.

Не блуд только и не прелюбодеяние оскверняет тех, которые предаются ему, но и гордость, и даже гораздо больше. Почему? Потому, что хотя блуд и непростительное зло, но по крайней мере иной человек может сослаться на пожелание; а высокомерие не имеет никакой причины, никакого предлога, под которым заслуживало бы хотя тень извинения; оно есть не что иное, как развращение души и самая тяжкая болезнь, происходящая не от чего другого, как только от безрассудства. Подлинно, нет человека безрассуднее высокомерного, хотя бы он обладал большим богатством, хотя бы получил обширное внешнее образование, хотя бы поставлен был на высшей степени власти, хотя бы имел у себя все, что для людей кажется завидным. Если гордящийся действительными преимуществами жалок и несчастен и теряет награду за все свои совершенства, то не смешнее ли всех надмевающийся ничтожными благами, тенью и цветом травы (такова слава этого века), – так как он поступает подобно тому, как если бы бедняк, нищий, постоянно удручаемый голодом, случайно в одну ночь увидел приятный сон и тем стал бы тщеславиться? Жалкий и несчастный! Душу твою снедает жесточайшая болезнь, и ты, убогий крайним убожеством, мечтаешь, что у тебя столько и столько-то талантов золота и множество прислуги? Да

это – не твое. А если не веришь моим словам, то убедись опытами бывших прежде богачей. Если же ты так упоен, что не вразумляешься приключениями других, то подожди немного и ты дознаешь собственным опытом, что нет для тебя никакой пользы от этих благ, когда, при последнем издыхании, не будучи властен ни в одном часе, ни в одной минуте, ты невольно оставишь их окружающим тебя людям и, что нередко случается, таким людям, которым ты и не хотел бы оставить. Многие даже не имели возможности распорядиться о них, а отходили нечаянно, еще желая наслаждаться ими, но им уже не было это позволено, и будучи увлекаемы, отходя из мира невольно, по необходимости, оставляли свои блага тем, кому бы и не хотели. Чтобы и с нами того не случилось, мы, пока живы и здоровы, отошлем их в свой (грядущий) град. Только таким образом мы будем иметь возможность насладиться ими, а не иначе; таким только образом мы положим их в надежном и безопасном месте. Ничто, ничто не может их оттуда исхитить: ни смерть, ни доверительные свидетельства, ни наследники, ни клеветы и наветы; но кто сколько принес с собою, отходя отсюда, тем всем и будет наслаждаться непрерывно. А кто так несчастен, что не захотел бы вечно утешаться своим стяжанием? Перенесем же свое богатство и положим его там. Для этого перенесения нам не нужно ни ослов, ни верблюдов, ни колесниц, ни кораблей, – и от этих хлопот избавил нас Бог, – нужны нам будут только бедные, хромые, слепые, недужные. Им-то поручен этот перевоз, они-то пересылают богатство на небо, они-то вводят владетелей богатства в наследие вечных благ, которого да достигнем и все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVII

Сия в Вифании быша обон-пол Иордана, идеже бе Иоанн крестя. Во утрий же виде Иоанн Иисуса, грядуща к себе, и глагола: се Агнец Божий, вземляй грехи мира (Ин. I, 28, 29)

Великая добродетель – дерзновенное, открытое исповедание Христа и предпочтение этого исповедания всему другому; так велика и дивна, что Сын Божий Единородный исповедует такого человека перед Отцом Своим, хотя это воздаяние и несоразмерно. Ты исповедуешь на земле, а Он исповест на небесах; ты – перед людьми, Он – перед Отцом и всеми ангелами. Таков был Иоанн. Он не смотрел ни на народ, ни на славу, ни на что человеческое, но, презрев все это, с должною свободою проповедовал всем о Христе. Поэтому Евангелист означает и самое место (его проповеди), чтобы показать дерзновение велегласного проповедника. Не в доме, не за углом, не в пустыне, но на Иордане, среди множества народа, в присутствии всех, крестившихся от него (а Иоанну крещающему предстояли иудеи), он возгласил это дивное исповедание о Христе, исполненное великих, возвышенных и неизреченных догматов, а о себе говорил, что недостоин был развязать ремень сапогов Его. Как же это выражает Евангелист? Присовокупляя слова: *сия в Вифанш быша.* А в исправнейших списках сказано: *в Вифаваре.* Вифания была не по ту сторону Иордана и не в пустыне, а близ Иерусалима. Но эти места означает (Евангелист) и по другой причине. Он хотел рассказать события не древние, а случившиеся не за долгое перед тем время, и потому призывает в свидетели своих слов людей, которые находились в тех местах и были очевидцами, и таким образом от самых мест представляет доказательства. Уверенный, что в своем повествовании он ничего не прибавляет от

себя, а говорит все просто, как было, он заимствует свидетельство от самых мест, которое, как я сказал, может быть не маловажным доказательством истины. *Во утрий же виде Иоанн Иисуса, грядуща к себе, и глагола: се Агнец Божий, вземляй грехи мира.* Евангелисты как бы разделили между собою времена. Матфей, вкратце обозрев время до заключения в темницу Иоанна Крестителя, поспешает к обстоятельствам последующим; а Евангелист Иоанн не только не вкратце представляет то время, но на нем-то в особенности и останавливается. Матфей, после пришествия Иисуса из пустыни, умолчав о промежуточных обстоятельствах, как например, о том, что проповедовал Иоанн, что говорили посланные (к нему) иудеи, и сократив все прочее, немедленно переходит к темнице. *Слышав Иисус*, говорит он, *яко Иоанн предан бысть, отыде* оттуда (Мф. IV, 12). Но Иоанн сделал не так; а умолчав об отшествии в пустыню, о котором сказал Матфей, он повествует об обстоятельствах после сошествия Иисуса с горы и, рассказав о многом, затем присовокупляет: *не убо бе всажден в темницу Иоанн* (Ин. III, 24). Но для чего, скажешь, Иисус теперь приходит к Иоанну, делает это не однажды, а и в другой раз? Матфей говорит, что Ему нужно было прийти для крещения. Указывая на это, и сам Иисус присовокупляет: *тако бо подобает нам исполнити всякую правду* (Мф. III, 15). А Иоанн показывает, что Он и в другой раз приходил, уже после крещения, и это замечает словами Крестителя: *видех Духа сходяща, яко голубя, и пребывающа на Нем* (ст. 32). Итак, для чего он приходит к Иоанну? Ведь Он не просто пришел туда, а приходил именно к нему. *Виде Иоанн*, сказано, *Иисуса, грядуща к себе.* Так как Иоанн крестил Его вместе с другими многими, и многие могли предполагать, что он приходил к Иоанну по той же причине, как и другие, то есть затем, чтобы исповедать согрешения и омыться в

реке с покаянием, то Иисус и приходит снова, чтобы и самому Иоанну дать возможность исправить такое предположение. И действительно Иоанн, сказав: *се Агнец Божий, вземляй грехи мира* (ст. 29), совершенно уничтожил такое подозрение. Если Он так чист, что может даже разрешать чужие грехи, то ясно, что Он приходит не затем, чтобы исповедать свои согрешения, а чтобы чудесному проповеднику дать случай — повторением прежде сказанного еще точнее внушить слушателям прежде о Нем сказанное и присовокупить к тому еще нечто другое. Частица: *се* употреблена потому, что многие уже давно, вследствие слов Иоанна, хотели видеть Его. Поэтому Иоанн и указывает Его, когда Он явился, и говорит: *се*, выражая этим, что Он есть Тот, кого издавна ожидали. *Се Агнец.* Агнцем называет Его, припоминая иудеям пророчество Исаии и преобразование из времен Моисея, чтоб через прообраз ближе привести их к истине. Но агнец ветхозаветный не принимал на себя никогда ничьих грехов, а этот принял грехи всего мира, избавил его от гнева Божия, когда ему угрожала погибель. *Сей есть, егоже аз рех: по мне грядет муж, иже предо мною бысть* (ст. 30).

2. Видишь ли, как и здесь изъясняет Евангелист выражение: *предо мною?* Называя Его агнцем и сказав, что Он вземлет грех мира, затем говорит: *предо мною бысть,* и таким образом показывает, что *предо мною* — означает принятие грехов мира, крещение Духом Святым. «Мое пришествие ничего более не имело целью, кроме проповедания общего вселенной Благодетеля и кроме сообщения крещения водою; а Его пришествие имеет целью — очищение всех людей и дарование благодатных сил Утешителя». *Предо мною бысть,* то есть явился славнее меня, *яко первее мене бе.* Да постыдятся же последователи безумия Павла Самосатского, противящиеся столь очевидной истине. *И аз не ведех Его* (ст. 31).

Смотри, как он отклоняет всякое подозрение от своего свидетельства, показывая, что оно дано им не по пристрастию человеческому, а по откровению Божию. *Аз не ведех Его,* – говорит Иоанн. Как же ты можешь быть достоверным свидетелем? Как ты станешь учить других, если сам не знаешь? Но он не сказал: *не вем Его,* а: *не ведех Его,* так что через это наиболее делается достоверным. Как он мог быть пристрастным к тому, которого не знал? *Но да явится Исраилеви, сею ради приидох аз водою крестя* (ст. 31). Итак, Он сам не имел нужды в крещении, и омовение то не другую какую-либо имело цель, а именно проложение другим пути к вере во Христа. Иоанн не сказал: я пришел крестить, чтобы очистить крещаемых, или чтобы отпускать согрешения, но – *да явится Исраилеви.* Что же, скажи мне, неужели без крещения нельзя было проповедовать и привлекать народ? Это было не так удобно. Если бы проповедь была без крещения, то не стали бы все так стекаться; не узнали бы превосходства одного крещения перед другим без сравнения их. Народ выходил к Иоанну не слушать только то, что он говорил, а для чего? Креститься с исповеданием своих грехов. Между тем, приходя креститься, узнавали и о Христе, и о различии крещения. А хотя крещение Иоанна было и важнее иудейского и потому все спешили к нему, однако и оно было не совершенно. Но как ты узнал Его? Через сошествие Духа, – говорит Иоанн. А чтобы не подумал кто, будто Христос, как мы, имел нужду в Духе, послушай, как Иоанн уничтожает и это подозрение, показывая, что сошествие Духа произошло единственно для возвещения о Христе. Сказав: *и аз не ведех Его,* Иоанн присовокупляет; *но пославый мя крестити водою, той мне рече: над негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на нем, той есть крестяй Духом Святым* (ст. 33). Видишь ли, что целью сошествия Святого Духа было

только указать Христа? Конечно, свидетельство Иоанна было несомненно; но, желая сделать его еще более достоверным, он возводит его к Богу и Духу Святому. Как Иоанн свидетельствовал о предмете столь великом и дивном, который мог привести в изумление всех слушателей, – то есть что (Иисус) один вземлет на себя грехи всего мира и что величие дара (Его) служит достаточным для того искуплением, – то и приготовляет к такой мысли. А приготовлением и служит учение, что Он – Сын Божий, что Он не имеет нужды в крещении и что Дух сошел для того только, чтобы указать Его. Сам же Иоанн не имел сил сообщать Духа. Это показывают сами крещенные им, когда говорят: *ниже, аще Дух Святый есть, слышахом* (Деян. XIX, 2).

Христос не нуждался в крещении, ни в этом, ни в каком-либо другом, а, лучше сказать, крещение имело нужду в силе Христовой. Ведь главнейшим из всех благ оставалось то, чтобы крещаемый удостоивался Духа. Потому Христос, когда пришел, приложил это дарование Духа. *И свидетельствова Иоанн, глаголя, яко видехъ Духа, сходяща яко голубя, и пребывающа на Нем. И аз не ведех Его: но пославый мя крестити водою, той мне рече: над него же узриши Духа сходяща и пребывающа, той есть крестяй Духом Святым. И аз видех, и свидетельствовах, яко сей есть Сын Божий* (ст. 82–84), Иоанн часто употребляет слова: *не ведех Его,* – не без причины и не без цели, а потому, что был сродником Его по плоти. *Се Елисавет,* сказано, *южика твоя, и та зачат сына* (Лк. I, 36). Итак, чтобы не подать мысли, будто он имеет пристрастие ради родства, он часто говорит: *не ведех Его.* Да и в самом деле так было. Все время он жил в пустыне, вне отеческого дома. Но как же он удерживал Христа от крещения, говоря: *аз требую Тобою креститися* (Мф. III, 14), если не знал Его до сошествия Духа и узнал тогда только в первый раз? Это было свидетель-

ством, что он хорошо знал Его. Однако ж справедливо, что он узнал не прежде или не задолго до того времени. Чудеса, совершившиеся в детстве Иисуса, как-то: происшествия с волхвами и прочие, случились гораздо прежде, когда и сам Иоанн был еще в младенчестве. А в продолжение столь долгого времени конечно Иисус не всем был известен. А если бы Он был известен, то Иоанн не сказал бы: *да явится Исраилеви, сего ради приидох крестя.*

3. Отсюда явно для нас и то, что знамения, которые, как говорят, были совершены Христом в детстве, ложны и вымышленны какими-либо лживыми людьми. Если бы Он начал совершать чудеса от первого возраста, то Иоанн не мог бы не знать Его, да и народ не имел бы нужды в учителе, который указал бы Его. Между тем Иоанн сам о себе говорит, что пришел для того, *да явится Исраилеви,* и также в другой раз говорил: *аз требую Тобою креститися;* впоследствии же, узнав Его ближе, он проповедовал о Нем народу, говоря: *сей есть, о немже аз рех: по мне грядет* муж, *иже предо мною бысть,* и: *пославый мя крестити водою,* послал для того, *да явится Исраилеви,* — таким образом пославший открыл Иоанну Христа еще до сошествия Духа. Поэтому еще прежде пришествия Его Иоанн говорил: *по мне грядет, иже предо мною бысть.* Итак Иоанн не знал (Иисуса) прежде пришествия на Иордан и крещения всех, но узнал Его тогда, как Он восхотел креститься, и притом узнал по откровению при крещении, по указанию Отца и Духа иудеям, для которых и было сошествие Духа. Чтобы не было пренебрежено свидетельство Иоанна, когда он говорил, что *первее мене бе,* что Он крестит Духом и что будет судить вселенную, для этого Отец подал глас, возвестив о Сыне, и Дух сошел, низводя этот глас на главу Христа. Так как один крестил, другой принимал крещение, то, чтобы кто-либо из присутствовавших не

подумал, что слова Отца изречены об Иоанне, для этого нисходит Дух, устраняя такое предположение. Итак, когда Иоанн говорит: *не ведех Его*, то говорит о времени прошедшем, не близком к крещению. Иначе как же он удерживал Иисуса, говоря: *аз требую Тобою креститися?* Как он говорил о Нем такие слова? Почему же иудеи не уверовали, скажешь ты, когда не один Иоанн видел Духа в виде голубя? Если они и видели, то для таких предметов потребны не одни телесные очи, но преимущественно очи ума, чтобы действительного предмета не признать за пустой призрак. Они видели и то, как Христос совершал чудеса и как, касаясь своими руками больных и умерших, возвращал им жизнь и здравие, однако ж до того были упоены ненавистью, что представляли себе противное тому, что видели. Как же могли они оставить свое неверие только по одному сошествию Духа? Некоторые же говорят, что и не все видели Его, а только Иоанн и другие некоторые, более благомыслящие. Хотя и чувственными очами можно было видеть Духа, нисходившего в виде голубя, – при всем том не было никакой необходимости, чтобы это явление было для всех очевидно. И Захария видел многое в чувственном образе, и Даниил и Иезекииль; но участником в видении они не имели никого. Видел многое и Моисей, чего никто другой не видел. Не все также ученики Христовы были удостоены видеть преображение Его на горе, не все участвовали и в видении воскресения, что ясно показывает Лука, когда говорит, что Воскресший явил себя *свидетелем преднареченным от Бога* (Деян. X, 41). *И аз видех и свидетелствовах, яко сей есть Сын Божий.* Когда же он свидетельствовал, что есть Сын Божий? Он называл Его Агнцем, говорил и то, что Он будет крестить Духом, а что Он – Сын Божий, этого не говорил. Прочие евангелисты не пишут, что после крещения Он говорил что-

либо, а умолчав о событиях этого времени, они говорят о чудесах Христовых, бывших уже после заключения Иоанна. Из этого можно догадываться, что и это, и еще многое другое они прошли молчанием, что и показал этот самый Евангелист в конце своего писания. Они столько были далеки от намерения – выдумать что-либо великое об Нем, что все единогласно, со всею точностью изложили обстоятельства невидимому неблагоприятные для Него, – и ты не найдешь, чтобы кто-либо из них умолчал о чем-нибудь подобном. Что же касается до чудес, то иные чудеса один из них предоставлял другому описывать, а о некоторых умолчали все. Это говорю я не без цели, но имея в виду бесстыдство язычников; это служит достаточным доказательством правдивости евангелистов и того, что они ничего не говорили по пристрастью. Этим доказательством, вместе с другими, вы можете ратовать против язычников. Но послушайте, – нелепо будет, если врач со всем усердием ратовать будет за свое искусство, также и сапожник и ткач и все другие ремесленники за свое ремесло, а тот, кто исповедует себя христианином, не в состоянии будет слова сказать в защиту своей веры. Небрежение о тех искусствах приносит ущерб в имуществах, а нерадение о вере губит у нас самую душу. И мы находимся в таком жалком состоянии, что на те дела употребляем все свое старание, а самое необходимое, то, от чего зависит наше спасение, пренебрегаем, как ничего не стоющее.

4. Это не располагает и язычников к осуждению своих собственных заблуждений. Если они, упорные во лжи, все делают так, чтобы прикрывать срам своих лжеучений, а мы, служители истины, не можем ради ее и уст раскрыть, то как же им не осуждать нас в слабости нашего исповедания, как не подозревать в нас обмана и заблуждения, как не хулить Христа, будто лицеме-

ра и обманщика, который для обмана воспользовался неразумием простых людей? А в такой хуле виновны мы, как скоро не хотим потрудиться в изучении своей веры, но, считая это дело лишним, заботимся только о земном. Какой-нибудь любитель плясуна, или бегуна, или бойца со зверьми всячески старается о том, чтобы не уступить состязаясь о них, расточает им похвалы, защищает против порицателей их и тысячью ругательств поражает противников. Но когда предстоит речь в защиту христианства, все потупляют глаза в землю, почесываются, зевают и осмеянные отступают. Какого негодования заслуживает это, когда у вас Христос представляется ниже плясуна, когда вы собираете тысячи доводов в защиту того, что делают для плясуна, несмотря на то, что они люди самые презренные, а в защиту Христовых чудес, привлекших всю вселенную, не хотите даже ничего подумать, или сколько-нибудь позаботиться? Мы веруем в Отца и Сына и Святого Духа, в воскресение тел, в жизнь вечную. Теперь, если кто-нибудь из язычников спросит: кто этот Отец, кто Сын, кто Дух Святый? или: как же вы сами, признавая трех богов, обвиняете нас в многобожии? – что вы скажете, что будете отвечать? Как отразите такое возражение? А что, если вы будете молчать, а вам предложат другой вопрос: какое это воскресение? В этом ли теле мы снова восстанем, или в другом? Если в этом, то зачем же оно должно разрушиться? Что вы на это скажете? А если еще спросят: для чего Христос пришел ныне, а не прежде? Или Он ныне только восхотел промышлять о людях, а во все прочее время не имел попечения о нас? Если станут допытываться, кроме этого, и еще о многом другом? Но нам нет нужды предлагать дальнейшие вопросы и оставлять их не решенными, чтобы не повредить через то более простым людям. А сказанного нами достаточно, чтобы отогнать от вас сон. В самом

деле, что, если вас станут испытывать в этих предметах, а вы не в состоянии будете даже выслушивать таких речей? Малому ли, скажи мне, наказанию мы подвергнемся, делаясь причиною таких заблуждений для людей, седящих во тьме? Я хотел бы, если у вас довольно досуга, показать всем вам написанную против нас одним безбожным языческим философом книгу, и еще другим, старее его, чтобы возбудить вас и отвлечь от такой недеятельности. Если они так неусыпны в своих нареканиях на нас, то можем ли мы заслуживать какое-нибудь прощение, когда не будем уметь отражать их нападения? Для чего же мы и приведены (в Церковь)? Не слышишь ли, что говорит апостол: *готови будете присно ко ответу всякому вопрошающему вы словесе о вашем уповании* (1 Пет. III, 15)? И Павел тоже внушает, говоря: *слово Христово да вселяется в вас богатно* (Кол. III, 16). Что скажут на это люди, которые бессмысленнее трутней? «Благословенна всякая душа простая»; также: *иже ходитъ просто, ходитъ надеяся* (Притч. X, 9). Но все зло – оттого, что многие не умеют даже кстати приводить свидетельств Писания. Премудрый в этом месте говорит не о глупом человеке, не о том, который ничего не знает, но о человеке незлобивом, не лукавом, благоразумном. А если бы было иначе, то напрасно было бы сказано: *будите мудри яко змия, и цели яко голубие* (Мф. X, 16). Но для чего нам распространяться об этом, когда это слово ни к чему не ведет? Кроме того, что теперь сказано, мы не делаем и ничего другого, что относится к жизни и деятельности, но во всех отношениях мы – люди жалкие и достойные осмеяния. Обвинять друг друга мы всегда готовы, а исправлять то, в чем сами виновны и подлежим обличению, на это мы всегда медленны. Итак, умоляю вас – не ограничиваться только взаимным обвинением. Этого не достаточно для умилостивления Бога. Но постараемся показать во всем перемену

на лучшее, чтобы пожить во славу Божию, насладиться и самим будущею славой, которой и да сможем достигнуть все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVIII

Во утрий же паки стояше Иоанн, и от ученик его два. И узрев Иисуса грядуща, глагола: се Агнец Божий. И слышаста его оба ученика глаголющаго и по нем идоста (Ин. I, 35, 37)

1. Беспечна природа человеческая и легко увлекается к погибели не оттого, что она так создана, а от произвольного нерадения. Поэтому-то надобно много увещевать ее. И Павел, пиша филиппийцам, по этому побуждению говорит: *таяжде писати мне не леностно, вам же твердо* (Флп. III, 1). Земля, приняв однажды семена, скоро воздает плоды и не требует вторичного сеяния; но душа наша не такова. Желательно, по крайней мере, чтобы сеющий часто и прилагающий к тому много попечения хотя однажды получил плод. И прежде всего, предлагаемое учение не легко напечатлевается в душе, потому что в ней много окаменелости, она объята бесчисленным тернием, а кроме того много наветников, которые похищают эти семена. Затем, когда семя внедрится и укоренится, оно требует опять такой же заботы, чтобы могло взойти в рост, а взошедши, оставалось бы в целости и не потерпело от чего-либо вреда. Впрочем в земных семенах, когда колос достигнет зрелости и получит надлежащую силу, он уже не боится ни зловредной росы, ни зноя и ничего другого; но в деле учения не так. Здесь и после того, как все вполне бывает устроено, часто одна непогода и буря повреждает

все, при обстоятельствах неблагоприятных, при наветах коварных людей, или при стечении других различных искушений. Это мы говорим не без цели, а для того, чтобы ты, услыша повторение Иоанном одних и тех же слов, не обвинил его в суесловии и не счел его человеком пустым и скучным. Он конечно желал, чтобы и однажды сказанное им было услышано, но как вначале не многие вняли сказанному, по причине глубокого усыпления, то вот повторением одного и того же он снова пробуждает их. Смотри; он говорил: *иже по мне грядый предо мною бысть*, и: *несмь достоин, да отрешу ремень сапогу Его*, также: *той вы крестит Духом Святым и огнем*, и: *Дух виде сходящ, яко голубь, и пребывающ на Нем, и свидетельствова, яко сей есть Сын Божий* (Ин. I, 27–34). Но между тем никто не внимал ему, никто не спрашивал: что это ты говоришь, и о ком, и для чего? Потом он сказал еще: *се Агнец Божий, вземляй грехи мира*, – однако ж и этим не вывел их из бесчувственности. Таким образом он принужден был повторять одно и тоже, как бы грубую и затверделую землю смягчая новою запашкой и словом, точно плугом, поднимая подавленную душу, чтобы бросить семена в глубину ее. Потому-то Креститель и не распространяет своего слова, заботясь только об одном – чтобы их привести и присоединить ко Христу. Он знал, что, если только они примут Его и уверуют, то уже не будут иметь нужды в другом свидетеле о Нем. Так и случилось. Если самаряне, послушав Христа, говорят жене самарянской: *не ктому за твою беседу веруем: сами бо вемы, яко сей есть воистину Спас миру Христос* (Ин. IV, 42), то гораздо скорее могли быть обращены ко Христу ученики (Иоанна), как действительно и было. Они, пришедши (ко Христу) и послушав Его один вечер, уже не возвращались к Иоанну, но так предались Христу, что приняли на себя и служение Иоанна и сами стали проповедовать о Христе. *Обрете бо сей брата, своего*

Симона, и глагола ему: обретохом Мессию глаголемаго Христа (Ин. I, 41). Обрати внимание и на следующее: когда Иоанн говорил: *по мне грядый предо мною бысть,* и: *несмь достоин отрешити ремень сапогу Его,* то не уловил никого; как же скоро стал беседовать об устроении нашего спасения и беседовать словом более простым, то ученики его последовали за Христом. Но не это одно надлежит взять во внимание, а и то, что не столь многие приводятся (ко Христу) тогда, когда говорят им о Боге что-нибудь великое и возвышенное, как тогда, когда говорят о благости, человеколюбии Его и о том, что относится ко спасению слушающих. Вот услышали, что Он вземлет грехи мира, – и тотчас поспешили к Нему. Если можно, говорят они, омыть свои грехи, – для чего же медлить? Вот предстоит Тот, кто освободит нас от них без труда. Не крайне ли безрассудно отлагать до другого времени такой дар? Да слышат это оглашенные, отлагающие свое спасение до последнего издыхания. *Паки стояще Иоанн и глагола: се Агнец Божий.* Христос ничего не говорит, а все Креститель. Так бывает с женихом. Не сам он тотчас начинает говорить с невестою, но стоит в молчании, и другие указывают его и вручают ему невесту; и когда она является, он не сам по себе принимает ее и уводит, но другой ему передает ее. Когда же примет из рук других, то уже так располагает ее к себе, что она не вспоминает и сочетавших ее с ним. Так было и со Христом. Пришел Он обручить себе Церковь, – и вначале ничего не говорил сам, а только предстоял; друг же Его Иоанн подал Ему десницу этой невесты, вручив Ему через свое слово души людей. Но, приняв их, Христос так расположил их к себе, что они уже не возвращались к тому, кто вручил их.

2. Не это только, но и другое нечто надлежит здесь заметить. Как, при заключении браков, не девица при-

ходит к жениху, а он спешит к ней, хотя бы это был сын царя и хотя бы он хотел взять за себя из бедного и низшего сословия, хотя бы рабу, – так было и здесь. Не естество человеческое восходило на небо; но сам (Бог) снизошел к нему – презренному и убогому. По совершении же брака, Он уже не дозволил ему оставаться здесь, но, восприняв его на Себя, ввел в дом отчий. Но для чего Иоанн не отдельно берет своих учеников и не особо говорит с ними о Христе, чтобы таким образом передать их Христу, а в присутствии всего народа говорит им: *се Агнец Божий?* Для того, чтобы это не казалось делом его умысла. Если бы они пошли ко Христу, будучи особо убеждены Иоанном и как бы из угождения ему самому, то они также скоро могли бы и отступить от Христа; но теперь, решившись последовать Христу по силе учения, обращенного ко всем вообще, ученики Иоанна пребыли твердыми в этом, так как последовали не из угождения учителю, а по собственному усердию и ради своей пользы. Все пророки и апостолы проповедовали Христа в Его отсутствии: одни – до Его пришествия во плоти, другие – по Его вознесении; один Иоанн проповедовал о Нем в Его присутствии. Потому он и называется другом жениха, – так как он один присутствовал на браке; он все это устроил и совершил; он положил начало этому делу. *И узрев Иисуса грядуща, глагола: се агнец Божий.* Он говорил это, показывая, что не голосом только, но и очами свидетельствует. Он удивлялся Христу, в радости и восторге; и не тотчас обращает слово убеждения к ученикам, но сперва только удивляется и предается изумлению, при явлении Христа; показывает всем и дар, с которым Он пришел, и образ искупления. Слово «агнец» выражает то и другое. И не сказал Иоанн: *имеющий взять*, или: *взявший*, но: *вземлющий* грехи мира, как бы Христос всегда это делал. В самом деле, Он не тогда только принял на себя грех,

когда пострадал, но с того времени и доселе вземлет грехи, не так, как бы всегда был распинаем (Он однажды принес жертву за грехи), а так, как этою одною жертвою Он всегда очищает грехи. Таким образом как наименование Его *Словом* показывает превосходство Его естества, а имя *Сына* выражает отличие Его от других существ, так и слова: *агнец, Христос, пророк, свет истинный, пастырь добрый* и другие, употребляемые о Нем, выражения с прибавлением члена показывают большое различие их от обыкновенных выражений. Много было агнцев, пророков, христов, сынов; но Иоанн представляет большое различие между Ним и всеми теми. И это он утвердил не прибавлением только члена, но и приложением слова: *единородный,* – так как Христос не имеет ничего общего с тварью. Если же кому кажется неблаговременным то, что слова эти сказаны были в десятом часу (таково было время дня: *бе же час,* сказано, *яко десятый,* – ст. 39), то, по моему мнению, такой очень погрешает. Для многих людей, раболепствующих плоти, конечно, время после насыщения не совсем удобно к делам важным, потому что душа отягощена пищею. Но то был муж, не употреблявший даже обыкновенной пищи, который и вечер проводил с такою же трезвенностью, с какою мы – утро, или лучше сказать, гораздо большею (потому что у нас нередко остатки вечерней пищи наполняют грезами душу, а он ничем таким не обременял этого судна); поэтому и не удивительно, что Иоанн и в вечернее время беседовал о таких предметах. Притом же он и жил в пустыне близ Иордана, куда все с большим страхом приходили для крещения, мало заботясь в то время о делах житейских, как и со Христом народ пробыл три дня, оставаясь без пищи. Долг усердного проповедника, как и заботливого земледельца – не оставлять своего дела, пока не увидит, что всажденное слово укоренилось. Но почему Иоанн не прошел

всей Иудеи с проповедью о Христе, а оставался при реке, ожидая Его пришествия, чтобы потом, когда Он придет, указать Его народу? Иоанн хотел, чтобы самые дела свидетельствовали о Христе, а особенная цель Иоанна была та, чтобы только огласить Его пришествие и убедить хотя некоторых – послушать Живота вечного. Бóльшее же свидетельство Иоанн оставляет самому Христу, именно свидетельство дел, как и сам Христос говорит: *Аз не от человека приемлю свидетельство; дела, яже даде Мне Отец, та свидетельствуют о Мне* (Ин. V, 36). Смотри же, как такое свидетельство было сильно. Иоанн бросил только малую искру – и вдруг пламя поднялось в высоту. Те, которые дотоле даже не внимали словам Иоанна, наконец говорят: *вся, елика рече Иоанн, истинна суть* (Ин. X, 42).

3. В противном случае, если бы то есть Иоанн проповедовал, обходя всю Иудею, могло бы казаться, что это делается по видам человеческим, и проповедь была бы подозрительною. *И слышаста его оба ученика, и по Иисусе идоста* (ст. 37). Были у Иоанна и другие ученики; но они не только не последовали за Христом, а еще и с завистью смотрели на Него. *Равви*, говорили они Иоанну, *иже бе с тобою обонпол Иордана, ему же ты свидетельствовал еси, се сей крещает, и вси грядут к нему* (Ин. III, 6); и в другой раз они являются с обвинением: *почто мы постимся, ученицы же твои не постятся* (Мф. IX, 14)? Но лучшие из них так не делали, а как скоро услышали о Христе, последовали за Ним. Да и последовали они не из презрения к своему учителю, но наиболее из послушания ему, и представили величайшее доказательство того, что они так поступили по здравому убеждению. Они сделали это, не будучи побуждаемы к тому, что было бы подозрительно, а последовали за Христом потому только, что Иоанн предрекал о Нем, что Он будет крестить Духом Святым. Итак, они не оставили своего учителя,

но захотели узнать, дарует ли Христос что-либо больше, чем Иоанн. И заметь, как их заботливость соединялась скромностью. Не вдруг они пришли и стали вопрошать Иисуса о предметах важных и необходимых; и не открыто в присутствии всех, и не мимоходом и как случилось они хотели беседовать с Ним, но – наедине. Они знали, что слова их учителя выражали не одно смирение, а чистую истину. *Бе же*, сказано, *Андрей брат Симона Петра, един от обоих слышавших от Иоанна, и по Нем шедших* (ст. 40). Почему Евангелист не означил имени и другого ученика? Некоторые объясняют тем, что этот ученик, последовавший за Христом, был тот же, который и написал об этом; другие же думают не так, а что он не был из числа избранных учеников, Евангелист же говорил только о лицах, более замечательных. Но что пользы узнавать имя этого ученика, когда не сказаны имена и семидесяти двух учеников? Тоже можно видеть и у Павла. *Послахом с ним*, говорит он, *и брата нашего во многих многащи тщалива суща, егоже похвала во евангелии* (2 Кор. VIII, 18). А об Андрее упомянуто еще и по другой причине. Какая же это причина? Та, чтобы ты, зная, как Симон с Андреем, лишь услышали: *грядита по Мне, и сотворю вы ловца человеком* (Мф. VI, 19), не усомнились об этом необычном обетовании, – чтобы, говорю, ты знал и то, что начатки веры еще прежде Симона положены братом его. *Обращся же Иисус, и видев я по себе идуща, глагола има: чесо ищета* (ст. 38)? Отсюда мы научаемся, что Бог Своими дарами не предваряет наших желаний, но когда мы начнем, когда обнаружим желание, тогда и Он подает нам многие способы к спасению. *Чесо ищета?* Что это значит? Ему ли ведущему сердца людей, проникающему в наши помышления, – спрашивать? Но Он спрашивает не для того, чтобы узнать (как это возможно?), а чтобы вопросом еще более приблизить их к себе, сообщить им более дерзновения и показать, что

они достойны беседовать с Ним. Они, вероятно, стыдились и страшились, как люди незнакомые с Ним и только от своего учителя слышавшие свидетельство о Нем. Чтобы уничтожить в них все это – стыд, страх, Он сам спрашивает их и не оставляет их в молчании идти до Его жилища. Впрочем, может быть, тоже было бы, если бы Он и не предложил вопроса, потому что они не перестали бы идти за Ним и по Его следам пришли бы к Его жилищу. Для чего же Он спрашивает их? Для того, как я сказал, чтобы успокоить их смущенное и неспокойное сердце и внушить им дерзновение. Между тем они выразили свою преданность Христу не в последовании только за Ним, а и в самом вопросе. Не будучи еще учениками Его и ничего не слыша от Него, они уже называют Его учителем, причисляют себя к Его ученикам и показывают причину, по которой они последовали за Ним, именно, – что желали услышать от Него что-либо полезное. Заметь же и благоразумие их. Они не говорили: научи нас догматам или чему-либо другому нужному, а – что? *Где живеши?* Они, как я выше сказал, хотели в уединении беседовать с Ним о чем-либо, послушать Его, научиться от Него; поэтому они и не отлагают своего намерения, не говорят: придем на другой день и послушаем Тебя, когда Ты будешь говорить в собрании народа, – но показывают все свое усердие к слушанию, так что не удерживаются от того и самым временем. Солнце уже склонялось к западу: *час же бе, яко десятый,* сказано. Поэтому и Христос не сказывает им примет своего жилища, не назначает места для беседы, а только более и более привлекает их к следованию за Ним, показывая, что принимает их к Себе. Поэтому также Он не сказал и ничего вроде того: теперь не время вам идти в мое жилище, завтра, если хотите услышать что-нибудь, а теперь ступайте домой; но беседует с ними как с друзьями и людьми, уже дол-

гое время бывшими с Ним. Отчего же Он в другом месте говорит: *Сын человеческий не имать, где главу подклонити* (Лк. IX, 58), а здесь: *приидите и видите, где живу* (ст. 39)? Но слова: *не имать, где главу подклонити,* показывают, что Он не имел собственного пристанища, а не то, чтобы Он не жил ни в каком доме. На это и указывает приточное выражение. Далее Евангелист говорит, что они пробыли у Него тот день, а – для чего, об этом он не замечает, потому что цель сама по себе ясна. Не для чего другого и они последовали за Христом, и Христос их привлекал к Себе, как для назидания; и они в одну ночь насладились Его учением в таком обилии и с такою охотою, что немедленно оба пошли привлекать и других ко Христу.

4. Отсюда научимся и мы предпочитать всему слушание божественного учения, и никакого времени не будем считать для того неудобным; но, хотя бы нужно было войти в чужой дом, хотя бы тебе незнакомому надлежало знакомиться с знатными людьми, хотя бы и несвоевременно или – в какое бы то ни было время, никогда не будем упускать такого приобретения. Пища, вечери, бани и прочие житейские дела пусть имеют определенное для себя время, изучение же горнего любомудрия не должно иметь никаких определенных часов: ему должно принадлежать всякое время. *Благовременне,* сказано, *и безвременне обличи, запрети, умоли* (2 Тим. IV, 2). И пророк говорит: *в законе Его поучится день и нощь* (Ис. I, 2). И Моисей повелевал иудеям делать то во всякие время. Дела житейские – разумею бани, вечери, – если и нужны, то, бывая часто, расслабляют тело; но назидание души, чем более умножается, тем более крепкой делает душу, принимающую его. Ныне все время мы проводим в пустом и вздорном суесловии, сходимся для того и на рассвете, и поутру, и в полдень, и в вечер, даже назначаем для этого особые места; а

божественные догматы слушая однажды или дважды в седмицу, мы тяготимся и устаем. Отчего? Оттого, что худо располагаем свою душу: мы вовсе уничтожаем в ней охоту и ревность к таким предметам. Поэтому в нас нет и стремления к духовной пище. Кроме других признаков болезни, – сильно доказывает ее и то, когда не хочется ни есть, ни пить, а к тому и другому чувствуем отвращение. Если же это, когда случается в теле, служит признаком тяжкого недуга и производит ослабление, то тем более, когда случается в душе. Как же нам укрепить ее, падшую, изнемогшую? Какими делами, какими словами? Обратимся к словам божественным, пророческим, апостольским и всем другим. Тогда мы узнаем, что гораздо лучше питаться этими словами, чем нечистыми снедями, – так надобно назвать безвременные сходбища и разглагольствия. Что лучше, скажи мне: о делах ли народных, судебных, военных беседовать, или о предметах небесных и о том, что имеет быть по отшествии нашем отсюда? Что лучше: говорить ли о соседе и его делах и вообще заниматься чужими делами, или беседовать об ангелах и предметах, касающихся нашей собственной пользы? Дела соседа тебя вовсе не касаются; а предметы небесные относятся и к тебе. Да об этом, говорят, можно за один раз все высказать. Но почему же вы не думаете так о том, о чем ведете пустые и напрасные беседы между собою, но, употребляя на это всю жизнь, никогда не истощаете предметов для таких бесед? Я еще не говорю о том, что гораздо хуже этого. О тех предметах говорят между собою люди еще скромные; а более праздные и беспечные в своих разговорах кружатся около шутов, плясунов, бегунов, оскверняя свой слух, растлевая душу в таких разговорах, упояя сладострастием свое естество и внося в свое воображение такою беседою всякие порочные образы. Как только язык выговорил имя плясуна, душа тотчас

представляет себе его лицо, волосы, тонкую одежду и его самого, который изнеженнее всего этого. Другой еще иначе возбуждает в душе пламень, вводя в разговор блудную женщину, ее слова, одежду, распутные глаза, сладострастные взгляды, плетения волос, натирание лица, подкрашивание ресниц. Да не чувствуете ли вы чего-нибудь страшного уже при моем рассказе об этом? Но не стыдитесь и не краснейте: это уже неизбежное, естественное дело, что сила рассказа имеет такое влияние на душу. Если же только при моем рассказе, ежели, стоя в церкви и вдали от таких предметов, вы уже чувствуете нечто от одного слушания, то подумай, что должно происходить с теми, которые сидят на самом зрелище, с полною свободою, вне этого почтенного и важного собрания, и с большим бесстыдством смотрят и слушают, что там делается. Да за что же, скажет кто-либо из невнимательных, за что ты нас обвиняешь, упуская из виду, что это дело естественное и уже необходимо, как ты говоришь, имеет такое влияние на душу? Но что слушающий это изнеживается, – вот дело естественное; а слушать это – не природы дело, а воли грех. Что приближающийся к огню должен потерпеть вред, это необходимо и это есть следствие немощи естества, но не самое же естество влечет нас к огню и вреду, от него происходящему: это зависит единственно от извращенной воли. Вот и я хочу, чтобы этого не было, чтобы это было исправлено, чтобы вам ни произвольно не пасть в пропасть, ни низвергнуться в пучину зла, ни против воли не набежать на огонь, и таким образом не сделать себя повинными пламени, уготованному для диавола. Итак, да сподобимся все мы, освободившись от него, перейти в недра Авраама, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIX

Обрете сей прежде брата своего Симона и глагола ему: обретохом Мессию, еже есть сказаемо Христос: и приведе его ко Иисусови (Ин. I, 41, 42)

1. Бог вначале, создав человека, не оставил его одного, но дал ему в помощь жену и повелел им жить вместе, так как знал, что от этого сожительства может произойти много пользы. Что же, если жена воспользовалась этим благодеянием не так, как следовало? Если кто вникнет в сущность этого дела, то увидит, что от сожительства бывает много пользы для людей благоразумных. Впрочем не только от сожительства мужа с женой, но если и братья живут вместе, то и они получают отсюда пользу. Потому и пророк говорил: *что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. CXXXII, 1)? И Павел увещевал не оставлять взаимного общения. Этим-то мы и отличаемся от зверей. Мы строим и города и торжища и дома для того, чтобы быть вместе друг с другом не в жилище только, но и в союзе любви. Наша природа создана Творцом так, что имеет разные нужды, а сама для себя недостаточна; поэтому Бог и устроил так, чтобы нужды, происходящие отсюда, исправляемы были пользою, проистекающею из общежития. Потому установлен и брак так, что, чего недостает у одного, то восполняет другой, и таким образом удовлетворяются потребности природы, и хотя она создана смертною, сохраняет однако ж на долгое время бессмертие по преемству. Мог бы я остановиться далее на этом предмете и показать, сколько пользы для людей происходит от взаимной, близкой и искренней связи между собою. Но нам предстоит теперь другое нечто, для чего собственно и заговорил я об этом. Андрей, пробыв у Иисуса и научившись от Него, сколько успел, не удерживает у себя этого сокровища, но поспешает, тотчас

бежит к брату, чтобы поделить с ним приобретенные блага. Но для чего Иоанн не сказал, о чем беседовал с ними Христос? И откуда видно, что они именно для того и были у Него? Это уже и прежде показали мы; но это можно узнать и из нынешнего чтения. Заметь, что Андрей говорит своему брату. *Обретохом Мессию, еже есть сказаемо Христос.* Видишь ли, — он здесь показывает, сколько узнал в краткое время? Он выражает этим и силу Учителя, убедившего их в том, и собственную свою ревность, с какою они издавна с самого начала заботились о том. Самое выражение: *обретохом* показывает душу, томившуюся желанием видеть Христа, ожидавшую сошествия Его свыше, и исполненную радости, когда предмет ее ожиданий явился, и наконец поспешившую радостную весть об этом сообщить другим. В делах духовных подавать друг другу руку — признак братской любви, родственной дружбы, искреннего благорасположения. Обрати внимание и на то, что и он говорит о Мессии с прибавлением члена. Не сказал просто: *Мессию,* но Мессию *ожидаемаго.* Таким образом они ожидали одного Христа, не имеющего ничего общего с другими (то есть с теми лицами, которые в Священном Писании называются помазанниками в общем значении этого слова). Смотри же, и как Петр с самого начала обнаруживает в себе душу благопокорливую и благопослушную. Он тотчас спешит к Иисусу, нимало не медля. *Приведе* его, сказано, *к Иисусу.* Но никто не обвиняй его в легкомыслии, если он принял слова брата, без дальних исследований. Вероятно, и брат говорил ему об этом много и обстоятельно, но евангелисты обыкновенно многое представляют вкратце, заботясь о краткости. Притом и не сказано, что Петр просто поверил, а только — что Андрей *привел его к Иисусу,* желая представить Ему брата, чтобы тот все узнал от Него самого. Притом с ними был еще и другой ученик и со-

действовал тому. Если же сам Иоанн Креститель, сказав о Христе, что это – Агнец и что Он крещает Духом, яснейшее учение о Нем предоставил своим ученикам узнать от Него самого, тем более должен был сделать это Андрей, чувствуя себя не в состоянии объяснить все. Поэтому он и повлек своего брата к самому источнику света, с таким тщанием и радостью, что тот нисколько не колебался и не медлил. *И воззрев нань Иисус рече: ты еси Симон, сын Ионин; ты наречешися Кифа, еже сказуется Петр* (ст. 42). Здесь (Христос) уже начинает обнаруживать Свое божество и мало-помалу открывать его в Своих изречениях. Так Он это сделал в беседах с Нафанаилом и с женою самарянкой.

2. Пророчества не менее чудес убеждают, и притом не заключают в себе тщеславия. Чудеса еще подвергались превратным толкам, по крайней мере от людей неразумных: о *Веельзевуле*, говорили они, *изгонит бесы* (Мф. XII, 24); но о пророчествах ничего подобного не было никогда говорено. Таким образом для Симона и Нафанаила Христос употребил этот способ научения, а с Андреем и Филиппом Он не так поступил. Почему же? Потому что они уже в свидетельстве Иоанна получили не малую подготовку; а Филипп, кроме того, увидев предстоящих Христу, принял это за прямое доказательство для веры в Него. *Ты еси Симон, сын Ионин; ты наречешися Кифа, еже сказуется Петр.* От настоящего достоверным делается и будущее. Назвавший отца Петрова, конечно, провидел и будущее. Предречение соединено здесь и с похвалою; но это не было лестно, а предсказанием будущего, что видно из следующего. Припомни, с каким сильным обличением Он в беседе с самарянкою дает видеть ей свое прозрение. *Пять мужей*, говорит Он, *имела еси: и ныне, егоже имаши несть ти муж* (Ин. IV, 18). Так и Отец Его, восставая против почитания идолов, много говорит о пророчествовании. *Да возвестят вам,*

что иматъ на вас приити. И в другом месте: *возвестих и, спасох, и не бе в вас чужд* (Ис. XLVII, 14; XLVIII, 12). И это ставит на вид во всем пророчестве. Пророчество есть по преимуществу дело Божие, которому демоны даже подражать не могут, сколько бы ни усиливались. В чудесах еще может быть и некоторое обольщение; но предсказывать будущее с точностью свойственно только одному вечному существу. Если же когда-либо и демоны это делали, то только для обольщения неразумных; потому и провещание их всегда легко изобличить во лжи. Между тем Петр ничего не отвечает на слова Христовы, – потому что еще ничего ясно не понимал, а только поучался. Притом же и самое предсказание было еще не вполне изречено. Христос не сказал: Я тебя переименую Петром, и на этом камне созижду Церковь мою, а сказал только: *ты наречешися Кифа.* То переименование означало бы высшее достоинство и большую власть. Но Христос не вдруг и не с самого начала выказал всю Свою власть, а до времени более смиренно беседовал. Когда же Он дал полное доказательство Своего божества, то уже с большею властью говорит тоже: *блажен еси Симоне, яко Отец мой яви тебе.* И в другом месте: *тебе, глаголю: ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковъ мою* (Мф. XVI, 17, 18). Так Христос наименовал Симона, а Иакова и брата его – сынами грома. Для чего же Он это делает? Он этим показывает, что Он Тот самый, кто и Ветхий Завет дал и тогда имена переменял, назвав Аврама Авраамом, Сару Саррою, Иакова Израилем, а многим еще от рождения их дал имена, как-то: Исааку, Сампсону и лицам, о которых упоминают Исаия и Осия; некоторым же переменил имена, данные от родителей, как-то: лицам, выше упомянутым, и Иисусу Навину. У древних также было в обычае давать имена по обстоятельствам, как и Илия сделал. И это было не без цели, а для того, чтобы самое

наименование людей было для них напоминанием благодеяний Божиих, чтобы, через выражение пророчества в именах, оно тем лучше сохранялось в уме слушающих. Так и Иоанну дано имя прежде его рождения. Так люди, которые имели просиять добродетелью с первого возраста, получали имена и прежде рождения; а тем, которые прославлялись впоследствии, и прозвание после прилагалось.

3. Но тогда каждый получал особое имя; а ныне все мы имеем одно имя, которое важнее всех тех, — имя христиан, сынов и друзей Божиих, тела (Христова). Такое наименование больше всех тех может возбуждать в нас усиленную ревность к преспеянию в добродетели. Не будем же делать ничего недостойного этого почетного наименования, помышляя о высоте достоинства, по которому мы называемся Христовыми. Так назвал нас Павел. Будем держать это в мысли, будем уважать это великое имя. Если некоторые, нося имя какого-либо знаменитого полководца или другого какого-либо славного человека, высоко думают о себе, слыша, что их называют именем такого-то или такого-то, считают это имя великим для себя достоинством и всячески стараются о том, чтобы своим нерадением не обесславить того, с кем они тезоимениты, то мы, называющиеся по имени не полководца, не какого-либо начальника земного, не ангела, не архангела, не серафима, а самого Царя их, не должны ли полагать и самую душу, только бы не оскорбить Удостоившего нас такой почести? Разве вам не известно, какой почестью пользуются отряды царских щитоносцев и копьеносцев, окружающих царя? Так и мы, удостоенные быть близ самого Царя и даже гораздо ближе к Нему, чем упомянутые нами — к своему царю, ближе настолько, насколько близко тело к голове, во всем должны поступать не иначе, как подражая Христу. А что говорит Христос? *Лиси язвины имут, и*

птицы небесныя гнезда: Сын же человеческий не имать, где главу подклонити (Лк. IX, 58). Если бы мы стали этого требовать от вас, то это, может быть, многим показалось бы делом трудным и тягостным. Итак, ради вашей немощи, я оставляю эту строгость: а требую только, чтобы вы не имели пристрастия к богатству, — и как, ради немощи многих, я не требую от вас такой высокой добродетели, так убеждаю вас, и тем более, удаляться пороков. Я не осуждаю тех, которые имеют дома, поля, деньги, слуг; а только хочу, чтобы они владели всем этим осмотрительно и надлежащим образом. Каким надлежащим образом? Как следует господам, а не рабам, то есть владеть богатством, а не так, чтобы оно обладало вами, употреблять его, а не злоупотреблять. Деньги для того и существуют, чтобы мы употребляли их на необходимые потребности, а не берегли их: это свойственно рабу, а то — господину. Стеречь — дело раба, а издерживать — дело господина, имеющего на то полную власть. Ты не для того получаешь деньги, чтобы закапывать их в землю, а чтобы раздавать их. Если бы Бог хотел, чтоб они были сбережены, то не давал бы их людям, а оставил бы их навсегда лежать в земле. Но как Он хочет, чтобы они были издерживаемы, то и дозволил нам иметь их — для передачи друг другу. Если же мы удерживаем их у себя, то мы уже не господа их. А если ты для того удерживаешь их, чтоб умножить, то для этого самое лучшее средство расточать их и всюду раздавать. Да и не может быть прихода без расхода, или богатства без издержек. Это можно видеть в делах житейских. Так делает купец, так делает земледелец: один тратит семена, другой деньги. Один плавает по морю, расточая свои деньги, другой целый год трудится, бросая семена и работая. Между тем здесь не нужно ничего такого: не нужно ни корабля готовить, ни волов впрягать и пахать землю, ни беспокоиться о воздушных

непогодах, ни бояться града. Нет здесь ни волн, ни (подводных) скал. Это плавание, это сеяние требует только одного – бросать то, что у тебя есть; а все прочее совершит тот Земледелец, о котором Христос сказал: *Отец мой делатель есть* (Ин. XV, 1). Итак, не безрассудно ли предаваться лености и нерадению там, где можно получить все без труда, а показывать всю деятельность там, где много трудов, забот и пота, и после всего этого – еще неверная надежда? Не будем, умоляю вас, так неразумны в деле собственного спасения, но, оставив дела тягостнейшие, поспешим на дела более легкие и полезные, чтобы достигнуть и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XX

Во утрий же восхоте Иисус изыти в Галилею: и обрете Филиппа, и глагола ему: гряди по Мне. Бе же Филипп от Вифсаиды, от града Андреова и Петрова (Ин. I, 43, 44)

Во всяком пекущемся изобилие (Притч. XIV, 23), – говорит книга Притчей. Но Христос еще нечто более внушает нам, когда говорит: *ищай обретает* (Мф. VII, 8). Поэтому мне и кажется удивительно, как Филипп последовал Христу. Андрей последовал, услышав о Христе от Иоанна, Петр – от Андрея, а Филипп ни от кого и ничего не знал о Нем, но, как только Христос сказал ему: *гряди по Мне*, Филипп немедленно повиновался Ему, и не только не оставил Его, а еще сделался проповедником о Нем для других. Поспешив к Нафанаилу, Филипп говорит ему: *егоже писа Моисей в законе и пророцы, обретохом* (ст. 45). Видишь ли, какую озабоченную имел он

душу, как часто размышлял он о том, что писал Моисей, и как ожидал пришествия Христова? Слово: *обретохом* показывает людей, которые постоянно ищут. *Во утрий* изыде *Иисус в Галилею.* Он никого не призывает к себе прежде, чем кто сам присоединится к Нему. И это делает не просто, но по свойственной Ему мудрости и разуму. Если бы никто не приходил к Нему добровольно, а сам Он привлекал к Себе каждого, то, быть может, после они и оставили бы Его. Но как они сами решились на это, то и оставались уже тверды в своем намерении. Но Филиппа Он призывает, как человека более других известного Ему. Рожденный и воспитанный в Галилее, Филипп, конечно, знал Христа более других. Итак, приобрев одних учеников, Христос идет на ловлю других и привлекает к себе Филиппа и Нафанаила. Обращение ко Христу Нафанаила не так удивительно, потому что слух об Иисусе проносился по всей Сирии, как удивительно обращение Петра, Иакова и Филиппа, не потому только, что они уверовали прежде, нежели видели чудеса Иисуса Христа, но и потому, что они были из Галилеи, откуда ни один пророк не приходил и не могло быть ничего доброго (ст. 46), так как галилеяне были народ необразованный, дикий и грубый. Между тем Христос явил Свою силу и здесь, избрав от земли, не приносившей никакого плода, достойнейших учеников. Итак, вероятно, Филипп последовал за Христом увидев и спутников Петра и услышав (о Христе) от Иоанна. Вероятно также, и глас Христов произвел в нем свое действие. Христос знал, кто будет для Него благопотребен. Но Евангелист все это опускает. Филипп знал, что Христос имел прийти; а что Христос есть Иисус, этого не знал; я же думаю, что он слышал это или от Петра, или от Иоанна. Евангелист называет и селение Филиппа, чтобы показать, как *немощная мира избра Бог* (1 Кор. I, 27). *Обрете Филипп Нафанаила, и гла-*

гола ему: егоже писа Моисей в законе и пророцы, обретохом Иисуса, сына Иосифова, иже от Назарета (ст. 45). Это он говорит для того, чтобы сообщить своей проповеди достоверность, ссылаясь на Моисея и пророков, и тем побудить слушателя к вниманию. Нафанаил был человек точный и во всем дознавал истину, как это и Христос засвидетельствовал и самое дело показало. Поэтому Филипп хорошо сделал, что отослал его к Моисею и пророкам, чтобы таким образом расположить Нафанаила к принятию Того, о ком он проповедовал ему. Если же Филипп называет Христа сыном Иосифа, то не смущайся. В то время еще считали Его сыном Иосифа. Но откуда видно, Филипп, что Он Тот самый, о ком писал Моисей и пророки? Какое ты дашь нам доказательство? Одного словесного свидетельства недостаточно. Какое же видел ты знамение? Какое чудо? Ведь в таких делах не безопасно верить просто без доказательств? Какое же у тебя доказательство? Тоже, что и у Андрея, отвечает нам Филипп. Как Андрей, не имея сил изобразить богатство, которое нашел, не находя слов описать это сокровище, ведет брата к Тому, кого нашел, так и Филипп: не говорит Нафанаилу, почему Иисус есть Христос и как предвозвестили о Нем пророки; но влечет его к Иисусу, зная, что он не отступит от Иисуса, лишь только вкусит Его словес и Его учения. *И рече ему Нафанаил: от Назарета может ли что добро быти? Глагола ему Филипп: прииди и виждь. Видев же Иисус Нафанаила грядуща к себе, и глагола о нем: се воистину Исраильтянин, в немже льсти несть* (ст. 46, 47). Христос похваляет и превозносит Нафанаила за то, что тот сказал: *от Назарета может ли что добро быти?* А не следовало ли бы осудить его за это? Нет, это не были слова неверующего, и не обвинений заслуживали, а похвал. Как и почему? Потому, что он был более Филиппа сведущ в пророчествах. Он знал из Писаний, что

Христу надлежит прийти из Вифлеема и из селения, в котором был Давид. Это мнение господствовало между иудеями, да и пророк издавна предвозвестил, сказав: *и ты, Вифлееме, ничимже менши еси во владыках Иудовых: из тебе бо изыдет Вождь, иже упасет люди моя Исраиля* (Мих. V, 2, ср. Мф. II, 6; Ин. VII, 42). Поэтому Нафанаил, когда услышал, что (Христос явился) из Назарета, то смутился и пришел в недоумение, находя весть Филиппа не согласною с предсказанием пророческим. Но посмотри, как Нафанаил, и при недоумении своем, благоразумен и умерен. Он не сказал тотчас же: ты обманываешь меня, Филипп, и лжешь. Я не верю, не пойду; я знаю из пророчеств, что Христу надлежит прийти из Вифлеема. А ты говоришь – из Назарета. Это не Христос. Нет, ничего такого Нафанаил не сказал. Что же? И он идет ко Христу и, с одной стороны, не соглашаясь, что Христос пришел из Назарета, показывает таким образом и основательное знание Писаний и осмотрительность в поступках, с другой же стороны, не отвергает совершенно и вести Филиппа и тем обнаруживает свое сильное желание пришествия Христова. Он только думал, что Филипп ошибочно указал место пришествия. Обрати внимание и на то, с какой осторожностью он выражает свое сомнение – в виде вопроса. Он не говорит: Галилея не производит ничего доброго, – а как? *От Назарета может ли что добро быти?* Но и Филипп был очень благоразумен. Встретив возражение, он не досадует, не оскорбляется, а только стоит на своем, желая привести этого человека к самому Христу и с самого начала показывая в себе твердость духа, свойственную апостолу. Потому и Христос говорил: *се воистинну Исраильтянин, в нем же льсти несть.* Может конечно быть лжив и израильтянин. Но этот не таков, – говорит: его суд беспристрастен; он не высказывает в своих словах ни приязни, ни неприязни.

Правда, и иудеи, на вопрос: *где Христос рождается,* отвечали: *в Вифлееме,* привели и свидетельство: *и ты Вифлееме, ничимже менши еси во владыках Иудовых;* но они свидетельствовали об этом еще прежде, чем увидели Христа; а когда увидели, то по зависти скрыли это свидетельство и говорили: *сего вемы, откуду есть: Христос же, егда приидет, никтоже весть, откуду будет* (Ин. IX, 29). А Нафанаил поступил не так, но какое мнение о Христе имел сначала, при том и остался, именно, что Он не из Назарета. Почему же пророки называют его Назореем? Потому, что там было место Его воспитания и жительства. Но и Христос не хочет сказать Нафанаилу: Я не из Назарета, как возвестил тебе Филипп, а из Вифлеема, – для того, чтобы с самого начала не навести сомнения на Свои слова. Кроме того, если бы он убедил Нафанаила в этом, это еще не было бы достаточным доказательством, что Он именно есть Христос. Почему бы Он, и не будучи Христом, не мог произойти из Вифлеема, подобно другим людям, там родившимся? Итак, это Христос оставляет, а делает то, что наиболее могло привлечь к Нему Нафанаила, именно: показывает, что Он присутствовал при беседе Нафанаила с Филиппом. Когда Нафанаил спросил Его: *откуду мя знаеши?* Он говорит: *прежде даже не возгласи тебе Филипп, суща под смоковницею видех тя* (ст. 48). Вот человек твердый и постоянный! Когда Христос сказал: *се воистинну Исраильтянин,* – он не надмился от этих похвал, не увлекся одобрениями; но стоит на своем, еще с большим старанием отыскивая и испытывая истину, чтобы узнать что-нибудь верное. Итак, он еще испытывает, как человек, а Иисус ответствует, как Бог. *Прежде,* – говорит, – *видех тя.* Знал Он и прежде благонравие Нафанаила, не как человек, следивший за ним, а как Бог. И ныне *видех тя под смоковницею,* когда никого там не было, а был только Филипп и Нафанаил и между собою об этом говорили.

Поэтому и сказано: *видев грядуща его, глагола о нем: се воистинну Исраильтянин,* и так сказано – с целью показать, что Христос высказал эти слова еще прежде, чем приблизился Филипп, чтобы такое свидетельство было несомнительно. Для этого Он назвал и время, и место, и самое дерево. Если б Он сказал только: прежде, чем Филипп пришел к тебе, Я видел тебя, – то Его могли бы подозревать, не сам ли Он подослал Филиппа, и таким образом в Его словах не нашли бы ничего важного. Но когда Он указал и место, где был Нафанаил, когда приглашал его Филипп, и название самого дерева, и время разговора, – тем Он показал в Себе несомненную прозорливость. Но Христос не только обнаружил Свою прозорливость, но еще и иным образом вразумил Нафанаила, именно – привел ему на память сказанные им тогда слова: *от Назарета может ли что добро быти,* и тем еще более благорасположил его к Себе, равно и тем, что за такие слова его не только не осудил, но еще похвалил и превознес. Потому Нафанаил и отсюда уразумел, что воистину Христос, то есть, как из Его прозрения, так и из того, что Христос в точности узнал его мнение, и тем показал, что Он знал и сокровенное в душе его, – притом не только не осудил его за высказанное им свое мнение, но и похвалил. Что Нафанаила пригласил Филипп, о том Христос сказал; а что он говорил Филиппу и Филипп ему, о том умолчал, предоставив то его совести и не желая более изобличать его.

Что же? Неужели Христос увидел Нафанаила только перед тем, как пригласил его Филипп, а до того времени не видел его оком неусыпным? Видел, – и этому никто не станет противоречить. Но в то время надлежало сказать только то, что нужно было. Что же Нафанаил? Получив несомненное доказательство предведения, Христа, он исповедал Его, и как прежде в своей медлительности показал осмотрительность, так те-

перь в своей уступчивости показал благомыслие. Он так отвечал Христу: *Равви, Ты еси Сын Божий, Ты еси Царь Исраилев* (ст. 49). Видишь ли душу, внезапно пришедшую в восторг и своими словами объемлющую Иисуса? Ты, говорит, желаемый, ожидаемый. Видишь ли, как он изумляется, дивится, прыгает и скачет от радости? Так должно радоваться и нам, сподобившимся познать Сына Божия, — не только радоваться в душе, но и в самых делах своих выражать радость. А что свойственно радующимся? Веровать Тому, кого познали; а верующим — делать то, что Ему угодно. Если будем делать то, что прогневляет Его, — откуда будет видно, что мы радуемся? Не видите ли и в домах, когда кто принимает желанного гостя, с какою радостью он все делает, всюду бегает, ничего не щадит, хотя бы нужно было издержать все, что у него есть, лишь бы угодить гостю? А если бы кто, пригласив к себе гостя, не стал угождать ему, не старался успокоить его, то, хотя бы тысячу раз говорил, что радуется его посещению, никогда гость ему не поверил бы, — и справедливо, так как радость надобно показать на деле. Итак, когда и Христос пришел к нам, покажем, что мы Ему радуемся, и не будем делать ничего, что может оскорбить Его. Украсим дом, в который Он пришел: это свойственно радующимся. Предложим ему трапезу, какую Он сам хочет: так свойственно веселящимся. Какая же это трапеза? Он сам говорит: *мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Ин. IV, 34). Напитаем Его алчущего, напоим Его жаждущего. Подай Ему только чашу холодной воды, — Он и это примет, потому что любит тебя; приношения лиц любимых, как бы малы ни были, велики кажутся любящему. Только не покажи нерадения. Повергни перед Ним две лепты, — Он не отвергнет и их, но примет, как большое богатство. Он не имеет недостатка ни в чем и принимает это не по какой-либо нужде; поэтому и спра-

ведливо измеряет все не мерою даваемого, но расположением дающего. Только покажи, что любишь этого Гостя, что стараешься все для Него сделать, что ты рад Его посещению. Посмотри, какую любовь Он имеет к тебе. Он пришел ради тебя, душу свою положил за тебя, и после всех этих благодеяний не отказывается еще и упрашивать тебя. *По Христе молим*, говорит апостол, *яко Богу моляшу нами* (2 Кор. V, 20). Но кто же, скажешь ты, столько безумен, чтобы не любить Господа своего? Это и я говорю и знаю, что никто из нас не отречется от этого на словах и в мыслях. Но тот, кто любим, хочет, чтобы любовь к нему обнаруживалась не на словах только, а и в делах. Говорить, что мы любим, но не делать того, что свойственно любящим, — это смешно не только в отношении к Богу, но и к людям. Итак, если исповедовать на словах только, а в делах показывать противное — не только бесполезно, но и вредно для нас, то я умоляю — будем выражать свое исповедание в делах, да удостоимся исповедания и от самого Господа, в тот день, когда Он исповест достойных перед Отцом Своим, — умоляю о Христе Иисусе Господе нашем, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXI

Отвеща Нафанаил и глагола ему: Равви! Ты еси Сын Божий, Ты еси царь Исраилев. Отвеща Иисус и рече ему: зане рех ти, яко видех тя под смоковницею, веруеши; больша сих узриши (Ин. I, 49, 50)

Много нужно нам, возлюбленные, попечения, много бодрствования для того, чтобы иметь возможность проникать в глубину божественных Писаний. Иначе, предаваясь сну, нельзя постигнуть смысла их; а нужно тща-

тельное исследование, нужна кроме того и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозреть в святилище слова Божия. Вот и сегодня нам представляется вопрос немаловажный, требующий много внимания. Когда Нафанаил сказал: *Ты еси Сын Божий,* Христос сказал ему: *зане рех ти, яко видех тя под смоковницею, веруеши; больша сих узриши.* Что же в этих словах требует исследования? То, что Петр, исповедавший: *Ты еси Сын Божий* (Мф. XVI, 16) уже после столь многих чудес и после такого учения, ублажается, как получивший откровение от Отца; а Нафанаил, сказавший то же самое еще прежде чудес и прежде учения, ничего подобного не услышал от Христа, но и, как бы еще не столько сказавший, сколько надлежало сказать, возбуждается к ожиданию больших откровений. Какая же этому причина? Та, что, хотя Петр и Нафанаил высказали одни и те же слова, но не с одною и тою же мыслью. Петр исповедал Иисуса Сыном Божиим, как истинного Бога; а Нафанаил – как простого человека. Из чего же это видно? Из последующих слов Нафанаила. Сказав: *Ты еси Сын Божий,* он присовокупил: *Ты еси царь Исраилев.* Но Сын Божий есть царь не только Израиля, а и всей вселенной. Впрочем это видно не отсюда только, а и из следующего. К словам Петра Христос ничего не прибавил, но, как бы вера Петрова была уже совершенна, сказал, что на этом исповедании Он созиждет Церковь Свою. Но в отношении к Нафанаилу Он сделал не так, а совсем напротив. В исповедании Нафанаила как бы не доставало еще многого и чего-то лучшего, – и вот Христос восполняет недостающее. Что Он говорит? *Аминь, аминь глаголю вам: отселе узрите небо отверсто, и ангелы Божия восходяща, и нисходяща над Сына человеческаго* (ст. 51). Видишь ли, как Христос мало-помалу возводит его от земли и внушает не представлять себе Его простым человеком? Может ли в самом деле быть челове-

ком тот, кому ангелы служат и для кого ангелы восходят и нисходят? Поэтому-то Он и сказал: *больша сих узриши*, и, изъясняя это, присовокупил об ангельском служении. Смысл Его слов такой: тебе, Нафанаил, показалось это важным*, и за это ты признаешь Меня царем Израиля. Что же скажешь, когда увидишь ангелов восходящих и нисходящих для Меня? Такими словами Христос внушал признать Его владыкою и ангелов. Как к истинному Сыну Царя, ко Христу восходили и нисходили эти царские служители, как то: во время страданий, во время воскресения и вознесения; и еще прежде того они приходили и служили Ему — когда благовествовали о Его рождении, когда восклицали: *слава в вышних Богу и на земли мир* (Лк. II, 14), когда приходили к Марии, к Иосифу. Но Христос делает и теперь так же, как во многих других случаях. Он изрекает два предсказания, и верность одного уже тотчас обнаруживает, а другое, относящееся к будущему, подтверждает через настоящее. Из них одно, уже доказанное, есть следующее: *прежде, даже не возгласи тебе Филипп, суща под смоковницею видех тя*. Другое должно было исполняться в будущем, а отчасти уже и в то время исполнялось, — именно восхождение и нисхождение ангелов, как-то: при страданиях Его, при воскресении и вознесении; и в этом, еще прежде событий, Он уверял уже тем, что сказал о настоящем. Кто из прошедшего познал могущество Его, тот, слыша и о будущем, удобнее может принять и предсказание о будущем. Что же Нафанаил? Ничего на это не отвечает. Поэтому и Христос заключил тем Свою беседу с ним, предоставляя ему самому размыслить о сказанном и не желая высказать всего в один раз. Бросив семена в землю плодоносную, Он дает ей самой произрастить в свое

---

* То есть, что Христос видел его под смоковницею еще прежде, чем пришел к нему Филипп.

время плоды. Это Он в другом месте изобразил в следующих словах: *подобно есть царствие Божие человеку сеявшу доброе семя: спящу же ему, прииде враг, и всея плевелы посреде пшеницы и отыде* (Мф. XIII. 24, 25). *В третий день брак бысть в Кане галилейстый, и зван бысть Иисус на брак. Бе же и Мати Иисусова тамо, и братия Его* (Ин. II, 1, 2). Я уже говорил, что Он наиболее известен был в Галилее. Потому и зовут Его на брак, и Он приходит. Он взирал не на собственное достоинство Свое, но на пользу нашу. Не отрекшийся принять брак раба тем более не мог отречься придти на брак рабов. Совозлежавший с мытарями и грешниками тем более не мог отречься от соприсутствия с бывшими на браке. Звавшие Его на брак конечно не имели об Нем надлежащего понятия, они звали Его даже не как великого человека, а просто как человека обыкновенного и знакомого. На это и намекает Евангелист, говоря: *бе же Мати Его тамо и братия Его*, то есть Иисуса звали так же, как и ее и братьев. *И не доставшу вину, глагола Мати Его: вина не имут* (ст. 3). Здесь стоит обратить внимание на то, откуда Матери Его пришло на мысль вообразить что-то великое о своем Сыне? До того времени Он еще не сотворил никакого чуда. *Се*, сказано, *начаток сотвори знамений Иисус в Кане галилейстей* (ст. 11).

2. Если же кто скажет, что тут еще нет достаточного доказательства тому, что чудо в Кане было началом чудес, так как прибавление: *в Кане галилейстей* показывает только, что это чудо было *в Кане* первое, а не вообще и не первое было из всех Его чудес; вероятно же Христос и прежде в других местах другие чудеса творил, — то на это мы скажем тоже, что и прежде сказали. Что именно? То, что говорит Иоанн: *аз не ведех Его: но да явится Исраилеви, сего ради приидох аз водою крестя* (Ин. I, 31). Если бы Христос в отроческом возрасте творил чудеса, то израильтяне не нуждались бы в

другом человеке, который *явил бы* Его. Если Христос, пришедши в мужской возраст, так сделался известен Своими чудесами не только в Иудее, но и в Сирии и далее, притом совершил их в продолжение только трех лет, а лучше сказать – Он не нуждался и в этом числе лет, чтобы явить себя миру, потому что слух о Нем с самого начала разнесся немедленно повсюду, – если, говорю, Он в краткое время так прославился множеством чудес, что имя Его стало всем известно, то тем более Он не мог бы так долго оставаться в неизвестности, когда бы с первого возраста начал творить чудеса; чудеса, совершенные отроком, возбудили бы еще более удивления, да и времени у Него для чудес было бы в таком случае вдвое и втрое и еще больше. Но в отрочестве Он не творил никаких чудес, кроме того только, о чем повествует Лука, как Он, будучи двенадцати лет, восседал среди учителей, слушая их, и своими вопросами приводил их в удивление. Впрочем не без причины, а намеренно не начинал Он творить чудес с самого первого возраста: иначе могли бы почесть Его чудеса за призраки. Если уже в совершенном возрасте Его многие это подозревали, – тем более, когда бы Он стал чудодействовать в юности. Кроме того иудеи, снедаемые завистью, еще скорее и прежде надлежащего времени вознесли бы Его на крест, и таким образом все дело нашего спасения не было бы принято верою. Откуда же, скажешь, Его Матери пришло на мысль предполагать в Нем что-то великое? Он начал уже открывать Себя, чем был – и через свидетельство Иоанново, и через то, что сам говорил ученикам. А прежде всего этого самое зачатие Его и все, по рождении Его последовавшие, события внушали Матери Его высокое понятие о Нем. *Слышаше,* сказано, *яже о отрочати, и соблюдаше в сердцы своем* (Лк. II, 52). Отчего же, скажешь, она не выражала этого прежде? Оттого, как я сказал, что Он

сам только тогда начал открывать Себя. А дотоле Он жил, как обыкновенный человек. Потому-то она и не говорила Ему этого прежде. Как скоро услышала, что ради Его пришел Иоанн и дал о Нем такое свидетельство, и что Он имеет уже учеников, то уже смело просит Его и, при недостатке вина, говорит: *вина не имут*. Она хотела и гостям угодить и себя прославить через Сына.

Может быть, она при этом имела в мыслях что-либо человеческое, подобно Его братьям, которые говорили: *яви себе мирови* (Ин. VII, 4), желая приобресть и себе славу Его чудесами. Поэтому-то и Христос так сильно отвечал ей: *что Мне и тебе, жено? Не у прииде час мой* (ст. 4). Но что Он весьма почитал родительницу Свою, об этом послушай повествования Луки, как Христос был послушен родителям; да и этот самый Евангелист (Иоанн) показывает, как Он заботился о Матери в самое время крестных страданий. Когда родители ни мало не запрещают дел богоугодных и не препятствуют им, то родителям нужно и должно повиноваться; неповиновение в таком случае весьма опасно. Когда же они чего-либо требуют безвременно и запрещают какое-нибудь дело духовное, то не безопасно им повиноваться. Потому и в настоящем случае Христос так отвечал, и в другом случае также: *кто есть мати моя и кто суть братия моя* (Мк. III, 33)? Они в то время еще не имели о Нем надлежащего понятия; а Его Мать, по той причине, что родила Его, хотела приказывать Ему во всем, по обычаю всех матерей, тогда как должна была чтить Его, как Господа, и поклоняться Ему. Потому-то Он так и отвечал ей тогда. В самом деле, подумай, каково это было, когда при всем народе, окружавшем Его, при многочисленном собрании внимательных слушателей, во время преподавания учения, Мать Его вошла в собрание, стала отвлекать Его от проповедания, чтобы

наедине поговорить с Ним, притом и не осталась с Ним в доме, а увлекла Его одного вон оттуда к себе. Вот почему Он и сказал: *кто есть мати моя и кто суть братия моя?* И Он не оскорблял тем Матери; нет, а приносил, ей величайшую пользу, не давая ей думать о себе уничиженно. Если Он имел попечение о других и все направлял к тому, чтобы внушить им надлежащее понятие о Себе, тем более заботился в этом отношении о Матери. Но как она, вероятно, даже услышав это от Сына, не хотела и после того повиноваться Ему, а хотела, как мать, во всяком случае первенствовать, то Он так и отвечал. Да иначе Он и не мог бы возвести ее от такого уничижительного понятия о Нем к более возвышенному, если бы, то есть она всегда ожидала от Него почитания, как от сына, но не признала Его Господом. Вот по этой-то причине Он здесь и сказал: *что мне и тебе, жено?* Впрочем и другая была причина, не менее важная. Какая же? Он хотел, чтобы не заподозревали совершаемых Им чудес. Его должны были просить те, кто имел нужду, а не Мать. Почему? Что делается по просьбе родственников, то, хотя было бы важно, часто для посторонних представляется неблаговидным. Когда же просят сами нуждающиеся, тогда чудо становится выше всякого подозрения, тогда и похвала беспристрастна и польза велика.

3. Если бы врач, даже отличный, вошедши в дом, где много больных, не слышал ничего ни от самих болящих, ни от окружающих их, а только его одна мать стала бы упрашивать его, то для больных он сделался бы подозрительным и неприятным, и ни лежащие в болезни, ни находящиеся при них не стали бы ожидать от него чего-либо важного и хорошего. Вот почему и Христос тогда сделал упрек Матери, сказав: *что мне, и тебе, жено,* внушая ей на будущее время не делать ничего подобного. Имел Он попечение и о чести Матери, но

гораздо более об ее душевном спасении и о благе людей, для чего и плотно облекся. Итак эти слова были сказаны Христом Матери Его не по какой-либо надменности, но с особенною целью — чтобы и ее саму поставить в надлежащие к Нему отношения, чтобы и чудеса делались с подобающим достоинством. А что Христос весьма почитал свою Мать, это, кроме других случаев, достаточно видно и из того самого, что сказано по-видимому в обличение ее. В самом неудовольствии Он показал, что весьма почитал ее. А каким образом, об этом скажем в последующей беседе. Размышляя об этом, если услышишь, как одна жена говорила: *блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссал,* а Он ей отвечал: еще более блаженны творящие волю Отца моего (Лк. XI, 28), то разумей и эти слова в том смысле. Ответ Спасителя Матери выражал не отвержение Матери, а то, что ей нимало не принесло бы пользы и самое рождение Его, если бы она сама не имела великой добродетели и веры. Если же без добродетели душевной и для самой Марии не было бы пользы в том, что от нее родился Христос, тем более не может быть никакой пользы нам, если мы будем иметь добродетельного и доблестного отца, брата, или сына, а сами будем далеки от его добродетелей. *Брат,* говорит Давид, *не избавит, избавит ли человек* (Пс. XLVIII, 7)? Надежду спасения, после благодати Божией, должно полагать не в чем другом, а только в собственных совершенствах. Если бы рождение Христа само по себе могло принести пользу Деве, то оно было бы также полезно и иудеям, (так как Христос был сродником их по плоти), принесло бы пользу и городу, в котором Он родился, полезно было бы и братьям. Между тем Его братья, доколе не заботились о себе самих, не получили никакой пользы от высокого сродства, а еще и подвергались осуждению наряду с прочими людьми, ког-

да же просияли собственными добродетелями, тогда и прославлены. А город разрушен и сожжен, не получив никакой пользы от того, что был местом Его рождения. Сродники Его по плоти истреблены и погибли самым жалким образом, не приобретши от сродства с Ним ничего для своего спасения, потому именно, что не имели защиты в собственной добродетели. Но более всех прославились апостолы, потому что они истинным и достойным нашего соревнования образом достигли сродства со Христом, — через послушание Ему. Отсюда и мы познаем, что во всяком случае нам нужна вера и жизнь чистая и светлая. Только это может спасти нас. Сродники Христа долгое время повсюду пользовались уважением, так что и назывались «владычними», однако мы ныне не знаем даже имен их. А жизнь и имена апостолов всюду прославляются. Не будем же надмеваться благородством по плоти, но, хотя бы имели тысячи знаменитых предков, будем сами стараться превзойти их в добродетелях, зная, что заслуги других не принесут нам никакой пользы на будущем суде, а еще и увеличат для нас строгость осуждения, именно потому, что, происходя от добродетельных отцов и имея столь близкие примеры, при всем том не последовали таким наставникам. Это я говорю теперь, имея в виду многих язычников, которые, когда мы обращаем их к вере во Христа и убеждаем быть христианами, указывают на своих родственников, предков и домашних, и говорят: все мои родственники, близкие и домашние сделались уже верными христианами. Но что тебе в этом, несчастный? То именно тебя и погубит, что ты, не уважив такого множества близких к тебе, не поспешил обратиться к истине. Другие, будучи уже верующими, но проводя жизнь беспечную, когда станешь увещевать их к добродетели, представляют тоже самое и говорят: мой отец, дед

и прадед были очень благочестивые и добродетельные люди. Но то особенно и послужит к твоему осуждению, что ты, происходя от таких людей, делаешь дела, недостойные своего рода. Послушай, что говорит пророк иудеям: *работа Исраиль о жене, и о жене спасеся* (Ос. XII, 12); и Христос: *Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день мой; и виде и возрадовася* (Ин. VIII, 56). Да и всегда доблести предков обращаются не в похвалу только иудеям, но и в большее обвинение. Зная это, будем все делать так, чтобы спастись собственными делами, чтобы иначе надеждами на других не обмануть себя самих и не узнать о своем обмане тогда уже, когда от этого познания нам никакой пользы не будет. *Во аде*, сказано, *кто исповестся Тебе* (Пс. VI, 6)? Итак, исправимся здесь, чтобы там достигнуть вечных благ, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXII

Что Мне и тебе, жено? Не у прииде час мой (Ин. II, 4)

1. В поучении есть некоторый труд, что показывает и Павел, когда говорит: *прилежащии добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающиися в слове и учении* (1 Тим. V, 17). Но от вас зависит сделать этот труд и легким и тяжким. Если вы будете отвергать наши слова, или, не отвергая, не будете исполнять их в делах своих, то этот труд будет для нас тягостен, как труд напрасный и тщетный. Если же вы будете внимательны к нашим словам и покажете то в самых делах своих, то мы и чувствовать не будем трудности в поучениях; плод,

происходящий от этих трудов, не даст и заметить тяжести их. Поэтому, если хотите возбудить в нас ревность, не угасить и не ослабить ее, покажите нам, прошу вас, плод, чтобы мы, видя цветущие нивы, питаясь надеждою изобилия и надеясь на будущее свое богатство, не изнемогали в этих благих занятиях. Вот и сегодня нам представляется не маловажный предмет. Когда Мать Иисуса сказала: *вина не имут,* Христос отвечал: *что Мне и тебе, жено? Не у прииде час мой.* Между тем, после таких слов, Он сделал то, о чем говорила Мать. Предмет этот не менее прежнего требует исследования. Итак, призвав Того, Кто сотворил это чудо, приступим к решению вопроса. Не здесь только сказано: *не у прииде час;* Евангелист и далее замечает: *никто же Его ят, яко не у бе пришел час Его* (Ин. VII, 30); и в другом месте: *никто же возложи нань руки, яко не у бе пришел час Его* (там же). Также: *прииде час, прослави Сына твоего* (Ин. XVII, 1). Я собрал здесь все эти изречения из всего Евангелия, чтобы на все дать одно решение. Какое же? Христос говорил: *не у прииде час мой* не потому, что подлежал закону времени, и не потому, чтобы в самом деле наблюдал известные часы. Нужно ли это было Творцу времен и Создателю веков? Но этими словами Он хочет показать, что все делает в свое время, а не вдруг, так как отсюда могло бы произойти смешение и беспорядок, если бы, то есть каждое дело Свое Он совершал не в надлежащее время и смешивал все вместе, как-то: и рождение, и воскресение, и суд. Так замечай: надлежало произойти твари, но не всей вместе; человеку с женою, но не обоим вместе; надлежало роду человеческому быть осужденным на смерть и быть воскресению, но между тем и другим расстояние времени большое; надлежало дать закон, но не вместе с благодатью, а то и другое устроить в свое определенное время. Итак, условиям времени сам Христос не подлежал, потому

что Он и установил самый порядок времен, Он и Творец их. Но Иоанн, приводя здесь слова Христа: *не у приде час мой,* показывает, что в то время Он был еще не всем известен и не имел полного сонма учеников; Ему последовал только Андрей, а с ним Филипп, а кроме их никто другой. Да и они не знали Его, как должно, ни даже Мать Его, ни братья. Уже по совершении многих чудес Евангелист заметил о братьях Его: *ниже братия Его вероваху в Него* (VII, 5). Не знали Его и присутствовавшие на браке. Иначе они, в нужде, сами обратились бы к Нему с просьбою. Потому он и говорит: *не у приде час мой.* Меня еще не знают присутствующие; они не знают и того, что не достало вина. Дай им сперва почувствовать это. Да об этом и не от тебя Мне надлежало бы слышать. Ты Моя Мать и потому ты само чудо делаешь подозрительным. А надлежало бы самим нуждающимся обратиться ко Мне с просьбою; не потому, чтобы Я в этом нуждался, но чтобы они с большим доверием приняли этот случай. Видящий себя в нужде, когда получит то, что ему нужно, остается после того много благодарным; а кто еще не чувствует нужды, тот не почувствует вполне и живо и самого благодеяния. Для чего же, сказав: *не у приде час мой*, и таким образом отказав, Он однако ж сделал то, о чем говорила Ему Мать? Для того особенно, чтобы людям прекословящим и считающим Его под условиями времени, достаточно показать, что Он не подлежит времени. Если бы Он подлежал, то как бы Он сделал то, что сделал, когда еще не пришло надлежащее для того время? Он сделал это также и из почтения к Матери, чтобы не показаться во всем ей противоречащим или не могущим этого сделать, и чтобы тем не постыдить свою Мать в присутствии такого множества людей, — а она привела к Нему и слуг. Подобным образом Он говорил и хананеянке: *несть добро отъяти хлеба чадом*

и повреши псом (Мф. XV, 26); однако ж после таких слов даровал ей просимое, преклоненный ее неотступностью. Сказал также: *несмь паслан, токмо ко овцам погибшим дому Исраилева* (Мф. XV, 24), но и после этих слов исцелил дочь этой женщины.

2. Отсюда научаемся, что, хотя бы мы были недостойны, однако неотступными молениями можем сделать себя достойными получить (просимое). Потому и Мать надеялась и слуг привела с тою целью, чтобы просьба была от большего числа людей. Потому она присовокупила: *еже аще глаголет вам, сотворите* (ст. 5). Она знала, что Он отказывал не по немощи, но по смирению и для того, чтобы не подать мысли, будто Он сам слишком спешит к совершению чуда; потому и слуг привела. *Беху же ту водоносы каменни шесть, лежаще по очищению иудейскому, вместящии по двема или трием мерам. Глагола им Иисус: наполните водоносы воды, и наполниша их до верха* (ст. 6, 7), Евангелист не без цели заметил: *по очищению иудейскому,* а для того, чтобы кто-либо из неверующих не подозревал, что в сосудах были остатки вина, и поэтому, когда была влита и смешана с ними вода, то составилось некоторое, самое слабое, вино. Потому Евангелист и говорит: *по очищению иудейскому,* показывая тем, что в сосудах тех никогда не хранилось вино. Палестина земля безводная, и там не во всяком месте можно находить источники и колодези; поэтому евреи всегда наполняли сосуды водою, чтобы не бегать на реки, когда они делались нечистыми, но иметь под рукою средство для очищения. Но почему Он не сотворил чуда прежде, чем сосуды были наполнены водою — что было бы гораздо удивительнее? Иное ведь дело — изменить готовое вещество только по качеству, иное — произвести самое вещество из ничего. Конечно, это удивительнее; но для многих показалось бы не столь вероятным. Потому-то Христос нередко добровольно

уменьшает величие чудес, чтобы только удобнее они могли быть приемлемы. А почему, скажешь, Он не сам произвел воду и потом обратил ее в вино, а приказал влить ее слугам? Опять по той же причине и для того, чтобы сами черпавшие воду были свидетелями чуда и чтобы оно нисколько не показалось призраком. Если бы кто-либо стал бесстыдно отвергать это, то слуги могли бы сказать: мы сами черпали воду. Кроме того Он ниспровергает этим чудом и возродившееся, противное Церкви, учение. Есть такие, которые говорят, что существует некоторый иной создатель мира и что видимое не Им сотворено, а каким-то другим враждебным Ему богом*. Обуздывая такое безумство, Христос большую часть чудес Своих творил из готовых веществ. Если бы Создатель мира был враждебен Ему, то Он не стал бы пользоваться чужими делами для доказательства собственного могущества. Так и теперь, чтобы показать, что Он сам Тот, кто прелагает воду в виноград и обращает в вино дождь, через корень винограда, — что в растении совершается через долгое время, — в одно мгновение Он делает это на браке. Затем, как скоро слуги наполнили сосуды водою, Он говорит им: *почерпите ныне и принесите архитриклинови, и принесоша; якоже вкуси архитриклин вина, бывшаго от воды, и не ведяше, откуду есть: слуги же ведяху, почерпшии воду; пригласи жениха архитриклин, и глагола ему: всяк человек прежде доброе вино полагает, и егда упиются, тогда хуждшее: ты же соблюл еси доброе вино доселе* (ст. 8—10). Опять и здесь некоторые посмеиваются, говоря: там было собрание людей пьяных, вкус у ценителей уже был испорчен, и они неспособны были ни понимать, ни судить о том, что тут делалось, — таким образом они не могли распознать, вино ли то было, или вода, а что они были пьяны,

---

* Это лжеучение манихеев.

это высказал сам архитриклин. Правда, это очень смешно. Но Евангелист уничтожает и такое подозрение. Он говорит, что не гости высказывали свое мнение о случившемся, но архитриклин, который был трезв и еще не пил ничего. Ведь вы знаете, что те, которым поручается распоряжение на таких пиршествах, более всех бывают трезвы, потому что имеют только одно дело – все устроить чинно и в порядке. Поэтому для засвидетельствования чуда Христос и употребил трезвое чувство архитриклина. Он не сказал: наливайте вино возлежащим, а сказал: несите к архитриклину. *Якоже вкуси архитриклин вина, бывшаго от воды, и не ведяше, откуду есть: слуги же ведяху; пригласи жениха архитриклин.* Почему же он не пригласил слуг? Таким образом открылось бы и чудо. Причина та, что и сам Иисус не открыл совершившегося чуда, а хотел, чтобы сила Его знамений была познаваема не вдруг, но мало-помалу. А если бы оно в то же время было обнаружено, то рассказу слуг о Нем не поверили бы, но подумали бы, может быть, что они не в своем уме, так как приписывают это дело тому, которого тогда многие считали (человеком) обыкновенным. Сами слуги, конечно, знали это дело хорошо по собственному опыту, и не могли не верить своим рукам; но уверить в том других не имели возможности. Поэтому и сам Христос не всем открыл случившееся, а только тому, кто лучше других мог понять это, – представляя точнейшее познание о чуде будущему времени. По совершении других чудес, и это должно было сделаться достоверным. Так впоследствии, когда Он исцелил сына царедворца, Евангелист в повествовании об этом дает разуметь и то, что и это чудо тогда уже сделалось более гласным. Царедворец потому особенно и призвал Иисуса, что узнал, как я говорю, об этом чуде. Это и объясняет Иоанн, когда говорит: *прииде паки Иисус в Кану галилейскую, идеже*

претвори воду в вино (Ин. IV, 46), да и не просто в вино, а вино самое лучшее.

3. Таковы-то чудеса Христовы, что их произведения оказываются гораздо лучше и превосходнее тех, которые совершаются природою. Так и в других случаях, когда Христос исправлял какой-либо поврежденный член тела, то делал его лучше членов здоровых. А что произведенное из воды было действительно вино и притом самое лучшее, об этом могли засвидетельствовать не только слуги, но и архитриклин и жених; а что оно произведено было Христом, это могли подтвердить слуги, черпавшие воду. Таким образом, если бы и не открылось чудо в то время, то не могли молчать о нем впоследствии времени. Итак, Христос много необходимых свидетельств оставлял на будущее время. Что Он претворил воду в вино, на это Он имел свидетелями слуг; а что это было вино хорошее, на то – свидетели архитриклин и жених. Вероятно, жених отвечал что-нибудь на слова архитриклина; но Евангелист, поспешая к делам важнейшим, коснулся только самого чуда, а прочее миновал. Нужно было, конечно, знать, что Христос претворил воду в вино; но что сказал жених архитриклину, присовокуплять это Евангелист не почитал нужным. Между тем многие чудеса, будучи сперва мало известны в подробностях, с течением времени стали более известны, потому что были рассказаны во всех своих подробностях людьми, бывшими вначале очевидцами их. Но как в то время Иисус претворил воду в вино, так и тогда и ныне не перестает прелагать нравы людей слабых и рассеянных. Есть, есть, говорю, люди, ничем не отличающиеся от воды, – так они холодны, жидки, ни в чем не тверды. Находящихся в таком состоянии людей наш долг приводить к Господу, чтобы Он благоволил нравам их сообщить

качество вина, чтобы они не рассеивались, но приобрели постоянство, на радость себе и другим.

Кто же это такие холодные люди, как не те, которые много занимаются делами настоящей жизни, которые не презирают наслаждений этого мира, любители славы и власти? Все это потоки, никогда не останавливающиеся, но постоянно с большою стремительностью несущиеся в бездну. Сегодня богатый, завтра нищ; сегодня является с глашатаем, на колеснице, в сопровождении множества жезлоносцев, а на другой день нередко поселяется в темнице, уступая, и против воли, другому это самопрельщение. Таким же образом преданный роскоши и пресыщению, как бы ни наполнял своего чрева, даже на один день не может удержать в себе этого запаса, но, с испражнением его, принуждается собирать новые запасы, не различаясь таким образом ничем от потока. Как в потоке, едва минует одна струя, за ней выступает другая, так и здесь, истлевает одна пища — и нам нужна другая. Таково свойство житейских вещей: они никогда не останавливаются, но всегда текут и одна за другою увлекаются. Что же касается до удовольствий сластолюбия, то они не только текут и проходят, но еще приносят нам много тревог. Когда им предаются с увлечением, то они и крепость тела ослабляют и душу лишают мужества. И не так сильное течение рек размывает берега и обрушивает их, как сластолюбие и пресыщение подрывает все опоры нашего здоровья. Пойди в больницу и спроси об этом, — там узнаешь, что отсюда происходят почти все болезни. Умеренная и простая трапеза — мать здоровья. Так называют ее и врачи, признавая здоровым — не наедаться досыта. Умеренность в пище, говорят они, и есть здоровье; а пища скудная — мать здоровья. Если же умеренность в пище источник здоровья, то явно, что пресыще-

ние источник болезней и недугов и рождает такие страдания, которые превышают и самое искусство врачей. И действительно, боли в ногах, боли в голове, в глазах, в руках, дрожание всего тела, удары, желтуха, продолжительные острые горячки и многие другие болезни (теперь не время перечислять все) обыкновенно рождаются не от воздержания и благоразумного образа жизни, а от объядения и пресыщения. Если же хочешь знать и болезни души, отсюда рождающиеся, то увидишь, что любостяжание, разврат, уныние, леность, любострастие и все непотребства отсюда ведут свое начало. Души людей, питающихся такими трапезами, ничем не лучше ослов: так терзают их эти звери. Говорить ли еще о том, сколько скорбей и неприятностей получают преданные пресыщению? Всех их исчислить невозможно. Покажу все в одном и самом главном. Они никогда с удовольствием не наслаждаются своим столом, даже самым роскошным. Воздержность – мать как здоровья, так и удовольствия; а пресыщение – источник и корень как болезней, так и неудовольствия. Где пресыщение, там не может уже быть охоты (к пище); а где нет охоты, там может ли быть удовольствие? Поэтому между людьми бедными мы находим таких, которые не только благоразумнее и здоровее богатых, но и больше их имеют веселья. Обо всем этом размышляя, будем убегать пресыщения и пьянства не только за трапезой, но и при всех житейских обстоятельствах. Вместо того будем лучше искать наслаждений духовных и, по выражению пророка, *насладимся Господеви* (*насладися*, говорит он, *Господеви, и даст ти прошения сердца твоего* – Пс. XXXVI, 4), чтобы нам вкусить и здешних и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIII

Се сотвори начаток знамением Иисус в Кане галилейстей (Ин. II, 11)

1. Часто и сильно нападает диавол, осаждая со всех сторон наше спасение. Потому надобно бодрствовать и трезвиться и отовсюду преграждать ему приступ. Как скоро он встретит хотя малый какой-либо случай, то уже приготовляет себе свободный доступ, и мало-помалу вводит всю свою силу. Итак, если мы сколько-нибудь дорожим нашим спасением, то не попустим ему и малых нападений на нас, чтобы через то предотвратить большие. Да и крайне безумно было бы – когда он показывает такое старание погубить нашу душу, нам с своей стороны не постоять даже и в равной мере за наше собственное спасение. Это не спроста сказано мною; а я боюсь, чтобы и ныне, незаметно для нас, не вторгся внутрь нашего двора этот волк, и не похитил какой-нибудь овцы, по нерадению или по злому навету уклоняющейся от стада и от настоящих наших бесед. Если бы раны были чувственные и только тело получало удары, то не трудно было бы распознавать его злоумышления. Но как душа незрима и она-то именно получает раны, то и нужно нам много бодрствовать, чтобы каждый испытывал сам себя: *кто бо весть от человек, яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем* (1 Кор. II, 11)? Слово простирается ко всем и врачество предлагается общее для всех нуждающихся, но дело каждого из слушающих самому принимать то, что нужно в его болезни. Я не знаю больных, не знаю и здоровых; потому предлагаю всякого рода поучения, потребные в болезнях всякого рода: обличаю то корыстолюбие, то объядение; иногда осуждаю любострастие; иной раз восхваляю милосердие и убеждаю к нему; иной раз – другие добродетели.

Я опасаюсь, чтобы, рассуждая в поучении об одной болезни, не забыть уврачевать других, тогда как вы страдаете ими. Если бы здесь при моей беседе присутствовал только один слушатель, я не считал бы слишком нужным разнообразить свои поучения; но как в таком множестве людей конечно есть и много болезней, то не излишне нам разнообразить назидание: слово, обращенное ко всем, без сомнения принесет свою пользу. Поэтому-то и содержание Писания разнообразно, и говорит нам о бесчисленном множестве предметов, так как обращает слово свое к общему естеству всех людей. А в таком множестве людей, без сомнения, есть всякого рода болезни душевные, хотя и не все во всех. Потому, очищая себя от них, будем же внимать слову Божию, и, сосредоточив в нем наши мысли, выслушаем нынешнее его чтение. Что же это такое? *Се сотвори,* говорит Писание, *начаток знамением Иисус в Кане галилейстей.* Некоторые, как я и прежде говорил, утверждают, что это не было началом вообще. Как же иначе, говорят, если тут прибавлено именно: *в Кане галилейстей? Се сотвори,* сказано, *начаток в Кане.* Но я не стану входить в дальнейшее исследование об этом; мы уже прежде доказали, что Он начал творить знамения после крещения, а прежде крещения не совершал никаких чудес. А это ли именно, или другое знамение было первым из совершенных Им после крещения, об этом, мне кажется, нет надобности слишком много рассуждать. *И яви славу свою.* Каким образом? Ведь свидетелями события были не многие, а только служители, архитриклин и жених? Как же Он явил славу Свою? Он явил ее с Своей стороны. А если и не тогда, то впоследствии должны были все услышать об этом чуде, так как оно доныне прославляется и не забыто. Но что в тот день не все узнали об этом, видно из последующего. Евангелист, сказав: *яви славу свою,* присовокупляет: *и вероваша*

в него ученицы его (ст. 11), то есть те, которые и прежде того уже дивились Ему. Видишь ли, что нужно было тогда в особенности творить знамения, когда присутствовали люди добросовестные и внимательные к событиям? Такие и скорее могли веровать и более внимания обращать на события. Да и как Он мог бы быть познан без знамений? Учение же и пророчество, соединенные с чудотворениями, могут расположить души слушателей к тому, чтобы они с усердием внимали событиям, как скоро душа уже наперед к тому приготовлена. Поэтому-то евангелисты нередко говорят, что в иных местах Он не сотворил знамений по причине превратного направления людей, живущих там. *По сем сниде в Капернаум сам, и мати его, и братия его, и ученицы его: и ту немноги дни пребыша* (ст. 12). Для чего Он приходит в Капернаум с Матерью? Там Он не сотворил никакого чуда, и жители того города не были из числа благорасположенных к Нему, а притом были еще и самые развращенные: это и сам Христос заметил, сказав: *и ты Капернауме, иже до небес вознесыйся, до ада низведешися* (Лк. X, 15). Итак, для чего же Он приходит туда? Мне кажется, что, намереваясь спустя немного времени отправиться во Иерусалим, Он для того тогда пошел в Капернаум, чтобы не всюду водить с собою братьев и Мать. Таким образом, отправившись туда и пробыв немного времени из уважения к Матери, Он оставил там свою Родительницу, и потом опять начинает творить чудеса. Потому и сказано, что Он *не по мнозех днех взыде во Иерусалим* (ст. 13). Следовательно, Он крестился не задолго до Пасхи. Но что Он делает, прибывши в Иерусалим? Дело, выражающее Его великую власть. Меновщиков денег, торжников, которые продавали голубей, волов и овец, затем и пребывали там, Он изгоняет вон.

2. Другой Евангелист повествует, что, изгоняя их, Он говорил: *не творите дому Отца моего вертеп разбойни-*

ком (Мф. XXI, 13); а св. Иоанн выражает это так: *не творите дому купли* (Ин. II, 16). Но евангелисты не противоречат друг другу; а дают видеть, что Он сделал это в два раза, и что оба случая были не в одно и тоже время: в первый раз Он совершил это в начале (своей проповеди), а во второй – когда уже шел на самые страдания. Потому в последний-то раз употребил Он и сильнейшие выражения, назвав то место вертепом разбойников; а в начале знамений не так, но употребил более кроткое обличение. Итак вероятно, что Он сделал это в два раза. Для чего же, скажешь ты, Христос сделал это, и притом употребил такую строгость, как Он нигде – кажется – не делал, даже и в тех случаях, когда Его оскорбляли, поносили, называли самарянином и даже одержимым бесами? А здесь Он даже не удовольствовался одними только словами; но и взял бич, и таким образом изгнал их. Между тем иудеи, когда Он другим благодетельствовал, обвиняют Его и ожесточаются; а когда им, по-видимому, надлежало бы от Его прещений прийти в гнев, не поступают с Ним таким образом: они не порицают или не оскорбляют Его; а что говорят? *Кое знамение являеши нам, яко сия твориши* (ст. 18)? Видишь ли крайнюю завистливость их, – как благодеяния, другим оказанные, более всего раздражали их? Итак, в один раз Он говорил, что храм сделался от них вертепом разбойников, показывая тем, что продаваемое было приобретено воровством, грабительством и лихоимством, и что они обогащались несчастиями других; а в другой раз – домом купли, изобличая бесстыдство их в торговле. Но для чего Он сделал это? Так как, впоследствии времени, Он стал исцелять в субботу и делать многое такое, что казалось им преступлением закона, то чтобы не считали Его богопротивником и делающим это вопреки воли Отца, Он этим случаем и предупреждает такую мысль их. Тот, кто показал столь великую

ревность о доме, конечно, не имел намерения противиться Владыке дома, в нем чтимому. Правда, и предшествовавшие годы, в которые Он жил согласно с законом, могли достаточно показать Его уважение к Законодателю и то, что Он не пришел узаконять что-либо противное Ему. Но как эти годы, вероятно, с течением времени преданы забвению, да и не всем были известны (потому что Он воспитывался в доме бедном и незнатном), то Он и делает это в присутствии всего народа, собравшегося по случаю приближения праздника, и притом с опасностью для Себя самого. Он не просто выгнал их; но и столы низверг, и деньги рассыпал, давая им из этого понять, что подвергающий Себя опасности за благочиние в доме не станет презирать Владыку дома. Если бы Он делал это притворно, то мог бы употребить только убеждение; а подвергать Себя опасностям — это слишком смело. Ведь не маловажное дело предать Себя такой ярости торжников, ожесточать против Себя невежественную толпу людей корчемных, посрамляя их и вводя в убытки: это свойственно не лицемеру, а человеку готовому потерпеть все за благолепие дома. Потому Он не делами только, но и самыми словами своими выражает единение свое с Домовладыкой; не говорит: дом святой, а дом *Отца моего*. Вот, называет Его и Отцем своим, и они не негодуют на это: думали, что Он говорит так вообще. Но когда впоследствии стал Он выражать это яснее, так что внушал мысль о своем равенстве с Отцем, тогда они приходили в ярость. Что же они теперь? *Кое знамение*, говорят, *являеши нам, яко сия твориши?* О, крайнее безумие! Им нужно знамение, чтобы отстать от худых дел, и освободить дом Божий от такого уничижения! А возиметь столь великую ревность о доме Божием разве не есть величайшее знамение добродетели? Благонамеренные люди оказались и здесь: *помянута*, сказано, *ученицы его, яко писано есть:*

ревность дому твоего снеде мя (Ин. II, 17; Пс. XLVIII, 10). Но иудеи не вспомнили о пророчестве, а говорили: *кое знамение являеши нам,* с одной стороны жалея о потере своей постыдной прибыли, и надеясь воспрепятствовать Ему в том, с другой желая вызвать Его к совершению чуда, чтобы унизить поступок Его. Потому Он и не дает им знамения. Так и прежде, когда они приступали и требовали чуда, Он отвечал им: *род лукавъ и прелюбодейный знамения ищет: и знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы* (Мф. XVI, 4). Впрочем, тогда Он отвечал им яснее, а теперь более загадочным образом. А делает Он это по причине крайней их бесчувственности. Тот, кто предупреждал не просивших и давал им знамения, Тот – конечно – не отказал бы требовавшим, если бы не видел в них мыслей злых и лукавых и коварного их намерения. Заметь, какой злобы исполнен и самый вопрос их. Им следовало бы похвалить Его усердие и ревность; следовало бы изумляться тому, какую заботливость Он оказывает о доме Божием; а они обвиняют Его, утверждая, что здесь корчемствовать позволительно, а прекращать корчемство не позволительно, если не будет показано какое-либо знамение. Чт́о же Христос? *Разорите*, говорит, *церковъ сию, и треми денми воздвигну ю* (Ин. II, 19). Он и много такого говорил, что тогдашним слушателям не было понятно, а только впоследствии могло быть ясно. Для чего же Он делал это? Чтобы доказалось Его предвидение будущих событий, когда исполнится предсказанное, – как действительно случилось и относительно этого пророчества. *Егда воста*, сказано, *от мертвых, помянута ученицы его, яко се глаголаше: и вероваша Писанию и словеси, еже рече Иисус* (ст. 22). А в то время, когда Он говорил, они недоумевали, каким образом может исполниться сказанное; другие же возражали так: *четыре десять и шестью лет создана бысть церковъ сия, и ты ли треми денми воздвиг-*

неши ю (ст. 20)? Они говорят: *сорок шесть лет,* разумея построение последнего храма, потому что первый был окончен в двадцать лет.

3. Почему же Он не объяснил этой притчи, и не сказал: Я говорю не об этом храме, но о плоти Моей? Уже впоследствии Евангелист, когда писал Евангелие, то истолковал это изречение; а сам Он в то время умолчал? Почему же умолчал? Потому, что они не приняли бы слов Его: если даже ученики Его не были тогда способны разуметь сказанное, то тем более – народ. *Егда же*, говорит Евангелист, *воста Иисус от мертвых, тогда помянута и вероваша словеси и Писанию.* Два предмета здесь представлялись им: Его воскресение, и вопрос еще более важный: Бог ли был Тот, кто обитал в этом храме? То и другое Он давал разуметь в словах: *разорите церковь сию, и треми денми воздвигну ю.* Это и Павел представляет, как не малое знамение божественности Его, говоря так: *нареченнем Сыне Божии в силе, по Духу святыни, из воскресения от мертвых, Иисуса Христа* (Рим. I, 4). Почему же Он именно это знамение дает и там и здесь и везде, говоря или так: *аще аз вознесен буду* (Ин. XII, 32), или: *егда вознесете Сына человеческаго, тогда уразумеете, яко аз есмь* (VIII, 28); также: не *дастся вам знамение, токмо знамение Ионы* (Мф. XVI, 4), и здесь опять: *треми денми воздвигну ю?* Да то в особенности и показывало в Нем не простого человека, что Он мог одержать победу над смертью и так скоро разрушить долговременное ее владычество и прекратить тяжкую брань. Потому и говорит: *тогда уразумеете.* Когда это? Когда воскресши *привлеку* к себе вселенную (Ин. VIII, 28), – тогда-то уразумеете, что и это сделал Я, как Бог и истинный Сын Божий, наказывая за оскорбление Отца. Почему же Он не сказал, какие нужны были знамения для прекращения бывшего зла, а только обещал дать знамение? Потому что таким образом Он еще более

ожесточил бы их, а теперь более поразил. Впрочем, они ничего не сказали на это; им казалось, что Он говорит нечто невероятное, и потому они не продолжали еще спрашивать Его; они оставили это без внимания, как дело несбыточное. Но если бы они имели смысл, то, хотя бы это и казалось им тогда невероятным, – по крайней мере, впоследствии времени, когда Он сотворил уже множество знамений, они могли бы прийти и спросить Его о том, чтобы разрешить свое недоумение. Но как они были несмысленны, то на одни слова Его вовсе не обращали внимания, а другие выслушивали с злым умыслом. Потому и Христос говорил им в притчах.

Но представляется еще такой вопрос: каким образом ученики не знали, что ему надлежало воскреснуть из мертвых? Это потому, что они тогда еще не были удостоены благодати Святого Духа. Поэтому, хотя часто слышали слово о воскресении, но нисколько не разумели, а только рассуждали между собою, что бы это значило. В самом деле, весьма странно и дивно было слышать, чтобы кто-нибудь мог воскресить самого себя и воскресить таким образом. Потому и Петр подвергся упреку, когда, не разумея ничего о воскресении, сказал: *милосерд ты, Господи,* (Мф. XVI, 22). Да и Христос ясно не открывал им этого прежде самого события, чтобы они не соблазнялись – так как вначале еще не верили словам Его, по причине великой их странности, и потому, что еще не знали ясно, кто Он. Тому, о чем громко вопияли самые события, никто не мог не верить; а что говорилось только на словах, тому конечно не все хотели верить. Поэтому сначала Он оставил это учение прикровенным; когда же самым делом доказал истину слов Своих, тогда наконец сообщил и разумение их и такую благодать Духа, что ученики Его все вдруг постигли. *Той,* говорится, *воспомянет вам вся* (Ин. XIV, 26).

Если они, потеряв все уважение к Нему в один вечер, разбежались и даже говорили, что и не знают Его, не получив особенной благодати Духа, то едва ли бы они припомнили все сделанное и сказанное Христом во все время (жизни Его). Если же, скажешь ты, они должны были услышать все от Духа, а сами не могли удержать в памяти всего учения Христова, то какая была им нужда пребывать со Христом? Но это было нужно потому, что Дух собственно не учил их, а только приводил на память то́, что прежде говорил Христос; но и послание Духа для напоминания им сказанного не мало содействовало славе Христовой. Итак, сначала это было милостью Божиею, что на них ниспослана благодать Духа столь великая и обильная; а после было уже их добродетелью то, что они усвоили себе этот дар. Они показали жизнь светлую, великую мудрость и великие подвиги, и презирали жизнь настоящую, ни во что вменяли все человеческое, но были выше всего, и, как легкие орлы, парящие на высоту, делами своими достигали самого неба, чем и приобрели неизреченную благодать Духа. Будем же подражать им и мы, и не угасим светильников наших, но соблюдем в них свет милосердием. Таким именно образом поддерживается пламень этого огня. Будем же собирать елей в сосуды, пока мы находимся здесь, потому что по отшествии туда уже нельзя купить его; приобресть его можно не иначе, как только через руки бедных. Будем собирать его здесь в обилии, если хотим войти (в чертог) с Женихом; иначе должны будем остаться вне чертога. Невозможно, совершенно невозможно войти в преддверие царства без милосердия, хотя бы мы совершили множество других добрых дел. Потому будем оказывать милосердие с полным усердием, чтобы насладиться неизреченных благ, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса

Христа, которому вечная слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIV

Егда же бе во Иерусалимех в праздник Пасхи, мнози вероваша во имя его (Ин. II, 23)

1. Между людьми того времени (между современниками Иисуса Христа) одни увлекались заблуждениями, другие держались истины; но и из этих последних некоторые принимали истину только на краткое время, а потом отпадали от нее. Таких-то людей Христос разумел в притче, уподобляя семенам, лежащим не глубоко, но имеющим корни на поверхности земли, которые оттого, говорил Он, скоро и погибают. На них же и Евангелист указывает здесь, когда говорит: *егда же бе во Иерусалимех в праздник Пасхи, мнози вероваша во имя его видяше знамения его, яже творяше. Сам же Иисус не вдаяше себе в веру их* (Ин. II, 23, 24). Гораздо вернее были те ученики, которые не знамениями только были привлекаемы ко Христу, но и учением Его; знамения увлекали более грубых, а более разумных – пророчества и учение. Потому те, которые были пленены учением, были тверже привлеченных знамениями; их-то и Христос ублажал, когда говорил: *блажени не видевшии, и веровавше* (Ин. XX, 29). А что последние были не из истинных учеников, это показывает и присовокупление следующих слов: *сам же Иисус не вдаяше себе в веру их*. Почему? *Зане сам ведяше вся: и яко не требоваше, да кто свидетельствует о человецех: сам бо ведяше, что бе в человеце* (ст. 24). Смысл этих слов такой: Он не обращал внимания на одни слова, проникал в самые сердца и входил в мысли; ясно видя только временную их горячность, Он не доверял им, как уже решительным ученикам, не пропове-

довал им всего учения, как бы уже сделавшимся твердыми в вере. А знать, что есть в сердце людей, свойственно Тому, кто *создал наедине сердца их* (Пс. XXXII, 15), то есть одному Богу, так как сказано: *ты веси сердца един* (3 Дар. VIII, 39). Он не имел нужды в свидетелях, чтобы знать мысли собственных своих созданий: потому и не доверял им в их временной вере. Люди, не знающие ни настоящего, ни будущего, часто без всякого разбора и говорят, и сообщают все даже таким, которые с хитростью подступают к ним и потом скоро оставляют их. Но Христос не так; Он знал все в них сокровенное. И ныне много таких, которые носят имя верующих, но непостоянны и легко всем увлекаются; потому и ныне Христос не вверяет Себя им, а весьма многое скрывает от них. Как мы вверяемся не всяким друзьям, а только искренним, так и Бог. Вот послушай, что говорит Христос ученикам: *не ктому вас глаголю рабы: вы друзи мои есте.* Как и почему? *Яко вся, яже слышах от Отца моего, сказах вам* (Ин. XV, 14, 15). Таким образом иудеям, просившим знамений, Он не дал, потому что они просили, желая только искусить Его. Да и ныне, как тогда, просить знамений не значит ли искушать? Между тем и ныне есть люди, которые ищут знамений, и говорят: почему ныне знамений нет? Но если ты верующий, каким должен быть, если любишь Христа, как следует любить, то ты не имеешь нужды в знамениях: они даются неверным. Почему же они не были даны иудеям? – спросишь ты. Нет, им-то наиболее и даны были. Если же в некоторых случаях иудеи, и требуя знамений, не получали их, то это потому, что требовали их не с тем, чтобы оставить свое неверие, а чтобы еще больше утвердиться в злобе своей. *Бе же человек от фарисей, Никодим имя ему, князь жидовский. Сей прииде ко Иисусу нощию* (Ин. III, 1, 2). Этот Никодим, как видно из Евангелия, и после возвышал голос свой за Христа;

он говорил: *закон наш никогоже судит, аще не слышит прежде* (Ин. VII, 51). Но иудеи с негодованием сказали ему: *испытай и виждь, яко пророк от Галилеи не приходит* (ст. 52). Да и после распятия на кресте, он также показал много заботливости при погребении тела Господня. *Прииде же*, говорит Писание, *и Никодим, пришедый ко Иисусови нощию прежде, нося смешение смирнено и алойно, яко литр сто* (Ин. XIX, 39). Так и теперь он был благорасположен ко Христу, но не столько, сколько следовало, и не с надлежащею мыслью о Нем: он был еще подвержен иудейским слабостям. Потому он и приходил ночью, боясь сделать это днем. Впрочем человеколюбец Бог и при этом не отверг его, не укорил и не лишил Своего учения, а с великою кротостью беседует с ним, открывает ему весьма высокие предметы веры, хотя и гадательно, но все же открывает. Человек этот был гораздо более достоин снисхождения, нежели те, которые делали это из лукавства. Последние не заслуживали никакого прощения; а от, хотя и достоин был обличения, но не в такой степени. Почему же Евангелист ничего этого не сказал о нем? Он говорит в другом месте, что *и от князь мнози вероваша в него: но фарисей ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут* (Ин. XII, 42). Здесь же все это он выразил одним замечанием о приходе его в ночное время. Что же Никодим говорит? *Равви, вемы, яко от Бога пришел еси учитель: никто же бо может знамений сих творити, яже ты твориши, аще не будет Бог с ним* (Ин. III, 2).

2. Никодим еще долу вращается; еще человеческое понятие имеет о Христе и говорит о Нем, как о пророке, не предполагая в Нем ничего особенного по знамениям. *Вемы*, говорят, *яко от Бога пришел еси учитель*. Для чего же ты приходишь ночью и тайно к Тому, кто говорит божественное и пришел от Бога? Почему не беседуешь с Ним открыто? Но Иисус и этого не сказал ему и

не обличил его: Он *трости сокрушены не преломит*, говорит Писание, *и льна внемшася не угасит, не преречет, ни возопиет* (Ис. XLII, 3); да и сам Он говорит: *не приидох, да сужду мирови, но да спасу мир* (Ин. XII, 47). *Никтоже может знамений сих творити, яже ты твориши, аще не будет Бог с ним*. Итак, Никодим выражает еще мысль еретическую, когда говорит, что Иисус совершает дела Свои при постороннем содействии, и имеет нужду в помощи других. Что же Христос? Смотри, какое крайнее снисхождение! Он не сказал: Я нисколько не имею нужды в помощи других, но творю все Своею властью, потому что Я истинный Сын Божий и имею одинаковую силу с Родившим Меня. Он не говорил этого, потому что это было еще недоступно для слушателя. Я всегда говорю, и теперь скажу, что Христос имел намерение в то время не столько открывать собственное достоинство, сколько убеждать, что Он ничего ни делал против воли Отца. Поэтому в словах Он постоянно является кротким, а в делах – не так; но когда творит чудеса, то делает все со властью. Так Он говорит: *хощу, очистися* (Мк. I, 41); *Талифа, востани* (V, 41); *простри руку твою* (Мф. XII, 13); *оставляются греси твои* (Лк. V, 20); *молчи, престани* (IV, 39); *возми одр твой, и иди в дом твой* (II, 11); *тебе глаголю, душе нечистый: изыди из него* (Лк. IV, 35; VIII, 29); *буди тебе, якоже хощеши* (Мф. XV, 28); *аще вама кто речет что, речета, яко Господь ею требует* (Мф. XXI, 3); *днесь со мною будеши в раи* (Лк. XXIII, 43); *слышасте, яко речено бысть древним: не убиеши; аз же глаголю вам, яко всяк гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть суду* (Мф. V, 21, 22); *грядите по мне, и сотворю вы ловца человеком* (IV, 19). И во всех случаях мы видим великую власть Его. В делах никто не мог осудить Его за то, что происходило. Да и как это было возможно? Если бы слова Его не сбывались и не исполнялись сообразно Его повелению, то мог бы кто-нибудь из иудеев сказать,

что повеления Его происходили от тщеславия; а так как все они исполнялись, то совершение событий невольно заграждало уста их. Что же касается до слов, то иудеи могли бы, по бесстыдству своему, обвинять Его в тщеславии.

Так и теперь, в беседе с Никодимом, Он ясно не высказывает ничего высокого, но загадочным образом возводит его от унизительных мыслей, научая, что Он сам по себе силен творить чудеса, так как Отец родил Его совершенным, всесильным в самом Себе и не имеющим ничего несовершенного. Но посмотрим, как именно Он это доказывает. Никодим говорит: *равви, вемъ, яко от Бога пришел еси учитель: никтоже бо может знамений сих творити, яже ты твориши, аще не будет Бог с ним* (Ин. III, 2). Он думал, что, говоря так о Христе, он сказал нечто великое. Что же Христос? Показывает ему, что он еще не достиг и преддверия истинного ведения, не стоит даже и перед вратами его, но еще блуждает где-то вне царствия – и он сам, и всякий, кто стал бы говорить таким образом; что еще не проник в истинное ведение тот, кто имеет такое понятие о Единородном. Что же именно говорит Христос? *Аминь, аминь глаголю тебе, аще кто не родится свыше, не может видети царствия Божия* (ст. 3). То есть, если ты не родишься свыше и не получишь точного познания о предметах веры, то будешь блуждать и останешься далеко вне царствия небесного. Впрочем Он не говорит так ясно, но чтобы не сделать слов Своих слишком тягостными, не прямо к нему обращается, а говорит неопределенно: *аще кто не родится,* как бы так говоря: если ты или другой кто-либо думает обо Мне таким образом, то вы находитесь вне царствия. Если бы не такой именно смысл заключался в словах Его, то ответ не соответствовал бы словам Никодима. Если бы услышали это иудеи, то они ушли бы со смехом; но Никодим и в этом случае показывает

свою любознательность. Для того-то Христос часто и говорил не ясно, чтобы побудить слушателей к вопросам и сделать их более внимательными. Ясно сказанное нередко проходит мимо слуха, а неясное делает слушателя внимательнее и усерднее. Итак, слова Христовы имеют такой смысл: если ты не родишься свыше, если не приобщишься Духа посредством бани пакибытия, то не сможешь получить надлежащего обо Мне понятия; а это (твое) понятие не духовное, но душевное. Впрочем он говорит таким образом не с тем, чтобы поразить Никодима, излагавшего собственное мнение, сколько он мог вместить, но чтобы незаметным образом возвести его к высшему разумению: *аще*, говорит Он, *кто не родится свыше*. Под словом — *свыше* здесь одни разумеют: *с неба*, другие: *снова*.

Тому, говорит Он, кто не родился таким образом, невозможно увидеть царствия Божия, разумея здесь Себя самого и показывая, что Он был не тем только, что видели в Нем, и что нужны еще другие глаза, чтобы видеть в Нем Христа. Никодим, услышав это, говорит: *како может человек родитися, стар сый* (Ин. III, 4)? Как? Ты называешь Его *учителем* и говоришь, что Он пришел от Бога, а слов Его не принимаешь и высказываешь учителю мысль, выражающую странное недоумение? Это *как* — есть выражение людей не очень верующих, есть недоумение мыслящих земное. Так и Сарра смеялась, когда говорила: *как?* Так и многие другие, с подобными вопросами, отпали от веры.

3. Так и еретики упорствуют в ереси, предлагая такие же вопросы. Одни из них говорят: *как* воплотился? Другие: *как* родился? И таким образом слабым своим умам подчиняют Существо беспредельное. Зная это, нам должно избегать такого неуместного любопытства. Возбуждающие такие вопросы и не узнают того: *как*, и отпадут от православия. Так и Никодим с недоумением

спрашивает о способе. Он понял, что сказанное относится и к нему; оттого смущается, колеблется, приходит в затруднение – потому, что пришедши (к Иисусу Христу), как к человеку, он слышит нечто вышечеловеческое, чего еще никто никогда не слыхал; он с одной стороны возвышается до высоты предлагаемого учения, с другой окружается мраком и не знает, на чем остановиться, увлекаясь туда и сюда и отпадая от веры. Потому и продолжает представлять это, как дело невозможное, чтобы вызвать Его к яснейшему изложению учения: *еда*, говорит, *может человек второе внити во утробу матере своея и родитися* (ст. 4)? Видите, как говорит смешно человек, подчиняющий духовное собственным понятиям; он находится как бы в бреду и опьянении, как скоро начинает сказанное исследовать более, нежели сколько угодно Богу, а не принимает в простоте веры. Он слышит о духовном рождении, но не думает о духовном, а низводит сказанное до уничижения плоти, и столь великое и высокое учение подводит под естественный порядок вещей. Вот почему он выдумывает вопросы и смешные недоумения. Потому-то и Павел говорит, что *душевен человек не приемлет, яже Духа Божия* (1 Кор. II, 14). Впрочем Никодим и после этого соблюдает уважение ко Христу: не стал смеяться над словами Его, а только, считая дело невозможным, молчал. Два предмета были ему непостижимы: такое рождение и царствие. У иудеев никогда не было слышно даже названия такого рождения и такого царствия. Впрочем Никодим пока останавливается на первом, так как этот предмет наиболее поразил его ум.

Зная это, не будем же испытывать своим умом таин божественных, не станем подводить их под порядок обыкновенных у нас вещей, и подчинять законам естества; но будем разуметь все благочестиво, веруя тому, что сказано в Писаниях. Слишком любопытствующий

исследователь не приобретает никакой пользы, и кроме того, что не находит искомого, подвергается еще крайнему осуждению. Ты слышишь, что (Отец) родил? Веруй тому, что слышишь; но *как* (родил), этого не испытывай, чтобы через то не отвергнуть и самого рождения, – что было бы крайне безрассудно. Если Никодим, услышав о рождении, не об этом неизреченном, а о рождении по благодати, впал в мрак и недоумение, оттого, что не предполагал в нем ничего высокого, а мыслил только человеческое и земное, то испытывающие и изведывающие рождение страшное и превосходящее всякое слово и разумение – какого достойны могут быть наказания? Ничто не производит столько мрака, сколько ум человеческий, рассуждающий обо всем по земному и не принимающий озарения свыше. Земные помыслы заключают в себе много нечистоты. Потому и нужны нам струи небесные, чтобы, по уничтожении тины, дух наш, по мере своей чистоты, возносился горе и приобщался небесного учения. А это может быть тогда, когда мы покажем в себе и душу благомыслящую и жизнь правую: может ведь, истинно может помрачиться наш ум не только от неуместного любопытства, но и от развращенного образа жизни. Потому и Павел говорил коринфянам: *млеком вы напоих, а не брашном: ибо не у можасте; но ниже еще можете ныне: еще бо плотстии есте. Идеже бо в вас зависти и рвения и распри, не плотстии ли есте* (1 Кор. III, 2, 3)? Также в послании к евреям и во многих других местах, как всякий может видеть, Павел полагает это самое причиною неправых учений, потому что преданная страстям душа не может постигать ничего великого и благородного; но, как бы помраченная гноетечением из очей, страдает самою тяжкою слепотою. Итак, очистим самих себя, просветимся светом ведения и не будем сеять в тернии. А что значит это терние, вы знаете, хотя мы и не будем гово-

рить об этом: вы часто слышали, что Христос именем терния называет попечения житейские и обольщения богатства; да и справедливо. Как первое (терние) бесплодно, так и последние; как то уязвляет прикасающихся к нему, так и эти страсти; как терние легко потребляется огнем, и ненавистно для земледельца, так и мирские дела; как в тернии скрываются дикие звери, ехидны и скорпионы, так и в обольщениях богатства. Но восприимем огонь Духа, чтобы и терние потребить, и зверей изгнать, и ниву очистить для Земледельца; а после очищения оросим ее духовными струями; насадим плодоносную маслину, растение самое нежное, всегда цветущее, светоносное, питательное и укрепляющее здоровье. Все это заключает в себе милосердие, которое есть как бы печать для приобретших его. Это растение не увядает даже и от приближения смерти, но всегда стоит, просвещая ум, питая душу и соделывая ее силы крепчайшими. Если мы будем постоянно иметь его, то сможем с дерзновением узреть и Жениха и войти в брачный чертог, – чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXV

Отвеща Иисус: аминь глаголю тебе, аще кто не родится водою и духом, не может внити в царствие Божие (Ин. III, 5)

1. Малые дети каждый день ходят к учителям, берут уроки и дают в них отчет, и не прерывают этого занятия; бывает и то, что они к дням присоединяют и ночи; и вы заставляете их делать это из-за предметов тленных и временных. Но от вас, людей взрослых, мы не требу-

ем такого труда, какого вы от своих детей. Не каждый день, а только два дня в седмицу мы приглашаем вас к слушанию поучений и притом только на малую часть дня, чтобы облегчить для вас этот труд. Для того и содержание Писания мы разделяем на малые части, чтобы вы удобнее могли усвоять их, влагать в сокровищницу разума и так запечатлевать в памяти, чтобы вы и сами могли передавать все (другим) в точности, если только не будет кто слишком сонлив и нерадив или ленивее малого отрока. Итак, приступим опять к продолжению прежде сказанного и посмотрим, как Никодиму, ниспавшему долу, прилагающему слова Христовы к земному рождению и говорящему, что невозможно устаревшему человеку снова родиться, Христос открывает яснее образ этого рождения. Хотя и это изъяснение еще представляет некоторые затруднения для рассуждающего по-человечески, но с тем вместе уже достаточно для того, чтобы слушающего возвести от уничиженного образа мыслей. Что же Христос говорит? *Аминь глаголю тебе, аще кто не родится водою и духом, не может внити в царствие Божие.* Вот что этим Он дает разуметь: ты считаешь это невозможным; а Я говорю, что это очень возможно, даже и необходимо, и иначе спастись невозможно. А необходимое Бог соделал для нас и удобным. Рождение земное есть рождение по плоти, от персти, а потому для него и заграждено все небесное, потому что что́ общего между землею и небом? Но другое рождение, как рождение от Духа, удобно отверзает нам небесные врата. Слышите вы все, чуждые просвещения (то есть таинства святого крещения): ужаснитесь, возрыдайте! Страшна эта угроза, страшно определение! Невозможно, говорит Христос, тому, кто не родится водою и духом, войти в царствие небесное, потому что он еще носит одежду смерти, одежду проклятия, одежду тления, — еще не получил

знамения Господнего, он еще не свой, а чужой; не имеет условленного в царстве знака. *Аще кто не родится водою и духом, не может внити в царствие небесное.* Но Никодим и этого не понял. Нет ничего хуже, как подвергать духовные предметы умствованиям. Это и не допустило Никодима представить себе что-либо великое и возвышенное. Но для того мы и называемся верными, чтобы, оставляя немощь дольних помыслов, восходили на высоту веры, и в ее учении полагали свое высшее благо. Если бы так поступил Никодим, то дело не представилось бы ему невозможным. Итак, что же Христос? Отклоняя его от такого пресмыкающегося долу образа мыслей, показывая, что не о плотском рождении Он беседует, Христос говорит: *аще кто не родится водою и духом, не может внити в царствие небесное.* Он говорил это, желая угрозою привлечь Никодима к вере, – убедить, чтобы он не признавал этого дела невозможным, и стараясь отвлечь его от предположения в этом деле плотского рождения. Никодим, говорит Он, Я говорю о другом рождении. Для чего же ты склоняешь речь к земле? Для чего это дело подчиняешь естественным законам? Рождение это выше естественного рождения, и не имеет ничего общего с вашим. Хотя называется рождением и то и другое, однако, при общем наименовании, они различаются на деле. Отстань от общепринятых понятий; Я ввожу в мир иное рождение; Я хочу, чтобы люди рождались иным образом; Я пришел с необычайным способом создания. Вначале Я создал человека из земли и воды, но это создание оказалось негодным, этот сосуд разбился; затем Я уже не хочу творить из земли и воды, а от воды и духа. А если кто спросит: как от воды? – спрошу и я: как от земли? Как брение преобразовалось в различные виды? Каким образом из вещества однородного (земля ведь одна) произошли творения различные и разнообразные? Откуда

кости, нервы, кровеносные и сухие жилы? Откуда перепонки, кровяные сосуды, хрящи, оболочки, печень, селезенка, сердце? Откуда кожа, кровь, слизь, желчь? Откуда столько отправлений? Откуда разнообразие цветов? Это — не из земли и не из брения. Каким образом земля, принимая семена, произращает их; а плоть, та же земля, принимая семена, подвергает их гниению? Как земля бросаемые в нее семена питает, а плоть питается ими, но не питает их? Например: земля, принимая воду, производит вино, а плоть, часто принимая вино, обращает его в воду. Итак, откуда видно, что тело происходит из земли, тогда как земля, как я сказал, имеет свойства, противоположные телу? Умом я постигнуть этого не могу, принимаю только верою. Если же ежедневно бывающие и осязаемые дела требуют веры, тем более — дела неизреченные и духовные. Как бездушная неподвижная земля, по воле Божией, приняла такую силу, и из ней происходят такие дивные дела, таким же образом, и при действии Духа на воду, легко совершаются те изумительные и превышающие разум дела.

2. Итак, не оставайся в неверии потому только, что ты не видишь этого. Ты не видишь и души, однако же веришь что у тебя есть душа и что она нечто другое, а не тело. Но Христос вразумляет Никодима не этим, а другим примером. Хотя душа и бестелесна, однако ж Он не указал на нее потому, что Никодим имел еще слишком грубые о ней понятия. Но Христос приводит в пример нечто другое, что не имеет ничего общего с грубостью тел, но и не возвышается до природы существ безтелесных. Это — движение ветра. Прежде всего Он начинает с воды, которая, тоньше земли, но грубее ветра. Как в начале в основание (творения) положена была земля, все же дело принадлежало Создателю, так теперь в основание полагается вода, а все дело (воз-

рождения) принадлежит благодати Духа. И тогда — *бысть человек в душу живу*, ныне же *в дух животворящ* (1 Кор. XV, 45). Но различие между тем и другим велико. Душа не сообщает жизни другому существу; а Дух не только живет сам по себе, но сообщает жизнь и другим существам. Так апостолы и мертвых воскрешали. Тогда, уже по совершении творения, наконец был создан человек; а ныне, напротив, новый человек творится прежде новой твари: сперва он рождается, а потом уже мир преобразуется. И как в начале (Бог) создал человека всецелым, так и ныне всецело образует его. Но тогда он говорил: *сотворим ему помощника* (Быт. II, 18), а здесь — ничего подобного. Приявший благодать Духа может ли нуждаться в другом каком-либо помощнике? Принадлежащий к телу Христову какую имеет нужду в чьем-либо содействии? Тогда сотворен человек по образу Божию, а ныне соединен с самим Богом. Тогда Бог повелел ему обладать рыбами и зверями; а теперь вознес начаток наш превыше небес. Тогда дал для жительства рай; а ныне отверз для нас небо. Тогда человек создан был в шестой день, так как этим временем должно было окончиться и творение; а ныне — в первый день, и в самом начале, как и свет. Из всего этого ясно, что совершающееся ныне принадлежит к другой, лучшей жизни и состоянию, не имеющему конца. Первое творение Адама было творение из земли, а после него создание жены из ребра, потом происхождение Авеля от семени. Но мы не можем ни постигнуть, ни изобразить словом этих творений, хотя все они самые вещественные. Как же мы можем дать отчет относительно духовного рождения через крещение, — рождения, которое гораздо выше тех? И каких можно требовать от нас соображений об этом рождении — чудном и необычайном? При совершении его предстоят и ангелы; но изъяснить способ этого дивного рождения через

крещение не может ни один из них. Но и предстоят они, сами ничего не совершая, а только взирая на то, что совершается. Все же делает Отец, Сын и Святый Дух. Поверим же слову Божию: оно вернее нашего зрения; зрение часто и обманывается, а это слово погрешать не может. Поверим же Ему. Произведши сущее из несущего, оно, конечно, несомненно и тогда, когда говорит о естестве его. А что оно говорит? Что в крещении совершается рождение. Но если бы кто сказал тебе: как это — загради тому уста словом Христовым, которое есть величайшее и самое ясное доказательство. Если же кто спросит: для чего употребляется вода, то спросим и мы взаимно: для чего в начале в создание человека входила земля? Что Богу и без земли возможно было сотворить человека, это очевидно для каждого. Поэтому не допытывайся. А что вода потребна и необходима, это можешь узнать вот из чего: однажды, когда Дух сошел, прежде употребления воды (Деян. X, 44), апостол не остановился на этом; но смотри, что сказал он о воде, как о веществе необходимом и не излишнем: *еда воду возбранити может кто, еже не креститися сим, иже Дух Святый прияша, якоже и мы* (Деян. X, 47). Почему же нужна вода? Скажу, наконец, и об этом и открою вам сокровенное таинство. Есть несколько сокровенных причин для этого, но из многих я скажу вам пока одну. Какая же это причина? Та, что в воде символически изображается гроб и смерть, воскресение и жизнь, и все это происходит совместно. Когда мы погружаем свои головы в воду, как бы в гроб, вместе с тем погребается ветхий человек и, погрузившись долу, весь совершенно скрывается. Потом, когда мы восклоняемся, — выходит человек новый. Как легко для нас погрузиться и подняться, так для Бога легко погребсти ветхого человека и явить нового. Но это совершается трижды, чтобы ты знал, что все это совершается силою Отца и

Сына и Святого Духа. А что сказанное мною не гадание, послушай только, что говорит Павел: *спогребохомся ему крещением в смерть* (Рим. VI, 4); также: *ветхий наш человек с ним распятся* (ст. 6); или: *сообразни быхом подобию смерти его* (ст. 5). Но не только крещение называется крестом, а и крест крещением. *Крещением*, говорит Христос, *имже аз крещаюся, креститася* (Мк. X, 39). И в другом месте: *крещением имам креститися* (Лк. XII, 50). Как легко мы погружаемся и поднимаемся, так легко и Он, по смерти, когда восхотел – воскрес, или лучше сказать: гораздо легче, хотя ради устроения некоего таинства и пробыл (в гробе) три дня.

3. Итак мы, сподобившиеся столь великих таинств, покажем достойную этого дара жизнь, самое лучшее поведение. А вы, еще не сподобившиеся их, поступайте во всем так, чтобы вам сподобиться, да будем все едино тело, да будем все братия. Доколе это разделяет нас, дотоле и отец, и сын, и брат, и кто бы то ни был – для нас еще не истинный сродник наш, так как он отдален от сродства горнего. Да и какая польза быть соединенными родством бренным, когда мы не соединены сродством духовным? Какая прибыль от близости на земле, когда мы чужды друг для друга на небесах? Оглашенный чужд верному. Он не имеет ни одной и той же с ним главы, ни одного и того же отца, ни того же города, ни пищи, ни одежды, ни дома; но все у них раздельно. У одного все на земле; у другого – на небесах. У этого царь – Христос; у того – грех и диавол. У этого пища – Христос; у того – гниль и тление. Да и одежда у этого – Владыка ангелов; у того – дело червей. У этого город – небо; у того – земля. А если у нас нет с неверными ничего общего, то скажи мне, в чем же нам иметь общение (с ними)? Прошли и мы через те же муки рождения и произошли из одного чрева? Но и этого недостаточно для ближайшего родства. Итак по-

стараемся сделаться гражданами горнего града. Доколе нам оставаться в чужой земле, тогда как следует нам получить снова древнее отечество? Здесь опасность касается не маловажных дел. Если случится, чего не дай Бог, что постигнет нас нечаянная смерть, и мы отойдем отсюда без просвещения (крещения), то, хотя бы мы имели здесь тысячи благ, нас ожидает не что другое, как геенна, червь ядовитый, огнь неугасимый и узы неразрешимые. Но не дай Бог кому-либо из слушающих испытать это наказание! А не постигнет оно нас, если мы, сподобившись святых таин, будем полагать в основание своего здания золото, серебро и драгоценные камни (см.: Кор. III, 12). Таким образом мы будем иметь возможность, отошедши туда, явиться богатыми, когда, то есть не здесь будем оставлять деньги, а будем переносить их в безопасные сокровищницы руками бедных, когда будем давать взаймы Христу. Там у нас много долгов – не деньгами, а грехами. Будем же отдавать Ему деньги, чтобы получить оставление грехов. Он – Судия наш. Не презрим здесь Его алчущего, чтобы и Он там напитал нас. Оденем Его здесь, чтобы и Он не оставил нас обнаженными без своего покрова. Если мы напоим Его здесь, то не скажем подобно богатым: *посли Лазаря, да омочит конец перста и устудит языки* наш *опаляемый* (Лк. XVI, 24). Если и мы примем Его здесь в свои дома, то Он уготовит для нас там много обителей. Если придем к Нему в темницу, то и он освободит нас от уз. Если введем Его к себе, как странника, – и Он не оставит нас странствовать вне царствия небесного, но воздаст за то горний град. Если посетим Его в болезни, – скоро и Он освободит нас от немощей наших. Итак, получая много, даже тогда, когда даем немного, будем давать по крайней мере немного, чтобы приобресть много. Пока есть еще время, будем сеять, чтобы пожать. Когда наступит зима, когда по морю нельзя уже будет плавать, тогда и

купля эта уже не будет в нашей власти. А когда настанет зима? Тогда, когда наступит тот великий и славный день. Тогда мы уже не станем плавать по этому великому и пространному морю, которому подобна настоящая жизнь. Теперь – время сеяния; а тогда – время жатвы и собирания. Если бы кто во время сеяния не бросал семян, а стал сеять во время жатвы, – тот, кроме того, что не получил бы ничего, еще был бы смешон. Если же настоящее время есть время сеяния, то теперь-то и должно не собирать, а расточать. Станем же расточать, чтобы собрать; не будет собирать теперь, чтобы не потерять жатвы. Это время, как я сказал, вызывает на сеяние, на иждивение и расточение, а не на собирание и сбережение. Итак, не упустим удобного времени, а сделаем обильный посев и не пощадим ничего своего, чтобы получить обратно с большим воздаянием, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVI

Рожденное от плоти плоть есть, и рожденное от Духа дух есть (Ин. III, 6)

1. Великих таин сподобил нас Единородный Сын Божий, – великих и таких, которых мы не были достойны, но которые сообщить нам Ему угодно было. Если рассуждать о нашем достоинстве, то мы не только были недостойны этого дара, но и повинны наказанию и муке. Но Он, не смотря на это, не только освободил нас от наказания, но и даровал жизнь, которая гораздо светлее прежней; Он ввел в другой мир; создал новую тварь. *Аще кто,* сказано, *во Христе, нова тварь* (2 Кор. V, 17). Какая это новая тварь? Послушай, что говорит сам

Христос: *аще кто не родится водою и Духом, не может внити в царствие Божие* (Ин. III, 5). Нам был вверен рай; но тогда, как мы оказались недостойными обитать в нем, Он возводит нас на самые небеса. Мы не остались верными в первоначальных дарах; но Он сообщает нам еще большее. Мы не могли воздержаться от одного древа – и Он подает нам пищу горнюю. Мы не устояли в раю – Он отверзает нам небеса. Справедливо говорит Павел: *о, глубина богатства и премудрости разума Божия* (Рим. VI, 33)! Уже не нужны ни мать, ни муки рождения, ни сон, ни сожительство и соединение плотское; строение естества нашего совершается уже свыше, – Духом Святым и водою. А вода употребляется, как бы место рождения рождающегося. Что утроба для младенца, то – вода для верного: он в воде зачинается и образуется. Прежде было сказано: *да изведут воды гады душ живых* (Быт. I, 20). А с того времени, как Владыка снизошел в струи Иордана, вода производит уже не *гады душ живых*, а души разумные и духоносные. И что сказано о солнце: *яко жених, исходяй от чертога своего* (Пс. XVIII, 6), теперь более благовременно сказать о верных: они испускают лучи гораздо блистательнее солнечных. Но младенец, зачинающийся в утробе, требует времени; а в воде – не так: здесь все совершается в одно мгновение. Где жизнь временна и получает свое начало от телесного тления, там и рождение медленно происходит: таково естество тел; они только с течением времени получают совершенство. Но в делах духовных не так. Почему же? Здесь что делается, то делается с самого начала совершенно. Но как Никодим, слыша это, непрестанно приходил в смущение, то – посмотри, как Христос открывает ему непостижимость этого таинства и неясное для него делает ясным. Христос говорит: *рожденное от плоти плоть есть; и рожденное от Духа дух есть.* Он отвлекает Никодима от всего чув-

ственного и не дозволяет ему телесными очами рассматривать это таинство. Мы не о плоти беседуем, Никодим, а о духе этими словами обращая его к горнему). Не ищи (здесь) ничего чувственного. Дух этими очами не может быть видим. Не думай также, что Дух рождает плоть.

А как же, – может быть, спросит кто-нибудь, – родилась плоть Господня? Она родилась не от Духа только, но и от плоти. Потому Павел, показывая это, и говорит: *рождаемаго от жены, бываема под законом* (Гал. VI, 4). Дух образовал ее так: не из ничего (для чего в таком случае нужна была бы утроба матерняя?), но из девственной плоти; а каким образом – я объяснить не могу. Так было для того, чтобы кто-либо не подумал, будто Рожденный чужд нашего естества. Если и после этого есть люди, которые не веруют в такое рождение, то до какого бы нечестия ниспали они, если бы Христос не восприял плоти от Девы? *Рожденное от Духа дух есть.* Видишь ли достоинство Духа? Он творит дело Божие. Выше (Евангелист) говорил: *от Бога родишася* (Ин. I, 13); а здесь говорится, что их рождает Дух. *Рожденное от Духа дух есть,* то есть рожденный от Духа духовен. Рождение здесь разумеется не по существу, а по достоинству и благодати. А если и Сын рожден таким же образом, то какое преимущество Он будет иметь перед людьми, так рожденными? Каким образом Он тогда есть Сын Единородный? От Бога рожден и я, но – не от существа Его. Если же и Он не рожден от существа, то чем Он отличается от нас? В таком случае Он будет меньше даже и Духа, потому что такое рождение происходит от благодати Духа. Ужели поэтому, чтобы быть Сыном, Он имеет нужду в содействии Духа? Да и чем такая мысль различается от учений иудейских? Но, сказав: *рожденное от Духа дух есть,* Христос опять видел, что Никодим смущается, и потому обращает речь к приме-

ру чувственному. *Не дивися,* говорит Он, *яко рех ти: подобает вам родитися свыше. Дух, идеже хощет, дышет* (ст. 7–8). Словом: *не дивися* обнаруживает смущение души его и затем обращает его к тончайшему из тел. Сказав: *рожденное от Духа дух есть,* Христос уже отвлекал Никодима от представлений плотских; но, как тот все еще не понимал, что значат Его слова: *рожденное от Духа дух есть,* то Он и переносит его мысль к другому изображению, не останавливая его на грубых телах и не говоря о существах совершенно бестелесных (так как Никодим, и слыша о таких предметах, не мог постигать их), но находя нечто среднее между существом телесным и бестелесным, – движение ветра, – и через то вразумляет его. Именно о ветре Он говорит: *глас его слышиши но не веси, откуду приходит, и камо идет.* Но если говорит: *идеже хощет, дышет,* то этим не выражает того, будто ветер имеет какой-либо произвол, а только указывает на его естественное движение, движение беспрепятственное и сильное. Писание обыкновенно говорит так и о предметах неодушевленных, например: *суете тварь повинуся неволею* (Рим. VIII, 20). Итак, слова: *идеже хощет, дышет* означают то, что ветер не удержим, что он распространяется всюду, что никто не может препятствовать ему носиться туда и сюда, но что он с великою силою рассеивается, и никто не может задержать его стремления.

2. *И глас его слышиши,* то есть – гул, шум, *но не веси, откуду приходит, и камо идет. Тако есть всяк рожденный от Духа.* В этом все и заключается. Если, говорит, ты не умеешь и объяснить ни исхода, ни направления ветра, который однако же ты ощущаешь и слухом и осязанием, то для чего усиливаешься понять действие Духа Божия, – ты, который не понимаешь действия ветра, хотя и слышишь его звуки? Таким образом слова: *идеже хощет, дышет* сказаны для означения власти Утешителя,

и значат вот что: если никто не может сдержать ветра, но он несется, куда хочет, то тем более не могут задержать действия Духа ни законы природы, ни условия телесного рождения, и ничто другое подобное. А что слова: *глас ею слышиши* сказаны именно о ветре, видно из того, что Христос, беседуя с неверующим и незнающим действия Духа, не сказал бы: *глас его слышиши.* Потому, как не видим ветра, хотя он и издает шум, так незримо для телесных очей и духовное рождение. Но ветер еще есть тело, хотя и тончайшее, потому что все, подлежащее чувству, есть тело. Если же ты не досадуешь на то, что не видишь этого тела, и поэтому не отвергаешь его существования, то почему смущаешься, слыша о Духе, и требуешь при этом такой отчетливости, не делая того в отношении тела?

3. Что же Никодим? Не смотря на представленный ему, столь ясный пример, он еще остается с иудейскою немощью. И вот, когда он снова с недоумением спрашивает: *како могут сия быти,* – Христос говорит ему слова еще более поразительные: *ты, еси учитель Исраилев и сих ли не веси* (ст. 10)? Заметь, что он обличает этого человека отнюдь не в злонамеренности, а в недальновидности и простоте. Но что общего, скажет кто-либо, имеет это рождение с делами иудейскими? Что же не общего, скажи мне? Происхождение первого человека, создание жены из ребра, неплодство, чудеса, совершенные через воды, именно: в источнике, из которого Елисей извлек железо, в Чермном море, которое перешли иудеи, в купели, которую возмущал ангел, в Иордане, в котором очистился Нееман Сирианин, – все это как бы в образах предвозвещало имевшее быть рождение и очищение. И вещания пророков назнаменуют этот образ рождения, так сказано: *возвестит Господеви род грядущий, и возвестят правду его людем, родитися имущим, яже сотвори Господь* (Пс. XXI, 31, 32); еще: *обновится яко орля юность*

твоя (Пс. CII, 5); также: *светися Иерусалиме* (Ис. LX, 1); *се царь твой грядет* (Зах. IX, 9); или: *блажени, ихже оставишася беззакония* (Ис. XXXI, 1). Но и Исаак был образом этого рождения. В самом деле, скажи, Никодим, как родился Исаак? По закону ли природы? Нет! Но образ его рождения был средний между тем и другим рождением (плотским и духовным): в нем было рождение и плотское, потому что он родился от сожительства, и духовное, потому что он родился не от кровей. Я докажу, что эти образы предвозвещали не только это рождение, но и рождение от Девы. Так как не легко было бы поверить, что рождает Дева, то сначала рождали неплодные, и не только неплодные, но и престарелые жены. Конечно, происхождение жены из ребра было гораздо удивительнее рождения от неплодной; но, так как это было в начале, давно, то последовал иной, новый и недавний способ рождения, — именно от неплодных, — чтобы проложить путь к вере в рождение от Девы. Припоминая это Никодиму, Христос говорит: *ты еси учитель Исраилев, и сих ли не веси? Еже вемы, глаголем, и еже видехом, свидетельствуем, и свидетельства нашего никтоже приемлет* (ст. 11). Последние слова Он присовокупил, снова удостоверяя, с иной стороны, в истине слов своих и вместе снисходя к немощи Никодима.

4. Что же значит: *еже вемы, глаголем, и еже видехом, свидетельствуем?* И у нас зрение достовернее других чувств: поэтому, когда хотим уверить кого-либо, говорим, что мы видели своими глазами, а не по слуху знаем. Так и Христос беседует с Никодимом по человечески, заимствуя и отсюда подтверждение Своих слов. А что это именно так, и что Христос не другое что хочет показать Никодиму и не разумеет здесь зрения чувственного, это видно из следующего. Сказав: *рожденное от плоти плоть есть: и рожденное от Духа дух есть*, Он присовокупляет: *еже вемы глаголем, и еже видехом, свидетель-*

ствуем. Но в то время этого еще не было. Как же Он говорит: *еже видехом?* Не явно ли, что Он говорит о знании самом точном и безошибочном? *И свидетельства нашего никтоже приемлет.* Итак слова: *еже вемы* Он говорит или о Себе и вместе об Отце, или только о Себе. А слова: *никтоже приемлет* не выражат в настоящем случае негодования, а высказывают то, что было. Он не сказал: можно ли быть бесчувственнее вас, не принимающих того, что мы возвещаем с такою точностью? Нет, Он ничего подобного не сказал, показывая и в словах и в делах совершенную кротость. Он кротко и тихо предвозвещает имеющее совершиться; так и нас побуждает к кротости и научает, чтобы мы, беседуя с кем-либо и не убеждая, не досадовали и не раздражались. Человек раздраженный не только ни в чем не может успеть, но и делает других еще более недоверчивыми. Поэтому надобно удерживаться от гнева, а в своих словах убеждать других не только не гневом, но и не криком, так как крик — пища гнева. Будем же обуздывать этого коня, чтобы ниспровергнуть всадника; обрежем крылья гневу — и зло не поднимется высоко. Гнев — болезнь жестокая и опасная тем, что можем погубить наши души. Поэтому надлежит отовсюду заграждать ему вход. Несообразно, если мы можем укрощать зверей, а свои свирепствующие помыслы оставляем без внимания. Гнев есть сильный, все пожирающий огонь; он и телу вредит, и душу растлевает, и делает человека на вид неприятным и постыдным. Если бы человек разгневанный мог видеть себя, во время своего гнева, то он уже не имел бы нужды ни в каком другом увещании, — потому что нет ничего неприятнее лица раздраженного. Гнев есть какое-то опьянение, или, лучше сказать, хуже опьянения и несчастнее беса. Но только постараемся не кричать, — и мы найдем сами лучший путь любомудрия. Потому Павел внушает подавлять не только гнев, но и крик, го-

воря: *всяк гнев и клич да возмется от вас* (Еф. IV, 31). Будем же повиноваться этому учителю всякого любомудрия и, когда гневаемся на слуг, помыслим о собственных своих согрешениях и устыдимся их кротости. Когда ты бранишь его, он молча переносит брань; таким образом ты бесчинствуешь, а он любомудрствует. Прими же это вместо всякого увещания. Хотя он и слуга, но он человек, который имеет и душу бессмертную, и такими же, как и мы, дарами украшен от общего всех Господа. Если же он, будучи равно честен нам в высших, духовных преимуществах, с такою кротостью переносить от нас огорчения, потому только, что мы имеем некоторое незначительное и маловажное преимущество перед ним, то какого прощения или извинения достойны будем мы, которые не можем, или лучше, не хотим любомудрствовать ради страха Божия, как любомудрствует он из страха к нам? Итак, воображая все это, помышляя о своих грехах и общем для всех человеческом естестве, будем стараться всегда говорить кротко, чтобы, соделавшись смиренными сердцем, обрести своим душам покой и в настоящей и в будущей жизни, — которого да сможем достигнуть и все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVII

Аще земная рекох вам, и не веруете, како, аще реку вам небесная, уверуете? И никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе Сын человеческий, сый на небеси (Ин. III, 12, 13)

1. Что я многократно говорил, то и теперь скажу, и не перестану говорить. Что же такое? Что Иисус, намереваясь коснуться высоких догматов, нередко приспо-

собляется к немощи слушателей и употребляет образ учения, не всегда соответствующий Его величию, но более приспособительный к ним. Учение высокое и важное, и однажды будучи высказано, достаточно может показать свое достоинство, сколько мы в состоянии слышать его, но, если о предметах более простых и близких к понятию слушателей говорить не часто, то и предметы высокие не скоро могут овладеть умом преклоненного долу слушателя. Потому-то Христос гораздо больше говорил о предметах простых, чем высоких. Но чтобы и это не причинило вреда в другом отношении, то есть, чтобы не удерживало ученика долу, Он не иначе обращается к предметам простым, как предварительно высказав причину, по которой говорят о них. Так Он сделал и в настоящем случае. Сказав о крещении и рождении, совершающемся на земле по благодати, потом намереваясь приступить к слову и о собственном рождении, неизреченном и непостижимом, Он между тем еще медлит и не приступает. Потом высказывает и причину, по которой не приступает. Какая же это причина? Грубость и немощь слушателей. На нее Он и делал намек, говоря: *аще земная рекох вам, и не веруете, како, аще реку вам небесная, уверуете?* Таким образом, где Он говорит о чем-либо простом и маловажном, там это надобно относить к немощи слушателей. Некоторые говорят, что выражение: *земная* здесь надобно разуметь о ветре, – как бы так Он сказал: Я показал вам пример из земных вещей, но вы и тем не убеждаетесь: как же вы можете понимать предметы более возвышенные? Но если Он здесь называет земным и крещение, не удивляйся. Он называет его так или потому, что оно совершается на земле, или сравнительно с Своим страшным рождением. Наше (в крещении) рождение, хотя и есть небесное, но, в сравнении с Его истинным от существа Отчего рождением, оно – земное. И спра-

ведливо, что не сказал: *вы не разумеете*, но: *я не веруете*. Кто затрудняется и не легко принимает то, что понятно для ума, тот справедливо может подвергнуться обвинению в неразумии; но кто не принимает того, чего нельзя постигнуть разумом, а только верою, тот заслуживает обвинения уже не в неразумии, а в неверии. Таким образом, не позволяя Никодиму испытывать своим умом сказанное, Христос еще сильнее продолжает обличать его в неверии. Если же наше (духовное) рождение надлежит принимать верою, то чего заслуживают люди, испытующие умом рождение Единородного? Но, может быть, кто-либо скажет: для чего было и говорить это, если слушатели не хотели верить? Для того, что хотя они и не хотели верить, но могли принять это и получить отсюда пользу люди последующих времен. Так, со всею силою поражая Никодима, Христос показывает наконец, что Он знает не только это, но и гораздо больше и выше этого, — что высказывает в последующих словах: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе Сын человеческий, сый на небеси* (ст. 13). Какая же, скажешь ты, здесь связь мыслей? Весьма великая и тесная связь с предыдущим. Никодим сказал: *вемы, яко от Бога пришел еси учитель* (ст. 2); это самое теперь Христос и исправляет, как бы так говоря: не думай, что Я — такой же учитель, каковы были многие пророки, бывшие от земли; Я с неба пришел. Из пророков ни один не восходил туда, а Я там всегда пребываю. Видишь ли, как и самое, по-видимому, высокое еще слишком недостойно Его величия. Он не на небе только существует, а и везде, и все исполняет. Но Он беседует, еще снисходя к немощи слушателя, чтобы мало-помалу возвесть его к высшему. Сыном же человеческим Он здесь называет не плоть Свою, а, так сказать, всего Себя по низшему естеству (по человечеству). И обыкновенно Он называл всего Себя иногда по божеству, иногда — по человече-

ству. *И якоже Моисей вознесе змию в пустыни, тако подобает вознестися Сыну человеческому.* Опять и это, по-видимому, не имеет связи с предыдущим; но (на самом деле) вполне соответствует ему. Сказав, что через крещение людям оказано величайшее благодеяние, Он приводит и причину этого, не меньшую самого благодеяния, — крест; как и Павел, беседуя с коринфянами, соединяет вместе эти благодеяния в следующих словах: *еда Павел распятся по вас, или во имя Павлова крестистеся* (1 Кор. I, 13)? Два эти благодеянии больше всех других показывают неизреченную любовь Господа: Он и пострадал за врагов, и, умерши за врагов, даровал в крещении всецелое прощение грехов.

2. Но почему Он не сказал прямо: я *буду распят,* а отослал слушателей к древнему прообразу? Этим Он научает их, во-первых, что события древние имеют соотношение с новыми, что те не чужды для этих; во-вторых, что Он шел на страдание не против воли Своей, и кроме того, что и сам Он не потерпел от того никакого вреда, и многим даровано через то спасение. Действительно, чтобы кто не сказал: как могут верующие в Распятого спастись, когда и Он сам был одержим смертью? — вот Он приводит нас к древней истории. Если иудеи спасались от смерти, взирая на медное изображение змия, то, конечно, тем большее благодеяние могут получить верующие в Распятого. Распятие совершилось не по немощи Распятого и не потому, что восторжествовали над ним иудеи, а потому, что *возлюбил Бог мир.* Вот почему одушевленный Его храм подвергся распятию: *да всяк веруяй в онь не погибнет, но имать живот вечный* (ст. 15). Видишь ли причину креста и спасение, от него происшедшее? Видишь ли соответствие между прообразом и истиною? Там иудеи спасаются от смерти только временной; здесь верующие — от смерти вечной. Там повешенный змий исцеляет от укусов змей;

здесь распятый Иисус врачует уязвления духовного змия. Там взирающий телесными очами получает уврачевание; здесь взирающий очами душевными освобождается от всех грехов. Там повешена медь, изображавшая подобие змия; здесь – тело Владыки, образованное Духом. Там змий кусал, змий и врачевал; так и здесь: смерть погубила, смерть и спасла. Но змий, который погублял, имел яд, а который спасал, не имел яда; то же опять и здесь: смерть погубившая имела грех, как змий – яд, а смерть Владыки была свободна от всякого греха, как медный змий – от яда. *Греха,* сказано, *не сотвори, ниже обретеся лесть во устех его* (1 Пет. II, 22). Это тоже, что говорит и Павел: *совлек начала и власти, изведе в позор дерзновением, изобличив их в себе* (Кол. II, 15). Как мужественный борец, подняв противника на воздух и бросив наземь, одерживает блистательную победу, так и Христос низложил супротивные силы, в виду всей вселенной, и, уврачевавши уязвляемых в пустыне, быв повешен на кресте, освободил их от всех зверей. Но Он не сказал: подобает быть *повешенным,* а – *вознесенным.* Он употребил такое выражение, которое для слушателя могло быть более благоприятно и которое ближе подходило к прообразу.

Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына своего единороднаго дал есть, да всяк веруй в онь не погибнет, но имать живот вечный. Слова эти означают следующее: не удивляйся, что Я должен быть вознесен ради спасения вашего. Так угодно и Отцу, – и Он так возлюбил вас, что за рабов и рабов неблагодарных дал Сына Своего, чего никто не сделал бы и за друга. Это и Павел выражает в словах: *едва за праведника кто умрет* (Римл. V, 7). Но апостол говорил об этом пространнее, потому что беседовал с верующими; а Христос – кратко, так как слово Его было к Никодиму; но слово Его выразительнее. Каждое изречение Его имеет в себе много выразительности. В сло-

вах: *тако возлюби Бог мир* Он показывает великую силу любви, – так как великое, беспредельное расстояние находится между Богом и миром. Бессмертный, безначальный, величество беспредельное, Он возлюбил сущих от земли и праха, полных бесчисленным множеством грехов, оскорбляющих Его во всякое время, неблагодарных. Выразительны и присовокупленные вслед затем слова: *яко Сына своего единороднаго дал есть,* – не раба, говорит, дал, не ангела, не архангела, а и о сыне никто не показал бы такой заботливости, какую Бог о рабах неблагодарных. Итак, Свое страдание Он изображает не вполне ясно, а прикровенно; но благотворные следствия страдания выражает ясно и открыто, говоря так: *да всяк веруяй в онь не погибнет, но имать живот вечный.* Так как Он сказал, что Ему надлежит быть вознесенным, и тем назнаменовал Свою смерть, то чтобы слушатель от этих слов не пришел в смущение, не стал предполагать о Нем чего-либо человеческого и не почел Его смерти прекращением существования, – вот смотри, как Он исправляет это: Он говорит, что Тот, которого дает Отец, есть Сын Божий, виновник жизни, притом жизни вечной. А кто мог через свою смерть сообщить жизнь другим, тот не мог навсегда остаться во (власти) смерти. Если не погибают верующие в Распятого, то тем более не может погибнуть сам Распятый. Кто избавляет от погибели других, тот тем более сам свободен от ней. Кто сообщает жизнь другим, тот тем более источает жизнь для себя самого. Видишь ли, что везде нужна вера? Он говорит, что крест есть источник жизни; но разум не легко мог бы принять это: свидетели тому язычники, еще и доныне осмеивающие это; а вера, превосходящая немощь умствований, то же самое легко и принимает и содержит. Почему же Бог так возлюбил мир? Не почему-либо другому, как по одной только благости.

3. Устыдимся же Его любви, устыдимся Его безмерного человеколюбия. Он для нас не пощадил даже Единородного Сына, а мы бережем и деньги, себе же назло. Он предал за нас истинного Сына Своего, а мы ни ради Его, ни даже ради себя не хотим дать и серебра. Как можем за это получить прощение? Если мы видим человека, подвергающегося за нас опасностям и смерти, то предпочитаем его всем другим, причисляем к первым своим друзьям, отдаём ему все свое, – говорим, что это принадлежит ему более, чем нам, и при всем том не думаем, что мы воздали ему достойным образом. А ко Христу мы не имеем благодарности даже и в этой мере. Он положил за нас душу Свою, Он пролил за нас драгоценную кровь Свою, – за нас, неблагодарных, недобрых; а мы не расточаем и денег для своей же пользы, но презираем Его в наготе и страннcourse, Его, который умер за нас. Кто же исхитит нас от будущей казни? Если бы не Бог, а мы сами наказывали себя, то не произнесли ли бы мы приговор на себя самих? Не осудили ль бы себя на геенский огонь за то, что презираем Положившего за нас душу Свою, тогда как Он истаивает от голода? И что говорить о деньгах? Если бы мы имели в себе по тысяче душ, не должны ли были бы положить все души за Него? Впрочем и таким образом мы не сделали бы еще ничего, достойного Его благодеяний. Кто прежде благодетельствует, тот обнаруживает в себе явную доброту, а кто получил благодеяние, тот, чем бы ни воздавал за него, воздает только должное и не заслуживает благодарности, – особенно, когда начавший благодетельствовать оказывает благодеяние врагам; а кто воздает ему, тот воздает благодетелю тем, что от него же получил, и сам же опять тем пользуется. Но и это нас не трогает; нет, мы до такой степени неблагодарны, что рабов и мулов и коней облекаем в золотые уборы, а Господа, скитающегося в наготе, пере-

ходящего от дверей к дверям, стоящего на распутиях и простирающего к нам руки, мы презираем, а часто смотрим на Него суровыми глазами; но и это самое Он терпит нас ради. Он охотно алчет, чтобы напитать тебя; странствует в наготе, чтобы доставить тебе возможность получить одежду нетления. Но вы, не смотря и на это, не уделяете ничего из своего имения. Ваши одежды или снедаются молью, или составляют тяжесть для сундуков и лишнюю заботу для владетелей; а Кто даровал и это и все прочее, Тот скитается нагим. Но вы говорите, что не складываете свои одежды в сундуки, а сами одеваетесь в них и украшаетесь? Скажите же мне, какая вам от того польза? Та ли, что вас увидит на площади толпа? Что же? Там будут удивляться не тому, кто облечен в такие одежды, а тому, кто подает нуждающимся. Итак, если хочешь, чтоб тебе удивлялись, одевай других, – и ты получишь тысячи похвал. А вместе с людьми тогда восхвалит тебя и Бог. Теперь же никто не похвалит тебя; а только все ненавидят, видя, что тело ты украшаешь, а о душе нерадишь. Украшение тела есть и у блудниц, и они нередко одеваются в самые многоценные и блестящие одежды; но украшение души есть только у людей добродетельных. Я об этом часто говорю и не перестану говорить, заботясь не столько о бедных сколько о ваших душах. У них будет утешение, если и не от нас, то с другой какой-либо стороны; если бы даже для них и не было утешения, а погибли бы они от голода, и в таком случае для них большего вреда не было бы. Повредило ли сколько-нибудь Лазарю убожество и изнурение от голода? Но вас никто не исхитит из геенны, если вы не получите помощи от бедных; нет, мы будем говорить тоже, что и богач, преданный вечным мукам и лишенный всякого утешения. Но не дай Бог никому из нас услышать когда-либо такие слова; да отойдем мы в недра Авраама, по благодати и человеко-

любию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVIII

Не посла бо Бог Сына своего в мир, да судит мирови, но да спасется им мир (Ин. III, 17)

1. Многие из людей беспечных, злоупотребляя человеколюбием Божиим к умножению грехов и к большему нерадению, говорят такие слова: нет геенны, нет мучений; Бог отпускает нам все грехи. Заграждая уста таким людям, один мудрый муж говорит: *не рцы: щедрота его многа есть, множество грехов моих очистит: милость бо и гнев у него, и на грешницех почиет ярость его* (Сир. V, 6, 7). И в другом месте: *по мнозей милости его, тако много и обличение его* (Сир. XVI, 13). Где же, скажет кто-нибудь, человеколюбие Его, если мы получим то, что следует за грехи наши? Но что мы получим заслуженное, послушай и пророка и Павла. Один говорит: *яко ты воздаси комуждо по делом его* (Пс. LXI, 13); а другой: *иже воздаст комуждо по делом его* (Рим. II, 6), Тем не менее однако ж велико человеколюбие Божие, и это видно вот откуда: Бог разделил судьбы наши на два века жизни, настоящий и будущий, и, определив первую для подвигов, а последнюю для получения венцов, показал таким образом великое человеколюбие. Каким образом? Тем, что, хотя бы мы совершили множество тяжких грехов и не переставали от юности до глубокой старости осквернять свою душу несчетными пороками, Он не истязует нас ни за один из этих грехов, а в бане паки бытия подает отпущение их и дарует оправдание и освящение. Но что скажешь ты, если сподобившийся таинств с самого детства после того впадет во множество грехов?

Такой заслуживает уже тем большего наказания. За одни и те же грехи мы подвергаемся не одному и тому же осуждению, но гораздо строжайшему, когда согрешаем после освящения таинствами. Это и показывает Павел в следующих словах: *отвергся ли кто закона Моисеова, без милосердия при двоих или триех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, и Духа благодати укоривый* (Евр. X, 28, 29)? Такой, следовательно, достоин большего наказания.

Однако же и такому Бог еще отверзает двери покаяния и подает много средств омыть свои согрешения, только бы он сам захотел. Подумай же, как велики доказательства Его человеколюбия, – в том, что Он и отпускает (грехи) Своею благодатью, и согрешившего после благодати и заслужившего наказание не наказывает, но дает время и средства к оправданию. Поэтому-то Христос говорил Никодиму: *не посла Бог Сына своего в мир, да судит мирови, но да спасется им мир.* Два Христова пришествия: одно уже было, другое будет. Но то и другое имеет цель не одну: первое было не для истязания наших дел, а для отпущения; второе пришествие будет не для отпущения, а для истязания. Поэтому о первом пришествии Он говорит: *не приидох да сужду мирови, но да спасу мир* (Ин. XII, 47); о втором же: *егда приидет Сын человеческий во славе своей, тогда поставит овцы одесную себе, а козлища ошуюю, и идут сии в муку вечную, а праведницы в живот вечный* (Мф. XXV, 31–33). Впрочем и первое пришествие могло быть для суда, по требованию правосудия. Почему? Потому, что до пришествия Христова были уже: и естественный закон, и пророки, и закон писанный, и учение, и бесчисленные обетования, и явление чудес, и наказания, и мучения, и многое другое, что могло исправлять (людей) – и во всем этом следовало требовать отчета. Но так как (Бог) человеко-

любив, то и не делал истязания, а даровал прощение. А если бы Он стал судить, все немедленно погибли бы. *Вси бо,* сказано, *согрешиша и лишени суть славы Божией* (Рим. III, 23). Видишь ли, какое неизреченное человеколюбие? *Веруяй в он не будет осужден: а не веруяй уже осужден есть* (ст. 18). Но если Он пришел не для того, чтобы судить мир, то каким образом неверующий *уже осужден,* когда еще не настоит время суда? Он говорит это или потому, что неверие без раскаяния само по себе есть величайшее мучение, или же Он предвозвещает будущее. Как убийца, хотя бы и не был осужден приговором судии, уже осужден по самому свойству своего дела, так и неверующий. И Адам умер в тот самый день, в который вкусил от древа: таково было определение: *в оньже аще день снесте от древа, смертию умрете* (Быт. II, 17). Но он еще жил и после того: каким же образом он *умер?* И по определению Божию, и по свойству своего поступка. Кто сделал себя повинным наказанию, тот находится под наказанием, хотя еще и не на самом деле, а по определению. И чтобы кто-нибудь, услышав: *не приидох, да сужду мирови,* не подумал, что можно грешить безнаказанно, и не сделался оттого еще более беспечным, Христос предотвращает такое нерадение, сказав; *уже осужден есть.* Так как будет суд, но еще не настал, то Он ближайшим образом возбуждает страх мучения и уже показывает наказание. Но и то служит доказательством великого человеколюбия Божия, что Бог не только дал Сына, но и отложил время суда, чтобы согрешившие и неверующие имели возможность очистить свои согрешения. *Веруяй в Сына не будет осужден, — верующий,* а не испытующий; *верующий,* а не любопытствующий. А если и верующий имеет жизнь нечистую, дела недобрые? Таких Павел называет не истинно верующими: *Бога исповедует ведети, а делы отмещутся его* (Тит. I, 16) Впрочем Христос здесь высказывает то, что они подлежат

осуждению не за неверие, а подвергнутся жесточайшему наказанию за дела; за неверие же не наказываются, — потому что уже уверовали.

2. Видишь ли, как, начав с (истин) страшных, Христос опять ими же закончил? В начале Он говорил: *аще кто не родится водою и Духом, не может внити в царствие Божие.* А здесь опять: *не веруяй в Сына уже осужден есть.* То есть: не думай, что отложение (наказания) может принести какую-либо пользу тому, кто уже заслужил наказание, если не раскается. Состояние неверующего ничем не лучше состояния людей, уже осужденных и преданных наказанию. *Сей же есть суд; яко свет прииде в мир и возлюбиша человецы паче тму, неже свет* (ст. 19). Смысл этих слов такой: люди наказываются за то, что не хотят оставить тьму и поспешить к свету. Таким образом Христос лишает их всякого оправдания. Если бы, говорит Он, Я пришел только наказывать и требовать у них отчета в делах, то они могли бы сказать: мы поэтому-то и удалились от Тебя. Но Я пришел освободить их от тьмы и привести к свету. Кто же помиловал бы человека, не хотящего из тьмы выйти к свету? Таким образом они, говорит, удаляются от нас, не имея возможности ни в чем обвинить нас, но еще получив от нас бесчисленные благодеяния. Осуждая их за это и в другом месте, Он говорит: *возненавидеша мя туне;* и еще: *аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели* (Ин. XV, 22). Кто сидит во тьме по недостатку света, тот, быть может, и получил бы прощение; а остающийся во тьме после явления света, тот сам на себя свидетельствует, что его воля развращена и непокорна. Но так как сказанное казалось многим невероятным (никто ведь не может предпочесть тьмы свету), то Он показывает и причину, по которой люди подвергались такому злосчастию. Какая же это причина? *Беша бо,* говорит, *их дела зла. Всяк же делаяй злая ненавидит света, и не приходит к*

свету, да не обличится дела его (ст. 20). Ведь Он пришел не судить и не истязать, а простить и отпустить согрешения их, подать им спасение через веру: почему же они убегали Его? Если бы Он, пришедши, воссел на судилище, то они могли бы иметь на это некоторое основание. Кто сознает в себе что-либо худое, тот обыкновенно избегает судьи; но к тому, кто прощает, преступники даже спешат. Итак, если Он пришел с прощением, им следовало поспешить к Нему, и особенно тем, которые сознавали в себе много грехов; так многие и сделали. Мытари и грешники, приходя к Иисусу, возлежали с Ним. Что же значат слова Его? Он говорит о тех, которые решились навсегда оставаться во зле. Сам Он пришел для того, чтобы оставить прежние согрешения и предостеречь от будущих. Но так как некоторые до такой степени изменились и ослабели к подвигам добродетели, что до последнего издыхания хотят оставаться во зле и не думают никогда отстать от него, то Христос, имея в виду таких людей, и обличает их. Христианство требует и православного учения и жизни доброй, но они, говорит Христос, боятся обратиться к нам, по тому самому, что не хотят показать доброй жизни. Живущего в язычестве никто не станет обличать, потому что имеющий таких богов и празднества, подобно богам постыдные и достойные осмеяния, показывает и дела, достойные своего учения, а чтители Бога, живя беспечно, всех имеют для себя обвинителями и обличителями, – так досточтима истина и для врагов ее! Замечай же, с какою точностью Христос выражает то, о чем говорит. Он не сказал: *сделавший злая* не приходит к свету, но: *делаяй*, то есть делающий всегда, кто хочет всегда валяться к тине греха, тот и не хочет подчинять себя Моим законам и, вне их, безбоязненно блудодействует и делает все другое запрещенное. Приходя же ко Мне, он становится виден, как вор при свете. Поэтому-

то он и избегает Моей власти. Действительно, можно и ныне слышать от многих язычников, что они потому не могут обратиться к нашей вере, что не могут оставить пьянства, блудодеяния и подобных пороков. Что же, скажешь ты, разве нет и христиан, худо поступающих, и язычников, проводящих жизнь в любомудрии? Что есть христиане, живущие худо, это и я знаю; а есть ли язычники, живущие добродетельно, этого я доподлинно еще не знаю. Ты не указывай мне на людей смиренных и честных от природы: это не добродетель! Укажи человека, который бы, испытывая сильное увлечение страстей, оставался любомудрым, а такого ты не найдешь (в язычестве). Если и обетование царства, угроза геенною и тому подобное едва удерживает людей в добродетели, тем менее люди, ни в чем этом не убежденные, могут преуспевать в добродетели. Если же некоторые из них и показывают вид добродетели, то делают это для славы. А кто это делает для славы, тот, когда только можно утаиться, не откажется удовлетворить своим злым пожеланиям. Но чтобы не показаться кому-нибудь любителями спора, согласимся, что между язычниками есть люди, хорошо живущие: это нисколько не противоречит нашим словам. Я говорю о том, что многократно бывает, а не о том, что изредка случается.

3. Но смотри, как Христос лишает их, и с другой стороны, всякого оправдания. Он говорит, что *свет пришел в мир*. Искали ли, говорит, они его, трудились ли, заботились ли найти? Свет сам к ним пришел; однако ж они и тогда не поспешили к нему. Если же и между христианами некоторые живут худо, то касательно этого заметим, что Христос говорит не о тех, которые стали христианами от рождения и приняли веру от предков (хотя нередко и они порочною жизнью уклонялись от правого учения); не об них, кажется, здесь гово-

рится, но о тех, которые из иудейства или язычества должны были обратиться к правой вере. (Христос) показывает, что никто, находясь в заблуждении, не захочет обратиться к вере, если предварительно не предпишет самому себе доброй жизни, и никто не останется в неверии, если предварительно не решится навсегда оставаться злым. Не говори ты мне, что такой-то целомудрен и не вор; не в этом только состоит добродетель. Какая польза, имея эти качества, быть рабом суетной молвы, и, опасаясь стыда от своих друзей, оставаться в заблуждении? Это не значит жить добродетельно. Раб тщеславия не лучше блудника; даже делает гораздо большие и тягчайшие грехи, чем тот. Но укажи мне кого-нибудь между язычниками, который был бы свободен от всех страстей и не был причастен ни одному пороку: ты указать не можешь. И те, которые прославились у них великими делами и презирали, как говорят, богатство и роскошь те-то наиболее раболепствовали славе человеческой, а это – причина всех зол. В таком состоянии оставались и иудеи. Поэтому, обвиняя их, Христос и говорил: *како можете веровати, славу друг от друга приемлюще* (Ин. V, 44)? Но почему Христос не беседовал и не распространил об этом слова с Нафанаилом, которому засвидетельствовал истину? Потому, что он приходил ко Христу не с таким усердием (с каким Никодим). Никодим считал это для себя долгом и употребил на слушание беседы такое время, в которое другие отдыхали. Но Нафанаил приходил по убеждению другого. Впрочем Христос не оставил без внимания и его; Он сказал ему: *отселе узрите небо отверсто, и ангелы Божия восходящыя и нисходящыя* (Ин. I, 51). Никодиму же ничего подобного Он не говорил, а беседовал с ним об устроении нашего спасения и о жизни вечной, употребляя различную речь сообразно с душевным расположением каждого. Для Нафанаила, который и пророчества

знал и был не так боязлив, довольно было услышать и это одно. А Никодиму, так как он был еще боязлив, Христос не открывал всего ясно, но потрясал его душу, чтобы страх истребить страхом, говоря, что неверующий осужден и что неверие происходит от порочной совести. Никодим много дорожил славою человеческою и думал о ней больше, чем о наказании. *Мнози*, сказано, *от князь вероваша в него, но фарисей ради не исповедоваху* (Ин. XII, 42): в этом-то Христос и упрекает его и показывает притом, что неверующий в Него не почему-либо другому не верует, как потому, что ведет нечистую жизнь. Далее Он говорит: *аз есмь свет* (Ин. VIII, 12); а здесь: *прииде свет в мир* (ст. 19). Таким образом вначале Он говорил более прикровенно, а впоследствии яснее. Между тем Никодим был удерживаем славою народною; потому и не мог иметь столько смелости, сколько бы следовало. Будем же убегать тщеславия; эта страсть сильнее всех страстей. Отсюда любостяжание и сребролюбие; отсюда ненависть, вражда, распри. Желающий большего ни на чем остановиться не может; а желает он большего потому, что любит суетную славу. Скажи мне, для чего многие окружают себя множеством евнухов, толпою слуг и таким блеском? Не по нужде, а для того, чтобы люди, встречающиеся с ними, были свидетелями этого неуместного блеска. Итак, если мы отсечем эту страсть, то вместе с головою истребим и остальные члены этого зла, и тогда уже ничто не воспрепятствует нам жить на земле, как на небе. Тщеславие не только влечет ко злу своих пленников, но вкрадывается и в добродетели; и если не может лишить нас их, то делает нам большой вред в самой добродетели, принуждая переносить труды, а лишая плодов. Зараженный тщеславием, — постится ли, молится ли, творит ли милостыню, — лишается своей награды. Какое же несчастье может быть больше того,

как, изнуряя себя вообще и понапрасну, подвергнуться осмеянию и лишиться горней славы? А желающему той и другой славы невозможно получить той и другой вместе. Правда, можно достигнуть и той и другой славы, но только в том случае, если будем желать не обеих, а одной — славы небесной. А кто жаждет и той и другой, тот не может получить той и другой вместе. Итак, если хотим достигнуть славы, будем убегать славы человеческой, а желать той одной славы — от Бога. Таким образом можем приобресть и ту и другую славу, чего и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIX

По сих же прииде Иисус и ученицы его в жидовскую землю, и ту живяше с ними и крещаше (Ин. III, 22)

Нет ничего светлее и сильнее истины, равно как нет ничего бессильнее лжи, хотя бы она прикрывалась бесчисленными покровами. Ложь легко уловить и опровергнуть; а истина открыто предлагает себя всем, желающим видеть красоту ее. Она не любит скрываться, не боится опасности, не трепещет наветов, не домогается славы народной, не подвержена ничему другому человеческому; она стоит выше всего, подвергаясь, конечно, тысячам наветов, но оставаясь необоримою; и прибегающих к ней она охраняет, как крепкою стеною, величием своей силы; не терпит скрытных убежищ, но предлагает открыто всем все, что есть в ней. Это показал и Христос, когда сказал Пилату: *аз всегда не обинуяся учах, и тай не глаголах ничесоже* (Ин. XVIII, 20). Это Он

тогда сказал, а теперь сделал. *По сих бо,* сказано, *прииде в жидовскую землю Он и ученицы его, и ту живяше и крещаше.* В праздники Он приходил в город, чтобы там предлагать учение среди народа, и чудесами благотворить ему; по окончании же праздников, часто отходил на Иордан, потому что и туда стекалось множество народа. Он всегда посещал места многолюдные, не из желания показать Себя, или из любочестия, а с тою целью, чтобы большему числу людей доставить пользу. Так как далее Евангелист говорит, что не Иисус крестил, а Его ученики, то ясно, что и здесь он говорит тоже, то есть крестили только ученики Его. Почему же, скажешь ты, не крестил Он сам? Еще прежде Иоанн сказал: *той вы крестит Духом святым и огнем* (Ин. I, 3, 11); но Духа Святого Он тогда еще не подавал, потому, конечно, и не крестил. Но ученики делали это, желая многих привести к спасительному учению. Для чего же, когда стали крестить ученики Иисуса, Иоанн не переставал делать это, а и он продолжал крестить и делать это до самого своего заключения в темницу? Слова: *бе и Иоанн крестя во Еноне,* и следующие: *не у бо бе всажден в темницу Иоанн* (Ин. III, 23, 24) именно показывают, что он тогда еще не переставал крестить. Для чего же, скажешь, он крестил до сих пор? Ведь он, перестав крестить вместе с тем, как начали ученики Иисуса, конечно, показал бы этим преимущество их? Итак, для чего он продолжал крестить? Для того, чтобы не возбудить в своих учениках большей зависти и соперничества. Если Иоанн не убедил их последовать Христу, несмотря на то, что вопиял тысячу раз, всегда, уступал Ему первенство и признавал себя меньшим Его, то, если бы еще он перестал крестить, тем более возбудил бы в них соперничество. Поэтому и Христос тогда особенно стал проповедовать, когда Иоанн был умерщвлен. И я думаю, что смерть Иоанна и была допущена и последовала так ско-

ро для того, чтобы внимание всего народа обратилось на Христа и мнения уже не разделялись между тем и другим. Впрочем и крестя, Иоанн не переставал увещевать и показывать великое и высокое достоинство Иисуса. Он крестил не для чего-либо другого, а только — *да во грядущаго по нем веруют* (Деян. XIX, 4). Итак, проповедуя это, как бы он показал достоинство, учеников Христовых, если бы перестал крестить? Тогда подумали бы, что он это сделал по зависти или досаде. А продолжая проповедовать, он доказывал еще сильнее их досточтимость. Не себе приобретал славу, но отсылал слушателей ко Христу, и не меньше учеников Его содействовал Ему, даже еще больше, потому что его свидетельство было неподозрительно, и он имел у всех больше славы, чем они. На это указывал и Евангелист, сказав: *исхождаше к нему вся Иудеа и вся страна Иорданская* (Мф. III, 5). Да и в то время, когда крестили ученики, народ не переставал приходить к нему. А если бы кто захотел узнать, имело ли какое-нибудь преимущество крещение учеников (Иисуса) перед крещением Иоанна, — мы скажем, что никакого. То и другое крещение равно не имело благодати Духа, и целью того и другого было только приведение крещаемых ко Христу. Ученики Иисусовы, не желая постоянно ходить (по разным местам), чтобы собирать желавших веровать, как это сделал с Симоном брат его и с Нафанаилом Филипп, установили крещение, чтобы через него без труда приводить всех ко Христу и пролагать путь к вере в Него. А что ни то, ни другое крещение не имело одно перед другим никакого преимущества, это видно из следующих обстоятельств. Каких? *Бысть,* сказано, *стязате от ученик Иоанновых* со иудеем *о очищении* (ст. 25). Ученики Иоанновы всегда завидовали ученикам Христовым, даже самому Христу; когда же увидели, что они крестят, то начали говорить крещаемым, что их крещение

заключает в себе нечто большее, чем крещение учеников Христовых, и, взяв одного из крещенных, усиливались убедить его в том, но не убедили. А что они сами пришли к нему, а не он искал их, послушай, как намекает на это Евангелист. Он не говорит, что один иудей стал состязаться с ними, а: *бысть стязание от ученик Иоанновых* с иудеем *об очищении.*

2. Но заметь и скромность Евангелиста. Он не употребляет слов укорительных, а, сколько можно было, смягчает вину (учеников Иоанновых), говоря просто: *бысть стязание.* А что состязание это происходило от зависти, видно из последующих обстоятельств, изложенных Евангелистом также без укоризны. *Приидоша,* говорит он, *ко Иоанну и рекоша ему: равви, иже бе с тобою обонпол Иордана, ему же ты свидетельствовал еси, се сей крещает, и вси грядут к нему* (ст. 26), то есть к Тому, которого ты крестил; это они выражают словами: *ему же ты свидетельствовал еси.* Они как бы так говорили: Тот, которого ты сделал известным и славным, Тот осмеливается на тоже, что и ты делаешь. Но они не сказали: которого ты крестил, – в таком случае они были бы принуждены вспомнить и о гласе, бывшем свыше, и о сошествии Духа, – а что они говорят? *Иже бе с тобою обонпол Иордана, ему же ты свидетельствовал еси,* то есть который был в числе учеников твоих, который не имел в себе ничего больше нашего, Тот, отделившись от тебя, крещает. Но не этим только они думали возбудить Иоанна, а и тем, что их слава стала наконец затмеваться: все, говорят они, идут к Нему. Отсюда видно, что они не одолели и того иудея, с которым имели состязание. А говорили это потому, что были еще несовершенны и еще нечисты от любочестия. Что же Иоанн? Опасаясь, чтобы они, отделившись и от него самого, не сделали еще чего-либо более худого, он не сильно упрекает их; а что говорит? *Не может человек приимати ничесоже, аще не бу-*

дет дано ему с небесе (ст. 27). Если здесь он еще не очень высоко отзывается о Христе, ты не удивляйся этому; учеников, проникнутых такими чувствами, он не мог вдруг и с первого раза научить всему. Он хочет сперва поразить их страхом и показать что они, враждуя против Него, враждуют не против кого-либо другого, а против самого Бога. Таким образом, что говорил и Гамалиил: *не можете разорити то, да не како и богоборцы обрящетеся* (Деян. V, 39), то прикровенно выражает здесь и Иоанн. Говоря: никто не может взять, *аще не будет ему дано с небесе*, он показывает, что они домогаются невозможного и оказываются поэтому богоборцами. Что же? Сообщники Февды разве не от себя самих взяли? Но они взяли, и тотчас были рассеяны и погибли. Дела же Христовы не таковы. Таким образом Иоанн незаметно и успокаивает их, показывая, что затмевающий славу их – не человек, а Бог. Поэтому, если и дела Его славны и все идут к Нему, удивляться не должно: таковы дела божественные, и совершающий их есть Бог; иначе Он никогда не смог бы совершить столь великих дел. Дела человеческие удобопостижимы и непрочны, скоро разрушаются и погибают. А эти дела не таковы; следовательно, они дела не человеческие. И смотри, как слова: *ему же ты свидетельствовал еси*, которые ученики Иоанна думали обратить к унижению Христа, Иоанн обращает против них же самих. Показав сперва, что Христос прославился не от его свидетельства, он потом заграждает им уста таким образом: *не может*, говорит, *человек приимати от себе ничесоже, аще не будет дано ему с небесе.* Что это значит? Если, то есть вы вполне держитесь моего свидетельства и признаете его истинным, то знайте, что по этому самому свидетельству надлежит предпочитать не меня Ему, а Его мне. А что я свидетельствовал? Об этом я вас призываю в свидетели. Поэтому он и присовокупляет: *сами мне свиде-*

тельствуете, яко рех: несмь аз Христос, но яко послан есмь пред ним (ст. 28). Итак, если вы, держась моего свидетельства, ставите это мне на вид и говорите: *емуже ты свидетельствовал еси,* то знайте, что Он не только не уничижается принятием от меня свидетельства, но еще более возвышается от этого. Иначе говоря, то свидетельство было не мое, а Божие. Таким образом, если вы меня считаете человеком достойным вероятия, то ведь я между прочим сказал также, что *я послан пред ним.* Видишь ли, как он мало-помалу показывает им, что то свидетельство есть божественное? Смысл его слов таков: я служитель, и говорю слова Пославшего меня, не льстя Ему по человеческому пристрастию, но служа Его Отцу пославшему меня. Я не угождал Ему свидетельством своим, а говорил то, что послан сказать. Итак не считайте меня поэтому великим; в этом открывается Его величие. Он сам есть Господь всех этих дел. Объясняя это, Иоанн присовокупляет: *имеяй невесту жених есть; а друг жениxов, стоя и послушая его, радостию радуется за глас жениxов* (ст. 29). Но почему он, говоривший прежде: *несмь достоин, да отрешу ремень сапогу его* (1, 27), теперь называет себя другом Его? Он говорит это, не превознося себя и не величаясь, но желая показать, что он к этому-то и стремится, что это происходит не против его воли и не к огорчению его, а согласно с его желанием и старанием, и что к этому-то он и направлял все свои действия. Это он весьма разумно и выразил названием *друга,* потому что слуги жениха в подобных обстоятельствах не так радуются и веселятся, как его друзья. Итак он, называя себя другом, этим означает не равенство свое со Христом, — нет, — но желает выразить свою радость, а вместе и снисходить к немощи своих учеников. Он указал и на служение свое, сказав: *яко послан есть пред ним.* Но так как они думали, что он огорчается этим, то он и назвал себя другом Жениха, пока-

зывая таким образом, что он не только тем не огорчается, но и весьма радуется. Я, говорит он, и пришел на это дело, и потому я так далек от того, чтобы огорчаться этими обстоятельствами, что тогда-то наиболее стал бы огорчаться, когда бы этого не было. Я тогда бы скорбел, когда бы невеста не пришла к Жениху; а не теперь, когда наши желания исполнились. Если дела Жениха преуспевают, то и мы счастливы. Чего желали мы, то сбылось, и невеста признала Жениха. И вы сами свидетельствуете, что все идут к Нему. Об этом-то я и старался, к этому-то и направлял все свои действия. Таким образом, видя ныне исполнение этого, я радуюсь, веселюсь и торжествую.

3. Но что значат далее слова: *стоя и послушал его, радостию радуется за, глас жениховъ?* Здесь от притчи он переходит к настоящему предмету; упомянув о Женихе и невесте, он показывает, как происходит введение невесты: именно – гласом и учением. Так Церковь сочетавается Богу. Поэтому и Павел говорит: *вера от слуха, слух же глаголом Божиим* (Рим. X, 17). Итак, этот-то глас меня радует. Но и выражение: *стоя* он употребил не без цели, но с целью – показать, что его дело кончено, что ему, после вручения Жениху невесты, остается только стоять и слушать, что он – служитель и исполнитель и что его благая надежда и радость совершилась. Показывая это, он и присовокупляет: *сия убо радость моя исполнися* (29), то есть, дело, которое должно было совершиться, мною сделано, и мы уже ничего больше не можем сделать. Затем, чтобы пресечь усиление скорбных чувств (в своих учениках) не на настоящее только время, а и на будущее, он открывает им и будущие события и удостоверяет в них как тем, что уже сказано, так и тем, что уже сделано. Для этого он присовокупляет такие слова: *оному подобает расти, мне же малитися* (ст. 30), то есть наши дела остановились и уже кончились, а дела Его

начинают расти. Чего вы боитесь, то не на нынешнее только время предстоит, но еще увеличится в будущем; это именно покажет наши дела в полном свете. Для того я и пришел и радуюсь, что Его дела получили такое преуспевание, и совершилось то, ради чего было все, сделанное нами. Видишь ли, как спокойно и с какою мудростью он укротил их страсть, погасил зависть и доказал невозможность их предприятия, — отчего в особенности и ослабевает зло? Но это устроилось еще во время жизни и крещения Иоаннова для того, чтобы они, имея в нем столь высокого свидетеля, не могли уже ничем оправдаться, если бы не поверили. Он не сам собою пришел высказать это, и не потому только говорил, что его спрашивали люди посторонние: его ученики сами и спрашивали его и слушали его. Если бы он говорил сам от себя, то они могли бы еще не верить; но, слыша его ответы на собственные свои вопросы, они уже имели приговор сами против себя. Так и иудеи потому именно, что отправляли от себя нарочитое посольство к нему, слышали его ответы и однако ж не поверили ему, — поэтому-то и лишили сами себя всякого оправдания. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что причина всех зол — тщеславие. Оно довело учеников Иоанна до зависти; оно же возбудило их зависть и опять, когда они немного уже успокоились. Потому, пришедши к Иисусу, они говорят Ему; *почто ученицы твои не постятся* (Мф. IX, 14)? Будем же, возлюбленные, убегать этой страсти. А если будем избегать ее, мы избавимся от геенны. Она-то наиболее возжигает огонь; она всюду простирает власть свою и мучительски обладает всяким возрастом и всяким званием; она ниспровергла целые церкви; она вредит делам гражданским; она разоряет целые дома, города, народы, племена. И что удивляешься этому? Она проникает и в пустыни и там показывает великую силу. Часто и те,

которые оставляли большие стяжания и все обольщения мира, ни с кем не имели общения, овладевали самыми сильными плотскими пожеланиями, и те, будучи пленены пустою славою, теряли все. За эту страсть фарисей, трудившийся много, поставлен ниже мытаря, который нисколько не трудился, но много совершил грехов. Осуждать эту страсть не трудно (все во мнении о ней согласны). А надобно постараться, как бы одолеть ее. Как же одолеть? Будем противопоставлять славе славу. Как мы презираем богатство земное, когда взираем на богатство небесное, и не дорожим настоящею жизнью, когда помышляем о жизни гораздо лучшей, так мы сможем презреть и славу настоящего мира, когда будем помышлять о славе гораздо высшей, о славе истинной. Здешняя слава – слава пустая и суетная, имеющая только имя, без дела, а та слава, небесная, есть слава истинная, в которой прославляют не люди, но ангелы и архангелы и сам Владыка архангелов, а лучше сказать, вместе с Ним и люди. Если будешь смотреть на то зрелище, если узнаешь тамошние венцы, если обратишься к тому прославлению, то земное никогда не овладеет тобою; ты не будешь считать великим настоящее и не станешь искать преходящего. И в царских палатах ни один из оруженосцев, предстоящих царю, не оставит службы тому, кто облечен диадемою и восседает на престоле, чтобы заниматься криком ворон и жужжанием летающих мух и комаров. А похвалы людей ничем не лучше этого. Итак, зная малоценность человеческих вещей, будем все собирать в безопасные сокровищницы и искать славы постоянной и неизменной, которой и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXX

Грядый свыше над всеми есть: сый от земли есть, и от земли глаголет (Ин. III, 31)

1. Страшно славолюбие, страшно и исполнено многих зол. Это терние, с трудом исторгаемое, зверь неукротимый, многоглавый, восстающий на тех самых, которые питают его. Как червь поедает деревья, в которых зарождается, ржа съедает железо, в котором появляется, и моль — ткань, так и тщеславие губит душу, воспитавшую его в себе. Поэтому много нам нужно старания, чтобы истребить в себе эту страсть. Вот и здесь, сколько Иоанн ни внушал ученикам своим, страдавшим этим недугом, однако едва укрощает их. После сказанных раньше слов, он обращается к ним и еще с другою речью; с какою же? *Грядый свыше*, говорит он, *над всеми есть: сый от земли, от земли есть, и, от земли глаголет* (Ин. III, 31). Так как вы, говорит он, всюду разносите мое свидетельство и говорите, что в нем я вполне достоин веры, то надобно вам знать, что Грядущий с небес не может делаться достойным веры через того, кто живет на земле. Что же значат и что показывают слова: *над всеми есть*? Они показывают, что Христос ни в ком не нуждается, но сам в Себе доволен, и что Он выше всех без всякого сравнения. А сущим *от земли и от земли* глаголющим Иоанн называет себя, и говорит так не от своего ума; но, как Христос сказал: *аще земная рекох вам, и не веруете* (Ин. III, 12), разумея здесь крещение, не потому, чтобы оно было что-либо земное, а по сравнению с ним Своего неизреченного рождения, так и Иоанн здесь называет себя глаголющим *от земли*, сравнивая свое учение с учением Христовым. Не другое что означают слова — *от земли глаголет*, как то, что мои слова, в сравнении с Христовыми, маловажны, скудны,

ничтожны, таковы, каковыми и свойственно быть словам, получившим земное происхождение. Но в Нем *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. II, 3). А что Иоанн говорит здесь не об умствованиях человеческих, это очевидно из его же слов: *сый от земли, от земли есть.* Но ведь в Иоанне не все было *от земли,* а главнейшее было небесное; он имел и душу и общение Духа не от земли. Как же Иоанн говорит о себе, что он *от земли?* Ничего иного это не означает, как то, что я мал и ничего не стою, как приходящий от земли и на, земле родившийся; а Христос пришел к нам свыше. Когда же всеми этими словами Иоанн укротил страсть своих учеников, тогда уже с большим дерзновением вещает о Христе. Прежде этого излишне было бы говорить о Нем какие-либо слова, так как они не могли иметь для себя места в уме слушающих. Но когда Иоанн исторг терние, тогда уже безбоязненно начинает бросать семена, говоря: *грядый с небесе над всеми есть; и еже виде и слыша, сие, свидетельствует: и свидетельства его никтоже приемлет* (ст. 31, 32). Но, сказав о Христе эти великие и возвышенные слова, Иоанн опять переходит к слову смиренному. Выражение: *яже виде и слыша* употреблено человекообразно; ведь не по зрению и слуху знает Он, что знает, но в природе своей все имеет, как исшедший совершенным из недр Отца и не нуждающийся в наставнике, как и сам говорит: *якоже знает мя Отец, и аз знаю Отца* (Ин. X, 15). Что же значит: *еже виде и слыша, сие свидетельствует?* Так как посредством этих чувств мы все познаем с точностью, и считаем себя достоверными учителями в том, что воспринимаем через зрение и слух, потому что не выдумываем и не говорим лжи, то, желая и здесь это выразить, Иоанн сказал: *еже виде и слыша,* – то есть: в Нем нет ничего ложного, а все истинно. Как и мы часто с любопыт-

ством спрашиваем: сам ли ты слышал? да видел ли? и когда это подтвердится, тогда свидетельство становится несомненным, — так и когда сам Христос говорит: *якоже слышу, сужду* (Ин. V, 80), и: *яже слышах от Отца моего, глаголю* (VIII, 26), и: *еже видехом, глаголем* (III, 11), и тому подобные слова, то мы не должны думать, что Он говорит по научению от других (так думать было бы крайне безумно), но что Он говорит так для того, чтобы ничто из сказанного Им не было заподозрено бесстыдными иудеями. Так как они еще не имели о Нем надлежащего понятия, то Он часто и обращается к Отцу, и таким образом делает для них достойными веры слова Свои.

2. Чему ты удивляешься, что Христос обращается к Отцу, когда Он часто обращается и к пророкам и к Писаниям, как например, когда говорит: *та суть свидетельствующая о мне* (V, 39)? Но неужели мы будем почитать Его меньшим даже пророков, потому только, что Он заимствует от них свидетельства? Да не будет. Так он только приспособляет Свое слово к немощи Своих слушателей, и если говорит, что сказанное Им слышал от Отца, то говорит не как имеющий нужду в наставнике, но чтобы они верили, что в Его словах нет ничего ложного. А слова Иоанна означают следующее: я должен слушать Его, потому что он пришел свыше и возвещает небесное, то, что Он один верно знает. Это именно и означают слова: *еже виде и слыша. И свидетельства его никтоже приемлет.*

Но Он имел и учеников, и словам Его многие внимали: как же Иоанн говорит: *никтоже приемлет? Никтоже* — сказано здесь вместо: *немногие,* потому что, если бы Иоанн в строгом смысле сказал: *никтоже,* то как мог бы потом присовокупить: *приемый свидетельство его утверди, яко Бог истинен есть* (ст. 38). Здесь Иоанн касается и

своих учеников, так как они не совсем были расположены веровать во Христа. А что они и после этих слов не веровали в Него, это очевидно из последующих сказаний. Будучи в темнице, Иоанн для того и посылал их ко Христу, чтобы более соединить их с Ним. Но они и тогда едва веровали в Него, на что и намекал Христос, сказав: *и блажен, иже аще не соблазнится о мне* (Мф. XI, 6). Итак, не с иною целью сказал Иоанн: *и свидетельства его никтоже приемлет*, как для того, чтобы предостеречь своих учеников, как бы так сказал: если немногие будут в Него веровать, то не думайте поэтому, что учение Его ложно; Он, *еже виде, свидетельствова.* Вместе с этим Иоанн говорит это в укоризну бесчувственности иудеев, как и в начале Евангелия Евангелист Иоанн обличает их, говоря: *во своя прииде, и свои его не прияша* (Ин. I, 11); это не Христу самому упрек, а осуждение не принявшим Его. *Приемый его свидетельство утверди, яко Бог истинен есть* (III, 33). Этим он устрашает их, показывает, что неверующий во Христа не только в Него не верует, но и в самого Отца; потому и присовокупляет: *егоже бо посла Бог, глаголы Божия глаголет* (ст. 34). Так как Он глаголет *Божия,* то верующий или неверующий в Него в Бога верует или не верует. Слово: *утверди* значит: доказал. Говоря таким образом и усиливая страх их, Иоанн прибавляет: *яко Бог истинен есть,* показывая этим, что не веровать в Христа значит не иное, как осуждать во лжи пославшего Его Бога. Итак, если Он ничего не говорит чуждого Отцу, а все – Отчее, то не слушающий Христа не слушает Пославшего Его. Видишь, как этими словами он поражает их? Доселе они не считали важным делом не слушать Христа. Поэтому Иоанн и угрожает неверующим столь великою опасностью, чтобы знали они, что неповинующиеся Христу не повинуются самому Богу. Но затем, продолжая свою

беседу, Иоанн снисходит к слабости их ума, и говорит: *не в меру Бог дает Духа* (ст. 34). Как я сказал, Иоанн опять употребляет уничиженный образ выражения, разнообразя свое слово и делая его, таким образом, удобоприемлемым для своих слушателей. Иначе и невозможно было возбудить и усилить в них страх. Если бы он сказал о Христе что-нибудь величественное, высокое, то они не поверили бы, а еще стали бы пренебрегать словами его. Поэтому Иоанн все относит к Отцу, а о Христе говорит, как о человеке. Что же значат слова: *не в меру Бог дает Духа?* Иоанн хочет показать, что все мы в известной мере получаем силу Духа. Духом он называет здесь силу Его, а она-то и разделяется по мере. А Христос имеет неизмеримую всецелую силу. Если же сила Его неизмерима, то тем более существо. Но видишь ли, что и Дух беспределен? Итак, приявший всю силу Духа, ведущий все Божие, сказавший: *еже слышахом, глаголем, и еже видехом, свидетельствует,* может ли быть в чем-либо подозреваем? Он не говорит ничего, что не есть Божие, что не от Духа. И между тем Иоанн еще ничего не говорит о Боге Слове, а только именем Отца и Духа удостоверяет в своем учении, так как что есть Бог, они это знали, что есть Дух, веровали, хотя и не имели о Нем надлежащего понятая, но что есть Сын, того не знали. Потому-то он всегда обращается к Отцу и Духу и тем удостоверяет в истине Своих слов. А если бы кто, упустив из виду эту причину, стал рассматривать учение само по себе, то слишком отдалился бы от достойного понятия о Христе, так как Христос не потому достоин был их веры, что имел силу Духа; Он не нуждался в Его помощи, а сам в Себе имеет все; но Иоанн говорит так приспособительно к несовершенному разумению учеников, желая мало-помалу возвысить их понятия. Это я говорю для того, чтобы не поверхностно

пробегать сказанное в Писании, но дознавать и цель говорящего, и немощь слушающих, и другие обстоятельства. Наставники не все говорят так, как бы хотели сами, но как требует состояние немощных. Потому и Павел говорит: *аз, братие, не могох вам глаголати яко духовными но яко плотяным: млеком та напоих, а не брашном* (1 Кор. III, 1, 2). Я желал бы, говорит он, беседовать с вами, как с духовными, но не мог. Почему же? Не потому, чтобы сам он не имел к тому сил, но потому, что они не могли слушать такого учения. Так и Иоанн хотел многому научить своих учеников, но они еще не могли вместить; потому он и ограничивается понятиями более простыми.

3. Итак, надобно испытывать все со тщанием. Изречения Писания – это духовные оружия. А если мы не умеем пользоваться оружием и хорошо вооружить им учеников, то само по себе оно будет иметь силу, но взявшим его не может принести никакой пользы. Положим, что броня, шлем, щит, копье крепки. Но пусть кто-нибудь, взяв это вооружение, броню наденет на ноги, шлем не на голову, а на лицо, щит станет держать не перед грудью, а постарается привесить к ногам: будет ли тогда польза от этого оружия? Не будет ли еще вреда? Это всякому очевидно. Но произойдет это не от слабости оружия, а от неопытности того, кто не умеет хорошо пользоваться им. Так и относительно Писания: если мы будем смешивать порядок его изречений, то хотя и в таком случае оно само по себе будет иметь свою силу, но нам не принесет никакой пользы. Я, говоря это вам всегда и наедине и в общественных собраниях, не имею никакого успеха потому, что вижу, что вы во всякое время привязаны к житейским делам, а духовных и тени нет у вас. Поэтому-то и в жизни мы нерадивы и, подвизаясь за истину, не много имеем

силы, а становимся смешными и для язычников и для иудеев и для еретиков. Если бы вы и в других делах показывали такую же беспечность, как здесь, то и в таком случае это не заслуживало бы извинения. Но в житейских делах каждый из вас острее меча, как занимающиеся ремеслами, так и исполняющие гражданские дела. А в делах необходимым, духовных, мы совершенно нерадивы; бездельем занимаемся, как делом, а что следовало бы считать самым необходимым, того мы не ставим наряду даже с бездельем. Или вы не знаете, что не для прежних только людей, а и для нас написано Писание? Не слышим ли, что говорит Павел: *елика преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася, да терпением и утешением писаний упование имамы* (Рим. XV, 4)? Знаю, что напрасно говорю; но не перестану говорить, потому что, делая так, оправдаю себя перед Богом, хотя бы никто меня не слушал. Проповедующий внимательным слушателям имеет утешение в их покорности; а кто часто проповедует, а ему не внимают, и однако ж он не перестает говорить, тот достоин большей чести, потому что ради угождения Богу исполняет с своей стороны все, что следует, хотя бы и никто его не слушал. Впрочем, хотя бы нам и больше было награды, по причине вашего невнимания, мы лучше желаем, чтобы она для нас уменьшилась, а увеличилась для вас надежда спасения, так как великою для себя наградою считаем самое преуспевание ваше. И это говорим теперь не для того, чтобы сделать слово наше тяжким для вас, но чтобы выказать вам скорбь о вашем нерадении, от которого дай Бог всем нам отстать, и усвоить себе ревность духовную, да сподобимся и небесных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXI

Отец бо любит Сына и вся даде в руце Его. Веруяй в Сына имать живот вечный: а иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем (Ин. III, 35, 36)

1. Великая польза постепенности открывается во всех делах. Так мы успеваем в науках, не вдруг всему научаясь от наставников. Так мы построили города, воздвигая их понемногу и постепенно; так сохраняем и нашу жизнь. Не удивляйся, если этот порядок в делах житейских имеет такую силу; и в духовных делах можно усматривать великую силу этой мудрости. Только таким образом и иудеи могли освободиться от идолослужения, будучи удаляемы от него незаметно, мало-помалу, сначала не слыша ничего возвышенного ни в догматах, ни в правилах жизни. Так и после пришествия Христова, когда настало время для открытия высочайших догматов, апостолы всех приводили ко Христу, на первый раз ничего не изрекая возвышенного. Так и Христос с большею частью слушателей беседовал сначала. Так поступает и Иоанн (Креститель), говоря о Христе, как бы только о необыкновенном человеке, и только прикровенно изображая возвышенным Его свойства. Вначале он говорит: *не может человек приимати ничесоже, аще не будет ему с небесе* (Ин. III, 27); потом касается чего-то возвышенного, говоря: *грядый свыше над всеми есть* (ст. 31). Далее опять низводит слово к чему-то смиренному, между прочим говоря: *не в меру бо Бог дает Духа* (ст. 34); потом опять возвышает (слово): *Отец бо любит Сына, и вся даде в руце Его* (ст. 35); затем, зная, какую пользу приносит угроза наказания, и как многие водятся не столько обетованиями благ, сколько угрозами мук, заключает свою речь так: *веруяй в Сына имать живот*

вечный, а иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем (Ин. III, 36). И здесь опять, говоря о наказании, возводит слово к Отцу. Не сказал: гнев *Сына,* хотя и Он есть судия, а представил им Отца, желая тем более устрашить. Но неужели, скажешь, достаточно веровать в Сына, чтобы иметь живот вечный? Никак. Послушай, как сам Христос объясняет это, говоря: *не всяк глаголяй ми: Господи, Господи, внидет царствие небесное* (Мф. VII, 21). И одной хулы на Духа достаточно, чтобы быть ввержену в геенну.

Но что говорить об одних догматах? Хотя бы кто право веровал и в Отца и в Сына и в Духа Святого, но если не живет, как должно, вера не принесет ему никакой пользы ко спасению. Поэтому также, когда Христос говорит: *се же сеть живот вечный, да знают Тебе, единаго истиннаго Бога* (Ин. XVII, 3), не подумаем, что этого и довольно для нашего спасения. Необходима еще добрая жизнь и благоповедение. И хотя Иоанн сказал: *веруяй в Сына иматъ живот вечный,* но затем присовокупляет еще нечто более сильное (так как он слагает речь свою не только из утешительных, но и из противоположных слов, и смотри, каким образом); он прибавляет: *а иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем.* Однако же и отсюда мы не должны заключать, что довольно одной веры для спасения. Это доказывают многочисленные места в Евангелии, где говорится о жизни. Поэтому-то Иоанн и не сказал: в этом одном состоит *живот вечный,* или: только верующий в Сына *иматъ живот вечный;* но о том и другом он говорит только вообще, что в них есть живот вечный. А если затем не последуют дела жизни, то наступит великое наказание. И не сказал Иоанн: гнев ожидает его, но: *пребывает на нем,* показывая этим, что гнев никогда не отступит от него. Чтобы слов: *не узрит живота* ты не относил к смерти временной, а веровал, что наказание будет бес-

конечное, он употребил такое выражение, которое означает непрестанное мучение. Делал же это Иоанн для того, чтобы такими словами привлечь учеников своих ко Христу. Поэтому не лично им делал увещание, а говорил вообще, чтобы тем более привлечь их. Не сказал он: если *вы* уверуете, или: если *вы* не уверуете; а употребляет общие выражения, чтобы слова его не были для них подозрительны. Но он говорит с большей строгостью, чем сам Христос. Христос сказал: *не веруяй уже осужден есть* (Ин. III, 17); а Иоанн: *не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем.* И это весьма справедливо, — потому что не одно и тоже говорить самому о себе и о другом. О Христе могли бы думать, что Он часто так говорит по самолюбию и тщеславию; но Иоанн был безопасен от такого подозрения. Если же впоследствии и Христос употреблял более сильное слово, то уже тогда, когда иудеи имели о Нем высокое понятие. *Егда убо разуме Иисус, яко услышаша фарисее, яко Иисус множайшия ученики творит и крещает, неже Иоанн: Иисус же сам не крещаше, но ученицы Его: остави Иудею и иде паки в Галилею* (Ин. IV, 1–3). Итак, сам Он не крестил; но это разглашали вестовщики, желая возбудить в слышащих о том ненависть к Нему. Почему же Он оставил Иудею? Не по боязни, а для того, чтобы пресечь клевету и утешить ненависть. Силен был Он и сам удержать их, если бы они восстали на Него, но не хотел этого делать часто, чтобы не оставить их в неверии о действительности Его воплощения. Если бы Он часто, при нападениях, избегал их, то это для многих могло бы быть подозрительно. Поэтому-то во многих случаях Он действовал более по человечески. Он желал, чтобы веровали как тому, что Он Бог, так равно и тому, что Он, будучи Богом, носил плоть. Поэтому и после воскресения Своего Он говорил ученикам: *осяжите Мя и видите, яко дух плоти и кости не имать* (Лк. XXIV, 39). Поэтому же и

Петра порицает, когда тот говорит Ему: *милосерд Ты Господи, не иматъ быти Тебе сие* (Мф. XVI, 22). Так много Он заботился об этом деле.

2. Притом же это есть не маловажный догмат в Церкви, а самое главное в деле нашего спасения, и через это именно все для нас сделано и совершено: и смерть разрушена, и грех отят, и клятва уничтожена, и бесчисленные блага дарованы нам в жизни. Поэтому Христос и желал так сильно, чтобы веровали в Его воплощение — этот корень и источник бесчисленных для нас благ. Действуя же по-человечески, Он не допускал сокрываться и Своим божеским делам. Так, удалившись в Галилею, Он продолжал то же самое, что и прежде делал. Не напрасно удалялся в Галилею, но для того, чтобы совершать великие дела у самарян, и устрояет это не просто, а с свойственною Ему мудростью, чтобы не оставить иудеям никакого предлога даже к бесстыдному извинению. Выражая это, Евангелист присовокупляет: *подобаше же Ему пройти сквозе Самарию* (ст. 4), и тем показывает, что Он это сделал как бы ненамеренно. Так делали и апостолы. Как они, преследуемые иудеями, шли к язычникам, так и Христос, когда иудеи изгоняли Его, обратился и к язычникам, например сделал это ради жены сирофиникийской. Цель была та, чтобы отнять у иудеев всякое извинение и чтобы они не могли сказать: Он, оставив нас, пошел к необрезанным. Таким образом и ученики Его, защищая себя, говорили: *вам бе лепо первее глаголати слово Божие, а понеже отвергосте е, и недостойны, творите сами себе вечному животу, се обращаемся во языки* (Деян. XIII, 46). И сам Христос: *несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (Мф. XV, 24), или: *несть добро отъяти хлеба чадом, и поврещи псом* (ст. 26). Когда же они отвергли Его, то этим самым отверзли дверь язычникам. Однако и тогда Он не преднамеренно идет к язычникам, а как бы ми-

моходом. Итак, проходя мимо, *прииде во град Самарийский, глаголемый Сихарь, близ веси, юже даде Иаков Иосифу сыну своему. Бе же ту источник Иаковль* (Ин. IV, 5, 6). Для чего Евангелист так обстоятельно говорит об этом месте? Для того, чтобы ты, слыша, как говорит жена: *еда ты болий еси отца нашего Иакава иже даде нам студенец, сей* (ст. 12), – не находил этого странным. Это было то место, где Симеон и Левий, в отмщение за Дину, произвели жестокое убийство (Быт. XXXIV, 25).

Не лишне сказать, откуда произошли самаряне, потому что вся эта страна называется Самариею. Откуда же самаряне получили свое название? Сомором называлась гора по имени ее владельца, как и Исаия говорит: *глава же Ефремова Сомoрон* (Ис. VII, 9). Впрочем, обитавшие там назывались не самарянами, а израильтянами. С течением времени, когда они оскорбили Бога, то, в царствование Факея, Феглаффеласар, пришедши, взял многие города, напал на Илу, умертвил его и царство его отдал Осии. На Осию напал Салманассар, взял другие города, сделал их себе подвластными и обложил данью. Осия сначала уступил, потом отложился от его власти и прибегнул к помощи ефиоплян. Ассирийский царь, узнав об этом, пришел с войском, победил израильтян и, для отвращения новых восстаний, уже не позволил им оставаться в стране той, а отвел их в Вавилон и Мидию; а оттуда из разных мест вывел другие племена и поселил в Самарии, чтобы на будущее время обезопасить свою власть в этой стране, занятой уже верными ему жителяли. Тогда Бог, желая показать Свою силу и то, что Он предал израильтян не потому, чтобы они были бессильны, но за грехи их, – насылает на варваров львов, которые делали зло всему народу. Извещенный об этом царь посылает некоего священника (иудейского) преподать им закон Божий. Но и тогда они не оставили совершенно своего нечестия, а только от-

части, и уж впоследствии времени, отвергнув идолов, начали чтить истинного Бога. Между тем иудеи, возвратившиеся наконец из плена, возымели ненависть к ним, как иноплеменникам и своим врагам, и по имени горы стали называть их самарянами. Не малая вражда с ними у иудеев происходила и оттого, что самаряне принимали не все книги Священного Писания, а только книги Моисеевы, и не много придавали важности пророкам. Они же с своей стороны старались уравнять себя в благородстве происхождения с иудеями, хвалились своим родом от Авраама и считали его своим предком, так как он происходил из Халдеи, а Иакова, как его потомка, называли своим отцом. Но иудеи гнушались ими, как и всеми иными народами; потому-то и Христа они поносили именем самарянина, когда говорили: *самарянин еси ты и беса имаши* (Ин. VIII, 48). По той же причине и Христос в притче о шедшем из Иерусалима в Иерихон вводит самарянина, *оказавшаго ему милосердие* (Лк. X, 37), – человека, по мнению иудеев, низкого, презренного, гнусного; также и в числе десяти прокаженных называет одного иноплеменником (а это был самарянин); да и Сам заповедал ученикам своим: *на путь язык не идите и во град Самарянский не внидите* (Мф. X, 5).

3. Но Евангелист напомнил нам об Иакове не для того только, чтобы отметить историю страны, но чтобы вместе показать потерю этого места для иудеев, уже давно сбывшуюся, так как уже во времена праотцов их язычники владели, вместо них, этим местом. Чем праотцы их владели, хотя то и не было их собственностью, то они по нерадению и беззаконию потеряли, хотя это уже было их собственностью. Так, нет никакой пользы происходить от хороших предков, когда потомки не похожи на них. Варвары, чтобы только избежать большей беды, тотчас обратились к иудейскому богопочте-

нию; а иудеи, и потерпев столько наказаний, не вразумились. Итак, в эту страну пришел Христос, который всегда отвергал жизнь изнеженную и прихотливую, а проводил жизнь многотрудную и стеснительную. Он не употреблял подъяремных животных, но Сам путешествовал так спешно, что и утомлялся от пути. Да и при всяком случае Он внушает нам делать все самим, не иметь ни в чем излишества и не требовать многого. Он желает нам быть до того чуждыми всякого излишества, чтобы и в самом необходимом многое сокращать, потому и говорил: *лиси язвини имут и птицы небесныя гнезда: Сын же человеческий не имать, где главы подклонити* (Мф. VIII, 20). Таким образом Он очень часто проводил время в горах и в пустынях, не только днем, но и ночью. Провозвещая это, и Давид сказал: *от потока на пути пиет* (Пс. CIX, 7), показывая простоту Его образа жизни. То же показывает здесь и Иоанн: *Иисус же, утруждся от пути, седяше тако на источнице: бе же час яко шестый. Прииде жена от Самарии почерпати воду; глагола ей Иисус: даждь ми пити. Ученицы бо Его отшли бяху во град, да брашна купят* (Ин. IV, 6–8). Из этого мы узнаем, как усиленны были Его путешествия, как Он не заботился о Своем пропитании и только мимоходом занимался этим делом. Так научились и ученики Его удовлетворять свои потребности: они не носили с собою дорожных припасов. На это указывает и другой Евангелист, говоря, что, когда Христос сказал о квасе фарисейском, то ученики думали, что не принесли с собою хлебов. Когда Христос водил с Собою учеников алчущих, срывающих и едящих колосья, также когда говорится, что сам Он, чувствуя голод, пришел к смоковнице, то этим всем Он не чему-нибудь другому научает нас, как презирать чрево и служения ему не считать достойным заботы. Посмотри и здесь: они не принесли с собою ничего, и однако ж, не имея с собою пищи, не

заботились о ней заранее, или с начала дня, но пошли купить ее в то время, в которое обыкновенно все уже обедают. А мы, как только встаем с одра, заботимся об этом прежде всех других дел, призываем поваров и служителей трапезы и с большою заботливостью отдаем им приказания; а после того уже приступаем к другим делам, всегда однако же заботясь о житейском, преимущественно перед духовным, и то, что нужно бы считать излишним, признавая необходимым. Так-то все делается у нас превратно. Между тем, следовало бы обращать все внимание на духовные дела и, уже исполнив их, приниматься за житейские.

Далее, из этого видно не только терпение Христа в трудах, но и удаление от пышности. Он не только утомился и сел на пути, но и остался один, а ученики Его ушли. Конечно, если бы Он пожелал, то мог бы или не всех учеников посылать, или, по удалении их, иметь при себе других служителей; но Он не хотел этого; а таким образом и учеников приучал презирать всякую пышность. Что же важного, скажет кто-нибудь, что они жили скромно, будучи рыбарями и скинотворцами? Правда, они были рыбари и скинотворцы, но они внезапно воспарили в высоту небес, и сделались важнее всех царей, удостоившись быть собеседниками Владыки вселенной и следовать повсюду за этим дивным Учителем. Вы знаете и то, что люди из низкого состояния, достигающие почестей, легче увлекаются высокомерием, неблагородно пользуясь почестями. Итак Христос, желая утвердить учеников Своих в неизменном смиренномудрии, учил их во всем умерять себя и ни в каком случае не требовать прислужников. Сам Он, как говорит Евангелист, *утруждся от пути, седяше тако на источнице.* Видишь, Он сел от усталости и жары и для того, чтобы дождаться учеников? Знал Он, что должно было случиться у самарян; но не для того, глав-

ным образом, пришел сюда. А хотя и не для этого пришел, однако не имел нужды отгонять пришедшую жену, показавшую так много усердия к Его учению. Иудеи Его гнали, тогда как Он именно к ним пришел, а язычники привлекали к себе и тогда, когда Он шел в иные места. Те ненавидели Его, а эти веровали в Него; те негодовали, а эти удивлялись и покланялись Ему. Что же? Ужели надобно было пренебречь спасением стольких людей и такую искреннюю ревность оставить без внимания? Это недостойно было Его человеколюбия. Поэтому Он и устрояет все в настоящем случае с свойственною Ему мудростью. Он садится, для отдохновения тела и прохлады, при источнике. Был самый полдень, что и означает Евангелист, словами: *бе же час яко шестый. И седяше тако.* Что значит *тако?* То есть сел не на престоле, не с возглавием, но просто, как случилось, на земле. *Прииде жена от Самарии почерпати воду.*

4. Смотри, как показывает Евангелист, что и жена вышла из города для другой цели, – преграждая всякий повод к бесстыдному прекословию иудеев, чтобы кто не сказал, что Он противоречит собственной заповеди, повелев ученикам *не входить во град самарянский,* а между тем сам беседуя с самарянами. Для этого также присовокупляет, что *ученицы Его отшли бяху во град, да брашна купят,* представляя таким образом многие причины беседы Его с женою. Что же жена? Услышав Его слова: *даждь ми пити,* она очень разумно обращает слова Христовы в повод к вопросу: *како ты, жидовин сый, от мене пити просиши жены, самаряныни сущи? Не припасают бося жидове самаряном* (Ин. IV, 9). Почему она думала, что Он иудей? Может быть узнала по одежде или по наречию. Но заметь, как осторожна жена. Если надлежало остерегаться, то Иисусу, а не ей; по ее словам, не самаряне чуждаются иудеев, а иудеи не

сближаются с самарянами; однако жена, будучи сама свободна от этого упрека, и думая, что другой ему подвергается, не умолчала, но исправляет дело, по ее мнению, не согласное с законом. Может быть, кто-нибудь станет недоумевать, как Иисус просил у нее пить, когда этого не дозволял закон? А если Он еще предвидел, что она не даст Ему пить, то и поэтому не следовало просить. Что сказать на это? То, что для Него самого нарушение подобных обычаев было делом безразличным. Кто других вел к нарушению иудейским правил, Тот тем более сам мог нарушать их. *Не входящее во уста*, говорил Он, *сквернит человека, но исходящее изо уст, то сквернит человека* (Мф. IV, 11). Между тем беседа Его с женою могла быть не малым осуждением для иудеев, потому что Он многократно привлекал их к Себе и словами и делами, но они не последовали Ему. А посмотри, как жена увлекается простым вопросом. Сам Он не вступал на это дело, на этот путь (разумеется обращение язычников), но не препятствовал, если к Нему кто обращался. Хотя Он и говорил ученикам: *во град Самарянский не внидите*, но не повелевал отгонять приходящих. Это слишком было бы недостойно Его человеколюбия. Поэтому Он и отвечает жене и говорит: *аще бы ведала еси дар Божий и кто есть глаголяй ти: даждь ми пити, ты бы просила у Него и дали бы ти воду живу* (Ин. IV, 10). Прежде всего показывает, что она достойна Его слушать, а не должна быть отвергнута, потом уже открывает Себя; она же, как только узнала, кто Он, тотчас готова была и повиноваться и внимать Ему, чего нельзя сказать о иудеях. Они, даже и узнав Его, ни о чем не спрашивали Его, не имели желания научиться от Него чему-либо полезному; напротив поносили Его и отгоняли от себя. Но вот жена, услышав Его слова, смотри, с какою кротостью отвечает Ему: *Господи, ни почерпала имаши и студенец есть глубок: откуда убо имаши воду живу* (ст. II)? Сей-

час видно, что Христос отклонил уже ее от низкого о Нем понятия, от мысли, что Он один из обыкновенных людей. Она здесь не просто называет Его Господом, но в знак особенного уважения к Нему. А что она по уважению это сказала, видно из последующей беседы. Она не шутит, не насмехается, а только недоумевает. А что она не скоро все поняла, не удивляйся. Ведь не понял и Никодим. Что он говорил? *Како могут сия быти* (III, 9)? *Како может человек родитися, стар сый* (4)? И еще: *еда может второе внити во утробу матере своея и родитися?* Но жена говорит с большею скромностью. *Господи, ни почерпала имаши и студенец есть глубок: откуду убо имаши воду живу* (Ин. IV, 11)? Иное говорит ей Христос, а иное она разумела. Не слыша от Него ничего более сказанных слов, она и не могла помыслить ничего возвышенного, хотя и могла сказать Ему смело: если бы Ты имел воду живую, то не стал бы просить у меня воды, а сам бы прежде Себе дал ее; а теперь Ты только тщеславишься. Но ничего подобного она не сказала, а как сначала, так и после отвечала Ему с великою скромностью. Сначала она говорит: *како Ты, жидовин сый, от мене пити просиши?* А не говорит так, как бы разговаривала с иноплеменником и врагом: не быть тому, чтобы я дала воды такому человеку – врагу и чуждому нашего рода! И потом, слушая Его возвышенные слова о Себе самом, что особенно раздражает врагов, она не смеется, не поносит Его, но что говорит? *Еда Ты болий еси отца нашею Иакова, иже даде нам студенец сей, и той из него пит и сынове его и скоти его* (ст. 12)? Видишь, как она вводит сама себя в именитый род иудеев? Слова ее значат вот что: Иаков пользовался этою водою и никакой другой лучшей и сам не имел, и нам не дал. Таким образом она показала, что уже с первого ответа она возимела мысль о Нем высокую, возвышенную, потому что слова: *и той из него пит и сынове его и скоти его* не иное дают разу-

меть, как то, что она имела мысль о лучшей воде, только еще не находила ее и не, знала хорошо. Если же выразить яснее то, что она хотела сказать, то будет так: Ты не можешь сказать, что Иаков, давший нам этот источник, сам пользовался другим, потому что и сам он и дети его пили из этого; а они не пили бы отсюда, если бы имели другую воду, лучшую. Ты и этой воды не можешь достать; а другой лучшей Тебе невозможно иметь; разве признаешь Себя самого большим Иакова. Откуда же Ты имеешь ту воду, которую обещаешь дать нам (Ин. VII, 38)? Иудеи не так скромно говорили с Ним, – хотя и с ними Он беседовал об этом же самом предмете и напоминал о такой воде. Но они не приобрели для себя от того никакой пользы. А когда Он упомянул об Аврааме, то они замышляли даже побить Его камнями (VIII, 56, 59). Но не так обращается с Ним жена, а с великою кротостью, среди полуденного зноя, говорит и слушает все с терпением и не думает подобно иудеям сказать: *беса имать, и неистов есть* (X, 20), держит меня у источника, ничего не давая, а только величаясь на словах. Она терпеливо внимает, в ожидании найти желаемое.

5. Если жена самарянская показывает такое усердие, чтобы научиться чему-нибудь полезному, и пребывает со Христом, хотя еще и не знает Его, то какое помилование можем получить мы, знающие Его, и притом находясь не на источнике, не в пустыне, не среди дня под палящими лучами солнца, но в утреннее время, наслаждаясь под этим кровом тенью и прохладою, и при всем том не имея терпения выслушать что-либо из слова Божия, а тяготясь этим? Не такова жена самарянская: она так увлекалась словами Спасителя, что и других призывала к Нему. Иудеи же не только не призывали других, но и желавшим прийти к Нему препятствовали и не дозволяли. Поэтому и говорили: *еда кто от князь*

верова в Он? Или от фарисей? Но народ сей, иже не весть закона, прокляти, суть (Ин. VII, 48). Итак, будем подражать самарянской жене; будем беседовать со Христом. Он и теперь среди нас предстоит и говорит к нам через пророков и через учеников Своих. Будем слушать и повиноваться. Доколе мы будем жить напрасно, без пользы? Не делать угодное Богу действительно значит жить напрасно, или лучше, не только напрасно, но и во вред себе. Если данное нам время мы не употребим ни на какое полезное дело, то, отшедши отсюда, подвергнемся величайшему наказанию за потерю времени. Если получивший деньги для торговых оборотов и потом истративший их, подвергнется ответственности перед вверившими их ему, то ужели не понесет наказания истощивший эту жизнь напрасно? Не для того Бог ввел нас в настоящую жизнь и вдунул душу, чтобы мы пользовались только настоящим, но для того, чтобы все делали для жизни будущей; только бессловесные созданы для одной настоящей жизни. А мы для того и имеем бессмертную душу, чтобы вполне приготовиться к той жизни. Если кто спросит, какое назначение коней, ослов, быков и других животных, то мы скажем, что не другое назначение, как только — служить нам в настоящей жизни. А о нас нельзя этого сказать; для нас есть лучшее состояние, после отшествия отсюда; и нам все надобно делать так, чтобы там просиять, ликовать с ангелами, предстоять Царю, — всегда, в бесконечные веки. Для того и душа наша создана бессмертною, да и тело будет бессмертно, чтобы мы наслаждались бесконечными благами. Если же ты пригвождаешь себя к земле, тогда как тебе предложены блага небесные, то подумай, какое в этом оскорбление для Дарующего их. Он предлагает тебе горняя, а ты, не слишком этим дорожа, предпочитаешь землю. Поэтому, как оскорбленный, Он угрожает геенною,

чтобы ты из этого познал, каких благ лишаешь сам себя. Но да не будет, чтобы мы подверглись этому наказанию, но, благоугодив Христу, да сподобимся вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXII

Отвеща Иисус и рече ей: всяк пияй от воды сея, вжаждется паки: а иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущия в живот вечный (Ин. IV, 13, 14)

1. Благодать Святого Духа в Писании называется иногда огнем, иногда водою, и это показывает, что такие наименования выражают не существо Его, а только действие, потому что Дух как существо невидимое и однородное, не состоит из различных сущностей. Так огнем называет его Иоанн, говоря: *той вы крестит Духом святым и огнем* (Мф. III, 11), а водою именует Христос: *реки от чрева его истекут воды живы; сие же рече о Дусе, егоже хотяху приимати* (Ин. VI, 38). Так и беседуя с женою, водою называет Духа: *иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки.* Называется же Дух огнем — для означения теплоты благодати, которую Он возбуждает, и истребления грехов; а водою — для выражения чистоты и обновления, сообщаемого от Него душам, приемлющим Его. И справедливо. Как некий сад, цветущий различными, плодоносными и вечно зеленеющими деревьями, Он уготовляет ревностную душу, не допуская в ней ощущений ни печали, ни наветов сатаны, но легко угашая разжженные стрелы лукавого. Но заметь мудрость Христа, как Он мало-помалу

возводит жену. Он не сказал ей с самого начала: *аще бы ведала еси, кто есть глаголяй ти: даждь ми пити* но когда подал ей повод назвать Его иудеем и вызвал на упрек, тогда, отражая укоризну, сказал это. Сказав еще: *аще бы ведала еси, кто есть глаголяй ти: даждь ми пити, ты бы просила у Него,* и обещанием чего-то великого заставив вспомнить о праотце, Он таким образом дает жене прозреть. Потом, когда она возразила: *еда Ты болий еси отца нашего Иакова,* — Он не сказал: да, Я больше его, потому что это могло бы показаться ей одним тщеславием, когда еще не видно было на то доказательства; но Он приготовляет ее к этому именно тем, что говорит. Он не просто говорит: Я дам тебе воду; но сперва показывает недостаточность воды Иакова, а потом уже возвышает значение Своей воды, желая из свойства самых даров показать расстояние и разность между лицами дарующими и Свое превосходство перед Иаковом. Если ты удивляешься, как бы так говорил Христос, Иакову, что он дал эту воду, то что скажешь, если Я дам тебе еще лучшую? Ты уже предварила Меня исповеданием, что больше Иакова, когда возразила Мне: неужели ты больше отца нашего Иакова, что обещаешь дать лучшую воду; а когда получишь эту воду, то уже вполне признаешь Меня большим Его. Видишь ли беспристрастное суждение жены, которая произносит суд о праотце и о Христе по делам их? Но не так поступали иудеи. Даже видя, что Он бесов изгоняет, они не только не считали Его выше праотца, но еще называли беснующимся. А жена именно на том основывает свое суждение, на чем хочет Христос, то есть на доказательстве из Его дел, потому что и сам Он на этом основывал приговор о Себе, говоря так: *аще не творю дела Отца моего, не имите Ми веры: аще же творю, аще и Мне не веруете, делом моим веруйте* (Ин. X, 37, 38). Таким точно путем и жена приходит к вере. Поэтому Христос, услышав слова ее: *еда*

ты болий еси отца нашего Иакова, и оставив речь об Иакове, беседует о воде: *всяк пияй от воды сея,* говорит Он, *вжаждется паки* (Ин. IV, 13), и делает такое сравнение той и другой воды, не охуждая одну, а только показывая превосходство другой. Не говорит, что та вода ничтожна, ничего не значит и достойна презрения; а утверждает то, о чем свидетельствует и самое существо той воды: *всяк, пияй от воды, сея, вжаждется паки: а иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки* (Ин. IV, 14). О воде живой жена слышала еще прежде того, но не понимала; а так как *живою* водою обыкновенно называется непрерывно текущая и бьющая ключом из неиссякающих родников, то жена думала, что и здесь говорится об этой воде. Поэтому, еще яснее представляя ей то, о чем говорит, и из сравнения показывая превосходство одной воды перед другой, Христос присовокупляет: а *иже пиет от воды, юже аз дам ему, не вжаждется во веки.* Этими, равно и последующими словами, как я говорю, Он доказывает превосходство воды духовной, потому что вода чувственная не имеет в себе ничего подобного. Какие же последующие слова? *Вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущия в живот вечный* (ст. 14). Как имеющий внутри себя сокровенный источник никогда не стал бы томиться жаждою, так и имеющий эту воду. И жена тотчас уверовала, показав себя разумнее Никодима, и не только разумнее, но и мужественнее. Он, услышав много подобного, никого не призвал ко Христу, да и сам оставался в нерешимости, а она совершает дело апостольское, всем благовествуя, призывая к Иисусу, и целый город увлекает к Нему. Никодим, услышав слова Спасителя, сказал: *како могут сия быти* (Ин. III, 9)? Даже когда Христос показал ему ясный пример от ветра, и тогда Никодим не принял слова Его. А жена не так; сначала она недоумевает, но потом, принимая слово Христово без преду-

беждения, а как прямую истину, тотчас склоняется к вере. Как только сказал Христос: *будет в нем источник воды, текущия в живот вечный,* жена тотчас говорит: *Господи, даждь ми воду сию, да ни жажду, ни прихожду семо почерпати* (ст. 15).

2. Видишь ли, как она мало-помалу восходит на высоту догматов? Сначала она почитала Христа за иудея, преступающего свой закон; потом, когда Он опроверг это обвинение (потому что лицу, имевшему сообщить ей такое учение, не следовало оставаться в подозрении), она, услышав о воде живой, подумала, что Он говорит о чувственной воде. Далее, узнав, что слова Его имеют духовный смысл, она верит, что эта вода может уничтожить чувство жажды, а только не знала, что это за вода, и еще недоумевала, считая ее конечно выше воды чувственной, но не имея о ней ясного понятия. Наконец, прозрев точнее в этот предмет, однако еще не все выразумев, *Господи*, говорит, *даждь ми воду сию, да ни жажду, ни прихожду семо почерпати* (ст. 15), – она уже предпочитает Христа Иакову. Не буду, говорит, иметь нужды в этом источнике, если получу от Тебя ту воду. Видишь, как она отдает Ему преимущество перед праотцом? Вот душа благомыслящая. Она показала, какое высокое мнение имеет о Иакове; но увидела высшего, и уже не удерживается прежним мнением. Итак, это была жена не легкомысленная (потому что не просто принимает слова; да и как это можно сказать, когда она с таким тщанием испытывала их?), неупорная и неспорливая: это она показала самою своею просьбою. Некогда и иудеям говорил Христос: *Аз есмь хлеб животный: грядый ко Мне не имать взалкатися и веруяй в Мя не имать вжаждатися никогда же* (Ин. VI, 35); но они не только не верили, но и соблазнялись. Жена напротив не впадает в этот недуг, а настоит и просит. Иудеям Он говорил: *веруяй в Мя не имать вжаждатися никогда же,* жене же говорит более

чувственным образом: *иже пиет от воды сея, не вжаждется во веки.* Обетование относилось к духовным предметам, а не к видимым, поэтому, возвышая ее ум обетованиями останавливается еще на чувственных изображениях, потому что она не могла еще в точности постигать духовных предметов. Если бы Он сказал: уверуй в Меня – и ты не вжаждешь, то она не поняла бы сказанного, еще не зная, кто беседует с нею и о какой жажде говорит Он. Почему же Он не поступал так с иудеями? Потому что они уже видели много чудес; а жена еще не видела ни одного знамения и только в первый раз слышала такие слова. Поэтому-то Он открывает ей силу через свое прозрение; впрочем не тотчас и обличает ее, и что говорит? *Иди, пригласи мужа твоего и прииди семо. Отвеща жена и рече Ему: не имам мужа. Глагола ей Иисус: добре рекла еси, яко мужа не имам: пять бо мужей имела еси, и ныне его же имаши, несть ти муж. Се воистинну рекла еси. Глагола Ему жена: Господи, вижу, яко пророк еси Ты* (Ин. IV, 16–18).

Какое однако любомудрие в этой жене! С какою кротостью она принимает обличение! Почему же ей и не принять, – скажешь ты? Но скажи мне: не часто ли и еще сильнее обличал Он и иудеев? Не одно ведь и тоже – открывать сокровенные мысли и обнаруживать тайные дела. Первое свойственно одному Богу: мыслей никто не знает кроме Того, кто их имеет; а дела бывают известны всем соучастникам в них. Но иудеи не переносили с кротостью обличений, а когда Христос сказал: *что Мене ищете убити* (Ин. VII, 19), – они не только не удивлялись подобно жене, но еще хулят Его и злословят; они имели доказательства и в других знамениях, а жена только это одно услышала; но они не только не дивились, а и поносили Его, говоря: *беса ли имаши? Кто Тебе ищет убити?* Она же не только не укоряет Его, но удивляется, приходит в изумление и заключает, что Он

пророк, хотя обличение жены было сильнее обличения их. Обличенный в ней грех был грех ее одной, а в них обличаемы были общие грехи; но мы не так терзаемся обличением грехов общих, как наших частных. Притом иудеи думали, что сделают великое дело, если убьют Христа; а дело жены все признавали худым. Несмотря на все это, она не досадует, а изумляется и удивляется. Точно также Христос сделал с Нафанаилом; не вдруг показал свое прозрение, не тотчас сказал: *суща под смоковницею видех тя*, но тогда уже, когда тот спросил: *како мя знаеши* (Ин. I, 48)? Христос желал, чтобы и пророчения Его и чудеса получали свое начало от тех, которые приходят к Нему, и для того, чтобы таким образом более их сблизить с Собою, и для того, чтобы самому избежать подозрения в тщеславии. Так Он делает и здесь. Предупреждать жену обличением, что она не имеет мужа, – это могло показаться тягостным и неуместным; но сделать обличение, получив от ней самой к тому повод, это и весьма уместно было, и побуждало, ее саму с большей кротостью выслушать обличение. Но какая, скажешь ты, последовательность в словах: *иди, пригласи мужа твоего?* Речь была о даре благодати, превышающей человеческое естество, жена настоятельно желала получить этот дар; вот Он и говорит: *иди, пригласи мужа твоего,* как бы показывая этим, что и муж должен иметь участие в даре. Жена, спеша получить и скрывая постыдные свои дела, притом же думая, что беседует с простым человеком, говорит: *не имам мужа.* Услышав это, Христос уже благовременно теперь вводит в Свою беседу обличение, с точностью высказывая то и другое: Он и всех прежних мужей перечисляет и обнаруживает того, которого она в то время скрывала. Что же жена? Не досадует, не бежит от Него, и не считает этого обстоятельства причиною к негодованию на

Него, но еще более удивляется Ему, еще более оказывает твердости. *Вижу*, говорит, *яко пророк еси Ты*. Заметь ее благоразумие. И после того она не тотчас покоряется Ему; но еще размышляет и удивляется. Слово ее — *вижу* значит: мне кажется, что Ты пророк. Но как только возымела о Нем такое понятие, уже ни о чем житейском не спрашивает Его: ни о телесном здравии, ни об имении или богатстве, но тотчас — о догматах. Что она говорит? *Отцы наши в горе сей поклонишася*, разумея Авраама и его детей; здесь, как сказывают, он приносил в жертву сына своего; *и вы глаголете, яко во Иерусалимех есть место, идеже кланятися подобает* (Ин. IV, 20).

3. Видишь ли, как она стала возвышеннее в своих мыслях? Та, которая заботилась только об утолении жажды, уже вопрошает о догматах. Что же Христос? Не разрешает вопроса (не о том Он и заботился, чтобы только отвечать на ее вопросы, — это завлекло бы слишком далеко); но снова возводит жену еще на большую высоту, и однако не прежде ей об этом говорит, как уже исповедала она, что Он пророк, чтобы она с большим убеждением выслушивала слова Его. Убедившись в том, что Он пророк, она уже не могла сомневаться в том, что Он после мог ей сказать. Итак устыдимся же мы и будем краснеть. Жена, имевшая пять мужей и притом самарянка, показывает такое тщание относительно догматов, и ни время дня, ни то, что она пришла за другим делом, и ничто иное не отвлекает ее от желания познать их мы же не только не спрашиваем о догматах, но во всем поступаем без внимания и как случится. Поэтому и все у нас в пренебрежении. Кто из вас, скажите мне, находясь дома, берет в руки христианскую книгу, вникает в ее содержание и испытует Писание? Никто не может этого сказать о себе. Шашки и игральные кости можно найти у весьма многих, а книги ни у кого, или у немногих, да и те занимаются ими не более та-

ких, которые вовсе их не имеют, связывая и навсегда отлагая их в шкафы; вся забота у них только о тонкости кожи (на которой писаны книги), о красоте письма, а не о чтении. Да и приобретают книги не для пользы, а для того, чтобы выказать этим свое богатство и похвастать. До такой крайности; доходит тщеславие! Я не слышу, чтобы кто-нибудь похвалился тем, что знает содержащееся в книгах, а слышу, как хвалятся тем, что книги их написаны золотыми буквами. Скажи мне, какая от этого польза? Не для того дано Писание, чтобы мы имели его в книгах, но чтобы начертывали его в сердцах наших. Заключать заповеди только в письменах, – такого рода стяжание их свойственно только иудейскому тщеславию; а нам и вначале дан закон не так, но – на плотяных скрижалях сердца (2 Кор. III, 3). Говоря это, я не препятствую приобретать книги; напротив, хвалю это и даже прошу об этом; желаю только, чтобы из книг слова и мысли переходили в нашу душу и она, усвояя разум письмен, таким образом очищалась. Если диавол не дерзает проникнуть в тот дом, где есть Евангелие, тем более души, усвоившей себе мысли Писания, не коснется и не нападет ни бес, ни грех. Итак освяти твою душу, освяти и тело, имея всегда Священное Писание и на устах и в сердце. Если срамословие оскверняет нас и вызывает бесов, то очевидно, что духовное чтение освящает и привлекает благодать Духа. Писания суть божественные песнопения. Станем же воспевать их в себе и из них приготовим врачество против недугов душевных. Если бы мы знали важность читаемого, то и слушали бы с большею ревностью. Это я всегда говорю и не перестану говорить. Не странно ли, что бывающие на зрелищах пересказывают друг другу о именах возниц и плясунов, их происхождении, отчизне, роде занятий, тщательно также рассказывают о достоинстве и недостатках коней; а собирающиеся

здесь не знают ничего, что здесь происходит, даже не знают и числа книг священных? Если ты гоняешься за тем для удовольствия, то я покажу тебе, что здесь удовольствия гораздо больше. Что приятнее, скажи мне, что удивительнее: видеть ли, как человек борется с человеком, или — как человек сражается с диаволом, как плотское существо состязается с бесплотною силою и одолевает ее? Вот на эти-то борьбы надобно смотреть; им и подражать похвально и полезно, и подражая, можно быть увенчанным, а не на те борьбы смотреть, в которых соревнование наносит стыд подражателю. На ту борьбу ты смотришь вместе с бесами, а на эту — с ангелами и с самим Господом ангелов. Скажи мне, если бы тебе дозволено было сидеть с владыками и царями, смотреть, и вместе с ними наслаждаться зрелищем, не почел ли бы ты этого величайшей для себя честью? А здесь, вместе с Царем ангелов созерцая и видя, как диавол, схваченный за хребет, все усилия употребляет, чтобы одолеть, но нисколько не осиливает, ты не спешишь на такое зрелище? Да как это сделать, — скажешь ты? Имей в руках книгу (Священного Писания). В ней ты увидишь и место борьбы, и длинноту бега, и нападение диавола, и искусство праведника. Смотря на эту брань, и сам научишься бороться и освободишь себя от бесов. А то, что совершается на мирских представлениях, есть торжество бесов, а не зрелище подвигов человеческих. Если не позволительно входить в капище идольское, тем более — ходить на праздник сатанинский. Говорить и наскучать вам об этом я не перестану, пока не увижу исправления, — говорит это мне *не леностно, вам же твердо* (Флп. III, 1). Не оскорбляйтесь моим увещанием; если кому надобно оскорбляться, то мне, часто говорящему и не видящему послушания, а не вам, всегда об этом слышащим и никогда не слушающимся. Но да не будет, чтобы вы посто-

янно были обвиняемы в этом; да избавитесь от этого стыда, и удостоившись духовного зрелища, да сподобитесь будущей славы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIII

Глагола ей Иисус: жено, веру Ми ими, яко грядет час, егда ни в горе сей, ни во Иерусалимех поклонитеся Отцу. Вы кланяетеся, егоже не весте; мы кланяемся, егоже вемы, яко спасение от Иудей есть (Ин. IV, 21, 22)

1. Везде нужна нам, возлюбленные, вера; вера – мать всех благ, врачество ко спасению; без нее невозможно усвоить ничего из высоких догматов. Подобно тому как люди, усиливающиеся переплыть море без корабля, хотя и могут немного проплыть, действуя руками и ногами, но, простираясь далее, скоро поглощаются волнами, так и те, которые руководятся только собственным разумом, прежде нежели чему-нибудь научиться, претерпевают кораблекрушение, как и Павел говорит, что некоторые относительно веры подверглись кораблекрушению (1 Тим. I, 19). Чтобы и нам того же не потерпеть, будем держаться этого священного якоря, которым и Христос ныне ведет жену. Когда она сказала: *отцы наши в горе сей поклонишася, и вы глаголете, яко во Иерусалимех есть место, идеже кланятися подобает*, – Христос отвечал ей: *жено, веру Ми ими, яко грядет час, егда ни в горе сей, ни во Иерусалимех поклонитеся Отцу*. Здесь Он открывает ей важный догмат, которого не сказал ни Никодиму, ни Нафанаилу. Она старалась доказать превосходство своих обрядов перед иудейскими и подтверждала это примером своих отцов; но Христос не отве-

чал ей на этот запрос, потому что излишне было бы тогда говорить об этом и объяснять, почему отцы ее в горе той покланялись, а иудеи в Иерусалиме. Итак Он умолчал об этом. Но отвергая важность равно того и другого места, Он возвышает душу жены внушением, что ни иудеи, ни самаряне не имеют ничего великого в сравнении с тем, что имеет быть даровано в будущем, — и затем уже изъясняет различие между ними. Но при этом отдает предпочтение иудеям, не место предпочитая месту, но в самом духе давая преимущество иудеям. Христос как бы так сказал: о месте нет нужды спорить, но в образе богопочитания иудеи имеют преимущество перед самарянами, — потому что, говорит, *вы кланяетеся, егоже не весте; мы кланяемся, егоже вемы.* Как же самаряне не ведали, кому поклонялись? Они думали, что Бог ограничивается местом и существует в одной какой-либо стране; сообразно с таким понятием они и служили Ему. Так, отправив посольство к персам, извещали, что бог этого места негодует на нас, представляя его таким образом нисколько не выше идолов. Поэтому они продолжали служить и бесам и Богу, смешивая то, что не может быть смешано. Но иудеи были свободны от этого заблуждения, признавали Бога, хотя и не все, Богом вселенной. Поэтому Христос и говорит: *вы кланяетеся, егоже не весте; мы кланяемся егоже вемы.* Не удивляйся, что Христос причисляет Себя к иудеям. Он говорит применительно к понятию жены, как иудейский пророк. Потому и употребил выражение: *мы кланяемся.* Что Он сам есть лицо покланяемое, это теперь всякому известно: покланяться — дело твари, а Господу твари свойственно принимать поклонение. Пока же Он беседует как иудей, потому и говорит: *мы,* то есть иудеи. А и возвышая таким образом иудейский закон, Он снова внушает к Себе самому доверие и убеждает жену еще более

внимать Его словам, потому что ставит учение Свое вне подозрения и дает видеть, что возвышает веру иудеев не по единству рода, как их единоплеменник. Тот, кто отзывается так о таком месте, которым иудеи наиболее хвалились и приписывали себе преимущество перед всеми народами, – кто уничтожает столь важное для них преимущество, тот, очевидно, не в угоду кому-либо говорит об этом, а поистине и по силе пророческой. Итак, отдалив жену от подобных помыслов словами: *жено, веру Ми ими* и прочее, Христос затем присовокупляет: *яко спасение от Иудей есть*. Слова эти означают или то, что из Иудеи произошли блага для вселенной (так как здесь получило начало познание Бога, отверджение идолов и все другие догматы; да и ваше поклонение, хотя и неправильное, от иудеев ведет свое начало), итак или это, или же свое пришествие в мир Он называет спасением; а лучше, не погрешит тот, кто и то и другое назовет спасением, которое, по словам Христовым, *от Иудей есть*. На то указывая, и Павел сказал: *от нихже Христос по плоти сый над всеми Бог* (Рим. IX, 5). Видишь, как Христос восхваляет Ветхий Завет и показывает, что этот завет корень благ и что сам Он ни в чем не противоречит закону. Но хотя Он и говорит, что начало всех благ от иудей, однако *грядет час и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною* (ст. 23). Мы, говорит, превосходим вас, жена, образом нашего поклонения; но и оно наконец прекратится; изменится не только место, но и самый образ служения Богу, и это уже близко: *грядет час и ныне есть*.

2. Так как пророки за долгое время изрекали свои предвещания, то Христос, отклоняя здесь подобное предположение, говорит: *и ныне есть*. Не думай, говорит, что это предсказание исполнится только спустя долгое время. Это событие уже наступает; уже скоро

истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною. Словами: *истиннии поклонницы* Он исключает иудеев вместе с самарянами. Хотя первые лучше последних, но гораздо хуже будущих поклонников, — настолько, насколько прообраз ниже истины. Говорит же Он здесь о Церкви, потому что ей свойственно истинное и достойное Бога поклонение Богу. И *Отец таковых ищет поклоняющихся Ему* (ст. 23). Если же Он издревле таковых искал, то дозволил иудейский образ поклонения не потому, чтобы Сам этого желал, а по снисхождению и для того, чтобы и иудеев привести к истине. Кто же это истинные поклонники? Это — те, которые не ограничивают служения Богу каким-либо местом, а покланяются Ему духом, как и Павел говорит: *молю вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше* (Рим. XII, 1). Когда же Христос говорит: *Дух есть Бог,* то этим выражает, что Он бестелесен. А бестелесному и служение подобает такое же и должно быть приносимо в том, что в нас есть бестелесного, то есть в душе и чистом уме. Потому и говорит: *иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися* (ст. 24). Так как и самаряне, и иудеи не радели о душе, а много имели попечения о теле, очищая его всевозможным образом, то Он и говорит, что не чистотою тела, но тем, что в нас есть бестелесного, то есть умом, должно служить Бестелесному. Итак не овец и тельцов, но себя самого принести Богу во всесожжение; это и значит: *представить жертву живу. И истиною достоит кланятися.* Прежние установления, как то: обрезание, всесожжения, жертвы, курения — были только прообразы; ныне же все истина. Не плоть надобно нам обрезывать, а лукавые помыслы, распинать себя, потреблять и умерщвлять неразумные пожелания. Изумляется жена таким словам Его, и не будучи в состоянии возвыситься до

этой высоты учения, в недоумении, послушай, что говорит: *вем яко Мессия приидет, глаголемый Христос; егда той приидет, возвестит нам вся. Глагола ей Иисус: Аз есмь, глаголяй с тобой* (25, 26). Откуда у самарян было ожидание пришествия Христова, когда они принимали только Моисея? Из самых Писаний Моисея. В самом начале он уже сообщает откровение о Сыне – слова: *сотворим человека по образу нашему и по подобию* (Быт. I, 26) сказаны к Сыну. И беседовавший с Авраамом в куще был Сын (XVIII, 1). И Иаков о Нем пророчествовал, говоря: *не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, дондеже приидут отложенная ему и той чаяние языков* (Быт. XLIX, 10). И сам Моисей говорит: *пророка от братии твоея, якоже мене, возставит тебе Господь Бог твой: того послушайте* (Втор, XVIII, 15). Также повествования о змие, о жезле Моисея, об Исааке, об агнце и многие другие могли возвещать Его пришествие желающим понять. Почему же, скажешь, Христос не указывал жене на эти прообразования, тогда как Никодиму указал на змия, а Нафанаилу напомнил пророчества; ей же ничего такого не сказал? Почему это, по какой причине? Потому, что те были мужи и занимались этими предметами, а она – жена убогая, неученая, несведущая в Писаниях. Потом Он и не беседует с нею от Писаний, а привлекает ее к Себе обещанием воды и своею прозорливостью, приводит ей таким образом на память Христа и наконец открывает Себя. Если бы Он ей сказал это с самого начала, когда она еще не спрашивала Его, то ей показалось бы, что Он говорит пустое и несбыточное. А теперь, мало-помалу приведши ей на память, благовременно открывает и Себя Иудеям, хотя они и часто говорили: *доколе души наша, вземлеши? Аще Ты еси Христос, рцы нам не обинуяся* (Ин. X, 24), – Он не давал ответа ясного; а жене самарянской прямо сказал о Себе, что Он – Христос. Это потому, что жена была

благонамереннее иудеев; они спрашивали не для того, чтобы научиться от Него, а чтобы постоянно насмехаться над Ним; а если бы они желали научиться, то для этого достаточное было поучение им и в беседах Его, и в Писаниях, и в чудесах Его. Но жена, что говорила, говорила от искреннего сердца, с чистым намерением, и это очевидно из ее последующих действий. Она и сама слушала Его и веровала, и других привлекала к вере, да и во всем видны усердие и вера жены. *И тогда приидоша ученицы Его* (Ин. IV, 27). Весьма благовременно пришли они, потому что поучение уже было окончено. *И чудяхуся, яко с женою глаголаше, обаче никтоже рече: чесо ищеши, или что глаголеши с нею?*

3. Чему они удивлялись? Кротости Его и крайнему смирению, – в том, что Он, будучи столь велик, с таким смиренномудрием благоволил беседовать с женою бедною и притом самарянкою. А хотя и удивлялись, однако не спрашивали о причине беседы. Так они были научены соблюдать обязанность учеников, так Его боялись и уважали. Хотя не имели еще тогда об Нем надлежащего понятая, смотрели однако же на Него, как на дивного человека, и питали к Нему великое уважение. Правда, во многих случаях они показывали и много смелости, как например Иоанн припадал на перси Его, или, приступив к Нему, говорили: *кто болий есть в царствии небеснем* (Мф. XVIII, 1)? Также сыны Зеведеевы просили Его, чтобы одному сидеть одесную Его, а другому ошуюю (Мк. X, 35). Почему же в настоящем случае они не спрашивали Его? Потому, что те все случаи касались их самих, и потому они имели нужду спрашивать; а настоящее обстоятельство нисколько их не касалось. Да и Иоанн делал так (то есть возлежал на персях Христа), спустя долгое время, уже под конец, когда пользовался особенной близостью к Нему и был совершенно уверен в любви Христа: Он, как сказано, был

тот ученик, *егоже любляше Иисус.* Что может сравниться с таким блаженством? Но мы, возлюбленные, не будем ограничиваться только тем, чтобы ублажать апостола, а будем все делать так, чтобы быть самим в числе ублажаемых; будем подражать Евангелисту, и для того посмотрим, чем он приобрел столь великую любовь. Чем же? Он оставил отца, лодку и сети и последовал за Христом. Но это было в нем общее с братом его, с Петром, Андреем и с другими апостолами. Что же было особенного, отчего происходила великая любовь Христова? Сам Евангелист ничего такого не говорит о себе, кроме того, что был любим Спасителем; а о доблестях, за которые был любим, по скромности умалчивает. Что Христос любил его особенною какою-то любовью, это всем очевидно; однако не видно, чтобы Он беседовал с Христом или вопрошал Его о чем-либо отдельно от прочих, как это делали часто Петр, Филипп, Иуда и Фома; только тогда; это видим, когда Иоанн хотел угодить и оказать послушание соапостолу (XIII, 24, 25). Когда первоверховный апостол побуждал его к тому знаком, тогда он и вопросил Иисуса, — потому что оба эти апостолы имели великую любовь между собою. Так видим, что они вместе и в храм входили и вместе говорили к народу. Правда, Петр всегда с большею горячностью и действует и говорит, а под конец и от самого Христа слышал: *любиши ли Мя паче сих* (Ин. XXI, 15)? А любящий *больше сих* конечно был и сам любим. Но это очевидно происходило от любви к Иисусу, а то от любви самого Иисуса. Итак, что же возбуждало особенную любовь к Иоанну? Мне кажется, то, что этот муж показывал особенную скромность и кротость; потому-то он не обнаруживал ни в каком случае смелости. А как велика эта добродетель, видно из примера Моисея, которого это именно и сделало столь великим и славным.

Со смиренномудрием ничто не может сравниться. Потому и Христос начал с него учение о блаженствах: намереваясь положить как бы основание величайшего здания, Он поставил прежде всего смирение. Без него невозможно, невозможно спастись; хотя бы кто постился, молился, подавал милостыню, но если делает с гордостью, и не имеет смирения, — все это мерзко; а если делается со смирением, то вожделенно, достолюбезно и благонадежно. Итак, смирим себя, возлюбленные, смирим; и если будем бодрствовать над собою, то эта добродетель будет для нас очень легка. Да и что в самом деле может возбуждать тебя к гордости, человек? Не видишь ли ты ничтожества твоего естества, — удобопреклонности (ко злу) твоей воли? Подумай о своей кончине, помысли о множестве грехов. Но, может быть, ты совершил много великих дел, — и потому высокомудрствуешь о себе? Но этим-то и теряешь все. Не столько грешнику, сколько добродетельному нужно заботиться о смирении. Почему так? Потому что грешник понуждаются к смирению совестью, а добродетельный, если не очень бодрствует над собою, как будто подъятый ветром, превозносится и тотчас омрачается подобно известному фарисею. Ты помогаешь бедным, но ты подаешь им не свое, а Господне, общее для всех подобных тебе рабов Его. Поэтому-то, в несчастии ближнего провидя и свое собственное и в других изучая свою природу, тем более надобно смиряться. Может быть, и мы произошли от таких же предков; а если нам досталось богатство, то оно снова может и уйти от нас. Да что такое и богатство? Тень пустая, дым исчезающий, цвет травы, или лучше сказать, и цвета ничтожнее. Что же ты надмеваешься травою? Не достается ли богатство и ворам, и любодеям, и блудникам, и расхитителям гробов? То ли надмевает тебя, что имеешь таких сообщников в стяжании? Или ты любишь честь? Но для чести

нет средства вернее милостыни: почести, приобретаемые богатством и преобладанием власти, бывают вынужденны и ненавистны для других; а почести из-за милостыни воздаются по доброй воле и по совести людей почитающих. Потому-то сами почитающие никогда не могут и отнять этих почестей. Но если люди питают такое уважение к милостивым и желают им всех благ, то подумай, какую награду, какое воздаяние получат они от человеколюбца Бога. Будем же искать этого богатства, вечно пребывающего, никогда не исчезающего, чтобы, сделавшись великими здесь и прославившись там, достигнуть вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIV

Остави же водонос свой жена, и иде во град и глагола человеком: приидите и видите человека, иже рече ми вся, елика сотворих: егда той есть Христос (Ин. IV, 28, 29)

1. Много нужно нам возбуждать в себе ревности и старания; без того невозможно получить обещанные нам блага. И Христос, показывая это, говорит: *иже не приимет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. X. 38); или: *огня приидох воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгореся* (Лк. XII, 49)? В обоих случаях Он хочет представить нам ученика горящего, пламенного, готового на всякую опасность. Такова была и жена самарянская. Она так воспламенилась от всего сказанного ей Христом, что оставила и водонос и дело, для которого приходила, и поспешив в город, весь народ увлекла к Иисусу. *Приидите*, говорит, *и видите человека,*

иже рече ми вся, елико, сотворих. Смотри, какое усердие и вместе благоразумие. Она пришла почерпать воду; но как скоро нашла истинный источник, то уже пренебрегла чувственным, научая нас этим, хотя и малым примером, что, при слушании о духовных предметах, надобно презирать все житейское и нисколько не думать о том. Жена в этом случае, по своим силам, тоже делала, что и апостолы, и еще больше. Они оставляли свои сети, когда были призваны, а она добровольно, без всякого увещания к тому, оставляет водонос и, окрыленная радостно, совершает дело благовестия. Да и не одного или другого призывает, как Андрей и Филипп, но приводит в движение весь город и ведет к Иисусу множество народа. И смотри, как она благоразумно говорит. Не говорит: *приидите и видите Христа,* а привлекает к нему людей, так же приспособляясь к ним, как и сам Христос привлек ее. *Приидите,* говорит, *и видите человека, иже рече ми вся, клика сотворих.* Да и не стыдится сказать: *рече ми вся, елика сотворих,* хотя можно было бы сказать иначе, например: приидите и видите прозорливца. Так, когда душа воспламенится огнем божественным, то уже ни на что земное не обращает внимания, ни на молву, ни на стыд; одним только занята бывает — объявшим ее пламенем. *Егда той есть Христос.* Смотри и здесь, какая мудрость в жене. Она не утверждает о Нем прямо, но и не умалчивает, — потому что не хотела увлекать их только собственным своим мнением, а желала, чтобы они, послушав Его, сами разделили ее мнение; а это делало слова ее еще более для них удобоприемлемыми. Хотя Христос обнаружил и не всю ее жизнь, но из сказанного она уверилась, что — и все прочее. Не сказала также: приидите, уверуйте; а — *приидите, видите,* что было гораздо легче и более их привлекало. Видишь ли мудрость жены? Знала она, несомненно знала, что они, лишь

только вкусят от этого источника, то испытывают тоже, что и она. Если бы (на ее месте) был человек более чувственный, то прикрыл бы сделанное ему обличение, а она открывает свою жизнь и обнаруживает перед всеми, чтобы только привлечь их и обратить ко Христу. *Между же сим моляху Его ученицы Его, глаголюще: Равви, яждь. Моляху* – на отечественном их языке значит: убеждали. Видя, что Он утомился от пути и тяготившего зноя, они убеждали Его. Но это происходило не от торопливости их в принятии пищи, а от любви к Учителю. Что же Христос? *Аз*, говорит, *брашно имам ясти, его же вы не весте. Глаголаху убо ученицы к себе: еда кто принесе Ему ясти* (ст. 32, 33)? Удивительно ли, что жена, услышав о воде, и воображала воду, когда вот и ученики тоже самое испытывают и, не помышляя ничего духовного, еще недоумевают? Впрочем они, сохраняя обычное уважение и почтение к Учителю, только между собою говорят, а Ему самому не осмеливаются предложить вопроса. Так они поступают и в других случаях, желают спросить Христа, но не спрашивают. Что же Христос? *Мое брашно есть*, говорит, *да сотворю волю пославшаго Мя и совершу дело Его* (ст. 34). Брашном Он называет здесь спасение людей, показывая тем, с какою любовью Он промышляет о нас. Как мы алчем пищи, так Он желает нашего спасения. Но послушай, как Он при всяком случае не вдруг все открывает, а сперва вводит слушателя в недоумение, чтобы он, начав исследовать сказанное и при этом недоумевая и затрудняясь, тем с большей готовностью принял искомое, когда оно уяснится для него, и тем более был возбужден к слушанию. Почему Он не тотчас сказал: *мое брашно есть, да творю волю Отца моего?* Хотя и это было неясно, все же яснее прежде сказанного. Но что Он говорит? *Аз брашно имам ясти, егоже вы не весте.* Сначала, как я сказал, Он хочет сделать их через самое недоумение более внимательными и

приучить их к тому, чтобы они выслушивали и иносказательные Его слова. В чем же состоит воля Отца? Это он высказывает и изъясняет впоследствии. *Не вы ли глаголете, яко четыре месяцы суть и жатва приидет? Се глаголю вам, возведите, очи ваши и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже* (ст. 35).

2. Вот опять близкими к ним указаниями Он возводит их к созерцанию высочайших предметов. Говоря о пище, Он разумеет не что другое, как спасение людей, намеревавшихся прийти к Нему. То же самое означают нива и жатва, то есть множество душ, готовых к принятию Его проповеди. Очи же здесь разумеет и мысленные и телесные, потому что ученики уже видели множество идущих к Нему самарян; а готовность их и предрасположение к слушанию уподобляет нивам белеющимся, — потому что как колосья, когда побелеют, готовы бывают к жатве, так и они теперь, говорит Он, к спасению приготовлены и благорасположены. Почему же не сказал Он прямо, что эти люди идут уверовать в Него и уже готовы принять Его учение, будучи оглашены пророками и принося теперь плоды, а назвал их нивою и жатвою? Что значат такие иносказания? Да и не здесь только, но и во всем Евангелие Он так делает, и пророки употребляли такой же способ, о многом говоря иносказательно. Но какая же тому причина? Ведь не напрасно же благодать Духа установила это; почему же и для чего? С двоякой целью: во-первых, чтобы слово сделать более выразительным и очевиднее представить то, о чем говорится. Ум, занятый образами из обыкновенных предметов, больше возбуждается и, видя как бы на картине изображения, более увлекается ими. Это первая причина. Во-вторых, для того, чтобы усладить речь и чтобы сказанное лучше утвердилось в памяти. Простые изречения не так усвояются и не так привлекают внимание большинства слушателей, как из-

ложение их при помощи предметов и предметное изображение их. Это, как можно видеть, с великою мудростью сделано в настоящей притче. *И жняй мзду приемлет и собирает плод в живот вечный* (ст. 36). Плод земной жатвы служит не для вечной, а для временной жизни; духовный плод напротив – к жизни не стареющейся, бессмертной. Видишь ли, – слова чувственные, а смысл духовный, и самым образом выражений отделяется земное от небесного. Как, беседуя о воде и изображая свойства ее, Он говорил, что *пияй от воды сия не вжаждется во веки,* так и здесь говорит, что этот плод собирается для жизни вечной. *Да и сеяй вкупе радуется и жняй.* Кто это *сеяй* и кто *жняй?* Сеятелями были пророки, но они сами не жали, а апостолы; однако не лишены за это радости и награды за труды, а вместе с нами радуются и веселятся, хотя и не жнут с нами, – так как жатва и сеяние не одно и тоже. Поэтому, где труд меньше, а утешения больше, на то Я и соблюл вас, а не для сеяния. В сеянии много тяжкой работы и труда; а в жатве много прибытка, но труд не такой, это легче. Этим Он хочет показать, что и желанием пророков было – чтобы люди обращались к Нему. К этому и закон приготовлял. Для того они и сеяли, чтобы произвести этот плод. Он показывает также, что Он и пророков посылал, и что Новый и Ветхий Заветы имеют великое сродство между собою. Все это Он дает видеть вместе посредством настоящей притчи. При этом припоминает и употребляемое многими присловие: о *семь бо,* говорит, *слово есть истинное, яко ин есть сеяй и ин есть жняй* (ст. 37). Так говорят многие, когда одни подвергались трудам, а другие пожинают плоды; Он и говорит, что это присловие в настоящем случае очень справедливо. Трудились пророки, а вы собираете плоды трудов их. Не сказал: получаете их награды, а: *плоды,* – потому что и великий труд пророков не остает-

ся без награды. Так и Даниил сделал: и он припомнил притчу, которая говорит: *от беззаконник изыдет преступление* (1 Пар. XXIV, 14). Давид также во время плача вспомнил ее. Поэтому Христос и сказал прежде: *да и сеяй вкупе радуется и жняй.* Так как он намеревался сказать, что *ин есть сеяй и ин есть жняй,* то, чтобы кто-нибудь, как я сказал, не подумал, будто пророки лишены награды, Он и говорит нечто странное и неожиданное, не бывающее в делах чувственных, но — в духовных составляющее особенность их. В делах чувственных, если бы случилось, что один посеял, а другой пожал, то оба они вместе не стали бы радоваться; но сеявший скорбел бы, что трудился для других, а радовался бы только жнущий. Здесь же не так; но и не жнущие того, что посеяли, радуются вместе с жнущими. Отсюда ясно, что и они участвуют в награде. *Аз послах вы жати, идеже вы не трудистеся: инии трудишася, и вы в труд их внидосте* (ст. 38). Этим-то особенно Он ободряет учеников.

Им казалось трудным делом пройти вселенную с пропеведью, а Он дает видеть, что это весьма легко. Бросать семена и приводить не освященные души к богопознанию — вот что было трудно и требовало много усилий. Для чего же Он говорит об этом? Для того, чтобы, когда пошлет их на проповедь, они не страшились, как посылаемые на дело трудное. Поприще пророков, говорит Он, было гораздо труднее, а вы, как самое дело показывает, идете на труд более легкий. Как в жатве легко собирается плод, в короткое время житница наполняется снопами и уже не опасаются перемены времен, зимы, весны и дождя, так и теперь самые дела говорят за себя. Между тем, когда Он говорил это, приходят самаряне, и тотчас собран плод: поэтому-то Христос и сказал: *возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть.* Сказал — и это оказалось на

деле, и слова Его подтвердились событиями, потому что *от града того мнози вероваша в Он от Самарян, за слово жены свидетельствующия, яко рече ми вся, елика сотворих* (ст. 39). Они видели, что жена не могла по угодливости превозносить похвалами того, кто обличил ее грехи, или в угодность кому-либо другому обнаруживать свою жизнь.

3. Будем подражать и мы этой жене, и в собственных грехах не людей будем стыдиться, но убоимся, как должно, Бога, который и ныне видит дела наши, и в будущем веке накажет непокаявшихся. А мы делаем противное. Того, который будет нас судить, не боимся, а перед теми, которые не могут сделать нам никакого вреда, мы трепещем и боимся от них бесчестия. Поэтому чего мы боимся, тем и будем наказаны. Кто ныне опасается стыда от людей только, а не стыдится делать что-либо непотребное перед всевидящим Богом, притом не хочет и покаяться и исправиться, тот в будущий день не перед одним или двумя человеками, а в виду всей вселенной будет выставлен на позор. А что и добрые и худые дела тогда будут выставлены на великое зрелище, пусть научит тебя притча об овцах и козлищах и блаженный Павел, который говорит: *всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовым, да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. V, 10); также: *иже во свете приведет тайная тмы* (1 Кор. IV, 5). Ты сделал что-нибудь худое, или только подумал о том, и скрываешь от людей? А от Бога не скроешь. Но ты нисколько об этом не заботишься, а глаза людей — вот что страшно тебе. Подумай же, что и от людей ты ничего в тот день не сможешь утаить. Тогда все, как на картине, представлено будет глазам нашим, так что каждый станет судьей самому себе. Это видно и из притчи о богатом. Богатый видит перед глазами своими презренного им нищего, — говорю о Лазаре, — и

того, кем так часто гнушался, теперь просит дать ему перст свой в утешение. Итак умоляю, — хотя бы и никто не видел наших дел, пусть каждый из нас обратится к своей совести, поставит самому себе судьей свой разум и раскроет перед ним свои согрешения. И если не желаем быть посрамленными в тот страшный день, уврачуем наши язвы, приложим к ним врачество покаяния. Можно ведь, истинно можно выйти здоровым, хотя бы кто покрыт был тысячами ран: *аще бо,* сказано, *отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный; аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших* (Мф. VI, 14).

Как в крещении погружаемые грехи исчезают, так и эти уничтожатся, если захотим покаяться. Покаяние же состоит в том, чтобы уже не делать впредь того же, а кто принимается за прежние дела, тот уподобится псу, возвращающемуся на свою блевотину (2 Петр. II, 22) и тому, который, по пословице, бьет шерсть над огнем и черпает воду решетом. Итак надобно и делом и мыслью отставать от поползновений греховных; а, отстав, прилагать к ранам противоположные грехам врачевства. Укажу некоторые примеры. Ты — хищник и лихоимец? Отстань от хищения и приложи к ране милостыню. Ты блудодействовал? Отстань от блуда и приложи к этой язве целомудрие. Сказал что-нибудь худое о ближнем и повредил ему? Оставь злословие, приложи дружелюбие. Станем так делать и с каждым из наших согрешений, и ни одного из них не будем оставлять без внимания. Настоит уже, настоит время отчета. Потому и Павел говорит: *Господь близ, ни о чемже пецытеся* (Флп. IV, 6). Но нам, может быть, следует сказать противное: *Господь близ; пецытеся.* Филиппийцам кстати было слышать: *ни о чемже пецытеся,* потому что они были в скорби, трудах и подвигах. А тем, которые живут в хищении, сластолю-

бии, которые должны дать тяжкий за это отчет, — тем справедливее вот что услышать: *Господь близ; пецытеся.* Немного уже остается времени до конца; мир уже устремится к концу. Это показывают брани, скорби, землетрясения, охлаждение любви. Как тело при последнем издыхании, близ смерти, подвергается бесчисленным недугам; как в доме, когда он близок к разрушению, обыкновенно многое падает и с кровли и со стен, так близок, при дверях конец вселенной, и поэтому-то распространяются повсюду бесчисленные злополучия. И если тогда Господь уже *близ* был, то гораздо более ныне. Если за четыреста лет, когда это было сказано, Павел назвал то время *исполнением времен,* то тем более следует назвать так настоящее время. Хотя может быть поэтому самому некоторые не верят, но, напротив, поэтому-то наиболее и надобно веровать. Откуда в самом деле ты знаешь, человек, что конец мира еще не близок и что сказанное еще не скоро сбудется? Концом года мы называем не последний только день его, а и последний месяц, хотя он имеет тридцать дней; так я не погрешу, если в таком числе годов назову концом и четырехсотый год. Таким образом апостол уже в свое время предвозвещал о кончине. Смиримся же, и будем жить в страхе Божием. А если мы живем в беспечности, в нерадении, и не ожидаем ничего, то настанет внезапно пришествие. Объясняя это, Христос сказал: *якоже бысть во дни Ноевы и якоже во дни Лотовы, тако будет и в скончание века сего* (Мф. XXIV, 37). Это и Павел замечает, говоря: *егда рекут: мир и утверждение, тогда внезапу нападет на ниж всегубительство, якоже, болезнь во чреве имущей* (1 Сол. V, 3). Что это значит: *якоже болезнь во чреве имущей?* Часто беременные женщины, во время забав, или обеда, или в бане, или на площади, ничего не ожидая впереди, внезапно бывают застигнуты болезнями рождения. А как и наше состояние таково, то бу-

дем всегда готовы. Не всегда же мы будем слышать об этом, не всегда будем иметь к тому возможность: *во аде же*, говорит Писание, *кто исповестся Тебе* (Пс. VI, 6)? Покаемся же здесь, чтобы таким образом умилостивить Бога в грядущий день и получить от Него прощение, которого и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXV

Егда убо приидоша к Нему Самаряне, моляху Его, дабы пребыл у них: и пребысть ту два дня. И много паче вероваша за слово Его. Жене же глаголаху, яко не ктому за твою беседу веруем; сами бо слышахом и вемы, яко сей есть воистину Спас миру Христос. По двою же дню изыде от них и иде в Галилею (Ин. VI, 40, 42)

1. Нет ничего хуже зависти и ненависти: нет ничего бедственнее тщеславия. Они обыкновенно губят бесчисленные блага. Иудеи, имевшие и большее, чем самаряне, знание и воспитанные пророками, здесь оказались ниже самарян. Самаряне по одному свидетельству жены уверовали и, не видя никакого чуда, пришли просить Христа, чтобы Он остался у них. А иудеи, видевшие и чудеса, не только не удерживали Его у себя, но даже отгоняли и все делали так, чтобы совершенно удалить Его из страны своей. Хотя и пришествие Его совершилось собственно для них, но они гнали, тогда как самаряне просили, чтобы Он пребыл у них. Итак, скажи мне: ужели не следовало идти к ним, когда они просили и требовали того, и, оставаясь у тех, которые злоумышляли и отвергали Его, не отдавать себя людям, возлюбившим Его и желавшим удержать Его при себе? Нет,

это было бы недостойно Его промышления. Поэтому-то и принял Христос их просьбу и пребыл у них два дня. Они хотели бы и навсегда удержать Его (как видно из слов Евангелиста: *моляху Его, дабы пребыл у них);* однако Он не допустил этого, а только два дня оставался у них. И в эти дни еще многие уверовали в Него. Хотя и не легко, казалось бы, им было уверовать, потому что и чуда никакого не видели и были во вражде с иудеями, но, как они правильно судили о Его учении, то это и не препятствовало им, но напротив они возимели такое о Нем понятие, которое было выше этих препятствий, и на перерыв более и более показывали Ему свое удивление. Жене они говорили: *не ктому за твою беседу веруем: сами бо слышахом и вемы, яко* сем *есть воистину Спас миру Христос.* Ученики превзошли учительницу. Они и иудеев могли бы по справедливости осудить, и потому, что уверовали, и потому, что приняли Христа. Иудеи, о которых Он прилагал всевозможное попечение, часто бросали в Него камни, напротив самаряне привлекали Его к себе, хотя Он и не к ним шел. Те и после чудес остаются неисправимы, а эти и без чудес показали великую веру в Него; и то именно составляет их честь, что без чудес уверовали, иудеи же не переставали требовать чудес и искушать Его. Так во всем нужна благонамеренность души; если коснется такой души истина, то удобно овладевает ею; а если не овладевает, то это происходит не от слабости самой истины, а от неразумия души. Так и солнце, когда касается чистых глаз, то легко освещает; если же не доставляет света, то это знак не бессилия солнечного света, а болезни глаз. Но послушай, что говорят самаряне: *вемы, яко сей есть воистину Спас миру Христос.* Видишь ли, как скоро они поняли, что намерение Христа было привлечь к Себе вселенную, что Он пришел совершить общее спасение и хотел не одними иудеями ограничивать Свое промышле-

ние, но всюду посеять свое слово? Не так поступали иудеи, но *свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинушася* (Рим. X, 3). Самаряне исповедуют, что все люди виновны, как бы выражая учение апостольское, что *вси согрешита и лишени суть славы Божией, оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. III, 23). Говоря: *Спас мира*, самаряне конечно разумели мир погибший, и не просто Спасителя, но в делах весьма великих, потому что многие приходили спасать – и пророки и ангелы; но истинный Спас *сей есть*, говорят самаряне, – Тот, кто подает истинное спасение, а не временное только. Таков дух искренней веры! Поэтому и в том и другом отношении самаряне достойны удивления: во-первых, что уверовали, во-вторых, что уверовали без чудес. Таких и Христос ублажает, говоря: *блажени не видевшии и веровавше* (Ин. XX, 29). Притом они уверовали искренно, хотя жена говорила им еще с сомнением: *егда той есть Христос?* Но они не говорят подобно ей: и мы предполагаем это, или: и мы так думаем, но говорят: *вемы*, и не просто, а – *яко сей воистину Спас миру*. Не как обыкновенного человека исповедали они Христа, но как истинного Спасителя. Кого же они видели спасенного Христом? Они слышали только слова Его, а говорят так, как будто видели многие и великие чудеса. Но почему евангелисты не говорят нам, о чем беседовал с ними Христос и что так было дивно для них? Знай, что евангелисты многие из великих изречений Его опускают, но все объясняют самым исходом дел: и здесь Христос Своим словом обратил к Себе весь народ и целый город. А где люди не убеждались Его словами, там (евангелисты) вынуждены были излагать Его учение, чтобы из-за нерадения слушающих не подверг кто-нибудь осуждению Проповедующего. *И по двою дню изыде оттуду и иде в Галилею. Сам бо Иисус засвидетельствова, яко пророк во своем отечествии чести не имать* (Ин. IV, 43, 44). Почему это

прибавлено? Потому, что Он не пошел в Капернаум, но в Галилею, а оттуда в Кану. А чтобы ты не изыскивал, почему Он у своих не остался, а у самярян, Евангелист представляет ту причину, что Его там не слушали. Поэтому и не пошел туда, чтобы не было им за то тем большего осуждения.

2. А отечеством Его, я думаю, здесь называется Капернаум. Что действительно там не было Ему чести, послушай, как Он сам говорит: *и ты, Капернауме, до небес вознесыйся, до ада низведешися* (Лк. X, 15). Отечеством же Своим называет Он Капернаум или по отношению к Своему воплощению, или потому, что большей частью там пребывал. Что же? – скажешь ты, – не видим ли мы, что многие и у своих пользуются честью? Видим, конечно; но по редким случаям не должно судить. Если некоторые люди были почитаемы в своем отечестве, то в чужом гораздо более, – потому что привычка заставляет относиться пренебрежительно. *Егда же прииде в Галилею, прияша Его Галилеане, вся видевше, яже сотвори во Иерусалимех в праздник, и тии бо приидоша в праздник* (ст. 45). Видишь ли, что люди, наиболее охуждаемые, оказываются тем более усердными к Нему? Один говорил: *от Назарета может ли что добро быти* (Ин. I, 46)? Другой: *испытай и виждь, яко пророк от Галилеи не приходит* (Ин. VII, 52). И это говорили в упрек Ему, потому что многие думали, что Он из Назарета; поносили Его также именем самарянина, – говорили: *самарянин бо еси и беса имаши* (46). Но вот, к стыду иудеев, и самаряне и галилеяне веруют в Него. Самаряне однако оказываются еще лучше галилеян. Самаряне приняли Его по одному свидетельству жены, а галилеяне тогда уже, когда увидели совершенные Им чудеса. *Прииде же паки Иисус в Кану галилейскую, идеже претвори воду в вино* (Ин. IV, 46). Евангелист приводит здесь слушателю на память чудо, возвышая этим славу самарян. Галилеяне приняли Его

после чудес, совершенных Им у них и в Иерусалиме, а самаряне – только за учение. Итак, Евангелист сказал только, что Иисус пришел, в Кану, но не присовокупил причины, по которой пришел. В Галилею Он удалялся по причине ненависти иудеев; но почему в Кану? В первый раз Он был зван туда на брак; но почему и для чего пришел теперь? Мне кажется, для того, чтобы веру, произведенную чудом, еще более укрепить своим пребыванием и еще более привлечь тем, что Сам добровольно пришел к ним, оставил Свое отечество, и предпочел их. *Бе же некий царев муж, его же сын боляше в Капернауме. Сей, слышав, яко Иисус прииде от Иудеи в Галилею, иде к нему и моляше Его, да снидет и исцелит сына его* (ст. 47). Этот муж или был от рода царского, или имел какое-либо достоинство власти, так (царским) называемое. Некоторые думают, что это – тот самый, о котором сказано у Матфея. Но что это – другое лицо, видно не только по достоинству, но и по вере. Тот, когда Христос Сам хотел прийти к нему, просил Его не ходить, а этот, хотя Христос и не обещал ему ничего такого, увлекает Его в дом свой. Тот говорит: *несмь достоин, да под кровъ мой внидеши* (Мф. VIII, 8); а этот даже понуждает, говоря: *сниди, прежде даже не умрет отроча мое* (Ин. IV, 49). Так же у Матфея Иисус, сошедши с горы, приходит в Капернаум, а здесь муж царев приступает к Нему, когда Он пришел из Самарии, и не в Капернаум, а в Кану. У того отрок лежал в расслаблении, а у этого – в горячке. *И иде к нему и моляще, да исцелит сына его: имеяше бо умрети* (ст. 47). Что же Христос? *Аще знамений и чудес не видите*, говорит, не *имате веровати* (ст. 48). Однако и то уже показывало веру, что он пришел и просил; да и после свидетельствует об этом Евангелист, говоря, что, когда Иисус сказал: *иди сын твой жив есть, – верова человек словеси, еже рече ему Иисус, и идяше* (ст. 50). Что же значат слова (Христовы?) Он ска-

зал их или в похвалу самарян, так как они уверовали в Него без чудес, или в упрек мнимому своему городу Капернауму, откуда был тот человек. Так и другой некто, упоминаемый у Марка, говорил: *верую Господи, помози моему неверию* (Мк. IX, 23). Таким образом, хотя он и веровал, но не совершенно и не твердо. И это видно из его любопытства о том, в котором часу болезнь оставила его сына. Он хотел дознать, случилось ли это само собою, или по повелению Христову. Когда же узнал, что это случилось накануне в час седьмой, то уверовал и сам и весь дом его. Видишь ли, что он тогда уверовал, когда слуги ему сказали, а не тогда, когда сказал Христос? Итак, Христос обличает мысль его, с которою он пришел и говорил такие слова; а таким образом еще больше привлек его к вере, потому что прежде чуда он не очень расположен был к вере. Но что он приходил и просил Христа, в этом нет ничего удивительного, потому что родители, по великой любви (к детям), обыкновенно обращаются не только к таким врачам, которым совершенно доверяют, но совещаются и с теми, на которых не много надеются, не желая ничего упустить. Притом этот человек только случайно приходил ко Христу, когда Христос пришел в Галилею, тогда только узнал Его. А если бы он крепко веровал, то не поленился бы, как скоро сын был при смерти, прийти в Иудею; если же боялся, то и это не извинительно. Но заметь, как и самые слова обнаруживают слабость этого человека. Следовало бы, если не прежде, то по крайней мере после обличения его мысли, получить высокое понятие о Христе, — между тем, смотри, как он еще пресмыкается долу. *Сниди,* говорит, *прежде даже не умрет отроча мое,* как будто Христос не мог бы воскресить его, если бы отрок и умер, и как будто бы Христос не знал, каково состояние отрока. Поэтому-то Иисус и обличает его и касает-

ся самой совести, показывая, что чудеса делаются главным образом ради души. Здесь Он исцеляет и отца, немощствующего душою не меньше сына, научая нас внимать Ему не ради чудес его, а ради учения Его, – потому что чудеса совершаются не для верных, а для неверующих и грубых людей.

3. Тогда этот человек, от скорби, не очень внимал словам Спасителя, разве тем только, которые касались его сына; после же он должен был усвоить себе сказанное и получить от этого величайшую пользу. Так и случилось. Но почему Христос к сотнику сам добровольно обещал прийти, а здесь и на зов не идет? Потому, что у сотника вера была совершенна; и Христос обещал прийти к нему, чтобы мы знали благонамеренность этого человека, к этому же не пошел, потому что он был еще не совершен. А так как он всячески понуждал Иисуса, говоря: *сниды*, и еще не понимал ясно, что Он и отсутствуя может исцелить, то Христос показывает, что и это Ему возможно, чтобы тот из самого непосещения Иисусова узнал о Нем то, что сотник знал сам собою. Когда же сказал: *аще знамений и чудесь не видите, не имате веровати*, то этим выразил следующее: вы еще не имеете надлежащей веры, но еще относитесь ко Мне, как какому-либо пророку. Итак, открывая Себя самого, и показывая, что в Него должно веровать и без чудес, Он сказал здесь тоже, что говорил Филиппу: *не веруеши ли, яко Аз во Отце и Отец во Мне? Аще ли же ни, за та дела веру имите Ми* (Ин. XXVI, 10, 11). *Абие же, входящу ему, се раби его сретоша его и возвестиша ему, глаголюще, яко сын твой жив есть. Вопрошаше убо от них о часе, в который легчае ему бысть, и реша ему: яко вчера в час седьмый остави его огнь. Разуме же отец, яко той бе час, в оньже рече ему Иисус, яко сын твой жив есть: и верова сам и весь дом его* (Ин. IV, 51–54). Видишь ли, как открылось чудо? Не просто, не обыкновенным образом от-

рок избавился от опасности, но вдруг, так что, очевидно, это произошло не естественным порядком, а силою Христовою. Отрок, находясь при самых дверях смерти, как выражал это и сам отец, сказав: *сниди, прежде даже не умрет отроча мое,* – вдруг освободился от болезни, что возбудило внимание и домашних слуг. Вероятно они вышли навстречу не для того только, чтобы возвестить, но и потому, что пришествие Иисуса считали уже излишним: они ведь знали, что господин их пошел к Иисусу, почему и встретились с господином на том же пути. Тогда-то человек этот, освободившись от страха, преклоняется наконец к вере; но желая показать, что это было следствием его путешествия, он заботится и о том, как бы не сочли его труда излишним; поэтому-то все тщательно хочет разузнать. *И верова сам и весь дом его.* Доказательства (чуда) не подлежали уже никакому сомнению. Хотя слуги его не присутствовали там, не слышали беседы Христовой, не знали даже времени (когда она была), однако, узнав от господина своего, что это было в то самое время, (когда исцелен отрок), имели уже несомненное доказательство силы Христовой: поэтому и они уверовали.

Чему же из этого мы научаемся? Не ожидать чудес, не искать залогов Божией силы. Я вижу, что и ныне многие тогда только делаются более благочестивыми, когда или в страданиях сына, или в болезни жены получат некоторое утешение. А надобно, и не получая утешений, всегда равно благодарить и славить Бога. Таково свойство рабов благомыслящих; рабам верным и любящим, как должно, своего Господа, свойственно прибегать к Нему не только тогда, когда Он милует их, но и когда наказывает. И последнее есть дело божественного промышления. *Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет* (Евр. XII, 6). Кто служит Ему только тогда, когда находится в безопасно-

сти, тот показывает этим еще не большой знак любви и не чисто любит Христа. Но что я говорю о здравии, изобилии благ, бедности или болезни? Если бы ты даже о геенне услышал, или о другом каком-либо бедствии, и тогда не переставай славословить Господа: все надобно терпеть и переносить по любви к Нему. Это долг рабов верных и души непоколебимой. Поступающий таким образом и настоящие скорби легко перенесет, и будущие получит блага, и великое дерзновение будет иметь перед Богом, чего и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVI

Сие паки второе знамение сотвори Иисус, пришед от Иудеи в Галилею. По сих же бе праздник иудейский, и взыде Иисус во Иерусалим (Ин. IV, 54; V, 1)

1. Как в золотых рудниках опытный в этом деле не оставит без внимания ни малейшей жилы, потому что она может доставить великое богатство, так и в божественных Писаниях не безвредно опускать даже одну черту или йоту, а надобно исследовать все. Все в них сказано Духом Святым и ничего нет излишнего. Обрати же внимание и здесь на то, что говорит Евангелист: *сие паки второе знамение сотвори Иисус, пришед от Иудеи в Галилею.* Не напрасно прибавил: *второе,* а еще превозносит дивный поступок самарян, показывая, что жители Галилеи, даже после второго знамения, которое они видели, не достигли высоты тех (самарян), которые ничего не видели. *По сих же бе праздник иудейский.* Какой праздник? Мне кажется, праздник Пятидесятницы. *И взыде Иисус во Иерусалим* Он часто приходил на праздники в этот город, частью для того, чтобы ка-

заться празднующим вместе с иудеями, а частью для того, чтобы привлекать к Себе незлобивый народ. Эти простосердечные люди наиболее сходились в эти праздники. *Есть же во Иерусалимех овчая купель, яже глаголется еврейски Вифезда, пять притвор имущи. В тех слежаше множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды* (Ин. V, 2, 3). Что это за способ врачевания? Какое здесь таинство нам указывается? Не напрасно же и не без причины написано это; здесь как бы в образе и подобии представляется нам будущее, чтобы, когда случится нечто весьма необычайное и неожиданное, не поколебалась у многих сила веры. Что же здесь изображается? Намерение было даровать нам крещение, имеющее в себе великую силу и величайшие блага, крещение, очищающее от всех грехов и людей из мертвых делающее живыми. Вот это-то, как бы в образе, и предызображается здесь в купели, как и во многих других установлениях. Так предварительно Бог даровал воду, очищающую нечистоты тела, скверны не существенным, а только кажущаяся такими, — каковы например, от прикосновения к умершим, от проказы и от других подобных причин. Да и многое в Ветхом Завете, как видим, совершалось с этою целью посредством воды. Но возвратимся к своему предмету. Итак Бог, как я сказал, установил сначала очищение посредством воды нечистот телесных, а потом и различных болезней. Желая привести нас ближе и ближе к благодати крещения, Он врачует уже не одни нечистоты, но и болезни. Действительно образы ближайшие к истине (то есть по времени ближайшие к Новому Завету), как относительно крещения, так и страданий и других предметов, были вообще явственнее прообразов древнейших. Как ближайшие к царю оруженосцы блистают светлее тех, которые от него стоят в отдалении, так было и в преобразованиях. Ангел сходил и возму-

щал воду, и сообщал ей целебную силу, чтобы внушить иудеям, что тем более Господь ангелов может исцелять все болезни душевные. Но как здесь врачевала не просто естественная сила воды (иначе это бывало бы завсегда), но действием ангела, так и над нами вода не сама по себе действует, но когда восприимет благодать Духа, тогда и очищает все грехи. Около этой купели лежало великое множество больных, слепых, хромых, сухих, ожидавших движения воды. Но тогда слабость была препятствием для желающего получить исцеление, а ныне всякий свободно может приступать. Не ангел воду возмущает, а Господь ангелов совершает все это. И уже не может болящий сказать: *человека не имам; егда же прихожду аз, ин прежде мене слазит* (ст. 7). Но хотя бы стекалась вся вселенская, благодать не оскудевает и сила ее не истощается, а остается всегда одинакова, как и прежде. Как солнечные лучи светят каждый день и не истощаются, и свет их от излияния на многие предметы не уменьшается, так и еще более сила Духа нисколько не уменьшается от множества приемлющих ее. А так было для того, чтобы видевшие, как водою могут быть исцеляемы болезни телесные, и испытавшие это в течение долгого времени, легче поверили, что могут быть исцеляемы и болезни душевные. Но для чего Иисус, оставив всех, подошел к тому, который болел тридцать восемь лет? И для чего спрашивает: *хощеши ли цел быти* (ст. 6)? Не для того, чтобы узнать об этом (это было бы излишне), а чтобы обнаружить его терпение и нас вразумить, что поэтому-то именно Он, оставив других, подошел к нему. Что же больной? *Отвеща ему и рече: ей, Господи, человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель: егдаже прихожду аз, ин прежде мене слазит* (ст. 7). Для того Христос и спросил: *хощеши ли цел быти,* чтобы мы узнали все это. Не сказал однако ж ему: хочешь ли, Я исцелю те-

бя? – потому что тогда еще не имели о Нем столь высокого мнения; а говорит: *хощеши ли цель быти?* Но изумительно терпение расслабленного. Находясь в болезни тридцать восемь лет и каждый год ожидая исцеления, он оставался тут и не отходил. Ведь если не продолжительность прошедшего времени, то неверность будущего могла бы отвлечь его от этого места, когда бы он не был так терпелив. Представь себе, как без сомнения и другие страждущие там были бдительны; да и время, в которое возмущалась вода, не было известно. Впрочем хромые и увечные могли наблюдать; как же видели слепые? Они, может быть, узнавали о движении воды из происходившего при этом шума.

2. Итак устыдимся, возлюбленные, устыдимся и будем оплакивать великое наше нерадение. Тот тридцать восемь лет ожидал и не получал, чего желал, однако не отходил; и не получал не по собственному нерадению, а потому, что находил препятствия со стороны других и терпел насилие; но при всем том не ослабевал духом. А мы, если только десять дней проведем в ожидании того, чего усиленно просим и если не получим, то уже не расположены бываем употребить снова то же старание. Ради людей мы усердствуем столь долгое время, и служа в войсках и тяжкие работы исправляя, и исполняя раболепные услуги, хотя наконец часто теряем и самую надежду (на награду); а ради Господа нашего, от которого, без сомнения, можем получить награды гораздо больше самых трудов (*упование не посрамит*, говорит Писание [Римл. V, 5]), – мы не стараемся показать надлежащее усердие – мы не терпим. Какого же наказания заслуживает это? Хотя бы мы и ничего не получили от Него, одно продолжительное собеседование с Ним не следует ли считать стоящим бесчисленных благ? Но постоянная молитва, говоришь ты, трудное дело. А какое из добрых дел, ска-

жи мне, не трудно? Да в том-то, скажешь ты, и затруднение большое, что с пороком сопряжено удовольствие, а с добродетелью труд. Я думаю, многие на это ищут объяснения. Какая же тому причина? Вначале Бог даровал нам жизнь, свободную от заботы и чуждую трудов; но мы не воспользовались, как должно этим даром, а развратились по нерадению и лишились рая. Тогда-то Бог соделал уже жизнь нашу многотрудною, и, в оправдание свое перед родом человеческим, как бы так говорит: Я даровал вам сначала наслаждения; но вы от своеволия соделались худшими; поэтому Я определил наложить на вас труды и пот. Когда же и труды не обуздали нас, Он дал закон, содержащий в себе заповеди, наложив на нас, как на коней неукротимых, узды и путы, чтобы удержать порывы, как делают укротители коней. Вот почему жизнь наша сопряжена с трудами, так как без трудов мы обыкновенно развращаемся. Природа наша не может бездействовать, а иначе легко преклоняется ко злу. Положим, например, что человеку целомудренному, или отличающемуся какою-либо другой добродетелью, не нужны были бы никакие подвиги, а он бы и спал и однако ж во всем успевал: к чему бы привело такое ослабление? Не к гордости ли и высокомерию? Да для чего же, говоришь ты, со злом сопряжено великое удовольствие, а с добродетелью великий труд и тягость? Но какая же была бы тебе и благодать, или за что ж бы ты получил награду, если бы это было дело не трудное? Я и теперь могу указать многих таких, которые по природе отвращаются от общения с женщинами и убегают, как чего-нибудь скверного, самой беседы с ними; но скажи мне, называть ли их за то целомудренными и будем ли мы их увенчивать и прославлять? Никак. Целомудрие есть воздержание и преодоление похотей борьбою. Так и на войне, чем сильнее битва, тем блистательнее тогда

бывает и торжество, а не тогда, когда никто и рук не поднимает. Есть много и смирных по природе людей: можем ли называть их кроткими? Никак. Так и Христос, говоря о трех родах скопцов, два из них оставляет без венцов, а один вводит в царствие (Мф. XIX, 12). Да для чего, скажут, нужно зло? И я тоже говорю: но кто же виновник зла? Кто другой, как не наше произвольное нерадение? Но надлежало бы быть, говоришь, одним добрым. А какое свойство добра? Трезвиться ли и бодрствовать, или спать и предаваться беспечности? А почему, скажешь, не признано за лучшее, чтобы добро делалось без труда? Такие слова свойственны животным и чревоугодникам, которые почитают богом свое чрево. Что это слова лености, вот – суди: если бы где-нибудь были властитель и военачальник, и властитель бы спал или пиршествовал, а военачальник с великими трудами одерживал бы победы: кому из них ты вменил бы славу? Кому принадлежал бы плод радостных событий? Видишь, что душа более расположена бывает к тому, в чем более труждается. Потому и Бог соединил с добродетелью труды, желая прилепить к ней душу. Потому-то мы удивляемся добродетели, хотя сами ее и не исполняем; а порок порицаем, хотя он кажется и весьма приятен. Ты спросишь: почему мы не удивляемся людям добрым по природе, а более тем, которые таковы по свободному произволению? Это потому, что справедливость требует предпочитать трудящегося нетрудящемуся. А почему, скажешь, мы ныне трудимся? Потому, что ты не хотел вести благоразумно жизнь без трудов. Если исследовать внимательно, то ведь бездействие и без того обыкновенно развращает нас и причиняет много трудов. Например, оставим в заключении какого-нибудь человека и станем только кормить его и наполнять его чрево, не позволяя ему ни ходить, ни заниматься каким-либо делом; пусть он

наслаждается трапезою и ложем и постоянно пресыщается: может ли что быть несчастнее такой жизни? Но иное дело, скажешь, заниматься чем-нибудь, а иное – трудиться; ведь можно же было тогда (то есть в первобытном состоянии) делать без трудов? Не так ли? Конечно так; этого и Бог хотел, да ты сам не стерпел. Бог повелел тебе возделывать рай, назначив в этом тебе занятие, но не присоединив к этому никакого труда; а если бы и вначале у человека был труд, то после Бог не возложил бы на него труда в виде наказания. Можно делать и не труждаться, как то свойственно ангелам. А что они занимаются делом, послушай, как говорит о том Писание: *силнии крепостию творящии слово Его* (Пс. CII, 20). Теперь недостаток силы делает нам много труда, а тогда этого не было, так как *вшедый в покой Его*, говорит Писание, *почи от дел своих, яко же и от своих Бог* (Евр. IV, 4), – разумея здесь не бездействие, а нетрудность дела. Бог еще и ныне действует, как говорит Христос: *Отец мой доселе делает и Аз делаю* (Ин. V, 17). Итак, убеждаю вас, отложив всякое нерадение, поревновать о добродетели. Удовольствия порока кратковременны, а скорбь постоянна; от добродетели же напротив радость нескончаемая, а труд – только временный. Добродетель, еще прежде получения венцов, утешает своего труженика, питая его надеждами, а порок, еще прежде наказания, казнит своего последователя, терзая и устрашая его совесть и заставляя на все смотреть с подозрением. А это не хуже ли самых великих трудов, всякого изнурения? А если бы даже этого не было, а было бы одно удовольствие, может ли что быть ничтожнее такого удовольствия? Оно, как скоро является, так и исчезает, увядая и убегая прежде, нежели успеем возобладать им, разуметь ли здесь удовольствия плоти, или роскоши, или богатство: ведь все это каждодневно не переста-

ет стареть. А когда последует еще и наказание и мучение, – что может быть несчастнее людей, предающихся пороку? Итак, зная это, будем терпеть все ради добродетели; таким образом мы сподобимся и истинной радости, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVII

Глагола ему Иисус: хощеши ли цел быти? Отвеща Ему недужный: ей, Господи, человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель (Ин. V, 6, 7)

1. Велик плод от божественных Писаний и значительна от них польза. Павел, показывая это, говорит: *елика преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася, да терпением и утешением Писаний упование имамы* (Рим. XV, 4). Слово божественное есть сокровищница всякого рода врачеств; так, нужно ли смирить надменность, или обуздать похоть, или подавить пристрастие к деньгам, или преодолеть скорбь, или внушить благодушие и расположить к терпению, для этого всякий может найти там великую помощь. Кто из тех, которые борются с продолжительным убожеством, были одержимы тяжкою болезнью, прочитав предложенное теперь место, не получит великого утешения? Вот расслабленный, оставаясь в таком положении тридцать восемь лет, видя каждый год, как другие исцелялись, а он сам все еще одержим болезнью, однако же не падал духом и не отчаивался, хотя не только безотрадное прошедшее, но и безнадежность в будущем довольно могли поколебать его. Вот послушай, что он говорит, и пойми великость его страдания. Когда Христос сказал: *хощеши ли цел*

быти, он отвечал: *ей Господи, но человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель.* Что может быть жалостнее этих слов? Что горестнее такого положения? Видишь ли сердце сокрушенное от продолжительной немощи? Видишь ли, как обуздано было в нем всякое нетерпение? Он не высказывает никакой хулы, как слышим от многих в подобных обстоятельствах; не проклинает дня своего рождения; не оскорбляется таким вопросом; не сказал: «Ты, верно, пришел смеяться и шутить над нами, когда спрашиваешь, хочу ли я быть здоровым», — но кротко и с великою покорностью говорит: *ей, Господи.* Хотя он и не знал, кто был вопрошающий и намерен ли был исцелить его, не смотря на то рассказывает все с кротостью и ничего не требует, как будто говорил с врачом и хотел только рассказать о своей болезни. Может быть надеялся он получить от Христа только ту помощь, что он ввергнет его в воду, и для того хочет расположить его к себе такими словами. Что же Христос? Показывая, что Он может все сделать одним словом Своим, Он говорит: *возстани, возми одр твой и ходи* (Ин. V, 8). Некоторые думают, что этот расслабленный есть тот самый, о котором упоминается в Евангелии Матфея (IX, 2–7); но это не так, что ясно из многих обстоятельств. И во-первых, из того, что при этом расслабленном не было никого из прислуживающих людей. Тот имел при себе многих людей, заботившихся о нем и носивших его, а этот никого; потому и говорил: *человека не имам.* Во-вторых, из самого ответа: тот ничего не говорит, а этот рассказывает все, что его касается. В-третьих, из времени этого случая: этот исцелен в праздник и в субботу, а тот в другой день. Также место того и другого различно: тот исцелен в доме, а этот при купели; да и способ исцеления различен: там (Христос) сказал: *чадо, отпущаются ти греси твои* (Мф. IX, 2), а здесь сначала укрепляет тело, потом уже прилагает

попечение о душе; там прощение: *отпущаются*, говорит, *ти греси твои*, а здесь увещание и угроза, для предостережения его на будущее время: *ктому не согрешай*, говорит, *да не горше ти что будет* (Ин. V, 14). Притом и обвинения от иудеев различны: здесь они осуждают делание в субботу, а там обвиняют Его в богохульстве. Но посмотри, как велика премудрость Божия. Христос не тотчас исцеляет его, а сперва предрасполагает его к себе вопросом, пролагая в нем готовый путь вере, и не только исцеляет, но и повелевает взять свой одр, чтобы и совершившееся чудо имело тем более достоверности, и чтобы никто не считал этого события призраком или обманом. Ведь если бы члены (тела) не укрепились твердо и вполне, он не мог бы понести одра. Так Христос и часто делал, чтобы совершенно заградить уста бесстыдных. Так при чуде над хлебами, чтобы никто не мог сказать, что народ обыкновенным образом насытился, и что чудо было только кажущееся, по устроению Его оказалось еще много останков хлеба. И прокаженному очистившемуся, Он говорит: *шед покажися иереови* (Мф. VIII, 4), чтобы через это дать более точное доказательство очищения, и вместе заградить бесстыдные уста тех, которые называли Его противником закону Божию. Подобным образом Он поступил и при обращении воды в вино: Он не просто показал вино, но и приказал отнести его к распорядителю пира, так что тот, признавшись в своем неведении о случившемся, представил таким образом несомненное свидетельство о чуде. Потому Евангелист и сказал: *не ведяше архитриклин, откуду есть* (Ин. II, 9), выражая тем неподкупность его свидетельства. И в другом случае, воскресив мертвого, Христос говорит: *дадите ему ясти* (Лк. VIII, 55), и в этом дает видеть признак истинного воскресения. Всем этим Он убеждал бессмысленных, что Он был не обманщик какой-ни-

будь и не кудесник, но пришел для спасения общего естества человеческого.

2. Но почему Христос не требует от расслабленного веры, как это сделал в отношении к слепым, которым сказал: *веруета ли, яко могу сие сотворити* (Мф. IX, 28)? Потому, что расслабленный еще точно не знал, кто Он. Христос не прежде чудес, а после них обыкновенно делал это. Те, которые видели силу Его на других, справедливо слышали от Него такой вопрос, а те, которые еще не знали Его, а должны были узнать по знамениям, *уже* после чудес вопрошаются о вере. Потому-то и Матфей представляет Христа спрашивающим это у людей, не в начале его чудотворений, а когда Он уже многих исцелил, тогда и спрашивает об этом, и именно только двух слепцов. Но ты и так можешь видеть веру расслабленного. Услышав слово: *возми одр твой и ходи,* Он не посмеялся и не сказал: что это значит? Ангел нисходит и возмущает воду, и только одного исцеляет, а ты, человек, неужели надеешься сделать больше ангелов одним повелением и словом? Это — гордость, тщеславие, насмешка. Но он ничего такого не сказал, даже не подумал, а, лишь только услышал, тотчас встал, и, получив здоровье, не ослушался данного ему повеления: *возстани, возми одр твой и ходи* (Ин. V, 8). Удивительно и это; но последующие обстоятельства еще гораздо удивительнее; или лучше сказать: что он уверовал во Христа с самого начала, когда никто ему в том не препятствовал, это не так удивительно; а что после того, когда иудеи бесновались, со всех сторон наступали, осаждали и осуждали его и говорили: *не достоит ти взяты одра твоего* (ст. 10), он не только презирает их бешенство, но и с великим дерзновением, среди собрания народа, провозгласил о Благодетеле своем и заставил молчать их бесстыдный язык — это я признаю великим мужеством. Когда

иудеи, окружив его, с укоризною и наглостью говорили ему: *суббота есть, и не достоит ти взяти одра твоего,* — послушай, что он говорит: *иже мя сотвори цела, той мне рече: возми одр твой и ходи* (ст. 11); как бы так он говорил: вы говорите вздор и с ума сходите, запрещая мне считать учителем Того, Кто исцелил меня от столь продолжительной и тяжкой болезни, и повиноваться Ему во всем, что Он ни повелит мне. А если бы он хотел поступить коварно, то мог бы и иначе сказать, — например, что я это делаю не по своей воле, а по приказанию другого; если это грех, то обвиняйте приказавшего мне, а я оставлю свой одр. Он мог бы и скрыть чудо исцеления. Он ясно видел, что они досадуют не столько за нарушение субботы, сколько за исцеление болезни. Но он и не скрыл чуда, и не сказал таких слов, и не просил у них прощения; он громким голосом признавал и провозглашал оказанное ему благодеяние. Так поступил расслабленный; но посмотри, как злобно они действовали. Они не спрашивают: кто Он, исцеливший тебя? Они молчали об этом, а всячески выставляют на вид кажущееся преступление: *кто есть человек, рекий ти: возми одр твой, и ходи? Исцелевый же не ведяше, кто есть: Иисус бо уклонися, народу сущу на месте* (ст. 12, 13). Для чего же Христос скрылся? Во-первых, для того, чтобы в отсутствие Его свидетельство было свободно от всякого подозрения: получивший чувство здоровья был конечно достоверным свидетелем благодеяния. Во-вторых, для того, чтобы еще более не возжечь гнева их: Он знал, что и один вид человека ненавистного не мало воспламеняет ненавидящих. Поэтому, уклонившись, Он оставляет дело само за себя действовать перед ними, так что уже не Он сам говорит что-либо о Себе, а исцеленные Им, вместе ж с ними и сами обвинители. И они также с своей стороны дают свидетельство о чуде, потому что не гово-

рили: почему ты повелеваешь делать это в субботу? а: почему ты делаешь это в субботу? Они негодуют не за преступление, а завидуют исцелению расслабленного. Между тем, если тут было человеческое дело, оно было в том, что делал расслабленный; а со стороны Христа было только слово и повеление. Таким образом здесь Христос повелевает другому нарушить субботу, а в иных случаях Он сам делает это, например, когда брением от плюновения помазывает очи. Но Он делает это, не преступая закон, а поступая выше закона. Впрочем, об этом после. Не во всех случаях одинаковым образом Он оправдывается, когда обвиняют Его в нарушении субботы, и это надобно заметить тщательно.

3. Между тем посмотрим, насколько великое зло – зависть, и как она ослепляет душевные очи вопреки собственной пользе самого одержимого ею. Как беснующиеся часто обращают мечи на самих себя, так и завистливые, имея в виду только одно – вред тому, кому завидуют, теряют собственное спасение. Они хуже диких зверей; звери нападают на нас, или имея недостаток в пище, или будучи наперед нами самими раздражены; а те, и будучи облагодетельствованы, часто поступают с благодетелями, как с врагами. Так они хуже диких зверей и подобны бесам, а может быть и их хуже. Бесы имеют непримиримую вражду только против нас, а не делают козней против подобных себе по естеству: этим то и Христос заградил уста иудеям, когда они говорили, что Он изгоняет бесов силою Веельзевула. Но завистливые не уважают и единства природы, да не щадят и самих себя: еще прежде, чем повредят тому, кому завидуют, они мучат собственные свои души, наполняя их напрасно и без нужды всяким беспокойством и недовольством. В самом деле, для чего ты скорбишь, видя благополучие ближнего? Скорбеть, конечно, следует нам, когда мы сами терпим зло, а не тогда, когда видим

благополучие других. Потому грех этот не может иметь никакого извинения. Блудник еще может указывать на похоть, вор на бедность, человекоубийца на раздражение: хотя и эти извинения пусты и неосновательны, но все же могут иметь вид оправдания. А ты какую представишь причину, — скажи мне? Совершенно никакой, кроме одной крайней злобы. Если нам повелено любить врагов, а мы ненавидим и любящих нас, то какому подвергнемся наказанию? Если любящий любящих его ничем не лучше язычников, то злобствующий против людей, ничем не оскорбивших его, какое может получить прощение, какое помилование? Послушай, что говорит Павел: *аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, никая польза ми есть* (1 Кор. XIII, 3). А что там, где зависть и ненависть, уже вовсе нет любви, это всякому ясно. Зависть хуже и блуда и прелюбодеяния; эти пороки ограничиваются теми, которые делают их, а преобладание зависти ниспровергало целые церкви и делало зло всей вселенной; она мать убийства. Так Каин убил брата; так Исав хотел убить Иакова; так Иосифа — братья; так всех людей — диавол. Ты не убиваешь: да ты делаешь многое еще хуже убийства, когда например желаешь, чтобы брат твой потерпел бесчестие, когда со всех сторон расставляешь ему сети, расстраиваешь его труды, подъятые им ради добродетели, досадуешь, что он угоден Господу вселенной. Таким образом ты уже враждуешь не против него, а против Того, кому он служит; Его оскорбляешь, когда собственную свою честь поставляешь выше Его чести; а что всего ужаснее, — грех этот ты считаешь безразличным, тогда как он тяжелее всех других. Хотя бы ты подавал милостыни, хотя бы вел трезвую жизнь, хотя бы постился, но ты преступнее всех, если завидуешь брату своему. Это очевидно из следующего: у коринфян некто впал в любодеяние, но будучи обличен, скоро испра-

вился; Каин позавидовал Авелю и не исправился, но даже, когда Бог непрестанно напоминал ему об его болезни, он еще более мучился завистью, раздражался и устремлялся на убийство. Так нет ничего упорнее этой страсти, и не легко она уступает врачеванию, если мы не будем внимательны. Потому исторгнем ее из себя с корнем, представляя себе то, что как мы оскорбляем Бога, завидуя чужому добру, так благоугождаем Ему, сорадуясь другим, и себя делаем участниками благ, уготованных людям добродетельным. Потому и Павел увещевает радоваться с радующимися и плакать с плачущими, чтобы от того и другого получить нам великую пользу (Рим. XII, 15). Итак, помня, что, хотя бы мы сами и не трудились, а только сочувствовали трудящемуся, мы можем разделять с ним венцы его, оставим всякую зависть и насадим в душах наших любовь, чтобы, сорадуясь благополучию братий наших, мы могли сподобиться благ настоящих и будущих, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVIII

Потом же обрете его Иисус в церкви и рече ему: се здрав еси; к тому не согрешай, да не горше ти что будет (Ин. V, 14)

1. Тяжкое зло – грех, зло и пагуба для души; а слишком усиливаясь, это зло часто касается и тела. Мы остаемся бесчувственными, когда в нас сильно страждет душа, а когда тело получает хотя малое повреждение, то употребляем все усилия, чтобы излечить его от недуга, потому что чувствуем боль. Поэтому-то Бог часто наказывает тело за грехи души, чтобы от наказания низшей

части и высшая получила какое-нибудь врачевание. Так у коринфян Павел исправил блудника, удержав болезнь души казнью тела; он прекратил зло, поразив тело, — подобно тому, как хороший врач, если водяная болезнь или боль в печени не уступает внутренним лекарствам, делает прижигания снаружи. Так и Христос поступил с расслабленным. Вот как Он сам выражает это, когда говорит: *се здрав еси; к тому не согрешай, да не горше ти что будет.* Чему же мы отсюда научаемся? Во-первых, что болезнь произошла у него от грехов; во-вторых, что учение о геенне справедливо; и в-третьих, что наказание в ней будет продолжительно, бесконечно. Где же те, которые говорят: я в один час совершил убийство, я краткое время любодействовал, и неужели буду наказываться вечно? Вот и расслабленный не столько лет грешил, сколько терпел наказание, и почти целую жизнь человеческую провел в непрерывном мучении. Грехи судятся не по времени, а по самому существу преступлений. При этом надобно принять во внимание и то, что, хотя бы мы претерпевали тяжкое наказание за прежние свои грехи, но, если снова впадем в те же пороки, то подвергнемся снова и еще тягчайшему наказанию; и это совершенно справедливо. Кто даже от наказания не делается лучшим, тот, как бесчувственный и презритель, предается еще большей казни. И одно наказание само по себе достаточно должно быть для удержания и вразумления падшего однажды; но если он, не вразумившись от понесенного наказания, снова дерзает на то же самое, то по справедливости снова подвергается наказанию, которое сам на себя навлекает. Если же мы, и здесь, после наказания за грехи впадая снова в те же грехи, подвергаемся уже тягчайшему наказанию, то не должны ли мы тем более страшиться и трепетать в ожидании будущих нестерпимых мук, когда, и согрешая, мы здесь

не терпим никакого наказания? Почему же, ты скажешь, не все таким образом наказываются? Ведь мы видим многих порочных людей, которые хорошее имеют здоровье и в крепости сил наслаждаются благоденствием. Но мы не должны полагаться на это, а поэтому-то больше и надобно оплакивать таких людей. Что они здесь ничего не терпят, это и есть залог тягчайшего там наказания. Изъясняя это, Павел говорит: *судими же ныне от Господа, наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. XI, 22). Здесь – только вразумление, там – наказание. Что же, скажешь ты, неужели все болезни от грехов? Не все, но большая часть. Некоторые бывают и от беспечности. Чревоугодие, пьянство и бездействие также производят болезни. Одно только надобно всегда соблюдать, чтобы всякий удар переносить с благодарностью. Бывают болезни и за грехи; так видим в книгах Царств, что некто страдал болезнью ног именно по этой причине. Случаются болезни и для испытания нашего в добре, как Бог говорит Иову: *мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив* (Иов. XL, 3)? Но почему этим расслабленным Христос выставляет на вид их грехи? И тому, о котором упоминает Матфей, он говорит: *дерзай, чадо, отпущаются ти греси твои* (Мф. II, 2), и этому: *се здрав еси, к тому не согрешай.* Знаю, что некоторые говорят в осуждение этого расслабленного, будто он был после в числе обвинителей Иисуса Христа, и потому-то услышал от Него такие слова, но что сказать о том, который, по свидетельству Матфея, услышал почти те же самые слова? И ему сказано: *отпущаются ти греси твои;* но услышал он это не по той же причине, как можно яснее видеть из последующего. Евангелист говорит, что после исцеления *Иисус обрете его в церкви* (V, 14), – а это знак великого благочестия: он не ходил на торжища и гульбища, не предавался объядению или беспечности, а проводил время в храме; хотя должен

был терпеть там насилие и гонение от всех, но это нисколько не побудило его удалиться от храма. Итак Христос, встретив его после разговора с иудеями, не сделал никакого намека на что-либо подобное; если бы Он хотел обличить его, то сказал бы ему: ты опять принимаешься за прежнее, и после исцеления не сделался лучшим? Но ничего такого Он не сказал, а только предостерегает его на будущее время.

2. Почему же, исцеляя хромых и увечных, Он не напоминал им об этом? Мне кажется, что болезни у расслабленных происходили от грехов, а у прочих — от естественной немощи. Если же это не так, то через них и то, что сказано им, сказано было и другим. Так как эта болезнь тяжелее всех других, то через большую врачуются и меньшие. Как, исцелив некоего другого, Христос повелел ему воздать славу Богу, внушая это не ему одному, а через него и всем другим, так и здесь через расслабленных увещевает и всех прочих, и внушает то же, что им сказал. К этому надобно и то сказать, что Он видел в душе расслабленного великое терпение, и потому дает ему наставление, как человеку, могущему принять увещание, ограждая его здоровье и благодеянием и страхом будущих зол. И посмотри, как Христос был чужд тщеславия. Он не сказал: вот, Я сделал тебя здоровым. А сказал: вот, ты теперь здоров; впредь не греши. Не говорит так же: не греши, чтобы Я не наказал тебя; а только: *да не горше ти что будет.* То и другое выражает безлично; и притом показывает, что здоровье возвращено ему более по благодати, нежели по заслугам. Не подает вида, что он освобожден от наказания по достоинству, а выражает, что он спасен по человеколюбию. В противном случае сказал бы: вот, ты понес уже достаточное наказание за свои грехи: будь же вперед осторожен. Но Он не так сказал, а как? *Се здрав еси, к тому не согрешай.* Это должны мы повторять чаще

и самим себе, и когда будем наказаны и освободимся от наказания, то каждый пусть говорит самому себе: *се здрав еси, к тому не согрешай.* А если, и продолжая грешить, мы не подвергаемся наказанию, то станем повторять следующее апостольское изречение: *яко благость Божия на покаяние нас ведет: по жестокости же и непокаянному сердцу нашему собираем себе гнев* (Рим. II, 5). Но Христос не только укреплением тела, а еще и другим способом явил расслабленному важное доказательство Своего божества. Словами: *к тому не согрешай* Он показал, что знает все прежде бывшие согрешения его, а потому следует веровать Ему и относительно будущего. *Иде же человек, и поведа Иудеом, яко Иисус есть, иже мя сотвори цела* (Ин. V, 15). Посмотри, как он и в этом случае сохраняет то же чувство признательности. Он не говорит, что Иисус есть тот муж, который сказал ему: *возьми одр твой,* потому что иудеи постоянно выставляли это на вид, как преступление, а он продолжает свое оправдание, объявляя своего Исцелителя, стараясь и других привлечь и приблизить к Нему. Он не был так бесчувствен, чтобы, после столь великого благодеяния и увещания, предать своего Благодетеля и говорить это с злым намерением. Если бы он был даже диким зверем, если бы был бесчеловечным и каменным, то это благодеяние и страх достаточны были бы удержать его. В ушах его еще звучала угроза, и потому он боялся, чтобы не потерпеть чего-либо худшего, имея столь великие доказательства силы Врача. Иначе, если бы он захотел клеветать, то, умолчав об исцелении, сказал бы только о преступлении закона и стал бы обвинять. Но этого нет; напротив, он с великим дерзновением и благодарностью прославляет своего Благодетеля нисколько не меньше слепого. Что говорил слепой? *Сотвори брение и помаза ми очи.* И расслабленный также: *Иисус есть, иже мя сотвори цела. И сего ради гоняху Иисуса иудее, и искаху Его*

убити, зане сия творяше в субботу (Ин. V, 16). Что же Христос? *Отец Мой*, говорит Он, *доселе делает, и Аз делаю* (ст. 47). Когда ему нужно было защищать Своих учеников, тогда Он указывал на Давида, как на подобного им раба: *несте ли чли, что сотвори Давид, егда взалка сам и сущии с ним* (Мф. XII, 3)? А когда дело касается Его самого, Он обращается к Отцу, двояким образом показывая Свое равенство с Ним, — и тем, что называет Его в собственном смысле Своим *Отцем*, и тем, что представляет Себя делающим заодно с Ним. Почему же Он не упомянул о случившемся в Иерихоне? Потому, что хотел возвести их от земли, чтобы они внимали Ему уже не как человеку, а как Богу и Законодателю. Но если бы Он не был истинным Сыном и Единосущным, то оправдание было бы еще хуже обвинения, похоже на то, как если бы какой-нибудь начальник, преступив царский закон и потом будучи обвиняем, стал в оправдание свое говорить, что и сам царь нарушает его; этим он не только не избежал бы осуждения, а еще увеличил бы свою вину. Но здесь достоинство равное, потому и оправдание представлено совершенно твердое. Чего, говорит Он, вы не поставляете в вину Богу, в том не можете обвинять и Меня. Потому-то, предупреждая их, Он и сказал: *Отец Мой,* чтобы заставить их, и против их воли, допустить для Него то же самое (что и для Бога Отца), по уважению к Его совершенному единению с Отцом. Если же кто скажет: как делает Отец, когда Он в день седьмой почил от всех дел Своих, — тот пусть узнает образ Его делания. Каким же образом Он делает? Промышлением, сохранением всего сотворенного. Когда ты видишь восходящее солнце, бегущую луну, озера, источники, реки, дожди и движение природы — в семенах, в телах наших и в бессловесных животных, и все прочее, чем держится вселенная, то и познавай в этом непрестающее делание Отца; Он, говорит Хри-

стос, *солнце свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. V, 45); и еще: *аще же сено сельное, днесь суще, и утре в пещь вметаемо, Бог тако одевает* (Мф. VI, 30); также, и о птицах беседуя, говорит: *Отец ваш небесный питает их* (ст. 26).

3. Итак, в этом случае все дело Его в субботу заключалось только в одних словах, и Он ничего более не присовокупил, а тем самым, что совершается в храме и что сами они делают, он опроверг обвинения. А если Он повелел и дело сделать, именно взять одр, что впрочем само по себе не заключает никакого важного дела, а казалось только явным нарушением субботы, то Он при этом обращает слово к высшему предмету, желая сильнее поразить их достоинством Отца Своего и возвести к высшим понятиям. Потому-то, когда была речь о субботе, Он защищал Себя, не как только человек и не как Бог только, но иногда как Бог, иногда как человек: хотел уверить их в том и другом, — и в уничижении Своего вочеловечения, и в достоинстве божеском. В настоящем случае Он защищает Себя, как Бог; если бы Он стал постоянно говорить с ними только как человек, то они и остались бы навсегда с мыслью об одном уничижении Его. Но, чтобы этого не было, Он указывает им Своего Отца. Хотя и самое творение действует в субботу, — так солнце совершает свой бег, реки текут, источники изливаются, жены рождают, — но, чтобы ты знал, что Он не принадлежит к твари, Он не сказал: Я делаю, как и тварь делает; а как? *Аз делаю,* потому что и *Отец мой делает. И сего ради*, говорит Евангелист, *паче искаху Его иудее убити, яко не токмо разоряше субботу, но и отца своего глаголаше Бога, равен ся творя Богу* (Ин. V, 18). Но это равенство было не кажущееся только, — не словами одними Он доказывает это, а преимущественно делами. Почему так? Потому, что слова одни могли опровергать и обвинять Его в тщеславии, а видя исти-

ну, открывающуюся в событиях, и силу Его, являемую делами, они уже ничего не могли сказать вопреки Ему. Но не хотящие допустить это по неблагомыслию говорят, что Христос не сам делал Себя равным Богу, а только иудеи подозревали Его в этом. Но пересмотрим все вышесказанное. Скажи же мне: гнали Его иудеи, или не гнали? Всякому ясно, что гнали. А за это ли гнали, или за что другое? Все также согласны, что за это. Нарушал ли Он субботу, или не нарушал? И этого, конечно, никто не станет отвергать. Называл Бога Отцом Своим, или не называл? И это верно. Подобным образом можно вывести заключение и о последующем. Как то, что Он называл Бога Отцом Своим, нарушал субботу и был гоним иудеями за последнее, а преимущественно за первое, не есть одно ложное подозрение, а действительная истина, так и то, что Он делал Себя равным Богу, в таком же высказано было смысле. А еще яснее это можно видеть из сказанных перед этим слов. Слова: *Отец Мой делает и Аз делаю* выражают именно равенство с Богом; Он при этом не показывает никакого различия, не говорит: Отец делает, а Я служу Ему в делах; Он говорит: как Отец делает, так и Я, – и таким образом выражает совершенное равенство. Если бы Он не сам хотел выразить это, а только иудеи так напрасно думали, то Он не оставил бы их в таком погрешительном мнении, а исправил бы его; да и Евангелист не умолчал бы, а сказал бы ясно, что, иудеи так думали, сам же Христос не делал Себя равным Богу, – как это находим в других местах, когда Евангелист видел, что иначе было сказано, а иначе понято сказанное; например: *разорите церковь сию, и треми, денми воздвигну ю*, говорил Христос, разумея собственное тело: а иудеи, не поняв этого и думая, что Он говорит об иудейском храме, сказали: *четыредесять и шестью лет создана бысть церковь сия, и Ты ли треми денми*

воздвигнеши ю (Ин. II, 19, 20)? Он говорил то, а они предполагали другое; Он говорил о теле Своем, а они думали, что это сказано о храме их. Евангелист, замечая это, или лучше исправляя мнение их, присовокупил: Он *же глаголаше о церкви тела своего* (ст. 21). Так и здесь, если бы Христос не делал Себя равным Богу и не хотел доказывать этого, а только иудеи так думали, то Евангелист исправил бы и здесь их мысль и сказал бы: иудеи думали, что Он делает Себя равным Богу, а Он говорил не о равенстве. Да и не один только этот и Евангелист в данном месте, но, и другой, при другом случае, делает тоже самое. Когда Иисус Христос заповедовал ученикам: *внемлите от кваса фарисейска и саддукейска, — они помышляху в себе глаголюще, яко хлебы не взяхом* (Мф. XVI, 6, 7). Он говорил одно, называя закваскою учение, а ученики подразумевали другое, думая, что Он говорит о хлебах. И это исправляет уже не Евангелист, а сам Христос, говоря так: *како не разумеете, яко не о хлебех рех вам внимати* (ст. 11)? Здесь же нет ничего подобного. Но сам Христос, скажут, опровергает это, когда присовокупляет: *не может Сын творити о себе ничесоже* (Ин. V, 19). Нет, возлюбленный, Он делает совершенно противное; Он не опровергает, а подтверждает этими словами равенство. Слушайте внимательнее, — это предмет не маловажный. Выражение: о *себе* часто встречается в Писании и о Сыне и о Святом Духе, и потому надобно понять силу этого изречения, чтобы не впасть в величайшие погрешности. Если принимать его так, как оно есть и как с первого раза представляется, то смотри, какая выйдет отсюда нелепость. Да Он и не сказал, что Сын иное может делать сам по себе, а иное не может; но сказал вообще: *не может Сын творити о себе ничесоже.*

4. Спросим же возражающего: и так, скажи мне, уже ли Сын ничего не может делать сам по себе? Если ска-

жешь, что *ничего,* тогда мы заметим, что величайшее благое дело Он и совершил сам по себе, как и Павел восклицает, говоря: *иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим* (Флп. II, 6, 7). И опять сам Христос в другом месте говорит: *область имам положити душу Мою, и область имам паки прията ю; и никтоже возмет ю от Мене: Аз полагаю ю о себе* (Ин. X, 18). Видишь ли, что Он имеет власть над смертью и жизнью, и сам совершил такое великое домостроительство? Да что я говорю о Христе? И мы, люди, которых ничего не может быть немощнее, делаем многое сами по себе, зло избираем сами по себе, добродетели следуем сами по себе. А если не сами по себе, и не имеем в том власти, то, значит, мы и за грехи уже не будем ввержены в геенну, и за добродетели не наследуем царствия. Итак слова: *о себе не может творити ничесоже* означают только то, что Он не делает ничего противного Отцу, ничего чуждого Ему, ничего несообразного, а это еще более показывает между Ними равенство и совершенное согласие. Почему же Он не сказал, что ничего противного не делает, а сказал: *не может* делать? Чтобы и этим опять показать неизменность и совершенство равенства. Это выражение означает не бессилие Его, а напротив, свидетельствует о великой Его силе, подобно тому, как и об Отце Павел в другом месте говорит: *да двема вещми неприложенными, в нихже невозможно солгати Богу* (Евр. VI, 18); также: *аще не веруем, Он верен пребывает: отрещися Себе не может* (2 Тим. II, 13). Здесь выражение — *не может* отнюдь не означает бессилия, а означает силу, и силу неизреченную. Именно слова апостола имеют такой смысл, что существо божественное недоступно никаким подобным слабостям. Когда и мы говорим, что Бог не может грешить, то не слабость Ему приписываем, а свидетельствуем о некоторой неизреченной Его силе; так,

когда и он сам говорит: *не могу о себе творити ничесоже,* выражает то, что ему невозможно и несвойственно делать что-нибудь противное Отцу. А чтобы убедиться в точности этого смысла слов Его, обратимся к последующим словам и посмотрим, чье мнение подтверждает сам Христос, наше ли, или ваше. Ты говоришь, что это выражение исключает власть и свойственную Ему самостоятельность, и показывает слабость силы; а я говорю, что оно означает равенство, неизменность и как бы действие одной воли, власти и силы. Итак, вопросим самого Христа и посмотрим из последующих слов Его, по твоим ли мыслям, или по нашим Он изъясняет сказанное. Что же Он говорит? *Яже бо Отец творит, сия и Сын такожде творит* (Ин. V, 19). Видишь ли, как Он до основания ниспровергает ваше мнение и подтверждает сказанное нами? Если Он сам от Себя не делает ничего, то, значит, и Отец также сам от Себя ничего не делает, потому что Сын делает все так, как Отец. А если это не так, то выйдет и другая нелепость. Он не говорит, что Он только то делает, что видит творящим Отца, но: *аще не еже видит Отца творяща, не творит,* простирая силу слова на всякое время, – и таким образом по вашему будет, что Он постоянно только учится делать то, что Отец делает. Видишь, как мысль Его высока, а смирение в слове заставляет и самых бесстыдных невольно оставить уничиженные и совершенно несообразные с Его достоинством понятия о Нем? Кто же будет столь жалок и злосчастен, чтобы утверждать, что Сын ежедневно учится тому, что Ему надобно делать? Как в таком случае будет истинно изречение: *Ты же тойжде еси, и лета твоя не оскудеют* (Пс. CI, 28); или: *вся Тем быша и без Него ничтоже бысть* (Ин. I, 3), – если Отец делает, а Сын, видя то, только подражает Ему? Видишь ли, как и вышесказанное и послесказанное подтверждает Его самостоятель-

ность? Если же Он произносит некоторые слова о Себе в виде самоуничижения, – не удивляйся. Так как иудеи, слыша высокое учение Его о Себе самом, гнали Его, называли противником Божиим, то Он несколько снисходит только в образе выражения, потом снова возводит учение к высшим понятиям, затем опять обращается к уничиженным выражениям, и таким образом разнообразит Свое учение, чтобы сделать его и для неразумных удобоприемлемым. Вот смотри. Сказав: *Отец мой делает и Аз делаю,* и этим показав Свое равенство с Богом, Он говорит потом: *не может Сын творити о себе ничесоже аще не еже видит Отца творяща.* Далее опять возвышает слово: *яже бо Он творит, сия и Сын такожде творит;* и затем смиреннее: *Отец любит Сына и вся показует Ему, яже Сам творит, и больша сиж покажет Ему дела* (ст. 20). Видишь ли, сколько здесь смирения? Так и обычно Ему. Что я прежде говорил, то не перестану говорить, и теперь скажу, именно, что когда Сын говорит что-нибудь о Себе уничиженное и смиренное, тогда выражает это с некоторым преувеличением, чтобы и самая уничиженность выражений убеждала неразумных принимать в благочестивом духе заключающиеся в них мысли. А если это не так, то представь себе, как было бы нелепо сказанное, судя по одним выражениям. Из слов: *больша сих покажет Ему дела* будет следовать, что Он многого еще не знает, – чего нельзя сказать и об апостолах. Они, однажды получив благодать Духа, вдруг узнали и смогли делать все, что надобно было им знать и делать; а Он окажется еще незнающим многого, что Ему нужно знать! Может ли быть что-нибудь нелепее этого? Что же значит это изречение? Он исцелил расслабленного и намеревался еще воскресить умершего, потому так и сказал, говоря как бы вот что: вы удивляетесь, что Я исцелил расслабленного; больше этого увидите. Но так Он не

сказал, а выразился несколько смиреннее, чтобы укротить их неистовство. А чтобы тебе убедиться, что слово: *покажет* сказано не в собственном смысле, послушай, что еще далее Он присовокупляет: *якоже бо Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын ихже хощет, живит* (ст. 21). А ведь слова: *не может о себе творити ничесоже* противоположны словам: *ихже хощет;* если Он живит, *ихже хощет,* то без сомнения *может творити сам о себе.* Хотеть – означает власть. Если же Он не может *творити сам о себе,* то и не живит, *ихже хощет.* Но слова: *якоже Отец воскрешает* показывают равенство силы; а слова: *ихже хощет* – равенство власти. Видишь ли, что словами: *не может о себе творити* не уничтожается власть, а напротив, показывается равенство силы и воли? Так же разумей и слова: *покажет Ему.* И в другом месте Он говорит: *Аз воскрешу его в последний день* (Ин. VI, 39), и опять, показывая, что Он действует, не заимствуя силу от другого, говорит: *Аз есмь воскрешение и живот* (Ин. XI, 25). Но чтобы ты не сказал, что Он только мертвых воскрешает и оживляет, кого хочет, все же прочее делает не так, то, предупреждая и опровергая всякое подобное возражение, Он и сказал: *яже бо Он творит, сия и Сын такожде творит,* и тем выразил, что Он делает и все то, что Отец, и так, как Отец, разуметь ли здесь воскрешение мертвых, или устроение тел, или отпущение грехов, или что-либо другое; все Он совершает так, как и Отец Его.

5. Но ничему этому не внемлют нерадящие о собственном спасении. Таково зло – страсть к первенству перед другими. Она-то произвела ереси; она усилила нечестие эллинов. Бог благоволил, чтобы невидимые свойства Его были познаваемы из создания этого мира (Рим. I, 20), а они, оставив это и не восхотев идти путем этого учения, проложили себе иной путь, а потому и уклонились от истинного. Равно и иудеи потому не

веровали, что, домогаясь славы друг перед другом, не искали славы от Бога.

Но мы, возлюбленные, будем избегать этого недуга всеми силами и со всею ревностью. Хотя бы мы имели бесчисленные совершенства, зараза тщеславия может погубить все. Итак, если мы желаем похвал, то будем искать похвал от Бога. Похвала от людей, какова бы она ни была, как скоро является, тотчас и исчезает, а если и не исчезает, то не приносит нам никакой пользы, а часто происходит и от превратного суждения. Что важного в славе от людей, которою пользуются и пляшущие юноши (на публичных играх), и развратные женщины, и лихоимцы, и грабители? А прославляемый от Бога прославляется не с такими людьми, но со святыми, то есть с пророками, апостолами, показавшими в себе жизнь ангельскую. Если же мы желаем, чтобы окружала нас толпа народа, чтобы взоры ее были на нас обращены, то вникнем в сущность этого, и мы найдем, что это не имеет никакой цены. Словом, если ты любишь быть в обществе, то привлекай к себе сонм ангелов, будь страшен бесам, тогда и не будешь нисколько заботиться о молве человеческой; всякий блеск будешь попирать, как грязь и прах; тогда-то и увидишь ясно, что ничто так не делает душу бесславною, как славолюбие. Да и невозможно, никак невозможно любящему славу не жить жизнью страдательною; а напротив подавляющий в себе славолюбие не может не подавить вместе с тем и множество других страстей: побеждающий эту страсть преодолеет и зависть, и сребролюбие, и прочие тяжкие недуги. Но как, скажут, нам преодолеть эту страсть? Преодолеем, если будем иметь ввиду иную славу, славу небесную, которой земная силится лишить нас. Та слава еще и здесь прославит нас, и будет сопутствовать нам в будущей жизни, и освободит нас от всякого рабства плоти, которой мы ныне

так бедственно служим, всецело предавшись земле и делам ее. Пойдем ли на торжище, войдем ли в дом какой-нибудь, будем ли в дороге, или на пристани, в гостинице, или в страннoприимном доме, на корабле, на острове, в царских чертогах, в судилищах, или в гражданских советах, — везде увидишь заботы о делах временных и житейских; все и каждый об них только пекутся, и отходящие и приходящие, в путь отправляющиеся и дома остающиеся, плавающие и землю возделывающие, находящиеся на полях и в городах, — все вообще. Какая же будет у нас надежда спасения, если, живя на земле Божией, мы не печемся о предметах божественных? Тогда как нам повелено быть здесь странниками, мы — скорее странники для небес, а для здешних мест — жители. Что может быть хуже такой бесчувственности? Слыша каждый день о суде и царствии, мы подражаем современникам Ноя и жителям Содома и ожидаем, чтобы нас вразумили такие же опыты. А ведь о них все и написано для того, чтобы, кто не верует в будущее, тот из событий прошедших получил ясные доказательства относительно будущих. Итак, помышляя о всем этом, прошедшем и будущем, отдохнем хотя немного от этого тяжкого рабства и сколько-нибудь позаботимся о душе своей, чтобы достигнуть и настоящих и будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIX

Отец не судит никомуже, но суд весь даде Сынови, да вси чтут Сына, якоже чтут Отца (Ин. V, 22, 23)

1. Много тщательности надобно нам, возлюбленные, иметь во всем. Ведь самый строгий отчет мы да-

дим и в словах и в делах наших. Дела наши не оканчиваются настоящею жизнью, а еще другая жизнь встретит нас и мы предстанем страшному судилищу. *Всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовым,* говорит Павел, *да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага или зла* (2 Кор. V, 10). Будем же всегда помышлять об этом судилище, и таким образом мы сможем постоянно пребывать в добродетели. Как отвергающий от души своей мысль об этом дне несется в пропасть, подобно коню, сбросившему удила, — *скверняются бо,* говорит Писание, *путие его на всяко время,* и указывая причину этого, прибавляет: *отъемлются судьбы твоя от лица его* (Пс. IX, 26), — так постоянно имеющий в себе этот страх проводит жизнь целомудренно: *помни,* говорит Писание, *последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Еккл. VII, 36). Тот, кто прощает нам грехи ныне, тогда воссядет на судилище. Умерший ради нас снова явится — судить весь род человеческий: *второе,* говорит Писание, *без греха явится ждущим Его во спасение* (Евр. IX, 28). Потому-то и здесь Он сказал: *Отец не судит никомуже, но суд весь даде Сынови, да вси чтут Сына, якоже чтут Отца.* Итак, не следует ли, скажут, назвать Его и Отцом? Никак. Он для того и сказал: *Сына,* чтобы мы чтили Его остающегося Сыном, так же как Отец; а кто называет Его Отцом, тот уже не чтит Сына, как Отца, но смешивает их. Так как люди побуждаются не столько благодеяниями, сколько наказаниями, то Он и говорит здесь так грозно, чтобы по крайней мере страх понудил их чтить Его. А когда говорит: *весь суд,* выражает этим то, что Он властен и наказывать и награждать, делать то и другое, как Ему угодно. Выражение же: *даде* употреблено для того, чтобы ты не почитал Его не рожденным и не думал, будто есть два Отца. Все, что есть в Отце, это же есть и в Сыне, только Он рожден и остается Сыном. А чтобы убедиться,

что выражение: *даде* здесь равносильно выражению *родил*, выслушай изъяснение этого из другого места: *якоже*, говорит Он, *Отец иматъ живот в себе, тако даде и Сынови живот имети в себе* (Ин. V, 26). Что же? Неужели Отец прежде родил Его, а потом уже дал ему жизнь? Ведь дающий дает что-либо тому, кто уже существует. Так уже не был ли рожден Он без жизни? Но этого и бесы не могут подумать, потому что это не только нечестиво, но и безумно. Потому, как выражение: *даде живот* означает, что Он родил Его *жизнию*, так и слова: *даде суд* значат, что Он родил Его *судиею*. Чтобы ты, слыша, что Сын имеет виновником Отца, не подумал, будто Сын имеет различествующее от Отца существо и достоинством ниже Его, вот Он сам грядет судить тебя, доказывая и этим Свое равенство. Тот, кто имеет власть наказывать и награждать, кого хочет, Тот конечно обладает такою же силою, как и Отец. А иначе, если бы Сын уже по рождении Своем, впоследствии, получил эту честь, то можно бы спросить, по какому же поводу Он почтен так впоследствии?

Каким преуспеванием Он достиг того, что получил такое достоинство и возведен в такой сан? Не стыдно ли вам — так дерзко приписывать эти человеческие и унизительные свойства Существу бессмертному, не имеющему ничего превзошедшего во времени? Для чего же, скажете вы, Он так говорит о Себе? Для того, чтобы сказанное было удобоприемлемо и проложило путь к высшим понятиям. Для того Он и смешивает в Своих словах и то и другое (и возвышенное и уничиженное), и смотри — как; кстати — рассмотрим это сначала. Он сказал: *Отец Мой делает, и Аз делаю* показывая этим свое равенство и равночестность с Отцем; но иудеи *искаху Его убити*. Что же Он после этого делает? Он смягчает выражения, но мысли удерживает те же самые, и говорит: *не может Сын творити о себе ничесо-*

же. Затем опять возвышает слово: *яже бо Он творит, сия и Сын такожде творит;* опять говорит смиренно: *Отец бо любит Сына, и вся показует Ему, яже Сам творит, и больша сих покажет Ему;* снова возвышенно: *якоже бо Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет, живит;* и опять смиренно и вместе возвышенно: *Отец бо не судит никому же, но суд весь даде Сынови;* и еще возвышнее: *да вси чтут Сына, якоже чтут Отца.* Видишь ли, как Он разнообразит Свое слово, употребляя в нем наименования и выражения, то возвышенные, то уничиженные, так, чтобы и для тогдашних людей оно могло быть удобоприемлемо, и будущие ничего не теряли, от возвышенных выражений получая надлежащее понятие и о прочих? А иначе, если слова Его сказаны не по снисхождению к людям, для чего прибавлены такие возвышенные выражения? Кто имеет право сказать о Себе нечто высокое, а между тем говорит что-либо уничиженное и смиренное, тот, конечно, имеет на то благовидную причину и некоторое особенное намерение; а кто должен говорить о себе смиренно, и между тем скажет что-нибудь великое, тот для чего станет употреблять выражения, превосходящие его природу? Это уже не особое какое-либо благонамерение, а крайнее нечестие.

2. Поэтому мы можем сказать, что смиренные выражения Христа о Себе имеют справедливую и достойную Бога причину, именно: снисхождение к нам, намерение — научить нас смирению, и через это — устроение нашего спасения, что Он и сам изъясняет в другом месте, когда говорит: *сия глаголю, да спасени будете* (Ин. V, 34). Именно, когда Он прибегнул к свидетельству Иоанна, оставив собственное, что могло казаться недостойным Его величия, — то, приводя причину такого уничижения в словах, Он и сказал: *сия глаголю, да вы спасены будете.* А вы, утверждающие, будто Он не

имеет одинаковой с Родившим Его власти и силы, что скажете, когда услышите собственные Его слова, которыми Он выражает равенство силы, власти и славы с Отцом? Почему Он требует Себе равной с Ним чести, если Он, как вы говорите, гораздо ниже Отца? А Он еще, не останавливаясь на этих словах, присовокупляет: *иже не чтит Сына, не чтит Отца, пославшаго Его* (ст. 23). Видишь, как честь Сына соединена с честью Отца? Что же из этого, скажете вы? Это относится и к апостолам: *иже вас приемлет*, говорит Он, *Мене приемлет* (Мф. X, 40). Но там Он говорит так потому, что все, касающееся рабов Его, усвояет Себе самому; а здесь потому, что Ему принадлежит одно существо и одна слава с Отцом. Да притом об апостолах Он не говорит: *да чтут их*. И хорошо Он говорит: *иже не чтит Сына, не чтит Отца*. Если где два царя, и бесчестят одного из них, то этим и другому наносится бесчестие, особенно, если оскорбляемый есть сын царский; оскорбляется царь и тогда, когда оскорблен его оруженосец, но не так и не непосредственно; а здесь он оскорбляется сам по себе. Потому Христос и предупреждает словами: *да вси чтут Сына, якоже чтут Отца*, чтобы затем, когда скажет: *иже не чтит Сына, не чтит Отца*, ты разумел одну и ту же честь. Не просто говорит: *иже не чтит*, но: *иже не чтит* так, как я сказал, *не чтит Отца*. Но каким образом, скажешь, посылающий и посылаемый могут быть одного и того же существа? Опять ты переносишь слово на человеческие отношения и не разумеешь, что все это говорится только для того, чтобы мы и Виновника познали, и не впали в недуг Савеллия, чтобы и немощь иудеев уврачевалась таким образом, и они уже не почитали Его противником Богу; ведь они говорили: Он не от Бога, Он не пришел от Бога. А к уничтожению такой мысли способствовали не столько возвышенные, сколько уничи-

женные слова Его: вот поэтому Он часто в разных местах и говорил, что Он *послан,* – не с тем, чтобы ты принимал такое слово за выражение умаления Его (перед Отцом), но чтобы заградить уста иудеев. Поэтому Он и обращается часто к Отцу, выражая между тем и собственную власть. А если бы Он все говорил о Себе сообразно с собственным божественным достоинством, то они не принимали бы слов Его, так как и за немногие подобные выражения гнали Его и часто хотели побить камнями. С другой стороны, если бы, применяясь к ним, Он говорил о Себе только смиренно, то впоследствии это послужило бы многим во вред. Таким образом Он перемешивает и разнообразит Свое учение о Себе, и смиренными выражениями, как я сказал, заграждает уста их, а словами сообразными с достоинством Его удаляет здравомыслящих от уничиженного понимания выражений Его и показывает, что такое понимание вовсе не приличествует Ему. Быть посланным – это выражает перемену места, а Бог вездесущ. Для чего же Он говорит о себе: *послан*! Он употребляет чувственное выражение, чтобы показать Свое единомыслие с Отцом. К той же цели направляет Он и последующие слова: *аминь, аминь глаголю вам, яко слушали словесе моего и веруяй Пославшему Мя иматъ живот вечный* (Ин. V, 24). Видишь, как часто Он повторяет одно и тоже, чтобы исправить мнение иудеев, чтобы и этими и последующими словами, и страхом и обетованием благ победить упорство против Него, – как много и здесь опять нисходит в выражениях о Себе? Не говорит: *слушаяй словес моих и веруяй Мне;* они почли бы это гордостью и крайним тщеславием в словах, потому что если, спустя уже долгое время, после бесчисленных чудес, они приписывали Ему надменность, когда Он говорил, таким образом, то тем более в настоящем случае. Так они говорили Ему впоследствии:

Авраам умре и пророцы, и Ты глаголеши: аще кто слово мое соблюдет, смерти не имать вкусити во веки (Ин. VIII, 52). Итак, чтобы и теперь они не пришли в ярость, Он вот что говорит: *слушаяй словесе моего и веруяй Пославшему Мя имать живот вечный.* От этого слово его не мало делалось удобоприемлемым для них, то есть — от вразумления, что слушающие Его веруют Отцу. Охотно приняв это, они уже удобнее могли принять и прочее. Таким образом, употребляя уничиженные слова о Себе, Он приготовляет и пролагает путь к понятиям высшим. Затем, сказав: *имать живот вечный,* Он присовокупляет: *и на суд не приидет, но прейдет от смерти в живот.* Так двумя замечаниями Он располагает к принятию Своего учения — тем, что через Него веруют Отцу, и тем, что верующий сподобится великих благ. А слова: *на суд не приидет* означают: не подлежит наказанию. И *смерть* разумеется здесь не временная, но вечная, равно как и жизнь — бессмертная. *Аминь, аминь глаголю вам, яко грядет час и ныне есть, егда мертвии услышат глас Сына Божия, и услышавше оживут* (ст. 25). Слова Свои Он подтверждает доказательством от дел. Когда Он говорил: *якоже Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет, живит,* — то, чтобы это не показалось тщеславием и надменностью, Он представляет и от дел доказательства Своих слов, и говорит: *грядет час;* потом, чтобы не предполагал ты здесь отдаленного времени, присовокупляет: *и ныне есть, егда мертвии услышат глас Сына Божия, и услышавше оживут.* Видишь ли здесь самостоятельность и власть неизреченную? Как будет во время воскресения, говорит, так и ныне. Тогда, услышав повелевающий глас, мы восстанем, потому что сказано; *в повелении* Божии *мертвии воскреснут* (1 Сол. IV, 16). А откуда видно, может быть спросит кто-нибудь, что сказанное не есть одно тщеславие? Из прибавленных Им слов: *и ныне есть.* Если бы Он возвещал

только о будущем времени, то учение Его могло бы быть для иудеев подозрительно; но Он представляет на то и доказательство. Еще во время Моего пребывания с вами, говорит Он, это сбудется. Если бы Он не мог сделать этого, то и не обещал бы на такое время, чтобы, в противном случае, обещание не подвергло Его еще большему посмеянию. Потом прилагает и объяснительный довод к словам Своим, говоря: *якоже бо Отец имать живот в себе, тако даде и Сынови живот имети в себе* (Ин. V, 26).

3. Видишь ли, какое здесь равенство открывается, с тем только различием, что один – Отец, а другой – Сын? Слово: *даде* одно только и выражает различие, а во всем прочем показывается равенство и единение. А отсюда ясно, что Он делает все с такою же властью и силою, с какою Отец, и ни от кого иного не заимствует Своей силы. Он так же имеет жизнь в Себе, как и Отец. Потому и далее тотчас присовокупляет такие слова, из которых можем уразуметь и предыдущие. Какие же именно? *И область даде Ему и суд творити* (Ин. V, 27.) Но для чего Он так часто повторяет о воскресении и суде? *Якоже*, говорит, *Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет, живит.* Опять: *Отец не судит никомуже, но суд весь даде Сынови.* И еще: *якоже Отец имать живот в себе, тако даде и Сынови живот имети в себе.* Также: *услышат глас Сына Божия, и услышавше оживут.* И здесь опять: *и область даде Ему и суд творити.* Для чего же Он так часто касается этих предметов, то есть суда, жизни и воскресения? Потому, что это больше всего может подействовать и на самого несговорчивого слушателя. Кто убежден, что воскреснет и даст тогда отчет, во грехах своих, тот, хотя бы и не видел никакого другого знамения, по одному этому убеждению скоро обратится и постарается умилостивить Судью своего. *Яко Сын человечь есть, не дивитеся сему* (Ин. V, 27.) Павел Самосатский

не так читает это место, а — как? *Областъ даде Ему суд творити, яко Сын человечъ естъ.* Но такое чтение не имеет никакой последовательности. Он не потому получил суд, что Он человек; иначе, что препятствовало бы и всем людям быть судьями? Но потому Он есть судья, что Он — Сын неизреченного Существа. Поэтому и надобно читать так: *яко Сын человечъ естъ, не дивитеся сему.* Так как слушателям могли казаться слова Его не совместными, потому что они почитали Его не более, как простым человеком, а между тем слова Его были выше человека, даже выше ангела, и только одному Богу могли быть свойственны, то, разрешая такое недоумение, Он и присовокупляет: *не дивитеся, яко Сын человечъ естъ: яко грядет час, в онъже вси, сущии во гробех, услышат глас* Его, *и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда* (ст. 29.) Но почему Он не сказал так: «не дивитеся, яко Сын человечь есть; Он есть вместе и Сын Божий», — а упомянул о воскресении? Он уже высказал это выше: *услышатъ глас Сына Божия.* А что здесь умолчал об этом, не удивляйся. Говоря о таком деле, которое свойственно Богу, этим самым дает слушателям основание заключать, что Он есть и Бог, и Сын Божий. Если бы Он часто повторял это, то слушателям это надоело бы, а доказывая то же самое чудными делами, Он делал учение Свое не столь ненавистным. Так и те, которые составляют умозаключения, положив известные основания, твердо доказывающие искомую истину, часто не выводят из них заключения, а чтобы более убедить в том слушателя и одержать более блистательную победу, предоставляют самому противнику вывести надлежащее заключение, так что присутствующие при этом тем более соглашаются с ними, когда противники произносят суд против самих себя. Далее Христос, упоминая о воскресении относительно Лазаря, умолчал о

суде, — потому что не для суда воскрес Лазарь; а говоря о всеобщем воскресении, присовокупил и то, что *сотворшии благая изыдут в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда.* Подобным образом Иоанн убеждал слушателей напоминанием о суде и тем, что *иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем* (Ин. III, 36). Так и сам Христос говорил Никодиму: *веруяй в Сына, не будет осужден, а не веруяй, уже осужден есть* (Ин. III, 18). Так и здесь Он упоминает о суде и наказании за злые дела. Выше Он сказал: *слушаяй словесе Моего и веруяй Пославшему Мя на суд не приидет;* а чтобы кто не подумал, будто это одно достаточно для спасения, Он касается и дел жизни и говорит: *сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая, в воскрешение суда.* Но так как Он сказал, что Ему даст отчет вся вселенная и все воскреснут по гласу Его, — дело новое и необычайное, которому и ныне еще многие не верят, даже из людей по-видимому верующих, не говоря уже о тогдашних иудеях, — то послушай, как Он это объясняет, снисходя опять к немощи слушателей. *Не могу*, говорит, *Аз о себе творите ничесоже: якоже слышу, сужду, и суд Мой праведен есть, яко не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца* (ст. 30). Не малое уже доказательство воскресения Он дал и в том, что исцелил расслабленного; поэтому и не прежде стал говорить о воскресении, как совершив исцеление, — такое дело, которое было не слишком далеко от воскресения. Также и о суде намекнул тогда, сказав после исцеления тела: *се здрав еси, к тому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. V, 14). Но Он предвозвещает здесь вместе о воскресении и Лазаря и всей вселенной; а предрекая о двух этих воскресениях, о Лазаревом, имевшем вскоре совершиться, и о всеобщем, имевшем быть впоследствии, спустя долгое время, Он уверяет в первом исцелением расслабленного и самою близостью этого со-

бытия, когда говорит: *грядет час и ныне есть,* а в истине последнего убеждает воскресением Лазаря, как бы представляя перед глаза еще несбывшееся посредством уже случившегося. Видно, что так Он и во всех случаях делал, то есть соединял вместе два или три предсказания и через исполнение одного удостоверял в других, будущих событиях.

4. Впрочем, сказав и сделав столь великие дела, Он тем еще не довольствуется; но, так как слушатели Его были еще слишком немощны, Он и последующими словами сокрушает их упорство, говоря так: *не могу Аз о себе творити ничесоже: якоже слышу, сужду, и суд Мой праведен есть: яко не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца* (Ин. V, 30). Слова эти могли казаться странными и несогласными с пророками, которые говорили, что Бог есть судия всей земли, то есть рода человеческого (так Давид повсюду проповедует, говоря: *Господь судит людем правостию* (Пс. XCV, 10), и еще: *Бог судитель, праведен, и крепок и долготерпелив* (Пс. VII, 12); также и все другие пророки и Моисей; а Христос говорил: *Отец не судит никомуже но суд весь даде Сынови*; итак это могло смутить тогдашнего слушателя – иудея и внушить опять мысль, что Он – богопротивник; поэтому Он здесь весьма снисходит в слове о Себе, настолько, насколько требовала немощь иудеев, чтобы совершенно искоренить такое пагубное мнение, и говорит: *не могу Аз о себе творити ничесоже,* то есть ничего странного, богопротивного, такого, чего не хочет Отец, вы не увидите в Моих делах и не услышите в словах. Как прежде, сказав: *яко Сын человечь есть,* Он тем показывал, что они считали Его простым человеком, так и здесь присовокупляет подобные слова. Как выше Он говорил: *еже вемы, глаголем, и еже видехом, свидетельствуем* (Ин. III, 21), и Евангелист Иоанн: *еже виде и слыша, сие*

свидетельствует, и свидетельства Его никтоже приемлет (ст. 32), и в том и в другом месте разумея ведение точное, а не просто одно слышание и видение, так и здесь, говоря о слышании, выражает только то, что Он не может желать ничего иного, кроме того, чего хочет Отец. Только Он не сказа́л этого так ясно (потому что они, услышав это прямо, не стерпели бы), но как? Весьма смиренно и по человечески: *якоже слышу, сужду*. Он не говорит также здесь о научении, не сказал: *якоже научаюсь*, но: *якоже слышу;* и не потому говорит так, будто бы нуждался в слушании, — Он не только не имеет нужды учиться, но и слушать, — но выражает этим единомыслие (с Отцом) и тожество суда. Таким образом слова Его означают следующее: Я так сужу, как бы и сам Отец судил. Затем присовокупляет: *суд мой праведен есть, яко не ищу воли моея, но воли пославшаго Мя Отца*. Что ты говоришь? Стало быть, Ты имеешь волю, отличную от воли Отца? А в другом месте Ты сказал: *якоже Аз и Ты едино есмы* (Ин. XVII, 22); и еще, говоря о единстве воли и единомыслии: *да и тии в Нас едино будут* (Ин. XVII, 20, 21), то есть верою в Нас. Видишь ли, как то, что кажется наиболее уничиженным, скрывает в себе высокий смысл? А этим Он дает разуметь вот что: не иная есть воля Отца, и иная у Меня; но как одной душе принадлежит и одно хотение, так и у Меня с Отцом. Не удивляйся, что Он говорит о таком единении с Отцом. Павел употребляет такой же пример и относительно Духа, когда говорит: *кто весть от человек яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем. Такожде и Божия никтоже весть, точию Дух Божий* (1 Кор. II, 11). Итак Он говорит только вот что: нет у Меня хотения иного, отдельного от Отца, но чего Отец хочет, того и Я, и чего Я хочу, того и Он. Потому как Отцу никто не может противоречить, когда Он судит, так и Мне; суд

тем и другим произносится с одною и тою же мыслью. А что Он беседует об этом человекообразно, и этому не удивляйся: ведь иудеи еще считали Его простым человеком. Поэтому в подобных случаях надобно обращать внимание не только на слова Его, но иметь в виду и понятия слушателей и принимать слова Его, как приспособление к их понятиям; иначе может произойти много нелепых последствий.

Вот смотри, — Он говорит: *не ищу воли Моея;* следовательно (можно бы подумать) у Него воля иная (чем у Отца) и притом гораздо несовершеннее, и не только несовершенна, но и не столь благотворна, — так как, если бы она была спасительна и согласна с волею Отца, то почему Ты не ищешь ее? Люди по справедливости могли бы говорить это, потому что они имеют много желаний несогласных с волею Божию; а почему это говоришь Ты, во всем равный Отцу? Такие слова, можно сказать, несвойственны даже человеку совершенному и распявшему самого себя. Если Павел так сочетал волю свою с волею Божиею, что сказал; *живу не к тому аз, но живет во мне Христос* (Гал. II, 20), то как Владыка всяческих мог сказать: *не ищу воли Моея, но воли Пославшаго Мя,* как будто они различны? Итак что же означают слова Его? Он ведет речь по-человечески и приспособляется к понятиям слушателей. Как в предыдущей беседе Он употреблял выражения то богоприличные, то человекообразные; так и здесь делает тоже самое и говорит как человек: *суд Мой праведен есть.* А откуда это видно? *Яко не ищу воли Моея, но воли Пославшаго Мя,* Как между людьми тот, кто чужд самолюбия, не может быть обвиняем в неправости суда, так и Меня ныне вы не можете упрекать в этом; кто хочет делать по-своему, того справедливо могут подозревать другие, что он по этой причине нарушает справедливость; а кто

не имеет в виду своей воли, тот какую может иметь причину судить несправедливо? Таким же образом рассуждайте и относительно Меня, потому что если бы Я говорил, что Я не от Отца послан и славу дел Своих не относил к Нему, то, может быть, кто-нибудь из вас и справедливо подозревал бы, что желаю только Себя самого прославить и говорю не истину. Если же дела Мои Я вменяю и усвояю другому, то почему и по какому побуждению вы стали бы наводить подозрение на слова Мои? Видишь, к чему Он приводит слово и как доказывает правость Своего суда, — тем, что и всякий другой стал бы говорить в свою защиту? Видишь, как ясно становится то, что я часто говорил? Что же такое я говорил? То, что крайнее смирение в словах, — оно-то наиболее и внушает людям здравомыслящим не уничижать смысла изречений так, как по первому взгляду представляется, а в разумении их восходить на высоту заключающихся в них мыслей. Таким образом это смирение в словах мало-помалу и удобно и пресмыкающихся долу возвышает горе.

Итак, имея все это в виду, не будем, убеждаю вас, оставлять без внимания изречения, но будем тщательно исследовать все и везде обращать внимание на причину сказанного. Не будем думать, что для нас достаточным извинением может служить наше незнание и простота; Христос заповедал нам быть не только простыми, но и мудрыми. Поэтому с простотою позаботимся соединить и благоразумие, как в учении, так и в делах жизни; будем судить сами себя здесь, *да не с миром тогда осудимся*. И в отношении к рабам своим будем такими, каким желаем иметь к себе самим Господа нашего. *Остави нам*, говорим мы, *долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим* (Мф. VI, 12). Знаю, что оскорбленная душа не легко переносит оскорбления; но

если подумаем, что прощением обиды мы делаем добро не столько оскорбившему, сколько себе самим, то легко извергнем из себя яд гнева. И тот, кто не простил должнику своему ста динариев, обидел не собрата своего, но себя самого сделал должником тысячи талантов, которые прежде были прощены ему. Таким образом, когда мы не прощаем другим, то не прощаем самим себе. Будем же не Богу только говорить: не помяни согрешений наших, но и самому себе пусть каждый говорит: да не помянем согрешений собратий наших против нас. Ты сам первый судья твоим делам, а потом уже судит их Бог. Ты пишешь себе закон прощения и наказания и изрекаешь себе приговор того или другого; таким образом от тебя зависит — помянет ли, или не помянет Бог грехи твои. Потому и Павел заповедует прощать, *аще кто на кого иматъ поречение* (Кол. III, 13), да и не просто прощать, а так, чтобы и следов (гнева) не оставалось. И Христос не только не поставил на вид грехи наши, но и не воспомянул о том, что мы согрешили, и не сказал: ты согрешил в том и в том, а простил и уничтожил рукописание, не вменив нам преступлений, как изъяснил это Павел (Кол. II, 14). Так будем поступать и мы, и изгладим все из нашей памяти; разве что-либо доброе сделано оскорбившим нас — это одно и будем помнить. А если он сделал что-нибудь оскорбительное и враждебное, то оставим это и изгладим из памяти, так чтобы не осталось и следов. Если же от него не было нам ничего доброго, то тем больше нам награды, больше хвалы, если мы прощаем. Иные изглаждают грехи свои бдениями, лежанием на земле и бесчисленными подвигами; а ты можешь уничтожить все согрешения свои гораздо более легким способом — непамятованием зла. Для чего же ты поднимаешь меч на самого себя, подобно беснующимся и сумасшедшим, и лишаешь сам себя будущей жизни, тогда как надобно

всеми способами достигать ее? Если настоящая жизнь так вожделенна, то что сказать о той, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания? Там уже не надобно ни бояться смерти, ни опасаться потери тамошних благ. Блаженны, и преблаженны, и многократно блаженны те, которые сподобились этого блаженного жребия, напротив несчастны, и пренесчастны, и неисчетно несчастны те, которые сами себя лишают блаженства. Да что же, скажут, может доставить нам такую жизнь? Послушай, как сам Судья беседовал об этом с одним юношею. Когда юноша спросил: *что благо сотворю, да имам живот вечный* (Мф. XIX, 16)? – тогда Христос, напомнив о заповедях закона, остановился на любви к ближним. И, может быть, теперь кто-нибудь из слушателей, подобно тому богачу, скажет: и мы все то сохранили: не крали, не убивали, не любодействовали. Но того еще не можешь ты сказать, что ты и ближнего возлюбил, как должно любить. Ты, например, или позавидовал кому-нибудь, или позлословил, или не помог обиженному, или не поделился собственностью, а следовательно и не возлюбил ближнего. Но Христос заповедал не это только, а и еще нечто другое. Что же такое? *Продаждь*, говорит, *имение твое, и даждь нищим, и гряди в след Мене* (Мф. XIX, 21). Последованием называет Он подражание Ему в делах. Чему же мы научаемся отсюда? Во-первых тому, что не имеющему всего этого невозможно достигнуть преимуществ будущего жребия. Когда юноша сказал, что он сделал все, тогда Христос, как бы недоставало еще чего-то важного для полного совершенства, говорит ему: *аще хощеши совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след Мене.* Итак, во-первых этому мы должны научиться. Во-вторых, видим, что юноша сам себя обличил в пустом самодовольстве: ведь если он жил в таком изобилии, а других, находившихся в бедности, презирал, то как же

он мог сказать, что возлюбил ближнего? значит и то (что исполнил заповеди) он говорил несправедливо. Итак, будем исполнять то и другое; постараемся расходовать наше имущество так, чтобы приобрести небо. Если иной за житейское величие часто отдает все свое имущество, — величие, которое останется здесь и даже не может продолжаться немного времени, так как многие еще задолго до смерти лишались власти, другие за нее платили иногда самою жизнью, и все же, не смотря на это, жертвуют за нее всем, — если, говорю, ради этого люди так много делают, то можно ли быть несчастнее нас, для славы нескончаемой и неотъемлемой не уделяющих даже малости, не желающих отдать и того, что через немного времени должны же будем здесь оставить? Какое безумие — не хотеть добровольно отдать и взять с собою то, чего можем лишиться против воли? Ведь если бы нас вели на смерть, а потом предложили избавиться от смерти ценою всего нашего имущества, мы конечно почли бы это за милость; а теперь, когда мы увлекаемся по пути в геенну и могли бы избавиться от нее, пожертвовав половину имения, мы соглашаемся лучше подвергнуться мучению и хотим удержать у себя то, что нам не принадлежит, и таким образом теряем истинно нам принадлежащее. Какое же оправдание будем мы иметь, какое прощение, если нам проложен столь удобный путь к жизни, а мы носимся по стремнинам, идем путем бесплодным, лишая себя всего и здесь и там, тогда как могли бы верно приобрести все и там и здесь? Так, если не прежде, то по крайней мере теперь образумимся и, пришедши в себя самих, будем употреблять настоящие блага, как следует, чтобы удобнее получить и будущие, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XL

Аще Аз свидетельствую о Мне, свидетельство Мое несть истинно. Ин есть свидетельствуяй о Мне, и вем, яко истинно есть свидетельство его (Ин. V, 31, 32)

1. Если кто не сведущий станет рыть землю, содержащую в себе металлы, то золота не добудет, а только, перемешав все без разбора, понесет труд бесполезный, и даже во вред себе. Так и не знающие порядка мыслей в божественном Писании; не вникающие в его особенности и законы, а все невнимательно и безразлично пробегающие, смешивая золото с землею, никогда не найдут скрытого в нем сокровища. Это говорю я теперь потому, что предстоящее место (Писания) заключает в себе много золота, но оно незаметно, а прикрыто снаружи большою неясностью. Поэтому надобно раскапывать и расчищать это место, чтобы дойти до истинного его смысла. Кто с первого раза не смутится, слыша слова Христовы: *аще Аз свидетельствую о Мне, свидетельство Мое несть истинно?* Мы видим, что Он, многократно свидетельствовал о самом Себе; так, беседуя с женою самарянкою, Он говорил: *Аз есмь глаголяй с тобою* (Ин. IV, 26); и слепому также сказал: *глаголяй с тобою, той есть* (Ин. IX, 37); и иудеев обличал: *вы глаголете, яко хулу глаголеши, зоне рех: Сын Божий есмь* (Ин. X, 36); и во многих других местах Он так делает. Если же все это неправда, то какая останется нам надежда спасения? Где мы найдем истину, если сама Истина говорит: *свидетельство Мое несть истинно?* И не это только противоречие здесь представляется, а еще и другое не меньшее. Он говорит далее: *аще Аз свидетельствую о Себе, истинно есть свидетельство Мое* (Ин. VIII, 14). Что же, скажешь, нам принять? Которое из этих двух изречений считать неистинным? Если мы примем эти слова просто так, как

они сказаны, не обращая внимание ни на лицо, ни на причину, ни на что другое, — в таком случае и то и другое будет ложно. Если вообще свидетельство Его не истинно, то и эти самые слова не истинны, — не только последние, но и первые. Что же означают эти изречения? Много внимательности нужно нам иметь, или лучше — благодати Божией, чтобы не останавливаться на одних словах; потому и еретики заблуждаются, что не обращают внимания ни на цель говорящего, ни на свойства слушателей. Итак, если мы не вникнем в это, а также и в другие обстоятельства, как то: время, место, дух слушателя, — то может произойти много нелепостей. Что же означают слова Христовы? Иудеи намеревались возразить Ему: *Ты о себе сам свидетельствуеши; свидетельство Твое несть истинно* (Ин. VIII, 13); а Он, предупреждая их, и сказал это, как бы так говоря: вы конечно скажете Мне: мы не веруем Тебе потому, что между людьми никто свидетельствующий о самом себе никогда не заслуживает веры. Потому выражение: *свидетельство Мое несть истинно* надобно разуметь не просто, а приспособительно к понятию иудеев, то есть: для вас не истинно. Таким образом Он сказал эти слова не вопреки достоинству Своему, а приспособительно к их мнению. Итак, когда Он говорит: *свидетельство Мое несть истинно,* — этим обличает их мысли и преднамеренное с их стороны возражение Ему; а когда говорит: *аще Аз свидетельствую о себе, истинно есть свидетельство Мое,* — этим показывает самую сущность дела, то есть, что Его, как Бога, следует почитать достойным веры и тогда, как Он говорит о самом Себе. Перед этим Он говорил о воскресении мертвых и суде, — о том, что верующий в Него не подлежит суду, но прейдет в живот, что Он воссядет некогда на суд, чтобы потребовать от всех отчета, и что Он имеет единую с Отцем власть и силу; теперь, намереваясь снова подтвердить все это и еще

иным образом, Он по необходимости предварительно выставляет на вид их возражение. Я сказал, говорит, что, *якоже Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет, живит;* Я сказал, что *Отец не судит никомуже, но суд весь даде Сынови;* сказал: *да вси чтут Сына, якоже чтут Отца; и иже не чтит Сына, не чтит и Отца;* сказал, что *слушаяй словесе моего, и веруяй, не узрит смерти, но прейдет от смерти в живот,* Я сказал, что *глас мой* воскресит мертвых, — одних ныне, а других впоследствии времени; сказал, что Я истребую от всех отчета во грехах, что буду судить праведно и вознагражу делающих добро. Так как все это было высказано, и все это очень важно, но ясного доказательства для иудеев еще не было дано, а только сказано прикровенно, то Он, намереваясь поспешить к изъяснению сказанного, наперед представляет их возражение и говорит как бы так, хотя и не такими именно словами: может быть, вы скажете: все это говоришь Ты; но Ты свидетель не заслуживающий веры, когда свидетельствуешь сам о себе. Таким образом Он с первого раза поражает их любопрение, выставляя на вид то, что они намеревались сказать, и тем показывая, что Он знает и тайные помышления их; а дав через это первое доказательство Своей силы, Он после возражения представляет и другие ясные и неоспоримые доказательства, именно приводить трех свидетелей истинности Своих слов: дела, Им совершенные, свидетельство Отца и проповедь Иоанна. При этом выставляет наперед меньшее, именно свидетельство Иоанново. Сказав: *ин есть свидетельствуяй о Мне, и вем, яко истинно есть свидетельство его,* присовокупляет: *вы посласте ко Иоанну, и свидетельствова о истине* (Ин. V, 33). Но, если свидетельство не истинно, как же Ты говоришь, что свидетельство Иоанново истинно, и что Он свидетельствовал об истине? Видишь ли, как и отсюда становится ясно, что слова: *сви-*

детельство Мое несть истинно сказаны приспособительно к мыслям иудеев?

2. Но что, если Иоанн свидетельствовал так из угождения Христу, – скажешь ты? Что бы иудеи не сказали этого, посмотри, как Христос устраняет и такое подозрение; не просто говорит: Иоанн свидетельствовал о Мне, а наперед заметил: *вы посласте ко Иоанну;* а вы конечно не послали бы, если бы не почитали его свидетельства достоверным. А что еще важнее, они посылали спросить его не о Христе, а о нем самом (Ин. I, 19); итак, если они почитали его достойным веры в свидетельстве о самом себе, тем более о другом. Мы все – люди привыкли не столько верить говорящим о самих себе, сколько говорящим о других. А Иоанна признавали настолько достойным веры, что и касательно себя самого он не имел нужды в постороннем свидетельстве. Таким образом посланные не спрашивали: что ты скажешь о Христе? а только: *ты кто еси?* Что глаголеши о тебе самом? Столь великое благоговение имели они к этому мужу. На все это Христос и указывал, когда говорил: *вы посласте ко Иоанну*. Потому-то и Евангелист не просто сказал, что они послали, но и о посланных с точностью заметил, что это были и священники и фарисеи, а не простые люди, не отверженные и не такие, которые могли бы увлечься и обмануться, но которые способны были в точности выразуметь сказанное Иоанном. *Аз же не от человек свидетельства приемлю* (Ин. V, 34). Почему же Ты привел свидетельство Иоанна? Потому, что и оно было свидетельство не человеческое; Иоанн говорил: *пославый мя крестити водою. Той мне рече* (Ин. I, 33). Таким образом и свидетельство Иоанна было свидетельство Божие, потому что по Божию внушению он говорил то, что говорил. Но чтобы они не сказали: откуда известно, что Иоанн говорил по внушению Божию, и чтобы не прекослови-

ли этому, Христос решительно заграждает уста их, направляя опять Свою беседу против их мыслей. Многие вероятно не знали этого, а внимали Иоанну, как говорившему от себя самого. Потому Христос говорит: *Аз же не от человек свидетельства приемлю.* Но если Ты не намерен принимать свидетельство от человека и на нем основываться, то для чего приводишь свидетельство Иоанна? Чтобы они не сказали этого, послушай, как Он опровергает и такое возражение прибавлением последующих слов; сказав: *Аз не от человек свидетельства приемлю,* Он присовокупляет: но *сия глаголю, да вы спасени будете,* то есть: Я, как Бог, не имел бы нужды в человеческом его свидетельстве; но так как вы более внемлете ему, считаете его достовернее всех других, и к нему стекаетесь, как к пророку (а весь город стекался на Иордан), Мне же не веруете и тогда, как Я творю чудеса, — то вот почему Я и напоминаю вам его свидетельство. *Он бе светильник горя и светя: вы же восхотесте возрадоватися в час светения его* (Ин. V, 35). Чтобы они не сказали: что же, хотя Иоанн и говорил, но мы не приняли свидетельства его, — Он показывает, что они именно приняли сказанное, потому-то и не простых людей посылали, а священников и фарисеев. Так они уважали этого мужа и не решались тогда противоречить словам его. Но выражением: *в час* Он показывает легкомыслие их, — в том, как скоро они отошли от Иоанна. *Аз же имам свидетельство более Иоаннова* (ст. 36). Если бы вы хотели принять веру, как следует, то Я привел бы вас к ней лучше всего делами Своими; но как вы не хотите этого, то Я отсылаю вас к Иоанну, не потому чтобы имел нужду в свидетельстве его, но Я для того все делаю, чтобы вы спаслись. *Аз имам свидетельство более Иоаннова,* именно — свидетельство от дел Моих; но Я не то только имею в виду, чтобы быть принятым вами по свидетельству дел, которые достой-

ны веры сами по себе, но и по свидетельству людей, вам известных и вами уважаемых. Таким образом, словами: *вы же восхотесте возрадоватися в час светения его* упрекнув их в том, что они показали усердие к Иоанну, только временное и нетвердое, Он называет его *светильником* и тем показывает что Иоанн имел свет не от себя самого, но от благодати Духа. Впрочем, в противоположность этому свету, Христос еще не высказывает, что сам Он есть солнце правды; а только намекает на это, и тем сильно поражает их и дает видеть, что они и во Христа не могли уверовать по тем же самым свойствам сердца, по которым пренебрегли Иоанном. И уважаемого ими человека они уважали только *на час;* а если бы поступили не так, то он скоро привел бы их к Иисусу. Итак, доказав, что они во всех отношениях не заслуживают никакого извинения, Он присовокупляет: *Аз же имам свидетельство более Иоаннова.* Какое же? Свидетельство от дел. *Дела бо*, говорит, *яже даде Мне Отец, да совершу Я, та дела, яже Аз творю, свидетельствуют о Мне, яко Отец Мя посла* (ст. 36). Здесь Он напоминает им о расслабленном, о сухоруком исцеленном, и о многих других. О свидетельстве Иоанновом иной из них, может быть, сказал бы, что оно преувеличено и сказано по дружелюбию, хотя впрочем и это-то не могли они сказать об Иоанне — муже, исполненном строгого любомудрия и столько ими самими уважаемом; но о делах Христовых даже крайне безумные не могли иметь такого подозрения. Поэтому Христос и привел это второе свидетельство, сказав: *дела, яже даде Мне Отец, да совершу Я, та дела, яже Аз творю, свидетельствуют о Мне, яко Отец Мя посла.* Здесь же Он опровергает и обвинение в нарушении субботы. Они говорили; как может быть от Бога тот, кто не хранит субботы? На это Он и сказал: *яже даде мне Отец.* Хотя Он действовал и по собственной влас-

ти, но, желая вполне показать, что Он не делает ничего противного Отцу, Он употребил смиреннейшее выражение.

3. Но почему Он не сказал: дела, которые Отец дал Мне совершить, свидетельствуют, что Я равен Отцу? Ведь и то и другое можно было видеть из дел Его, – и что Он не делает ничего противного, и что Он равен Родившему Его, подобно тому как в другом месте, утверждая это, Он говорил: *аще и Мне не веруете, делом Моим веруйте, да разумеете и веруете, яко во Мне Отец, и Азъ в Нем* (Ин. X, 38). То и другое свидетельствовали о Нем дела, – и что Он равен Отцу, и что ничего не делает противного Ему. Почему же Он так не сказал, но, оставив важнейшее, сказал только вышеозначенные слова? Потому что о том-то и был прежде всего вопрос. Хотя уверить, что Он пришел от Бога значило гораздо менее, нежели уверить, что Он Бог, равный Отцу (так как первое и пророки говорили, а последнего не могли сказать), однако Он со тщанием утверждает меньшее, зная, что когда будет принято меньшее, тогда уже легко будет принято и большее. Потому-то, вовсе не упоминая о высшем свидетельстве, Он приводит меньшее, чтобы через последнее они приняли и первое. Сделав это, Он продолжает: *и пославый Мя Отец сам свидетельствова о Мне* (ст. 37). Где же Отец свидетельствовал о Нем? На Иордане, когда сказал: *сей есть Сын Мой возлюбленный: Того послушайте.* Но и это свидетельство еще требовало объяснения. Свидетельство Иоанна было для них ясно, потому что они сами посылали к нему и не могли отказаться от того; также очевидно было и свидетельство чудотворений: они видели совершаемые Христом чудеса, слышали о них от исцеленных и верили, потому и обвиняли Христа. Оставалось, наконец, доказать истинность свидетельства от Отца. Итак, намереваясь объяснить это, Он присовокупляет: *ни гласа Его*

нигдеже слышасте. А как же Моисей говорит: *Бог глаголаше, Моисей же отвещеваше* (Исх. XIX, 19)? Как Давид: *языка, егоже не ведяше, услыша* (Пс. LXXX, VIII)? И как опять Моисей говорит: *аще кий язык слыша глас Бога живаго* (Втор. IV, 33)? *Ни видения Его видесте.* Однако об Исаии, Иеремии и Иезекииле, и многих других сказано, что они видели Бога. Что же значат слова Христовы? Он возводит их к любомудрому учению, показывая малопомалу, что у Бога нет ни голоса, ни вида, но что Он выше таких образов и звуков. Как словами: *ни гласа Его слышасте* Он не то выражает, что Бог издает голос, только не слышимый, – так и словами: *ни видения Его видесте* выражает не то, что Бог имеет лицо, только незримое, а то, что в Боге ничего такого нет. Именно, чтобы иудеи не сказали: напрасно Ты хвалишься, Бог говорил с одним только Моисеем [как действительно они и говорили: *мы вемы, яко Моисеови глагола Бог, сего же не вемы, откуду есть* (Лк. IX, 29)], – вот Он и сказал так, показывая им, что у Бога нет ни человеческого голоса, ни вида. Да что Я говорю, продолжает Он? Вы не только гласа Его никогда не слыхали и вида не видали, но и того, чем вы наиболее хвалитесь и в чем все вы уверены, будто вы принимаете и храните заповеди Его, – и этого вам нельзя сказать о себе. Это самое Он давал им разуметь, присовокупив: *и словесе Его не имате пребывающа в вас* (Ин. V, 38), то есть повелений, заповедей, закона, пророков. Хотя Бог и дал эти заповеди, но их нет у вас, потому что вы не веруете Мне. Если Писания и здесь и там учат, что надобно веровать Мне, а вы не веруете, – ясно, что слово Его не пребывает в вас. Таким образом Он далее прибавляет: *зане Егоже Той посла, сему вы веры не емлете* (ст. 38). Потом, чтобы они не сказали: как же Бог свидетельствовал о Тебе, когда мы не слыхали голоса Его? – говорит: *испытайте Писаний та бо суть свидетельствующая о Мне* (ст. 39), и этим показыва-

ет, что Отец свидетельствовал через Писания. Он свидетельствовал и на Иордане и на горе; однако же на этот голос Христос не указывает. Может статься, что они этому и не поверили бы, потому что в одном случае они и не слыхали голоса, именно на горе, а в другом — и слышали, да не обратили внимания. Поэтому Христос отсылает их к Писаниям, показывая, что и в них есть свидетельство Отца. Но сперва Он уничтожает их старое самохвальство, будто они видели Бога, или слышали голос Его. Так как можно было ожидать, что они не поверят словам Его о голосе Отца, представляя себе то, что происходило на горе Синае, то Христос, исправив сперва мысли их об этом предмете, показав, что все то сделано было по снисхождению, затем и отсылает их к свидетельству Писаний.

4. Будем же и мы в состязании и борьбе с еретиками заимствовать для себя подкрепление из Писаний. *Всякое Писание*, говорит апостол, *богодухновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию, еже в правде, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован* (2 Тим. III 16, 17,) — а не так, чтобы одно он имел, а другого не имел: такой еще не совершен. Какая, например, польза, скажи мне, если кто молится прилежно, а милостыню подает не щедро? Или щедро подает милостыню, но лихоимствует и притесняет других, или подает только на показ людям и ради похвалы от зрителя? Или хотя подает милостыню с полным усердием и для благоугождения Богу, но этим самым превозносится и высокомудрствует о себе? Или смиряется и соблюдает посты, но при этом сребролюбив, любостяжателен и, будучи привязан к земле, вводит в душу свою мать всех зол? Ведь корень всех зол есть сребролюбие. Будем страшиться его, будем убегать этого греха. Сребролюбие возмутило всю вселенную; все привело в беспорядок; оно удаляет нас от блаженнейшего служения

Христу: *не можете*, говорится. *Богу работати и мамоне* (Мф. VI, 21), – потому что мамона требует совершенно противного Христу. Христос говорит: подай нуждающимся, а мамона: отними у нуждающихся; Христос говорит: прощай злоумышляющим на тебя и обидящим, а мамона напротив: строй козни против людей, нисколько не обижающих тебя; Христос говорит: будь человеколюбив и кроток, а мамона напротив: будь жесток и бесчеловечен, считай ни за что слезы бедных, – и таким образом в день суда сделает страшным для нас Судью. Тогда все наши деяния предстанут перед нашими глазами: обиженные и обнаженные нами лишат нас всякого оправдания. Если Лазарь, нисколько не обиженный богачом, а только не получивший от него помощи, сделался строгим его обвинителем, и не допустил богатого получить какое-либо снисхождение, то, скажи, какое оправдание будут иметь те, которые не только не подают милостыни из своего имущества, но еще присвояют себе чужое и разоряют дома сирот? Если не напитавшие алчущего Христа навлекли на главу свою столь великий огонь, то похищающие чужое, ведущие бесчисленные тяжбы, несправедливо присвояющие себе имения от всех какую получать отраду? Итак, исторгнем из себя эту страсть, а исторгнем, если подумаем о тех, которые прежде нас делали другим несправедливости, лихоимствовали и умерли. Не другие ли пользуются их богатством и трудами, тогда как сами они подвержены казни, мукам и невыносимым злостраданиям? Не крайнее ли это безумие – трудиться и заботиться, чтобы и при жизни истощаться от трудов, и по смерти терпеть невыносимые наказания и мучения, тогда как надлежало бы и здесь наслаждаться благоденствием (а ничто не доставляет столько удовольствия, как милостыня при чистой совести), и по отшествии в другую жизнь избавиться там от всех зол и

достигнуть бесчисленных благ. Как порок здесь, еще прежде геенны, обыкновенно мучит преданных ему, так добродетель еще прежде царствия доставляет здесь наслаждение подвизающимся в ней, услаждая их жизнь приятными надеждами и постоянным удовольствием. Итак, чтобы нам получить это удовольствие и здесь и в будущей жизни, обратимся к добрым делам; таким образом сподобимся мы и будущих венцов, которых и да удостоимся все благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLI

Испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный: и та суть свидетельствующая о Мне: и не хощете приити ко Мне, да живот имате (Ин. V, 39, 40)

1. Много надлежит нам, возлюбленные, иметь попечения о делах духовных; и не будем думать, что для спасения достаточно заниматься ими как-нибудь. Если в делах житейских ничего великого достигнуть не может тот, кто исполняет их небрежно и как случилось, то тем более так должно быть в делах духовных, потому что они и требуют наибольшей тщательности. Поэтому и Христос, отсылая иудеев к Писаниям, отсылал не для простого чтения, а для точного и обдуманного испытания их. Он не сказал: *читайте Писания,* но: *испытайте Писаний,* потому что сказанное о Нем в Писаниях требовало много внимания (как прикровенно сказанное для пользы людей того времени). Итак, Он повелевает им теперь со тщанием углубляться в Писания, чтобы они могли найти сокровенное в глубине их. Сказанное

о Христе не поверхностно сказано и не на виду положено; но, как сокровище некое, положено в великой глубине. А кто, отыскивая положенное в глубине, с усердием и трудом не станет искать, тот и никогда не найдет искомого. Поэтому, сказав: *испытайте Писаний,* Христос присовокупил: *яко вы мните в них имети живот вечный.* Не сказал: *имеете,* но: *мните имети,* показывая, что надеющиеся спастись одним чтением, без веры, не могут приобресть никакого великого и важного плода. Он как бы говорит: не уважаете ли вы Писаний? Не почитаете ли их источниками жизни? На них и Я теперь утверждаюсь, потому что они свидетельствуют о Мне. *И не хощете приити ко Мне, да живот вечный имате.* Итак, справедливо Он говорил: *мните,* потому что они не хотели повиноваться Писаниям, а только хвалились одним чтением их. Далее, чтобы, ради великого попечения Его об них, не стали они подозревать Его в любочестии, и чтобы не подумали, будто, желая от них веры Себе, Он наблюдает Свою выгоду (а Он упоминал и о голосе Иоанна, и о свидетельстве Бога Отца, и о Своих делах, и обещал жизнь, и употреблял все, чтобы привлечь их к Себе), — так как, говорю, многие вероятно подозревали, что Он говорил такие слова из любви к славе, то вот послушай, что Он прибавляет: *славы от человека не приемлю* (ст. 41), то есть не имею в ней нужды. Не такова, говорит, моя природа, чтобы Мне нуждаться в человеческой славе. Если солнце от светильника не получает приращения света, тем более Я далек от того, чтобы иметь нужду в человеческой славе. А для чего говоришь это, могли сказать Ему, если не нуждаешься в славе? *Да вы спасени будете* (ст. 34); это Он сказал еще прежде. Но тоже самое выражает и здесь словами: *да живот имате* (ст. 40). Но Он выставляет и другую причину; какую? *Разумех вы, яко любве Божия не имате в себе* (ст. 42). Иудеи

часто гнали Его, будто бы из любви к Богу, – за то, что Он делал Себя равным Богу (Ин. V, 18); с другой стороны Он знал, что они не хотели веровать в Него. Итак, если бы кто спросил: для чего же Ты говоришь это? – Он и отвечает: для того, чтобы обличить вас в том, что вы преследуете Меня не из любви к Богу. И сам Он свидетельствует обо Мне и делами и Писаниями. Как прежде вы Меня гнали, считая Меня богопротивником, так теперь, когда Я показал это, вам следовало бы обратиться ко Мне, если бы вы любили Бога. Но вы не любите Его: поэтому-то Я и сказал это, чтобы показать, что вы слишком надменны и напрасно хвалитесь, прикрывая только свою зависть. Но это доказывает Он не только из настоящих обстоятельств, но и последующих. *Аз приидох*, говорит, *во имя Отца Моего, и не приемлете Мене: аще ин приидет во имя свое, того приемлете* (ст. 43). Видишь ли, как Он и там и здесь говорит о Себе, что Он послан от Отца, и суд получил от Него, и ничего не может делать сам от себя, именно для того, чтобы отсечь всякий предлог к неправомыслию. Но о ком это Он говорит: *приидет во имя свое?* Здесь Христос намекает на антихриста, и вместе представляет неопровержимое доказательство их неблагомыслия. Если вы преследуете Меня, говорит Он, из любви к Богу, то гораздо более следовало бы так поступить с антихристом. Он ничего подобного не будет говорить, то есть что послан от Отца, что пришел по воле Его; но совершенно напротив, насильственно будет похищать все ему не принадлежащее, и называть себя богом над всем, как и Павел пишет: *паче всякаго глаголемаго бога, или чтилища, показующа себе, яко бог есть* (2 Сол. II, 4). Это именно и значит, что он *приидет во свое имя*. Но Я, говорит Христос, пришел не так, а во имя Отца Моего. Достаточно было и этого для доказательства, что они не любят Бога, так как не приняли того, кто говорил им о себе,

что послан от Бога. Но в настоящем случае Он показывает бесстыдство их и с противоположной стороны — из того, что они готовы принять антихриста. Как скоро они не приняли говорившего им о себе, что Он послан от Бога, но готовы были поклониться тому, который не признает Бога, а превозносится и выдает себя за бога над всеми, то ясно, что гонение (на Христа) было делом зависти, а не любви к Богу. Таким образом, Христос представляет две причины на то, что сказал о Себе: сперва более снисходительную, сказав: *да вы спасены будете*, и: *живот имате:* потом, — так как они намеревались осмеять Его, — представляет и более поразительную причину, показывая, что, хотя бы слушающие и не веровали Ему, Бог во всяком случае сделает Ему угодное.

2. Павел, беседуя об антихристе, пророчески сказал: *послет им Бог действо льсти, да суд приимут вси неверовавшии истине, но благоволившии в неправде* (2 Сол. II, 11, 12). Но Христос не сказал, что антихрист прийдет, но: *аще приидет*, щадя слушателей, потому что их нечестие тогда еще не вполне открылось. Вот почему Он умолчал о причине пришествия антихриста; а Павел с точностью означил эту причину для людей, могущих разуметь, и тем лишил иудеев всякого извинения. Но далее Христос показывает и причину их неверия, продолжая: *како можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищете* (ст. 44); таким образом, опять дает видеть, что они действительно не заботились о славе Божией, а под таким предлогом хотели только оправдать свою страсть. В таких поступках они так далеки были от желания славы Божией, что сами искали более славы человеческой, нежели Божией. Как же они могли возыметь такую неприязнь из-за славы Божией, которою столько пренебрегали, что даже предпочитали ей славу человеческую? Сказав же, что они не

имеют любви к Богу, и доказав это двумя причинами – их поступками в отношении к Нему и будущими отношениями к антихристу, изъяснив притом, что они не заслуживают никакого прощения, Христос приводит на обличение их и Моисея, и так поражает их: *не мните, яко Аз на вы реку ко Отцу: есть, иже на вы глаголет, Моисей, наньже вы уповаете. Аще бо бысте веровали Моисеови, веровали бысте и Мне: о Мне бо той писа. Аще ли того писанием не веруете, како Моим глаголом веру имете* (Ин. V, 45– 47)? Он как бы так говорит: своими действиями против Меня вы прежде Меня оскорбляете Моисея, потому что вы не веруете еще более Моисею, нежели Мне. Смотри, как Он со всех сторон лишает их всякого оправдания. Вы говорите, что гонением на Меня доказываете свою любовь к Богу? Но Я показал, что вы делаете это по нелюбви к Нему. Вы говорите, что Я нарушаю субботу и преступаю закон? Я отверг и это обвинение. Вы утверждаете, что по вере в Моисея дозволяете себе такие поступки против Меня? Я опять вам объясняю, что этим-то в особенности вы и доказываете свое неверие Моисею. Я столь далек от намерения идти против закона, что и обвинителем вашим будет не другой кто, а сам тот, кто дал вам закон. Как о Писаниях Христос говорил: *яко в них мните имети живот вечный,* – подобным образом и о Моисее говорит: *наньже вы уповаете,* связывая иудеев во всяком случае их собственными словами. Откуда же видно, сказали бы, что Моисей будет обвинять нас, и что Ты этим не напрасно хвалишься? Что общего у Тебя с Моисеем? Ты нарушаешь субботу, которую Моисей законоположил сохранять: каким же образом он может обвинять нас? Да откуда видно и то, что мы уверуем в другого, который придет в свое имя? Все это Ты говоришь без доказательств. Но все это (отвечает им Христос) выходит уже из предыдущего. Как скоро Моими дела-

ми, голосом Иоанна, свидетельством Отца подтверждено, что Я пришел от Бога, то ясно, что Моисей будет обвинять вас. Что он сказал? Не то ли, что, если явится муж, творящий чудеса, приводящий людей к Богу и верно предрекающий будущее, — такому с полною доверенностью надобно повиноваться? Христос не сделал ли всего этого? Он и чудеса совершал несомненно истинные, и к Богу всех привлекал, и Свои предсказания оправдывал исполнением их. Но откуда видно, что они уверуют в другого? Из самой ненависти их ко Христу. Отвергающие того, кто приходит по воле Божией, без сомнения, примут богопротивника. Если же Он указывает теперь на Моисея, а прежде говорил: *Аз от человека свидетельства не приемлю,* — ты этому не удивляйся: Он не к Моисею их отсылает, а к божественным Писаниям. Но так как Писания мало устрашали их, то Он обращает слово к лицу Моисея, представляя им обвинителя в самом законодателе, и таким образом производит в них гораздо сильнейший страх и опровергает все, что ни было сказано ими. Замечай же: они говорили, что преследуют Его из любви к Богу, — Он показывает, что они делают это по нелюбви к Богу. Они говорили, что держатся Моисея, — Он показывает, что они поступают так по недоверию к Моисею. Если они ревновали о законе, то им следовало принять исполнявшего закон. Если любили Бога, то им надлежало повиноваться привлекавшему их к Богу. Если верили Моисею, то им следовало поклониться Тому, о ком Моисей пророчествовал. А если ему не верили еще прежде, чем Мне, то нет ничего удивительного, что гоните и Меня, проповеданного им. И тогда, как иудеи благоговели к Иоанну, Христос доказывал из их поступков с Ним, что они презирают Иоанна; и теперь, когда они думают, что верят Моисею, Он показывает их неверие, и таким образом все,

чем они мечтали оправдать себя, Он постоянно обращает на их же голову. Я, говорит Он, столько далек от мысли – отвлекать вас от закона, что к обвинению вашему призываю и самого законодателя. Впрочем, хотя Он сказал, что Писания свидетельствуют о Нем, но где они свидетельствуют, этого не присовокупил, желая навести на них тем больший страх, обратить к испытанию Писаний и поставить в необходимость спрашивать Его самого об этом. А если бы Он предупредил их и объяснил это без вопросов с их стороны, то они отвергли бы и свидетельства Писаний. Теперь же, если они были внимательны к Его словам, – им следовало прежде всего спросить об этом и узнать от Него. Для этого-то Он особенно и распространяет не только Свои доказательства против них, но и прещения и угрозы, чтобы по крайней мере страхом изрекаемых на них слов вразумить их. Но, и несмотря на это, они молчат. Такова злоба! Что бы ни говорили, что бы ни делали, она не трогается, но упорствует, сохраняя в себе свой яд.

3. Поэтому надлежит извергать из души всякую злобу и никогда не сплетать никаких козней. *К стропотным,* сказано, *стропотныя пути посылает Бог* (Притч. XXI, 8), и: *Святый Дух наказания отбежит льстива и отымется от помышлений неразумных* (Прем. Сол. I, 5). Ничто так не делает людей глупыми, как злоба. В самом деле, когда человек бывает коварен, неблагонамерен, непризнателен (а это виды злобы), когда раздражается ничем не обиженный, строит ковы, то не представляет ли в этом доказательств крайнего своего безумия? С другой стороны ничто так не делает людей разумными, как добродетель: она делает их признательными, благонамеренными, человеколюбивыми, тихими, кроткими, смиренными; она обыкновенно рождает и все другие совершенства. Кто же может быть мудрее человека с

такими расположениями? Поистине, добродетель есть источник и корень мудрости, как всякий порок берет начало от неразумия. И надменный и гневливый человек увлекается этими страстями по недостатку благоразумия. Поэтому и пророк говорил: *возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего* (Пс. XXXVII, 6), показывая, что всякий грех получает свое начало от неразумия. Напротив, человек добродетельный, имеющий в себе страх Божий, мудрее всех; потому и некий мудрец говорит: *начало премудрости страх Господень* (Притч. I, 7). Если же бояться Бога значит иметь мудрость, а порочный не имеет этого, то, без сомнения, он лишен мудрости, а лишенный истинной мудрости бессмысленнее всех. Хотя многие удивляются людям порочным потому, что они могут делать другим обиды и вред, но они не понимают, что таких людей должно считать несчастнейшими из всех, потому что, думая вредить другим, они вонзают меч в себя самих; а то и есть признак крайнего безумия, когда кто, поражая самого себя, не сознает того, но думает, что он вредит другому, между тем как закалает сам себя. Потому и Павел, зная, что, поражая других, мы убиваем себя самих, говорит: *почто не паче обидими есте! Почто не паче лишени бываете* (1 Кор. VI, 7)? Чтобы не быть обидимым, не надобно обижать; чтобы не терпеть зла, не надобно делать зла, — хотя это может показаться загадкою людям обыкновенным и не желающим любомудрствовать. Итак, зная это, будем считать несчастными и оплакивать не обижаемых и оскорбляемых, а делающих другим обиды и оскорбления. Эти-то люди наиболее страдают, потому что они вооружают против себя Бога, отверзают уста тысяче обвинителей, приобретают худую славу в этой жизни и навлекают на себя великую казнь в будущем веке. Напротив обижаемые и все великодушно переносящие преклоняют и Бога к милосер-

дию и всех людей к состраданию им, к похвалам и благорасположению. Такие люди, представляя величайшее доказательство своего любомудрия, и в этой жизни приобретают великую славу, и к будущей получат вечные блага, которых да сможем достигнуть и все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLII

По сих иде Иисус на онпол моря Галилеи Тивериадска: и по Нем идяше народ мног, яко видяху знамения Его, яже творяше над недужными. Взыде же на гору Иисус, и ту седяше со ученики своими. Бе же близ пасха, праздник жидовский (Ин. VI, 1—4)

1. Не надобно, возлюбленные, входить в состязания с злыми людьми; но научимся, если только это не повредит нашей добродетели, уступать место их злым наветам. Таким образом укрощается всякая дерзость. Как стрелы, попадая во что-нибудь упругое, твердое и противодействующее, с большею силою отскакивают назад — на пустивших их; когда же стремительность их полета не встречает противодействия, то скоро теряет силу и прекращается, — так бывает и с дерзкими людьми. Когда мы идем наперекор им, они еще более свирепеют; когда же уступаем им и отстаем от них, тем легко укрощаем их неистовство. Таким образом и Христос, узнав о дошедшем до фарисеев слухе, что Он приобретает Себе учеников и крещает более, чем Иоанн, отошел в Галилею, чтобы погасить в них зависть и Своим удалением укротить их ярость, которая, конечно, родилась в них от этих вестей. Однако ж, удалившись опять в Галилею, Он идет уже не в прежние места, — пришел

не к Кану, а на ту сторону моря. *И по Нем идяше народ мног, яко видяху знамения, яже творяше.* Какие знамения? Почему Евангелист не говорит о каждом из них? Потому, что этот Евангелист заботится о том, чтобы большую часть книги наполнить словами и беседами Христа к народу. Вот смотри: в продолжение целого года, даже и в праздник Пасхи, Евангелист не упоминает ни об одном чуде, кроме исцеления расслабленного и еще сына у царедворца. Евангелист не о том заботится, чтобы все пересказать: это и невозможно было бы; но из многого и великого – только немногое. *И по Нем идяше*, говорит, *народ мног, яко видяху знамения, яже творяше.* Это следование за Христом было делом не очень твердого убеждения; иудеи увлекались более чудесами, нежели высотою учения, которое слышали; а это было признаком грубых душ: знамения, сказано, не для верующих, а для неверных (1 Кор. XIV, 22). Но не таков был народ, упоминаемый у Матфея, а вот, послушай, каков: *ужасахуся вси о учении Его*, говорит Матфей, *зане учаше их, яко власть имея* (Мф. VII, 28, 29). Но для чего Христос восходит теперь на гору и там садится с учениками? Для совершения имеющего быть чуда. А что взошли на гору только ученики, это – вина народа, который не последовал за Ним. Но не для этого только Он восходит на гору, а и для того, чтобы научить нас всегда уклоняться от шума и народной молвы, потому что уединение способствует любомудрию. Впрочем, Он часто и один восходил на гору и проводил там ночь в молитве, научая нас, что особенно приступающему к Богу должно удаляться от всякого шума и искать безмолвного времени и места. *Бе же близ Пасха, праздник жидовский.* Почему же Он, скажешь, не идет на праздник, но, тогда как все спешат в Иерусалим, отправляется в Галилею, и не сам только, а ведет с Собою и учеников, и оттуда – в Капернаум? Это по-

тому, что Он понемногу начинал уже отрешать закон, имея повод к тому в коварстве иудеев. *И возвед очи, виде мног народ* (VI, 5). Здесь Евангелист показывает, что Он никогда не сидел с учениками без дела, но что-нибудь излагал им, вероятно, с особенною обстоятельностью, учил и привлекал к Себе. Отсюда можно видеть, какое Он имел попечение о них, и как кротко и снисходительно обращался с ними. Они, сидя с Ним, вероятно, смотрели друг на друга. Потом, воззрев, Христос видит народ, идущий к Нему.

Другие евангелисты говорят, что ученики, приступив к Нему, просили и умоляли Его не отпускать народ голодным (Мф. XIV, 15; Лук. IX, 12); а Иоанн замечает, что Христос предложил об этом вопрос Филиппу. Мне кажется, справедливо и то, и другое; только происходило не в одно и то же время, но одно было прежде другого: поэтому одно было так, а другое – иначе. Почему же Он спрашивает Филиппа? Потому, что знал, которые из учеников Его наиболее требуют научения. А это – тот самый Филипп, который впоследствии говорил: *покажи нам Отца и довлеет нам* (Ин. XIV, 8). Потому Христос заранее и наставляет его: если бы чудо совершилось без предварения, то оно не показалось бы столь дивным; но теперь Христос предварительно побуждает Филиппа признаться, что (в пище) скудость, чтобы, сознав, как велика была она, он тем лучше уразумел величие имевшего совершиться чуда. И вот что Христос говорит Филиппу: *чим купим хлебы, да ядят сии* (ст. 5)? Так и в Ветхом Завете Бог говорил Моисею (а совершил чудо не прежде, как спросил его): *что есть в руце твоей* (Исх. IV, 2)? Так как события необычайные, неожиданно случающиеся, обыкновенно приводят в забвение предшествовавшие обстоятельства, то Бог предварительно связал Моисея признанием настоящего положения своего, чтобы он, будучи

потом поражен удивлением, уже не мог забыть того, что сам признал, и таким образом, через сравнение одного с другим, познал величие чуда. Тоже и здесь происходит. Спрошенный Филипп отвечает: *двема стома пенязь хлебы не довлеют им, да кийждо их мало что приимет. Сие же глаголаше, искушая его: сам бо ведяше, что хощет сотворити* (ст. 6 и 7). Что значит: *искушая его!* Разве Христос не знал, что будет сказано Ему Филиппом? Этого нельзя думать.

2. Какой же смысл этого изречения? Его можно понять при пособии Ветхого Завета. Там также говорится: *и бысть по глаголех сих, Бог искушаше Авраама. И рече: пойми сына твоего возлюбленнаго, егоже возлюбил еси, Исаака* (Быт. XXII, 1, 2). Но Бог представляется там говорящим это не потому, чтобы хотел через искушение узнать последствие, то есть будет ли Ему повиноваться Авраам, или нет (нужно ли это для Того, Кто *ведает вся, прежде бытия их* – Дан. XIII, 42). Но в том и в другом случае сказано человекообразно. В том случае, когда Писание говорит, что Бог испытует сердца человеческие (Рим. VIII, 27), оно показывает испытание, свойственное не неведению, а напротив совершенному ведению; и когда говорит: *искушаше*, выражает не иное что, как ведение совершенное. Можно и иначе объяснить это, – именно, что Бог делает человека через искушение более испытанным, – и как тогда Авраама, так теперь Филиппа вопросом приводит Он к точному уразумению чуда. Потому-то, чтобы ты, остановившись на простоте изречения, не пришел к какой-либо неуместной мысли о вышесказанном, Евангелист и присовокупляет: *сам бо ведяше, что хощет сотворити*. Притом надобно и то заметить, что, как скоро могло быть какое-либо злое подозрение, Евангелист немедленно с великим старанием устраняет его. И вот, как здесь, чтобы слушатели не возымели такого подо-

зрения, он присовокупляет ограничение, заметив: *сам бо ведяше, что хощет сотворити*, так, когда сказал, что иудеи гнали Его, *яко не токмо разоряше субботу, но и отца своего глаголаше Бога, равен ся творя Богу* (Ин. V, 18), Евангелист и здесь прибавил бы от себя замечание, если бы это не было намерением самого Христа, подтвержденным делами Его. Если Евангелист всегда предостерегает, чтобы кто не заподозрил слов самого Христа, то, гораздо более, он остерегался бы этого при изложении того, что говорили о Христе другие, когда бы замечал, что о Нем держатся не надлежащего мнения. Но Евангелист в настоящем случае не сделал этого, потому что знал, что такова мысль самого Христа и таково Его непоколебимое определение. Поэтому, сказав: *равен ся творя Богу*, он не сделал никакого замечания, так как это не было их испорченное понятие, а мысль истинная, утвержденная делами Христа. Между тем, когда был спрошен Филипп, Андрей, брат Симона, Петра, сказал: *есть отрочищ зде един, иже имать пять хлеб ячменных, и две рыбе; но сии что суть на толико* (ст. 9)? Андрей становится выше Филиппа; но и он не совсем понял дело. Я думаю, что он и не просто это сказал, а потому, что слышал о чудесах пророков, о том, например, как Елисей совершил чудо над хлебами. Поэтому, хотя Андрей и взошел на некоторую высоту, но не смог достигнуть самой вершины.

Отсюда же познаем мы, преданные сластолюбию, чем питались те великие и дивные мужи; обратим внимание на то, как скудна была их трапеза и по количеству и по качеству пищи, и будем подражать им. Но последние слова Андрея показывают великую немощь. Сказав: *имать пять хлебов ячменных*, он присовокупил: *но сии что суть на толико?* Он думал, что чудотворец мог бы сделать только из малого малое, а из большего большее. Но было не так. Для Господа равно легко было из

большего или меньшего числа хлебов произвесть изобилие в них, потому что Он не нуждался для этого в готовом веществе. Но, чтобы не думали, что тварь чужда Его премудрости (как впоследствии говорили клеветники — маркиониты), Он для совершения чудес употребляет в орудие самую тварь. Итак, когда оба ученика не знали, что делать, он тогда уже и совершает чудо. Признав предварительно трудность дела, они, таким образом, получали более пользы, — именно тем, что, когда оно совершится, они тем более должны были познать силу Божию. Так как должно было совершиться чудо, которое творили и пророки, хотя не одинаковым образом, с другой же стороны Христос, перед совершением его, имел намерение воздать хвалу Богу, то, чтобы ученики не впали в какую-либо немощную мысль, — смотри, как Христос возвышает чудо над всеми другими самым образом совершения его, и показывает его отличие от чудес пророческих. Еще прежде, чем явились хлебы, Он уже творит чудо, чтобы ты знал, что Ему подчинено и не существующее, как существующее, как говорит Павел: *нарицаяй не сущая, яко сущая* (Рим. IV, 17). Как бы уже готова была трапеза, и совсем устроена, Он повелевает народу немедленно возлечь, и уже этим возбуждает мысль учеников. А они, уже получив пользу от сделанного им вопроса, тотчас повиновались, не смутились и не сказали: что это значит? Как ты повелеваешь возлечь, когда еще ничего перед нами нет? Таким образом те, которые вначале так мало имели веры, что говорили: откуда нам купить хлеба? — те стали верить еще прежде, чем увидели чудо, и теперь охотно размещали народ. Но почему Христос, перед исцелением расслабленного, перед воскрешением мертвого, перед укрощением моря, не молился; а здесь, над хлебами, это делает? Он этим показывает, что, приступая к пище, нам должно возда-

вать благодарение Богу. С другой стороны, Он делал это обыкновенно в случаях не очень важных, чтобы ты знал, что Он это делает не по какой-либо нужде. А если бы нуждался (в молитве), то скорее Он делал бы это в чудотворениях важнейших. Но совершавший важнейшие чудеса Своею властью, без сомнения, и молитву совершал по снисхождению.

3. Притом же, тут было много народа, и его надлежало убедить, что Христос пришел по воле Божией. Поэтому, когда Он творит какое-нибудь чудо наедине, то ничего такого не показывает; а когда совершает чудо при многих, то, чтобы они уверовали, что Он не враг Богу, не противник Родившему Его, через возношение хвалы уничтожает такое подозрение. *И даде возлежащим, и насытишася* (ст. 11, 12). Видишь ли, какое расстояние между рабом и Господом? Рабы чудодействовали, имея благодать только отчасти; а Бог совершает все с полным всемогуществом, во всей обширности. *И глагола учеником: соберите избытки укрух. Собраша же и исполниша двanадесяте коша* (ст. 12, 13). Это не лишнее было доказательство чуда, но сделано было именно для того, чтобы не считали такого дела призраком; для того-то и совершил Он чудо из готового вещества. Но почему Он дал нести кошницы не народу, а ученикам? Потому, что хотел в особенности их научить, как будущих учителей вселенной. А народ немного пользы извлекал из чудес; он скоро их забывал и просил потом других чудес; ученики же должны были извлечь не маловажную пользу. Это было не малым осуждением и для Иуды, который также носил кошницу. А что это было сделано для научения их, видно из сказанного впоследствии, — когда Христос напоминал им об этом случае: *ни ли разумеете, колико кош взясте* (Мф. XVI, 9)? По этой причине и число кошниц с остатками хлебов было равно числу учеников. Впоследствии же, когда они уже были научены,

остатков было не столько, а семь кошниц. Но я дивлюсь не только такому умножению хлебов, но и, при множестве их, определенному количеству остатков. Он произвел их ни больше, ни меньше, а именно столько, сколько хотел, предвидя, сколько будет употреблено, что было делом Его неизглаголанной силы. Итак, самые укрухи удостоверяли в действительности чуда, показывая и то, что это событие было не призраком, и то, что укрухи остались именно от тех хлебов, которые народ ел. Что же касается до чуда над рыбами, то оно тогда было совершено из готовых рыб; а после, по воскресении Христа, уже не из готового вещества. Для чего? Чтобы мы знали, что и теперь Он употребил готовое вещество не по нужде, не потому, чтобы нуждался в основе, а чтобы заградить уста еретиков. *Человецы же глаголаху: сей есть воистину пророк* (ст. 14). О, непомерное чревоугодие! Тысячи дел, гораздо более дивных, совершил Христос, и они не исповедали этого, а только теперь, когда насытились. Но из их слов видно, что они ожидали какого-то особенного пророка, потому что и Крестителю они говорили: *пророк ли еси* (Ин. I, 21), — и здесь: *сей есть пророк. Иисус убо разумев, яко хотят приити, да восхитят Его, и сотворят Его царя, отиде в гору* (ст. 15). Увы, как преобладало в них чревоугодие! Какое было непостоянство в мыслях! Они уже не защищают закон, уже не обращают внимания на нарушение субботы, уже не ревнуют по Боге: они бросили все, лишь только чрево было наполнено. Христос стал для них и пророком, они хотят поставить Его и царем; но Он уклоняется. Для чего? Чтобы научить нас презирать мирские почести, и показать, что Он ни в чем земном не нуждается. Избравший для себя все убогое: и мать, и дом, и город, и воспитание, и одежду — не хотел славиться и земными отличиями. Что имел Он в небесах, то было славно и велико: ангелы, и звезда,

и Отец глаголющий, и Дух свидетельствующий, и пророки, издалека предвозвестившие о Нем; а что было у Него на земле, то все было уничиженно, чтобы тем более проявлялась Его сила. Пришел же Он и нас научить – презирать мирское и никогда не увлекаться и не поражаться житейским блеском, но, отвергая все это, стремиться сердцем к будущему. А кто увлекается здешним, тот уже не станет восхищаться небесным. Поэтому Он и Пилату говорил: *царство мое несть отсюду* (Ин. XVIII, 36), чтобы не подумали об Нем, будто Он для внушения людям веры к Себе употреблял страх и силу. Но как же пророк сказал: се *царь твой грядет тебе кроток, и всед на подъяремника* (Зах. IX, 9)? Здесь пророк говорит о царстве ином, небесном, а не земном. Потому-то Христос говорил также: *славы от человек не приемлю* (Ин. V, 44).

4. Научимся же, возлюбленные, презирать человеческие почести и не желать их. Мы почтены величайшей честью, сравнительно с которою почесть земная поистине – бесчестие, смех и шутовство. Как и богатство земное сравнительно с небесным – убожество, и жизнь эта без той – смерть (*остави*, говорит Христос, *мертвых погребсти своя мертвецы* – Мф. VIII, 22), так и слава здешняя в сравнении с тою – стыд и смех. Не будем же гоняться за нею. Если и те самые, которые воздают ее другим, ничтожнее тени и сновидений, то тем более самая слава. *Слава человеча, яко цвет травный* (1 Пет. I, 24). А что может быть ничтожнее цвета травного? Но если бы слава земная была и долговечна, – какую пользу могла бы она принести для души? Никакой. Она даже причиняет величайший вред, делая людей рабами, хуже невольников, – рабами, которые повинуются не одному господину, а двум, трем и бесчисленным, дающим различные приказания. Во сколько раз лучше быть свободным, нежели рабом, – сво-

бодным от рабства людям, а рабом владычества Божия! Наконец, если хочешь любить славу, люби, но — славу бессмертную, потому что она и блистательнее, и пользы от нее больше. Люди велят тебе угождать им с ущербом для тебя самого; а Христос напротив, за каждое твое даяние воздает тебе сторицею, и к тому прилагает еще жизнь вечную. Что лучше, на земле ли быть прославляему, или на небесах, — от людей ли, или от Бога, — со вредом ли для себя, или с пользою, — увенчеваться ли на один день, или на бесконечные веки? Ты подай нуждающемуся, а не давай пляшущему, чтобы с деньгами не погубить тебе и души его. Через неуместную щедрость ты становишься виновником его погибели. Если бы плясуны знали, что их искусство останется без прибыли, то они давно перестали бы заниматься им. Но они видят, что ты рукоплещешь, бежишь к ним, входишь в издержки, истрачиваешь все достояние на них; поэтому, хотя бы и не хотели продолжать своего дела, увлекаются однако же желанием прибыли. Если бы они знали, что никто не станет хвалить их ремесла, то немедленно оставили бы свои труды, как неприбыльные. Но когда видят, что дело их служит для многих предметом удивления, то похвала других делается для них приманкою. Оставим же бесполезные издержки. Научимся, на что и когда должно издерживать свое достояние, чтобы не прогневить нам Бога в обоих случаях: и собирая, откуда не следует, и расточая, на что не должно. Какого гнева не заслуживаешь ты, когда даешь деньги блуднице, но проходишь мимо нищего без внимания? Если бы ты давал и от праведных трудов, и тогда не грешно ли было бы давать награду за порок и честь за то, за что следовало бы наказывать? Когда же ты питаешь свое сладострастие, ограбляя сирот и обижая вдов, то подумай, какой огонь ожидает дерзающих на такие дела? Послу-

шай, что говорит Павел: *не точию сами творят, но и соизволяют творящим* (Рим. I, 32). Быть может, мы уже слишком укоряем вас; но, если бы мы и не укоряли, все же наказания ожидают неисправимых грешников. Что же пользы угождать словами тем, которые на самом деле подлежат наказаниям? Ты одобряешь плясуна? Хвалишь, восхищаешься им? Итак, ты хуже и его самого, потому что он может извиняться бедностью, хотя и не основательно, а ты не имеешь и этого оправдания. Если я спрошу его, зачем он, оставив прочие занятия, обратился к этому презренному и непотребному, — он скажет, что в этом занятии, трудясь немного, он может получить прибыли много. А если я спрошу тебя, почему ты восхищаешься человеком распутным, живущим на погибель других, — ты не можешь прибегнуть к тому же оправданию, но принужден будешь поникнуть долу, устыдиться и краснеть. Итак, если нам, требующим от тебя отчета, ты не имеешь ничего сказать, то как мы устоим, когда откроется то страшное и неумолимое судилище, на котором мы должны будем отдать отчет и в помыслах, и в делах, и во всем? Какими очами воззрим на Судью? Что скажем? Чем оправдаемся? Какое представим извинение — благовидное, или неблаговидное? Издержки ли, удовольствие ли, или гибель других, которых мы губим, поддерживая их ремесло? Ничего нельзя будет сказать, но неизбежно подвергнемся казни, не имеющей конца, не знающей предела. Чтобы этого не случилось с нами, отселе будем всячески осторожны, и, таким образом, по отшествии отсюда с благою надеждою, мы достигнем вечных благ, которые и да получим все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIII

Яко позде бысть, снидоша ученицы Его на море, и влезоша в корабль, и идяху на онпол моря в Капернаум. И тма абие бысть, и не у бе пришел к ним Иисус. Море же, ветру велию дыхающу, воздвизашеся (Ин. VI, 16—18)

1. Христос, не только находясь телом с учениками Своими, но и будучи далеко от них, устрояет полезное для них. Как всемогущий и премудрый, Он и противные случаи направляет к одной цели. Вот смотри, что Он делает и в настоящем случае: Он оставляет учеников и восходит на гору. Они, оставленные Учителем, так как уже было позднее время, сошли к морю и до вечера оставались в ожидании Его возвращения. А когда наступил вечер, они уже не могли удержаться, чтобы не пойти и не поискать Его: так сильна была любовь их к Нему. Они не говорят: теперь вечер, и ночь наступает, куда же теперь мы пойдем? Место опасное и время небезопасное. Но, пламенея любовью к Нему, они сходят на корабль. Евангелист не без цели, конечно, означает и время, а для того, чтобы тем показать пламенную их любовь. Для чего же Христос оставляет их и удаляется, а еще более — для чего является один, идя по морю? В первом случае Он научал их, каково им быть без Него, и хотел усилить в них любовь к Нему; а в другом — Он показывал им опять Свое могущество. Как не с народом только они слушали учение, так не с народом только видели и чудеса Тем, которые должны были получить власть над вселенной, надлежало иметь нечто более, чем другим. А какие чудеса, спросишь, они видели одни? Преображение на горе, настоящее чудо на море, многие и великие чудеса по воскресении, а по этим я заключаю и о других. Шли же они в Капернаум, не зная наверное, но только на-

деясь встретить Его там, или даже во время плавания. На это сделал намек и Иоанн, сказав, что *тма абие бысть, и не у бе пришел к ним Иисус, море же, ветру велию дыхающу, воздвизашеся.* Чего же они смущаются? Многие и различные обстоятельства приводили их в смущение: и время, потому что была тьма, и буря, потому что море воздымалось, и место, потому что они были не близко от земли, но отплыли *яко стадий двадесять пять*, и наконец, необычайность явления, потому что они видят Его ходящим по морю. При этом-то сильном их смущении, Он говорит им: *Аз есмь, не бойтеся* (ст. 20). Для чего же Он явился? Что бы показать, что Он есть тот, кто укротит бурю. На это указал Евангелист, сказав: *хотяху прияти Его, и абие корабль бысть на земли* (ст. 21). Значит (Христос) сделал их плавание не только безопасным, но и благопоспешным. Народу Он не показал Себя ходящим по морю, потому что это чудо было выше его немощи. Да и ученики не долго видели Его в этом положении, а едва лишь Он явился им, как и удалился. Мне кажется, это чудо другое, а не то, которое рассказывается у Матфея (гл. XIV), и что оно действительно другое, это видно из многого. Христос часто совершал одни и те же чудеса с тем, чтобы не только привесть зрителей в великое изумление, но и приготовить их принимать эти чудеса с многою верою. *Аз есмь, не бойтеся.* Сказав эти слова, Он изгнал страх из их душ; а в другом месте Он поступает не так. Потому-то и Петр говорил: *Господи, аще ты еси, повели мне приити к Тебе* (Мф. XIV, 28). Отчего же они тогда приняли эти слова не вдруг, а теперь поверили? Оттого, что тогда буря продолжала еще качать корабль, а теперь вместе с словами Христа наступала тишина; или, если не по этой причине, то по той, о которой я сказал прежде, то есть, что Христос, часто совершая одни и те же чудеса, через чудеса предыдущие делал более удобо-

преемлемыми чудеса последующие. Для чего же Он не взошел на корабль? Чтобы сделать чудо более поразительным, а вместе с тем яснее открыть им Свое божество, и показать, что и тогда, когда Он благодарил, делал это не потому, чтобы нуждался в помощи, а из снисхождения к ним. Итак, Он попустил быть буре, чтобы они всегда искали Его, потом вдруг прекратил ее, чтобы показать Свою силу, и не взошел на корабль, чтобы сделать чудо поразительнее. *Во утрий же, народ, иже стояше, видев, яко корабля иного не бе ту, токмо един той, в оньже внидоша ученицы Его, и яко Иисус не вниде,* вошел и сам в другие корабли, пришедшие от Тивериады (ст. 22–24). Для чего же с такою обстоятельностью повествует Иоанн? Почему бы ему не сказать: а на другой день переправился на ту сторону и народ? Этим Он хочет показать нам нечто другое. Что же такое? Что Христос и народу, хотя не прямо, но косвенно, дал возможность уразуметь случившееся. Видели, говорит, *яко корабля иного не бе ту, токмо един, и яко Иисус не вниде,* и вошедши в корабли тивериадские, *приидоша в Капернаум ищуще Иисуса.* Что другое, в самом деле, можно было подумать кроме того, что Он перешел море, пешествуя по нему (потому что нельзя было сказать, что Он переправился на другом каком-либо корабле: *един бе,* сказано, *в оньже внидоша ученицы Его).* Однако же, и после такого чуда, они, пришедши, не спросили Его, как Он переправился, как прибыл, и не позаботились узнать о таком чуде; а что говорят? *Равви, когда зде бысть* (ст. 25)? Разве кто станет утверждать, что слово: *когда* ими сказано здесь вместо: *как.*

2. Следует и здесь обратить внимание на непостоянство их мыслей. Те, которые говорили: *сей есть пророк,* которые старались восхитить Его и сделать царем, нашедши Его, не думают ни о чем таком, но забыв, как мне кажется, о чуде, более уже не удивляются ничему

прежде бывшему. Они искали Его, но, конечно, потому, что хотели опять насладиться трапезою так же, как прежде. Перешли некогда Чермное море и иудеи, под предводительством Моисея; но большое различие между тем, что было там, и что — здесь. Тот все совершал молясь, и как раб; а этот — со всею властью. Там вода уступила напору ветра так, что можно было перейти посуху; здесь же было большее чудо: море оставалось в своем естественном состоянии и таким образом носило Владыку на своем хребте, подтверждая изречение, которое говорит: *ходяй по морю, яко по земле* (Иов. IX, 8). Между тем благовременно совершил Он чудо над хлебами, намереваясь войти в строптивый и непокорный Капернаум. Он хотел смягчить неверие жителей этого города чудесами, не только бывшими в нем, но и совершенными вне его. Стечение в этот город такого множества народа, выказавшего великое усердие, какого не могло бы смягчить и камня? Но с ними не случилось ничего подобного: нет, — они желали только пищи телесной, а потому Иисус и укоряет их. Зная это, возлюбленные, будем благодарить Бога и за чувственные блага, но еще гораздо более — за духовные. Этого хочет и Он, и ради этих-то благ дарует и те, привлекая и научая ими несовершенных, как людей еще сильно привязанных к миру. Впрочем, если они, получив эти блага, на них и останавливаются, то подвергаются осуждению и наказанию. Вот и расслабленному Христос хотел дать прежде благо духовное, но присутствующие этого не вынесли. На Его слова: *отпущаются тебе греси твои* (Мф. IX, 2) они сказали: *сей хулит.*

Да не будет же с нами, убеждаю вас, ничего подобного; но блага духовные да будут предметом наших особенных забот. Почему? Потому, что когда есть блага духовные, не бывает никакого вреда от неимения благ

телесных. А если нет их, то какая нам останется надежда, какое утешение? Потому о них всегда нужно молить Бога и их просить. О них молиться научил нас и Христос. И если мы вникнем в ту молитву, то не найдем в ней ничего плотского, но все духовное. Даже и то немногое чувственное, о чем мы просим в ней, становится от образа прошения духовным. Уже и одно наставление не просить ничего более, как только хлеба *насущнаго,* то есть ежедневного, было бы знаком ума духовного и любомудренного. Но смотри, что предшествует этому: *да святится имя твое; да приидет царствие твое; да будет воля твоя, яко на небеси и на земли* (Мф. VI, 9, 10). Затем, сказав о том чувственном, Он тотчас уклонился и опять пришел к учению духовному, говоря: *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим* (Мф. VI, 12). Ничего (не сказал) о начальстве, ничего о богатстве, ничего о славе, ничего о власти, но включил в молитву все, что клонится к пользе души, – ничего земного, но все небесное. Итак, если нам заповедано воздерживаться от вещей житейских и настоящих, то как будем мы несчастны и жалки, когда станем просить у Бога того, что Он заповедал нам отвергать, если и имеем, чтобы избавить нас от забот, а чего повелел просить, о том не будем иметь никакого попечения, или даже не будем и желать того? Подлинно это значит пустословить. Потому-то, хотя мы и молимся, но не получаем успеха. Как же, скажешь, богатеют люди злые? Как неправедные, преступные, хищники, лихоимцы? Не Бог дарует им это, – нет. Но как же Бог попускает? Как попускал некогда и богачу, соблюдая его для большего наказания. Вот послушай, что сказано ему: *чадо, восприял еси благая твоя, и Лазарь злая: ныне же сей утешается, ты же страждеши* (Лк. I, 25). Итак, чтобы и нам не услышать этого голоса, нам, которые суетно и безрассудно проводим жизнь в роскоши и

прилагаем грехи ко грехам, станем заботиться о приобретении истинного богатства и совершенного любомудрия. Через это мы получим обетованные блага, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIV

Отвеща им Иисус и рече: аминь, аминь глаголю вам, ищете Мене, не яко видесте знамения, но яко яли есте хлебы, и насытистеся. Делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный (Ин. VI, 26, 27)

1. Снисходительность и кротость не везде полезны; бывают случаи, когда учителю нужна и строгость. Так, когда ученик ленив и упрям, нужно употребить против него и наказание, чтобы возбудить его от лености. Так поступил и Сын Божий, и во многих других случаях, и в настоящем. Когда народ пришел и, найдя Иисуса, стал с лестью говорить Ему: *Равви, когда зде бысть,* — то Он, чтобы показать, что не ищет чести у людей, а имеет в виду одно только — спасение их, отвечал ему со строгостью. Он хотел этим не только исправить народ, но и открыть и обнаружить его мысли. Что же Он говорит? *Аминь, аминь глаголю вам* (определительно и утвердительно), *ищете Мене, не яко видесте знамения, но яко яли есте хлебы, и насытистеся.* Поражает словом и обличает, но не жестоко и сильно, а с большим снисхождением. Не сказал: о, сластолюбцы и чревоугодники! Я совершил столько чудес, но вы никогда не последовали за Мной, и не подивились совершенному; но — с некоторой кротостью и спокойствием: *ищете мене, не яко виде-*

сте знамения, но яко яли есте хлебы, и насытистеся, указывая не на прежние только чудеса, но и на чудо настоящее. Он как бы так говорит, чем и обличает их: не чудо над хлебами поразило вас, а то, что вы насытились. А что Он это говорил о них не по догадке, это они сами тогда же показали. Они, действительно, затем снова и пришли, чтобы насладиться тою же пищею, а потому-то и говорили: *отцы наши ядоша манну в пустыне,* опять привлекая Его к пище плотской, что и заслуживало обвинения и величайшего осуждения. Но Христос не останавливается на обличении, а присоединяет к нему и наставление, говоря: *делайте не брашно гиблющее, но брашно, пребывающее в живот вечный, еже Сын человеческий вам даст: сего бо Отец знамена Бог.* А эти слова имеют такое значение: не заботьтесь нисколько об этой пище, но – о той духовной. Но так как некоторые из людей, желающих жить праздно, злоупотребляют этими словами, как будто бы Христос отвергал в них трудолюбие, то теперь благовременно ответить и им. Они порочат целое, так сказать, христианство и подвергают его осмеянию за праздность. Но прежде надобно обратиться к изречению Павла. Что же он говорит? *Поминайте Господа,* рекшего: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. XX, 35). Но из чего было бы давать тому, кто сам ничего не имеет? Как же Марфе сказал Иисус: *печешися и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу, Мария же благую часть избра* (Лк. X, 14), – и еще: *не пецытеся на утрей* (Мф. VI, 34)? Необходимо теперь все это разрешить не только для того, чтобы отвратить людей праздных, если только захотят, но и для того, чтобы показать, что слова Божии не противоречат между собою. Вот и в другом месте апостол говорит: *молим же вы избыточествовати паче, и любезно прилежати, безмолвствоват, и деяти своя, да ходите благообразно ко внешним* (1 Фес. IV, 10); и еще: *крадый к тому да не крадет, но паче*

да труждается, делая своима рукама, да имать подаяти требующему (Еф. IV, 28). Здесь Павел заповедал даже не просто заниматься делом, но с таким трудом, чтобы было из чего подать и другому. И в другом месте опять он же говорит: *требованию моему и сущим со мною послужисте руце мои сии* (Деян. XX, 34). И в послании к Коринфянам говорил: *кая убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие* (1 Кор. IX, 18). И когда он был в том городе (в Коринфе), то находился у Акиллы и Прискиллы, и трудился (Деян. XVIII, 2, 3): *бяху бо скинотворцы хитростью.* Все это, по-видимому, находится в большом противоречии с сказанным, и потому необходимо представить на это разрешение.

Что же нам ответить? Что не пещись не значит не трудиться, но — не привязываться к вещам житейским, то есть не заботиться о покое на завтра, но считать эту заботу излишнею. Можно и трудиться и не собирать ничего на завтра, можно и трудиться и ни о чем не пещись. Попечение и труд не одно и то же. Иной и трудится не для того, чтобы полагаться на труд, но чтобы подать нуждающемуся. Равным образом, и слова, сказанные к Марфе, относятся не к труду и занятию делом, а к тому, что надобно знать время (для труда), и времени, определенного для слушания, не употреблять на дела плотские. Значит, Он сказал те слова не с тем, чтобы вовлечь Марфу в праздность, но чтобы привлечь к слушанию. Я пришел, говорит Он, научить вас необходимому; а ты беспокоишься об обеде? Ты хочешь меня принять и приготовить дорогую трапезу? Приготовь другой пир, предложи Мне усердное слушание и подражай ревности сестры. И не с тем это Он сказал, чтобы запретить гостеприимство, — нет, совсем нет, — но чтобы показать, что во время слушания не должно заниматься другими делами. А словами: не делайте брашна гиблющего — не то дает разуметь, будто должно жить

в праздности (это-то по преимуществу и есть брашно гиблющее, так как всякому злу научила праздность — Сирах. XXXIII, 28), — но то, что должно трудиться и подавать. Вот это брашно уже не гиблющее. Кто, живя праздно, предается чревоугодию и роскоши, тот делает брашно гиблющее. Напротив, если кто трудясь питает, напаяет и одевает Христа, то не найдется никого столько бесчувственного и несмысленного, кто сказал бы, что такой человек делает брашно гиблющее, потому что за это брашно обещано будущее царство и те блага. Это брашно остается навсегда. С другой стороны, так как иудеи вовсе не заботились о вере, не старались узнать, кто совершает такие дела и какою силою, а хотели только одного — насыщаться, ничего не делая, то Христос справедливо назвал такую пищу брашном гиблющим. Я напитал ваши тела, говорит Он, чтобы вы отселе искали пищи другой, пребывающей, питающей душу; а вы опять бежите к пище земной. Значит, вы не понимаете, что Я веду вас не к этой несовершенной пище, а к той, сообщающей не временную жизнь, но вечную, питающей не тело, но душу. Потом, так как Он выразился о Себе столь возвышенно и сказал, что Он дает ту пищу, то, чтобы сказанное опять не показалось им странным, Он подаяние этой пищи относит к Отцу, сообщая тем достоверность Своим словам. Сказав: *еже Сын человеческий даст вам,* Он присовокупил; *сего бо Отец знамена Бог,* то есть послал с тем, чтобы Он принес вам эту пищу. Впрочем, это изречение допускает и другое толкование, потому что Христос говорит и в другом месте: кто слушает Мои слова, *сего знамена Отец, яко Бог истинен есть* (Ин. III, 93), то есть показал очевидно. Это же, мне кажется, и здесь означает вышеприведенное изречение. В самом деле, *знамена* Отец — значит не другое что, как — показал, открыл своим свидетельством. Правда, Христос и сам

Себя показал; но, так как говорил с иудеями, то поставил на вид свидетельство Отца.

2. Научимся же, возлюбленные, просить у Бога того, чего должно просить у Него. Те, то есть житейские обстоятельства, каковы бы ни были, не приносят нам никакого вреда. Обогатимся ли мы, – насладимся только здесь удовольствиями. Впадем ли в бедность, – не потерпим оттого никакой беды. Ни отрадные обстоятельства этой жизни, ни печальные не заключают в себе достаточной причины для печали и для удовольствия, но и те и другие не стоят нашего внимания, и протекают с большей скоростью, отчего справедливо называются и путем, так как проходят и не могут оставаться надолго. Между тем будущие, – и то и другое, остается навеки – как наказание, так и царство. Итак, в отношении к будущему станем прилагать большее старание, чтобы одного избежать, а другого достигнуть. Какая, в самом деле, польза от наслаждения земного? Сегодня оно есть, а завтра его нет; сегодня оно – цвет красивый, а завтра – прах рассеянный; сегодня – огонь пылающий, а завтра – пепел остывший. Но не таковы блага духовные: они всегда сияют и цветут и с каждым днем становятся прекраснее. То богатство никогда не гибнет, никогда не переводится, никогда не истощается, никогда не подвергает беспокойству, зависти или порицанию, не губит тела, не растлевает души, не возбуждает зависти, не навлекает ненависти, между тем как все это соединено с богатством. Та слава не доводит до безумия, не рождает надменности, никогда не перестает и не помрачается. Покой и наслаждение на небесах также непрерывны, всегда неизменны и бессмертны: нельзя найти для них ни предела, ни конца. Возжелаем же, убеждаю вас, этой жизни. Если будем ее желать, то не поставим ни во что блага настоящие, но станем презирать их, смеяться над ними. Все, что

имеет конец, не очень вожделенно. Все, что прекращается, что сегодня есть и чего завтра нет, хотя бы то было что-нибудь и очень великое, — все это кажется слишком малым и не стоящим внимания. Итак, будем любить не скоротечные, не преходящие и утекающие блага, но блага постоянные и неизменные, чтобы и сподобиться их, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLV

Реша же к Нему: что сотворим, да делаем дела Божия? Отвеща Иисус им: се есть дело Божие, да веруете в того, егоже посла Он. Реша же Ему: кое убо Ты твориши знамение, да видим и веру имем Тебе, что делаеши (Ин. VI, 28—30)?

1. Нет ничего хуже, ничего постыднее чревоугодия. Оно делает ум тупым; оно делает душу плотскою; оно ослепляет и не позволяет видеть. Вот смотри: это случилось и с иудеями. Так как, будучи преданы чревоугодию, они всецело были заняты предметами житейскими и не думали ни о чем духовном, то хотя Христос возбуждает их множеством слов, исполненных то строгости, то снисходительности, но и при всем этом они не встают, а по-прежнему лежат долу. Посмотри, Он сказал им: *ищете Мене, не яко видесте знамения, но яко яли есте хлебы и насытистеся*, — (и через это) поразил обличением; показал, какой должно искать пищи, сказав: *делайте не брашно гиблющее;* предложил им награду в словах: *но пребывающее в живот вечный;* наконец предупредил их возражение, сказав, что Он послан Отцем. Что же они? Как бы не слыхав ничего, говорят: *что сотво-*

рим, да делаем дела Божия? Сказали же это (как показывают последующие обстоятельства) не с тем, чтобы узнать и исполнить, но чтобы расположить Его — опять дать им пищу и насытить их. Что же Христос? *Се есть дело Божие, да веруете в того, егоже посла Он.* На это они сказали: *кое убо ты твориши знамение, да видим и веру имем? Отцы наши ядоша манну в пустыне.* Ничего нет бесчувственнее, ничего бессмысленнее этих слов. Тогда как чудо было еще перед их глазами, они говорили так, как будто еще не сделано ни одного чуда: *кое ты твориши знамение?* И, сказав это, не предоставляют Ему на произвол выбор чуда; но хотят поставить Его в необходимость совершить не другое какое-либо чудо, а именно такое, какое было при их предках. Потому-то и говорят: *отцы наши ядоша манну в пустыне,* думая тем подстрекнуть Его — совершить такое чудо, которое могло бы напитать их телесно. В самом деле, отчего они вспомнили не о каком-либо другом из прежних чудес, хотя их тогда много было совершено и в Египте, и над морем, и в пустыне, — но именно о манне? Не оттого ли, что сильно желали ее, будучи порабощены чревоугодию? Как же вы, называвшие Его пророком и хотевшие поставить царем, потому что видели чудо, — как вы теперь, как будто не было никакого чуда, оказываетесь неблагодарными и непризнательными, и просите чуда, как просили бы прихлебатели и голодные псы? Теперь ли дорога вам манна, когда душа ваша изнемогает? И заметь хитрость их слов. Не сказали: Моисей сотворил такое-то чудо, а ты какое сделаешь, — чтобы не раздражить Его; но ожидая от Него пищи, все еще обращаются к Нему с великою почтительностью. С другой стороны, не говорят и того, что Бог сотворил такое-то чудо, а ты какое сделаешь, — чтобы не подать мысли, будто они равняют Его Богу. Не упоминают и о Моисее, чтобы не подать мысли, будто унижают Его.

Но избирают средину, говоря: *отцы наша ядоша манну в пустыне.* Христос мог, конечно, сказать: я совершил чудеса большие, чем Моисей, и не нуждался в жезле, не имел надобности в молитве, но все совершил сам собою. Если же вы напоминаете манну, то вот Я дал вам и хлеб. Но тогда не время было говорить это, а была одна забота обратить их к пище духовной. И смотри, с какою беспредельною мудростью Христос отвечает им: *не Моисей даде вам хлеб с небесе, но Отец мой дает вам хлеб истинный с небесе* (ст. 32). Почему же Он не сказал: не Моисей дал, а Я; но вместо Моисея указал на Бога и вместо манны на Себя? Потому, что велика была немощь слушателей, как это видно из последующего. И тогда, как Он сказал эти самые слова, Он не остановил их. Хотя и вначале говорил: *ищете Мене, не яко видесте знамения, но яко яли есте хлебы и насытистеся,* и в последующих словах исправлял их, но, несмотря на все это, они не перестают (требовать хлеба). Когда Христос обещал самарянке дать воду, то при этом не упомянул об Отце, а просто так сказал: *аще бы ведала еси, кто есть глаголяй ти: даждь ми пити, ты бы просила у Него, и дал бы ти воду живу,* – и опять: *вода, юже Аз дам* (Ин. IV, 10, 14), – но не отсылает к Отцу. Здесь же упоминает об Отце, чтобы ты узнал, как велика была вера самарянки и как велика немощь иудеев. Но ведь манна была не с неба; как же говорится: *с небесе?* Так же, как Писание говорит: *птицы, небесныя,* и опять: *и возгреме с небесе Господь* (Пс. VIII, 9; XVII, 14). Хлебом же истинным называет тот хлеб не потому, чтобы чудо над манною было ложно, а потому что она была образом, а не самою истиною. А упомянув о Моисее, не противопоставил Себя ему, потому что иудеи еще не предпочитали Его Моисею, а напротив о Моисее имели высшее понятие, чем о Нем. Поэтому, сказав: *не Моисей даде,* Он не присовокупил: Я даю, но вместо того сказал: *Отец*

дает. Услыхав это, они опять говорят: дай нам есть хлеб этот, – потому что все еще думали, что это нечто чувственное, все еще ожидали насыщения своего чрева, а оттого и стеклись так скоро. Что же Христос? Мало-помалу возвышая их мысль, продолжает: *хлеб Божий есть сходяй с небесе, и даяй живот миру* (ст. 34), – не иудеям только, но и всей вселенной. Потому-то и не сказал просто – пищу, но – жизнь, какую-то другую и отменную, чтобы показать, что все были мертвы. Но они все еще поникают долу и говорят: *дождь нам хлеб сей* (ст. 34). Обличая их за то, что они, пока предполагали трапезу чувственную, дотоле стекались к Нему, а как скоро узнали, что это некая духовная трапеза, то уже не приступают к Нему, Христос говорит: *Аз есмь хлеб животный: грядый по Мне, не имать взалкатися, и веруяй в Мя, не имать вжаждатися никогдаже. Но рех вам, яко и видесте Мя, и не веруете Мне* (ст. 35, 36).

2. Так еще прежде говорил и Иоанн: еже ведает, глаголет, *и еже виде, свидетельствует: и свидетельства его никтоже приемлет* (Ин. III, 32). Равным образом, и Христос: *еже вемы глаголем, и еже видехом свидетельствуем: и свидетельства нашего не приемлете* (ст. 11). Делает же это, предупреждая их и показывая, что их неверие не смущает Его, что Он не ищет славы и знает сокровенные их мысли, как настоящие, так и будущие. *Аз есмь хлеб животный.* Намеревается уже приступить к учению о таинстве, и сначала беседует о Своем божестве, говоря: *Аз есмь хлеб животный,* – потому что это сказано не о теле. О теле говорит под конец: *и хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть* (ст. 51), – а теперь говорит о божестве. Плоть (Христова) ради Бога Слова есть хлеб, равно как и этот хлеб ради наития на него Духа бывает хлебом небесным. Здесь Христос не приводит свидетелей, как в прежней беседе, потому что имеет свидетельство в чуде над хлебами, да и иудеи все еще показывали вид, что верят

Ему, между тем как там противоречили Ему и порицали Его. Вот почему Он здесь и говорит прямо. Между тем иудеи, надеясь насладиться пищею телесною, остаются и не смущаются, пока впоследствии не потеряли всякой надежды. Но Христос, не смотря и на это, не замолчал, а напротив, сказал многое в их вразумление и обличение. Они же, называвшие Его пророком в то время, как ели, теперь соблазняются и называют Его сыном тектона. А тогда не соблазнялись, когда ели хлебы, но говорили: *сей есть пророк,* и хотели сделать Его царем. По-видимому, они досадовали на то, что Он сказал: *с небесе снидох;* но настоящею причиною их негодования было не это, а то, что они потеряли всякую надежду насладиться телесною трапезою. Если бы они действительно негодовали (на те слова), то им следовало бы спросить и узнать, каким образом Он есть хлеб животный и как сошел с неба. Между тем этого они не делают, а ропщут. И что не это их соблазняло, видно из следующего. На Его слова: *Отец Мой дает вам хлеб,* они не сказали: умоли Его, чтобы дал; а что? *Даждь нам хлеб.* Хотя Он и не сказал: Я даю, но: *Отец Мой дает,* однако ж, из желания пищи, они признали, что и Он может подать ее. Каким же образом, признав, что и Он может подать пищу, они могли потом соблазняться, и притом тогда, как услышали, что Он дает ее? Итак, какая же тому причина? Они услышали, что больше не получат уже пищи, и поэтому опять начали не верить и в оправдание своего неверия представляют то, что Его слово слишком высоко. Поэтому Он и говорит: *и видесте Мя, и не веруете,* указывая, с одной стороны, на чудеса, с другой, на свидетельства Писаний. *Та суть,* говорит, *свидетельствующая о Мне* (Ин. V, 39). Еще: *Аз приидох во имя Отца Моего, и не приемлете Мене* (ст. 43). Еще: *како можете веровати, славу друг от друга приемлюще* (ст. 44)? *Все, еже дает Мне*

Отец Мой, ко Мне приидет: и грядущаго ко Мне не изжену вон (VI, 37). Смотри, как Он все делает для спасения людей. С тою именно целью Он и присовокупил это, чтобы не показалось, будто Он занимается предметами ненужными и говорит без цели. Что же Он говорит? Все, *еже дает Мне Отец Мой, ко Мне приидет и воскрешу его в последний день* (37, ср. 39). Но почему Он упоминает и об общем воскресении, в котором будут участвовать и нечестивые, как об особенном даре верующих в Него? Потому, что и речь у Него не просто о воскресении, но именно о таком воскресении. Сказав наперед: *не изжену его и не погублю от него,* Он потом уже говорит о воскресении. В воскресение действительно одни будут извержены, как можно видеть из слов: *возмите его и вверзите его во тму кромешную* (Мф. XXII, 13), а другие погибнут, как и это видно из слов: *убойтеся паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* (Лк. XII, 5). Таким же образом, слова: живот вечный даю — значат тоже, что слова: *изыдут сотворшие злая в воскрешение суда, сотворшии же благая в воскрешение живота* (Ин. V, 29). Вот на это-то воскресение, которое принадлежит людям добрым, Он и указал здесь. А что Он хочет сказать словами: *все, еже дает Мне Отец, ко Мне приидет?* В них Он обличает неверие иудеев и показывает, что неверующий Ему преступает волю Отца, только говорит об этом не так прямо, но прикровенно. Так поступал Он и всегда, когда хотел показать, что неверующие оскорбляют не Его только, но и Отца. В самом деле, если в том воля Отца и для того пришел (Христос), чтобы спасти весь мир, то неверующие преступают волю Отца. Итак, когда кого-либо, говорит, путеводит Отец, то ничто не может воспрепятствовать ему прийти ко Мне. Это Он говорит и ниже: *никтоже может приити ко Мне, аще не Отец привлечет его* (ст. 65). А Павел сказал, что Он передает их Отцу: *егда,* сказано, *предаст царство Богу и Отцу.* Итак,

как Отец, когда дает, тем ничего не лишает Себя, так и Сын, когда передает, тем ничего не отнимает от Себя. Говорится же о Нем, что Он передает, потому Что *чрез Него* мы получили доступ (Еф. II, 18).

3. Но это же выражение: *через Него* — употребляется и об Отце, как например в этом месте: *имже звани бысте в общение Сына Его* (1 Кор. I, 9), то есть волею Отца. И еще: *блажен еси, Симоне вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе* (Мф. XVII, 17). Здесь смысл почти такой: вера в Меня — дело не маловажное, но для нее нужно внушение свыше. И это Христос утверждает повсюду, показывая, что для этой веры нужна душа, истинно доблестная и привлекаемая Богом. Но, быть может, скажет кто-нибудь: если все, что дает Отец, приходит к Тебе, и (если приходят) те, которых только Он привлечет, и никто не может прийти к Тебе, если не будет дано ему свыше, то кому Отец не дает, те свободны от всякой вины и осуждения. Это — пустые слова и одна отговорка. Без сомнения мы имеем нужду и в собственной воле, потому что поучаться и веровать — дело воли. Здесь же словами: *еже дает Мне Отец* Он означает не другое что, как следующее: веровать в Меня — дело не маловажное, и для того нужны не умствования человеческие, но откровение свыше и душа, с благодарностью принимающая откровение. А слова: идущий ко Мне спасен будет — значат: будет пользоваться великим попечением. Затем-то, говорит, Я и пришел, и воспринял плоть, и принял зрак раба. Потом присовокупляет: *снидох, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя* (ст. 38). Что ты говоришь? Разве иная воля — Твоя, а иная — Его? Чтобы кто не подумал этого, Христос отклоняет такую мысль, говоря далее: *се же есть воля Пославшаго Мя, да всяк видяй Сына и веруяй в Него, имать живот вечный* (ст. 40). А это разве не Твоя воля? Как же Ты говоришь в другом месте: *огня приидох вовре-*

щи на земли, и что хощу, аще уже возгореся (Лк. XII, 49)? Если же и Ты хочешь этого, то явно, что у Тебя одна воля с Отцом. Да и в другом месте Он говорит: *якоже Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет, живит* (Ин. V, 21). В чем же состоит воля Отца? Не в том ли, чтобы не погиб ни один из них? А этого же хочешь и Ты. Значит не иная воля та (Отца) и не иная эта (Сына). Так и в другом месте и еще сильнее Он утверждает Свое равенство с Отцом, говоря: Я и Отец *приидем и обитель у него сотворим* (Ин. XIV, 23). Итак, слова Его имеют такой смысл: Я пришел совершить не другое что, как то, чего хочет и Отец, и у Меня нет какой-либо особенной Своей воли, кроме воли Отца, потому что все отчее принадлежит Мне, и все Мое принадлежит Отцу. Если же у Отца и Сына все общее, то Он справедливо говорит: *не да творю волю Мою*. Но здесь Он не сказал так, но соблюдал это к концу. Предметы возвышенные, как я сказал, Он пока скрывает и поставляет в тени, чтобы показать, что, если бы Он сказал: то воля моя, то им пренебрегли бы; поэтому говорит: и Я содействую той воле (то есть Отца), чтобы тем сильнее поразить их. Он говорил как бы так: что вы думаете? Что, не веруя, прогневляете Меня? Нет, вы раздражаете Отца Моего. *Се же есть воля Пославшаго Мя, да все, еже даде Мне, не погублю от него* (ст. 39). Здесь показывает, что не нуждается в их почтении и пришел не по Своей надобности и не для чести от них, но для их спасения. Это же Он сказал и в предыдущей беседе: *славы от человек не приемлю* (Ин. VI, 41), и еще: *сия глаголю, да вы спасени будете* (Ин. V, 34). Да и при всяком случае Он старается показать, что пришел для их спасения. Говорит же, что уготовляет славу Отцу чтобы тем отклонить от Себя всякое подозрение. А что с этою целью Он говорил так, это яснейшим образом открыл в следующих словах: ищущий воли своей, говорит, *славы своея*

ищет: а, ищай славы Пославшаго его, сей истинен есть, и несть неправды в нем (Ин. V, 18). *Се же есть воля Отца, да всяк видяй Сына и веруяй в Него, имать живот вечный, и воскрешу его в последний день* (VI, 40). Для чего Он так часто и при всяком случае говорит о воскресении? Чтобы не думали, будто промысл Божий ограничивается только настоящими вещами, и потому не впадали бы в уныние, если здесь не наслаждаются благами, но надеялись на блага будущие, и не презирали бы его, если не терпят наказания в настоящей жизни, но ожидали жизни будущей.

4. Но если от частого собеседования о воскресении ничего не приобрели они (иудеи), то постараемся приобресть мы. Захотим ли мы неправедно обогатиться или похитить что-нибудь, или сделать другой какой бесчестный поступок, — тотчас приведем себе на мысль тот день, вообразим то судилище, — и эта мысль сильнее всякой узды сдержит дурное наше стремление. Будем постоянно говорить и себе и другим: есть воскресение и нас ожидает страшное судилище. Если кого-либо увидим тщеславящимся и надмевающимся настоящими благами, скажем ему то же самое, и объявим, что все это останется здесь. Если опять увидим другого удрученным скорбями и унывающим, выскажем и ему то же самое, указывая на то, что скорбям будет конец. Если также увидим кого-либо преданным беспечности и лености представим ему опять тоже, выставляя на вид, что нужно будет отдать отчет в беспечности. Эта речь лучше всякого лекарства может уврачевать душу. И подлинно, есть воскресение, и воскресение у дверей, не далеко, но близко. *Еще мало*, говорит Павел, *грядый приидет и не укоснит* (Евр. X, 87), и в другом месте: *всем нам явитися подобает пред судищем Христовым* (2 Кор. V, 10), то есть и злым и добрым, — тем, чтобы перед всеми потерпеть бесславие, — этим, чтобы перед всеми ока-

заться еще более славными. Как здесь судьи и злых наказывают, и добрым воздают честь открыто перед всеми, так точно будет и там, чтобы для одних было больше стыда, а для других больше славы. Будем же представлять себе это каждый день. Если будем иметь это в мыслях, то ничто из вещей настоящих и преходящих не удержит нас, потому что видимое временно, а невидимое вечно. Будем же непрестанно говорить и себе и другим: есть воскресение, и суд, и отчет в делах. Пусть говорят и все те, которые допускают судьбу, — и они немедленно освободятся от этой гнилой болезни. Ведь если есть воскресение и суд, то нет судьбы, сколько бы они ни спорили и ни препирались. Но я стыжусь, что учу христиан о воскресении. Кого нужно учить, что есть воскресение, и кто не вполне убежден, что все совершается не по необходимости, и не просто и не как-нибудь, тот, очевидно, не христианин. Поэтому, я прошу и умоляю: очистим себя от всякого зла и сделаем все, чтобы получить прощение и оправдание в тот день. Но, быть может, кто-нибудь скажет: да когда будет кончина, когда воскресение? Вот сколько уже прошло времени, — и ничего такого не случилось? Но будет, — поверьте. Ведь и перед потопом то же говорили и смеялись над Ноем; но пришел потоп и всех этих неверовавших поглотил, и только его одного веровавшего оставил в живых. И при Лоте не ожидали той, свыше ниспосланной казни, пока ниспавшие молнии и громы не уничтожили всех. И ни тогда, ни при Ное не было никакого предварительного указания на то, что имело случиться; но беды пришли неожиданно в то время, как все пировали, пили и упивались. Так настанет и воскресение, не с предварительными какими-либо признаками, но среди нашего благополучия. Потому Павел и говорит: *егда же рекут: мир и утверждение, тогда внезапу найдет на них погибель, якоже болезнь во*

чреве имущей, и не имут избежати (1 Сол. V, 3). Так устроил это Бог для того, чтобы мы всегда были бдительны и не предавались беспечности среди самой безопасности.

Что ты говоришь? Не ожидаешь воскресения и суда? Это исповедуют и демоны, – а ты не исповедуешь? *Пришел еси семо,* горят они, *прежде времене мучити нас* (Мф. VIII, 29). Если же говорят, что будет мучение, то знают, конечно, будет и суд, и отчет, и наказание. Не будем же прогневлять Бога, сверх худых дел, еще и неверием слову о воскресении. Как во всем прочем Христос был начатком для нас, так и в этом. Потому Он называется и перворожденным из мертвых. А если бы не было воскресения, то как бы Он мог быть перворожденным, когда никто из мертвых не последует за Ним? Если бы не было воскресения, то как бы могла сохраниться правда Божия, когда столько злых людей благоденствуют, и столько добрых страдают и в страдании оканчивают жизнь? Где все эти люди получат по своим достоинствам, если нет воскресения? Никто из живущих праведно не сомневается в воскресении; но каждый день молится, произнося это святое изречение: *да приидет царствие твое* (Мф. VI, 10). Кто же не верует в воскресение? Люди, идущие оскверненными путями и проводящие нечистую жизнь, как говорит пророк: *оскверняются путие его на всякое время: отъемлются судьбы твоя от лица его* (Пс. IX, 26). Подлинно, невозможно человеку вести жизнь чистую, когда он не верует в воскресение. А кто не знает за собою ничего худого, те и говорят, и желают, и веруют, что получат воздание. Не будем же прогневлять Бога, но послушаем Христа, Который говорит: *убойтеся могущаго и душу и тело погубити в геенне* (Мф. X, 28). Боязнь эта соделает нас лучшими, и таким образом, мы, избавившись от этой погибели, удостоимся царства небесного, которо-

го и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, с поклоняемым, всесвятым и животворящим Его Духом, слава ныне и присно, и в бесконечные веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVI

Роптаху убо Иудее о Нем, яко рече: Аз есмь хлеб, сшедый с небесе. И глаголаху: не сей ли есть сын Иосифов, его же мы знаем отца и матерь? Како убо глаголет сей, яко с небесе снидох (Ин. VI, 41, 42)?

1. *Имже Бог чрево, и слава в студе их,* – говорил о некоторых людях Павел в послании к Филиппийцам (Флп. III, 19). Что таковы же были и иудеи, видно и из предыдущих обстоятельств, видно и из того, что они говорили, пришедши ко Христу. Когда Он дал им хлеб и насытил их чрево, они и пророком называли Его, и царем хотели поставить; а когда преподавал им учение о пище духовной, о жизни вечной, когда беседовал о воскресении и возвышал их мысль, и когда в особенности следовало бы дивиться Ему, – тогда они ропщут и отступают от Него. Между тем, если Он пророк, как они прежде говорили, – а Он и действительно есть тот, о котором сказал Моисей: *пророка от братии вашея возставит вам Господь Бог, якоже мене, того послушайте* (Втор. XVIII, 15; Деян. III, 22), – то им надлежало слушать Его, когда Он говорил: *с небесе снидохъ;* но они не слушали, а роптали. Они еще уважали Его за недавнее чудо над хлебами, и потому явно не противоречили, но ропотом выражали свою досаду на то, что Он не дал им трапезы, какой они хотели, и среди ропота говорили: *не сей ли есть сын Иосифов?* Из этих слов видно, что они

еще не знали даже об его чудном и необычайном рождении, отчего и называют Его сыном Иосифа. И Христос не упрекает их и не говорит: Я не сын Иосифа – не потому, чтобы Он был сын Иосифа, но потому, что они еще не могли услышать о том чудном рождении. Если же они не могли ясно услышать о Его рождении плотском, то не могли тем более – о неизреченном, горнем. Если Он не открыл им уничиженного, то тем более не мог бы говорить им о тех вещах. И хотя их много соблазняло Его происхождение от простого и незнатного отца, однако же Он не открыл (истины), чтобы отстраняя один соблазн, не произвесть другого. Что же Он отвечает на их ропот? *Никтоже может приити ко Мне, аще не Отец, пославый Мя, привлечет его* (ст. 44). На это нападают манихеи и говорят, будто ничто не зависит от нас. Между тем эти-то слова особенно и доказывают, что мы властны в своем произволении. Но какая, говорят, надобность привлекать, если кто сам приходит к Нему? Опять и это не уничтожает нашего произволения, а напротив показывает, что мы нуждаемся в помощи. Здесь (Христос) говорит не о всяком приходящем, но о том, кто пользуется великим содействием (от Бога). Далее показывает и способ, которым Отец, привлекает. А чтобы иудеи опять не подумали о Боге чего-либо чувственного, Он присовокупил: *не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога, сей виде Отца* (ст. 45). Как же, спросишь, привлекает? Это давно показал пророк, предвозвещая и говоря: *будут вси научени Богом* (ст. 45). Видишь ли достоинство веры? Видишь ли, как, по предсказанию пророка, люди имеют быть научены *ни от человек, ни человеком* (Гал. I, 1), но самим Богом? Потому-то, чтобы придать достоверность Своим словам, Он и отослал иудеев к пророкам. Но если сказано, что все будут научены Богом, то отчего, спросишь, некоторые не веруют? Оттого, что те слова сказаны о

большей части людей, или еще – пророчество указывает не вообще на всех, но на всех желающих. Учитель стоит перед всеми, и всем готов преподать и сообщить свое учение. *И Аз воскрешу его в последний день* (ст. 39). Не малое здесь означается достоинство Сына: если Отец привлекает, то Он воскрешает. Но этим Он не отделяет Своих дел от Отца (как это возможно?), а только показывает равенство могущества. Почему, как в том месте, сказав: *и, пославый Мя Отец свидетельствова о Мне* (Ин. V, 37), вслед затем Он отослал иудеев к Писанию, чтобы кто-нибудь из них не стал понапрасну много трудиться над объяснением Его слов, так и здесь, чтобы не стали по-прежнему подозревать Его, отсылает их к пророкам, которых весьма часто и приводит, чтобы показать, что Он не противник Отца. Что же, скажешь, жившие до того времени разве не были научаемы Богом? Что же здесь особенного? То, что тогда люди научались божественным истинам при посредстве людей, а теперь научаются через единородного Сына Божия и Духа Святого. Далее Христос присовокупляет: *не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога,* разумея здесь эти слова (сый от Бога) не о причине бытия, но о свойстве существа. Если бы Он разумел ту мысль, то в чем бы тогда состояло преимущество Сына и Его отличие от нас? И мы ведь все от Бога. Для чего же, скажешь, Он не выразил этого яснее? Ради немощи иудеев. Если они так соблазнились и словами: *с небесе снидох,* то что было бы с ними, если бы Он присовокупил и это? А хлебом животным, называет Себя потому, что от Него зависит наша жизнь и настоящая и будущая. Оттого и присовокупил: *аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки* (ст. 51), разумея здесь под хлебом или спасительные догматы и веру в Него, или Свое тело, потому что и то и другое укрепляет душу. Хотя в другом случае при Его словах: *аще кто слово Мое*

соблюдет, не иматъ вкусити смерти (Ин. VIII, 51, 52) иудеи соблазнились, но теперь ничего такого не случилось, вероятно, оттого, что они еще уважали Его, ради чуда над хлебами.

2. Заметь еще и то, откуда Он выводит различие между этим хлебом и манною: из следствий употребления той и другой пищи. Показывая, что манна не принесла никакой особенной пользы, Он присовокупил: *отцы ваши ядоша манну в пустыни, и умроша* (ст. 49). Потом представляет убедительнейшее доказательство тому, что они удостоились несравненно большего дара, чем отцы их, намекая на бывших при Моисее тех дивных мужей. Поэтому, сказав, что евшие манну умерли, Он прибавил: *аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки* (ст. 51). И слово: *в пустыни* Он употребил не без цели, но чтобы дать заметить, что манна и продолжалась недолго и не перешла в обетованную землю; а этот хлеб не таков. *И хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира* (ст. 51). Справедливо здесь может кто-нибудь в недоумении спросить: благовременно ли было говорить эти слова, когда они отнюдь не послужили к назиданию и не принесли никакой пользы, а напротив даже повредили тем, которые были уже наставлены? *От сего,* сказано, *мнози от ученик его идоша вспять,* говоря: *жестоко слово сие, кто может ею послушати* (60, 66)? Ведь можно было это преподать одним ученикам, с которыми, как заметил Матфей, Христос и беседовал особо. Что же отвечать на это? То, что и в настоящем случае эти слова были весьма полезны и нужны. Так как иудеи настоятельно просили у Него пищи, но — телесной, и вспоминая о пище, какая была ниспосылаема их предкам, считали манну чем-то великим, то Он и упоминает о пище духовной, желая показать, что все то было образом и тенью, а эта пища есть самая истина *вещей* (Евр. X, 1). Но надлежало, гово-

рят, сказать: отцы ваши ели манну в пустыне, а Я дал вам хлеб. Но в этом большое различие. Это чудо (над хлебами) казалось даже меньшим того (дарования манны), потому что манна была ниспосылаема с неба, а чудо над хлебами было совершено на земле. Итак, поелику они домогались пищи, сходящей с неба, то Он часто и говорил: *с небесе снидох*. Если же кто полюбопытствует узнать, для чего Он завел речь и о таинствах, то мы скажем ему, что было очень благовременно сказать и о них. Темнота слов всегда подстрекает слушателя и делает его более внимательным. Потому иудеям не соблазняться следовало, а напротив спросить и узнать. Но они удаляются. И если они считали Его пророком, то должны были поверить Его словам. Таким образом причина соблазна заключалась в их неразумии, а не в непонятности речи. Но ты смотри, как Он мало-помалу привязывал к Себе учеников. Они говорят: *глаголы живота имаши, куда идем* (ст. 68), несмотря на то, что здесь Он представляет уже Себя дающим, а не Отца, говоря: *хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть*. Но народ не так, а напротив: *жестоко слово сие*, говорит он, почему и уходит. Между тем это учение было не новое какое-либо и необычайное. На него прикровенно указал еще прежде Иоанн, назвав Христа Агнцем. Но и при всем том, скажешь, народ не понимал. Знаю это и я; но не понимали также и ученики. Если они еще ничего ясно не знали о воскресении, а потому и не понимали, что бы такое значило: *разорите церковь сию и треми денми воздвигну ю* (Ин. II, 19), то еще гораздо менее могли понять те слова, потому что они темнее этих. Что воскресали пророки, это они знали, хотя Писание говорит об этом и не так ясно; но чтобы кто-нибудь ел плоть, о том никогда не говорил ни один из пророков. И однако ж ученики поверили Христу, следовали за Ним и исповедали, что Он имеет глаголы

живота вечного. Долг ученика — не разбирать с излишним любопытством слов учителя, но слушать, верить и ожидать надлежащего времени для решения недоумений. Отчего же, скажешь, (с некоторыми) случилось противное и они обратились вспять? Причина — в их неразумии. Как скоро придет на мысль вопрос: *как?* — вместе с тем является и неверие. Оттого смущался и Никодим, говоря: *како может человек внити в утробу матери своея* (Ин. III, 4)? Оттого смущаются и они, говоря: *како может сей нам дати плоть свою ясти* (ст. 82)? Если ты теперь спрашиваешь: как? — то отчего не говорил того же о хлебах? Как из пяти Господь сделал такое множество? Очевидно, они тогда думали только о том, как бы насытиться, а не о том, чтобы уразуметь чудо. Но тогда, скажешь, самый опыт научал их. Если так, то по тому же самому опыту им следовало без труда принять и это учение. Для того-то Христос наперед и совершил то чудо, чтобы они, наученные им, веровали уже и тому, что Он после говорил. Итак, иудеи в то время не получили никакой пользы от сказанного; а мы уже на самом деле пользуемся этим благодеянием. Поэтому и нужно знать чудо этих таинств — в чем оно состоит, для чего дано и какая от него польза. *Едино тело,* сказано, мы бываем *и уди от плоти Его и от костей Его* (Еф. IV, 4:). Да внимают этим словам посвященные!

3. Итак, чтобы не любовью только, но и самым делом быть нам членами плоти Христовой, будем причащаться этой плоти. А это бывает через пищу, которую Христос даровал, чтобы выразить Свою великую любовь к нам. Для того Он смешал самого Себя с нами и растворил тело Свое в нас, чтобы мы составили нечто единое, как тело, соединенное с головою. И это знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно люби-

ли его, что желали срастись с его плотью: *кто убо дал бы нам от плотей его насытиться* (Нов. XXXI, 31)? Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этою же целью так поступил и Христос: чтобы ввести нас в большее содружество с Собою и показать Свою любовь к нам. Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и касаться зубами плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать Им всякое желание. Будем же отходить от этой трапезы, как львы, дышащие огнем, страшные для диавола, помышляя о нашей Главе и о той любви, и какую Он показал к нам. Часто родители отдают детей своих на вскормление другим; а Я, говорит (Спаситель), не так, но питаю вас Своею плотью, самого Себя предлагаю вам, желая, чтобы все вы были благородны, и подавая вам благие надежды на будущее. Кто отдал вам самого себя здесь, то тем более (сделает для вас) там. Я восхотел быть вашим братом; Я ради вас приобщился плоти и крови; и эту плоть и кровь, через которые Я сроднился с вами, Я опять преподаю вам.

Эта кровь придает нам вид цветущий и царский; рождает красоту неизобразимую; не дает увядать благородству души, непрестанно напояя ее и питая. Наша кровь, образующаяся из пищи, не вдруг становится кровью, но (сначала) бывает чем-то другим; а эта кровь не так, но тотчас же напояет душу и сообщает ей некую великую силу. Эта кровь, достойно принимаемая, отстраняет и далеко прогоняет от нас демонов, призывает же к нам ангелов и Владыку ангелов. Демоны бегут оттуда, где видят Владычнюю кровь, а ангелы туда стекаются. Пролитая (на кресте), эта кровь омыла всю вселенную. Много об этой крови любомудрствовал и блаженный Павел в послании к Евреям. Эта кровь очистила место недоступное и святое святых. Если же ее образ имел такую силу и в храме еврей-

ском, и в Египте, когда кровью были помазаны дверные косяки, то гораздо более — сама истина. Эта кровь освятила золотой жертвенник. Без нее архиерей не дерзал входить в место недоступное. Эта кровь поставляла во священника. Она в образах омывала грехи. Если же в образах она имела такую силу; если смерть так страшилась тени, — то может ли, скажи мне, не убояться самой истины? Эта кровь — спасение душ наших. Ею душа омывается; ею украшается; ею воспламеняется. Она делает наш ум светлее огня. Она делает нашу душу чище золота. Эта кровь излилась, — и соделала небо для нас доступным.

4. Страшны поистине таинства Церкви, страшен поистине жертвенник. Из рая выходил источник, изливавший чувственные реки; от этой же трапезы происходит источник, изводящий реки духовные. При этом источнике насаждены не ивы бесплодные, но дерева, досягающие до самого неба и приносящие плод всегда спелый и никогда неувядающий. Если кто томится от зноя, — пусть идет к этому источнику и прохладит свой жар, потому что этот источник уничтожает засуху и освежает все попаленное, — попаленное не солнцем, а раскаленными стрелами (диавола). Его начало — свыше, и исток его там же, и оттуда он напаяется. У этого источника много потоков, которые изводит Утешитель, а посредником при этом бывает Сын, не заступом пролагая им дорогу, но отверзая в нас расположение. Этот источник есть источник света, изливающий лучи истины. К нему стекаются и горние силы, чтобы созерцать красоту его потоков, потому что они яснее видят и силу предлежащих даров и неприступное их сияние. Если бы возможно было, чтобы кто-нибудь вложил свою руку или язык в расплавленное золото, — они тотчас озолотились бы. Точно такое же и еще гораздо большее действие производят и здесь на душу предле-

жащие тайны. Сильнее огня кипит и стремится эта река, но не сожигает, а только очищает все, чего касается. Эта кровь древле была прообразована на жертвенниках, в закланиях, определенных законом. Она есть цена вселенной; ею Христос купил Церковь; ею Он всю ее украсил. Как тот, кто покупает слуг, дает за них золото и потом, желая их украсить, украшает золотом, так и Христос и купил нас кровью, и украсил кровью. Приобщающиеся этой крови стоят вместе с ангелами, архангелами и горними силами, облеченные в царскую одежду Христову и имея духовное оружие. Но этим я еще не сказал ничего великого: они бывают облечены в самого Царя. Но насколько велико и чудно это таинство, настолько же верно и то, что если приступишь к нему с чистотою, приступишь во спасение, если же с совестью лукавою – в наказание и мучение. *Ядый бо,* сказано, *и пияй* Господа *недостойне, суд себе яст и пиет* (1 Кор. XI, 29). Если и оскверняющие царскую порфиру наказываются одинаково с раздирающими ее, то что удивительного, если приемлющие тело с нечистой мыслью подвергнутся такому же наказанию, как и те, которые истерзали его гвоздями? Смотри, на какое страшное наказание указывает Павел в словах: *отвергся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или, триех свидетелех умирает. Колика мните, горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися* (Евр. X, 28, 29)? Будем же, возлюбленные, внимательны к самим себе, наслаждаясь такими благами. И если родится в нас желание сказать что-нибудь срамное, или заметим, что нами овладевает гнев или другая какая страсть, – подумаем, чего мы удостоены, какого получили Духа. Такая мысль обуздает наши безумные страсти. Да и доколе мы будем привязаны к настоящему? Доколе не восстанем? Доколе будем нерадеть о своем спасении? Помыслим,

чего нас удостоил Бог, возблагодарим, прославим Его — не верою только, но и самыми делами, чтобы сподобиться и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVII

Рече же им Иисус аминь, аминь глаголю вам, аще не снесте плоти Сына человеческаго, ни пиете крове Его, живота не имате в себе. Ядый же Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот в себе (Ин. VI, 35, 54)

1. Когда беседуем о предметах духовных, ничто житейское да не будет в душах наших, ничто земное; но все это да будет удалено, все да будет устранено, чтобы мы могли всецело предаться одному слушанию божественных слов. Если при входе царя в город затихает весь шум, то гораздо более в то время, как Дух беседует с нами, мы должны вникать с глубоким безмолвием и с великим страхом. А что сегодня читано, то, действительно, достойно страха. Что же именно, — послушай. Истинно говорю вам, говорит Христос, если кто не будет есть плоти Моей и пить крови Моей, тот не будет иметь жизни в себе. Так как иудеи перед тем говорили, что это невозможно, то Он показывает что не только не невозможно, но и весьма необходимо. Поэтому и прибавляет: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день*. Слова Его: если кто ест от хлеба сего, не умрет во веки, легко могли показаться им странными, как и тогда, когда они говорили: Авраам умер, и пророки умерли, как же Ты говоришь: не вкусит смерти (Ин. VIII, 52)? Поэтому Он,

чтобы разрешить такое недоумение и показать, что действительно не умрет навсегда, упомянул о воскресении. Часто же говорит о таинстве (причащения), чтобы показать, как оно необходимо и что оно непременно должно быть. *Плоть Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть пиво* (ст. 55). Что значат эти слова? Ими Он хочет или сказать то, что плоть Его есть истинное брашно, спасающее душу, или же уверить их в сказанном, так чтобы они не считали слов Его загадкою и притчею, но знали, что непременно должно вкушать Его тело. Далее говорит: *ядый Мою плоть, во Мне пребывает* (ст. 56); этим показывает, что такой человек соединяется с Ним. Следующие же слова, если не вникнуть в их смысл, представляются как будто не имеющими связи с предыдущими. Какая в самом деле, говорят, последовательность — сначала сказать: *ядый Мою плоть, во Мне пребывает,* и затем продолжать: *якоже посла Мя живый Отец, и Аз живу Отца ради* (ст. 57)? Однако ж между этими словами есть большое соответствие. Так как (Христос) много раз говорил о жизни вечной, то, в подтверждение того же, и присовокупил: *во Мне пребывает.* Если же во Мне пребывает, а Я живу, то явно, что и он будет жить. Потом говорит: *якоже посла Мя живый Отец.* Это — сравнение и уподобление. Он как бы так сказал: Я живу так, как Отец. А чтобы ты не счел Его нерожденным, Он тотчас прибавил: *Отца ради;* но этим показывает не то, будто Он для Своей жизни имеет нужду в каком-либо содействии. Еще прежде Он опроверг эту мысль, сказав: *якоже Отец имать живот в себе, тако даде и Сынови живот имети в себе* (Ин. V, 26). Если же (допустить, что) Он нуждается в содействии, то будет следовать, что Отец не дал так (то есть Сыну иметь живот в себе), и значит, те слова — ложны; а если дал, то Сын уже не имеет нужды ни в каком постороннем содействии. Что же значит: *Отца ради?* Здесь Христос ука-

зывает только причину, говоря как бы так: как живет Отец, так и Я живу. И *ядый Мя, и той жив будет Мене ради* (ст. 57). Жизнь здесь разумеет не обыкновенную, но прославленную. А что Он говорит о жизни не обыкновенной, но о той славной и неизреченной, это видно из того, что все – и неверующие и непосвященные – тоже живут, хотя и не вкушают той плоти. Видишь, что речь идет не об этой жизни, но о той. Он как бы так говорит: ядущий Мою плоть не погибнет по смерти и не подвергнется наказанию. И не об общем также воскресении говорит, так как все одинаково воскреснут, но о воскресении особенном, славном, соединенном с наградой. *Сей есть хлеб, сшедший с небесе: не якоже ядоша отцы ваши манну, и умроша: ядый хлеб сей, жив будет во веки* (ст. 58). Непрестанно повторяет одно и тоже для того, чтобы напечатлеть это в душе слушателей (так как учение об этом было почти последнее), и чтобы утвердить веру в догмат о воскресении и жизни вечной. Итак, (Христос) говорит и о воскресении частью потому, что сказал о жизни вечной, а частью и для того, чтобы показать, что эта жизнь не теперь, но будет по воскресении. Откуда же, скажешь, это видно? Из Писания. К нему при всяком случае отсылает Он иудеев, повелевая из него удостоверяться в том. А словами: *даяй живот миру* (ст. 33) Он возбуждает в них соревнование, чтобы, таким образом, они не лишали себя этого дара по крайней мере из ревности, что другие наслаждаются им. О манне же часто упоминает для того, чтобы и различие показать между ею и небесным хлебом, и привесть их к вере. Если для Него возможно было без жатвы, без хлеба и других снадобий сохранить, в продолжение сорока лет, жизнь их предков, то тем более это возможно будет теперь, когда Он пришел совершить большие дела. С другой стороны, если то были некоторые образы, и однако

же тогда собирали пищу без пота и трудов, то тем более это будет теперь, когда во всем большее различие, когда смерти уже нет и мы пользуемся истинною жизнью.

Хорошо и то, что Христос часто упоминает о жизни, потому что жизнь вожделенна для людей и ничто так не приятно, как не умирать. И в Ветхом Завете было обещание долговечности и многолетия, но теперь обещается не просто долговечность, но жизнь, конца не имеющая. Вместе с тем Христос хочет показать, что Он отменяет наказание, бывшее следствием греха, уничтожает тот смертный приговор и, вопреки прежнему определению, вводит не просто жизнь, но жизнь вечную. *Сия рече на сонмищи, уча в Капернауме* (ст. 59), где Он совершил много чудес, и где поэтому Его должны были слушать с особенным вниманием.

2. Но для чего Он учил в синагоге и в храме? Как для того, чтобы уловить собиравшийся в них народ, так и для того, чтобы показать, что Он действует не противно Отцу. *Мнози же слышавше от ученик Его, реша: жестоко есть слово сие* (ст. 60). Что значит: *жестоко есть?* Значит: сурово, трудно, тягостно. Но ведь Он ничего такого не говорил, потому что и беседовал не о жизни и деятельности, но о догматах, часто упоминая о вере в Него. Так что же, то ли значит: *жестоко есть слово,* что Он обещает жизнь и воскресение? То ли, что он сказал: *с небесе снидох?* Или то, что нельзя спастись не ядущему Его плоти? Это ли, скажи мне, жестоко? Но кто станет утверждать это? Итак, что значит: *жестоко?* Значит: неудобоприемлемо, превышает их немощь, наводит великий страх. Они думали, что Он говорит нечто такое, что выше Его достоинства и далеко превосходит Его силы; почему и говорили: *кто может Его послушати,* желая, может быть, тем оправдать себя, потому что намерены были отстать от Него. *Ведый же Иисус в Себе, яко ропщут о сем ученицы*

Его (а такое ведение тайных помыслов есть доказательство Его божества), говорит: *сие ли вы блазнит* (ст. 61)? *Аще убо узрите Сына человеческаго восходяща, идеже бе прежде* (ст. 62). Так же Он поступил и с Нафанаилом, сказав: *зане рых ти, видех тя под смоковницею, веруеши: больша сих узриши* (Ин. I, 50), – и с Никодимом: *никтоже взыде на небо, токмо Сын человеческий, сый на небеси* (Ин. III, 13). Что же? К недоумениям Он присовокупляет новые недоумения? Отнюдь нет; напротив, величием и множеством догматов хочет удержать их при Себе. Сказав просто: *с небесе снидох,* и не присовокупив ничего больше, Он тем скорее соблазнил бы их; но сказав: тело мое — жизнь мира, также: *якоже посла Мя живый Отец, и Аз живу Отца ради,* и еще: *с небесе снидох,* Он тем разрешает их недоумение. Кто говорит о себе одно великое, того, конечно, еще можно подозревать во лжи, но кто, вслед затем, высказывает столь многое, тот уничтожает всякое подозрение. Все же Он и делает и говорит для того, чтобы удалить их от мысли, что отец Его Иосиф. Значит, Он говорил так не для усиления соблазна, а напротив для его уничтожения. Кто считал бы Его сыном Иосифа, тот не принял бы Его слов; а кто убедился, что Он сошел с неба и опять взойдет туда, тот удобнее мог внимать Его словам. После того Христос присовокупляет и другое решение их недоумения, говоря: *Дух есть, иже оживляет, плоть не пользует ничтоже* (ст. 63). Это значит: что говорится обо Мне, тому должно внимать духовно; а кто внимает чувственно, тот ничего не приобретает и не получает никакой пользы. Сомневаться же в том, как Он сошел с неба, и думать, что Он — сын Иосифа, и спрашивать: *како может нам дати плоть свою ясти?* — было делом плотского слушания, между тем как все это следовало понимать таинственно и духовно. Но откуда, скажешь, они могли понять, что такое значит есть плоть? Потому-то им и следовало

выждать удобного времени и расспросить, а не оставлять Его. *Глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть* (ст. 63), то есть божественны и духовны, не заключают в себе ничего плотского, и не подлежат естественному порядку, но чужды всякой этого рода необходимости и выше законов, действующих на земле, и имеют смысл другой, особенный. Таким образом, как здесь сказал: *дух,* вместо того, чтобы сказать; *духовные* (глаголы), так и, сказав: *плоть,* разумел *неплотские* (предметы), но плотское слушание, намекая вместе и на иудеев, которые всегда желали плотского, между тем как надлежало желать духовного, потому что кто предметы духовные станет понимать чувственно, тот не приобретет никакой прибыли. Что же, разве Его плоть не есть плоть? Без сомнения, – плоть. Как же Он сказал: *плоть не пользует ничтоже?* Это Он сказал не о Своей плоти, – отнюдь нет, – но о тех, которые Его слова понимают чувственно. Что же значит – понимать чувственно? Смотреть на предметы просто и не представлять ничего больше, – вот что значит понимать чувственно. Но не так должно судить о видимом, а надобно внутренними очами презирать во все его тайны. Вот это значит понимать духовно. Ведь, кто не ест Его плоти и не пьет Его крови, не имеет жизни в себе: как же плоть ничего не пользует, когда без нее невозможно жить? Не видишь ли, что слова: *плоть не пользует ничтоже* сказаны не о плоти Его, но о плотском слушании? *Но суть от вас нецыи, иже не веруют* (ст. 64). Опять, по Своему обычаю, придает важность Своим словам, предрекая будущее и показывая, что Он говорил все это не потому, чтобы искал славы у них, а потому, что заботился о их благе. Сказав: *нецыи,* Он через то исключил учеников, – потому что вначале Он говорил: *и видесте Мя, и не веруете* Мне (ст. 36), а теперь: *суть от вас нецыи, иже не веруют. Ведяше бо искони,*

кии суть неверующии и кто есть предаяй Его. И глаголаше: сего ради рех вам, яко никтоже может приити ко Мне, аще не будет ему дано свыше от Отца Моего (ст. 64, 65). Здесь Евангелист указывает нам на добровольное, принятое Христом, домостроительство (спасения) и на Его незлобие. И слово: *искони* здесь поставлено не без цели, но чтобы ты познал Его предведение и то, что Он еще прежде этих слов, и не после того, как иудеи возроптали и соблазнились, а еще прежде, знал предателя, — что было доказательством Его божества. Затем присовокупил: *аще не будет ему дано* свыше *от Отца Моего,* убеждая их считать Бога Отцом Его, а не Иосифа, и показывая, что уверовать в Него дело немаловажное. Он как бы так говорил: не тревожат, не смущают, не удивляют Меня неверующие. Я знаю это гораздо прежде, чем случилось. Знаю, кому дал Отец (уверовать в Меня).

3. Но когда ты слышишь: *дал,* не думай, чтобы было раздаяние просто по жребию, а веруй, что получает тот, кто оказывается достойным принять. *От сего мнози от ученик Его идоша вспять, и к тому не ходжаху с Ним* (ст. 66). Не без причины Евангелист не сказал: отошли, но: *идоша вспять.* Этим Он показал, что они, отделившись (от Христа), прервали преуспевание в добродетели и потеряли ту веру, которую прежде имели. Но с двенадцатью (учениками) этого не случилось. Поэтому Он и говорит им: *еда и вы хощете ити* (ст. 67)? — чем опять показывает, что не нуждается в их служении и послушании, и не за тем водить их с Собою. Иначе — стал ли бы Он спрашивать их так? Почему же Он не похвалил их? Почему не превознес? Частью для того, чтобы соблюсти приличное Учителю достоинство, а частью для того, чтобы показать, что Он этим способом скорее мог привлечь их к Себе. Если бы Он похвалил, то они могли бы подумать, что оказывают Ему услугу, и

поддаться какой-нибудь немощи человеческой. Когда же показал, что не нуждается в их следовании за Ним, то этим более удержал их при Себе. И смотри, с какою мудростью Он говорит. Не сказал: отойдите, потому что это значило бы отгонять, но говорит вопросительно: *еда и вы хощете ити?* – чем показывает, что Он устраняет всякое насилие и принуждение и хочет, чтобы они оставались при Нем не из-за какого-либо стыда, но по чувству благодарности. А тем, что не укорил их явно, но коснулся незаметно, Он показал, как должно любомудрствовать в подобных случаях. Но с нами бывает напротив, и это понятно, потому что мы все делаем ради своей славы. Поэтому и думаем, что наше благосостояние уменьшается, когда уходят служащие нам. Но Христос не стал ни льстить, ни отгонять, а только спросил. И это не потому, чтобы Он презирал учеников, но потому, что не хотел удерживать их при Себе силою и принуждением, – ведь оставаться по этой причине все равно, что и отойти. Что же Петр? *К кому идем? Глаголы живота вечнаго имаши. И мы веровахом и познахом, яко Ты еси Христос Сын Бога живаго* (ст. 68, 69). Видишь ли, не слова Христовы были причиною соблазна, а невнимание, беспечность и неблагодарность слушателей? Если бы Он и не сказал (тех слов), они и тогда соблазнились бы и не успокоились бы, потому что непрестанно думали о пище телесной и были пригвождены к земле. Ведь вместе же с ними слушали и эти (апостолы); однако же высказали совсем не то, что они, говоря: *к кому идем?* Этот ответ обнаруживает великую любовь. Он показывает, что для них Учитель дороже всего – и отцов, и матерей, и имений, и что, оставив Его, они не могли бы уже найти, куда прибегнуть. Но чтобы не показалось, будто слова: *к кому идем* Петр сказал потому, что не было никого, кто бы принял их, Он тотчас присовокупил: *глаголы*

живота вечнаго имаши. Другие внимали (словам Христовым) чувственно и с умствованиями человеческими; а они (апостолы) духовно, предоставляя все вере. Потому и Христос говорил: *глаголы, яже Аз глаголах, дух суть,* то есть: не предполагай, что учение, содержащееся в Моих словах, подлежит обыкновенному порядку вещей и тем законам, по которым все совершается. Предметы духовные не таковы: они не могут быть подчинены законам земным. На это и Павел указывает, говоря: *да не речеши в сердце твоему, кто взыдет на небо, сиречь Христа свести. Или кто снидете в бездну, сиречь Христа от мертвых возвести* (Рим. X, 6). *Глаголы живота вечнаго имаши.* Вот они уже приняли учение о воскресении и о будущем воздаянии. Смотри же, какое братолюбие и какую любовь высказывает Петр, отвечая за весь лик (апостолов). Не говорит: я познал, но: *познахом.* Особенно же обрати внимание на то, как принаравливается к самым словам Учителя, говоря не то, что говорили иудеи. Те говорили: *сей есть сын Иосифов,* а Петр: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго,* и еще: *глаголы живота вечнаго имаши;* (и он говорил так), вероятно, потому, что часто слышал слова Христовы: *веруяй в Мя имать живот вечный.* Припомнив, таким образом, самые слова, Он показал тем, что содержит (в памяти) все сказанное. Что же Христос? Не похвалил и не превознес Петра, хотя это и сделал при другом случае; но что говорит? *Не Аз ли вас дванадесяте избрах, и един от вась диавол есть?* Так как Петр сказал: *и мы веровахом,* то Христос исключает из этого лика Иуду. В другом месте Петр не сказал ничего об учениках, но на вопрос Христа: *вы же кого Мя глаголете?* — отвечал: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго* (Мф. XVI, 15). Но так как здесь сказал: *и мы веровахом,* то Христос, по справедливости, не оставляет Иуду в лике учеников. А это Он сделал с намерением заранее отвратить вероломство

предателя; и хотя знал, что это будет бесполезно, тем не менее исполнял Свое дело.

4. И смотри, с какою мудростью (поступил Христос)! Он и не открыл вполне предателя и не оставил его совсем неизвестным, чтобы он, с одной стороны, не сделался более бесстыдным и упорным, а с другой, думая, что остается неизвестным, не отважился бесстрашно на злодеяние. С этой-то целью, продолжая Свою беседу, изобличает его яснее. В самом деле, сначала Он включил и его в число прочих, сказав: *суть нецыи от вас, иже не веруют.* А что здесь Он разумел и предателя, это показал Евангелист словами: *ведяше бо искони, кии суть неверующии, и кто есть предаяй Его.* Но так как Иуда остался при Нем, то Он изобличает его сильнее, говоря: *един от вас диавол есть,* и, таким образом, наводит страх на всех вообще, желая прикрыть его. При этом справедливо может возникнуть недоумение: отчего теперь ученики не говорят ничего, а впоследствии приходят в страх и в недоумении смотрят друг на друга и спрашивают: *еда аз есмь, Господи* (Мф. XXVI, 22)? и Петр подает знак Иоанну, чтобы он узнал о предателе и спросил у Учителя, кто это (Ин. XIII, 24). Итак, какая тому причина? Петр тогда еще не слышал: *иди за Мною, сатано* (Мк. VIII, 33), а потому и не имел никакого опасения. Когда же подвергся упреку, и несмотря на то, что говорил от великого расположения, не только не заслужил одобрения, но и услышал название сатаны, то при словах: *един от вас предаст Мя* (Ин. XIII, 21) справедливо уже убоялся. С другой стороны, и Христос теперь не говорит: *един от вас предаст Мя,* а: *един от вас диавол есть.* Потому они даже не поняли этих слов, а думали, что Он только укоряет за лукавство. Но для чего Он сказал: *не Аз ли вас дванадесяте избрах, и един от вас диавол есть?* Чтобы показать, что Его учение чуждо лести. Так как в то время, когда все оставили Его, они

одни остались при Нем и через Петра исповедали Его Христом, то, чтобы не подумали, что Он станет за это льстить им, Он удаляет их от такой мысли. Он как бы так говорит: ничто не может отклонить Меня от обличения людей злых; не думайте, что Я стану льстить вам за то, что вы остались при Мне, или что Я не буду обличать порочных, потому что вы последовали за Мной. К этому не склонить Меня и то, что гораздо сильнее могло бы склонить учителя. Кто сам собою остается при учителе, тот представляет тем свидетельство своей любви к нему; а избранный учителем почитается от людей несмысленных за безумного и отвергается ими. Но и это не удержит Меня от обличений. Между тем в этом и теперь язычники обвиняют Христа, но напрасно и неразумно: Бог никогда не делает людей добрыми через насилие и принуждение, и Его избрание призываемых не насильственное, но совершается через увещание. А чтобы тебе увериться, что призывая Он не насилует, смотри, сколько погибло людей званных. Отсюда видно, что в нашей воле — и спасение, и погибель.

5. Слыша это, научимся же всегда резвиться и бодрствовать. Иуда был причтен к тому святому лику, сподобился столь великого дара, совершал чудеса (потому что и он вместе с прочими был послан воскрешать мертвых и очищать прокаженных), и несмотря на это, как скоро был порабощен тяжким недугом — страстью сребролюбия, предал и своего Владыку. И ничто не принесло ему пользы: ни благодеяния, ни дарования, ни пребывание со Христом, ни служение, ни омовение ног, ни общение в трапезе, ни хранение ковчежца; но это все обратилось даже в повод к его наказанию. Будем же бояться, чтобы и нам через сребролюбие не сделаться подражателями Иуде. Ты не предаешь Христа; но, когда презираешь нищего, истаивающего

от голода или гибнущего от холода, навлекаешь на себя тоже осуждение. Также, когда мы недостойно приобщаемся таин, мы погибаем наравне с христоубийцами. Когда похищаем, когда угнетаем бедных, то навлекаем на себя величайшее наказание — и весьма справедливо. В самом деле, доколе будет так владеть нами любовь к настоящим вещам — излишним и бесполезным? А богатство и принадлежит к вещам излишним, от которых нет никакой пользы. Доколе нам не взирать на небеса, не трезвиться, не знать сытости в наслаждении этими земными преходящими благами? Ужели мы не знаем из опыта их ничтожества? Представим себе бывших до нас богачей. Не сон ли все их блага? Не тень ли и цвет, не поток ли протекающий? Не повесть ли и басня? Вот такой-то был богат: где же теперь его богатство? Сгибло и истлело. А грехи, совершенные из-за него, и наказание за грехи — остаются. Но если бы даже и наказания не было и царства не предстояло, — и тогда следовало бы уважать (в бедном) одноплеменность и однородность с нами, и постыдиться того, что он подобострастен нам. Между тем мы кормим псов (многие же кормят и диких ослов, и медведей, и других разного рода зверей), а презираем человека, истаивающего от голода; таким образом, для нас чужое дороже родного и свое хуже того, что не наше и не родственно нам. Но неприятно ли, скажешь, строить великолепные дома, иметь множество рабов и, покоясь на ложе, смотреть на золотой свод? Да это излишне и бесполезно. Есть другие здания, гораздо великолепнее и лучше этих. Ими нужно увеселять свои взоры, — и никто тому не воспрепятствует. Хочешь ли видеть прекраснейший свод? Когда настанет вечер, смотри на небо, усеянное звездами. Но это, скажешь, не мой свод? Напротив, этот даже более твой, чем тот. Он для тебя и создан и принадлежит тебе наравне с

твоими братьями. А тот не твой, но твоих наследников, после твоей смерти. Притом, этот (свод небесный) может принести величайшую пользу, потому что своею красотою возводит к Создателю; а тот причинит тебе величайший вред, сделавшись в день суда твоим грозным обвинителем, потому что он был облечен золотом, когда Христос не имел и необходимой одежды. Не будем же впадать в столь великое безумие; не станем гоняться за тем, что мимолетно, и убегать того, что пребывает постоянно; не будем предателями своего спасения, но станем держаться надежны на блага будущие, — старики, как верно знающие, что им недолго остается жить, — юноши, как вполне убежденные, что (и для них) немного остается времени, потому что день Господень придет, как тать ночью. Итак, зная это, жены пусть умоляют мужей, мужья пусть убеждают жен, — будем учить юношей и дев, и все будем наставлять друг друга — презирать настоящие блага и искать будущих, чтобы и сподобиться их, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVIII

И хождаше Иисус по сих в Галилеи: не хотяше бо во Иудеи ходити, яко искаху его Иудее убити. Бе же близ праздник иудейский потчение сени (Ин. VII, 1, 2)

1. Нет ничего хуже зависти и злобы. Через них смерть вошла в мир. Когда диавол увидел человека в чести, то не вынес его благоденствия и сделал все, чтобы погубить его. Да и везде от этого корня можно видеть такой плод. Так и Авель убит; так и Давид едва не

погиб; так и многие другие праведники. Также сделались христоубийцами и иудеи, на что и указал Евангелист словами: *и хождаше Иисус по сих в Галилеи,* потому что не имел власти *во Иудеи ходити, яко искаху его убити.* Что ты говоришь, блаженный Иоанн? Не имел власти Тот, кто мог делать все, что хотел? Кто сказал: *кого ищете,* и тем отбросил их назад, кто мог присутствовать и не быть видимым, – тот не имел власти? Как же Он после явился между ними и среди храма, во время праздника, при народном собрании, и в присутствии убийц беседовал с ними о том, что наиболее их раздражало? Этому и они удивлялись, говоря: *не сей ли есть, его же ищут убити? И се не обинуясь глаголет, и ничесоже ему глаголют* (ст. 25, 29). Что же это за загадочные слова? Нет, Евангелист сказал это не с тем, чтобы мы сочли его слова загадочными, но чтобы показать, что Христос обнаруживал и свойства божества и свойства человечества. Таким образом, когда он говорит, что Христос не имел власти, то выражается о Нем, как о человеке, так как Он многое делал и по-человечески; а когда говорит, что Он стоял среди их, и они не удержали Его, то, очевидно, указывает на силу Его божества. Он и убегал, как человек, и являлся, как Бог, будучи истинно тем и другим. Что злоумышленники не могли удержать Его, когда Он был среди их, это показывало Его неодолимость и непобедимость; а что Он уклонялся, этим подтверждал Он Свое воплощение и удостоверял в нем, чтобы ничего не могли сказать ни Павел Самосатский, ни Маркион, ни зараженные их недугом. Итак, этим Он заграждает уста всем. *По сих бе праздник иудейский потчение сени.* Выражение: *по сих* означает не другое что, как то, что (Евангелист) для краткости опустил много времени, протекшего между двумя событиями. И это видно из того, что, когда Христос сидел на горе, тогда был праздник Пасхи (Ин. VI, 3, 4), а теперь (Еванге-

лист) упоминает о празднике Кущей. Таким образом, из событий в течение пяти месяцев Он ни о чем другом нам не рассказал и ничего иного не передал, кроме чуда над хлебами и беседы к народу, евшему хлебы. Между тем Христос постоянно совершал чудеса и беседовал не только днем и вечером, но часто и ночью. Так, например, ученикам, по сказанию всех евангелистов, Он предстал ночью. Отчего же они опустили те события? Оттого, что невозможно было всего пересказать. К тому же они старались особенно говорить о том, из-за чего могло возникнуть со стороны иудеев какое-либо порицание или противоречие. Событий, подобных тем (которые опущены), было много, и потому евангелисты, написав много раз, что Христос и больных исцелял, и мертвых воскрешал, и возбуждал удивление, иногда об этом и не говорят. Но когда им предстояло говорить о чем-либо необычайном, или рассказывать что-нибудь такое, что могло бы, по-видимому, служить для Него порицанием, об этом они повествуют. Так, вот и теперь евангелист замечает, что братья Его не веровали в Него, хотя в этом обстоятельстве заключается немало поносного для Него. Подлинно достойно удивления правдолюбие евангелистов, как они не стыдятся говорить о том, что, по-видимому, служит к поношению Учителя, и даже стараются больше повествовать об этом, чем о чем-либо другом. Потому-то теперь и Иоанн, пройдя молчанием многие – и знамения, и чудеса, и беседы Христовы, тотчас приступил к следующему. *Реша*, говорит, *к нему братия его: прейди отсюда в Иудею, да и ученицы твои видят дела, яже твориши* (ст. 3). *Никтоже бо втайне творит что, и ищет сам яве быти. Яви себе мирови. Ни братия бо Его вероваху в Него* (ст. 4, 5). Какое же, скажешь, здесь неверие, когда они просят Его творить чудеса? Даже и очень большое. Неверие выражается и в их словах, и в

их смелости, и в их неуместном дерзновении. Они думали, что им, как родственникам, можно свободно говорить с Ним. Их просьба, по-видимому, дружеская, но в словах много обидного: ими они упрекают Его и в малодушии и в славолюбии. Сказав: *никтоже втайне творит что*, они тем обвиняют Его в малодушии и вместе выражают подозрение к Его делам, а присовокупив: *ищет яве быти*, упрекают в славолюбии.

2. Но ты обрати внимание на силу Христову. Из числа говоривших это один был впоследствии первым иерусалимским епископом, именно блаженный Иаков, о котором и Павел говорит: *иного же от апостол не видех, токмо Иакова брата Господня* (Гал. I, 19). Говорят также, что и Иуда сделался достойным удивления. Хотя они и присутствовали в Кане, когда вода была претворена в вино, однако ж от того не приобрели еще никакой пользы. Отчего же у них такое неверие? От худого расположения души и зависти: сродникам знаменитым както обыкновенно завидуют сродники не столько знаменитые. Кого же они здесь называют учениками? Народ, следовавший за Христом, а не двенадцать (апостолов). Что же Христос? Смотри, как кратко Он отвечал. Не сказал: вы кто таковы, что даете Мне такие советы и учите Меня? А что? *Время Мое не у прииде* (ст. 6). Мне кажется, здесь Он намекает и на нечто другое. Быть может, они из зависти замышляли даже предать Его иудеям, а потому, обнаруживая это, Он и говорит: *время Мое не у прииде*, то есть время креста и смерти. Зачем же прежде времени вы торопитесь убить Меня? *Время же ваше всегда готово есть*. Как бы так говорил: хотя бы вы постоянно обращались с иудеями, они не умертвят вас, потому что вы ревнуете о том же, о чем и они; а Меня они готовы немедленно убить. Таким образом, для вас всегда есть и время — не подвергаясь опасности, обращаться с ними; а для Меня время будет тогда, когда

настанет время креста, когда Мне нужно будет умереть. А что Он действительно это разумеет, видно из следующих затем слов: *не может мир ненавидети вас* (ст. 7). Как он может ненавидеть тех, кто одного с ним желает и одного домогается? *Мене же ненавидит, яко Аз обличаю его, яко дела его зла суть,* то есть Меня ненавидит за то, что Я укоряю и обличаю. Научимся отсюда удерживаться от гнева и не сердиться, когда нам что-либо советуют и люди незначительные. Если Христос с кротостью перенес совет людей неверовавших, которые советовали то, чего не следовало советовать, и советовали не от доброго расположения, то какое мы получим прощение, мы – земля и пепел, если будем негодовать на советников, когда они хотя немного ниже нас, считая их советы недостойными нас? Вот смотри, с какою кротостью Христос отстраняет от Себя их обвинение. На их слова: *яви Себе мирови,* Он говорит: *не может мир ненавидети вас, Мене же мир ненавидит,* и этим уничтожает их обвинение. Не только, говорит, Я не ищу славы у людей, но и непрестанно обличаю их, хотя и знаю, что это рождает ненависть ко Мне и готовит мне смерть. Когда же, скажешь, Он обличал? Но когда же и переставал обличать? Не говорил ли Он: *не мните, яко Аз на вы реку ко Отцу: есть, иже на вы глаголет, Моисей* (Ин. V, 45); еще: *разумех вы, яко любве Божия не имате в себе* (ст. 42); и еще: *како можете веровати, славу* от человек *приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете* (ст. 44)? Видишь ли, как всем этим Он показал, что ненависть к Нему происходила от Его открытых обличений, а не от нарушения субботы? А для чего Он посылает их на праздник, говоря: *вы взыдите в праздник, Аз не у взыду?* Что бы показать, что Он не нуждается в них и не хочет, чтобы они льстили Ему, и что Он дозволяет им соблюдать иудейские обряды. Но как же, скажешь, Он пошел на праздник, когда прежде сказал: *не взыду?* Он не просто сказал: *не*

взыду, но прибавил: теперь, то есть вместе с вами: *яко время Мое не у исполнися* (ст. 8). Но ведь Он имел быть распят в следующую Пасху, – почему же бы и Ему не идти? Если же не пошел потому, что еще не настало Его время, то следовало бы и совсем не ходить. Но Он пошел не для того, чтобы пострадать, а чтобы преподать им учение. Зачем же тайно? Мог Он, конечно, пойти и явно и быть среди иудеев и удержать их неистовое нападение, что нередко и делал; но Он не хотел так, действовать всегда. Если бы Он пришел явно и опять поразил их слепотою, то этим яснее выказал бы Свое божество и еще более открыл бы его, чего пока не следовало делать. Но так как они (Его братья) думали, что Он остался по малодушию, то (Своим появлением на праздник) Он, напротив, показывает и безбоязненность и мудрую предусмотрительность, а равно и то, что Он, наперед зная время, в которое пострадает, с наступлением этого времени, вполне охотно пойдет во Иерусалим. Мне, впрочем, кажется, что в словах: *вы взыдите* Он высказывает и такую мысль: не думайте, что Я принуждаю вас против воли оставаться со Мной; а в следующих затем: *время Мое не у исполнися* показывает, что Ему надлежало еще совершать и чудеса и говорить беседы, чтобы и больше уверовало народа и тверже стали ученики, видя дерзновение Учителя и все, что Он потерпел.

3. Научимся же из сказанного уступчивости и кротости Спасителя: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. XI, 29), – и отвергнем всякую гневливость. Восстанет ли кто против нас, – мы будем смиренны. Станет ли кто поступать с нами нагло, – мы будем услужливы. Будет ли кто язвить и терзать нас насмешками и ругательствами, – не будем отвечать тем же, чтобы мщением за себя не погубить себя. Гнев есть зверь, зверь жестокий и лютый. Чтобы укротить его,

будем припевать себе стихи из божественного Писания и говорить: *земля еси* и *пепел* (Быт. III, 19), и: *почто гордится земля и пепел* (Сир. X, 9), также: *устремление ярости его падение ему* (Сир. I, 22), и еще: *муж ярый не благообразен* (Притч. XI, 25). Подлинно нет ничего хуже, ничего безобразнее гневного лица; если же – лица, то тем более – души. Как тогда, когда разрывают грязь, обыкновенно бывает зловоние, так и тогда, когда душа возмущается гневом, появляется великое безобразие. Но не могу, скажешь, вынести поношения от врагов. Отчего же, – скажи? Если враг сказал правду, то, еще прежде его, тебе самому следовало бы укорить себя, и ты должен благодарить его за обличение; если же ложь, не обращай на то внимания. Он назвал тебя нищим, – посмейся этому. Назвал низким или бессмысленным, – пожалей о нем, потому что, кто скажет *брату своему, уроде, повинен есть геенне огненный* (Мф. V, 22). Итак, когда кто станет поносить тебя, помысли о том наказании, которому он подлежит, – и не только не будешь гневаться, но и прольешь слезы. Никто не сердится на одержимых лихорадкою или горячкою, но все жалеют о подобных людях и плачут. А такова и душа разгневанная. Если же хочешь и отмстить, смолчи, – и тем нанесешь врагу смертельный удар. Если же будешь отвечать на укоризну укоризною, то зажжешь огонь. Но присутствующие, скажешь, будут обвинять в малодушии, если стану молчать. Не в малодушии будут обвинять, а, подивятся любомудрию. Если же ты, подвергшись поношению, станешь огорчаться, то через это будешь поносить сам себя, потому что заставишь думать, что сказанное о тебе справедливо. Отчего, скажи мне, богач смеется, когда слышит, что его называют нищим? Не оттого ли, что не сознает за собою нищеты? Так и мы, если на бранные слова будем отвечать более смехом, через то представим ве-

личайшее доказательство, что мы не сознаем за собой того, в чем укоряют нас. Притом же, доколе нам бояться суждений людских? Доколе презирать общего всем Владыку и прилепляться к плоти? *Идеже бо в вас зависть и рвете и распри, не плотстии ли есте* (1 Кор. III, 8)? Будем же духовными и обуздаем этого страшного зверя. Между гневом и бешенством нет никакого различия; гнев есть тоже беснование, только временное, или даже и хуже беснования. Бесноватый может еще получить прощение; а гневающийся подвергнется тысяче мучений, как добровольно стремящийся в бездну погибели. Да и прежде будущей геенны, он уже здесь терпит наказание, так как во всю ночь и во весь день носит в помыслах души своей непрестанное смятение и незатихающую бурю. Итак, чтобы избавиться и наказания в жизни настоящей и мучения в будущей, отринем эту страсть и будем выказывать всякую кротость и уступчивость. Через это мы обретем покой нашим душам и здесь и в царствии небесном, которого и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIX

Сия рек, оста в Галилеи. Егда же взыдоша братия его, тогда и сам взыде в праздник, не яве, но яко тай (Ин. VII, 9, 10)

1. Когда Христос совершал что-либо, как человек, то совершал не для уверения только в Своем воплощении, но и для научения нас добродетели. Если бы Он всегда поступал, как Бог, то откуда могли бы мы узнать, что нам должно делать в затруднительных обстоятель-

ствах? Если бы, например, и в настоящем случае, когда иудеи дышали убийством, Он вдруг предстал среди их и удержал их порыв, и если бы так поступал всегда, то мы, не имея возможности сделать тоже, между тем находясь в подобных обстоятельствах, откуда могли бы узнать, как нам должно поступить? Следует ли тотчас же умереть, или нужно что-нибудь предпринять, чтобы придать делу благоприятный оборот? Итак, поелику мы, не имея равных (с Ним) сил, не знали бы, что нам делать в трудных обстоятельствах, то Он Своим примером научает нас и этому. *Сия,* сказано, *рек* Иисус, *оста в Галилеи. Егда же взыдоша братия его, взыде и сам, не яве, но яко тай.* Слова: *взыдоша братия его* показывают, что Он не хотел идти с ними. Поэтому и остался там, где был, и не явил Себя, хотя братья некоторым образом и понуждали Его к тому. Но отчего Он, беседовавший всегда явно теперь идет на праздник как бы тайно? (Евангелист) не сказал: тайно, но: *яко тай,* — оттого, что надлежало через это научить нас устроять наши дела. А кроме того, не все равно было для Него — явиться ли среди иудеев в то время, когда они кипели и пламенели от гнева, или после, при окончании праздника. *Жидове же искаху Ею и глаголаху: где есть Он* (ст. II)? Прекрасные поистине дела у них в праздничные дни! Порываются к убийству и совещаются на празднике схватить Его. Так говорят они и в другом месте: *что мнится вам, яко не имать ли приити в праздник* (Ин. XI, 56)? и здесь: *где есть он!* От чрезмерной ненависти и вражды не хотели назвать Его по имени. Великое уважение к празднику, великое благоговение! Хотели уловить Его в самый праздник. *И ропот мног бе о нем в народех* (ст. 12). Мне кажется, что их раздражало самое место совершения чуда, и что они в одно и то же время и свирепели и боялись, но не столько негодовали из-за прежнего чуда, сколько опасались, чтобы Он не совер-

шил чего-либо подобного. Но вышло совсем иначе: они сами, против воли, сделали Его известным. *Овии глаголаху, яко благ есть; инии же глаголаху: ни, но льстит народы* (ст. 12). Первое, я думаю, – мнение народа, а последнее – князей и священников, потому что клеветать было свойственно их зависти и злобе. *Льстит*, говорят, *народы.* Но каким образом, скажи мне? Разве Он совершает чудеса призрачные, а не действительные? Но опыт свидетельствует противное. *Никтоже яве глаголаше о нем страха ради Иудейскаго* (ст. 13). Видишь ли, начальники – люди развращенные, а подначальные хотя и здраво судят, но лишены надлежащего мужества, которого преимущественно недостает у народа? *Абие же в преполовение праздника взыде Иисус, и учаше* (ст. 14). Через промедление Он сделал их внимательнее. Те, которые искали Его в первые дни праздника и говорили: *где есть он?* теперь? увидев Его неожиданно перед собою, смотри, как поспешили к Нему и старались внимать Его словам, – и те, которые называли Его добрым, и те, которые не считали таким, – одни, чтобы получить пользу и подивиться, другие, чтобы схватить Его и задержать. Говорили же они: *льстит народы,* вследствие Его учения о догматах, так как не понимали того, что Он говорил; а – *благ есть,* вследствие Его чудес. Итак, Он предстал перед ними, после того как утешил их ярость, чтобы они внимательно могли выслушать Его слова, когда гнев не заграждал уже их слуха. Чему Он учил, Евангелист того не сказал; говорит только, что Он учил дивно, что пленил их и произвел в них перемену: такова была сила Его слов! Те, которые говорили: *льстит народы,* теперь, переменившись в своих мыслях, дивились Ему и потому говорили: *како сей книги весть не учився* (ст. 15)? Видишь ли, как Евангелист показывает, что и здесь их удивление было полно злобы? Не сказал, что они дивились уче-

нию, или что принимали слова Его; но просто: *дивились,* то есть приходили в изумление и в недоумении говорили: *откуда сему сия* (Мк. VI, 2)? Между тем это недоумение должно было привести к сознанию, что в Нем не было ничего человеческого. Но так как этого они не хотели исповедать, но ограничивались только удивлением, то послушай, что говорит сам Христос: *учение Мое несть Мое* (ст. 16). Опять отвечает на их тайную мысль, обращая их к Отцу и желая тем заградить им уста. *Аще кто хощет волю Его творити, разумеет о учении, кое от Бога есть, или Аз от себе глаголю* (ст. 17). Эти слова значат вот что: отриньте от себя злобу, гнев, зависть и ненависть, которую напрасно питаете против Меня, и ничто не помешает нам познать, что Мои слова – поистине слова Божии. Теперь эти страсти омрачают вас и искажают в вас правильное и светлое суждение. А если исторгнете их из себя, то уже не будете подвергаться этому. Но Христос так не сказал, потому что этим слишком уязвил бы их; а все это прикровенно выразил в словах: кто творит волю Его, *разумеет о учении, кое от Бога есть, или аз от себе глаголю,* то есть, или Я возвещаю что-либо чуждое, и новое, и противное, потому что выражение: *от себе* всегда употребляется в следующем значении: я не говорю ничего неугодного Богу, но чего хочет Отец, того – и Я. Если *кто волю его* творит, *разумеет о учении.* Что значит: если кто волю Его творит? Значит: если кто любит жизнь добродетельную и хочет быть внимательным к пророчествам, чтобы видеть, сообразно ли с ними Я говорю, или нет, тот уразумеет силу Моих слов.

2. Как же (Его учение есть) Его и не Его? Он не сказал: это учение не Мое, но сказав прежде: *Мое,* и таким образом усвоив его Себе, потом уже присовокупил: *несть Мое.* Как же одно и тоже может быть и Его и не Его? Его, потому что Он говорил не как наученный; не Его,

потому что оно было учение Отца. А как же Он говорит: все Отчее – Мое, и все Мое – Отчее (Ин. XVII, 10)? Если оно потому не Твое, что оно Отчее, то те слова (все Отчее – Мое) будут ложны, так как поэтому самому оно должно быть Твое. Но слова: *несть Мое* весьма ясно показывают, что Его учение и учение Отца – одно и тоже. Он как бы так говорил: (Мое учение) ничуть не отлично (от учения Отца), как учение другого (лица). Хотя во Мне ипостась и другая, но Я и говорю и делаю так, что нельзя подумать, будто Я говорю и делаю что-либо отличное от Отца: Я говорю и делаю то же самое, что – и Отец. Потом присовокупляет и другое неопровержимое умозаключение, выставляя на вид нечто человеческое и научая примером из обыкновенной жизни. Что же это такое? *Глаголяй от себе славы своея ищет* (ст. 18), то есть, кто хочет ввести свое какое-либо учение, – хочет не для чего другого, как для того, чтобы через то приобресть себе славу. Если же Я не хочу снискивать Себе славу, то для чего Мне желать вводить Свое какое-либо учение? *Глаголяй от себе,* то есть высказывающий нечто свое и отличное, говорящий для того, чтобы приобрести себе славу. Если же Я ищу славы Пославшего Меня, то для чего Я стал бы учить другому? Видишь ли, что была некоторая причина, почему Он и там говорил, что не делает ничего сам от Себя (Ин. V, 30)? Какая же это причина? Та, чтобы уверить, что Он не ищет славы у людей. По этой же причине, говоря о Себе смиренно, Он произносит: Я ищу славы Отца, и таким образом везде хочет убедить их, что Он не желает славы (человеческой). А почему Он выражается смиренно, на это много есть причин, как-то: чтобы не подать о Себе мысли, что Он не рожден или богопротивен, чтобы уверить, что Он облечен плотью, чтобы снизойти к немощи слушателей, чтобы научить людей быть скромными и не гово-

рить о самих себе ничего великого. Когда же Он выражается о Себе возвышенно, то на это можно найти только одну причину — величие Его естества. Но если (иудеи) соблазнились и тем, что Он сказал: *прежде Авраама аз есмь* (Ин. VIII, 58), то чего не случилось бы с ними, если бы они постоянно слышали речи возвышенные? *Не Моисей ли даде вам закон, и никтоже от вас творит закона? Что Мене ищете убити* (ст. 19)? Какую, скажешь, связь, или что общего имеют эти слова с преждесказанными?

Два обвинения взводили на Него иудеи: одно, что разорял субботу, другое, что Бога называл Отцом Своим, делая Себя равным Богу. А что это было не их мнение, а мысль Его самого, и что он называл Бога Своим Отцем не так, как другие, но в смысле отличном и особенном, это видно из следующего. Многие часто называли Бога своим Отцем, например: *не Бог ли един созда вас и не Отец ли един всем вам* (Мал. II, 10)? Однако ж от этого люди не были, равны Богу. Потому-то, слыша эти слова, (иудеи) и не соблазнялись. Притом, как тогда, когда они говорили, что Он не от Бога, Он неоднократно вразумлял их, и как оправдывал Себя в нарушении субботы, так и теперь, если бы то было их мнение, а не мысль Его самого, Он исправил бы его и сказал: зачем вы считаете Меня равным Богу, — Я не равен. Но Он ничего такого не сказал, а даже напротив и дальнейшими словами доказал, что Он равен Богу. Слова: *якоже Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын;* и: *да вси чтут Сына, якоже чтут Отца;* и: *дела, яже Он творит, сия и Сын такожде творит* (Ин. V, 19, 21, 23), — все эти слова доказывают Его равенство. И о законе Он также говорит: *не мните, яко приидох разорити закон, или пророки* (Мф. V, 17). Так Он обыкновенно исторгает из их ума несправедливые о Нем мнения. Здесь же не только не опровергает мне-

ния о равенстве Его с Отцом, но еще и утверждает его. Поэтому же и в другом месте, когда они сказали: *твориши себе Бога,* Он не отверг этого мнения, а напротив подтвердил, сказав: *да увесте, яко власть имать Сын человеческий отпущати грехи на земли, глагола разслабленному: возми одр твой и иди* (Мф. IX, 6). Итак, сначала Он говорил против того их обвинения, что Он делает Себя равным Богу, показывая, что Он не только не богопротивен, но и говорит одно и тоже и учит тому же самому, чему и Бог. А теперь Он уже приступает к обвинению в нарушении субботы, говоря: *не Моисей ли, даде вам закон, и никтоже от вас творит закона?* Он как бы так говорил: закон предписывает: *не убий,* а вы убиваете и еще обвиняете Меня, как преступающего закон! А почему Он сказал: *никтоже?* Потому, что все искали Его убить. Если же Я, говорит, и нарушил закон, то для спасения человека; а вы преступаете его для злодеяния. Если Мой поступок и был нарушением закона, то он совершен для спасения, и вам, которые преступаете важнейшие заповеди, не следовало судить Меня, потому что ваше преступление есть разрушение всего закона. Вслед затем Христос вступает с ними в состязание; и хотя много беседовал об этом и прежде, но тогда возвышеннее и согласно с Своим достоинством, а теперь смиреннее. Почему же так? Потому, что не хотел часто раздражать их: теперь они и без того пламенели гневом и порывались к убийству. Поэтому Он и старается убедить и успокоить их двумя следующими доводами: во-первых, обличает их дерзкое покушение, говоря: *что Мене ищете убити,* и присовокупляя с кротостью: *человека, иже истину глаголах;* а во-вторых, показывает, что они, дыша убийством, недостойны судить другого. Но ты обрати внимание на смирение, с каким спрашивает Христос, и на дерзость, с какою они отвечают. *Беса ли имаши: кто Тебе ищет убити* (ст. 20)?

Это – слова гнева и ярости, вылившиеся из их души, потерявшей всякий стыд и крайне смущенной от неожиданного обличения в том, о чем они думали. Как разбойники, распевающие во время своих замыслов, когда хотят застать врасплох того, против кого злоумышляют, делают это молчаливо, так – и иудеи. Но Христос не обличает их за это, чтобы не сделать их еще более бесстыдными, и опять начинает оправдываться в нарушении субботы, заимствуя Свои доводы против них от закона.

3. И смотри, как премудро! Нисколько не удивительно, говорит, что вы не слушаете Меня. Вы не слушаете и закона, которому, как вам кажется, вы повинуетесь и который считаете данным от Моисея. Поэтому ничего нет странного, если вы не внимаете Моим словам. Так как они говорили: *Моисею глагола Бог, сего же не вемы, откуду есть* (Ин. IX, 29), то Он показывает что они оскорбляли и Моисея. Он дал закон, а между тем, они не слушали закона. *Едино дело сотворих, и вси дивитеся* (21). Смотри: когда Ему нужно оправдываться и опровергать взводимое на Него обвинение, Он не упоминает об Отце, но выставляет Свое лицо. *Едино дело сотворих.* Этим хочет показать, что не совершить того дела значило бы нарушить закон, что есть многое, что выше закона, и что Моисей допустил заповедь вопреки закону и в то же время высшую, чем закон. Обрезание выше субботы, хотя оно не установлено законом, а перешло от отцов. А Я совершил дело, которое выше и превосходнее даже обрезания. Далее не упоминает о заповеди закона, то есть о том, что священники нарушают субботу, как сказал об этом выше, но (говорит) с большею силою. Выражение же: *дивитеся* значит: смущаетесь, тревожитесь. Если закону надлежало быть совершенно неизменным, то обрезание не было бы

выше его. Он не сказал также: Я совершил дело важнее, чем обрезание; но обличает их сильнее, говоря: *аще обрезание приемлет человек* (23). Видишь ли, что закон тогда преимущественно и остается в своей целости, когда Христос нарушил его? Видишь ли, что нарушение субботы есть соблюдение закона, так что если бы не была нарушена суббота, то через это по необходимости был бы нарушен закон? Значит и Я не нарушил закон. И не сказал: вы гневаетесь на Меня за то, что Я совершил дело большее, чем обрезание; но, высказав только Свое дело, предоставил им на суд, не важнее ли обрезания всецелое здравие. У вас, говорит, нарушается закон для того, чтобы человек получил знак, нимало не способствующей здоровью; и между тем, когда человек избавляется от столь тяжкой болезни, вы досадуете и негодуете. *Не судите на лица* (24). Что значит – *на лица?* Моисей пользуется у вас большим уважением; но вы произносите суд, основываясь не на достоинстве лица, а на существе дел: это значит судить справедливо. Почему никто не обвинял Моисея? Почему никто не восставал против его повеления нарушать субботу ради заповеди, отвне привнесенной в закон? Между тем Моисей допускает, что та заповедь (о обрезании) выше его собственного закона, – заповедь, которая установлена не законом, а привнесена отвне (что особенно удивительно); а вы, не будучи законодателями, сверх меры защищаете закон и мстите за него. Но Моисей, повелевший нарушать закон ради заповеди незаконной, заслуживает веры более вас. Словами: *всего человека* Христос показывает, что обрезание приносило только часть здравия. Какое же здравие от обрезания? Всякая душа, сказано, которая не обрежется, погубится (Быт. XVII, 14). А Я восставил (от одра) не отчасти только больного, а совершен-

но расслабленного. Итак *не судите на лица.* Будем уверены, что это сказано не жившим только тогда, а и нам, чтобы мы ни для чего не нарушали справедливости, но все для ней делали. Нищ ли кто, или богат, мы не должны обращать внимания на лица, но обязаны исследовать их дела. *Не помилуеши,* сказано, *нищаго на суде* (Исх. XXIII, 3). Что это значит? Значит: не преклоняйся и не смягчайся, если несправедливо будет поступать и нищий. Если же не должно быть пристрастным к нищему, то гораздо более – к богатому. Это говорю я не к судьям только, но и ко всем людям, чтобы они нигде не нарушали справедливости, но везде соблюдали ее свято. *Любить,* сказано, *правду Господь: любяй же неправду ненавидит свою душу* (Пс. XLIV, 8; X, 5). Не будем же ненавидеть свои души, не будем любить неправду. Прибыли от ней и теперь, без сомнения, мало или вовсе нет, а в будущем – много вреда. А лучше сказать, мы и теперь не можем наслаждаться от ней удовольствием. Когда мы живем в роскоши с злою совестью, то не наказание ли и не мучение ли это? Возлюбим же справедливость и не будем никогда преступать этого закона. Какой плод принесет нам настоящая жизнь, если отойдем без добродетели? Что там за нас будет предстательствовать? Дружба ли, родство ли, или чье-либо благоволение? Но что я говорю о чьем-либо благоволении? Хотя бы мы имели отцом Ноя, или Иова, или Даниила, – и это нисколько не поможет нам, если нам будут изменять наши собственные дела. Нам только одно нужно – добродетель души. Она в состоянии будет спасти нас и избавить от вечного огня. Она введет нас в царство небесное, которого и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА L

Глаголаху убо нецыи от Иерусалимлян: не сей ли есть, его же ищут убити? И се не обинуяся глаголет, и ничесоже ему не глаголют. Еда воистинну разумеша князи, яко сей есть воистинну Христос? Но сего вемы, откуду есть (Ин. VII, 26, 26)

1. В божественном Писании ничего не сказано без цели, так как все изречено Духом Святым. Потому мы должны все тщательно исследовать. Часто и по одному в нем слову можно дойти до целой мысли, как, например, и в предложенном ныне месте. Многие *от Иерусалимлян глаголаху: не сей ли есть, Его же ищут убити? И се не обинуяся глаголет, и ничесоже Ему не глаголют.* Зачем прибавлено: *от Иерусалимлян?* Этим Евангелист показывает, что те, которые по преимуществу удостоились великих чудес, были жалче всех, — что те, которые видели величайшее знамение Его божества, все предоставляли суду своих развращенных начальников. В самом деле, не великое ли то было знамение, что люди, неистовствовавшие и дышавшие убийством, — люди, следившие за Ним и искавшие Его убить, имея уже Его в руках своих, вдруг успокоились? Кто мог бы это сделать? Кто мог бы так скоро укротить столь великое неистовство? Однако же и после таких знамений, смотри, какое у них безумие и неистовство! *Не сей ли есть. Его же ищут убити?* Смотри, как они сами себя осуждают! *Его же ищут убити*, говорят, *и ничесоже Ему не глаголют.* И не просто ничего не говорят Ему, но даже тогда, как Он говорит с дерзновением. А говоря с дерзновением и со всею свободою, Он еще более должен был раздражить их; но они ничего Ему не делают. *Еда воистинну разумеша, яко сей есть Христос?* А вам как кажется? Вы какой произносите о Нем суд? Мы, говорят, противоположный. Поэтому они говорили: *но сего вемы, откуду есть.* Какая зло-

ба! Какое противоречие! Не следуют даже приговору начальников, а произносят свой суд, несправедливый и достойный их безумия. *Сего вемы*, говорят, *откуду есть. Христос же егда приидет, никтоже весть, откуду будет* (ст. 27). Между тем начальники ваши, будучи спрошены, именно говорили, что Он должен родиться в Вифлееме. Были опять и такие, которые говорили: *мы вемы, яко Моисеови глагола Бог, сего же не вемы, откуду есть* (Ин. IX, 29). Вот – речи пьяных! И опять: *еда из Галилеи Христос приходит? Не от Вифлеемския ли веси* (ст. 41, 42)? Вот – приговор людей неистовствующих! Знаем, и не знаем. Христос приходит от Вифлеема, и *Христос же егда приидет, никтоже весть, откуду будет.* Что яснее этого противоречия? Но они заботились только о том, чтобы не веровать. Что же на это Христос? *И Мене весте, и весте, откуду есмь: и о Себе не приидох, но есть истинен пославый Мя, егоже вы не весте* (ст. 28); и еще: *аще Мя бысте ведали, и Отца Моего ведали бысте* (Ин. XIV, 7). Как же Он говорит, что они знают и Его, и откуда Он; а потом – что не знают ни Его, ни Отца? Говоря таким образом, Он не противоречит Себе, – нет; а напротив говорит совершенно согласно с самим Собою. Говоря: *не весте,* Он разумеет другое ведение, подобно тому, как говорится: *сынове Илии, сынове погибельнии не ведуще Господа* (1 Дар. II, 12), – и в другом месте: *Исраиль же Мене не позна* (Ис. I, 3). В этом смысле и Павел говорит: *Бога исповедуют ведети, делы же отмещутся* (Тит. I, 16). Значит, и знающему можно не знать. Итак Он говорит вот что: если вы Меня знаете, то знаете, что Я – Сын Божий. Ведь слова: *откуду есмь* указывают здесь не на место, как это видно из прибавления: *и о себе не приидох, но пославый Мя истинен есть, Егоже вы не весте.* Под неведением Христос разумеет здесь неведение делами, о котором говорит и Павел: *Бога исповедуют ведети, делы же отмещутся.* То был грех не неведения, а злой и по-

рочной воли. Они знают, и однако же хотят не знать. Но какая во всем этом связь? Каким образом Христос, в обличение их, говорит то же, что и они? Когда именно они сказали: *но сего вемы откуду есть,* Он присовокупил: *и Мене весте.* Как же они говорили: *не вемы,* когда вот сами же говорят: *вемы?* Но говоря: *вемы, откуду есть,* они не иное что высказывали, как то, что Он от земли и сын тектона. А Христос, говоря: *весте, откуду есмь,* то есть не оттуда, откуда вы предполагаете, но оттуда, где Пославший Меня, — возносил их мысль на небо. Слова: *о себе не приидох* намекают на то, что они знали, что Он послан от Отца, хотя и не признавались в том. Итак, Он изобличает их двояким образом. И во-первых, чтобы пристыдить их, Он открыто объявляет перед всеми то, что они говорили только тайно. Потом открывает и то, что было у них в душе, говоря как бы так: Я не из числа людей отверженных и не из тех, которые приходят без всякой причины; *но истинен есть пославый Мя, Его же вы не весте.* Что значит: *истинен пославый Мя?* Если Он истинен, то и послал истинно. Если Он истинен, то следует, что истинен и Посланный.

2. Это же Он доказывает и другим образом, уловляя их собственными их словами. Так как они говорили: *Христос егда приидет, никтоже весть, откуду будет,* то Он и отсюда выводит заключение, что Он сам и есть Христос. *Никтоже весть,* — они говорили, имея в виду какое-либо определенное место. А он отсюда и доказывает, что Он — Христос, потому что пришел от Отца, а знание Отца Он всюду приписывает Себе одному, говоря: *не яко Отца кто видел, токмо сый* от Отца (Ин. VI, 46). Слова Христовы раздражили их, потому что, сказав: вы не знаете Его (Отца), и обличив в том, что они, зная, притворяются не знающими, Он действительно уколол и уязвил их. *Искаху убо, да имут Его: и никтоже возложи*

нань руки, яко не у бе пришел час Его (ст. 30), Видишь ли, как невидимою силою они удерживаются и как их гнев обуздывается? Но отчего Евангелист не сказал, что удержал их невидимою силою, но – *яко не у бе пришел час Его?* Он хотел выразиться человекообразнее и смиреннее, чтобы на Христа смотрели и как на человека. Он везде говорит о Нем возвышенно; а потому по местам примешивает и это. Когда же Христос говорит: *яко от него есмь,* то говорит не как пророк, которому сообщается ведение, но как созерцающий Его (Отца) и сущий с Ним. *Аз вем его,* говорит, *яко от него есмь* (ст. 29). Видишь ли, как Он всюду подтверждает слова Свои: *не о Себе приидох,* и: *пославый Мя истинен есть,* стараясь убедить в том, чтобы не считали Его чуждым Богу. И смотри, какой плод от смиренных слов. После этого, сказано, многие говорили: *Христос, егда приидет, еда больша знамения сотворит, яже сей творит* (ст. 31)? Сколько же знамений? Было только три знамения, именно – претворение воды в вино, знамение над расслабленным и над сыном царедворца, а больше Евангелист не сообщил ни об одном. А из этого видно, что евангелисты, как я часто говорил, многое проходят молчанием и говорят нам о том, из-за чего злодействовали начальники. *Искаху убо, яко да имут его* и убьют. Кто искал? Не народ, который не домогался начальства и не мог быть увлечен завистно, а священники. Народ, с своей стороны, говорил: *Христос, егда приидет, еда больша знамения сотворит?* Впрочем и это не была вера здравая, а вера, какая обыкновенно бывает у простого народа. Сказав: *егда приидет,* народ тем показал, что он не вполне убежден, что Иисус есть Христос. Итак, или по этой причине народ сказал те слова, или потому, что говорил при многолюдном собрании. Так как начальники всячески старались доказать, что Он не Христос, то народ сказал: положим, что Он не

Христос; но разве Христос будет лучше Его? Люди простые и грубые, — я всегда это говорю, — привлекаются не учением или проповедью, а чудесами. *Слышаша Фарисее народ ропщущ, и послаша и слуги, да имут его* (ст. 32). Видишь ли что нарушение субботы было только предлогом и что более всего уязвляло их именно это (сочувствие народа)? Так как в настоящем случае они не находили ничего ни в Его словах, ни в делах, за что бы могли обвинить, то хотели схватить Его ради народа; но сами не смели, предвидя опасность, а послали наемных слуг. Какое насилие и неистовство, или лучше, какое безумие! Сами много раз покушались, но не могли, и вот поручают это дело слугам, чтобы какнибудь удовлетворить своей ярости. Много беседовал Он и при купели, и они ничего такого не сделали; намеревались, правда, схватить Его, но не решились. А теперь они уже не могут более выносить, так как народ готов был устремиться к Нему. Что же Христос? *Еще мало время с вами есмь* (ст. 33). Имея силу и преклонить и устрашить слушателей, Он произносит слова, исполненные смиренномудрия, и говорит как бы так: зачем вы стараетесь убить Меня и преследовать? Потерпите немного, — Я дозволю вам задержать Меня и без вашего старания. Потом, чтобы кто не подумал, что в словах: *еще мало время с вами есмь* Он говорит об общей для всех смерти (а так и действительно думали), — чтобы, говорю, кто не подумал этого, а вместе и того, что по смерти Он уже не будет действовать, — Он присовокупил: *и идеже есмь Аз, вы не можете приити.* Если бы Он должен был остаться в области смерти, то и они могли бы (туда) прийти, потому что все мы туда отходим. Эти слова преклонили к Нему людей простых, устрашили дерзких, а любознательных побудили спешить к слушанию, потому что уже немного остается времени и не всегда можно будет пользоваться та-

ким учением. И Он не сказал просто: здесь есмь, но: *с вами есмъ,* то есть хотя вы Меня преследуете и гоните, но Я и на короткое время не перестану устроять ваше счастье, говорить то, что относится к вашему спасению и наставлять вас. *И иду к пославшему Мя.* Это, естественно, могло устрашить их и привесть в беспокойство, потому что (здесь) Он показывает, что придет время, когда они будут нуждаться в Нем. *Взыщете,* говорит, *Мене,* – не только не забудете, но и *взыщете Мене, – и, не обрящете* (ст. 34). Когда же иудеи искали Его? Лука говорит, что о Нем плакали жены, а вероятно, и многие другие, как тогда, так и при пленении города, вспоминали о Христе и Его чудесах и желали Его присутствия. Все же это Он сказал для того, чтобы привлечь их к Себе. И действительно, как то, что уже немного оставалось времени, так и то, что, по отшествии, Он будет для них вожделенным и что уже нельзя будет найти Его, – все это могло расположить их обратиться к Нему. Если бы Его присутствие не должно было сделаться для них вожделенным, то в Его словах не было бы для них ничего особенно важного. С другой стороны, если бы оно и должно было сделаться вожделенным, но можно было бы найти Его, то и этим Он не смутил бы их.

3. Равным образом, если бы Он еще долгое время оставался среди них, то и в этом случае они были бы беззаботны. Но теперь Он со всех сторон тревожит их и устрашает. А словами: *иду к пославшему Мя* показывает, что от их злого умысла Он не потерпит никакого вреда и что Его страдание будет добровольное. Итак, Он изрек два предсказания, – одно, что спустя немного времени Он отойдет, другое, что они не придут к Нему. Что Он предсказал Свою кончину, это, конечно, не было делом ума человеческого. Смотри, вот и Давид говорит: *скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моих*

кое есть, да разумею, что лишайся аз (Пс: XXXVIII, 5). Да и подлинно никто не может узнать этого. От одного же (предсказания) получает достоверность и другое. А я думаю, что те слова прикровенно относились и к слугам и что Христос и к ним обращал свою речь, чем наиболее и привлек их к Себе, показав, что знает, зачем они пришли; Он как бы так говорил: потерпите немного, и Я отойду. *Реша же иудеи к себе: камо сей хощет ити* (ст. 35)? Правду сказать, тем, которые желали освободиться от Него и употребляли все средства, чтобы не видеть Его, не следовало бы доискиваться этого, а следовало сказать: мы и рады (что ты уходишь); когда только это будет? Однако же слова (Христовы) несколько тронули их и они стали спрашивать друг друга, делая неразумные предположения: *камо хощет ити? Еда в разсеяние Еллинское?* Что значит: *в разсеяние Еллинское?* Так иудеи называли язычников, потому что те были повсюду рассеяны и беспрепятственно смешивались одни с другими. Этому же поношению подверглись впоследствии и сами иудеи, потому что и они были рассеяны. Но в древности весь иудейский народ был собран в одно место, и иудея нельзя было найти нигде, кроме Палестины. Потому-то они и называли язычников рассеянием, понося их и величаясь собою. А что значит: *идеже Аз* иду, *вы не можете приити?* В то время иудеи были уже смешаны с язычниками и находились во всех странах света; следовательно, если бы Христос указывал здесь на язычников, то не сказал бы: туда *вы не можете приити.* А те, которые говорили: *еда в разсеяние Еллинское хощет ити,* не сказали: и губить (эллинов), но: *учити.* Таким образом, они уже оставили свой гнев и поверили словам Его; если бы не поверили, то не стали бы спрашивать друг друга: *что есть сие слово?* Но это было сказано иудеям; а я боюсь, чтобы и к нам не имели приложения те слова, то есть, что где Он, туда мы

не можем прийти, – по причине нашей жизни, исполненной грехов. О Своих учениках Христос говорит: *хощу, да, идеже есмъ Аз, и тии будут со Мною* (Ин. XVII, 24); об нас же, боюсь, чтобы не было сказано противного: *идеже есмь Аз, вы не можете приити.* В самом деле, как нам прийти туда, когда мы поступаем вопреки заповедям? Ведь и в настоящей жизни, если кто-либо из воинов станет действовать несоответственно с достоинством царя, то не будет иметь возможности видеть царя, а напротив лишится своей власти и подвергнется величайшему наказанию.

Так и мы, если будем похищать и лихоимствовать, если станем оказывать несправедливости и обиды и не будем творить милостыни, то не только лишимся возможности прийти туда, но и потерпим тоже, что случилось с девами. А они не могли войти туда, где был Жених, но удалились, потому что угасли их светильники, то есть оставила их благодать. Действительно, этот огонь, который мы получили по благодати Духа, если захотим, мы можем усилить; если же не захотим, тотчас угасим его. А когда он угаснет, в наших душах не останется ничего, кроме тьмы. Как с возжжением светильника появляется большой свет, так с его погашением не остается ничего, кроме мрака. Поэтому сказано: *Духа не угашайте* (1 Фес. V, 19). Угасает же тогда, когда не имеет елея, когда подвергается какому-либо сильному напору ветра, когда подавляется и стесняется (от этого именно и гаснет огонь); подавляется же житейскими заботами и угасает от злых пожеланий. Но, при этом, ничто так не угашает огонь Духа, как бесчеловечье, жестокость и хищничество. Если мы, не имея елея, нальем еще холодную воду (а это и есть лихоимство, охлаждающее унынием души обижаемых), то как тогда он может загореться? И вот мы отойдем отсюда, неся с собою золу и пепел, окруженные великим дымом, кото-

рый будет обличать нас в том, что мы угасили свои светильники. Где дым, там необходимо допустить угасший огонь. Но не дай Бог никому услышать этот глас: *не вем вас* (Мф. XXV, 12). А когда можно услышать его, как не тогда, когда, видя бедного, мы остаемся в таком же расположении духа, как если бы не видели? Если мы не хотим знать Христа, когда Он алчет, то не узнает и Он нас, когда мы будем нуждаться в Его милости. И справедливо: кто презирает несчастного и не подает своего, тот не должен надеяться получить что-либо из того, что не его. Потому, умоляю вас, будем всячески стараться и заботиться, чтобы не оскудел у нас елей, чтобы наши светильники были украшены, и мы могли вместе с Женихом войти в брачный чертог, чего и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LI

В последний же день великий праздника стояше Иисус и зваше, глаголя: аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет. Веруяй в Мя, якоже рече писание, реки от чрева его истекут воды живы (Ин. VII, 37, 38)

1. Приступающие к божественной проповеди и внимательные к вере должны выказывать расположение жаждущих и возжигать в себе такое же, как у них, желание. Через это они будут в состоянии вернее удержать в себе проповедуемое. Жаждущие, взяв чашу, выпивают ее с великою охотою, и тогда только успокаиваются. Так и те, которые слушают божественные слова, если будут принимать их с жаждою, никогда не отстанут от них

прежде, нежели совершенно насытятся. А что всегда должно жаждать и алкать, об этом сказано: *блажени алчущие и жаждущие правды* (Мф. V, 6). И здесь Христос говорит: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет.* Эти слова означают: Я никого не влеку принуждением и насилием; но кто имеет великое усердие, кто пламенеет желанием, того Я призываю. Но почему Евангелист заметил, что (это было) *в последний день великий?* Потому, что первый и последний дни были великими, а средние между ними большею частью проводимы были в увеселениях. Почему же говорит: *в последний?* Потому, что в этот день все были в собрании. В первый день (Господь) еще не пришел, объяснив Своим ученикам и причину этого. Во второй же и в третий день, Он не говорит ничего такого чтобы не тратить напрасно слов, так как (иудеи в эти дни) предавались увеселениям. Но в последний день, когда они возвращались домой, Он дает им напутствие ко спасению и громко говорит, частью для того, чтобы показать Свое дерзновение, частью по причине большого многолюдства. А чтобы показать, что Он говорит о питии духовном, присовокупляет: *веруяй в Мя, якоже рече писание, реки от чрева его истекут воды живы.* Чревом называет здесь сердце, подобно тому, как и в другом месте говорится: *и закат твой посреде, чрева моего* (Пс. XXXIX, 9). Но где сказано в Писании: *реки от чрева его истекут воды живы?* Нигде. Что же значат слова: *веруяй в Мя, якоже рече писание?* Здесь надобно поставить точку, так чтобы слова — *реки от чрева его истекут* — были изречением самого Христа. Так как многие говорили: *сей есть Христос,* и еще: *Христос, егда приидет, еда больша знамения сотворит,* то Он показывает, что должно иметь правое познание и убеждаться не столько чудесами, сколько Писанием. Действительно, многие, хотя и видели Его чудодействовавшим, однако же не прини-

мали за Христа, а напротив готовы были сказать: *не писание ли, рече, яко от семене Давидова Христос приидет* (Ин. VII, 42)? Поэтому Христос весьма часто обращался к Писанию, желая показать, что не избегает доказательств от Писания; поэтому же и теперь отсылает их к Писаниям. Итак, выше Он говорил *испытайте писаний* (Ин. V, 39), и еще: *есть писано в пророцех, и будут вси научени Богом* (Ин. VI, 45), также: *Моисей на вы глаголет* (Ин. V, 45). Равным образом и здесь говорит: *якоже рече писание, реки от чрева его истекут*, указывая этими словами на богатство и изобилие благодати. Это же самое Он и в другом месте выражает словами: *источник воды, текущия в живот вечный* (Ин. IV, 14), то есть (верующий в Него) будет иметь великую благодать. Итак, в том месте Он называет ее животом вечным, а здесь водою живою. Живою же называет ее потому, что она всегда действенна Благодать Духа, когда войдет в душу и утвердится в ней, течет сильнее всякого источника, не прекращается, не истощается и не останавливается. Таким образом, чтобы показать и неоскудеваемость дара благодати и вместе неизреченную ее действенность, Он назвал ее источником и реками, – не одною рекою, но бесчисленными. А в том месте (Ин. IV, 14) обилю Он представил под образом течения. И всякий ясно увидит истину сказанного, если представить себе мудрость Стефана, язык Петра, силу Павла, – как ничто их не останавливало, ничто не удерживало, ни ярость народная, ни восстания тиранов, ни козни демонов, ни ежедневные смерти, и как, напротив, они, подобно рекам, несущимся с великим стремлением, все увлекали вслед за собою. *Сие же рече о Дусе*, говорит *егоже хотяху приимати верующии: не у бо бе Дух Святый* (Ин. VII, 39). Как же пророки пророчествовали и творили бесчисленные чудеса? Апостолы изгоняли (демонов) не Духом, но властью, полученною от

Христа, как Он сам говорит: *аще аз о Веельзевуле изгоню бесы, сынове ваши о ком изгонят* (Мф. XII, 27)? А это Он говорил с тем, чтобы показать, что прежде креста не все изгоняли (демонов) Духом, но полученною от Него (Христа) властью. Потому-то, когда Он хотел послать их, то сказал: *приимите Дух свят* (Ин. XX, 22), как и в другом месте сказано: *прииде на них Дух Святый* (Деян. XIX, 6), и тогда стали творить чудеса.

2. А когда посылал их (прежде страдания), тогда не сказано, что Он дал им Духа Святого, но — *даде им власть*, говоря: *прокаженныя очищайте, бесы изгоняйте, мертвыя воскрешайте, туне приясте, туне дадите* (Мф. X, 1, 8). Относительно же пророков всеми признано, что они имели дарование Святого Духа; но эта благодать оскудела, отступила, и иссякла на земле с того дня, как сказано было: *оставляется, дом ваш пуст* (Мф. XXIII, 38). Впрочем, и прежде этого дня, она уже начала становиться редкою. Ведь у них (иудеев) не было уже пророка, и благодать не осеняла их святыни. Итак, поелику Дух Святый был отнят, а между тем впоследствии Он имел излиться обильно, и это излияние началось после креста, не только с обилием, но и с большими дарованиями [да и действительно чудеснее был дар, когда, например, сказано: *не весте, коего духа есте* (Лк. IX, 35); и опять: *не приясте бо духа работы; но приясте духа сыноположения* (Рим. VIII, 15); древние, хотя сами и имели Духа, но другим не сообщали; напротив, апостолы исполнили Духом бесчисленное множество], — поелику, говорю, (верующие) имели получить такую благодать, но она не была еще дарована, то и сказано: *не у бо бе Дух святый.* Итак, указывая на эту-то благодать, Евангелист сказал: *не у бо бе Дух святый*, то есть не был еще дарован, *яко Иисус не у бе прославлен* (Иоанн. VII, 39), — называя славою крест. Мы были врагами и грешниками, были лишены дара Божия и стали ненавистными Богу; а благо-

дать есть свидетельство примирения, и дар подается не врагам и лицам ненавистным, но друзьям и людям благоугодившим. Поэтому надлежало прежде принестись за нас жертве, разрушиться вражде во плоти, и нам соделаться друзьями Божиими, и тогда уже получить этот дар. Если так было при обетовании, данном Аврааму, то тем более при благодати. Показывая это, Павел говорит: *аще бо сущии от закона наследницы, испразднися вера, закон бо гнев соделовает* (Рим. IV, 14, 15). Слова его значат следующее: обетовал Бог Аврааму и семени его дать землю; но потомки сделались недостойными этого обетования и не могли благоугодить собственными трудами. Поэтому пришла вера – дело не трудное, чтобы привлечь благодать и чтобы не отпали обетования. *Сего ради от веры,* продолжает апостол, *да по благодати, во еже быти известну обетованию* (Рим. IV, 16). Потому – *по благодати,* что не могли (стяжать этого) делами. Но почему, сказав: по Писанию, не приводит самого свидетельства? Потому, что иудеи были заражены превратными понятиями. Одни говорили: *сей есть пророк,* другие: *льстить народы,* иные: не от Галилеи *Христос приходит,* но *от Вифлеемския веси,* еще иные: *Христос егда приидет, никтоже весть, откуду будет;* словом – мнения были разнообразны, как обыкновенно бывает в волнующемся народе. Да, они и внимали тому, что говорилось, не надлежащим образом и не с тем, чтобы узнать истину. Потому-то Он ничего не отвечает им, хотя они говорят: *еда от Галилеи Христос приходит?* А Нафанаила, который выразился сильнее и разительнее – *от Назарета может ли что добро быти?* – похвалил, как истинного израильтянина. Они, равно как и те, которые говорили Никодиму: *испытай и виждь, яко пророк от Галилеи не приходит* (Ин. VII, 52), говорили это не с тем, чтобы узнать истину, но чтобы только опровергнуть мнение о Христе; а он

(Нафанаил) говорил это потому, что любил истину и в точности знал все древние Писания. Итак, поелику они имели одну только цель — опровергнуть то, что Он есть Христос, то Он ничего и не открыл им. Притом, те, которые и себе самим противоречили, говоря иногда: *никтоже весть, откуду приходит,* а иногда — *от Вифлеема,* очевидно стали бы противиться и после того, как узнали бы истину. Пусть они не знали места, именно — что Он из Вифлеема, так как Он жил в Назарете, хотя и это для них не извинительно, потому что Он не там родился: но ужели они не знали и рода Его, именно — что Он из дома и племени Давидова? Как же они говорили: *не от семене ли Давидова Христос приидет* (Ин. VII, 42)? Но теми словами они и это хотели затемнить, потому что обо всем говорили злонамеренно. Почему бы им, пришедши к Нему, не сказать: так как мы всему прочему удивляемся в Тебе, но Ты повелеваешь веровать в Тебя по Писаниям, то скажи, каким образом Писания говорят, что Христос должен прийти из Вифлеема, между тем как Ты пришел из Галилеи? Но они ничего такого не сказали, а напротив все говорят с злым умыслом. А что они не искали истины и не желали узнать ее, Евангелист тотчас присовокупил: *нецыи хотяху яти его, но никтоже возложи нанъ руце* (ст. 44). Если уже ничто другое, по крайней мере это могло привести их в умиление; но они не умилились, как говорит пророк: *разделишася и не умилишася* (Пс. XXXIV, 15).

3. Такова-то злоба! Ничему не хочет уступить, к одному только стремится — погубить того, кто подвергся ненависти. Но что говорит Писание? *Изрываяй яму искреннему впадется в ню* (Притч. XXVI, 27). Это сбылось и тогда. Они хотели погубить Христа, чтобы уничтожить Его проповедь; а случилось противное. Проповедь, по благодати Христовой, процветает; а у них все

исчезло и погибло: они лишились и отечества, и свободы, и безопасности, и богослужения, потеряли всякое благоденствие, и сделались рабами и пленниками. Итак, зная это, никогда не будем злоумышлять против других, памятуя, что мы изощряем через это меч против себя самих и наносим себе глубочайшую рану. Но тебя оскорбил кто-нибудь, и ты хочешь ему отомстить? Не мсти. Таким только образом ты действительно будешь в состоянии отомстить. Если же будешь сам мстить, тогда не отомстишь. И не думай, что эти слова – загадка; нет, это – истина. Как и каким образом? Так, что когда ты не мстишь, тогда поставляешь Бога врагом ему (обидчику); а когда сам мстишь, тогда этого уже не бывает. *Мне отмщение, аз воздам, глаголет Господь* (Рим. XII, 19). Если мы имеем рабов, и они, рассорившись между собою, не нам, предоставят расправу и наказание, а присвоят их себе самим, то хотя бы они после тысячу раз приступали к нам, мы не только не отмщаем за них, а напротив еще гневаемся на них, называя их бродягами и забияками. Все, говорим мы им, следовало предоставить нам; но так как ты прежде отомстил сам за себя, то уже не докучай нам. Тем более скажет это Бог, Который повелел все предоставлять Ему. Да и не стыдно ли, что мы от своих рабов требуем такого любомудрия и послушания, а Господу не предоставляем того, чего требуем себе от рабов? Это я говорю потому, что вы склонны мстить друг другу; между тем, кто истинно любомудрствует, тот не должен этого делать, а напротив должен прощать и оставлять грехи, хотя бы за это и не было той великой награды – отпущения собственных грехов. Если ты осуждаешь согрешившего, то зачем же, скажи мне, сам грешишь и впадаешь в то же самое? Оскорбил ли кто тебя? Не оскорбляй его взаимно; иначе сам себя оскорбишь. Ударил ли кто тебя? Не плати ему тем же; иначе между вами не

будет различия. Опечалил ли кто тебя? Не огорчай его с своей стороны, потому что прибыли от этого нет никакой, между тем ты опять сделаешься подобным ему. Только тогда ты в состоянии будешь образумить его, когда перенесешь обиду спокойно и с кротостью; только через это ты устыдишь его и укротишь его гнев. Никто не исцеляет зла злом, но зло добром. Так любомудрствуют и некоторые из язычников. Если же у несмысленных язычников такое любомудрие, то постыдимся быть хуже их. Многие из них были обижены, и переносили обиды. Многие были оклеветаны, и не мстили; подвергались наветам, и благодетельствовали. Но я боюсь не мало, чтобы некоторые из них не оказались выше нас по жизни и через то не увеличили нашего наказания. В самом деле, если мы, которые получили Духа, ожидаем царствия, любомудрствуем о небесах, не боимся геенны, имеем повеление быть ангелами, пользуемся таинствами, — если мы не достигнем даже до их добродетели, то какое будем иметь извинение? Если нам должно превосходить иудеев, так как сказано: *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное* (Мф. V, 20), то тем более язычников. Если (должны мы превосходить) фарисеев, то тем более — неверных. Если же и в том случае, когда мы не превзойдем по жизни иудеев, для нас заключено царство небесное, то как сподобимся достигнуть его, когда окажемся хуже и язычников? Удалим же от себя всякую раздражительность, и гнев, и ярость. *Таяжде глаголати мне неленостно, вам же твердо* (Флп. III, 1). И врачи употребляют несколько раз одно и тоже лекарство. Так и мы не перестанем одно и тоже внушать, об одном и том же напоминать, учить, умолять. Ведь у нас много житейских забот, которые могут приводить нас в забвение; а потому и наставление нам нужно постоянное. А что мы не напрасно и не

без пользы собираемся здесь, представим доказательство на это в делах, чтобы через то сподобиться и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LII

Приидоша же слуги ко архиереом и фарисеом, и реша им тии: почто не приведосте его? Отвещаша слуги: николи же тако глаголал есть человек, яко сей человек (Ин. VII, 45, 46)

1. Нет ничего яснее, ничего проще истины, если мы действуем не злонамеренно; но когда мы поступаем злонамеренно, тогда нет ничего ее труднее. Вот поэтому-то фарисеи и книжники, люди, считавшиеся самыми мудрыми, хотя всегда находились со Христом (с тем, чтобы строить против Него козни), и видели чудеса, и читали Писания, однако ж не получили никакой пользы, а напротив еще потерпели вред. А слуги, которые не могли сказать о себе ничего такого, были уловлены одною только беседою Христа и, отправившись связать Его, возвратились, сами связанные удивлением. Но не одному только благоразумию их надобно удивляться, что они не имели нужды в чудесах, а пленились единственно учением, — ведь не сказали они: никогда человек не чудодействовал таким образом, но что? *Николиже тако глаголал есть человек,* — так не одному только этому благоразумию их надобно удивляться, но и дерзновению, что они говорили это пославшим их, фарисеям, которые враждовали против Него и всячески вооружались. *Приидоша же,* сказано, *слуги, и реша им фарисее: почто не приведосте его?* Что они пришли, это гораздо

более значило, чем если бы они остались: в последнем случае они освободились бы от гнева их, а теперь они делаются провозвестниками Христовой мудрости и выразительнее обнаруживают свое дерзновение. И не говорят они: не могли мы по причине народа, потому что народ внимал Ему, как пророку; а что? *Николиже тако глаголал есть человек*. Они могли выставить и то оправдание, однако ж открывают свое истинное мнение. А своим мнением они показали, что не только удивляются Ему, но и осуждают фарисеев за то, что они послали их связать того, кого надлежало слушать. Между тем, они и слышали непродолжительную беседу, а краткую. Да, когда ум беспристрастен, тогда и нет нужды в пространных речах: такова истина! Что же фарисеи? Тогда как надобно было прийти в умиление, они напротив того, с своей стороны, обвиняют слуг, говоря: *еда и вы прельщени есте* (ст. 47)? Еще льстят и не употребляют резких слов, из опасения, чтобы они совершенно не отделились. Однако ж обнаруживают гнев, хотя и говорят снисходительно. Им следовало спросить, что Он говорил, и подивиться Его словам; но они этого не делают, зная, что будут уловлены, а напротив хотят убедить их доказательством весьма несмысленным. Почему никто, говорят, *от князь верова в онь* (ст. 43)? Так ужели в этом, скажи мне, ты обвиняешь Христа, а не тех, которые не веровали? *Но народ*, говорят, *иже не весть закона, прокляти суть* (ст. 49). Оттого-то вы еще более достойны обвинения, что народ уверовал, а вы не уверовали. Народ поступал именно так, как следовало поступать знающим закон: каким же образом *прокляти суть?* Вы прокляты, несоблюдающие закона, а не они, повинующиеся закону. Притом же не следовало из-за неверующих обвинять того, кому не веруют. Такой способ неправилен. Вот и вы не веровали Богу, как говорит Павел: *что бо, аще не вероваша*

нецыи, еда неверствие их веру Божию упразднить? Да не будет (Рим. III, 3). Да и пророки всегда обвиняли их, говоря: *услышите князи содомстии* (Ис. I, 10), и: *князи твои не покоряются* (ст. 23), и также: *не вам ли есть, еже разумети суд* (Мих. III, 1)? И везде очень сильно порицают их. Что же? Ужели поэтому станет кто-нибудь обвинять и Бога? Да не будет: это их вина. А чем другим можно лучше доказать ваше незнание закона, как не тем, что вы не повинуетесь ему? Но так как они сказали, что никто из князей не уверовал в Него, а незнающие закона, то их справедливо укоряет Никодим, говоря таким образом: *еда закон наш судит человеку, аще не слышит от него прежде* (ст. 51)? Этими словами он показывает, что они и не знают закона, и не исполняют закона. Если закон заповедует не убивать ни одного человека, наперед не выслушав его, а они устремились к этому прежде, чем выслушали, то они – преступники закона. А так как они сказали, что *никтоже от князь верова в онь,* то Евангелист замечает, что был *один от них,* чтобы показать, что и начальники веровали в Него. Правда, они еще не обнаруживали надлежащего дерзновения, однако ж были преданы Христу. Смотри, как осторожно (Никодим) обличает их! Он не сказал: а вы хотите Его убить и без исследования осуждаете человека, как обманщика. Нет, не так сказал он, но с большею снисходительностью, чтобы остановить их сильный порыв и безрассудное стремление к убийству. Поэтому-то он обращается к закону, говоря: *аще не слышит от него* внимательно *и разумеет, что творит* (ст. 51). Следовательно нужно не просто только выслушать, но и внимательно. Это именно значат слова: *и разумеет что творит,* то есть чего он (обвиняемый) хочет, и почему, и для чего, не для ниспровержения ли общественного порядка и не как враг ли. Так как они с сомнением сказали, что никто из князей не уверовал

в Него, то и не отвечали ему ни сурово, ни снисходительно.

2. В самом деле, какая, скажи мне, последовательность в том, что на его слова: закон наш не судит никого — они отвечают: *еда и ты от Галилеи еси* (ст. 42)? Тогда как им следовало доказать, что они не безрассудно послали взять Его, или что нет надобности позволять Ему защищаться, они весьма грубо и с большим гневом возражают: *испытай и виждь, яко пророк от Галилеи не приходит* (ст. 52). Что же сказал этот человек? То ли, что (Христос) — пророк? Сказал, что не должно убивать без суда. А они с укоризною возразили ему это, как человеку, нимало несведущему в Писании. Это тоже, как если бы кто сказал: пойди научись; это именно означают слова: *испытай и виждь.* Что же Христос? Так как они неоднократно упоминали о Галилеи и пророке, то Он, чтобы избавить всех от такого неправильного предположения и показать, что Он не из числа пророков, но — Владыка мира, говорит: *Аз есмь свет миру* (VIII, 12), не Галилеи только, не Палестины, не Иудеи. *Ты о себе сам свидетельствуешь свидетельство твое несть истинно* (VIII, 13). Какое безумие! Он постоянно отсылал их к Писаниям, а они говорят: *ты о себе сам свидетельствуеши.* Что же Он свидетельствовал? *Аз есмь свет миру.* Великое это изречение, поистине великое! Однако же оно не очень изумило их, потому что теперь Он не равнял Себя с Отцем и не называл Себя ни Сыном Его, ни Богом, но только светом. Впрочем, они хотели и это опровергнуть, так как это гораздо больше значило, чем слова: *ходяй по мне не имать ходити во тьме;* свет и тьму Он разумеет в духовном смысле (ст. 12), то есть не останется в заблуждении. Здесь Он и Никодима привлекает и ободряет, так как он обнаружил великое дерзновение, и восхваляет слуг, которые поступили таким же образом. То, что Он воззвал (ср. Ин VII, 37:

и зваше глаголя), показывает, что Он хотел, чтобы и они услышали. Вместе с тем Он показывает и то, что они (иудеи) строят ковы втайне, во мраке и заблуждении, но не преодолеют света; и Никодиму припоминает слова, которые сказал ему прежде: *всяк, делаяй злая, ненавидит света и не приходит к свету, да не обличатся дела его* (Ин. III, 20). Так как они (фарисеи) сказали, что никто из князей не уверовал в Него, то Он и говорит: *делаяй злая не приходит к свету,* показывая этим, что они не пришли не по слабости света, но по развращению своей воли. *Отвещаша и реша ему: Ты о Себе сам свидетельствуеши.* Что же Он? *Аще Аз свидетельствую о Себе истинно есть свидетельство Мое: яко вем, откуда приидох и камо иду, вы же не весте, откуду прихожду* (Ин. VIII, 14). Что Он прежде сам сказал, то теперь они противопоставляют Ему, как изречение особенно важное. Что же Христос? Опровергая это и показывая, что Он говорил прежде применительно к ним и к их предположению, так как они принимали Его за простого человека, говорит: *аще Аз свидетельствую о Себе, истинно есть свидетельство Мое, яко вем откуду приидох.* Что это значит? Значит: Я – от Бога, и Бог, и Сын Божий. А Бог сам о Себе достоверный свидетель. *Вы же не весте:* вы, говорит, по своей воле поступаете худо, и зная притворяетесь незнающими, обо всем говорите по человеческому разумению, не желая помыслить ни о чем выше того, что видимо. *Вы по плоти судите* (ст. 15). Как жить по плоти значит худо жить, так и судить по плоти – значит судить несправедливо. *Аз не сужду никомуже. И аще сужду Аз, суд Мой истинен есть* (ст. 16). Эти слова значат: вы судите несправедливо. Но если мы несправедливо судим, могли сказать они, то почему ты не обличаешь нас, почему не наказываешь, почему не осуждаешь? Потому, отвечает Он, что Я не для этого пришел. Это именно и значат слова: *Аз не сужду никомуже. Но и аще сужду Аз, суд Мой истинен есть.*

Если бы Я захотел судить, то вы были бы в числе осужденных; но и это говорю Я, продолжает Он, не с тем, чтобы судить. Впрочем, не потому Я сказал: говорю не с тем, чтобы судить, будто бы не надеялся уличить вас, если бы стал судить; нет, если бы Я стал судить, то справедливо осудил бы вас; но потому, что теперь не время суда. Далее Он сделал намек и на будущий суд, сказав: *яко един несмь, но Аз и пославый Мя Отец* (ст. 16), и вместе указал, что не Он один осуждает их, но и Отец. Затем прикрыл это, приводя во свидетельство о Себе: *и в законе же вашем писано есть, яко двоих человеков свидетельство истинно есть* (ст. 17).

3. Что бы сказали здесь еретики? Что Он имеет большего перед людьми, если эти слова будем разуметь просто? По отношению к людям так определено потому, что никто один и сам по себе не заслуживает доверия. Но в отношении к Богу может ли это иметь какое-либо значение? Почему же сказано: *двоих?* Потому ли *двоих,* что они – два, или что они люди? Если потому, что они – два, то почему Он не прибег к Иоанну, и не сказал: свидетельствую о Себе Я, и свидетельствует обо Мне Иоанн? Почему не к ангелу? Почему не к пророкам? Ведь Он мог бы найти множество и других свидетельств. Но Он хочет показать не только то, что два, но и то, что Они одного и того же существа. *Глаголаху же ему: кто есть Отец Твой?* А Он отвечает: *ни Мене весте, ни Отца Моего* (ст. 19). Так как они зная говорили, как незнающие, и как бы искушали Его, то Он и не удостаивает их ответа. Поэтому-то, наконец, Он говорит обо всем яснее и с большим дерзновением, имея о Себе свидетельство в знамениях и в учении Своих последователей, (и зная) что уже близок крест. *Вем,* говорит Он, *откуду приидох.* Это не очень тронуло их; но следующие затем слова: *и камо иду* более устрашили их, потому что показывали, что Он не пребудет в смерти. Но почему

Он не сказал: знаю, что Я – Бог, но: *вем, откуду приидох?* Он всегда примешивает уничиженное к высокому, и об этом последнем говорит прикровенно. Так, сказав: *Аз свидетельствую о Себе,* и доказав это, Он перешел к словам уничиженнейшим, как бы так говоря: Я знаю, от кого Я послан, и к кому возвращаюсь. В этом случае (иудеи) ничего не могли возразить, потому что слышали, что Он от Него послан и к Нему отходит. Я, говорит, не сказал ничего ложного: откуда Я пришел, туда и отхожу, – к истинному Богу. Но вы не знаете Бога. Поэтому судите по плоти. Вы слышали столько свидетельств и доказательств, и еще говорите: *несть истинно.* Моисея вы признаете достоверным, как в том, что говорит он о других, так и в том, что говорит о себе; а Христа – нет. Это значит судить по плоти. Но *Аз не сужду никомуже.* Между тем в другом месте Он сказал: *Отец не судит никомуже* (Ин. V, 29). Как же здесь говорит: и *аще Аз сужду, суд Мой истинен есть, яко един несмь* (ст. 16). Опять Он говорит применительно к их мнению. То есть, суд Мой есть суд Отца. Не иначе судил бы и Отец, если бы стал судить, нежели как и Я сужу. И Я не иначе сужу, как судил бы и Отец. Но для чего Он упомянул и об Отце? Для того, что они не признавали Сына достойным веры, если Он не будет иметь свидетельства от Отца. В ином смысле эти слова не имеют силы. У людей свидетельство тогда бывает истинным, когда двое свидетельствуют в чужом деле. В этом состоит свидетельство двоих. Если же кто сам будет свидетельствовать о себе, то это уже не свидетельство двоих. Видишь ли, что Он сказал это не для чего другого, как для того, чтобы показать свое единосущие (с Отцом), показать, что Сам по Себе Он не имеет нужды в постороннем свидетельстве и что Он ничем не меньше Отца? В самом деле, смотри, какая самобытность: *Аз есмь свидетельствуяй о Мне самом, и свидетельству-*

ет о Мне пославый Мя Отец (ст. 18). Не мог бы Он сказать этого, если бы по существу был меньше. А чтобы ты не подумал, что это сказано ради числа, — заметь власть ничем не отличную (от власти Отца). Человек свидетельствует тогда, когда сам по себе заслуживает доверия, а не тогда, когда имеет нужду в свидетельстве, и свидетельствует в чужом деле; а в своем деле, когда нуждается в свидетельстве другого, Он уже не заслуживает доверия. Но здесь — совсем напротив. И свидетельствуя в своем деле и говоря, что об Нем свидетельствует другой, Он называет Себя достоверным, показывая в том и другом случае Свою самобытность. В самом деле, для чего, сказавши: *един несмь, но Аз и пославый мя Отец,* и также: *двоих человек свидетельство истинно есть,* — не перестал говорить, но присовокупил: *Аз есмь свидетельствуяй о Мне самом?* Очевидно, для того, чтобы показать свою самобытность. И наперед Он сказал о Себе самом: *Аз есмь свидетельствуяй о Мне самом.* Этим Он показывает и равночестность свою (с Отцом), и вместе то, что нет никакой пользы для тех, которые говорят, что знают Бога Отца, между тем не знают Его. А это, говорит, зависит от того, что не хотят Его познать. Поэтому-то и говорит, что без Него невозможно познать Отца, чтобы хотя таким образом привлечь их к познанию Его. Так как они, оставляя Его, всегда старались узнать Отца, то он говорит: не можете познать Отца без Меня. Таким образом, те, которые хулят Сына, не Его только хулят, но и Родившего Его.

4. Будем мы избегать этого, будем прославлять Сына. Если бы Он был не одного и того же естества (с Отцом), то не стал бы говорить таким образом. И если бы Он только учил, а на самом деле был другого естества, то можно было бы, и не зная Его, знать Отца, и наоборот, совершенно зная Его, не знать Отца. Кто ведь знает человека, тот не знает еще ангела. Так, ска-

жешь; но, кто знает тварь, тот знает и Бога. Нет; многие знают тварь, или, лучше сказать – все люди, потому что видят ее, и однако ж не знают Бога. Итак, будем прославлять Сына Божия не только этою (словесною) славою, но и славою дел. Первая без последней ничего не значит. *Се ты,* сказано, *иудей именуешися, и почиваеши на законе, и хвалишися о Бозе. Научая убо инаго, себе ли не учиши? Иже в законе хвалишися, преступлетем закона Бога безчествуеши* (Рим. II, 17, 21, 23). Смотри, как бы и нам, хвалящимся правотою веры, не обесчестить Бога своею жизнью, не соответствующею вере, и не подать повода к хуле на Него. Господь хочет, чтобы христианин был для вселенной учителем, закваскою, светом и солью. А что значит свет? Жизнь светлая, не имеющая в себе ничего темного. Свет не себе полезен, равно как и соль и закваска, но приносят пользу другим. Поэтому, от нас требуется, чтобы мы не себе только были полезны, но и другим. Ведь соль, если не осоляет, уже не есть соль. Этим показывается также и то, что если мы будем вести жизнь добродетельную, то и другие непременно будут жить так же; равно как и наоборот – пока мы сами не будем добродетельными, не принесем никакой пользы и другим. Да не будет у нас ничего неразумного, ничего суетного. А таковы мирские дела, таковы житейские заботы. Потому-то и девы названы юродивыми, что они заботились о пустых мирских делах, собирали здесь, а не отлагали туда, куда следовало. Но я боюсь, чтобы и нам не потерпеть того же. Боюсь, чтобы и нам не прийти одетыми в нечистые одежды туда, где все имеют одеяния светлые и блистательные. Нет ничего грязнее, ничего сквернее греха. Потому-то и пророк, изображая природу греха, взывал: *возсмердеша и согниша раны моя* (Пс. XXXVII, 6). И если хочешь узнать зловоние греха, то представь его себе по совершении, в то время, когда освободишься от пожелания, когда уже не будет беспо-

коить тебя огонь (страсти): тогда ты увидишь, каков грех. Представь себе гнев, когда находишься в спокойном состоянии. Представь любостяжание, когда бываешь чужд этой страсти. Нет ничего гнуснее, ничего отвратительнее хищения и любостяжания. Мы часто говорим об этом не потому, будто хотим тревожить вас, но для того, чтобы доставить вам великую и чудную пользу. Кто не исправился, услышав однажды, может быть исправится, услышав в другой раз, а кто пропустил в другой раз, исправится в третий. Да сподобимся же все мы, освободившись от всякого зла, иметь благоухание Христа, Ему же с Отцом и Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIII

Сия глаголы глагола Иисус в газофилакии, уча в церкви, и никтоже ят его, яко не у бе пришел час его (Ин. VIII, 20)

1. Как безумны иудей! Еще до Пасхи искали Иисуса, потом, когда нашли Его среди народа, много раз пытались схватить Его, и сами непосредственно, и через других, но не могли; и при всем этом не подивились силе Его, но продолжали упорствовать в своей злобе и не отставали (от ней). А что они всегда старались (схватить Его), об этом говорит (Евангелист): *сия глагола в газофилакии, уча в церкви, и никтоже ят его.* Он говорил в церкви и в качестве учителя, что в особенности могло раздражать их; притом, говорил то, из-за чего они досадовали и обвиняли Его в том, что Он творит Себя равным Отцу: такой именно смысл имеют слова: *двоих человеков свидетельство истинно есть.* И однако ж, несмотря на то, что Он говорил это в церкви и как учитель, *никтоже,* сказано, *ят Его, яко не у бе пришел час его,* то есть не

наступило еще то благоприятное время, в которое Он хотел быть распятым на кресте. Таким образом, и тогда это было делом не их силы, но Его смотрения. Они и прежде хотели (взять Его), но не могли. Так точно и тогда они не могли бы, если бы Он сам не соизволил на это. *Рече же им паки Иисус: Аз иду, и взыщете Мене* (ст. 21). Для чего Он часто говорит об этом? Для того, чтобы потрясти и устрашить их души. В самом деле, смотри, какой страх это наводило на них! Невзирая на то, что хотели умертвить Его, чтобы избавиться от Него, они стараются узнать, куда Он отходит. Так важным они представляли себе это! А с другой стороны, Он хотел научить их, что это дело не зависит от их насилия, но что еще издревле Он предызобразил его; вместе с тем Он предуказал уже этими словами и воскресение. *Глаголаху убо: еда ся сам убиет* (ст. 22)? Что же Христос? Опровергая предположение их и показывая, что такое дело есть грех, говорит: *вы от нижних есте* (ст. 23). А это значит: нет ничего удивительного, что так думаете вы, люди плотские и не помышляющие ни о чем духовном. Но Я ничего такого не сделаю: *Аз от вышних есмь; вы от мира сего есте* (ст. 23). Здесь опять говорит о мирских и плотских помыслах. Отсюда видно, что и слова: *аз несмь от мира сего* означают не то, будто бы Он не принял плоти, но что Он далек от их лукавства. В самом деле, Он и об учениках говорит, что они *не суть от мира,* и однако ж они имели плоть. Таким образом, как Павел, говоря: *вы несте во плоти* (Рим. VIII, 9), не бестелесными называет их (римлян), так и Он, когда говорит об учениках, что они не от мира, свидетельствует этим не о другом чем, как только об их любомудрии. *Рех убо вам: яко аще не имете веры, яко аз есмь, умрете во гресех ваших* (ст. 24). Действительно, если Он для того пришел, чтобы взять грех мира, и если можно совлечься греха не иначе, как через креще-

ние, то в неверующем по необходимости остается ветхий человек. Кто не хочет умертвить его (ветхого человека) и погребсти через веру, тот умрет с ним, и отойдет туда, чтобы понести наказание за прежние грехи. Поэтому, говорил: *а не веруяй уже осужден есть* (Ин. III, 18), не потому только, что он не верует но и потому, что отходит отсюда с прежними грехами. *Глаголаху убо ему: ты кто еси* (ст. 25)? Какое безумие! После столь продолжительного времени, после знамений и учения, они еще спрашивают: *ты кто еси?* Что же Христос? *Начаток, яко и глаголю вам* (ст. 25). А это значит вот что: вы недостойны даже слушать слова Мои, не только знать, кто Я, потому что вы все говорите с намерением искусить Меня и ни мало не внимаете словам Моим. Во всем этом Я мог бы теперь же обличить вас (это именно значат слова Его: *много о вас имам глаголати и судити),* и не только обличить, но и наказать; *но пославый Мя,* то есть Отец, не хочет этого. *Не приидох бо, да сужду мирови, но да спасу мир* (Ин. XII, 47). *Не посла бо Бог Сына своего,* сказано, *да судит мирови, но да спасется им мир* (Ин. III, 17). Итак, если Он для этого послал Меня, а Он *истинен* (ст. 26), то Я справедливо не сужу теперь никого, но Я говорю то, что служит ко спасению, а не к обличению. Говорит же это Он для того, чтобы не подумали, что Он, слыша все, что они говорили, не мстит им по слабости, или что Он не понимает их мыслей и насмешек. *Не разумеша убо, яко Отца им глаголаше* (ст. 27). Какое бессмыслие! Непрестанно говорил им о Нем (Отце), и — они не понимали! Вслед затем, так как ни многими знамениями, ни учением не мог привлечь их к Себе, — Он начинает уже беседовать о кресте, говоря: *егда вознесете Сына человеческаго, тогда уразумеете, яко Аз есмь, и о Себе ничесоже творю, но якоже научи Мя Отец Мой, сия глаголю. И пославый Мя со Мною есть: не остави Мене единаго Отец*

(ст. 28, 29). Этим показывает, что справедливо сказал: *начаток, яко и глаголю вам.*

2. Так-то они были невнимательны к словам Его! *Егда вознесете Сына человеческаго.* Не ожидаете ли вы, что тогда по преимуществу избавитесь от Меня, когда умертвите Меня? Но Я говорю: тогда-то особенно вы и узнаете, *яко Аз есмь,* из знамений, из воскресения и пленения; все это действительно достаточно показывало силу Его. И не сказал Он: тогда узнаете кто Я, но: когда увидите, что Я ничего не потерплю от смерти, *тогда,* говорит, *уразумеете, яко Аз есмь,* то есть Христос, Сын Божий, все носящий и устраняющий, и не противник Его (Отца). Поэтому-то Он и присовокупил: *и о Себе ничесоже* глаголю. Вы узнаете тогда и то, и другое – и силу Мою, и единомыслие Мое с Отцом. В самом деле, изречение – о *Себе ничесоже* глаголю – показывает и неразличность существа, и то, что Он не говорит ничего, несогласного с мыслями Отца. Когда вы лишены будете богослужения, когда вам не позволено будет даже служить Ему, как прежде, тогда вы узнаете, что это Он делает в отмщение за Меня, негодуя на тех, которые не послушали Меня. Как бы так Он говорил: если бы Я был противник Богу и чужд Ему, то Он не воздвиг бы против вас столь великого гнева. Об этом говорит и Исаия: даст *лукавыя вместо погребения его* (Ис. LIII, 9); и Давид: *тогда возглаголет к ним гневом своим* (Пс. II, 5); и сам Христос: *се оставляется дом ваш пуст* (Мф. XXIII, 38). То же самое показывают и притчи, когда, например, (Христос) говорит: *что сотворит делателем тем господин винограда того? Злых зле погубит их* (Мф. XXI, 40). Видишь ли, что Он везде говорит так потому, что они еще не веровали? Но если Он погубит их, как и действительно погубит, потому что сказано: *враги моя оны, иже не восхотеша мене, да царь бых был над ними, приведите семо, и изсецыте* (Лк. XIX, 27), то почему Он называет

это не Своим делом, но Отца? Потому, что говорит приспособительно к их немощи, а вместе с тем воздает честь и родившему Его. Поэтому Он не сказал: оставлю дом ваш пуст, но; *оставляется,* — выразился безлично. Между тем, так как Он сказал: *коль краты восхотех собрати чада твоя, и не восхотесте,* и потом уже присовокупил: *се оставляется,* то этим показывает, что именно Он произвел это запустение. Так как вы, говорит Он, не хотели познать Меня, когда Я благодетельствовал и служил вам, то узнаете, кто Я, когда подвергнетесь наказаниям. *И пославый Мя* Отец *со Мною есть.* Чтобы не подумали, что выражение — *пославый Мя* — означает, что Он меньше, — говорит: *со Мною есть.* То указывает на домостроительство, а это на Божество. *И не остави Мене единаго, яко Аз угодная Ему всегда творю* (ст. 29). Опять Он снизошел к речи уничиженной, непрестанно обращаясь к тому, что они говорили, именно, что Он не от Бога, и что не соблюдает субботы. Приспособительно к этому Он говорит: *угодная ему всегда творю,* показывая, что и нарушение субботы угодно Ему. Так Он говорил и перед крестом: думаете ли, *яко не могу умолити Отца Моего,* — хотя одним только словом: *кого ищете* поверг их ниц на землю. Почему же Он не говорит: ужели вы думаете, что Я не могу вас погубить, когда доказал это самым делом? Из снисхождения к их немощи; а притом Он всячески старался показать, что не делает ничего противного Богу. Так точно и здесь Он говорит человекообразно. А в каком смысле сказано: *не остави Мене единаго,* — в таком же и это: *яко Аз угодная ему всегда творю. Сия ему глаголющу, мнози вероваша в Него* (ст. 30). Когда снизошел к речи уничиженной, тогда многие уверовали в Него. Ужели и после этого станешь еще спрашивать, для чего Он говорит уничиженно? Евангелист ясно указал на причину этого, когда сказал: *сия ему глаголющу, мнози верова-*

ша в него. Через это событие Он как бы вопиет: не смущайся, слушатель, если услышишь что-нибудь уничиженное, потому что те, которые после столь продолжительного учения не уверовали, что Он от Отца, по справедливости должны были слушать речь более уничиженную, чтобы уверовать. И это же служит оправданием тому, что будет говорено далее уничиженного. Итак, они уверовали, но не надлежащим образом, а просто и как случилось, пленившись и успокоившись уничиженностью Его слов. Что действительно они имели веру несовершенную, это открывает Евангелист в следующих затем словах, в которых они оскорбляют Его. А что это те же самые лица, на это указал словами: *глаголаше убо Иисус к веровавшим ему Иудеом: аще вы пребудете во словеси моем* (ст. 31), показывая тем, что они еще не приняли учения Его, но только внимали Его словам. Поэтому и выразился сильнее: прежде Он просто сказал — *взыщете мене,* а теперь присовокупил — *и во гресех ваших умрете.* Он показывает и то, каким образом это произойдет, то есть, пришедши туда (в вечность), вы уже не будете иметь возможности умолить Меня. *Сия глаголю в мире.* Этими словами Он открыл уже, что Он отходит к язычникам. Но так как иудеи еще не поняли, что Он прежде говорил им об Отце, то Он снова вещает о Нем. А Евангелист представил и причину, почему Он говорил уничиженно.

3. Вот, если с таким тщанием, а не как-нибудь, мы станем исследовать Писания, то будем в состоянии достигнуть своего спасения. Если будем постоянно упражняться в них, то узнаем и правые догматы и жизнь добродетельную. Хотя бы кто был крайне упрям, и непреклонен, и ленив; хотя бы прежде он не приобрел никакой выгоды, — при всем том в настоящее время соберет плод и получит какую-нибудь пользу, — хотя и не такую, чтоб мог ее чувствовать, но все же получит.

Если тот, кто приходит в мироварницу и сидит в подобных заведениях, невольно проникается благоуханием, то гораздо более тот, кто ходит в церковь. Как от бездействия рождается леность, так и от упражнения появляется усердие. Поэтому, хотя бы ты был исполнен бесчисленным множеством грехов, хотя бы ты был нечист, — не убегай от здешнего собрания. Но что же, скажешь, если я слушаю, но не исполняю? Не малое приобретение и это — признать себя достойным сожаления. Не бесполезен и этот страх; не бесплодна и эта боязнь. Если только будешь сокрушаться о том, что, слушая, не исполняешь, то непременно приидешь когда-нибудь и к исполнению. Кто беседует с Богом и слушает беседу Божию, тому невозможно не получить никакой пользы. Ведь мы тотчас же поправляем на себе одежду и умываем руки, как только хотим взять Библию. Видишь ли, какое благоговение еще прежде чтения? Если же мы со вниманием и читать будем, то приобретем великую пользу. В самом деле, если бы (это чтение) не приводило душу в благоговение, мы не стали бы умывать рук; сверх того, жена, если она непокрыта, тотчас надевает покрывало, представляя этим свидетельство своего внутреннего благоговения; а муж, если голова его покрыта — обнажает ее. Видишь ли, как внешний вид бывает провозвестником внутреннего благоговения? Потом, и севши слушать, человек часто вздыхает и осуждает свою настоящую жизнь. Будем же внимать Писаниям, возлюбленные! И если не другое что, то, по крайней мере, Евангелие да будет для нас предметом особенного внимания, да будет всегда в наших руках. Ведь только что откроешь эту книгу, тотчас увидишь перед глазами имя Христово и тотчас услышишь слова: *Иисус Христово рождество сице бе: обрученный бо бывши матери ею Марии Иосифови, обретеся*

имущи во чреве от Духа свята (Мф. I, 18). А кто услышит это, тотчас пожелает девства, подивится рождению, отрешится от земли. Немаловажно и то, что ты увидишь Деву, сподобившуюся Духа, и ангела, беседующего с нею. Между тем это еще в начале. Если же ты будешь продолжать чтение до конца, то тотчас отвергнешь все житейское и будешь смеяться над всем земным. Если ты богат, – за ничто почтешь богатство, когда услышишь, что она, обрученная тектону и происшедшая из смиренного дома, соделалась Матерью твоего Владыки. Если ты беден, – не будешь стыдиться своей бедности, когда узнаешь, что Творец мира не устыдился беднейшего дома. Помышляя об этом, ты не станешь брать того, что принадлежит другим; напротив, скорее сам сделаешься любителем бедности и будешь презирать богатство. А достигнув этого, ты избежишь всякого зла. Далее, когда увидишь Его лежащим в яслях, тогда не будешь стараться украсить свое дитя золотом или устроить для своей жены серебряное ложе. А не заботясь об этом, ты не станешь из-за этого лихоимствовать и похищать. Много и других выгод можно получить, которых нельзя теперь пересказать в подробности; но их узнают те, которые сделают опыт. Потому умоляю вас и приобретать книги (Священного Писания), и усвоять себе мысли их, и начертывать их в душах. Иудеям, так как они не были внимательны, повелено было привешивать книги к рукам; а мы даже и не на руках, а в доме полагаем их, тогда как надлежит отпечатлевать их в сердце. Через это мы очистим настоящую жизнь и достигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIV

Глагола убо Иисус к веровавшим ему Иудеом: аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете, и уразумеете истину, и истина свободит вы (Ин. VIII, 31, 32)

1. Великое нам нужно терпение, возлюбленные! А терпение бывает тогда, когда в нас глубоко укоренены догматы. Подлинно, как дуб, глубоко пустивший свои корни в недра земли и тщательно обвязанный, не может быть исторгнут никаким порывом ветра, так точно и душу, пригвожденную страхом Божиим, никто не в состоянии будет ниспровергнуть, потому что пригвождение еще сильнее укоренения. Об этом-то и пророк молится говоря: *пригвозди страху твоему плоти моя* (Пс. CXVIII, 120). Так и ты пригвозди себя и прикрепи, как бы гвоздем, глубоко вонзенным. Как с трудом можно овладеть человеком пригвожденным, так напротив легко взять и нетрудно ниспровергнуть непригвожденного. Вот это и случилось в то время с иудеями: они и слушали и уверовали, и опять совратились. Поэтому-то Христос, желая углубить в них веру, так чтобы она не была поверхностною, пронзает душу их словами, самыми разительными. Конечно, им, как верующим, естественно было бы и обличения перенести; но они тотчас вознегодовали. Как же (Христос) в этом случае поступает? Сначала увещевает: *аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете, и истина свободит вы* (ст. 31). Как бы так говорит: Я намерен нанести вам глубокую рану, но вы не бойтесь. Впрочем, этим же самым Он уже смирил и гордость их души. От чего, скажи мне, освободить? От грехов. Что же эти гордецы? *Семя Авраамле есмы, и никомуже работахом николиже* (ст. 83). Тотчас ниспала мысль их, а это произошло оттого, что они были крайне пристрастны к предметам

мирским. *Аще пребудете во словеси Моем.* Этим Он показал, что Он знает тайны их сердца, знает, что они, хотя и уверовали, но не были твердыми в вере. При этом Он обещает им нечто великое, именно – что они будут Его учениками. Так как некоторые прежде отпали от Него, то, намекая на них, Он говорит: *аще пребудете;* ведь и те слушали и уверовали, но отпали, потому, что не были твердыми в вере. В самом деле, *мнози от ученик его идоша вспять, и ктому не хождаху с ним* (Ин. VI, 66). *Уразумеете истину* то есть Меня, потому что *Аз есмь истина* (Ин. XIV, 6). Все иудейское было образом, а истину вы узнаете от Меня и она освободит вас от грехов. Как тем Он говорил: во *гресех ваших умрете,* так и этим сказал: *свободит вы.* Не сказал: Я избавляю вас от рабства, но представил им самим уразуметь это. Что ж они? *Семя Авраамле есмы, и никомуже работахом николиже.* Но если уж следовало негодовать, то справедливее было бы на то, что Он сказал прежде, именно: *уразумеете истину,* и – сказать: что же? Разве теперь мы не знаем истины? Значит, закон и наше знание – ложь? Но они ни о чем этом не заботились, а беспокоятся о мирских делах, предполагая этого рода рабство. Есть, подлинно есть, и теперь много таких, которые стыдятся вещей безразличных и этого рабства; но не стыдятся рабства греховного, и лучше хотели бы тысячу раз назваться рабами в этом отношении, нежели однажды в том. Таковы-то были и иудеи. Они и не знали другого рабства, а потому и говорят: ты назвал рабами людей, происшедших от рода Авраамова, – людей благородных, которых, по этой именно причине, не следовало называть рабами. Мы, говорят, никогда не были рабами. Вот чем тщеславятся иудеи! Мы – *семя Авраамле,* мы – израильтяне; а о своих делах никогда не упоминают. Поэтому Иоанн взывал к ним, говоря: *не начинайте глаголати в себе: отца имамы Авраама* (Мф. III, 9). Но

почему Христос не обличил их? Ведь они много раз бывали в рабстве: и у египтян, и у вавилонян, и у многих других. Потому, что Он говорил не для состязания с ними, но для их спасения, и пользы: вот о чем Он заботился. Он мог бы, конечно, сказать о четырехстах лет рабства; мог бы сказать о семидесяти; мог бы сказать о рабстве во времена судей, иногда в продолжение двадцати лет, иногда двух, иногда семи; мог бы сказать, что они никогда не переставали быть рабами. Но Он старался доказать не то, что они были рабами людей, но что они – рабы греха. А это рабство и есть самое тяжкое; от него может избавить один только Бог, потому что никто другой не может отпускать грехов, что они и сами признавали. И так как они признавали это делом Божиим, то Он и приводит их к этому, и говорит: *всяк, творяй грех, раб есть греха,* показывая, что Он говорит об этой свободе, о свободе от этого именно рабства. *Раб же не пребывает в дому; сын пребывает во век* (ст. 34, 35). И здесь Он незаметно ниспровергает постановления закона, указывая на прежние времена. Чтобы они не ссылались (на закон) и не говорили: мы имеем жертвы, предписанные Моисеем; они могут нас освободить, – для этого Он и присовокупил те слова. Иначе, какую последовательность имели бы слова Его? *Вси бо согрешиша, и лишени суть славы Божией, оправдаеми туне благодатью его* (Рим. III, 23), даже сами священники. Поэтому и Павел говорит о священнике, что он *должен есть, якоже о людех, такожде и о себе приносити за грехи, понеже и той немощию обложен есть* (Евр. V, 2, 3). Вот это и выражается словами: *раб не пребывает в дому.* А сверх того здесь Христос показывает и равночестность свою с Отцом и различие между свободным и рабом. Приточное изречение имеет именно этот смысл, то есть что раб не имеет власти, что и означается словом: *не пребывает.*

2. Но для чего Он, говоря о грехах, упомянул о доме? Чтобы показать, что как хозяин над домом, так Он властвует над всем. Выражение: *не пребывает* значит — не имеет власти раздавать даров, так как он не домовладыка. А сын — домовладыка; это и означают слова: *пребывает во веки,* по переносному от вещей человеческих выражению. Чтобы не сказали: Ты кто? — Он как бы так говорит: все — Мое, потому что Я — Сын и пребываю в доме Отца, — называя домом власть. Так Он и в другом месте называет начальство домом Отца: *в дому Отца Моего обители многи суть* (Ин. XIV, 2). Так как речь была о свободе и рабстве, то Он справедливо употребил такое переносное выражение, говоря, что они не имели власти отпускать (грехи). *Аще убо Сын вы свободит* (ст. 36). Видишь ли единосущие Его с Отцом, — как Он показывает, что имеет одинаковую с Ним власть? *Аще Сын вы свободит,* то уже никто не станет этому противоречить, и вы будете иметь верную свободу, потому что *Бог оправдаяй: кто осуждаяй* (Рим. VIII, 33, 34)? Этим он показывает, что Он свободен от греха, и вместе намекает на свободу только по имени. Последнюю дают и люди, но первую один Бог. А через это Он убеждает их стыдиться не того рабства, но рабства греховного. И чтобы показать, что они, хотя бы и не были рабами, так как отвергли от себя то рабство, тем не менее — рабы, Он тотчас присовокупил: *воистинну свободни будете.* А этим присовокуплением Он и показывает, что их свобода не истинная. Потом, чтобы они не сказали, что не имеют греха (а можно было думать, что они и это скажут), смотри, как Он подверг их обвинению в нем. Не обличая всей их жизни, Он выставляет на вид то злодеяние, которое они только еще хотели совершить, и говорит: *вем яко семя Авраамле есте, но ищете Мене убити* (ст. 37). Незаметно и мало-помалу отстраняет их от этого родства, научая не превозноситься им, потому что

как свобода и рабство, так и родство зависят от дел. И не сказал Он тотчас: вы не дети Авраама, вы человекоубийцы, а Он праведник; но пока еще соглашается с ними, и говорит: *вем, яко семя Авраамле есте*, но не в этом дело; а потом произносит против них более сильное обличение. И весьма часто можно видеть, что Он, намереваясь совершить что-нибудь великое, после совершения, говорит с большим дерзновением, так как свидетельство от дел заграждало им уста. *Но ищете Мене убити*. Что ж скажут, если справедливо? Напротив, совсем несправедливо. Поэтому Он представляет и причину: *яко слово Мое не вмещается в вы*. Как же было сказано, что они уверовали? Но я уже сказал, что они опять отложились. Поэтому-то Он сильно и обличает их. Если вы тщеславитесь родством с ним, то вам надобно выказывать и жизнь его. И не сказал Он: вы не вмещаете слова, но: *слово Мое не вмещается в вы*, показывая тем высоту своих догматов. А за это не убивать следовало, напротив — еще более почитать и уважать, чтобы научиться. Что ж, могли сказать, может быть, Ты от Себя это говоришь? Поэтому Он присовокупил: *Аз, еже видех у Отца Моего, глаголю: и вы еже слышасте у отца вашего, творите* (ст. 38). Как Я, говорит, и словами и истиною являю Отца, так и вы — своими делами. Я имею не только одно и то же существо с Отцом, но и одну и ту же истину. *Реша ему: отец наш Авраам есть. Глагола им Иисус: аще чада Аврамля бысте были, дела Авраамля бысте творили: ныне же ищете Мене убити* (ст. 39, 40). Часто Он говорит здесь об их преступном намерении и упоминает об Аврааме; и это для того, чтобы и отклонить их от этого родства, и уничтожить излишнее их тщеславие, и убедить полагать надежду спасения уже не на Авраама и не на родство по естеству, но на родство по душевному расположению. То именно и служило для них препятствием приступить ко Христу, что они по-

читали это родство достаточным для своего спасения. Но о какой говорит Он истине? О той, что Он равен Отцу. Действительно, за это иудеи искали убить Его, как Он и говорит: *ищете Мене убити, яко истину вам глаголах, юже слышах* от Отца Моего (ст. 40). Чтобы показать, что это не противно Отцу, Он опять прибегает к Нему. *Реша ему: мы от любодеяния несмы рождени: единаго отца имамы, Бога* (ст. 41). Что вы говорите? Вы имеете отцом Бога, и обвиняете Христа, когда Он говорит это? Видишь ли, что Он называл Бога Отцом Своим в особенном смысле?

3. Так как Он отстранил их от родства с Авраамом, то они, не имея ничего сказать против этого, отваживаются на нечто еще большее, – прибегают к Богу. Но Он лишает их и этой чести, говоря: *аще Бог Отец ваш бы был, любили убо быста Мене: Аз бо от Бога изыдохъ, и приидох: не о Себе бо приидох, но той Мя посла. Почто беседы Моея не разумеете? Яко не можете слышати словесе Моего. Вы отца вашего диавола есте, и похоти отца вашего хощете творити. Он человекоубийца бе искони, и во истине не стоит: егда глаголет лжу, от своих глаголет* (ст. 42–44). Он отстранил их от родства с Авраамом; но так как они отважились на большее, то Он уже наносит им удар, говоря, что они не только не чада Авраама, но что они сыны диавола. Через это Он нанес им рану, равную их бесстыдству. И это не оставляет без свидетельства, но подтверждает доказательствами, потому что убивать, говорит, свойственно злобе диавола. И не сказал просто: дела, но: *похоти* его творите, показывая, что как он (диавол), так и они крайне склонны к убийствам, и что причиною этого зависть. В самом деле, диавол погубил Адама не потому, чтобы мог обвинять его в чем-нибудь, но по одной только зависти. Вот на это Христос и здесь указывает. *И во истине не стоит,* то есть в доброй жизни. Так как (иудеи) постоянно осуждали Его, – что Он

не от Бога, — то Он говорит, что и это (обвинение) происходит оттуда же (от диавола), потому что он первый породил ложь, сказав: *в оньже аще день снесте от него, отверзутся очи ваши* (Быт. III, 5). Он же первый и воспользовался ею. Люди пользуются ею не как своею, но как чужою, а он — как своею. *Аз же, зоне истину глаголю, не веруете Мне* (ст. 45). Какая последовательность в этих словах? Ни в чем не обвинив Меня, вы хотите убить Меня. Вы преследуете Меня, потому что вы враги истины. Если же не потому, то скажите вину Мою. Поэтому и присовокупил: *кто от вас обличает Мя о гресе* (ст. 46)? Иудеи еще говорили: *мы от любодеяния несмы рождени.* Хотя многие из них были рождены и от любодеяния потому что у них были и незаконные браки, однако же Он не обличает их в этом, а продолжает говорить о прежнем. Доказав всем вышесказанным, что они не от Бога, а от диавола, потому что и убивать есть дело диавольское, и лгать дело диавольское, а вы делаете и то и другое, — теперь показывает, что любовь есть признак происхождения от Бога. *Почто беседы Моея не разумеете!* Так как они всегда с недоумением спрашивали: что это Он говорит: *аможе Аз иду, вы не можете приити* (ст. 22)? — то Он и отвечает: вы не разумеете беседы Моей потому, что не вмещаете в себе слова Божия. А это происходит с вами оттого, что ваши помышления пресмыкаются по земле, между тем как слова Мои гораздо выше. Что ж, если они и действительно не могли разуметь? Но здесь слово — *не можете* значит: не хотите, потому что вы приучили себя пресмыкаться долу и ни о чем великом не помышляете. А так как они говорили, что преследуют Его по ревности будто бы к Богу, то Он всюду старается показать, что преследовать Его значит ненавидеть Бога; напротив, говорит, любить Его — значит знать Бога.

Единаго отца имамы Бога. Вот чем хвалятся – честью, а не делами. Итак, что вы не веруете, это доказывает не то, будто Я чужд Богу; напротив, неверование ваше служит знаком того, что вы не знаете Бога. Причина же этому та, что вы хотите лгать и творить дела диавольские, а это происходит от бедности души, как говорит апостол: *идеже бо в вас зависти, и рвения, и распри, не плотстии ли есте* (1 Кор. III, 3)? Почему вы не можете? Потому, что *похоти отца вашего хощете творити,* – (об этом) стараетесь, ревнуете.

Видишь ли, что слово: *не можете* означает нехотение? *Сего Авраам несть сотворил* (ст. 40). Какие же дела его? Кротость, снисходительность, послушание; а вы поступаете напротив: вы непокорны и жестоки. Но откуда им пришло на мысль прибегнуть к Богу? Христос показал, что они недостойны Авраама. Вот, чтобы избежать этого, они и прибегли к большему. Так как Он укорил их в убийстве, то они этим говорят, как бы в некоторое оправдание себе, что они мстят за Бога. Но (Христос) показывает, что и это самое служит признаком противников Божиих. Выражение: *изыдох* означает, что Он от Бога. Говорит – *изыдох,* указывая на Свое пришествие к нам. А так как можно было ожидать, что они скажут: Ты говоришь что-то странное и новое, – то Он и прибавляет, что пришел от Бога. Поэтому, говорит, естественно, что вы не слушаете Моих слов, так как вы от диавола. В самом деле, за что вы хотите убить Меня? В чем можете обвинить Меня? Если же ни в чем, то почему не веруете Мне? Доказав таким образом, из их лживости и склонности к убийству, что они происходят от диавола, Он вместе показал и то, что они чужды Аврааму и Богу, так как, с одной стороны, ненавидят человека, который не сделал ничего худого, а с другой – не слушают слова Его. Так Он всюду показыва-

ет, что Он не противник Божий и что они не по этой причине не веровали в Него, но потому, что были чужды Богу. В самом деле, если не веруют Тому, Кто греха не сотворил, Кто говорит, что Он пришел от Бога и от Него послан, Кто изрекает истину, и так изрекает истину, что вызывает всех опровергнуть, то очевидно, что неверующие не веруют в Него потому, что они люди плотские. Он знал, верно знал, что грехи уничтожают душу. Потому-то сказано: *понеже немощни бысте слухи ваши* (Евр. V, 11). Подлинно, кто не может презреть вещей земных, тот может ли когда-нибудь любомудрствовать о небесном?

4. Потому, умоляю, будем всячески стараться исправить нашу жизнь, очистить нашу душу, чтобы ничто нечистое не служило для нас препятствием. Засветите в себе свет знания, и не бросайте семян в терние. Кто не знает, что любостяжание порок, как узнает что-нибудь большее? Кто не отвращается от этого (земного), тот как возжелает того (небесного)? Хорошо восхищать, но только не гибнущие вещи, а царство небесное: *нуждницы,* сказано, *восхищают е* (Мф. XI, 12); следовательно, не леностью можно достигнуть его, но старанием. Что же значит: *нуждницы?* Потребно большое усилие, потому что путь тесен, нужна душа юношеская и бодрая. Восхищающие хотят всех предварить, не смотрят ни на что, ни на порицание, ни на осуждение, ни на наказание; думают лишь об одном, как бы овладеть тем, что хотят восхитить, и предупреждают всех находящихся впереди. Станем же мы восхищать царство небесное. Это восхищение не грешно, а похвально; грех здесь — не восхищать. Здесь наше богатство не причиняет ущерба другим. Постараемся же восхитить и, если нас удручает гнев, если тревожат вожделения, то победим природу, соделаемся кроткими, потрудимся немного, что-

бы навсегда успокоиться. Не похищай золота, но похищай богатство, при котором золото представляется грязью. Скажи мне: если бы перед тобою лежали свинец и золото, — что бы ты похитил?

Не очевидно ли, что золото? Итак, в том случае, когда похищающего наказывают, ты предпочитаешь вещь лучшую: уже ли же тогда, когда похищающий заслуживает честь, ты не отдашь предпочтения лучшему? Ведь не избрал ли бы ты (из двух вещей) предпочтительно эту (лучшую), если бы за похищение той и другой было наказание? Но здесь нет ничего такого, а напротив здесь блаженство. Как же можно, спросишь, похитить (царство небесное)? Брось то, что у тебя в руках. Пока будешь держать это, — не можешь похитить того. Представь мне человека, у которого руки наполнены серебром: в состоянии ли он будет похитить золото, пока держит серебро, а не бросит его и не сделается свободным? Похищающий не должен быть ничем связан, чтобы не быть задержанным. Ведь и ныне есть враждебные силы, которые нападают на нас и стараются отнять у нас (царство небесное). Будем же убегать от них, будем убегать, не оставляя за собою ничего, за что бы они могли ухватиться. Пресечем нити, обнажим себя от предметов житейских. Какая вам нужда в шелковых одеждах? Доколе будем укутываться в эти смешные одеяния? Доколе будем зарывать в землю золото? Я желал бы перестать всякий раз говорить об этом; но вы не позволяете, подавая всегда к тому повод и побуждение. Теперь, по крайней мере, оставим это, чтобы, и других научив своею жизнью, получить обетованные блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LV

Отвещаша убо Иудее и реша ему: не добре ли мы глаголем, яко самарянин еси Ты и беса имаши? Отвеща Иисус: Аз беса не имам, но чту Отца (Ин. VIII, 48, 49)

1. Злоба бесстыдна и дерзка. Когда бы надобно было устыдиться, тогда она еще более ожесточается. Так было и с иудеями. Им надлежало бы прийти в умиление от слов и подивиться дерзновению и последовательности Его беседы; а они, напротив, поносят Его, называют самарянином, утверждают, что Он имеет беса, и говорят: *не добре ли мы глаголем, яко самарянин еси и беса имаши?* Когда Он говорил нечто высокое, тогда этим людям, крайне бесчувственным, казалось это безумием. И хотя Евангелист выше нигде не заметил, что они называли Его самарянином, но из приведенных слов можно заключать, что они часто это говорили. Говорят: *беса имаши.* Но кто имеет беса? Тот ли, кто чтит Бога, или – кто оскорбляет чтущего? Что же Христос, – эта кротость, эта снисходительность? *Аз беса не имам, но чту Отца, пославшаго Мя.* Когда надлежало научить их, смирить великую их надменность и наставить не гордиться Авраамом, тогда Он был строг; а когда Ему самому надобно было перенести от них поношение, тогда Он выказывает великую кротость.

Когда они говорили: мы имеем отцом Бога и Авраама, тогда Он сильно поразил их; а когда Его самого называли имеющим беса, тогда отвечает кротко, научая нас отомщать за то, чем оскорбляется Бог, и не обращать внимания на оскорбления, наносимые нам. *Аз не ищу славы Моея* (Ин. VIII, 50). Это, говорит, сказал Я с тем, чтобы показать, что вам, как человекоубийцам, не прилично называть Бога отцом; значит, Я ска-

зал это ради чести Его и за Него Я слышу это, за Него вы бесчестите Меня. Но Я нисколько не обращаю внимания на это оскорбление. Вы дадите ответ в своих словах Тому, за Кого Я слышу это ныне. *Аз не ищу славы Моея.* По этой-то причине, вместо того, чтобы наказывать вас, Я обращаюсь к убеждению и советую вам делать то, посредством чего вы не только избежите наказания, но и получите вечную жизнь. *Аминь, аминь глаголю вам: аще кто слово Мое соблюдет смерти не имать видети во веки* (Ин. VIII, 51). Здесь Он говорит не об одной только вере, но и о чистой жизни. Выше Он сказал: *имать живот вечный* (Ин. V, 24); а здесь говорит: *смерти не имать видети,* указывая вместе и на то, что они ничего не могут Ему сделать. Если не умрет тот, кто соблюдает слово Его, то тем более сам Он. Это поняли и они, и потому говорят: *ныне разумехом, яко беса имаши: Авраам умре и пророцы умроша* (VIII, 52), — то есть умерли те, которые слушали слово Божие: так ужели не умрут слушавшие Твое слово? *Еда ты болий еси отца нашего Авраама* (ст. 53)? Какое тщеславие! Опять обращаются к родству с ним. Им следовало бы сказать: ужели ты больше Бога? Или: ужели слышавшие Тебя больше Авраама? Но они не говорят этого, потому что почитали Его меньшим даже Авраама. Христос же прежде доказал, что они человекоубийцы, и тем отстранил их от родства с Авраамом. Но так как они оставались при своих мыслях, то вот Он снова идет к тому же другим путем, показывая, что они напрасно трудятся. Впрочем, о смерти Он нисколько с ними не беседовал, и даже не открыл и не сказал, какую разумеет смерть. Теперь Он только уверяет их, что Он выше Авраама, чтобы хотя этим пристыдить их. Ведь конечно, говорит Он, если бы Я был и обыкновенным человеком, — и тогда не следовало бы убивать Меня, потому что Я не сделал ничего худого. Но

если Я притом говорю истину, и не имею никакого греха, и послан от Бога, и больше Авраама, то не безумствуете ли вы и не напрасно ли трудитесь, стараясь умертвить Меня? Что же они? *Ныне разумехом, яко беса имаши*. Но не так самарянка; она не сказала Ему: беса имеешь, – но только вот что: *еда ты болий еси отца нашего Иакова* (Ин. IV, 12)? Это – потому, что иудеи были поносители и убийцы, а она желала научиться. По этой-то причине она и выразила недоумение, и давала ответы с приличною скромностью, и называла Его Господом. И действительно, Кто обещает гораздо большие (блага), и Кто достоин веры, Того следовало не оскорблять, а, напротив, почитать; но иудеи называют Его имеющим беса. Те слова, слова самарянки, были выражением недоумения; а эти выказывают людей неверующих и развращенных. *Еда ты болий еси отца нашего Авраама?* Значит, по тем словам Своим (ст. 52), Он был больше Авраама. И когда вы увидите Его вознесенным, тогда признаете, что Он действительно больше. Поэтому Он говорил: *егда вознесете* Меня, *тогда уразумеете, яко Аз есмъ* (Ин. VIII, 28). И смотри, какая мудрость: сперва отстранил их от родства (с Авраамом); затем показывает, что Он больше его, а через это дает уже заметить, что Он несравненно больше и пророков. А они всегда называли Его пророком; поэтому Он и говорил: *слово Мое не вмещается в вы* (Ин. VIII, 37). Там Он говорил, что воскрешает мертвых (Ин. V, 21), а здесь, что верующий в Него не узрит смерти, – это же гораздо важнее, чем не допустить навсегда остаться во власти смерти. От того-то они еще более вознегодовали. Что же они? *Кого Себе сам Ты твориши* (ст. 53)? И эти слова также укоризненны. Ты, говорят, сам Себя возвеличиваешь. Но Христос на это отвечает: *аще Аз славлюся сам, слава Моя ничесоже есть* (ст. 54).

2. Что говорят тут еретики? Слышал (говорят) Христос: *еда болий еси отца нашего Авраама,* – но не смел сказать им: так точно, а сделал это прикровенно. Что же? В самом деле слава Его ничего не значит? Для них (иудеев) – ничего. Поэтому, как Он говорил: *свидетельство Мое несть истинно,* применяясь к их мнению (Ин. V, 31), так и здесь говорит: *есть славяй мя* (ст. 54). Но почему Он не сказал: Отец, пославший Меня, как говорил прежде, но: *егоже вы глаголете, яко Бог ваш есть, и не познаете Его* (ст. 54, 55)? Он хотел показать, что они не знают Его не только как Отца, но и как Бога. *Аз же вемь Его* (ст. 55). Следовательно, когда говорю: *Аз вем Его,* – это не хвастовство; а если бы сказал: не знаю Его, – это была бы ложь. Но вы, когда говорите, что знаете Его, говорите ложь. Таким образом, как вы лжете, говоря, что знаете Его, так и Я (солгал бы), если б сказал, что не знаю Его. *Аще Аз славлюся сам.* Так как они говорили: *кого Себе сам Ты твориши,* то Он и отвечает: если Я сам Себя творю, *слава Моя ничесоже есть.* Итак, Я знаю Его совершенно, а вы не знаете Его. Впрочем, как в отношении к Аврааму Он не все отнял у них, но сказал: *вемь, яко семя Авраамле есте* (Ин. VIII, 37), чтобы через это подвергнуть их большему осуждению, так и здесь не все отнял у них, но что? *Егоже вы глаголете.* Дозволив им хвалиться этим на словах, Он сделал вину их более тяжкою. Каким же образом вы Его не знаете? Вы поносите Того, Кто все и говорит и делает для Него, чтобы прославить Его, и Кто послан от Него. Но это (скажут) остается без свидетельства. Напротив, дальнейшие слова служат тому доказательством. *И слово Его соблюдаю* (ст. 55). При этом они, конечно, могли бы обличить Его, если бы только имели что-нибудь, потому что это служило самым сильным доказательством тому, что Он послан от Бога. *Авраам, отец ваш, рад бы был, дабы видал день Мой: и виде, и возрадовася* (ст. 56). Опять показывает,

что они чужды Аврааму, так как чему он радовался, о том они скорбят. А под днем, мне кажется, Он разумеет здесь день креста, который (Авраам) прообразовал принесением овна и Исаака. Что же они? *Четыредесять лет** *не у имаши, и Авраама ли еси видел* (ст. 57)? Христос говорит им: *прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь.* А они *взяша камение, да вергут нань* (ст. 58). Видишь ли, как Он доказал, что Он больше Авраама? Кто рад был видеть день Его и почитал это для себя вожделенным, тот, очевидно, признавал это для себя благодеянием и был меньше Его. А так как они говорили, что Он сын тектона, и ничего большего о Нем не представляли, то Он мало-помалу возводит их к высокому о Себе понятию. Итак, когда они услышали, что не знают Бога, тогда не огорчились; а когда услышали: *прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь,* тогда — как будто унижалось их благородство — они вознегодовали и стали бросать камни. *Виде день Мой, и возрадовася.* Этим показывает, что не по неволе идет на страдание, потому что хвалит того, кто радовался о кресте, так как крест был спасением вселенной. А они бросали камни: так-то они склонны были к убийству и делали это самовольно, без всякого исследования.

Почему же Он не сказал: *прежде даже Авраам не бысть,* Я был, но — *Аз семь?* Как Отец Его употребил о Себе это слово: *есмь,* так и Он. Оно означает присносущность бытия, независимо ни от какого времени. Поэтому слова Его и показались им богохульными. И если они не потерпели сравнения с Авраамом, хотя это и не так важно, то могли ли перестать бросать в Него (камни), когда Он стал часто сравнивать Себя с Богом? Поэтому Он, действуя по-человечески, снова убегает и скрывается. Предложив им достаточное на-

* В славянском переводе Библии: «пятидесят».

ставление и исполнив Свой долг, Он вышел из церкви и пошел исцелять слепого, чтобы самыми делами показать, что Он прежде Авраама. Но, может быть, кто-нибудь спросит: почему Он не уничтожил их силу? В этом случае они, может быть, уверовали бы. Он исцелил расслабленного, – и они не уверовали. Он совершил множество и других чудес, и во время самого страдания поверг их ниц на землю, и омрачил очи их, – и они не уверовали. Возможно ли же, чтобы они уверовали, если бы Он уничтожил их силу? Так, нет ничего хуже души ожесточенной; хотя бы она видела знамения, хотя бы чудеса, – она все остается в том же бесстыдстве. Вот и фараон, несмотря на множество казней, вразумлялся только тогда, когда терпел наказание, и до последнего дня остался все таким же гонителем тех, которых отпустил. Поэтому-то Павел неоднократно говорит: *да не ожесточится некто от вас лестию греховною* (Евр. III, 13). Как силы телесные со временем мертвеют и теряют всякую чувствительность, так и душа, одержимая многими страстями, становится мертвою для добродетели. Тогда, чтобы ты ни представлял ей, она ничего не чувствует; хотя бы угрожал наказанием или чем другим, она остается бесчувственною.

3. Потому-то умоляю вас, пока еще имеем надежду спасения, пока можем обратиться, будем всячески о том заботиться. Как отчаявшиеся кормчие, предав судно на волю ветра, сами нисколько не помогают ему, так точно поступают, наконец, и те, которые потеряли всякую надежду. Завистливый только то имеет в виду, как бы удовлетворить своему желанию; и хотя бы пришлось ему подвергнуться наказанию, или смерти, – он остается преданным одной своей страсти. Человек распутный и любостяжательный поступает так же. Если же так велика сила страстей, то гораздо более сила добродете-

ли. Если мы презираем смерть для первых, то тем более для последней. Если те пренебрегают своею душою, то тем более мы должны пренебрегать всем для своего спасения. В самом деле, какое будет для нас оправдание, когда погибающие так много заботятся о своей погибели, а мы не выкажем и такого старания о своем спасении, но всегда будем истаивать от зависти? А ведь нет ничего хуже зависти. Чтобы погубить другого, (завистливый) губит и себя самого. Глаз завистливого снедается печалью. Завистливый живет в непрерывной смерти, всех считает своими врагами, даже и тех, которые ничем его не обидели. Он скорбит о том, что воздается честь Богу; радуется тому, чему радуется диавол. Приобрел ли кто почтение у людей? Это не честь; не завидуй. Почтен ли кто у Бога? Поревнуй ему и будь подобен. Но ты не хочешь? Зачем же еще и губишь себя? Зачем бросаешь и то, что имеешь? Ты не можешь сравняться с ним и сделать что-нибудь доброе? Для чего же еще предпринимаешь и худое? Если ты не можешь разделять с ним труды его, ты должен, по крайней мере, радоваться вместе с ним, чтобы получить пользу от этого сорадования. Ведь часто достаточно бывает и одного намерения, чтобы получить великое добро. Вот, Иезекииль говорит, что моавитяне за то были наказаны, что радовались (несчастью) израильтян (Иез. XXXV, 12); а были и такие, которые спаслись потому, что воздыхали о бедствиях других. Если же есть некоторое утешение для тех, которые воздыхают о чужих бедствиях, то гораздо более (утешения) для тех, которые радуются почестям других. Бог обвинил моавитян за то, что они радовались (несчастиям) израильтян. И хотя сам же Он наказывал их, однако ж Он не хочет, чтобы мы радовались наказанию других даже и тогда, когда Он сам наказывает — потому что и Сам неохотно наказывает. Если же должно соболезно-

вать о наказываемых, то тем более не должно завидовать тем, кому воздается честь. Через это именно погибли Корей и Дафан; кому они завидовали, тех сделали более славными, а на себя навлекли наказание. Зависть есть зверь ядовитый, зверь нечистый, зло произволения, не заслуживающее прощения, порок, которому нет оправдания, причина и матерь всех зол. Итак, уничтожим ее с корнем, чтобы избавиться и от настоящих бед и сподобиться будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LVI

И мимоидый Иисус виде человека слепа от рождества. И вопросиша Его ученицы Его, глаголюще: равви, кто согреши, сей ли, или родителя его, яко слеп родися (Ин. IX, 1, 2)?

1. *И мимоидый виде человека слепа от рождества.* Будучи весьма человеколюбив и заботясь о нашем спасении, а притом желая заградить уста нечестивым, Господь не опускает ничего, что только Ему подобало, хотя бы никто Ему не внимал. Это знал и пророк, и потому говорил: *яко да оправдишися во словесех твоих, и победиши, внегда судити ти* (Пс. L, 6). Поэтому-то и теперь, когда не приняли Его высокого учения, и даже назвали Его беснующимся и покушались убить, — Он, выйдя из храма, исцеляет слепого. Таким образом, Своим отсутствием Он укрощает их ярость, а совершением чуда смягчает их жестокосердие и упорство, и удостоверяет в словах Своих. И совершает Он чудо необыкновенное, но такое, которое теперь только в первый раз последовало: *от века бо несть слышано, яко кто отверзе очи слепу рож-*

дену. Слепому, быть может, кто-нибудь и отверзал очи, но слепорожденному – еще никто. А что Спаситель, выйдя из храма, пошел нарочно для этого дела, – видно из того, что сам Он увидел слепого, а не слепой подошел к Нему, – и так пристально посмотрел на него, что обратил внимание и учеников. Вот это и подало им повод к вопросу; видя, как Он пристально смотрит, они спросили Его, говоря: *кто согреши, сей ли, или родителя его?* Странный вопрос! Как он мог согрешить до рождения? Или как мог быть наказан за грехи родителей? Каким же образом они пришли к такому вопросу? Прежде того, исцелив расслабленного, (Христос) сказал: *се здрав еси, ктому не согрешай* (Ин. V, 14). Итак, вспомнив, что тот расслаблен был за грехи, они говорят: пусть тот расслаблен был за грехи: но что Ты скажешь об этом? Он ли согрешил? Но этого нельзя сказать, потому что он слеп от рождения. Или родители его? Но нельзя и этого, потому что сын не наказывается за отца. Таким образом, как мы, когда видим страдающее дитя, и говорим: что сказать об нем, что сделало это дитя? – этим не спрашиваем, а выражаем недоумение, так точно и ученики, когда говорили это, не столько спрашивали, сколько недоумевали. Что же Христос? *Ни сей согреши, ни родителя его.* Этим, впрочем, Он не освобождает их от грехов; не просто сказал: *ни сей согреши, ни родителя его,* но присовокупил: *яко слеп родися.* Но да прославится Сын Божий. Согрешил и он, и родители его; но не в этом причина слепоты.

Не означает также (Христос) этими словами и того, что не этот, а другие подвергались слепоте по этой причине, то есть за грехи родителей, потому что за грехи одного нельзя наказывать другого. Если же допустим это, то должны будем допустить и то, что (слепорожденный) согрешил до рождения. Значит, как словами: ни *сей согреши* не то утверждает, что можно от

рождения согрешить и быть за то наказанным, так равно, сказавши: *ни родителя его,* выражает не ту мысль, что можно быть наказанным за родителей. Такое мнение (Господь) опровергает через Иезекииля: *живу Аз, глаголет Господь, аще, будет еще глаголема притча сия: отцы ядоша терпкое, а зубом чад их оскомины быша* (Иез. XVIII, 3). Да и Моисей говорит: *да не умрут отцы за сына* (Втор. XXIV, 16). И об одном царе повествуется, что он потому не сделал этого (не убил детей убийц), что соблюдал закон Моисеев (4 Цар. XIV, 6). Если же кто скажет: как же написано: *отдаяй грехи отец на чада до третияго и четвертаго рода* (Исх. XX, 5)? — то мы ответим на это, что это не всеобщее определение, а сказано применительно к исшедшим из Египта. Слова эти значат вот что: так как исшедшие из Египта, несмотря на знамения и чудеса, сделались хуже своих предков, которые ничего этого не видели, то их постигнет то же самое, что постигло их предков, потому что они дерзнули на такие же преступления. А что это именно о них сказано, в том вполне уверится всякий, кто вникнет в это место. Итак, почему (слепорожденный) родился слепым? Да явится, говорит, слава Божия. Вот опять новое недоумение: как будто, без его наказания, нельзя было явиться славе Божией! Но совсем не то и сказано, чтобы нельзя было; конечно, было можно; но да явится (слава Божия) и на нем. Итак, скажешь, он обижен был ради славы Божией? Чем же обижен, скажи мне? Что, если бы Господу было угодно, чтобы он и совсем не родился? Я, с своей стороны, утверждаю, что он получил даже благодеяние от своей слепоты, потому что прозрел внутренними очами. Что пользы в зрении иудеям? Они подверглись только большему наказанию оттого, что остались слепыми при своем зрении. А ему какой вред от слепоты? Через нее он прозрел. Таким-то образом, как зло настоящей жиз-

ни не есть зло, так и добро не есть добро. Только грех есть зло, а слепота не зло. И Кто привел (слепца) из небытия в бытие, Тот имел власть и оставить его в таком положении. А некоторые говорят, что эта частица (да, чтобы) и указывает здесь не на причину, а на последствие, – точно также, как и в другом месте, где говорится: *на суд Аз в мир сей приидох, да невидящии видят, и видящии слепи будут* (Ин. IX, 39). Не для того, конечно, пришел Христос, чтобы видящие слепы были. Равным образом Павел говорит: *разумное Божие яве есть в них, во еже быти им безответным* (Рим. I, 1), – хотя Господь не для того явил им это, чтобы они лишены были оправдания, а для того, чтобы получили оправдание. И опять в другом месте: *закон же привниде, да умножится прегрешение* (Рим. V, 20), – хотя закон прившел не для этого, а для обуздания греха.

2. Видишь ли, что эта частица везде указывает на последствие? Как отличный домостроитель, построивши одну часть дома, другую оставляет недоконченною для того, чтобы остальными постройками защитить себя перед неверующими в устройстве всего дома, так и Бог укрепляет и исправляет тело наше, как бы некоторую обветшавшую храмину, – исцеляет иссохшую руку, укрепляет расслабленные члены, выпрямляет хромых, очищает прокаженных, воздвигает больных, восстановляет расслабленных голенями, воскрешает мертвых, отверзает смежившиеся очи, дает зрение тем, которые никогда его не имели. Исправляя, таким образом, все эти недостатки нашей немощной природы, Он являет Свое могущество. Когда же (Христос) говорит: да явится слава Божия, говорит о Себе, – не об Отце, потому что слава Отца была явна. Так как знали, что Бог создал человека, взяв персть от земли, то и Христос поступил таким же образом. Если бы сказал Он: Я – Тот, Кто взял персть от земли и создал

человека, то это показалось бы невыносимым для слушателей; а когда Он показал это на деле, — они уже не могли оскорбляться. Вот почему, взяв персть и растворив ее слюной, Он таким образом обнаружил сокровенную Свою славу. Не малая слава в том, чтобы Его признали за Содетеля твари. А из того действительно следовало заключать и о прочем: часть служила ручательством за целое; несомненность большего удостоверяла и в меньшем. Ведь человек превосходнее всей твари, а глаз превосходнее всех наших членов. Вот почему Христос создал зрение не просто, а вышесказанным образом. Глаз хотя по величине и малый член, но необходимее всего тела. На это указывает и Павел, когда говорит: *аще речет ухо, яко несмь око, несмь от тела: еда сего ради несть от тела* (1 Кор. XII, 16)? Хотя все в нас служит доказательством премудрости Божией, но глаз — по преимуществу. Он управляет всем телом; он всему телу придает красоту, он украшает лицо, он служит светильником для всех членов. Что солнце во вселенной, то глаз в теле. Погаси свет в солнце, — и все погибнет и придет в смятение; погаси свет в глазах, — бесполезны будут и ноги, и руки, и душа. Без глаз становится невозможным познание. Посредством их мы познали Бога: *невидимая бо его от создания мира, твореньми помышляема, видима суть* (Рим. I, 20). Таким образом, глаз служит светильником не только для тела, но еще больше, чем для тела, для души. Потому-то он и помещен как бы на некотором царском месте — вверху, и председательствует над другими чувствами. Вот его-то и устрояет Христос. Потом, чтобы ты не подумал, что Он имеет нужду в веществе, когда творит, и чтобы знал, что и в начале Он не имел нужды в брении (Кто произвел из ничего высшие существа, Тот тем более мог сотворить глаз без вещества), — дабы, говорю, ты знал, что Он делает это не по нужде, а для того,

чтобы показать, что Он же был Творцом и в начале, — помазавши брением, говорит: *иди, умыйся.* Познай, что Я не имею нужды в брении, чтобы сотворить глаза, но да явится на нем (слепом) слава Моя. А что Он о Себе самом сказал эти слова: да явится слава Божия, видно из того, что затем прибавил: *Мне подобает делати дела пославшаго Мя.* То есть: Мне должно явить Себя и совершить дела, которые могли бы показать, что Я делаю тоже, что и Отец, — не подобное только, но то же самое. А это служит знаком большого равенства и говорится только о тех, из которых один нисколько не отличен от другого. Кто же будет еще противоречить, видя, что Он может тоже, что и Отец? Он не только образовал глаза, не только отверз их, но и даровал зрение; а это служит доказательством, что Он вдохнул и душу, потому что без действия души и самый совершенный глаз никогда не может ничего видеть. Итак, Он даровал и силу души, Он дал и члены со всеми принадлежностями — с артериями, нервами и жилами, с кровью и со всем прочим, из чего слагается наше тело. *Мне подобает делати, дондеже день есть* (Ин. IX, 4). Что значат эти слова? И какую они имеют связь? Очень тесную. Вот значение этих слов: *дондеже день есть,* — доколе можно людям веровать в Меня, доколе продолжается эта жизнь, — *Мне подобает делати. Приидет нощь,* то есть будущее время, *егда никтоже может делати.* Не сказал: когда Я не могу делать, но: *когда никтоже может делати,* то есть когда не будет уже ни веры, ни трудов, ни покаяния. А что делом Он называют веру, видно из того, что когда Ему говорили: *что сотворим, да делаем дела Божия,* — Он отвечает: *се есть дело Божие, да веруете в того, егоже посла он* (Ин. VI, 28–29). Но почему же этого дела не может никто делать в то время? Потому, что не будет уже и веры, но, волею или неволею, все будут повиноваться. Итак, — чтобы кто-нибудь не ска-

зал, что Он делает это по тщеславию, — Он показывает, что делает все для пользы людей, так как они только здесь имеют возможность веровать, а там уже не могут сделать для себя ничего полезного. Поэтому-то Он исцелил слепого, несмотря на то, что тот даже не подходил к Нему. Впрочем, что слепой достоин был исцеления и, если бы имел зрение, то уверовал бы и приступил бы ко Христу, даже если бы услышал от кого о Его присутствии, и тогда не преминул бы сделать этого, — видно из последующего, из его мужества и веры. Ему естественно было подумать и сказать: что это такое? Сотворил брение, помазал мне глаза и сказал: *иди, умыйся*. Разве не мог исцелить, и потом уже послать в Силоам? Я часто умывался там вместе со многими другими, и не получил никакой пользы. Если бы имел Он какую-либо силу, то исцелил бы теперь же. Так говорил и Нееман об Елисее. Получив приказание идти омыться в Иордане, он не поверил, — несмотря на великую славу Елисея. Но слепой был чужд неверия, не возражал и не рассуждал сам с собою: что это такое? Брение ли нужно было возложить? Оно скорее может ослепить. Кто когда прозревал таким образом? Нет, Он не подумал ничего такого. Видишь ли его твердую веру и доблесть душевную? *Приидет нощъ*. Этим показывает, что и после креста будет иметь попечение о нечестивых и многих привлечет, потому что еще *день есть;* но затем уже окончательно отвергнет их. На это и указывает словами: *егда в мире есмь, свет есмь миру*. Тоже самое говорил Он и другим: *веруйте, дондеже свет имате* (Ин. XII, 86).

3. Как же Павел назвал настоящую жизнь ночью, а ту (будущую) — днем? Этим он не противоречит Христу, но говорит тоже самое, только не по словам, а по мыслям. *Нощъ*, говорит он, *прейде, а день приближися* (Рим. XIII, 12). Ночью называет настоящее время по

причине сидящих во тьме, или по сравнению с тем (будущим) днем. Христос ночью называет будущее, потому что тогда уже не будут делать грехов; а Павел ночью называет настоящую жизнь, потому что живущие во зле и неверии находятся во тьме. Таким образом, беседуя с верными, сказал: *нощь прейде, а день приближися,* так как (верные) имеют насладиться тем светом; ночью же называет прежнюю жизнь, и говорит: *отложит дела темная.* Видишь ли, что в них-то, по его словам, и заключается ночь? Потому и прибавляют: *яко во дни, благообразно да ходим,* чтобы мы могли насладиться тем светом. Если же так прекрасен этот свет, то подумай, каков будет тот. Сколько солнечный свет лучше светильничного, столько же, или еще гораздо более, будущий лучше нынешнего. Вот на это и указывал Христос, когда говорил: *солнце померкнет,* то есть от обилия того света не будет видно и солнца? И если теперь, для того, чтобы иметь светлые и с здоровым воздухом дома, мы тратим множество денег, подвергаясь тяжким трудам при постройках, то подумай, не должны ли мы пожертвовать и самыми телами, чтобы создать себе светлые обители там, где тот неизреченный свет? Здесь споры и раздоры по поводу границ и стен; там нет ничего подобного; нет ни зависти, ни клеветы; никто не станет спорить с нами из-за границ. Притом этот дом непременно нужно будет покинуть, а тот останется при нас навсегда. Этот со временем неизбежно подвергается гниению и многочисленным повреждениям; тот не стареется никогда. Этого бедный не может построить; тот можно построить и на две лепты, как вдовица. Поэтому крайне прискорбно мне, что при стольких, предстоящих нам, благах мы беспечны и нерадивы. Чтобы иметь блистательные дома здесь, о том мы всячески стараемся; а чтобы на небесах устроить себе хотя малое пристанище, о том

не заботимся, не помышляем. Скажи мне: здесь где желал бы ты иметь себе дом? В пустыне, или в одном из небольших городов? Не думаю; без сомнения – в столицах и в больших городах, где больше блеска. Но я веду тебя в такой город, которого строитель и художник – Бог. Там, умоляю устрояй и созидай себе дом, – с меньшими издержками и с меньшим трудом. Этот дом созидается руками нищих, и он есть наилучшее здание; а те, которые строятся теперь, – дело крайнего безумия. Если бы кто повел тебя в Персию с тем, чтобы посмотреть на эту страну и потом возвратиться, а между тем стал бы советовать строить там дома: не назвал ли бы ты его крайне безумным за то, что он советует тебе тратиться по пустому? Как же ты делаешь то же самое на земле, которую скоро потом покинешь? Да я, говоришь ты, оставлю все детям. Но ведь и они оставят скоро после тебя, а нередко и прежде тебя; точно также – и их потомки. Таким образом и это бывает для тебя поводом к скорби, когда ты не видишь после себя наследников. Но там нет нужды опасаться ничего подобного; там приобретение остается постоянным и для тебя, и для детей, и для внуков, если они будут подражать той же добродетели. Тем зданием заведывает сам Христос; строящему его нет нужды ни поставлять надсмотрщиков, ни заботиться, ни беспокоиться. Когда дело принимает на Себя Бог, к чему тогда заботы? Он сам все собирает и воздвигает жилище. И не это только удивительно, но и то, что Он создает его так, как нравится тебе, или даже лучше, чем как тебе нравится и как ты желаешь, потому что Он наилучший художник и весьма заботится о твоих выгодах. Хотя бы ты был нищим и пожелал создать такой дом, это не породит против тебя зависти, не возбудит клеветы, потому что не видит его никто из тех кому знакома зависть, а видят ангелы, умеющие

только радоваться твоему благополучию. Никто не станет захватывать границ твоего дома, потому что там нет ни одного соседа страждущего такою болезнью. Твоими соседями там будут святые, Петр и Павел, все пророки, мученики, сонм ангелов и архангелов. Ради всего этого раздадим наше имение нищим, чтобы наследовать те обители, которых да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LVII

Сия рек, плюну на землю, и сотвори брение от плюновения, и помаза очи брением слепому. И рече ему: иди, умыйся в купели Силоамстей (Ин. IX, 6–7)

1. Желающие получить какой-либо плод от того, что прочитывается, не должны оставлять без внимания ни одного слова. Потому-то и заповедано нам исследовать Писания, что многое, что с первого взгляда представляется простым, заключает в себе глубокий сокровенный смысл. Вот таково и настоящее место. *Сия рек,* сказано, *плюну на землю.* Что же такое: *сия?* Да явится слава Божия, и: *Мне подобает делами, дела пославшаго Мя.* Не без намерения Евангелист напомнил нам эти слова, и затем прибавил: *плюну,* но с тем, чтобы показать, что слова Он подтвердил делами. Но зачем для брения употребил не воду, а плюновение? Он хотел послать слепого в Силоам, а потому, чтобы ты ничего не приписывал источнику, но познал, что именно исшедшая из уст Его сила и образовала и отверзла очи, — Он плюнул на землю. На это самое указывает и Евангелист словами: *и сотвори брение от плюновения.* Затем, чтоб не подумали,

что исцеление произошло от земли, повелел умыться. Но для чего было не сделать этого тут же, а послал в Силоам? Для того, чтобы ты видел веру слепого и чтобы сделать безответным неверие иудеев. Естественно, что все видели его, когда он шел с глазами, помазанными брением. Такою необычайностью он не мог не привлечь на себя взоры всех, знакомых и незнакомых, и, конечно, все смотрели на него со вниманием. Так как нелегко признать, что слепой прозрел, то (Христос) наперед приготовляет дальностью пути многих свидетелей, а необычайностью зрелища — внимательных зрителей, чтобы они, хорошо заметив, не могли уже говорить: это — он, это — не он. Кроме того, посылая в Силоам, хочет и то показать, что Он не чужд закона и Ветхого Завета. А, наконец, нельзя было опасаться и того, что слава будет отнесена к Силоаму. Многие и много раз умывали в нем глаза, но не испытали ничего подобного. Нет, и тут действовала сила Христова, все соделывающая. Потому-то Евангелист присовокупляет нам и толкование. Сказавши: *в Силоам,* прибавил: *еже сказается послан,* — чтобы ты знал, что и тут исцелил его Христос, как говорит Павел: *пияху бо от духовнаго последующаго камене, камень же бе Христос* (1 Кор. X, 4). Значит, как духовным камнем был Христос, так и духовным Силоамом. А мне кажется, что и внезапное появление воды указывает нам на непостижимое таинство. На какое же именно? На нечаянное и неожиданное явление (Христово). Но обрати внимание на душу слепца, во всем послушную. Не говорил он; если брение, или плюновение может даровать зрение, то какая мне нужда в Силоаме? А если нужен Силоам, то зачем брение? Зачем помазал мне глаза? Зачем приказал умыться? Нет, не думал он ничего подобного, но заботился только о том, чтобы во всем повиноваться Повелевающему, и: не соблазнялся ничем происходившим. Если же кто спро-

сит: как он прозрел, отложивши брение? — то не услышит от нас ничего другого, кроме того, что мы не знаем, как это произошло. И что удивительного, если мы не знаем? Не знал того ни Евангелист, ни сам исцеленный. Он знал только, что произошло, а как — того не мог понять. И когда спрашивали его об этом, он говорил: *брение возложи мне на очи, и умыхся, и вижу;* а как это сделалось, он не может сказать, хотя бы тысячекратно спрашивали его. *Соседи же, и уже бяху видели его прежде, яко слеп бе, глаголаху: не сей ли есть седяй и просяй? Овии глаголаху, яко сей есть.* Необычайность события приводила их даже к неверию, несмотря на то, что сделано было так много, чтобы устранить всякое недоверие. Некоторые говорили: *не сей ли есть седяй и просяй?*

О, как велико человеколюбие Божие! До чего не снизошел Христос, когда великою благостью исцеляет нищих, и тем заграждает уста иудеям! Не славных только, и знаменитых, и облеченных властью, но и простых удостоивает одинакового попечения, потому что пришел для спасения всех. И что было с расслабленным, тоже случилось и с слепым. Ни тот не знал, кто таков исцеливши его, ни этот. Это произошло оттого, что Христос удалился, а Он всегда удалялся после исцелений, чтобы устранить от чудес всякое подозрение. Не знавшие, кто Он таков, каким в самом деле образом могли благоприятствовать Ему и помогать в устроении этих дел? Что же касается этого слепого, то он не был и из числа тех, которые ходят повсюду, но сидел при вратах храма. Но между тем, как все недоумевают об нем, что говорит он сам? *Азъ есмь.* Не устыдился прежней слепоты, не убоялся ярости народа, не отказался объявить себя, чтобы возвестить о Благодетеле. *Глаголаху ему: како ти отверзостеся очи?* Он отвечает: *человек, глаголемый Иисус* (IX, 10, 11). Что ты говоришь? Челове-

ку ли творить такие дела? Но он еще не знал об Нем ничего великого. *Человек, глаголемый Иисус, брение сотвори и помаза.*

2. Смотри, как он правдив. Не сказал, из чего сделал брение: чего не знает, о том и не говорит. Не видел он, что (Христос) плюнул на землю; а что помазал, это узнал он по ощущению и осязанию. *И рече мы: иди в купель Силоамлю, и умыйся.* Об этом ему сказало чувство слуха. Но откуда знал он Его голос? Из Его разговора с учениками. Таким образом, он все это рассказывает, опираясь на свидетельство самого дела, и однако же не может сказать о способе исцеления. Если же по отношению к чувственному и осязаемому нужна вера, то тем более по отношению к невидимому. *Реша убо ему: где той есть? Глагола: не вем* (IX, 12). Спрашивали: *где той есть,* уже замышляя против Него убийство. Но заметь: как далек Христос от желания суетной славы! Он не оставался вместе с исцеленными, потому что не хотел приобретать славы, ни увлекать народ, ни выказывать Себя. Заметь и то, как все согласно с истиною отвечает слепой. Иудеи хотели найти Христа, чтобы отвесть его к священникам; но так как не нашли Его, то ведут слепого к фарисеям для более строгого допроса. Потому-то и Евангелист замечает, что была суббота, чтобы показать злой их умысел и причину, по которой, они искали (Спасителя), то есть они полагали, что нашли возможность оклеветать чудо — мнимым нарушением закона. И это видно из того, что они, лишь только увидели слепого, ничего другого не сказали ему, а только: *како отверзе очи твои?* И заметь, как говорят. Не сказали: как ты прозрел? — но: *како отверзе очи твои?* — представляя ему случай оклеветать Его за такое дело. Но он отвечает им кратко, как людям, которые уже все слышали. Не упомянув ни об имени, ни о словах, сказанных ему: *иди, умыйся,* он прямо говорит: *брение возложи мне на очи, и*

умыхся, и вижу (IX, 15), – как будто они уже сильно оклеветали Его и сказали: смотри, что делает Иисус в субботу, – помазывает брением. Но ты обрати лучше внимание на то, как не смущается слепой. Когда его спрашивали соседи, и он отвечал, не подвергаясь никакой опасности, тогда не так много, значило сказать истину. Но удивительно то, что и теперь, находясь в большом страхе, он не отказывается, не говорит ничего, несогласного с прежними словами. Что же фарисеи, или лучше, что вместе с ними и другие? Привели его, полагая, что он откажется, но услышали противное, – то, чего не желали, – и точнее узнали все дело. Так было с ними и при всех чудесах; но это мы яснее покажем впоследствии. Что же говорили фарисеи? *Глаголаху нецыи* (не все, а более дерзкие): *несть сей от Бога человек, яко субботу не хранить. Овии глаголаху: како может человек грешен сицева знамения творити* (IX, 16)? Видишь, что они привлекаемы были чудесами? Ведь они же прежде посылали затем, чтобы привесть Его, а теперь, слушай, что говорят, – хотя и не все. Будучи начальниками, они впадали в неверие от честолюбия. Впрочем, и из начальников многие веровали в Него, только не выражали того открыто. Простой народ был пренебрегаем, так как он и не имел важного значения в их сонмище; но начальники, как люди более знаменитые, с большим трудом решались говорить откровенно. Одних удерживало властолюбие, других робость и боязнь перед толпой. Потому-то и говорил (Христос): *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще* (Ин. V, 44)? О себе эти люди говорили, что они от Бога, несмотря на то, что домогались неправедного убийства, а о том, кто исцеляет слепых, говорят, что Он не может быть от Бога, потому что не соблюдает субботы. Другие на это возражали, что грешник не может творить таких знамений. Таким образом, первые злонамеренно умалчивали

о чудном событии и выставляли на вид мнимое нарушение закона, так как не говорили: исцеляет в субботу, но: *субботу не хранит.* Но и последние, с своей стороны, отвечали слабо. Тогда как нужно было показать, что суббота не нарушается, они ссылаются только на знамения; и это естественно, потому что они еще считали Его человеком. В противном случае, они могли сказать в Его оправдание и то, что Он Господь субботы и сам установил ее. Но они не имели еще об Нем такого понятия. Впрочем, никто из них и не осмеливался прямо сказать то, что хотел; говорили нерешительно, но с сомнением, одни по недостатку смелости, другие по властолюбию. *И распря бе в них.* Эта распря началась прежде в народе, а потом уже перешла и к начальникам. *И овии глаголаху, яко благ есть; иниижe: ни, но льстит народы* (Ин. VII, 12). Видишь, что начальники неразумнее народа и разделились между собою уже после (народа)? Но и разделившись, они не выказали никакой твердости, видя настояния фарисеев. А если бы отделились совершенно, то скоро познали бы истину. Ведь и разделение может быть хорошо, почему и Христос говорил: *не приидох воврещи мир на землю, но меч* (Мф. X, 17). Бывает и согласие худо, бывает и разногласие хорошо. Так, строившие башню были согласны между собою во вред себе, и они же опять, хотя и невольно, разделились к своему благу. И сообщники Корея не на добро согласились между собою, потому были разделены к добру. Иуда также был в согласии с иудеями не на добро. Значит и разногласие может быть хорошо, и согласие худо. Потому-то (Христос) говорит: *аще око твое соблазняет тя, изми е, аще нога твоя, отсецы ю* (Мф. XVIII, 8, 9). Если же нужно отсекать член, который будучи соединен с нами, вредит нам, то не гораздо ли более должно удаляться от друзей, когда связь с ними ведет не к добру. Итак, не всегда хорошо согласие, как и не всегда худо несогласие.

3. Я говорю это для того, чтобы мы избегали людей злых и искали добрых. Если мы отсекаем сгнившие и неизлечимые члены, опасаясь, чтобы все тело не подверглось той же заразе, и делаем это не из пренебрежения к ним, а из желания предохранить прочие части тела, то тем более должно поступать так по отношению к людям, общество которых зловредно для нас. Если мы можем и их исправить, и сами не потерпеть вреда, то должны употребить на то все старание. Если же и они не исправятся, и мы получим вред, в таком случае необходимо их отвергнуть и бросить. От этого и они сами часто получают гораздо более пользы. Потому-то и Павел убеждал таким образом: *измите злаго от вас самых*, и: *да изместся от среды вас содеявый дело сие* (1 Кор. V, 13, 2). Пагубно, истинно пагубно обращение с злыми людьми. Не так скоро пристает зараза и короста губит подвергшихся этой болезни, как злые нравы людей порочных. *Тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. XV, 33). И пророк также говорит: *изыдите от среды их* и удалитесь (Иер. LI, 6). Пусть же никто не имеет порочного друга. Если мы отказываемся и от детей порочных, и не уважаем ни природы, ни ее законов, ни ее связей, то тем более должны убегать порочных друзей и знакомых. Пусть мы и не получим от них никакого вреда; но все же не в состоянии будем избежать худой молвы. Посторонние не всматриваются в нашу жизнь, но судят нас по нашему обществу. Заповедую это и женам, и девам. Сказано ведь: *промышляюще добрая* не только перед Богом, но и *пред человеки* (Рим. XII, 17). Будем же всячески стараться, чтобы не соблазнить ближнего. Хотя бы жизнь наша была самая праведная, но если она служит соблазном для других, — теряет всю цену. Но как возможно, чтобы праведная жизнь соблазняла? (Это бывает) когда сообщество с другими людьми навлекает на нее худую молву. Когда мы, надеясь на себя, обращаемся с людьми порочными,

то, если сами и не терпим вреда, соблазняем других. Говорю это и мужам, и женам, и девам, предоставляя их совести узнать в точности, сколько отсюда рождается зол. Пусть я не подозреваю ничего худого, а равно и никто другой из более совершенных; но простодушнейший брат терпит вред от твоего совершенства. А надобно обращать внимание и на его немощь. Но если и он не потерпит вреда, то потерпит язычник. А Павел заповедал быть беспреткновенными *Иудеем и Еллином и церкви Божией* (1 Кор. X, 32), Я не подозреваю ничего худого о деве, потому что люблю девство, а любовь не мыслит зла. Я крайне люблю такой образ жизни, и не могу подумать ничего дурного. Но чем мы убедим внешних? А надобно и о них иметь попечение. Будем же вести себя так, чтобы никто даже из неверных не мог найти повода справедливо упрекать нас. Как те, которые ведут жизнь праведную, прославляют Бога, так, напротив, живущие худо подают повод к хуле на Него. Но не дай Бог, чтобы между нами были такие, а да светятся дела наши так; чтобы прославлялся Отец наш, *иже на небесех*, и чтобы мы могли насладиться славою Его, которой и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LVIII

Глаголаху убо слепцу паки: ты что глаголеши о нем, яко отверзе очи твои? Он же рече, яко пророк есть. Не яша убо веры Иудее (Ин. XI, 17—18)

1. Священное Писание должно читать не просто и не как-нибудь, но со всяким тщанием, чтобы не впадать в затруднения. Вот и в настоящем случае справедливо

кто-либо может прийти в недоумение, каким образом (иудеи), сказав: *несть сей от Бога, яко субботу не хранит,* говорят слепому: *ты что глаголеши о нем, яко отверзе очи твои?* Не сказали: ты что скажешь о Нем, нарушившем субботу; но вместо обвинения указывают теперь на то, что могло служить оправданием. Что же должно сказать? Это были не те, которые говорили: *несть сей от Бога,* но отделившиеся от них и говорившие: *не может человек грешен сицева знамения творити.* Желая еще более заградить тем уста и чтобы не подать повода думать, что защищают Христа, они выводят на средину и спрашивают того, кто испытал на себе Его силу. Заметь же мудрость нищего: он отвечает разумнее всех их. И во-первых, говорит: *яко пророк есть.* Не испугался суда развращенных иудеев, которые противоречили и говорили: как Он может быть от Бога, когда не соблюдает субботы; но сказал, что Он пророк. *Не яша убо вери Иудее о нем, яко слеп бе и прозре, дондеже возгласиша родителей того* (IX, 18). Смотри, сколько употребляют способов, чтобы затмить и уничтожить чудо. Но таково свойство истины, что от того, чем люди думают подорвать ее, она становится сильнее, и просиевает через то, чем хотят затмить. Если бы этого не было, — чудо могло бы, пожалуй, остаться в подозрении у многих; теперь же они действуют так, как будто старались открыть истину; и не иначе они стали бы поступать и в том случае, если бы всячески заботились о Христе. Между тем они старались унизить Его уже тем самым, что говорили: *како отверзе очи твои,* то есть не волшебством ли каким? И при другом случае, не имея ничего возразить, они старались оклеветать способ врачевания и говорили: *сей не изгонит бесы, токмо о Веельзевуле* (Мф. XII, 24); и теперь опять, не зная, что сказать, обращаются к времени и говорят, что он нарушает субботу и что Он грешник. Но ведь Он со всею строгостью спрашивал вас, своих зави-

стников, всегда готовых порицать Его дела: *кто от вас обличает Мя о гресе* (Ин. VIII, 46)? И никто не отвечал и не сказал: Ты богохульствуешь, называя Себя безгрешным. А если бы они могли что сказать, — никак не умолчали бы. В самом деле, люди, которые бросали в Него камнями и сказали, что Он не от Бога когда услышали, что Он был прежде Авраама, люди, которые, будучи сами человекоубийцами, хвалились, что они от Бога, а о Том, Кто совершает такие знамения, — когда Он исцелил в субботу, — говорили, что Он не от Бога, потому что не хранит субботы, — эти люди, если бы имели против Него хотя тень обвинения, не преминули бы воспользоваться и тем. Если же теперь и называют Его грешником за то, что Он, по-видимому, нарушил субботу, то и это обвинение оказалось напрасным, так как сами же товарищи их признали его неосновательным и ничтожным. Встречая, таким образом, отовсюду препятствия, они обращаются к новому средству, еще боле бесстыдному и наглому. К какому же именно? *Не яша веры*, говорит (Евангелист), *яко слеп бе и прозре.* Как же обвиняли Его в том, что не соблюдает субботы? Не очевидно ли, что веровали? И как вы не верите многочисленному народу, — соседям, видевшим его? Но, как я сказал, ложь всегда изобличает сама себя тем, чем думает повредить истине, а истину обнаруживает яснее. Это же случилось и теперь. Чтобы не сказал кто-нибудь, что соседи и видевшие его не сказали ничего решительного, но говорили о подобном лице, вот они выставляют на средину родителей, и через то невольно подтверждают действительность события, — потому что родители лучше всех знали своего сына. Не будучи в состоянии устрашить слепого и видя, что он с полным дерзновением проповедует о Благодетеле, они надеялись повредить чуду через родителей. И заметь их злостный вопрос.

Что они говорят? Поставив их на средину с тем, чтобы привесть в замешательство, они с великим жаром и гневом спрашивают: *сей ли есть сын ваш* (IX, 19)? И не сказали: который был прежде слепым, но как? *Его же вы глаголете, яко слеп родися,* — как будто они злонамеренно выдумали это из приверженности к Христу. О, беззаконные и пребеззаконные! Какой отец решится солгать так о своем сыне? А они почти так говорят: которого вы выдали за слепого, и не только (выдали), но и повсюду распустили о том слух: *како убо ныне видит?* Какое безумие! Это ваша, говорят, хитрость и уловка. Таким образом, сказав: *его же вы глаголете,* и: *како убо ныне видит,* теми и другими словами стараются расположить их к тому, чтобы они отреклись.

2. Из трех предположенных вопросов: сын ли он их был ли слеп, и как прозрел, родители отвечают только на два, а на третий не отвечают. Но и это послужило к утверждению истины, что на него отвечал не кто другой, а сам исцеленный, который в этом случае и есть достоверный свидетель. И возможно ли после того допустить, чтобы родители благоприятствовали, когда они из опасения иудеев умолчали нечто и из того, что знали? Что же они говорят? *Вемы, яко сей есть сын наш и яко слеп родися. Како же ныне видит, или кто отверзе ему очи, не вемы. Сам возраст имать, сам о себе да глаголет* (IX, 20, 21). Так они отстранили себя, представив его достойным веры. Он не дитя, говорят, не малолетний, но может сам о себе свидетельствовать. *Сия рекоша родителя его, яко бояшася жидов* (IX, 22). Заметь, как и здесь Евангелист выставляет на вид их мысли и намерения. Говорю это по поводу того замечания, которое они сделали прежде, сказав: *равен ся творит Богу.* Если бы и это было мнение только иудеев, а, не учение Христово, то Евангелист прибавил бы и сказал, что таково было мнение иудейское. Итак, когда

родители отослали их к самому исцеленному, они снова позвали его — во второй раз. Тут не говорят ему прямо и бесстыдно: откажись от того, что Христос исцелил тебя, но хотят устроить это под видом благочестия. *Даждь*, говорят, *славу Богу* (IX, 24). Сказать родителям: скажите, что это не сын ваш и что он не родился слеп, — казалось крайне смешным; а сказать тоже ему самому — было бы явным бесстыдством. Потому и не говорят этого, но избирают другой путь: *даждь*, говорят, *славу Богу*, то есть сознайся, что Он ничего не сделал. *Мы вемы, яко человек сей грешен есть.* Зачем же вы не обличили Его, когда Он говорил: *кто от вас обличает Мя о гресе?* И откуда вы знаете, что Он грешен? Слепой ничего не отвечал на эти слова их: *даждь славу Богу,* и Христос, встретившись с ним, похвалил его, а не осудил; не сказал: зачем ты не воздал славы Богу? — а что? *Веруеши ли в Сына Божия?* чтобы ты знал, что это и значит воздавать славу Богу.

Если бы Он не был равночестен Отцу, то это не было бы славою; но так как, кто чтит Сына, чтит и Отца, то (Христос) по справедливости не порицает слепого. Итак, пока ожидали, что родители примут их сторону и отрекутся, ничего не говорили ему самому; но когда увидели, что с этой стороны им нечего более надеяться, то снова обращаются к нему и говорят: *человек сей грешен есть. Отвеща он и рече: аще есть, не вем; едино вем, яко слеп бех, ныне же вижу* (IX, 24–25). Не испугался ли слепой? Нимало. Как же, сказав прежде, *яко пророк есть,* теперь говорит: *аще грешен есть не вем.* Говорит не от страха и не потому, чтобы так думал, но чтобы свидетельством самого дела, а не своими словами оправдать от обвинений, и чтобы сделать это оправдание несомненным, так как благоприятное свидетельство посрамляло их. Уже после многих слов сказал он, что, если бы этот человек не был чтителем Бога, то не мог

бы творить таких знамений; и тут они так вознегодовали на него, что сказали: *во гресех ты родился еси весь, и ты ли ны учиши?* Чего же бы не сделали они и чего бы не сказали, если бы он сказал это вначале? *Аще грешен есть, не вем.* Как бы так говорил он: об этом теперь ничего не говорю, и не даю пока моего мнения; но то хорошо знаю, и готов утверждать, что, будучи грешником, Он не мог бы творить таких дел. Этим он устранил от себя всякое подозрение и свое свидетельство сделал беспристрастным, потому что не говорил, как человек расположенный, но свидетельствовался самым делом. Не успевши, таким образом, отвергнуть и уничтожить события, они снова обращаются к прежнему, разбирают способ исцеления, подобно людям, которые, отыскивая повсюду зверя, в безопасном месте лежащего, бегают то туда, то сюда. Возвращаются к прежним словам, но опять для того, чтобы через частые вопросы выказать всю их ничтожность. *Что*, говорят, *сотвори тебе? Како отверзе очи, твои* (IX, 26)? Что же слепой? Победив их и низложив, он уже говорит теперь не униженно. Пока дело требовало исследования и разбирательства, он, представляя доказательства, говорил с покорностью; а когда уловил их и одержал блистательную победу, он уже смело нападает на них. Что же он говорит? *Рекох вам уже, и не слышасте: что паки хощете слышати* (IX, 27)? Замечаешь ли смелость нищего перед книжниками и фарисеями? Так могущественна истина и так бессильна ложь! Первая, когда бывает и у простых людей, делает их славными; последняя же, хотя бы была на стороне сильных, являет их слабыми. Слова нищего значат: вы не внимаете моим словам; поэтому я не стану больше говорить, не буду отвечать на ваши частые и пустые вопросы, потому что вы спрашиваете не для того, чтобы узнать, но чтобы надругаться над моими словами. *Еда и вы учени-*

цы его хощете быти? Здесь уже включает себя самого в число учеников: выражение, *еда и вы* показывает, что он уже ученик. А вместе с тем сильно осмевает и уязвляет иудеев.

3. Действительно, он знал, что это сильно уязвляло их; а потому и сказал, желая как можно более укорить, чем выказал душу дерзновенную, возвышенную и презирающую их бешенство, – показал высокое достоинство Того, за Кого так смело говорил, и объявил, что они оскорбляли человека, который достоин удивления. Сам же он не оскорблялся но считал за честь для себя то, что ему ставили в укоризну. *Ты*, говорит, *ученик, еси того, мы же Моисеевы есмы ученицы* (IX, 28). Но это не правда. Вы не ученики ни Моисея, ни Его. Если бы вы были учениками Моисея, то были бы учениками и Его. Поэтому-то и выше Христос говорил им: *аще бысте веровали Моисеови, веровалы убо бысте и Мне: о Мне бо той писа* (Ин. V, 45), – так как они постоянно прибегали к этим словам. *Мы веми, яко Моисеови глагола Бог* (IX, 29). Кто сказал, кто сообщил вам об этом? Наши предки, скажете. Так ужели не более ваших предков заслуживает веры Тот, Кто доказывает знамениями, что Он пришел от Бога и возвещает горнее (учение)? И не сказали они: мы слышали, что Моисею глаголал Бог, но: *мы веми.* О чем вы слышали, иудеи, то утверждаете, как люди знающие; ужели же то, что сами видели, считаете менее достоверным, чем то, о чем слышали? Ведь того вы не видели, а только слышали; а это не слышали, но сами видели. Что же слепой? *О семь бо дивно есть, яко вы не весте, откуду есть* (IX, 30), и такие знамения творит. Удивительно, что Он, будучи человеком, не из числа известных между вами, не из числа знаменитых и славных, творит такие дела; из этого совершенно очевидно, что Он Бог, не имеющий нужды ни в какой человеческой помощи. *Веми*

же, яко грешники Бог не послушает (IX, 81). Так как они прежде сказали: *како может человек грешен сицева знамения творити* (IX, 16), то он теперь и обращается к их суду, припоминая им их собственные слова. Это мнение, говорит, одинаково у меня с вами; так оставайтесь же при нем. И заметь его благоразумие. Везде выставляет на вид знамение, так как они не могли отвергнуть его, и от него делает заключения. Видишь ли, что и вначале, когда говорил он: *аще грешен есть, не вем*, говорил не потому, чтобы сомневался? Нет, он совершенно знал, что не грешник; и потому-то теперь, когда настало благоприятное время, смотри, как оправдал Его. *Вемы же, яко грешники Бог не послушает, но аще, кто богочтец есть и волю Его творит* (IX, 31). Здесь не только представил Его свободным от грехов, но и показал, что Он весьма угоден Богу и исполняет все Его повеления. Так как и иудеи называли себя чтителями Бога, то Он прибавил: *и волю его творит*. Недостаточно, говорит, знать Бога, но надобно и волю Его творить. Затем превозносить событие, говоря: *от века несть слышано, яко кто отверзе очи слепу рождену* (IX, 32). Итак, если вы признаете, что грешников Бог не слушает, а Он сотворил чудо, и такое чудо, какого не совершал ни один человек, то очевидно что Он всех превзошел силою и могущество Его больше, чем человеческое. Что же иудеи? *Во гресех ты родился еси весь, и ты ли ны учиши* (IX, 34)? Пока надеялись, что он отречется, считали его достойным веры, и потому призвали раз и другой. А если не считали его достойным веры, — то зачем, мы могли бы сказать им, вы и призывали и спрашивали его в другой раз? Когда же, не смутившись ничем, он сказал истину, и когда особенно следовало почтить его, тогда осуждают. Что ж значат слова: *во гресех ты родился еси весь?* Здесь беспощадно укоряют его в самой слепоте и как бы так говорят: с первого

возраста ты во грехах, давая разуметь тем, что оттого он и родился слепым; но это несправедливо. Потому Христос, утешая его в этом, говорил: *на суд Аз в мир сей приидох, да не видящии видят, и видящии слепи будут* (IX, 39). *Во гресех ты родился еси весь, и ты ли ны учиши?* Что же сказал этот человек? Разве свое высказал он мнение? Не общее ли выставил решение, сказав: *вемы, яко грешники Бог не послушает?* Не ваши ли собственные слова привел он? *И изгнаша его вон.* Видишь ли проповедника истины, как бедность не была препятствием любомудрию? Видишь, чего не выслушал и чего не вытерпел он с самого начала, и как свидетельствовал и словом и делом?

4. Но об этом написано для того, чтобы и мы были подражателями. В самом деле, если нищий, слепой, не видевший даже Христа, и прежде чем удостоился от Него ободрения, тотчас показал такое дерзновение, что стал против целого народа, беснующегося, дышащего убийством и бешенством и желавшего с его слов осудить Христа, и не уступил, и не отказался от своих слов, но с полным дерзновением заградил им уста и предпочел лучше быть изверженным вон, чем изменить истине, то – не тем ли более мы, жившие столько времени в вере, видевшие бесчисленные чудеса, совершенные через веру, облагодетельствованные больше его, прозревшие внутренними очами, созерцавшие неизреченные таинства и призванные к столь великой чести, – не тем ли более мы должны показывать всякое дерзновение за Христа против тех, которые стараются клеветать и говорить что-либо на христиан, (не должны ли таким людям) заграждать уста, а не соглашаться с ними безрассудно?

А это мы в состоянии будем сделать тогда, когда и дерзновение будем иметь, и станем внимать Писаниям, а не слушать их как-нибудь. И кто будет постоянно

приходить сюда, тому, хотя бы он не читал дома, а внимал только тому, что здесь говорится, достаточно и одного года, чтобы приобресть великую опытность. Мы не читаем сегодня одно Писание, а завтра другое, но всегда и постоянно одно и тоже. И при всем том, есть многие до того жалкие, что, несмотря на такое чтение, не знают даже названий книг. И не стыдятся, и не трепещут, что так небрежно посещают божественное училище. Если игрок на цитре, танцор, или другой кто из принадлежащих к театру позовет город, все бегут с поспешностью, благодарят его за приглашение и тратят целую половину дня, внимая ему одному. А когда Бог беседует с нами через пророков и апостолов, мы зеваем, чешемся, скучаем. Летом нам кажется слишком знойно, и мы отправляемся на площадь; зимою опять помехою дождь и грязь, и мы сидим дома. На ристалищах, где нет кровли, защищающей от дождя, под проливным дождем и при ветре, бросающем воду в лицо, стоят многочисленные зрители, беснуясь и не обращая внимания ни на холод, ни на дождь, ни на грязь, ни на дальность пути: ничто их не удерживает дома, ничто не препятствует явиться туда. А сюда, где есть и кровля и приятная теплота, не приходят и не собираются, несмотря на то, что это нужно для блага их собственной души. Скажи мне: можно ли это снести? Потому-то, будучи опытнее всех в тех вещах, мы в необходимом знаем меньше детей. Если кто назовет тебя возницею и танцором, ты считаешь себя обиженным и всячески стараешься отклонить от себя эту укоризну; а если повлечет тебя на подобные зрелища, ты не отказываешься, и почти вполне изучаешь то самое искусство, имени которого избегаешь. Но здесь, где ты должен и знать дело и носить имя, и быть и называться христианином, ты не знаешь даже, что это за дело. Что может быть хуже такого безумия? Я хо-

тел бы постоянно говорить вам об этом; но боюсь, чтобы напрасно и без пользы не сделаться для вас ненавистным. Вижу, что безумствуют не только юноши, но и старики, за которых особенно стыжусь, когда вижу, как человек, почтенный сединою, срамит свою седину и увлекает с собою дитя. Что может быть смешнее и постыднее этого? Сын учится у отца постыдным делам!

5. Вас огорчают эти слова? Того я и хочу, чтобы неприятными речами удержать вас от постыдных дел. А есть и такие, которые гораздо более бесчувственны, которые не только не стыдятся того, что мы говорим, но сплетают еще длинные рассуждения в защиту такого рода дел. Если спросить их: кто такой Амос, или Авдий, или сколько числом пророков или апостолов, не смогут и рта раскрыть, а в защиту коней и возниц представят рассуждение лучше софистов и риторов. И после всего этого еще говорят: какой отсюда вред? Какая потеря? Потому-то я и воздыхаю, что вы не сознаете даже вреда и не чувствуете зла. Бог дал тебе определенное время жизни, чтобы ты служил Ему, а ты попусту, напрасно и без всякой пользы тратишь его, и еще спрашиваешь: какая потеря? Когда ты истратишь напрасно хоть несколько денег, называешь это потерею; а тратя целые дни своей жизни на сатанинские зрелища, полагаешь, что ничего не делаешь предосудительного? Тебе следовало бы всю жизнь проводить в молитвах и молениях, а ты тратишь свою жизнь на крики, шум, сквернословие, ссоры, безвременные увеселения и дела фокуснические, – тратишь напрасно и на свою погибель, и после всего этого спрашиваешь: какая потеря? Или не знаешь, что всего более следует беречь время? Если истратишь золото, можешь снова приобресть его; если же погубишь время, трудно воротить его, потому что не много дано его нам на насто-

ящую жизнь. Итак, если не употребим его на что должно, что скажем, явившись туда? Скажи мне: если бы ты приказал которому-нибудь из твоих сыновей выучиться какому-нибудь искусству, а он всегда оставался бы дома, или проводил время где-либо в другом месте, не отказался ли бы от него учитель? Не сказал ли бы тебе: ты заключил со мною условие и назначил срок. Но если сын твой будет находиться это время не у меня, а где-либо в другом месте, то как представлю его тебе обученным? Это же необходимо должны сказать и мы. Да и Бог скажет нам: Я дал время для того, чтобы вы научились искусству благочестия; зачем же истратили это время даром и попусту? Зачем не ходили постоянно к учителю и не внимали словам его? А что действительно благочестие есть искусство, послушай, что говорит пророк: *приидите чада, послушайте мене, страху Господню научу вас* (Пс. XXXIII, 11). И в другом месте: *блажен человек, егоже аще накажеши Господи, и от закона Твоего научиши, его* (Пс. XCIII, 12). Итак, когда напрасно истратишь время, какое будешь иметь оправдание? Зачем же, говоришь, мало дано нам времени? Какая бесчувственность и неблагодарность! За что особенно следовало бы благодарить Господа, что Он сократил твои труды и уменьшил подвиги, и приготовил тебе продолжительное и бессмертное успокоение, за то ты обвиняешь Его и тем недоволен. Но я не знаю, как перешло сюда мое слово и сделалось продолжительным? Поэтому и необходимо окончить его. И в том ведь наше несчастье, что здесь, если продолжится слово, мы все скучаем, а там начинают с половины дня и расходятся при лампадах и светильниках. Но чтобы не всегда осуждать вас, мы просим и молим: окажите эту милость и нам и себе, — оставив все прочее, посвятите себя этому (изучению благочестия). Таким образом, и мы приобретем через вас радость и веселие,

заслужим похвалу за вас и получим воздаяние. Всю же награду восприимите вы за то, что, будучи до сих пор с таким безумием преданы зрелищам, по страху Божию и вследствие наших убеждений, свергнули с себя эту болезнь, разорвали узы и прибегли к Богу. И не там только получите награду, но и здесь будете иметь чистейшее наслаждение. Такова добродетель: кроме венцов там, она и здесь уготовляет нам жизнь приятную. Будем же исполнять сказанное, чтобы достигнуть и здешних и тамошних благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIX

И изгнаша его вон. Услыша Иисус, яко изгнаша его вон, и обрет его, рече ему: ты веруеши ли в Сына Божия? Отвеща он и рече: и кто есть, Господи, да верую в него? и проч. (Ин. IX, 34 и след.)

1. Те, которые за истину и исповедание Христа подвергаются каким-либо бедствиям и терпят поношение, удостаиваются за то и особенных почестей. Как тот особенно приобретает имущество, кто тратит его ради Бога, и тот особенно любит душу свою, кто ее ненавидит, так, равным образом, тот особенно удостаивается почестей, кто подвергается оскорблениям. Так было и с слепым. Изгнали его иудеи из храма, но обрел его Владыка храма; он удален был от заразительного сонмища, и очутился у спасительного источника; был обесчещен обесчестившими Христа, и почтен Владыкою ангелов. Вот каковы награды за истину! Так и мы, если здесь раздадим имущество, обретем там дерзновение; если здесь дадим пособие страждущим, получим успокоение на небесах; если потерпим поношение ради Бога, удо-

стоимся почестей и здесь и там. Когда изгнали слепого из храма, его нашел Иисус. Евангелист показывает, что (Христос) для того и шел, чтобы встретиться с ним. И смотри, чем награждает его: первым из благ. Открывает Себя слепому, который прежде не знал Его, и включает его в число своих учеников. Но ты заметь, с какою подробностью повествует Евангелист. Когда Христос спросил: *ты веруеши ли в Сына Божия,* – (слепой) отвечает: *и кто есть?* Он еще не знал Его, хотя и получил от Него исцеление; прежде чем приступил к Благодетелю, был слеп, а после исцеления влачим был теми псами. Итак, (Христос), как некий подвигоположник, принимает его, как подвижника, много потрудившегося и увенчанного. И что говорит? *Веруеши, ли в Сына Божия?* Что это значит? После такого состязания с иудеями, после стольких слов (слепого), спрашивает: *веруеши ли?* (Спрашивает) не по неведению, но желая открыть Себя и показать, что высоко ценит его веру. Столько людей, говорит, поносили Меня, но Я не обращаю на них никакого внимания; об одном у Меня забота, чтобы веровал ты. Лучше один, творящий волю Господню, чем тысячи беззаконных. *Ты веруеши ли в Сына Божия?* Спрашивает так, давая разуметь, что Он находится здесь и слышит ответ, и уже наперед возбуждает в нем любовь к Себе. Не сказал вдруг: веруй, но предложил вопрос. Что же слепой? *И кто есть, Господи, да верую в него?* Глас души любящей и усильно ищущей! Не знает Того, кого столько защищал, – чтобы ты познал отсюда его любовь к истине. Он еще не видел Его. *Рече же ему: и видел еси его, и глаголяй с тобою той есть* (IX, 37). Не сказал: это – Я, но скромно и смиренно: *и видел еси его.* А как это еще было неясно, то и прибавил яснее: *глаголяй с тобою той есть. Он же рече: верую, Господи, и поклонися ему* тотчас. Не сказал:

Я – тот, кто испелил тебя, кто сказал тебе: иди, умойся в Силоаме; но, умолчавши обо всем этом, говорит: *веруеши ли в сына Божия?* Тем не менее слепой, в знак великого расположения, тотчас поклонился, что сделали немногие из исцеленных, как-то: прокаженные и некоторые другие. Этим он исповедал Его божественную силу: чтобы не подумали, что сказанное им только слова, он присоединил и дело. После того, как он поклонился, Христос сказал: *на суд Аз в мир сей приидох, да невидящии видят, и ведящии слепи будут* (IX, 39). Тоже говорит и Павел: *что убо речем? Яко языцы, не гонящии правду, постигоша правду, правду же, яже от веры в Иисуса. Израиль же, гоня закон правды, в закон правды не постиже* (Рим. IX, 30–31). Сказавши: *на суд Аз в мир сей приидох,* и слепого еще более утвердил в вере, и возбудил внимание в следовавших за Ним; а за Ним шли фарисеи. Выражение же: *на суд* значит: для большего наказания. Этим (Христос) показывает, что осудившие Его сами осуждены и что обвинившие Его, как грешника, сами обвинены. Здесь говорит Он о двух родах прозрения и слепоты: чувственном и духовном. На это Ему отвечают некоторые из следовавших за Ним: *еда и мы, слепи есмы* (IX, 40)? Как в другом месте говорили: *никомуже работахом николиже* (Ин. VIII, 33), и: *мы от любодеяния несмы рождени* (41). Так и здесь смотрят только на чувственное и стыдятся этой слепоты. Поэтому, показывая, что лучше бы им быть слепыми, чем иметь зрение, (Христос) говорит: *аще бысте слепи были, греха не бысте имели* (IX, 41). Так как они это несчастие считали за стыд, то Он и обратил это на их голову, сказав, что слепота облегчила бы для вас наказание. Так повсюду Он разрушает человеческие помышления и возводит к великому и чудному разумению! *Ныне же глаголете, яко видим.* Как прежде говорил: *его же вы глаголете,*

яко Бог ваш есть (Ин. VIII, 54), так и теперь: *ныне же глаголете, яко видим,* – потому что в самом деле вы не видите. Таким образом, что они считали для себя великою похвалою, то Он выставляет здесь, как повод к их наказанию, а вместе с тем утешает и слепорожденного в прежней слепоте. Потом рассуждает об их слепоте. Так как они могли сказать, что не по слепоте нашей не приходим к Тебе, но убегаем и отвращаемся Тебя, как обманщика, то против этого Он и направляет все Свое слово.

2. И не просто заметил Евангелист, что это слышали бывшие со Христом фарисеи и сказали: *еда и мы слепи есмы?* – но чтобы напомнить тебе, что это были те самые, которые прежде отстали от Него и потом бросали в Него камни. Некоторые, действительно, без твердой веры следовали за Ним, и потому легко переходили на сторону противников. Как же Он доказывает, что Он не обманщик, но Пастырь? Представляет признаки того и другого, как пастыря, так и обманщика – губителя, и через то дает им возможность открыть истину. И во-первых, показывает, кто обманщик и тать, заимствуя это название из Писания и говоря: *аминь, аминь глаголю вам: не входяй дверьми во двор овчий, но прелазяй инуде той тать есть и разбойник* (Ин. X, 1). Заметь признаки разбойника: во-первых, он входит не явным образом; во-вторых, не по Писаниям, что и значит: не дверьми. Здесь Христос указывает и на тех, которые были прежде Него, и на тех, которые явятся после Него: на антихриста и лжехристов – Иуду и Февду и других им подобных. И справедливо назвал Писание дверьми. Оно приводит нас к Богу и отверзает путь богопознания: оно производит овец, оно охраняет и не позволяет привходить волкам. Подобно какой-либо надежной двери, оно заграждает вход ерети-

кам, поставляет нас в безопасности от всего и не позволяет впасть в заблуждение. И если мы сами не откроем этой двери, то будем недоступны врагам. По ней мы распознаем всех, – как пастырей, так и не пастырей. Что значит: *во двор?* Значит – к овцам и к попечению об них. Кто не пользуется Писанием, но прелазит *инуде,* то есть не идет установленным путем, но пролагает себе иной путь, тот есть тать. Видишь и отсюда, что Он согласен с Отцом, потому что выставляет на вид Писание? Поэтому Он и иудеям говорил: *испытайте Писания* (Ин. V, 39), и Моисея приводил и называл свидетелем, равно как и всех пророков. Все, говорил Он, послушавшие пророков, *приидут ко Мне* (Ин. VI, 45), и: *аще бысте веровали Моисеови, веровали бысте убо и Мне* (V, 46). И здесь Он высказал то же самое, только иносказательно. А словами: *прелазяй инуде* Он указывал и на книжников, – потому что они учили заповедям и преданиям человеческим, а закон нарушали, в чем Он и укорял их, говоря; *никтоже от вас творит закона* (VII, 19). И хорошо сказал: *прелазяй,* а не входяй, – потому что так обыкновенно поступает вор, желающий проникнуть за ограду, и делающий все с опасностью. Видишь ли, как Он изобразил разбойника? Заметь и признаки пастыря. Какие же они? *Входяй дверьми пастырь есть овцам, сему дверник отверзает, и овцы глас его слышат, и своя овцы глашает по имени,* и когда изгонит их, *пред ними ходит* (Ин. X, 2–4). Так указал признаки и пастыря и разбойника. Посмотрим теперь, как Он приложил к ним последующее. *Сему,* говорит, *дверник отверзает.* Продолжает говорить иносказательно для большей выразительности. Если же хочешь разбирать в притче и каждое слово, то ничто не препятствует разуметь здесь под дверником Моисея, потому что ему вверены были слова Божии. *И овцы глас его слышат и своя*

овцы глашает по имени. Так как (иудеи) часто называли Его обманщиком и доказывали это своим собственным неверием, говоря: *кто от князь верова в онь* (VII, 48)? – то Он показывает, что, по причине их неверия, не Его должно называй губителем и обманщиком, но их, так как они не внимают Ему, и потому естественно исключены из числа овец. Если пастырю свойственно входить законною дверью, а Он вошел этою самою дверью, то все последовавшие за Ним могут быть овцами, а те, которые отступили от Него, не пастыря унижают, но самих себя отлучают от стада овец. А что он впоследствии Себя самого называет дверью, то этим опять не должно смущаться. Он называет Себя и пастырем и овцою, указывая на различные стороны Своего служения. Когда приводит нас ко Отцу, – называет Себя дверью; а когда выражает Свое попечение об нас, – пастырем. Чтобы ты не подумал, что дело Его только в том, чтобы приводить (к Отцу), – Он называет Себя и пастырем. *И овцы глас его слышат, и своя овцы глашает по имени, и изгонит их, и* сам *пред ними ходит* (X, 2, 4). Пастыри обыкновенно поступают иначе, – ходят сзади овец; но Он, показывая, что всех приведет к истине, поступает не так, как они. Точно также, и посылая овец, Он посылал их не в сторону от волков, но в средину волков. Это пастырство гораздо удивительнее, чем то, какое бывает у нас.

3. А мне кажется, что здесь есть указание и на слепого, потому что и его призвал и извел из среды иудеев, и он услышал и узнал Его голос. *По чуждем же не идут, яко не знают чуждаго гласа* (X, 5). Говорит здесь или о Февде и Иуде, так как все, не верившие им, как говорит (Писание), *разсыпашася* (Деян. III, 36, 37), или о лжехристах, которые будут прельщать впоследствии. А чтобы не сказали, что и Он из числа их, – отличает Себя

от них многими признаками. И первым отличием поставляет учение, основанное на Писании. Он приводил к Себе людей посредством Писания, а они привлекали не так. Вторым – послушание овец: Ему не только при жизни, но и по смерти все веровали, а тех тотчас оставили. К этому можно присовокупить и третье немаловажное (отличие). Те все делали, как тираны, и с целью возмущения; а Он так далек был от подобных намерений, что, когда даже хотели Его сделать царем, удалился, и когда спрашивали, должно ли давать кинсон кесарю, приказал давать и сам заплатил дидрахму. Кроме того, Он пришел для спасения овец, *да живот*, говорит, *имут лишше имут* (Ин. X, 10); а те лишили их и настоящей жизни. Те предали поверивших им и бежали; а Он так твердо стоял, что положил и душу Свою. Те пострадали против воли, по необходимости, не успев убежать; а Он все претерпел добровольно и по собственному желанно. *Сию притчу рече им Иисус: они же не разумеша, что бяше, яже глаголаше им* (X, 6). Для чего же Он говорил им неясно? Для того, чтобы сделать их более внимательными. Потому, достигнув Своей цели, оставляет уже неясный образ речи и говорит таким образом: *Азъ есмь дверь. Мною аще кто внидет, взыдет, и, изыдет, и пажить обрящет* (X, 9), – то есть будет пользоваться безопасностью и свободою. Под пажитью же разумеет здесь пищу и корм овец, также власть и господство, то есть: пребудет на ней и никто не изгонит его. Так и было с апостолами, которые свободно входили и исходили, как бы владели всей вселенной, и никто не мог изгнать их. *Вси, елико их прииде, татие суть и разбойницы, но не послушаша их овцы* (X, 8). Говорит здесь не о пророках, как утверждают еретики, потому что их послушали и через них уверовали все, кто только уверовал во Христа; но говорит о Февде и Иуде и других возмутителях. Притом

же слова: *не послушаша овцы* сказаны в похвалу (овцам). Но нигде не видно, что Он хвалил тех, которые не слушали пророков, а везде, напротив, сильно обличает и осуждает их. Отсюда ясно, что это выражение: *не послушаша,* относится к тем возмутителям. *Тать не приходит, разве да украдет, и убиет, и погубит* (X, 10). Так и было тогда, потому что все были умерщвлены и погибли. *Аз приидох, да живот имут и лишше имут* (X, 10). Что же, скажи мне, больше жизни? Царство небесное. Но Он еще не называет его, а употребляет известное им название жизни. *Аз есмь пастырь добрый* (X, 11). Здесь говорит уже о страданиях и показывает, что подъемлет их для спасения мира и подвергается им не по неволе. Затем снова указывает признаки пастыря и наемника. *Пастырь душу свою полагает. А наемник, иже несть пастырь, ему же не суть овцы своя, видит волка грядуща, и оставляет овцы и бегает: и волк* приходит и *расхитит их* (X, 11, 12). Здесь Он представляет Себя таким же Владыкою, как и Отец, потому что Он сам Пастырь и у него есть Свои овцы. Видишь ли, как в притчах Он говорит возвышеннее, как здесь речь прикровенна, и не подает слушателям явного повода (к нападению). Что же делает наемник? *Видит волка грядуща и оставляет овцы, и волк* приходит и *расхитит их.* Так поступили те, но Он – напротив. Даже в то время, как был схвачен, Он говорил: *оставите сих ити, да сбудется слово,* что никто из них не погиб (Ин. XVIII, 8). Но можно здесь разуметь и волка мысленного, – потому что и ему Он не попустил расхищать овец. Но это не только волк, а и лев: *супостат наш диавол,* говорит Писание, *яко лев рыкая ходит* (1 Петр. V, 8). Это змей и дракон: наступайте *на змию и скорпию* (Лк. X, 19).

4. Потому умоляю, будем всегда оставаться под руководством Пастыря. А мы останемся, когда будем слушать гласа Его, – когда будем послушны Ему, – когда

не будем следовать за чужим. Какой же глас Его? *Блажени нищии духом. Блажени чистии сердцем. Блажени милостивии* (Мф. V, 3, 7, 8). Если будем исполнять это, — останемся под руководством Пастыря, и волк не в состоянии будет проникнуть к нам; а если и войдет, то сделает это на свою погибель. Мы имеем Пастыря, который столько любит нас, что положил за нас и душу свою. Если же Он и могущ, и любит нас, то что может воспрепятствовать нам спастись? Ничто, если только мы сами не отступим от Него. А как мы можем отступить? Послушай, что говорит Он: *не можете двема господинома работати, Богу и мамоне* (Мф. VI, 24). Итак, если мы будем работать мамоне, то не будем уже оставаться под владычеством Божиим. Пристрастие к богатству хуже всякого тиранства: удовольствия не доставляет никакого, а порождает заботы, зависть, коварство, ненависть, наговоры и бесчисленные препятствия к добродетели, — беспечность, распутство, любостяжание, пьянство. А это и свободных делает рабами, и даже хуже рабов, рабами не людей, но ужаснейшей из страстей и болезней души. Такой человек решается на многое, что противно и Богу и людям, из опасения, чтобы кто не исторг его из-под этого владычества. Горькое рабство, диавольское владычество! В особенности пагубно то, что, находясь в столь несчастном положении, мы веселы духом, лобызаем свои оковы и, обитая в темнице, исполненной мрака, не желаем выйти на свет, но привязываемся к злу, и услаждаемся болезнью. Потому-то не можем и освободиться и находимся в худшем состоянии, чем те, которые работают в рудниках, потому что подвергаемся трудам и бедствиям, но не пользуемся плодами. Хуже же всего то, что, если бы кто и захотел избавить нас от этого тяжкого плена, мы не только не позволяем, но еще гневаемся и негодуем, и таким образом являемся ничем не лучше

безумных, и даже гораздо несчастнее всех их, — потому что не хотим и расстаться с своим безумием. Ужели для того явился ты на этот свет, человек? Ужели для этого родился человеком, чтобы только разрабатывать рудники и собирать золото? Не для этого создал тебя (Господь) по образу Своему, но чтобы ты угождал Ему, чтобы достиг будущих благ и ликовал с ангелами. Зачем же ты лишаешь себя такого сообщества и нисходишь до последней степени бесславия и унижения? Твой брат по рождению — разумею рождение духовное — погибает от голода, а ты изнемогаешь от пресыщения. Брат ходит с обнаженным телом, а ты и для одежд устрояешь одежды, чтобы охранить их от червей через такие покровы. А не гораздо ли лучше было бы прикрыть ими тела бедных? Тогда и одежды остались бы целыми, и ты был бы свободен от всякой заботы, и это приобрело бы тебе будущую жизнь. Если не хочешь, чтобы одежды твои съедены были молью, отдай их бедным: они умеют хорошо вытряхивать эти одежды. Притом тело Христово и почетнее и безопаснее шкапа. Оно не только сберегает одежды, не только сохраняет невредимыми, но и делает их блистательнее. Шкап часто похищают вместе с платьем, и через то подвергают тебя крайнему убытку. Но этому хранилищу не может повредить самая смерть. Тут не нужно нам ни дверей, ни запоров, ни бодрствующих слуг, ни других каких подобных предосторожностей. Оно не доступно ни для какой злонамеренности, и что сохраняется в нем, так же безопасно, как если бы было на небесах; туда не может проникнуть никакое зло. Мы никогда не перестаем говорить об этом, но вы не слушаетесь наших слов. А это оттого, что душа наша бедна, привязана к земле и пресмыкается долу. Впрочем, не подумайте, что я осуждаю всех вас в этом зле, как будто бы все вы были больны неисцельно. Если люди,

упоенные богатством, заграждают свой слух для моих слов, зато обратят на них внимание живущие в бедности. Но как, скажешь, идет это к бедным? Ведь у них нет ни золота, ни многих одежд? Но у них есть хлеб и холодная вода; есть две лепты и ноги, чтобы посетить больных; есть язык и слово, чтобы утешить несчастного; есть дом и кров, чтобы принять странника. Мы и не требуем от бедных столько-то и столько-то талантов золота, — этого (требуем) только от богатых. Если же кто беден, и придет к дверям других (бедняков), от того Господь наш не постыдится принять и лепту, и даже скажет, что принял от него больше, чем от людей, которые подали много. Как многие из предстоящих здесь желали бы жить в то время, когда Христос во плоти пребывал на земле, чтобы быть под одним с Ним кровом и разделять с Ним трапезу! Теперь вот это возможно: мы можем пригласить Его на вечерю и вечерять с Ним даже с большею пользою. Из тех, которые тогда вечеряли с Ним, многие погибли, как-то: Иуда и другие подобные. Между тем всякий, кто ныне позовет Его в дом свой и предложит трапезу и кров, удостоится великого благословения. *Приидите*, говорит Он, *благословении Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира. Взалкахся бо, и дасте ми ясти; возжадахся, и, напоисте мене; странен бех, и введосте мене; болен, и посетисте мене; в темнице бех, и приидосте ко мне* (Мф. XXV, 34). Итак, чтобы услышать эти слова, будем одевать нагого, принимать странного, питать алчущего, напоять жаждущего, посещать болящего, ходить к находящемуся в темнице. Через это мы получим дерзновение и прощение грехов и удостоимся благ, превосходящих и слово и ум, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LX

Аз есмь пастырь добрый, и знаю Моя, и знают Мя Моя Якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца и душу Мою полагаю за овцы (Ин. X, 14, 15)

1. Великое дело, возлюбленные, великое дело – предстоятельство в Церкви. Оно требует и много любомудрия, и такого мужества, что должно, как сказал Христос, полагать душу за овец, никогда не оставлять их без защиты и помощи и твердо стоять против волка. Этим пастырь отличается от наемника. Последний, не заботясь об овцах, имеет всегда в виду собственную безопасность; первый, напротив, всегда заботится о спасении овец, забывая о себе самом. Указав, таким образом, признаки пастыря, Христос выставляет на вид двух губителей: один из них – тать, убивающий и расхищающий, а другой – тот, кто ничего такого сам не делает, но зато не обращает внимания и не препятствует, когда другие это делают. В лице первого Он указывает на Февду и подобных ему, а в лице другого выставляет учителей иудейских, которые не пеклись и не заботились о вверенных им овцах. В этом и Иезекииль некогда укорял их, говоря: *оле пастыри Исраилевы! Еда пасут пастыри самих себе? Не овец ли пасут пастыри* (Иез. XXXIV, 3)? Но они поступали напротив; а это величайшая степень нечестия и причина всех прочих зол. Потому-то и говорит (пророк), что они и заблудшую (овцу) не обращали на путь, и погибшую не искали, и ту, у которой сокрушены голени, не обвязывали, и больную не врачевали, пасли самих себя, а не овец (Иез. XXXIV, 4, 8). На то же самое указывал другими словами и Павел, говоря: *вси бо своих си ищут, а не яже Христа Иисуса* (Флп. II, 21); и в другом месте: *никтоже своего си да ищет, но еже ближняго кийждо* (1 Кор. X, 24). Но Христос отличает Себя от тех и других: от первых, приходящих с

целью губить, — словами: *аз приидох, да живот имут и лишше имут* (Ин. X, 10); а от последних, попускающих волкам расхищать овец, — тем, что не только не оставил но и положил за овец душу Свою, чтобы не дать им погибнуть. В самом деле, когда положили убить Его, Он и не отступил от учения, и не предал верующих, но стоял твердо и благоволил умереть. Потому-то часто и говорил: *Аз семь пастырь добрый.* Но так как слова Его представлялись бездоказательными (ведь хотя изречение: *душу мою полагаю* и сбылось спустя немного времени, зато другое: *да живот имут и лишше имут* имело осуществиться после переселения из здешней жизни, в веке будущем), то что Он делает? Посредством одного удостоверяет в другом. Тем, что положил душу Свою (удостоверяет и в том), что дарует жизнь. Об этом говорил и Павел: *аще бо врази бывше, примирихомся Богу смертию Сына Его, множае паче примирившеся спасемся* (Рим. V, 10). Также и в другом месте: *иже убо своего Сына не пощади, но за нас всех предал есть Его: како убо не и с Ним вся нам дарствует* (Рим. VIII, 32)? Но почему не обвиняют Его теперь, как прежде, говоря: *ты о Себе сам свидетельствуеши, свидетельство Твое несть истинно* (Ин. VIII, 13)? Потому, что Он часто уже заграждал им уста и чудесами приобрел большее право свободно говорить перед ними. Далее, так как Он выше говорил: *и овцы глас его слышат и по нем идут,* то чтобы не сказал кто-нибудь: отчего же (были) неверовавшие? — послушай, что прибавил: *и знаю моя, и знают мя моя* (Ин. X, 14). На это указывал и Павел, говоря: *не отрину Бог людей своих, ихже прежде разуме* (Рим. XI, 2), и Моисей: *позна Господь сущих его* (Числ. XVI, 5; СН. 2 Тим. II, 19). Разумею тех, говорит Христос, о которых Я наперед знал. А чтобы ты не представлял меры знания одинаковою, послушай, как Он предупреждает это дальнейшими словами. *Знаю,* говорит, *моя, и знают мя моя.* Но здесь знание неоди-

наковое. Где же одинаковое? В Отце и во Мне; здесь – *якоже знает мя Отец, и аз знаю Отца* (X, 15). Если бы не это Он хотел показать, то зачем бы прибавлять те слова? Но как Он часто поставляет Себя в ряд людей, то чтобы не подумал кто, что Его знание подобно человеческому, Он прибавил: *якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца.* Также совершенно Я знаю Его, как Он Меня. Потому-то Он и говорил *никтоже знает Сына, токмо Отец, ни Отца, токмо Сын* (Мф. XI, 27), разумея некоторое особенное знание, – такое, какого никто другой не может иметь. *И душу мою полагаю.* Часто повторяет это, чтобы показать, что Он не обманщик. Так и апостол, когда хотел показать себя истинным учителем и направлял свое слово против лжеапостолов, хвалился бедами и смертями, говоря: *в ранах преболе, в смертех многащи* (2 Кор. XI, 23) Выражения: *аз есмь свет,* и: *аз есмь живот* – казались для несмысленных надменными; но слова: хочу умереть – не возбуждали ни зависти, ни ненависти. Потому и не говорят Ему: *ты о себе сам свидетельствуеши, свидетельство твое несть истинно.* Те слова показывали в Нем великое попечение, так как Он хотел предать Себя за людей, которые бросали в Него камнями.

2. Потому благовременно вводит слово и об язычниках. *И ины овцы имам,* говорит, *яже не суть от двора сего: и тыя Ми подобает привести* (X, 16). Вот опять выражение: *подобает* означает не принуждение, но указывает на действие, имеющее непременно последовать. Как бы так говорил: что удивительного, если эти пойдут за Мною и если овцы послушают гласа Моего? Когда вы увидите, что и другие следуют за Мною, и слушают Моего гласа, тогда изумитесь более. Не смущайся тем, что Он говорит: *яже не суть от двора сего.* Это различие только по отношению к закону, как и Павел говорит: *ни обрезание что может, ни необрезание* (2 Кор. VII, 19).

И тыя Ми подобает привести. Показывает, что те и другие были рассеяны и смешаны, и что те и другие не имели пастырей, до пришествия доброго Пастыря. Затем предсказывает и будущее их соединение, что они будут *едино стадо.* Это же самое опять указал и Павел, сказав: *да оба созиждет собою во единаго новаго человека* (Еф. II, 15). *Сего ради Мя Отец любит, яко Аз душу Мою полагаю, да паки приму ю* (Ин. X, 17). Что может быть уничиженнее этих слов? Господь наш пользуется любовью (Отца) ради нас, потому что умирает за нас! Что же, скажи мне, разве прежде Он не был любим, а только теперь Отец стал, любить Его, и мы были виновниками этой любви? Видишь ли как Он приспособляется к нашей немощи? Но что же Он хочет показать здесь? Так как называли Его чуждым Отцу и обманщиком, и утверждали, что Он пришел для вреда и погибели, то Он говорит, что если уже не что другое, то, по крайней мере, то побуждало Меня любить вас, что вас любит Отец, так же как и Меня, и что Он любит (Меня) потому, что Я умираю за вас. А вместе с этим хочет и то показать, что идет на смерть не по неволе (если бы по неволе, то каким образом это доставило бы Ему любовь?), и что это весьма угодно и Отцу. И не удивляйся, что Он говорит здесь, как человек. Мы уже много раз указывали причину этого, а снова повторять то же самое было бы излишне и тягостно. *Аз полагаю душу Мою, да паки приму ю. Никто же возмет ю от Мене; но Аз полагаю ю о себе. Область имам положити душу Мою, и область имам паки прияти ю* (X, 18). Так как часто замышляли убить Его, то Он говорит: без Моего соизволения, напрасен ваш труд, – и предыдущим доказывает последующее, – смертью воскресение. Это удивительно и необычайно, потому что и то и другое (смерть и воскресение) последовало особенным и необыкновенным образом.

Но будем тщательно внимать тому, что говорится. *Область имам*, говорит, *положити душу Мою.* Да кто же не имеет власти положить душу свою? Всякий, кто хочет, может умертвить себя. Но слова Его имеют не этот смысл. Какой же? Я имею такую власть положить, что, против Моей воли, никто не может отнять ее у Меня; а этого нельзя сказать о людях. Мы не иначе сами по себе можем положить душу свою, как только умертвив себя. А если впадем в руки людей, злоумышляющих и могущих убить нас, то уже не имеем власти положить и не положить, но они убивают нас и против нашей воли. А Он – не так. Он властен был не положить душу Свою даже и тогда, как другие злоумышляли. Поэтому-то, сказав: *никтоже возмет ю от Мене,* затем уже прибавил: *область имам положити душу Мою,* то есть Я один властен положить ее, а вы не имеете этой власти, потому что у вас и многие другие могут взять ее. Вначале Он этого не говорил, потому что тогда слова Его не показались бы и вероятными. Но когда Он имел уже доказательство в самых делах, когда не раз злоумышлявшие против Него не могли захватить Его (а Он много раз уходил из рук их), – тогда уже говорит: *никтоже возмет ю от Мене.* Если же это справедливо, то следует и то, что Он добровольно идет на смерть. А если и это справедливо, то несомненно и то, что Он, когда захочет, снова может воспринять душу Свою. Если смерть Его была таким делом, которое превышает силы человеческие, то не сомневайся насчет Его в остальном. То, что Он один имеет власть положить душу Свою, показывает что, по той же самой власти, Он может и снова принять ее. Видишь ли, как первым утвердил второе, и смертью неоспоримо доказал и воскресение? *Сию заповедь приях от Отца.* Какую же *сию?* Умереть за мир. Так ужели Он ожидал, чтобы прежде услышать, и после того уже решился, и ужели имел нужду узнавать о том?

Но кто здравомыслящий может сказать это? Нет, как выше словами: *сего ради Мя любит Отец* показал свое добровольное желание и уничтожил всякую мысль о противном, так и здесь, сказав, что получил заповедь от Отца, не выражает ничего другого, кроме того, что Отцу угодно то, что Я делаю, чтобы, когда умертвят Его, не думали, что умертвили, как оставленного и преданного Отцом, и не поносили так, как поносили: *иныя спасе, Себе ли не может спасти,* – и: *аще Сын еси Божий, сниди со креста* (Мф. XXVII, 40, 42). Потому-то именно Он и не сходит (со креста), что Он Сын Божий.

3. А чтобы ты, слыша, что Он принял заповедь от Отца, не подумал, что это дело чуждое Ему, Он уже наперед сказал: *пастырь добрый душу свою полагает за овцы,* показывая тем, что овцы принадлежат Ему, что все последовавшее было Его делом и что Он не имеет нужды в заповеди. И если бы имел Он нужду в заповеди, то как бы мог сказать: *полагаю о Себе?* Кто полагает сам по себе, тот не имеет нужды в заповеди. Притом Он указывает и причину, почему поступает так. Какая же это причина? Та, что Он пастырь и пастырь добрый; а добрый пастырь не имеет нужды, чтобы другой побуждал его к такому делу. Если так бывает у людей, то тем более должно ожидать этого от Бога. Потому и Павел говорит, что Он *себе умалил* (Флп. II, 7). Итак слово заповедь – означает здесь не что другое, как только единомыслие Его со Отцом. Если же здесь говорится так уничиженно и по-человечески, то причина этому – немощь слушателей. *Распря же паки бысть в Иудеех за словеса сия. Глаголаху же мнози от них: беса имать и неистов есть: что его послушаете? Инии глаголаху: сии глаголы не суть беснующагося. Еда может бес слепым очи отверзти* (Ин. X, 19–21)? Так как слова Его были выше человеческих и выходили из ряда обыкновенных, то называли Его бесноватым, отзываясь о Нем так уже в

четвертый раз. И прежде говорили: *беса ли имаши? Кто Тебе ищет убити* (Ин. VII, 20)? И опять: *не добре ли мы глаголем, яко Самарянин еси Ты и беса имаши* (VIII, 49)? Так же и здесь: *беса имать и неистов есть: что его послушаете?* Впрочем вернее, что и не четыре раза, а чаще Он слышал такой отзыв. Слова: *не добре ли мы глаголем, яко беса имаши* – служат знаком, что они не два и не три раза, но часто говорили это. *Инии*, сказано, *глаголаху: сии глаголы не суть беснующагося: еда может бес слепым очи отверзти?* Так как не могли заградить уста, ссылаясь на слова, то, наконец, заимствуют доказательство от дел. И самые слова, (говорят), очевидно, не приличны бесноватому; но если вас не уверяют слова, то убедитесь делами. Если это не дела бесноватого, и между тем они выше человеческих, то очевидно, что они – действие какой-то силы божественной. Понял ли умозаключение? Что дела были выше человеческих, видно из слов их: *беса имать*. А что Он не имел беса, то доказал Своими делами. Что же Христос? Ничего не отвечает на это. Прежде Он отвечал: *Аз беса не имам*, а теперь не отвечает. Представив уже доказательство от дел, Он теперь молчал. Да и не достойны были никакого ответа называвшие Его бесноватым за то, чему следовало удивляться и за что должно было признавать Его Богом. И нужны ли были еще с Его стороны какие-либо обличения, когда сами они восставали друг против друга и обличали одни других? Поэтому-то Он молчал и все переносил с кротостью. Впрочем не только по этой причине, но и для того, чтобы нас научить кротости и всякому долготерпению.

4. Итак, будем подражать Ему. Он не ограничился одним молчанием, но и снова выступил, и когда Его спросили, отвечал, и выказал Свое попечение. Его назвали бесноватым и неистовым люди, получившие от Него бесчисленные благодеяния, и не однажды и не

дважды, но много раз; однако же Он не только не мстил, но и не переставал им благодетельствовать. И что я говорю – благодетельствовать? За них Он и душу Свою положил, и на кресте ходатайствовал за них перед Отцом. Будем же и мы подражать этому. Ведь быть учеником Христовым и значит быть кротким и незлобивым. Но каким же образом мы можем стяжать эту кротость? Если будем постоянно размышлять о своих грехах, – если будем скорбеть и плакать. Душа, погруженная в такое сетование, не может ни раздражаться, ни гневаться. Где скорбь, там гнев невозможен; где печаль, там нет места злобе; где сокрушение духа, там не может быть негодования. Душа, терзаемая скорбию, не имеет и времени раздражаться; но горько сетует и еще горче плачет. Знаю, что многие, слыша это, смеются; но я не перестану плакать о смеющихся. Настоящее время есть время скорби, слез и рыданий. Мы много грешим и словами и делами, а таких грешников ожидают геенна и река, кипящая огненными волнами, и, что всего хуже, лишение царствия. И при таких-то угрозах, скажи мне, ты смеешься и веселишься? И в то время, как Господь твой гневается и угрожает, ты остаешься беспечным? И ты не боишься возжечь тем для себя горящую печь? Не слышишь ли, что взывает Он каждый день? Вы видели Меня алчущим и не напитали, жаждущим и не напоили. *Идите во огнь, уготованный диаволу и ангелом его* (Мф. XXV, 41, 42). Такие угрозы Он повторяет каждый день. Но я, говоришь, питал Его. Когда и сколько дней? Десять, двадцать? Но Он хочет, чтобы – не в течение этих только дней, но во все время, пока живешь на земле. Ведь и девы имели елей, но не в достаточном для их спасения количестве. И они возжгли светильники, но не были допущены в брачный чертог. И совершенно справедливо, потому что светильники их угасли до пришествия

жениха. Поэтому нам должно иметь много елея и много человеколюбия. Послушай, что говорит пророк: *помилуй мя, Боже, по велицей твоей милости* (Пс. L, 1). Так и нам должно миловать ближних по великой, возможной нам, милости. Каковы будем мы сами по отношению к подобным нам рабам, такого приготовим себе и Владыку. Когда же милость бывает великою? Когда мы даем не от избытка, но от скудости. А если мы не даем и от избытка, то какая останется нам надежда? Что избавит нас от тех зол? Куда прибегнем и где найдем спасение? Если девы после столь многих и столь великих трудов не получили ниоткуда никакого утешения, то кто будет нашим заступником, когда мы услышим те страшные слова, когда сам Судья, укоряя нас, скажет: вы не напитали Меня алчущего? *Понеже*, говорит, *не сотвористе единому сих меньших, ни мне сотвористе* (Мф. XXV, 45), разумея здесь не учеников только и избравших жизнь иноческую, но и всякого человека верующего. Хотя бы это был раб, хотя бы был из числа нищих, просящих на площади, но если он верует в Бога, имеет право пользоваться всем расположением. И если мы презрим такого человека, когда он наг или алчет, то услышим те слова. И совершенно справедливо.

Трудного ли чего и обременительного (Господь) требует от нас? Не того ли, напротив, что весьма легко и удобоисполнимо? Ведь не сказал Он: Я был болен, и вы не исцелили Меня, но: *не посетисте мене.* Не сказал: Я был в темнице, и вы не освободили Меня, но: *не приидосте ко мне.* А чем легче заповеди, тем большее наказание тем, которые не исполняют их. Что же может быть легче, скажи мне, чем пойти и зайти в темницу? Что даже приятнее? Когда ты увидишь одних в оковах, других в грязи, одних обросших волосами и одетых в рубища, других истаивающих от голода и, подобно псам, прибегающих к ногам, иных с растер-

занными ребрами, иных только теперь возвращающихся в оковах с площади, где они целый день просят подаяния, но не сбирают и необходимого пропитания, а между тем, вечером принуждены бывают отдать стражам и то, что достали этим тяжким и несносным трудом, то, хотя бы ты был камень, непременно сделаешься человеколюбивее; хотя бы вел жизнь изнеженную и распутную, непременно будешь более любомудрствовать, увидев участь людей в чужих несчастиях. Тогда непременно придет тебе на мысль и тот страшный день с его различными наказаниями. А когда будешь помнить и размышлять об этом, — непременно отвергнешь и гнев, и удовольствие, и пристрастие к житейским вещам, и соделаешь душу свою тише самой тихой пристани. Будешь любомудрствовать и о том судилище, представляя, что если у людей такое устройство и порядок, страх и угрозы, то тем более у Бога. *Несть бо власть, аще не от Бога* (Рим. XIII, 26). А Кто предоставил начальствующим распоряжаться таким образом, Тот тем более сделает это сам.

5. И если бы не было этого страха, — погибло бы все, потому что и теперь, когда угрожает нам столько наказаний, многие устремляются к злу. Рассуждая же об этом, ты не только будешь усерднее к делам милосердия, но и получишь великое удовольствие, — гораздо большее, чем те, которые приходят со зрелища. Возвращающиеся оттуда пылают огнем вожделения. Увидев на сцене тех страстных женщин и получив от того многочисленные раны, они бывают ничем не лучше волнующегося моря, потому что взгляды, одежда, слова, поступь и все прочее представляются их взорам и не дают покоя душе. Напротив, вышедшие отсюда (из темницы) не подвергнутся ничему такому, а приобретут глубокое спокойствие и безмятежность. Скорбь, произведенная зрелищем узников, потушает всякий такой огонь. Кто

вышел от узников, с тем если бы и встретилась какая-либо блудная и бесстыдная женщина, она не причинит ему никакого вреда. Сделавшись уже как бы невинным, он не будет уловлен сетями ее взоров, потому что вместо бесстыдных ее взоров будет тогда перед очами его страх суда. Потому-то испытавший все роды удовольствий и говорил: *благо ходити в дом плача, нежели, ходити в дом пира* (Еккл. VII, 3). Таким образом, и здесь выкажет великое любомудрие, и там услышит слова, стоящие бесчисленных блаженств. Не будем же пренебрегать таким делом и занятием. Пусть мы не можем принести пищи, или пособить деньгами; но можем словом утешить и ободрить унылую душу, и оказать много иной помощи, например — уговорить тех, которые ввергли (в темницу), расположить к снисхождению стражей, и всячески можем принести большую или меньшую пользу. Если скажешь, что там (содержатся) не честные, добрые и кроткие люди, но убийцы, грабители могил, воры, прелюбодеи, люди распутные и злодеи, то и в этом опять укажешь мне побуждение, почему необходимо посещать такие места. Не то нам заповедано, чтобы миловать добрых и наказывать злых, но — всем оказывать человеколюбие. Будьте, сказано, подобны Отцу вашему, *иже есть на небесех, яко солнце свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя* (Мф. V, 42). Итак не осуждай строго других, и не будь жестоким судьею, но кротким и человеколюбивым. Ведь и мы, если не виновны ни в прелюбодеянии, ни в расхищении могил, ни в воровстве, зато имеем другие согрешения, достойные многих наказаний. И брата часто называли глупцом, а это подвергает нас геенне; и на женщин смотрели невоздержными очами, а это равняется совершенному любодеянию; но что всего хуже — не участвуем достойным образом в таинствах, что делает нас повинными

телу и крови Христовой. Не будем же строгими исследователями чужих дел, но станем помышлять о своих собственных, и тогда мы не будем так бесчеловечны и жестоки. Кроме того нужно и то сказать, что там мы найдем много и добрых людей, стоящих часто целого города. И в той темнице, где был Иосиф, находилось много порочных, однако обо всех заботился этот праведник; да и сам содержался (там) вместе с другими. Он стоил всего Египта, и однако жил в темнице, и никто из бывших там не знал его. Так и теперь, быть может, там много есть честных и добрых людей, только они не всем известны, и попечение о таких людях вознаграждает тебя за заботы о всех. А если бы не было и ни одного такого, то и в этом случае будет великое воздаяние. И сам Господь твой не с праведными только беседовал: Он не убегал и нечистых, а, напротив, и хананеянку принял с великою благосклонностью, и грешную и нечистую самарянку. Принял также и уврачевал и другую блудницу, из-за которой и порицали Его иудеи, и позволил омочить ноги свои слезами грешницы, научая нас быть снисходительными к грешникам. Вот в чем состоит по преимуществу человеколюбие. Что ты говоришь? В темнице живут разбойники и грабители могил? А разве в городе, скажи мне, все живут праведники? Нет ли, напротив, многих таких, которые хуже и тех и предаются разбою с большим бесстыдством? Те, если не другим чем, прикрываются, по крайней мере, пустынею и тьмою, и делают это втайне; эти, напротив, отбросив личину, совершают зло с открытым лицом, предаваясь насилию, хищничеству и любостяжанию. Да и трудно найти человека, чистого от неправды.

6. Пусть мы не похищаем золота и столько-то и столько десятин земли; но все же, посредством какого-нибудь обмана и утайки, делаем то же самое в меньших

размерах и сколько можем. Когда, например, в торговых обязательствах и при покупке или продаже чего-либо, мы спорим и усиливаемся заплатить меньше, чем следует, и всячески стараемся об этом, – не разбой ли это? Не воровство ли и хищение? Не говори мне, что ты отнял не дом, не рабов. Несправедливость определяется не ценностью того, что похищается, но намерением похитителей. Несправедливость и справедливость имеют одинаковую силу как в большом, так и в малом. И я одинаково называю вором как того, кто, отрезав кошелек, возьмет чужие деньги, так и того, кто, покупая что-нибудь на рынке удержит часть настоящей цены. И грабитель не тот только, кто разломает стену и похитит что-либо из дома, но и тот, кто нарушит справедливость и отнимет что-либо у ближнего. Итак не будем судиями чужих дел, забывая о своих собственных; не станем заниматься исследованием пороков, когда есть случай к человеколюбию; но, помыслив о том, чем и мы были некогда, будем впредь кроткими и человеколюбивыми. Чем же мы были? Послушай, что говорит Павел. *Бехом бо иногда и мы несмысленни, и непокориви, и прельщени, работающе похотем и сластем различным, мерзцы суще и ненавидяще друг друга* (Тит. III, 3). И в другом месте: *бехом естеством чада гневи* (Евр. II, 3). Но Бог, видя нас как бы содержимых в темнице и связанных тяжкими узами, – узами, гораздо тягчайшими железных, – не устыдился, но пришел и явился в темницу, и нас, достойных бесчисленных наказаний, извел оттуда привел в царство и соделал светлейшими неба, чтобы и мы делали, по возможности, то же самое. Когда Он говорит ученикам: *аще убо Аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должни есте друг другу умывати нозе. Образ бо дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите* (Ин. XIII, 11–15), то дает этот закон не об умовении только ног, но и о всем прочем, в чем Он служил нам

примером. Живет ли в темнице убийца, — не устанем делать добро. Грабитель ли могил и прелюбодей, — будем милосерды не к пороку, но к несчастью. Нередко же, как я сказал, может найтись там и человек, который один стоит весьма многих. И если ты постоянно будешь посещать узников, то не упустишь такого приобретения. Как Авраам, принимавший всех без различия странников, принял однажды и ангелов, так и мы встретим и великих людей, если обратим это дело в постоянное занятие. Если же нужно сказать что-нибудь и удивительное, то не столько похвал заслуживает тот, кто принимает великого, сколько тот кто принимает жалкого и злосчастного. Тот в обстоятельствах своей жизни представляет немаловажное побуждение к доброму с ним обхождению; а отверженный и всеми оставленный имеет только одно убежище — милосердие того, кто с добротою призревает его. И вот это по преимуществу и есть чистое человеколюбие. Притом, кто услуживает человеку славному и знаменитому, тот часто делает это из тщеславия перед людьми; а кто — отверженному и презираемому, тот действует единственно по заповеди Божией. Потому-то, когда мы устрояем вечерю, нам заповедано принимать хромых и слепых; когда творим милостыню, заповедано творить ее меньшим и низшим из людей. *Понеже бо*, говорит Спаситель, *сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мне сотвористе.* Итак, зная о находящемся там сокровище, будем часто ходить туда и там торговать, и туда перенесем свое усердие к зрелищам. Если бы ты и ничего не мог принести с собою, — принеси утешение словом. Бог награждает не только питающего, но и ходящего туда. Когда ты приидешь и ободришь трепещущую и боязливую душу своим утешением, пособием, обещанием защиты, научением любомудрию, — не малую и за то получишь награду. Когда ты будешь вести

такую беседу в других местах, многие, изнеженные многоразличными наслаждениями станут над тобою и смеяться. Но находящиеся в несчастиях, будучи смиренны духом, будут внимать твоим словам с великою кротостью, похвалят тебя и сделаются лучшими. И над Павлом, когда он проповедовал, иудеи часто смеялись; но узники внимали ему в великом молчании. Ничто так не располагает душу к любомудрию, как бедствие, искушение и угрожающая скорбь. Итак, представив себе все это, – сколько мы сделаем добра и содержащимся в темницах, и себе самим, если будем постоянно обращаться с ними, и станем употреблять на это все время, которое проводим в безвременных и пустых занятиях на площадях. Через это мы и им доставим пользу, и себе самим радость, и, послужив к славе Божией, сподобимся вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXI

Быша же тогда обновления во Иерусалимех, и зима бе. И хождаше Иисус в церкви, в притворе Соломони. Обыдоша же Его Иудее, и глаголаху Ему: доколе души наши вземлеши (Ин. X, 22–24)?

1. Всякая добродетель хороша, но в особенности – незлобие и кротость. Она выказывает в нас людей; она отличает от зверей; она делает равными ангелам. Поэтому и Христос часто и много говорит об этой добродетели, повелевая быть кроткими и незлобивыми. И не словами только заповедует это, но учит тому и самыми делами, то терпеливо перенося заушения, то подвергаясь поношениям и наветам, и, несмотря на то, опять

обращаясь с наветниками. Вот те именно, которые называли Его имеющим беса и самарянином, которые неоднократно хотели умертвить Его и бросали в Него камни, – те самые, окружив Его, спрашивали: *аще ты еси Христос* (Ин. X, 24)? Но Он и теперь, после столь многих и великих козней, не отверг их от Себя, но отвечал с великою кротостью. Но необходимо рассмотреть всю эту беседу сначала. *Быша*, сказано, *обновления во Иерусалимех, и зима бе.* Это был великий и общенародный праздник. Иудеи с великим усердием праздновали этот день, в который восстановлен был храм по возвращении их из продолжительного персидского плена*. На этот праздник явился и Христос: теперь Он часто приходил в Иудею, так как время страдания было уже при дверях. *Обыдоша же Его Иудее, и глаголаху Ему: доколе души наши веземлеши? Аще Ты еси Христос, рцы нам не обвинуяся* (Ин. X, 24). (На это Христос) не сказал: чего вы от Меня хотите? Вы неоднократно называли Меня беснующимся, и неистовым, самарянином; вы считали Меня противником Божиим и обманщиком, и недавно еще говорили: *ты о Себе сам свидетельствуеши: свидетельство Твое несть истинно* (Ин. VIII, 13). Как же теперь спрашиваете и хотите узнать от Меня, тогда как отвергаете Мое свидетельство? Нет, ничего такого Он не сказал, хотя и знал, что намерение, с которым они спрашивали, было лукавое. Правда, окружив Его и сказав: *доколе души наши веземлеши,* – они тем, по-видимому, выразили некоторое усердие и желание знать; но, на самом деле, мысль, с какою спрашивали, была злая и коварная. Так как дел Его они не в состоянии были оклеветать и опорочить, то старались уловить Его в словах, и потому постоянно предлагали Ему вопросы, не с тем, чтобы знать, но

* У Златоуста Вавилония и Ассирия часто называются Персией.

чтобы заградить Ему уста Его собственными словами. Не будучи в состоянии ничем опорочить Его дела, старались найти какой-нибудь предлог в Его речах. Поэтому-то и говорили: *рцы нам*, хотя Он уже неоднократно говорил. Так и самарянке Он говорил: *Аз есмь, глаголяй с тобою* (Ин. IV, 26), и слепому: *и видел еси Его, и глаголяй с тобою, той есть* (Ин. IX, 37). Да и им самим Он сказал, хотя не такими, но другими словами. И если бы они имели ум и действительно желали знать, то могли бы уже и по тем словам признать Его, потому что делами Он много раз доказал это. Между тем смотри, какое у них развращение и упорство. Когда Он проповедовал и учил словами, они говорят: *кое убо Ты твориши знамение* (Ин. VI, 30)? А когда представлял доказательства в делах, тогда говорят Ему: *аще Ты еси Христос, рцы нам не обинуяся*. Таким образом, когда вопиют дела, они ищут слов; а когда учат слова, прибегают к делам, всегда настаивая на противном. А что они спрашивали не с тем, чтобы знать, это показал конец. В самом деле, на Того самого, которого считали столько достоверным, что принимали Его свидетельство даже о Себе самом, – на Того самого, едва только изрек Он несколько слов, тотчас начали бросать камни. Значит и то, что они окружили Его, и то, что настоятельно спрашивали, – делалось с лукавством. Да и самый образ вопроса являл в них великое недоброжелательство. *Рцы нам*, говорят, *не обинуяся, аще Ты еси Христос?* Хотя всегда, бывая во время праздников, Он все говорил *не обинуяся* и ничего не говорил тайно, однако же они для того обращаются к нему с льстивыми словами и говорят: *доколе души наши вземлеши*, чтобы, вызвав Его, опять найти какой-нибудь повод к обвинению. А что они всегда спрашивали Его с этою целью, – не для того, чтобы научиться, но чтобы уловить Его в словах, – это видно не отсюда только, но

и из многих других мест. Так и тогда, когда они приступили и спрашивали: *достойно ли есть дати кинсон кесареви, или ни* (Мф. XXII, 17), и когда беседовали о разводе с женою, и когда спрашивали о той, о которой говорили, что она имела семь мужей, – они были уличены в том, что предлагали вопросы не с желанием знать, но с злым намерением. Но в тех случаях Он обличает их, говоря: *что Мя искушаете, лицемери* (Мф. XXII, 18), – показывая тем, что Он знает их тайные намерения; а здесь ничего такого не говорит, научая нас не всегда обличать наветников, но многое переносить с кротостью и незлобием. Итак, поелику безумно было требовать свидетельства слов, когда проповедовали о Нем дела, то послушай, как Он им отвечает, честно указывая на то, что они без нужды этого требуют и не для того, чтобы научиться, частью показывая, что Он уже дал ответ более ясный, чем на словах, то есть ответ в делах. *Многажды*, говорит, *рех вам, и не веруете Мне: дела, яже Аз творю о имени Отца Моего, та свидетельствуют о Мне* (Ин. X, 25). Это самое часто говорили между собою и умереннейшие из них: *не может человек грешен сицева знамения творити* (Ин. IX, 16); и опять: *не может бес слепым очи отверзти* (Ин. X, 21); и также: *никтоже может знамений сих творити, аще не будет Бог с ним* (Ин. III, 2). И видя знамения, которые Он творил, говорили: *не сей ли, есть Христос* (VII, 41), а другие говорили: *Христос егда приидет, еда больша знамения сотворит, яже сей творит* (VII, 31)? Да и эти самые (которые теперь спрашивали) хотели уверовать в Него на основании дел, говоря: *кое Ты твориши знамение, да видим, и веру имем Тебе* (Ин. VI, 80)?

2. Итак, поелику в то время они показывали вид, будто убедятся простым словом, между тем как не убедились столь многими делами, то Он обличает лукавство их, говоря: если вы делам не веруете, то как

поверите словам? Значит, вопрос (ваш) излишний. Но *рех вам*, говорит, *и не веруете: несте бо от овец Моих* (Ин. X, 26). Я, с Своей стороны, исполнил все, что следовало сделать пастырю. Если же вы не следуете за Мной, то это происходит не оттого, будто Я — не пастырь, но оттого, что вы — не Мои овцы. *Овцы Моя*, говорит, *гласа Моего слушают, и, по Мне грядут, и Аз живот вечный дам им, и не погибнут во веки, и не восхитит их никтоже от руки Моея. Отец Мой, иже даде Мне, болий всех есть: и никтоже может восхитити их от руки Отца Моего. Аз и Отец едино есма* (Ин. X, 27–30). Смотри, как Он, и не признавая их, склоняет следовать за Собою. Вы, говорит, не слушаете Меня, потому что вы и не овцы Мои; а те, которые следуют за Мною, принадлежат к стаду. Это сказал Он с тою целью, чтобы они поревновали сделаться овцами. Потом, сказав, чего (овцы Его) достигнут, Он тем подстрекает их и возбуждает в них желание. Что же? Значит, по могуществу (только) Отца никто не восхитит (их)? А сам Ты не можешь и не имеешь силы охранить? Отнюдь нет. И чтобы ты знал, что изречение — *Отец, иже даде мне,* сказано ради иудеев, чтобы они опять не назвали Его противником Божиим, то вот Он, сказав: *не восхитит никтоже от руки Моея,* далее показал, что рука Его и рука Отца одна и та же. А если бы это было не так, то следовало бы сказать, что *Отец Мой, иже даде Мне, болий всех есть, и никтоже может восхитити их от руки* Моея. Но Он не сказал так, а: *от руки Отца Моего.* Потом, чтобы ты не подумал что сам Он бессилен, но овцы находятся в безопасности по причине силы Отца, Он присовокупил: *Аз и Отец едино есма.* Как бы так говорил: не потому Я сказал, что ради Отца никто не похитит овец, будто сам Я не силен охранить их: *Аз и Отец едино есма,* — то есть по отношению к могуществу, так как вся речь у Него была о могуществе. Если же одно

и тоже могущество, то, очевидно, и существо. Так как иудеи вооружались бесчисленными средствами, строили ковы, отлучали от синагоги, то Он говорит, что все это они предпринимали напрасно и бесполезно; овцы находятся в руке Отца Моего, как и пророк говорит: *се на руках моих написах стены твоя* (Ис. XLIX, 16). Потом, показывая, что рука одна, Он называет ее то Своею, то Отчею. А когда ты услышишь слово: *рука,* не представляй себе ничего чувственного, но силу, власть. Если же потому никто не мог восхитить, что (Отец) облек Его силою, в таком случае излишне было бы дальнейшее изречение: *Аз и Отец едино есма.* Если бы Он был меньше (Отца), то это изречение было бы очень дерзновенно, потому что оно показывает не что другое, как равенство могущества. Так именно поняли Его и иудеи, и потому стали бросать в Него камни. Однако же, несмотря и на это, Он не опроверг такого их мнения и предположения. Между тем, если бы они сделали предположение неправильное, следовало бы поправить их и сказать: для чего вы это делаете? Я сказал это не для того, чтобы приписать Мне и Отцу равное могущество. Но Он поступает совсем напротив; Он утверждает и одобряет их предположение, и все это — несмотря на их ожесточение. Он не только не извиняется в своих словах, как нехорошо сказанных; а напротив, еще их укоряет в том, что они имеют о Нем не надлежащее понятие. Так, когда они сказали: о *добре деле камение не мещем на Тя, но о хуле, яко Ты, человек сый, твориши Себе Бога* (Ин. X, 33), — послушай, что Он отвечает: *аще оных рече писание богов, к ним же слово Божие бысть, како вы глаголете, яко хулу глаголю, зане рех Сын Божий семь* (ст. 35, 36)? А эти слова означают вот что: если те, которые получили это название по благодати, не подвергаются обвинению, когда называют себя богами, то как может по справедливости подлежать укориз-

не Тот, Кто имеет это по естеству? Но Он так не сказал, а доказал это после, употребив наперед выражения более смиренные и сказав: *его же Отец святи и посла в мир* (ст. 36). Когда же утешил их гнев, тогда приводит ясное доказательство. Сначала, чтобы слово Его было принято, Он говорил с некоторым уничижением; а наконец возвысил и сказал так: *аще не творю дела Отца Моего, не имите Ми веры: аще ли творю, аще и Мне не веруете, делом Моим веруйте* (ст. 37, 38). Видишь ли, как Он доказывает то, что я выше сказал, именно, что Он ничем не меньше Отца, но во всем равен? Так как невозможно было видеть существа Его, то вот Он в доказательство равенства своего могущества представляет равенство и тожество дел.

3. Чему же именно, скажи, веровать? Тому, что *Аз во Отце, и Отец во Мне* (Ин. X, 38). Я не иное что, а тоже, что Отец, только пребываю Сыном; и Он не иное что, а тоже, что Я, только пребывает Отцом. И кто познал Меня, тот познал и Отца, уразумел и Сына. Но если бы (Сын) был меньше (Отца) по могуществу, то и познание было бы ложное. Нельзя познать ни существа, ни могущества одного лица посредством другого, отличного от него. *Искаху убо яти его, и изыде от рук их. И иде на он пол Иордана, на место, идеже бе Иоанн прежде крестя: и мнози приидоша к нему, и глаголаху, яко Иоанн убо знамения не сотвори ни единаго: вся же, елика рече Иоанн о сем, истинна бяху* (Ин. X, 39–41). Христос, после того, как возвестит что-нибудь великое и высокое, тотчас удаляется, уступая гневу иудеев, чтобы Своим отсутствием укротить и утишить их страсть. Так поступил Он и в то время. Но для чего Евангелист указывает место? Для того, чтобы ты знал, что Он удалился в то место с намерением напомнить иудеям о том, что там произошло и что сказано было Иоанном, равно как и о его свидетельстве. И действительно,

пришедши туда, они тотчас вспомнили об Иоанне, поэтому и говорят, что *Иоанн знамения не сотвори ни единаго.* Иначе какой повод был бы говорить это? Но так как место привело им на память Крестителя, то им пришло на память и его свидетельство. И смотри, какие неоспоримые составляют они умозаключения. Иоанн, говорят, не сотворил никакого знамения, а этот творит; следовательно отсюда видно Его превосходство. Если же мы верили тому (Иоанну), хотя он не сотворил никакого знамения, то гораздо более (должны веровать) этому (Христу). Затем, так как Иоанн свидетельствовал (о Христе), то, чтобы не показалось, что он, как не сотворивший знамения, недостоин давать свидетельство, – они присовокупили: хотя знамения он не сотворил ни одного, однако ж во всем, что говорил о Христе, был истинен, – и тем показали, что не Христос соделался достойным веры через Иоанна, а Иоанн через дела Христовы. Таким образом *мнози вероваша в него* (ст. 42). И в самом деле, многое привлекало их. Так, вспомнили они о тех речах, которые Иоанн говорил, называя Его крепльшим себя, и светом, и жизнью, и истиною, и всеми прочими (именами); вспомнили и голос, нисшедший свыше, и Духа, явившегося тогда в виде голубя и всем Его указавшего; а сверх того, они видели доказательство в чудесах, и тем, наконец, утверждались. Если Иоанну, говорили они, следовало верить, то гораздо более – Христу. Если тому – без знамений, то гораздо более Христу, Который, вместе с свидетельством от Иоанна, имеет еще доказательство от знамений.

Видишь ли, сколько пользы принесло им пребывание в этом месте и удаление от злых людей? По этой-то причине (Христос) часто изводит и удаляет их от сообщества таких людей. Это самое сделал Он и в Ветхом Завете, когда в пустыне, вдали от египтян, наставлял

иудеев и устроял во всем. Тоже внушает Он и нам делать, когда повелевает убегать торжищ, шума и смятений, молиться в тишине — в своей клети. И корабль, неподверженный буре, плывет благополучно: так и душа не занятая общественными делами, находится в пристани. Поэтому-то женам следовало бы быть любомудрее мужей, так как они по большей части привязаны к занятиям домашним. Оттого именно и Иаков был *не лукавъ*, что жил дома и был свободен от внешних тревог; не без причины же Писание заметило о нем: *живый в дому* (Быт. XXV, 27). Но и в доме, скажешь, много беспокойства. Это оттого, что ты сама того хочешь и сама себя окружаешь множеством забот. Муж, обращаясь на торжищах и в судилищах, очевидно, обуревается внешними хлопотами, как бы некоторыми волнами; а жена, сидя дома, как бы в некоем училище любомудрия, и сосредоточив в себе свои мысли, имеет возможность заниматься и молитвою, и чтением и другими делами любомудрия. И как живущие в пустынях не имеют никого, кто бы беспокоил их так и жена, находясь всегда дома, постоянно может наслаждаться тишиною. Если же иногда представится ей необходимость и выйти, то и тогда нет для нее повода к беспокойству. В самом деле, женщине нужно бывает выходить или для того, чтобы прийти сюда, или когда надобно омыть тело в бане; затем большую часть времени она сидит дома. Поэтому она может и сама любомудрствовать, и, принимая растревоженного мужа, утешать и успокаивать Его, разгонять излишние и тяжелые его мысли и, таким образом, снова отпускать его уже без тех неприятностей, какие он принес с собою с торжища, но с добрым расположением, которое приобрел дома. Подлинно, жена благочестивая и разумная скорее всего может образовать мужа и настроить его душу по своему желанию. Ни друзей, ни учите-

лей, ни начальников не послушает он так, как свою супругу, когда она увещевает и дает советы. Это увещание доставляет ему и некоторое удовольствие, потому что он очень любит эту советницу. И я мог бы указать на многих суровых и неукротимых мужей, которые смягчены таким образом. Жена участвует с мужем и в трапезе, и в ложе, и в рождении детей, и в делах явных и тайных, во входах и выходах, и в весьма многом другом; она во всем ему предана и соединена с ним так, как тело соединено с головою. И если она будет разумна и рачительна, то всех других превзойдет и победит в попечении о своем супруге.

4. Поэтому убеждаю: считайте это обязанностью и давайте надлежащие советы. Женщина имеет великую силу как для добродетели, так и для порока. Она погубила Авессалома; она – Амнона; она намеревалась – Иова; но она же избавила Навала от смерти; она спасла целый народ. Так Деввора и Иудифь выказали доблести мужей – военачальников. Таковы же и многие другие жены. Поэтому и Павел говорит: *что бо веси, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII, 16)? И мы знаем, что в те времена Персида, Мариам и Прискилла приняли на себя подвиги апостольские. Этим-то женам и вы должны ревностно подражать, и не словами только, но и делами наставлять своего супруга. Как же мы можем учить его делами? Когда он увидит, что ты не злонравна, не расточительна, не любишь украшений, не требуешь излишних денежных доходов, но довольствуешься тем, что есть: в этом случае он непременно послушает и твоих советов. Если ты на словах будешь любомудрствовать, а на деле станешь поступать напротив, то он обвинит тебя в великом пустословии. А когда вместе с словами ты представишь ему наставление делами, тогда он похвалит тебя, и скорее послушает. Так будет, например, когда ты не станешь искать ни золота, ни жемчуга,

ни драгоценных одежд, но, вместо этого, скромности, целомудрия, благодушия, и, поступая так сама, будешь требовать того же и от него. Если же надобно что-нибудь делать для угождения мужу, то нужно душу украшать, а не тело наряжать и погублять. Не столько золото, которым ты украшаешься, сделает тебя любезною и приятною для него, сколько – целомудрие и ласковость к нему, и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу пленяет мужей. То украшение неприятно мужу, потому что приводит в стесненное положение его имение и требует больших издержек и забот; а это, о котором сказано выше, привяжет мужа к жене. Ласковость, дружба и любовь ни забот не приносят, ни издержек не требуют, но все противоположное. Притом тот наряд от привычки делается приторным; а украшение души цветет каждый день и возжигает сильнейший пламень. Итак, если хочешь нравиться мужу, украшай душу целомудрием, благочестием, попечением о доме. Эта красота и более пленяет, и никогда не прекращается. Ни старость не разрушает этой красоты, ни болезнь не уничтожает. Красоту телесную и время продолжительное разрушает, и болезнь истребляет, и многое другое; а что украшает душу, то выше всего этого. Кроме того, та красота и возбуждает зависть, и возжигает ревность; а эта чиста от такой болезни и свободна от всякого тщеславия. Таким образом, и в доме все будет идти лучше, и доходы будут изобильнее, когда золото не будет лежать вокруг твоего тела, не будет связывать твоих рук, но будет употребляться на необходимые нужды, как, например, на содержание слуг, на необходимое попечение о детях и на другие действительные потребности. Но если не так, – если будет со всех сторон лежать перед глазами и стеснять сердце, то какая прибыль? Какая польза? Печаль сердца не позволяет замечать того, чем пленя-

ются глаза. Ведь вы знаете, верно знаете, что если бы кто увидел женщину, даже лучше всех украшенную, он не может находить в том удовольствия, когда у него душа болеет. Кто хочет находить удовольствие, тому наперед нужно быть веселым и иметь расположение к радости. Между тем, если золото все растрачено на украшение тела жены, а в доме обитает скудость, то для супруга нет никакого удовольствия. Итак, если желаете нравиться мужьям, приводите их в приятное расположение духа; а приведете их в это расположение, когда отвергнете наряды и украшения. Все это, по-видимому, имеет для него некоторую приятность во время бракосочетания; но впоследствии, с течением времени, теряет свою цену. Если от привычки мы не очень удивляемся небу, которое так прекрасно, и солнцу, которое так блистательно, что ты не можешь сравнить с ним ни одного тела, то каким образом будем дивиться украшенному телу? Это говорю я, желая, чтобы вы украшались истинною красотою, которую заповедал Павел: *не златом, или бисерми, или ризами многоценными, но еже подобает женам, обещавающимся благочестию, делы благими* (1 Тим, II, 9—10). Или ты хочешь нравиться лицам посторонним и от них получать похвалы? Но это желание отнюдь не жены целомудренной. Впрочем, если хочешь, то и они будут очень любить тебя и хвалить за целомудрие. В самом деле, ту (любящую наряды) не похвалит ни один скромный и порядочный человек; похвалят разве люди распутные, или, лучше сказать, и они не похвалят, а напротив, станут говорить о ней худо, когда заметят, что ее бесстыдство возбуждает в них вожделение. А эту (целомудренную) и те, и другие, и все похвалят, так как не только не получают от ней никакого вреда, а напротив еще наставление в любомудрии. И от людей ей будет великая похвала, и от Бога великая награда. Итак, бу-

дем ревновать об этой красоте, чтобы и здесь пожить в безопасности, и достигнуть будущих благ, которых да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXII

Бе же боля некто Лазарь от Вифании, от веси Мариины и Марфы, сестры ея: бе же Мария, помазавшая Господа миром (Ин. XI, 1, 2)

1. Многие соблазняются, когда видят некоторых угодных Богу людей в каком-либо бедствии, когда видят, например, что они подверглись болезни, или бедности, или чему-нибудь другому подобному; а того не знают, что такие страдания свойственны тем, которые особенно любезны Богу. Так вот и Лазарь был из друзей Христовых, а был болен, как это именно говорили и пославшие: *се, егоже любиши, болит* (ст. 3). Но рассмотрим эту часть (евангельского чтения) сначала. *Бе некто,* сказано, *боля Лазарь от Вифании.* Не просто и не случайно сказал, откуда был Лазарь, но по некоторой причине, которую укажет впоследствии. Но мы пока займемся предложенным местом. С пользою также упоминает нам и о сестрах его присовокупляя к тому, что особенного имела Мария, именно: *бе же Мария, помазавшая Господа миром.* Некоторые с недоумением здесь спрашивают: как Христос позволил сделать это женщине? Поэтому, прежде всего необходимо заметить, что это — не блудница, упоминаемая у Матфея, и не та, которая (упоминается) у Луки; нет, это — другая. Те действительно были блудницы и преисполнены многих пороков; а эта была честная и усердная, заботившаяся о принятии Христа. Евангелист указывает, что и сестры любили

Христа, и однако же Он допустил Лазарю умереть. Но почему же они не оставили болящего брата и не пошли сами ко Христу, как поступил сотник и муж царев, но послали к Нему? Потому, что они крепко надеялись на Христа, и были очень близки к Нему. А с другой стороны, они были слабые женщины и были одержимы скорбью. А что они сделали так не по небрежению, это показали впоследствии. Итак, очевидно, что Мария была не блудница. Но для чего, скажешь, и блудницу принял Христос? Для того, чтобы разрешить от порока, чтобы показать человеколюбие, чтобы ты познал, что нет недуга, побеждающего Его благость. Итак, не на то одно смотри, что Он принял, но и на то взирай, как Он переменил ее. Для чего же Евангелист упоминает нам об этом событии? Или лучше, чему он хочет научить словами: *любляше Иисус Марфу и сестру ея и Лазаря* (ст. 5)? Тому, чтобы мы отнюдь не негодовали и не огорчались, когда случится впасть в какую-нибудь болезнь людям добродетельным и друзьям Божиим. *Се, егоже любиши, болит* (ст. 3). (Сестры Лазаря) хотели возбудить в Христе сострадание, потому что еще смотрели на Него, как на человека, что видно из их слов: *аще бы еси зде был, не бы умер* (ст. 21), а также из того, что они не сказали: *се* Лазарь *болит,* но: *се, егоже любиши, болит.* Что же Христос? *Сия болезнь несть к смерти, но о славе Божии, да прославится Сын Божий ея ради* (ст. 4). Смотри, как Он опять показывает, что слава Его и слава Отца — одна. Сказав — о *славе Божии,* присовокупил: *да прославится Сын Божии. Сия болезнь несть к смерти.* Так как Он намерен был пробыть там два дня, то теперь и отсылает их с этим известием. При этом следует подивиться сестрам Лазаря, как они, услышав, что *несть к смерти,* и между тем увидев его умершим, не соблазнились тем, что на деле вышло напротив, но и после того приступили ко Христу, и не подумали, что Он сказал ложь.

А частица *да* означает здесь не причину, но следствие. Болезнь случилась по иной причине; но Христос обратил ее к славе Божией. И, сказав это, *пребысть два дни* (ст. 6). Для чего же *пребысть*? Для того, чтобы скончался и был погребен, чтобы потом никто не мог сказать, что Он воскресил его тогда, как тот еще не умер, что то был только глубокий сон, или расслабление, или лишение чувств, но не смерть. По этой-то причине Он и остался на столько времени, что произошло даже тление, так что говорили: *уже смердит* (ст. 39). *Потом же глагола учеником: идем во Иудею* (ст. 7). Почему Он здесь говорит наперед (куда хочет идти), тогда как в других местах нигде не предуведомлял об этом? (Ученики) сильно боялись; и так как теперь находились в таком расположении духа, то Он и предваряет их этим известиям, чтобы не встревожить внезапностью. Что же ученики? *Ныне искаху Тебе камением побити Иудее, и паки, ли идеши тамо* (ст. 8)? Таким образом, они боялись и за Него, но еще более – за себя, потому что еще не были совершенны. Оттого-то Фома, потрясаемый страхом, и говорит: *идем и мы, да умрем с ним* (ст. 16), так как он был слабее и маловернее других. Но смотри, как Иисус ободряет их тем, что говорит далее: *не дванадесять ли часов есть во дни* (ст. 9). Этим Он сказал или то, что не сознающий за собой ничего худого не потерпит никакой беды, а потерпит тот, кто поступает худо, следовательно нам не должно страшиться, потому что мы не сделали ничего достойного смерти, – или то, что видящий *свет мира сего* (ст. 9) находится в безопасности, и что если (безопасен) видящий *свет мира сего,* то гораздо более – тот, кто находится со Мною, если не отступит от Меня. Ободрив их такими словами, Он приводит и причину, почему им необходимо туда отправиться. И показывая, что они пойдут не в Иерусалим, а в Вифанию, Он говорит: *Лазарь,*

друг наш, успе, но иду, да возбужу его (ст. 11), то есть иду не для того, чтобы беседовать опять о тех же предметах и обращаться там между иудеями, но затем, чтобы разбудить нашего друга. *Реша убо ученицы Его: Господи, аще успе, спасен будет* (ст. 12). Это не просто сказали они, но с тем, чтобы воспрепятствовать Ему идти туда. Ты говоришь, возражают они, что он спит? Значит, нет особенной нужды идти туда. Между тем Он для того и сказал: *друг наш,* чтобы показать необходимость идти.

2. Когда же они все еще не решались, то Он говорит: *умре* (ст. 14). Первое выражение Он употребил потому, что хотел научить не тщеславиться, но так как они не поняли, то Он присовокупляет: *умре, и радуюся вас ради* (ст. 15). Почему же именно *вас ради?* Потому что Я предсказал (смерть его), не бывши там; и, значит, когда Я воскрешу его, не будет никакого подозрения. Видишь ли, как еще несовершенны были ученики, и не понимали, как должно, Его могущества? А это происходило от страха, который в то время волновал и смущал их души. И когда сказал: *успе,* тогда прибавил: *иду, да возбужу его;* а сказав: *умре,* уже не присовокупил: иду, чтобы воскресить его. Он не хотел словами предрекать того, что имел подтвердить самым делом, везде научая нас не тщеславиться и не давать без разбора обещаний. А если Он и сделал это, когда сотник умолял Его, — потому что сказал: *аз пришед исцелю его* (Мф. VIII, 7), — то сказал это для того, чтобы показать его веру. Если же кто скажет: отчего ученики пришли к мысли о сне и не уразумели, что Он говорит о смерти, даже и после того, как Он сказал: *иду, да возбужу его,* — так как безумно было предполагать, что Он отправится за пятнадцать стадий для того, чтобы разбудить, — то мы ответим, что они считали это загадкой, каких Он говорил много.

Итак, все они боялись нападения от иудеев; но более всех других – Фома, который поэтому и сказал: *идем и мы, да умрем с ним* (ст. 16). Некоторые говорят, что он действительно желал умереть; но это несправедливо: слова его более выражают страх. Однако же он не подвергся за то упреку, потому что (Христос) снисходил теперь к его немощи. Впоследствии же он сделался сильнее всех и был непобедим. И вот то-то и удивительно, что (апостола), столь слабого прежде креста, – после креста и после того, как он поверил воскресению, мы видим пламеннее всех прочих. Так велика сила Христова Кто не смел пойти вместе со Христом в Вифанию, тот, не видя Христа, прошел почти всю вселенную и обращался среди народов свирепых и готовых его умертвить. Но если Вифания отстояла на пятнадцать стадий, что составляет две мили, то каким образом Лазарь мог быть *четверодневен* (ст. 39)? (Христос) пробыл на месте два дня, да накануне этих двух дней приходил посланный с известием, – в тот самый день, когда и умер, – так что Христос прибыл именно в четвертый день. Потому Он и ожидал, чтобы Его позвали, и не вошел сам собою без приглашения, чтобы кто-нибудь не заподозрил этого события. Да и приходили не сами (сестры), которых Он любил; но были посланы посторонние. *Бе же Вифания близ Иерусалима стадий яко пятьнадесят* (ст. 18). Отсюда становится очевидным, что там могли присутствовать многие из Иерусалима. И действительно, (Евангелист) тотчас присовокупил, что *мнози от Иудей бяху пришли, да утешат* (ст. 19). Отчего же они утешали этих (женщин), любимых Христом? Ведь они же положили: *аще кто его исповесть Христа, отлучен от сонмища будет* (Ин. IX, 22)? Или по особенной тяжести этого несчастия, или по уважению к ним, как женщинам благородным, или же это были люди, не принадлежав-

шие к числу злых, так как многие и из них веровали. А говорит об этом Евангелист для того, чтобы уверить, что Лазарь умер. Зачем же (Марфа), выходя навстречу Христу, не берет с собою сестры? Она хочет увидеться с Ним наедине, и рассказать Ему о случившемся. Когда Он возбудил в ней добрые надежды, она уходит и зовет Марию, которая и вышла ко Христу навстречу, хотя скорбь ее была еще во всей силе. Видишь ли, как горяча была любовь? Это та самая, о которой говорил: *Мария же благую часть избра* (Лк. X, 42). Но как же, скажешь, Марфа явилась теперь более усердною? Она не была более усердною; Мария (не вышла потому, что) еще не слышала (о Его прибытии). Напротив была слабее, потому что и после того, как услышала столь многое, все еще говорит: *уже смердит, четверодневен бо есть* (ст. 39). А эта (Мария), хотя ничего не слышала, однако ж не сказала ничего подобного, но тотчас уверовала и говорит: *Господи, аще бы еси был зде, не бы умер мой брат* (ст. 82).

3. Видите, какое любомудрие у жен, хотя и немощен их ум? Увидев Христа, они не предаются тотчас слезам, рыданиям и стонам, что бывает с нами, когда к нам приходит кто-нибудь из знакомых во время нашей скорби; но тотчас выказывают свое удивление к Учителю. Так, они обе веровали во Христа, но еще не надлежащим образом. Они не знали еще хорошо ни того, что Он Бог, ни того, что Он творил это собственною силою и властью. Теперь Он научил их и тому и другому. А что они не знали этого, видно как из слов их: *аще бы еси зде был, не бы брат* наш *умер* (ст. 21), так и из того, что они присовокупили: *елика аще просиши от Бога, даст тебе Бог* (ст. 22). Таким образом они говорят (о Христе), как о каком-нибудь человеке добродетельном и угодном Богу. Заметь же, что отвечает Христос: *воскреснет брат твой* (ст. 23). Этим опровергает пока слова: *елика аще*

просиши. Не сказал: Я буду просить, но что? *Воскреснет брат твой.* Если бы Он сказал: женщина! Еще ли ты смотришь долу? Я не нуждаюсь в чужой помощи; Я все творю Сам собою, – то это было бы очень тяжело и неприятно для женщины. Но сказав: *воскреснет.* Он тем естественно сделал слово Свое более умеренным, а дальнейшими словами дал разуметь и то, что я выше сказал. Так, когда сказала: *вем, яко воскреснет в воскрешение, в последний день* (ст. 24), тогда Он, яснее показывая свое могущество, говорит: *Аз есмь воскрешение и живот* (ст. 25), и тем означает, что Он не нуждается в содействии другого, так как сам есть жизнь. А если бы Он нуждался в другом, то каким бы образом сам мог быть воскрешением и жизнью? Но Он не сказал так ясно, а только намекнул на это. Потом, так как она сказала: *елика аще просиши,* то Он еще говорит: *веруяй в Мя, аще и умрет оживет* (ст. 25), показывая тем, что Он сам есть податель благ, и у Него должно их просить. *И всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки,* (ст. 26). Смотри, как Он возвышает ее ум. Ведь не в том только было дело, чтобы воскресить Лазаря, но надобно было и ее, и присутствующих с нею научить воскресению. Поэтому Он прежде, чем воскресил, рассуждает о (воскресении). Если же Он сам есть *воскрешение и живот,* то не ограничивается местом, но может исцелять везде. И если бы (сестры Лазаря), подобно сотнику, сказали: *рцы слово, и исцелеет отрок мой* (Мф. VIII 8), то Он так бы и сделал. Но так как они звали Его и просили прийти к ним, то Он снисходит, чтобы возвести их от униченного о Нем понятия, и приходит на место. Но и при этом снисхождении Он показывает, что может исцелять и не присутствуя на месте. С этою-то целью Он и медлит. В самом деле, благодать не сделалась бы очевидною, если бы она тотчас была дарована, если бы прежде не появился уже смрад. Но откуда знала эта

женщина о будущем воскресении? Она слышала многие беседы Христа о воскресении; а теперь желала увидеть это на самом деле. Смотри однако ж, как она еще вращается долу! В самом деле, уже услышавши: *Аз есмь воскрешение и живот,* она даже и после того не сказала: воскреси его, — но что? *Аз веровах, яко ты еси Христос, Сын Божий, иже, в мир грядый* (ст. 27). Что же ей Христос? Всяк *веруй в Мя, аще и умрет, оживет* (ст. 25), разумея здесь эту (телесную) смерть? *и всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки* (ст. 26), указывая на ту (духовную) смерть. И так как *Аз есмь воскрешение;* то не смущайся; хотя уже и умер, но веруй, это не есть смерть. Таким образом Он пока утешил ее в случившемся и пробудил в ней надежду, и тем, что сказал: *воскреснет,* и тем, что изрек: *Аз есмь воскрешение,* и тем, что если после воскресения он и опять умрет, то ни потерпит никакого вреда, а потому и не должно страшиться этой смерти. Слова Его имеют тот смысл, что ни он не умер, ни вы не умрете. *Емлеши ли веру сему?* Марфа отвечает: *верую, яко ты еси Христос, Сын Божий, иже в мир грядый* (ст. 26, 27). Мне кажется, что женщина не поняла слов. Она сознавала, что в них есть что-то великое, но всего не вразумела. Поэтому, будучи спрошена об одном, она отвечает другое. Но по крайней мере она получила теперь ту пользу, что отложила свою скорбь. Такова-то сила слов Христовых! Поэтому-то и Марфа первая вышла навстречу Христу, и Мария последовала за нею. Любовь к Учителю не давала им сильно чувствовать настоящую (скорбь). Таким образом, с помощью благодати, и ум этих жен любомудрствовал.

4. А в настоящее время, вместе с другими пороками, между женщинами господствует и та болезнь, что они выставляются напоказ в плаче и рыданиях, обнажая плечи, терзая волосы, делая рубцы на щеках. И это дела-

ют — одни от скорби, другие из желания выказаться и отличиться, а иные обнажают себе плечи, и притом в глазах мужчин — по распутству. Что ты делаешь, женщина? Как ты, скажи мне, будучи членом Христовым, без всякого приличия обнажаешь себя среди торжища, и притом тогда, как на торжище присутствуют мужчины? Ты рвешь на себе волосы, раздираешь одежду, громко рыдаешь, составляешь вокруг себя позорище, являешься в образе неистовых женщин, — и не думаешь, что оскорбляешь Бога? Как велико такое безумие! Не станут ли смеяться над этим язычники? Не подумают ли, что все у нас — басни? Так, они скажут: воскресения нет, и учение христиан — это смех, обман и выдумка. Женщины у них рыдают так, как бы после настоящей жизни ничего уже не было; они не внимают словам, начертанным в их книгах, а этим сами показывают, что все то вымысел. Если бы они веровали, что умерший не умер, но преставился к лучшей жизни, то не оплакивали бы его, как уже несуществующего, не терзались бы так и не произносили бы этих слов, исполненных неверия: уж не видеть мне тебя больше! Уж не будешь ты опять со мною! Все у них басня. Если они так не веруют высшему из благ, то тем менее всему другому, что у них считается священным. Не так малодушны сами язычники. Многие у них любомудрствовали. Так, одна языческая женщина, услышав, что сын ее пал на войне, тотчас спросила: а в каком положении находятся дела города? И один из философов, удостоенный венка, когда услышал, что один из его сыновей пал за отечество, — снял с себя венок и спросил: который из двух? И как скоро узнал, кто именно из них пал, тотчас опять возложил на себя венок. Многие также отдавали даже сыновей и дочерей своих на жертву, — из почтения к демонам. А лакедемонские женщины даже внушали своим детям, что-

бы они или принесли свой щит с войны, или сами были принесены на нем мертвыми. Потому-то стыдно мне, что язычники так любомудрствуют, а мы поступаем непристойно. Не знающие ничего о воскресении действуют так, как свойственно знающим; а знающие поступают, как не знающие. Многие даже, из-за стыда человеческого, нередко делают то, чего не делают для Бога; так богатые женщины не терзают волос и не обнажают плеч. Но и это также заслуживает крайнего осуждения? — не потому, что они не обнажают себя, но потому, что делают это не по благочестию, а для того, чтобы не показаться бесстыдными. Значит, стыд обуздывает печаль, а страх Божий не обуздывает? Как же недостойно это крайнего осуждения? Следовало бы, по крайней мере, чтобы то, что богатые женщины делают вследствие своего богатства, бедные делали по страху Божию; но теперь все бывает напротив: те любомудрствуют по тщеславию, а эти поступают неблагопристойно по малодушию. Что хуже такой несообразности? Все делается для людей, все — по здешним побуждениям. И речи произносятся, полные безумия и великого смеха. Господь говорит: *блаженни плачущии* (Мф. V, 4), — разумея плачущих о грехах, и между тем никто не плачет этим плачем, и не заботится о погибающей душе. Это (плакать об умерших) нам напротив не заповедано делать, и однако ж мы делаем. Что же, скажешь, разве человеку можно не плакать? Да я и не воспрещаю этого; я воспрещаю только терзаться, плакать неумеренно. Я не зверь и не бесчеловечен. Знаю, что в этом обнаруживается природа, и что она ищет содружества и ежедневного общения. Невозможно не печалиться. Это сам Христос показал, потому что прослезился над Лазарем. Так и ты поступай: плачь, но тихо, но благопристойно, но со страхом Божиим. Если так будешь плакать, то это будет знаком не того, будто

ты не веруешь воскресению, но того, что для тебя тяжела разлука.

5. Ведь мы плачем и о тех, которые отправляются в дорогу и разлучаются с нами; но — не так, как отчаивающиеся. Так и ты, плачь, как бы провожал отходящего в чужую сторону. Это говорю я не с тем, чтобы поставить вам в закон, но — по снисхождению. В самом деле, если умерший и был грешник, и много оскорбил Бога, в таком случае должно плакать, или лучше — не плакать только, потому что отсюда для него нет никакой пользы, но и делать то, что может принести ему некоторое облегчение, милостыню и приношения. А впрочем и в этом случае нужно радоваться, потому что у него отнята возможность грешить. Если же — праведник, то еще более должно радоваться, потому что он находится в безопасности, и уже избавился от неизвестности будущего. Если это юноша, (должно радоваться), что он скоро освободился от окружающих нас зол. Если старец, — что он отошел, до сытости насладившись тем, что считается вожделенным. Но ты, забыв думать об этом, заставляешь рыдать служанок, как будто делаешь этим честь отошедшему. Это же — крайнее бесчестие! Честь для умершего составляют не плач и рыдания, но священные песни и псалмопения, и добрая жизнь. Такой человек, отойдя отсюда, отойдет с ангелами, хотя бы и никого не было при его останках. А человек развратный, хотя бы целый город провожал его, не получит из того никакого плода.

Хочешь почтить умершего? Почти его иным образом, — милостынями, благотворениями, литургиями. Какая польза от многих рыданий? А я слышал еще и о другом тяжком зле; говорят, будто многие через плач привлекают к себе даже любовников, чрезмерностью своих воплей составляя себе славу жен, любящих своих мужей. Какое диавольское изобретение! Какая сата-

нинская выдумка! Доколе мы будем земля и пепел? Доколе – кровь и плоть? Воззрим на небеса, – подумаем о духовном! Какая будет у нас возможность укорять язычников, какая возможность утешать, когда сами поступаем таким образом? Как будем беседовать с ними о воскресении? Как о всяком другом любомудрии? Как сами будем жить без страха? Ужели не знаешь, что от печали происходит смерть? Помрачая зрение души, печаль не только не позволяет ей видеть ничего должного, но и причиняет великий вред. Подлинно, когда мы предаемся излишней скорби об умершем, тогда и Бога оскорбляем, и не доставляем пользы ни себе, ни отшедшему; а когда поступаем напротив, – и Богу благоугождаем, и приобретаем доброе мнение у людей. Если мы и сами не будем упадать духом, в таком случае (Бог) скоро уничтожает и остаток скорби; а если будем сильно огорчаться, Он предоставляет нас во власть печали. Если будем благодарить, – не будем скорбеть. Но как возможно, скажешь, не печалиться тому, кто потерял сына, или дочь, или жену? Я не говорю не печалиться, но – не печалиться без меры. В самом деле, если мы помыслим, что их взял Бог, что муж и сын были у нас смертные, то скоро получим утешение. Скорбеть здесь – значит требовать чего-то вышеестественного. Если ты родился человеком и смертным, то зачем скорбишь о том, что совершилось сообразно с природою? Ты ведь не скорбишь, что поддерживаешь жизнь свою пищею? Ведь не домогаешься того, чтобы жить без пищи? Так поступай и в отношении к смерти, и не ищи до времени бессмертия, когда родился смертным. Это определено однажды навсегда. Не скорби же и не сокрушайся, но переноси благодушно то, что для всех вообще законноположено. Печалься лучше о грехах: это – хорошая печаль, это – величайшее любомудрие. Итак, будем

непрестанно печалиться об этом, чтобы там сподобиться радости, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXIII

Не уже бо бе пришел Иисус в весь, но бе на месте идеже срете Его Марфа. Иудее же убо сущии с нею, и проч. (Ин. XI, 30, 31)

1. Великое благо любомудрие, — разумею то любомудрие, которое у нас. У язычников все только слова и басни; а самые эти басни не заключают в себе никакого любомудрия, потому что у них все делается ради славы. Итак, великое благо любомудрие; оно и здесь уже вознаграждает нас. Так, кто презирает богатство, тот уже здесь получает пользу, потому что избавляется от излишних и бесполезных забот. Кто попирает славу, уже здесь получает награду, потому что не служит никому рабом, но бывает свободен истинною свободою, Кто желает небесных (благ), — уже здесь получает воздаяния, потому что, вменяя в ничто все настоящее, легко побеждает всякую печаль. Так вот и эта женщина за свое любомудрие получила здесь награду. В то время, как все сидели при ней — скорбевшей и плакавшей, она не ожидала, чтобы к ней пришел Учитель, не обращала внимания на (свое) достоинство и не была удержана скорбью. Скорбящие, вместе с другими недугами имеют еще и ту болезнь, что желают быть в почете у присутствующих. Но в ней не было ничего этого, а как только она услышала (что Господь пришел), тотчас идет к нему. *Иисус же не убо бе пришел в весь*. Он шел не скоро, чтобы видно было, что Он не сам стремится к чуду, но идет по их просьбе. Или это именно хочет выразить

Евангелист словами: *воста скоро* (ст. 29), или он этим показывает, что (Мария) побежала так для того, чтобы предупредить Его пришествие. Между тем она идет не одна, но влечет за собою и бывших в доме иудеев. Весьма благоразумно, поэтому, сестра и позвала ее тайно, чтобы не смутить собравшихся, и не сказала – зачем; иначе многие и удалились бы; а теперь все пошли за нею, полагая, что она идет плакать. Может быть также и через это (Евангелист) снова уверяет в том, что Лазарь действительно умер. *И паде Ему на ногу* (ст. 32). Она была пламеннее своей сестры. Она не устыдилась ни народа, ни худого мнения, какое имели о Христе (были многие и из врагов Его, которые и говорили: *не можаше ли сый отверзый очи слепому сотворити, да и сей не умрет* (ст. 37?). В присутствии Учителя, она отбросила все человеческое, и заботилась только о том, чтобы почтить Учителя. И что же она говорит? *Господи, аще бы еси был зде, не бы умерл мой брат* (ст. 32). Что же Христос? Теперь пока ничего не говорит ей; не говорит даже того, что сказал ее сестре. Тут присутствовало много народа, и не время было для таким речей. Он только смиряется и снисходит, и, чтобы уверить в Своей человеческой природе, тихо плачет и отлагает до времени чудо. В самом деле, чудо это было великое, – такое, каких Он совершил немного, – и через него многие должны были уверовать. Поэтому, чтобы оно не показалось народу невероятным, если бы совершено было без него, и чтобы при всем величии не осталось без пользы, – Христос привлекает Своим снисхождением многих свидетелей, чтобы не погубить добычи, и выказывает в Себе то, что было свойственно Его человеческой природе, то есть плачет и смущается, так как скорбь обыкновенно производит плач. Потом Он обуздывает Свою скорбь (это именно и означает выражение: *запрети духу* – ст. 33), и

тогда спрашивает: *где положисте его,* – чтобы вопрос не был соединен с рыданием. Но зачем же Он спрашивает? Затем, что не хочет сам по себе приступить (к совершению чуда), но хочет все узнать от других и сделать по их просьбе, чтобы освободить чудо от всякого подозрения. *Глаголаша ему: Господи, прииди и виждь. Прослезися Иисус* (ст. 34, 35). Видишь ли, что еще до сих пор Он ничем не указал на воскресение, и что Он идет как будто не для того, чтобы воскресить, но чтобы плакать? А что действительно казалось, что Он пошел с этим намерением, то есть с тем, чтобы плакать, а не воскресить, это показывают иудеи, которые потому и говорили: *виждь, како любляше его, нецыи же от них реша: не можаше ли сей отверзый очи слепому сотворити, да и сей не умрет* (ст. 36, 37)? Даже и в несчастии они не оставили своей злобы. Но (Христос) намерен совершить дело, еще более удивительно: отогнать смерть, уже наставшую и овладевшую (человеком), гораздо важнее, нежели остановить смерть наступающую. Таким образом, они порицают Его тем самым, из-за чего следовало бы дивиться Его могуществу. Допускают до времени, что Он отверз очи слепому; но вместо того, чтобы за это дивиться Ему, они, из-за смерти Лазаря, клевещут и на то чудо, как будто его не было. Впрочем не отсюда только видно, что они все были развращены, но также и из того, что еще прежде, нежели Он пришел и явил (Свою силу), они уже предваряют Его обвинениями, не дожидаясь конца дела. Видишь, как превратно было их суждение?

2. Итак, Он приходит ко гробу и опять удерживает скорбь. Но для чего Евангелист тщательно и не раз замечает, что Он плакал и что Он удерживал скорбь? Для того, чтобы ты знал, что Он истинно облечен был нашим естеством. Так как этот (Евангелист), очевидно, более других говорит о Нем великого, то и о человече-

ских Его делах повествует здесь гораздо уничиженнее. О смерти Его Он не сказал ничего такого, что другие, – именно, что Он был прискорбен, что Он был в подвиге; но совсем противное, – что Он и ниц поверг (воинов). Итак, что было опущено там, то он восполнил здесь, сказав о плаче. И сам Христос, беседуя о смерти, говорит: *область имам положити душу Мою* (Ин. X, 18), и не произносит ничего уничиженного. Поэтому-то, повествуя о страданиях, (евангелисты) и приписывают Ему много человеческого, показывая тем, что Его воплощение истинно. Так Матфей, удостоверяет в этом, говоря о Его предсмертных муках, смущении и поте; а этот – повествуя о плаче. В самом деле, если бы Он не был нашего естества, то не был бы одержим скорбно, и притом не однажды, а дважды. Что же Иисус? Он нисколько не защищает Себя перед иудеями от их обвинений. Да и для чего было словами опровергать тех, которые тотчас же имели быть опровергнуты самым делом? А между тем это (опровержение) было не так тягостно и более могло пристыдить их. *Глагола Иисус: возмите камень* (ст. 39). Почему же Он не воззвал и не воскресил его, не будучи еще на месте? А особенно, почему Он не воскресил его, когда камень еще был повален. Кто мог голосом подвигнуть мертвое тело и опять одушевить его, тот, конечно гораздо более мог тем же голосом подвигнуть камень. Кто своим голосом дал возможность ходить обвязанному убрусами и связанному по ногам, тот гораздо более мог подвигнуть камень. И что я говорю? Он мог бы сделать это и не находясь на месте.

Для чего же не сделал? Для того, чтобы их самих поставить свидетелями чуда, чтобы они не говорили того же, что говорили о слепом: это – он, это – не он. Самые руки их и самое пришествие их ко гробу свидетельствовали, что это – он. Если бы они не пришли,

то, пожалуй, подумали бы, что видят призрак или одного вместо другого. А теперь, когда пришли к месту и отняли камень, когда получили повеление разрешить от уз обвязанного пеленами мертвеца, когда друзья, вынесшие его из гроба, узнали по самым пеленам, что это — он, когда при этом находились самые сестры, и одна из них сказала: *уже смердит, четверодневен бо есть* (ст. 34)? — теперь все это уже достаточно могло заградить неблагонамеренным свидетелям уста. Для того Он повелевает им отнять камень от гроба, чтобы показать, что Он воскрешает именно Лазаря. Для того и спрашивает: *где положисте его* (ст. 34)? — чтобы те, которые сказали: *прииди и виждь* (ст. 34), и которые привели его, не могли сказать, что Он воскресил другого; чтобы и голос, и руки свидетельствовали: — голос, говоривший: — *прииди и виждь,* — руки, отвалившие камень и разрешившие повязки; также — зрение и слух, — слух, так как слышал голос, — зрение, так как видело исшедшего (из гроба); равно и обоняние, так как оно чувствовало смрад, — *уже смердит, четверодневен бо есть*. Итак, справедливо я сказал, что эта женщина ничего не поняла в словах Христовых: *аще и умрет, оживет* (ст. 25). Смотри, что она здесь говорит; (она считает) это дело уже невозможным по продолжительности времени. И подлинно, дело было необычайное — воскресить четверодневного и предавшегося тлению мертвеца. Ученикам (Христос) сказал; *да прославится Сын Божий* (ст. 40), указывая на Себя самого; а жене этой говорит: *узриши славу Божию* (ст. 40), разумея Отца. Видишь ли, как немощь слушателей служит причиною разности изречений? Он напоминает о Своей беседе с нею, как бы укоряя ее за то, что она не помнит Его слов; или же Он теперь не хотел приводить в смущение присутствующих, и потому кротко говорит: *не рех ли ти, яко, аще веруеши, узриши славу Божию* (ст. 40)?

3. Итак, великое благо – вера, великое благо и виновница многих благ, так что люди во имя Божие могут совершать дела Божии. *Аще имате веру*, говорит (Христос), *речете горе сей, прейди отсюду тамо, и прейдет* (Мф. XVII, 20); и опять: *веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит* (Ин. XIV, 12). Какие же, скажешь, дела большие? Дела, совершенные учениками впоследствии, когда даже тень Петра воскресила мертвого. Через это еще более проповедовалась и сила Христова. В самом деле, не столько удивительно то, что Он при жизни своей чудодействовал, сколько то, что по смерти Его другие могли Его именем совершать большие чудеса: это служило несомненным доказательством Его воскресения. Если бы даже Он всем явился, – и это не возбудило бы такой веры, потому что видевшие могли бы еще сказать, что это был призрак. Но кто видит, что одним именем Его совершаются знамения гораздо большие, нежели какие Он сам творил, обращаясь с людьми, тот не может не уверовать, если только он не крайне бесчувствен. Итак, великое благо – вера, когда она бывает от горячего сердца, от многой любви и пламенной души. Она делает нас мудрецами; она прикрывает ничтожество человеческое и, оставляя умствования земные, любомудрствует о вещах небесных; даже более: чего мудрость человеческая обрести не может, то она с избытком постигает и совершает. Будем же держаться веры, и не станем вверять наших дел умствованиям. Отчего, в самом деле, скажи мне, язычники, не могли ничего обрести? Не знали ли они всей внешней мудрости? Почему же они не могли превзойти рыбарей, скинотворцев и неученых? Не потому ли, что они все предоставляли своим умствованиям, а эти последние – вере? Так, по этой причине последние превзошли Платона, Пифагора и всех вообще людей заблуждавшихся, победили све-

дущих в астрологии и математике, геометрии и арифметике, и изучивших всякую науку, и сделались настолько лучше их, насколько истинные и действительные мудрецы лучше людей от природы глупых и безумных. В самом деле, смотри: эти сказали, что душа бессмертна, или, лучше, не только сказали, но и убедили в этом; а те первоначально даже не знали, что такое душа, и когда узнали и отличили ее от тела, опять стали страдать тем же незнанием. Так, одни говорили, что она бестелесна; другие, что она есть тело и вместе с телом разрушается. Равным образом, о небе те говорили, что оно одушевлено и есть Бог; а рыбари и научили, и убедили, что оно есть творение и произведение Божие. Впрочем, в том нет ничего удивительного, что язычники руководились умствованиями; но вот что достойно слез, — что люди, представляющие себя верующими, и они оказываются душевными. Оттого-то и они впали в заблуждения. Так, одни из них говорили, что знают Бога так, как Он знает Сам Себя, чего не смел сказать даже никто из язычников. Другие говорили, что Бог не может рождать бесстрастно, и не предоставляли Ему никакого преимущества перед людьми. Иные же утверждают, что ни хорошая жизнь, ни доброе поведение не приносят никакой пользы. Но теперь не время опровергать это.

4. А что правая вера, при порочной жизни, не приносит никакой пользы, это показывают и Христос, и Павел, которые преимущественно заботились о доброй жизни. Так Христос учит: *не всяк, глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное* (Мф. VII, 21); и далее: *мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас, отыдите от Мене делающии беззаконие* (Мф. VII, 22, 23). В самом деле, люди невнимательные к себе самим легко впадают в пороки, хотя имеют пра-

вую веру. А Павел в своем послании к Евреям, так говорит и убеждает: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Бога* (Евр. XII, 14). Святынею он называет целомудрие, по которому каждый должен довольствоваться своею женою, и не падать с другою. А кто не довольствуется, тот не может спастись, но неизбежно погибнет, хотя бы имел тысячи добродетелей. В самом деле, блуднику невозможно войти в царство небесное; а тут уже не блуд, но гораздо более – прелюбодеяние. Как жена, которая связана с мужем, если будет еще в связи с другим, уже прелюбодействует, так точно и муж, связанный с женою, если будет иметь еще другую, прелюбодействует. А такой не наследует царства, но будет ввержен в геенну. Послушай, что о таких людях говорит Христос: *червь их не умирает и огнь не угасает* (Мк. IX, 44). Подлинно, для того нет никакого извинения, кто при своей жене бесчинствует с другой, потому что это уже невоздержность. Если многие и от своей жены воздерживаются, когда наступает время поста или время молитвы, то какой огонь собирает себе тот, кто не довольствуется даже своею (женою), но имеет еще связь и с другою? Если отпустившему и отвергшему от себя свою жену не позволяется сопрягаться с другою, потому что это – прелюбодеяние, то какой грех делает тот, кто имея в своем доме жену, приводит еще другую? Пусть же никто не позволяет оставаться такому недугу в своей душе, но пусть всякий с корнем исторгает его. (Прелюбодей) не столько вредит жене, сколько самому себе. Этот грех столько тяжек и непростителен, что если жена оставит мужа, даже идолопоклонника, против его воли, то Бог ее наказывает, а когда она оставит прелюбодея, – не наказывает. Видишь ли, какое это зло? Если какая-нибудь верная *жена*, говорится, *имать мужа неверна, и той благоволит жити с нею, да не оставляет его* (1 Кор. VII, 13). Но о

блуднице не так сказано, а что? *Всяк, отпущаяй жену свою разве словесе прелюбодейнаго, творит ю прелюбодействовати* (Мф. V, 32). Если через сожитие (муж и жена), составляют одно тело, то и живущий с блудницею необходимо становиться одним с нею телом. Как же после этого честная жена, будучи членом Христовым, примет такого (мужа)? Или каким образом она соединит с собою член блудницы? И смотри, какая особенность! Сожительствующая неверному не становится оттого нечистою: *святится бо,* сказано: *муж не верен о жене верне* (1 Кор. VII, 14). Но о блуднице не то сказано, но что? *Взем ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи* (1 Кор. VI, 15)? Там освящение пребывает и не отнимается, несмотря на сожительство с неверным; а здесь оно удаляется. Подлинно, тяжкий грех – прелюбодеяние, и тяжкий и готовящий нескончаемое наказание! Да и здесь оно навлекает бесчисленные бедствия. В самом деле, такой человек принужден бывает вести жизнь тяжкую и горестную, и его состояние ничем не лучше состояния осужденных на казнь, когда он тайком входит в чужой дом со страхом и великим трепетом, и всех равно опасается–и рабов и свободных. Поэтому, умоляю вас, потщитесь освободиться от этой болезни. Если не послушаетесь, то не входите в эти священные преддверия. Овцам, покрытым язвами и зараженным болезнью, не следует пастись вместе с овцами здоровыми; их должно отгонять от стада, пока не освободятся от своей болезни. Мы сделались членами Христовыми, – не будем же членами блудницы! Здесь не распутный дом, но церковь; и если у тебя члены блудодейцы, то не стой в церкви, чтобы не бесчестить этого места. Если бы даже не было геенны, если бы даже не было наказания, – и в этом случае, как ты, после тех договоров и брачных светильников, после того законного ложа, после чадородия, после такого общения, – как ты мо-

жешь дозволить себе прилепляться к другой? Как не стыдишься и не краснеешь? Разве не знаешь, что многие осуждают даже и тех, которые вводят к себе другую жену по смерти своей (первой) жены, хотя это дело и не заслуживает наказания? А ты еще при жизни своей жены берешь себе другую! Какова распущенность! Узнай, что сказано о таких людях: *червъ их*, говорит, *не умирает и огнь не угасает* (Мк. IX, 44). Устрашись этой угрозы! Убойся такого наказания! Не так велико здесь удовольствие, как велико там наказание. Но дай Бог, чтобы никто не подвергся тому наказанию; дай Бог, чтобы мы, подвизаясь в святости, узрели Христа и достигли обетованных благ, которых да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXIV

Иисус же возведе очи горе, и рече; Отче, хвалу Тебе воздаю, яко услышал еси Мя. Аз же ведех, яко всегда Мя послушаеши, но народа ради стоящаго окрест рех, и проч. (Ин. XI, 41, 42)

1. Что я много раз говорил, то и теперь скажу, — что Христос не столько обращает внимание на собственное достоинство, сколько на наше спасение, и не заботится о том, чтобы сказать что-нибудь великое, но то, что может привлечь нас. Поэтому высокого и великого в Его словах немного, да и то прикровенно, а уничиженного и обыкновенного — весьма много. Так как это последнее больше привлекало, то Он чаще об этом и говорит. Впрочем Он и не всегда говорит уничиженное, чтобы не повредить будущим (слушателям Своего учения), и не умалчивает о нем, чтобы не соблазнить

тогдашних. Люди, освободившиеся от низких понятий, могут и из одного высокого догмата уразуметь все; а те, которые всегда были с понятиями низкими, и совсем не пришли бы, если бы не часто слышали уничиженное. Ведь известно, что и после этого иудеи не отстают, но бросают в Него камнями, преследуют Его, стараются умертвить и называют хульником. Так, когда Он представляет Себя равным Богу, они говорят: *сей хулит* (Мк. II, 7; Ин. X, 33, 36); а когда сказал: *отпущаются тебе греси* (Мк. II, 9), – называют Его даже беснующимся, точно также, как и тогда, когда сказал, что слушающий слова Его – превыше смерти (Ин. VIII, 51). Равным образом они оставляют Его, когда Он сказал: *аз во Отце, и Отец во мне* (X, 38), и соблазняются, когда Он говорит о Себе, что сошел с неба. Если же они не терпели таких слов и тогда, как они произносились редко, то конечно еще менее стали бы внимать Ему, если бы речь Его всегда была высокою, и вся из таких слов составлена. Между тем, когда Он говорит: *якоже* заповеда *Мне Отец, сия глаголю* (Ин. VIII, 28), и также: о *Себе не приидох* (VII, 28), тогда они веруют; и что именно – *тогда,* видно из слов Евангелиста, который, означая это, говорит: *сия Ему глаголющу, мнози вероваша в Него* (VIII, 30). Итак, если уничиженные речи привлекали к вере, а высокие – отдаляли от нее, то не крайне ли безумно – не думать, что вся причина уничиженных состоит в том, что они говорены были приспособительно к слушателям? Так и в другом месте Он хотел было сказать нечто великое, но умолчал, указав на эту причину словами: *но да не соблазним их, шед на море, верзи удицу* (Мф. XVII, 27). То же самое делает Он и здесь. После того как сказал: *Аз же ведех, яко всегда Мя послушаеши,* Он присовокупил: *но народа ради стоящаго окрест рех, да веру имут* (Ин. XI, 42). Наши ли это слова? Человеческое ли это предположение? Значит, если бы кто из написанно-

го не мог убедиться, что соблазнялись речами высокими, то может ли он, слыша, как сам Христос свидетельствует, что Он для того говорит уничиженно, чтобы они не соблазнились, – может ли еще думать, что Его уничиженные слова были делом Его естества, а не снисхождения? Так и в другом месте, когда слышен был голос свыше, Он сказал: *не Мене ради глас сей бысть, но вас ради* (Ин. XII, 30). Впрочем великому можно многое говорить о себе уничиженно; но уничиженному неприлично возвещать о себе что-нибудь великое и высокое. То бывает по снисхождению, и имеет свою причину в немощи слушающих; или лучше – для того, чтобы расположить к смиренномудрию, чтобы убедить, что Он облечен плотью, чтобы научить слушателей – не говорить о себе ничего великого; а также – потому, что слушатели считали Его противником Божиим, не верили, что Он пришел от Бога, думали, что Он разоряет закон, завидовали Ему и враждовали против Него за то, что Он называл Себя равным Богу. А когда кто, сам по себе незначительный, говорит о себе что-нибудь великое, то для этого нет никакой причины, ни благовидной, ни неблаговидной: это будет только безумием, бесстыдством и непростительною дерзостью. Итак, для чего (Христос) говорит уничиженно, при Своем неизреченном и великом существе? Как по вышесказанным причинам, так и для того, чтобы не сочли Его нерожденным. Так и Павел, по-видимому, убоялся чего то подобного, почему и сказал: *разве покоршаго ему вся* (1 Кор. XV, 27). Действительно, нечестиво даже и помыслить это.

Если бы, с другой стороны, Он был меньше Родившего, и иного существа, а между тем Его почли бы равным, то не сделал ли бы Он всего, чтобы не считали Его таким? Но Он поступает напротив, говоря: *аще не творю дела Отца Моего, не имите Ми веры* (Ин. X, 37).

Равным образом и тогда, когда говорит, что *Аз во Отце и Отец во Мне* (XIV, 10). Он указывает нам на равенство. Ему следовало бы со всею силою опровергнуть это, если бы Он был меньше, и решительно никогда не говорит: *Аз во Отце, и Отец во Мне,* или: *едино есма* (X, 30), или: *видевый Мене, виде Отца* (XIV, 9). А между тем Он, когда у Него была речь о силе, говорил: *Аз и Отец едино есма* (X, 30), и когда была речь о власти, опять говорил: *якоже Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет, живит* (V, 21). Но этого Он не мог бы делать, если бы был другого существа; а если бы и мог, то Ему не следовало бы этого говорить, чтобы не подумали, что (у Них) одно и тоже существо. Если для того, чтобы не считали Его противником Богу, Он часто говорит и то, что Ему несвойственно, то тем более следовало (поступить так) в том случае. Но Он и словами: *да чтут Сына, якоже чтут Отца* (Ин. V, 23), и словами: дела *яже Он творит,* и Я также творю (ст. 19), и тем, что называет Себя воскрешением и жизнью (XI, 25) и светом миру (VIII, 12), – показывает, что Он равен Родившему, и утверждает то предположение, какое составили себе иудеи. Видишь ли, как много Он говорил чтобы защитить Себя в том, что Он не разоряет закона? А мнение о равенстве Своем с Отцом не только не опровергает, но и утверждает. Так и в то время когда они сказали: ты говоришь хулу, потому что творишь Себя Богом (Ин. X, 39), Он подтвердил это, указав на равенство дел.

2. Но зачем я говорю о том, что Сын так поступал (говорил о Себе уничиженно), когда и Отец, не восприявший плоти, делает то же самое? И Он, ради спасения слушающих, попустил сказать о Себе много уничиженного. Так слова: *Адаме, где еси* (Быт. III, 9), и: *да разумею, аще по воплю их совершаются* (XVIII, 21), и: *ныне познах, яко боишися ты Бога* (XXII, 12), и: *аще убо послушают и*

аще убо повинутся (Иез. III, 11), и: *кто даст, еже быти сердцу* сего народа (Втор, V, 29), и также: *несть подобен тебе в бозех Господи* (Пс. LXXXV, 8), – это и многое другое подобное, встречающееся в Ветхом Завете, очевидно недостойно величества Божия. И об Ахааве также сказано: *кто прельстит* мне *Ахаава* (2 Пар. XVIII, 19)? Да и самого Себя всегда ставит выше языческих богов – через сравнение Себя с ними. Все это недостойно Бога, но достойно в других отношениях: Он столько человеколюбив, что для нашего спасения пренебрегает выражениями, подобающими Его достоинству. Ведь и то самое недостойно, что Он соделался человеком, что принял зрак раба, что произносил уничиженные речи, и облачался в смиренные одежды, – недостойно, если кто станет смотреть на Его величие, но достойно, если кто помыслит о неизреченном богатстве Его человеколюбия. Но есть и другая причина уничиженности Его речей. Какая именно? Та, что Отца знали и исповедовали, а Его не знали. Поэтому Он часто обращается к Отцу, так как Его уже исповедовали, а сам Он как будто еще не был достоин веры, – не по собственной немощи, но по неразумию и слабости слушателей. Поэтому Он и молится и говорит: *Отче, хвалу Тебе воздаю, яко услышал еси Мя.* Ведь если Он, *ихже хощет, живит* (Ин. V, 21), и живит так же, как Отец, то для чего обращается с молитвою? Но уже время приступить к самому предмету. *Взяша убо камень, идеже бе умерый лежа. Иисус же, возвед очи горе и рече: Отче, хвалу Тебе воздаю, яко услышал еси Мя. Аз же ведех, яко всегда Мя послушаеши: но народа ради стоящаго окрест рех, да веру имуть, яко Ты Мя послал еси* (Ин. XI, 41, 42). Спросим еретика: от молитвы ли Он получил силу и воскресил мертвого? Как же другое Он без молитвы совершал, говоря, например: тебе говорю, демон, *изыди из него* (Мк. IX, 25), и еще: *хощу очистися* (Мк. I, 41), также: *возмы одр твой*

(Ин. V, 9), *и отпутаются ти греси твои* (Мф. IX, 2), и говоря морю: *молчи, престани* (Мк. IV, 39)? Да и чем Он будет больше апостолов, если и сам творит чудеса через молитву? Притом и они не все делали по молитве, а часто и без молитвы, призывая имя Иисуса. Если же имя Его имело такую силу, то как Он сам мог нуждаться в молитве? А если бы Он нуждался в молитве, то и имя Его не имело бы силы. И нуждался ли Он в какой молитве, когда творил человека? Не великое ли там равночестие? Сказано ведь: *сотворим человека* (Быт. I, 26). Да и что было бы немощнее, если бы Он нуждался в молитве? Но посмотрим, какая это и молитва: *Отче, хвалу Тебе воздаю, яко услышал еси Мя.* Кто когда-нибудь молился так? Прежде, чем сказал что-нибудь, говорит: *хвалу Тебе воздаю,* показывая тем, что не нуждается в молитве. *Аз же ведех, яко всегда Мя послушавши.* Это Он сказал не потому, что сам не мог, но потому, что у Них одна воля. Но для чего же Он и принял вид молящегося? Послушай не меня, но Его самого; а Он говорит: *народа ради стоящаго окрест, да веру имут, яко Ты Мя послал еси.* Не сказал: *да веру имут,* что Я меньше, что Я имею нужду в помощи свыше, что без молитвы не могу сотворить, но: *яко Ты Мя послал еси.* А между тем молитва означает все это, если будем просто понимать ее. Не сказал: Ты послал Меня немощного, знакомого с рабством, не делающего ничего собственною силою. Но оставив все это, чтобы ты не предполагал ничего подобного, представляет истинную причину молитвы, именно: чтобы не считали Меня противником Божиим, чтобы не говорили, что Я не от Бога, чтобы показать, что это дело совершается по Твоей воле. Если бы Я был противником Божиим, как бы так говорит Он, то не последовало бы это (чудо). А выражение: *услышал еси Мя* употребляется и о друзьях и о равночестных. *Аз же ведех, яко всегда Мя послушаешь,* — то есть чтобы совер-

шилась Моя воля, для этого Мне не нужна молитва, но, она нужна, чтобы убедить, что у Тебя и у Меня – одно хотение. Для чего же молишься? Для немощных и неразумных. *И сия рек гласом велиим воззва* (ст. 43). Почему же Он не сказал: во имя Отца Моего, гряди вон? Почему не сказал: Отче, воскреси его? Почему напротив, оставив все это и приняв на Себя вид молящегося, Он показывает Свое могущество? И это дело Его премудрости, – в словах, высказывает снисхождение, а в делах – власть. Так как ни в чем другом не могли обвинять Его, как только в том, будто Он не от Бога, и этим именно обольщали народ, то вот это самое Он с особенною очевидностью и показывает в Своих словах, и притом так, как того требовала их немощь. Он мог и иначе показать согласие (Свое с Отцом), а вместе собственное достоинство, но народ не мог до того возвыситься. *Лазаре, гряди вон*, говорит Он (ст. 42), – сообразно с тем, что прежде сказал: *грядет час, егда мертвии услышат глас Сына Божия, и услышавше оживут* (Ин. V, 25). Чтобы ты не подумал, что Он от другого получил силу, Он наперед сказал тебе об этом, а потом доказал самым делом. И не сказал: воскресни, но: *гряди вон,* обращаясь к мертвому, как к живому.

3. Что может сравниться с такой властью? Но если Он совершает это не собственною силою, то что Он будет иметь большего перед апостолами, которые говорят: *на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити* (Деян. III, 12)? Если, действуя не своею силою, Он не присовокупляет того, что говорили о себе апостолы, то они будут некоторым образом даже более Его любомудрствующими, потому что отклоняли от себя славу. И в другом месте: *мужие, что сия творите? И мы подобострастни есмы вам человецы* (Деян. XIV, 15). Таким образом апостолы, ничего не делавшие собственною силою, так и говорили, чтобы

убедить в этом. Ужели же Он, зная такое о Себе мнение, не опроверг бы его, если бы точно действовал не Своею властью? Но кто может утверждать это? Между тем, Христос поступает напротив, говоря: *народа ради стоящаго окрест рех, да веру имут,* так что, если бы веровали, то не было бы надобности и в молитве. И если б молитва не была несообразна с Его достоинством, то для чего Он в народе поставляет причину (молитвы)? Почему также не сказал: да веру имут, что Я не равен Тебе? Это именно следовало бы сказать в соответствие (бывшему о Нем) мнению. Когда подозревали Его в нарушении закона, Он прежде, чем они сказали что-нибудь, произнес эти слова: *не мните, яко приидох разорити закон* (Мф. V, 17); а здесь утверждает их предположение. Словом: к чему нужны были такие околичности и загадки? Довольно было сказать: Я не равен, и тем решить дело. Что же, скажешь, не говорил ли Он, *яко не творю воли Моея* (Ин. VI, 38)? Но и это (говорил) прикровенно, применительно к их немощи, и по той же причине, по которой была и молитва. Что же значит: *яко услышал еси Мя?* Значит, что у Меня нет ничего, противного Тебе. И как эти слова: *яко услышал еси Мя* – не то показывают, будто Он не имел силы (потому что в этом случае было бы не только бессилие, но и незнание, если то есть прежде молитвы Он не знал, что Бог услышит Его, если же не знал, то как говорил: *иду, да возбужу его,* а не сказал: иду помолиться Отцу, чтобы Он возбудил его?) – как, говорю, эти слова означают не немощь, но единомыслие, так и слова: *всегда Мя послушавши.* Или так должно понимать, или – что они сказаны применительно к мнению иудеев. Если же Он и знал, и не был немощен, то ясно, что Он для того говорит уничиженные слова, чтобы ты, по самой крайней уничиженности их, убедился и поневоле признал, что они (сказаны) не по сообразности с Его достоинством, но по снисхожде-

нию. Что же враги истины? Не по немощи слушателей, говорят, Христос сказал; *услышал еси Мя*, но чтобы показать Свое превосходство. Но это значило бы не показать превосходство, а крайне унизить Себя, и обнаружить, что Он ничем не больше человека. Молиться несвойственно Богу, ни тому, Кто восседит вместе с Ним на престоле. Видишь ли, что Он не почему другому стал молиться, как только по их неверию? Но посмотри, как и самое дело свидетельствует о Его могуществе. Он воззвал, и *изыде умерый обязан* (ст. 43, 44). Потом, чтобы такое дело не показалось обманом чувств, — а то, что связанный вышел, казалось чудным не менее самого воскресения, — Он повелел разрешить его, чтобы они, прикоснувшись к нему и подойдя близко увидели, что это — именно Он. И сказал: *оставите его ити* (ст. 44). Видишь ли, как Он далек от тщеславия! Не уводит его, не повелевает ходить с собою, чтобы не показаться кому-нибудь тщеславным; так Он был скромен! Когда чудо совершилось, одни удивлялись, а другие пошли и сказали фарисеям. Что же фарисеи? Вместо того, чтобы изумиться и подивиться, — совещаются убить Его, — Его, который воскресил мертвого. Какое безумие! Думали предать смерти Того, Кто в телах других побеждал смерть. *Что сотворим, яко человек сей многа, знамения творит*, говорят они (ст. 47). Еще называют Его человеком, получивши такое удостоверение в Его божестве. *Что сотворим?* Следовало уверовать, послужить и поклониться, и уже не почитать Его человеком. *Аще оставим его тако, приидут Римляне, и возмут язык наш* и город (ст. 48). Что такое замышляют они сделать? Хотят уже возмутить народ, как будто бы им угрожает опасность по подозрению в похищении верховной власти. Как скоро, говорят, римляне узнают об Нем, как о предводителе народа, они заподозрят нас, возьмут и разрушат наш город. Почему же, скажи мне?

Разве Он учил измене? Не заповедал ли Он давать дань кесарю? Не хотели ли вы сделать Его царем, и Он — скрылся? Не скромную ли и простую проводил Он жизнь, не имея ни дома, ни чего-либо подобного? Очевидно, они говорили так не из опасения, но из зависти. И однако ж это случилось, хотя и против их ожидания: (римляне) взяли и народ и город, взяли потому, что они умертвили Его. Подлинно, дела Его были выше всякого подозрения. Кто врачевал больных, учил добродетельной жизни и заповедовал повиноваться начальству, тот, конечно, не замышлял присвоить себе верховную власть, напротив уничтожал всякое покушение на присвоение власти. Мы, говорят, заключаем так по прежде бывшим. Но те учили возмущению, а Он — напротив. Видишь ли, что их слова были притворны? В самом деле, выказывал ли Он что-нибудь подобное? Вводил ли страшных оруженосцев? Влачил ли колесницы? Не искал ли, напротив пустынь? Но чтобы не подать вида, что они говорят по внушению своей страсти, они утверждают, что весь город находится в опасности, что обществу угрожают беды и что они боятся за последствия. Не это, а противное этому, было причиною вашего плена — настоящего (от римлян), и вавилонского, и того, который был там, при Антиохе. Не то, что у вас были люди, почитающие (Бога), но то, что между вами были неправедные, прогневляющие Бога, — вот что сделало вас пленниками. Но такова зависть! Она, ослепив однажды душу, не позволяет ей видеть ничего должного. Не учил ли быть кроткими? Когда ударяют в одну ланиту, — обращать и другую? Великодушно переносить обиды и показывать больше готовности терпеть зло, чем сколько другие бывают склонны делать зло? Это, скажи мне, свойственно тому ли, кто замышляет похитить верховную власть? Не тому ли, напротив, кто уничтожает всякое покушение на присвоение власти?

4. Но, как я сказал, зависть – страшное зло и полна лицемерия. Она наполнила вселенную бесчисленными бедствиями. От этой болезни судилища наполнены подсудимыми. От ней страсть к славе и стяжанию; от ней властолюбие и гордость. Отсюда на путях преступные разбойники, и на морях грабители. Отсюда убийства во вселенной; отсюда разделение нашего рода. Какое ни увидишь зло, знай, что оно от зависти. Она вторглась и в церкви. Она издавна была причиною множества зол. Она породила сребролюбие. Эта болезнь извратила все и растлила правду. *Дарове,* сказано, *ослепляют очи премудрых, и якоже бразды на устех, отвращают обличения* (Сир. XX, 29). Она и свободных делает рабами. Об ней мы каждый день беседуем, но нет никакой пользы. Мы бываем хуже зверей, грабим сирот, обираем вдовиц, обижаем бедных, прилагаем к горю горе. *Люте мне, яко погибе благочестивый от земли* (Мих. VII, 2). И нам теперь время плакать, или, лучше, следует каждый день говорить эти слова. Ничего не достигаем мы мольбами ничего – советами и увещаниями; поэтому остается только плакать. Так и Христос поступил: когда иерусалимляне, после многих Его увещаний нисколько не воспользовались ими, – Он плакал о их ослеплении. Так поступают и пророки; так следует и нам ныне поступить. Теперь время плача, слез и сетования. Благовременно и нам теперь сказать: *призовите плачевниц, и к женам премудрым послите, и да вещают* (Иер. IX, 17). Может быть через это мы в состоянии будем исцелить от болезни тех, которые хищением строят светлые дома и приобретают поля.

Благовременно плакать; но и вы, ограбленные и обиженные, примите участие в моем плаче; присоедините к своему плачу и мои слезы. Но будем плакать не о себе самих, а об них: не вас они обидели, а себя погубили. Вы за обиду получите царство небесное; а они,

за неправильное приобретение, геенну. Поэтому лучше быть обиженным, нежели обижать. Будем плакать об них, но не человеческим плачем, а Священного Писания, которым плакали и пророки. Восплачем горько с Исаиею, и скажем: *горе совокупляющим дом к дому, и село к селу приближающим, да ближнему отъмут что; еда вселитеся едини на земли? Домове велицыи и добрии, и не будут живущии в них* (Ис. V, 8, 9). Восплачем вместе с Наумом, и скажем с ним: горе созидающему дом свой в высоту! Или лучше, будем плакать об них так, как сам Христос о живших в то время, говоря: *горе вам богатым, яко восприемлете* мзду вашу и *утешение ваше* (Лк. VI, 24)! Так, умоляю, станем непрестанно плакать и мы; а если не будет неприлично, то станем даже ударять себя в грудь при виде беспечности братии. Не станем оплакивать того, кто уже умер, но будем оплакивать хищника, корыстолюбца, сребролюбца, ненасытного. Зачем плакать об умерших, которым нельзя уже принести никакой пользы? Будем плакать о тех, для которых еще возможна перемена. Но в то время, как мы плачем, они, может быть, смеются? И это достойно слез, что они смеются над тем, о чем следовало бы сокрушаться. Если бы они сколько-нибудь тронулись нашими рыданиями, то следовало бы перестать рыдать, в надежде на их исправление. Но так как они остаются бесчувственными, то и мы будем продолжать плакать, не просто о богатых, но о сребролюбцах, лихоимцах и хищниках. Богатство не есть зло: его можно употреблять и с пользою, если, например, мы тратим его на нуждающихся. Но зло – любостяжание; оно приготовляет нескончаемые казни. Итак станем плакать. Может быть, (от этого) и будет какое-нибудь исправление. Если же впавшие (в этот грех) и не освободятся (от него), то может быть другие не подвергнутся этому злу, но остерегутся от него. Но дай Бог, чтобы и те освободились

от этой болезни, и никто из нас не подвергся ей, чтобы всем вообще сподобиться обетованных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXV

Един же некто от них Каиафа, архиерей сый лету тому, рече им: вы не весте ничесоже, ни помышляете, яко уне есть нам, да един человек умрет за люди, и проч. (Ин. XI, 49, 50)

1. *Углебоша языцы в пагубе, юже сотвориша: в сети сей, юже скрыта, увязе нога их* (Пс. IX, 16). Это случилось с иудеями. Они говорили, что должно умертвить Иисуса, чтобы не пришли римляне и не взяли их язык и город; а между тем, когда умертвили, тогда подверглись этому. Таким образом, избегая чего, по-видимому, они (это) сделали, того самого не избежали, потому что сделали. Тот, Кого умертвили, находится на небесах; а те, которые умертвили, наследуют геенну, хотя и не это имели в намерении, но что? *От того убо дне,* сказано, *совещаша, да убиют Его* (Ин. XI, 53), потому что, говорили, *приидут Римляне, и возмут язык наш* (ст. 48). *Един же от них Каиафа, архиерей сый лету тому,* будучи бесстыднее прочих, *рече: вы невесте ничесоже* (ст. 49). В чем те еще колебались и что предложили на рассуждение в виде мнения (так как говорили: *что сотворим?),* то самое этот провозгласил бесстыдно, открыто и с наглостью. Что он говорит? *Вы невесте ничесоже, ни помышляете, яко уне есть, да един человек умрет за люди, а не весь язык погибнет. Сего же о себе не рече, но архиерей сый прорече* (ст. 49–51).

Видишь, какова сила архиерейской власти? Удостоившись вполне архиерейства, хотя был недостоин, он

пророчествовал, сам не разумея того, что говорил. Благодать воспользовалась только его устами, но не коснулась нечистого сердца. Так и многие другие предсказали будущее, хотя были недостойны, например: Навуходоносор, фараон, Валаам; причина этому известна. А слова (Каиафы) значат вот что: вы сидите, доселе мало обращаете внимания на это дело, и не знаете, что должно пренебречь для (блага) общего спасением одного человека. Смотри, какая сила Духа! Из лукавой души Он смог извлечь слова, полные чудного пророчества. А чадами Божиими Евангелист называет язычников, применительно к будущему, точно так же, как и сам Господь говорит: *и ины овцы имам* (Ин. X, 16), называя их так применительно к будущему. Но что значат слова: *архиерей сый лету тому?* То, что вместе с прочим и это (достоинство) было искажено с тех пор, как начальственные должности сделались продажными. Первосвященствовали уже не все время жизни, но один год. Однако же и при этом Дух еще присущ был им только тогда, когда они воздвигли руки на Христа, Он оставил их и перешел на апостолов. Это показали и раздравшаяся завеса и глас Христа, который сказал: *се оставляется дом ваш пуст* (Мф. XXIII, 38). Равным образом и Иосиф (Флавий), живший спустя немного времени, сказал, что некие ангелы, еще пребывавшие с ними в ожидании их исправления, оставили их. Доколе виноградник еще существовал, все было; но как скоро они умертвили наследника, то стало уже не так, и они погибли. И Бог, взяв от иудеев, как бы от неблагодарного сына, светлую одежду, отдал ее добрым слугам из язычников, а их оставил нищими и нагими. Немаловажно и то было, что враг пророчествовал об этом. Это могло привлечь и других, потому что на деле вышло совсем не так, как (враг) предполагал. Через смерть (Христову) верные освободились от будущего

наказания. Но что значит: *да соберет во едино* (ст. 52)? То, что Он близких и дальних сделал одним телом, так что живущий в Риме считает своими членами индийцев. Что может сравниться с таким собранием? А глава всех – Христос. *От того убо дне совещаша* иудеи, *да убиют Его* (ст. 53). И прежде они искали этого, как сказано: *сего ради искажу Его Иудее убити* (Ин. V, 18), и еще: *что Мене ищете убити* (VII, 19); но тогда они только искали, а теперь постановили решение, и смотрят на это дело, как на обязанность. *Иисус же ктому не яве хождаше в Иудеех* (ст. 54). Опять спасает Себя по-человечески, как и часто это делает.

2. Я уже сказал о причине, по которой Он часто уходил и удалялся. И теперь Он живет близ пустыни, в Евфрафе, и там пребывает с учениками Своими (ст. 54). Как, думаешь, смущены были ученики, видя, что Он спасается по-человечески? За Ним уже никто не следовал, так как, по случаю приближения праздника, все спешили в Иерусалим. А они, когда все веселились и праздновали, тогда-то именно скрываются, тогда-то находятся в опасности; однако же, несмотря на это, они оставались с (Учителем). Так они скрывались и в Галилеи во время пасхи и праздника кущей. Равным образом и после этого, во время праздника, они одни из всех бегали и скрывались вместе с Учителем, и тем показали Ему свое расположение. Поэтому-то Лука и замечает, что (Христос) сказал им: Я пребыл с вами в напастех (Лк. XXII, 28). А это Он сказал, чтобы показать, что они укрепляются Его благодатью. *И взыдоша мнози от страны, да очистятся. Даша же архиерее и фарисее заповедь, да имут Его* (ст. 55, 57). Удивительное очищение – при намерении оскверниться кровно, при мысли о человекоубийстве, при окровавленных руках? *И глаголаху: что мнится вам, яко не имать ли приити в праздник* (ст. 56)? В пасху злоумышляли, и время празд-

ника делали временем убийства. Здесь, говорят, Ему должно попасть в наши руки, так как теперь время призывает Его сюда. О, нечестие! Когда требовалось особенное благоговение, когда следовало отпустить и тех, которые уличены в величайших преступлениях, тогда они стараются уловить человека, не сделавшего никакой неправды. Впрочем они уже и прежде так поступали, но не только ничего не достигли, а еще сделались смешными. Он часто впадает в руки их и уходит от них, и когда они замышляют Его умертвить, удерживает их и приводит в недоумение, чтобы обнаружением Своей силы расположить их к сердечному сокрушению и чтобы, когда возьмут Его, они знали, что это произошло не от их собственной силы, но от Его соизволения. Так и теперь они не могли Его взять при всем том, что, Вифания была близко, – да когда и взяли, Он поверг их ниц. *Прежде же шести дний пасхи прииде во Вифанию, идеже бе Лазарь,* и вечерял у них, причем Марфа служит, а Лазарь возлежит (Ин. XII, 1, 2). Вот доказательство несомненного воскресения (Лазаря): спустя много дней он был жив, и ел. Отсюда видно также, что вечеря была в Доме Марфы, потому что они принимают Иисуса, как друзья и любимцы Его. Некоторые впрочем говорят, что это было в чужом доме. Мария при этом не прислуживала, а была ученицей. Опять и здесь она (является) более духовною. Она не прислуживает, как гостья, и не оказывает всем услуг, но воздает честь только одному, и приступает к Нему не как к человеку, а как к Богу. Поэтому она и миро излила, и отерла волосами головы; это показывает, что она имела о Нем понятие не такое, какое имели другие. Между тем Иуда, под предлогом благочестия укорил ее. Что же Христос? Доброе (говорит) дело сделала она для погребения Моего (ст. 7). Почему же Он не обличил ученика за эту жену и не сказал того, что сказал Евангелист, то

есть что Иуда укорял ее потому, что был тать? Он хотел тронуть Его великим долготерпением. А так как Он знал, что Иуда – предатель, то Он прежде неоднократно обличал его, говоря: не все веруют, и: *един от вас диавол есть* (Иоан, VI, 64, 70). Этим Он показал, что знает его, как предателя, но не обличил его открыто, а оказал ему снисхождение, желая отвратить его. Как же другой (Евангелист) говорит, что так сказали все ученики (Мф. XXVI, 8)? Правда, и все, и он; но другие не по тому же побуждению.

Если же кто спросит, почему (Христос) поручил татю ковчежец нищих и сребролюбца сделал распорядителем, то я отвечу, что сокровенную причину этого знает Бог. Если же следует что-нибудь сказать нам, основываясь на соображениях, то это для того, чтобы отнять (у Иуды) всякое извинение. В самом деле, он не мог сказать, что сделал это (предал Иисуса) по любви к деньгам, так как находил достаточное удовлетворение своей страсти в ковчежце; нет, это он сделал по великому нечестию, которое Христос хотел обуздать, оказывая ему снисхождение. Поэтому Он и не обличал его в краже, хотя и знал об этом, чтобы тем обуздать его злое пожелание и отнять у него всякое оправдание. *Не дейте ея*, говорит, потому что она сделала это для дня Моего погребения (ст. 7). Сказав о погребении, Он опять сделал намек на предателя. Но его не трогает это обличение, не смягчают эти слова, хотя они и могли возбудить сострадание. Как бы так Он говорил: Я неприятен и тягостен? Но подожди немного, и Я отойду. К этой же мысли Он приводил словами: *Мене не всегда имате* (ст. 8). Но все это не преклонило человека зверонравного и неистового. Впрочем (Господь) и сказал, и сделал даже гораздо больше этого: Он и омыл ноги его в ту ночь, и сделал его участником трапезы и солила, – что могло бы укротить и души раз-

бойников, — и сказал другие слова, которые могли бы смягчить самый камень. И все это не за долгое время, но в тот же самый день, чтобы самое время не привело этого в забвение. Но (Иуда) упорствовал, несмотря на все.

3. Страшно, истинно страшно — сребролюбие. Оно закрывает и глаза и уши, делает свирепее зверей, не позволяет думать ни о совести, ни о дружбе, ни об общении, ни о спасении собственной души, но, зараз отвративши от всего, делает плененных своими рабами, точно какой жестокий тиран. И что всего хуже в этом горьком рабстве, — оно заставляешь даже услаждаться собою, так что, чем больше предаются ему, тем больше увеличивается удовольствие. Оттого-то преимущественно эта болезнь и бывает неизлечима; оттого-то и неукротим этот зверь. Сребролюбие сделало Пезия из ученика и пророка прокаженным; оно погубило Ананию; оно сделало Иуду предателем; оно растлило иудейских начальников, которые принимали дары и стали сообщниками воров. Оно породило бесчисленные войны, наполнило кровью пути, плачем и слезами — города. Оно и вечери сделало нечистыми, и трапезы — оскверненными, и самые яства исполнило беззакония. Потому-то Павел назвал его идолослужением (Еф. V, 5), но и этим не устрашил. А почему он называет его идолослужением? Многие, имея богатство, не смеют им пользоваться, но считают его святынею и передают в целости внукам и их потомкам, не смея коснуться его, как бы чего-нибудь посвященного Богу. А если когда и принуждены бывают (коснуться его), то бывают в таком состоянии, как будто сделали что-нибудь непозволительное. С другой стороны, как язычник оберегает идола, так ты ограждаешь золото дверями и запорами, вместо храма устрояешь для него ковчег и влагаешь его в серебряные сосуды. Но ты не

поклоняешься (золоту), как тот – своему идолу? Тем не менее ты показываешь в отношении к нему всякое уважение. Далее (язычник) скорее отдаст свои глаза и душу, чем идола: так точно и любящие золото. Но я, скажешь, не поклоняюсь золоту? И тот говорит, что он поклоняется не идолу, но живущему в нем демону. Так и ты, если не поклоняешься золоту, то демону, который вторгается в твою душу от взгляда на золото и от страсти к нему. Страсть сребролюбия хуже демона, и ей многие покорны больше, чем иные идолам. Идолов во многом не слушают, а сребролюбию во всем повинуются и исполняют все, что бы оно ни приказало сделать. Что же оно говорит? Будь, говорит, для всех врагом и неприятелем; забудь природу; презирай Бога; пожертвуй собою мне, – и во всем этом повинуются. Истуканам приносят в жертву волов и овец; а сребролюбие говорит: принеси мне в жертву твою душу, – и это также исполняют. Видишь, какие оно имеет алтари, какие принимает жертвы? *Лихоимцы царствия Божия не наследят* (1 Кор. VI, 10), – но они и этого не боятся. Впрочем, эта страсть сама по себе слабее, потому что не врождена нам и не происходит от нашей природы; иначе она была бы в нас с самого начала; но в начале не было золота, и никто не любил золота. Если хотите, я скажу, откуда возникло это зло. Каждый, соревнуя жившим прежде его, увеличивал эту болезнь, и предшественник возбуждал даже против воли. Люди, как скоро видят светлые дома, множество полей, толпы слуг, серебряные сосуды, большое собрание одежд, – всячески стараются иметь еще больше, так что первые бывают причиною для вторых, эти для последующих. Между тем, если бы хотели жить скромно, то не были бы учителями для других. Впрочем и для этих последних нет оправдания, потому что есть и такие, которые презирают богатство. Да кто же,

скажешь, презирает? В том-то и беда, что зло увеличилось до такой степени, что (добродетель нестяжания) стала, по-видимому, невозможною, — и что даже не верится, чтобы кто-нибудь ей следовал. Я мог бы, конечно, назвать многих и в городах и в селах; но что пользы? Ведь и от этого вы не сделаетесь лучшими. А сверх того, у нас и речь теперь не о том, чтобы вы растратили имущество. Я желал бы этого; но так как это бремя выше сил ваших, то я не принуждаю. Я только убеждаю, чтобы вы не желали чужого, чтобы уделяли и от своего. Ведь есть много таких, которые довольствуются своим, заботятся о своем и живут праведными трудами. Почему мы не ревнуем и не подражаем им? Вспомним о тех, которые жили прежде нас. Не стоят ли доселе их имения, на которых только имена их сохраняются? Вот баня такого-то, вот предместье и гостиница такого-то. Увидев это, не вздохнем ли мы тотчас, представивши, сколько он трудов перенес, сколько хищения совершил, и — нигде нет его самого; а его стяжанием наслаждаются другие, о которых он и не думал, —может быть, даже враги его, — между тем как сам он терпит величайшее наказание. Это ожидает и нас: и мы непременно умрем; и нас непременно постигнет тот же конец. Сколько, скажи мне, перенесли они гнева, сколько издержек, сколько вражды? И какой плод? Нескончаемое наказание, лишение всякого утешения и осуждение от всех не только при жизни, но и после смерти. А что в том, когда мы видим изображения многих, поставленные в домах, не больше ли от того плачем? Поистине, хорошо сказал пророк: *обаче* всуе мятется *всяк человек живый* (Пс. XXXVIII, 6, 7). Попечение о таких вещах поистине есть смятение и напрасное беспокойство. Но не так бывает в обителях вечных и в тех селениях: здесь иной трудился, а иной наслаждается; а там каждый будет господином своих

трудов, и получит многообразную награду. Будем же стремиться к тому стяжанию. Там устроим себе дома, да упокоимся во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом, слава вовеки. Аминь.

БЕСЕДА LXVI

Разуме же народ мног от Иудей, яко ту есть: и приидоша не Иисуса ради токмо, но да и Лазаря видят, егоже воскреси от мертвых (Ин. XII, 9)

1. Как богатство обыкновенно губит людей неосторожных, так равно и власть. Первое доводит до любостяжания, а последняя до безумия. Вот смотри: подчиненные в иудейском народе судят здраво, а начальники – превратно. Что народ веровал во Христа, об этом часто говорят евангелисты, – что *мнози от народа вероваша в Него* (Ин. VII, 31). А из начальников не веровали. Сами же начальники, а не народ, говорят: *еда кто от князь верова в онь* (Ин. VII, 48)? Но кто же? *Народ*, говорят, *иже не весть* Бога, *прокляты суть* (ст. 49). Верующих называли проклятыми; а самих себя, убийц, – благоразумными. Так и теперь, увидев чудо, многие уверовали, – а начальники не только не удовольствовались своими злодействами, но покушались еще умертвить и Лазаря. Пусть – Христа за то, что Он нарушал субботу, что творил Себя равным Отцу, из-за римлян, как говорите вы; но в чем вы можете обвинить Лазаря? За что его хотите умертвить? Ужели в том его вина, что он получил благодеяние? Видишь, как они склонны к убийству? Много чудес сотворил (Христос), но ни одно до такой степени не ожесточило их, – ни чудо над расслабленным, ни чудо над слепым. Это потому, что чудо над Лазарем и по самой природе своей было удивительнее, и было совершено после многих чудес. Да и пора-

зительно было видеть, что четверодневный мертвец ходит и говорит. А прекрасное, неправда ли, дело для праздника – к торжеству присоединить убийство! Притом же, в тех случаях они думали обвинить Христа в нарушении субботы и через то отвлечь от Него народ; а здесь ни в чем не могли обвинить Его, и потому злоумышляют против того, кого Он воскресил. Здесь они не могли даже сказать и того, будто Он противится Отцу, потому что молитва Его заграждала им уста. И так как всегдашний предлог к обвинению теперь у них был отнят, а чудо между тем было явное, то они решаются на убийство. Тоже самое, конечно, они сделали бы и со слепым, если бы не имели повода к обвинению в нарушении субботы. А кроме того, слепой был незнатен, – и они выгнали его из храма; а этот (Лазарь) был человек знаменитый, как видно из того, что многие собрались утешать сестер его. Да и чудо было совершено ввиду всех и самым необыкновенным образом, почему все и спешили посмотреть. Вот то-то и мучило их, что все при наступлении праздника, оставив торжество, идут в Вифанию. Итак они замыслили умертвить Лазаря, не думая даже о том, что это преступление: до того они были склонны к убийству! Потому-то первоначальный закон начинается с заповеди: *не убий* (Исх. XX, 13). И пророк обличает их в этом: *руки их исполнены крове* (Ис. I, 15). Но как же Христос, который открыто не ходил в Иудее и удалился в пустыню, теперь опять смело входит? Своим удалением Он утушил их ярость и возвращается к ним уже тогда, как они успокоились. С другой стороны, они должны были бояться народа, который предшествовал и сопутствовал Ему, потому что ни одно чудо так не привлекло к Нему народ, как чудо над Лазарем. Другой Евангелист замечает еще, что народ постилал Ему под ноги *ризы своя* (Лк. XIX, 36) и что *потрясеся весь град* (Мф. XXI, 10);

с такою честью входил Он! А входил Он так для того, чтобы предызобразить одно пророчество и исполнить другое, — так что одно и тоже событие служило и началом одного и концом другого. Слова: радуйся, *яко царь твой грядет к тебе кроток* (Мф. XXI, 5) означают исполнение пророчества; а что Он воссел на осла, это прообразует будущее событие, именно то, что Он имел покорить Своей власти нечистое племя язычников. Но как же другие (евангелисты) говорят, что Он послал учеников и сказал им: *отрешите осля и жребя* (Мф. XXI, 2), а (Иоанн) не говорит ничего такого, но что Он, *обрет осля, вседе на не* (Ин. XII, 14)? Вероятно, было и то и другое: в то время, как ученики, отрешив ослицу, вели ее к нему, — вероятно, Он нашел осля и сел на него. Между тем народ взял ветви финиковых и масличных дерев и постилал одежды, показывая тем, что он уже имеет о Нем высшее понятие, чем о пророке, — и говорил: *осанна, благословен грядый во имя Господне* (Ин. XII, 13). Видишь ли, как всего более их уязвляло всеобщее убеждение в том, что Он не противник Божий? Как всего более разделяло народ то, что Он говорил о Себе, что пришел от Бога? А что значит: *радуйся зело, дщи Сионя?* Так как все цари их были по большей части несправедливы и корыстолюбивы, предавали их врагам, развращали народ и подчиняли его неприятелям, то и говорит: *не бойся;* этот (царь) не таков, но кроток и незлобив, как показывает и ослица. Не войском окруженный вошел Он, а имея при Себе одного осла. *Сихъ же не разумеша ученицы его, яко сия быши о нем писана* (ст. 16). Видишь ли, что ученики многого не понимали, когда Он сам не открывал им? Так и тогда, когда сказал Он: *раззорите церковь сию, и треми денми воздвигну ю* (ст. 2, 19), — ученики также не поняли. И другой Евангелист говорит, что слово Его было сокровенно для них (Лк. XVII, 44) и что они не знали, что Ему надлежит воскреснуть из

мертвых. Но это по справедливости было сокрыто от них, — почему другой Евангелист и говорит, что они всякий раз, как слышали об этом, скорбели и печалились, потому что не разумели тайны воскресения. Это, говорю, по справедливости было сокрыто от них, так как превышало их понятая. Но отчего же не было открыто им и знаменование ослицы? Оттого, что и это было дело великое.

2. Заметь же любомудрие Евангелиста: он не стыдится выставлять на вид прежнее их неведение. Что было написано, это они знали, а что написанное относилось к Христу, этого не знали. Их соблазнило бы то, что Он, будучи царем, должен был столько претерпеть и подвергнуться такому предательству. А с другой стороны, они не уразумели бы вдруг учения о царстве, о котором Он говорил. По словам другого Евангелиста, они думали, что Он говорит об этом царстве. *Свидетельствоваше убо народ,* что Он воскресил Лазаря (ст. 17, 18). Народ, говорит, в таком множестве не обратился бы вдруг, если бы не уверовал в чудо. *Фарисее же реша к себе: видите, яко никая же польза есть: се мир по нем идет* (ст. 19). Мне кажется, эти слова принадлежат тем, которые рассуждали здраво, но не смели говорить открыто, и потому указанием на события хотели удержать других от их предприятия, как от дела бесполезного. А под именем мира они разумеют здесь тот же народ. Писание обыкновенно называет миром и тварь, и людей, живущих в пороках; в первом смысле (употребляет это слово), когда говорит: *носяй по числу утварь свою* (Ис. XL, 26), а в последнем, — когда выражается: *не может мир ненавидети вас: Мене же ненавидит* (Ин. VII, 7). Это хорошо нужно знать для того, чтобы неправильным разумением слов не подать повода еретикам вооружаться против нас. *Бяху же нецыи еллини от пришедших, да поклонятся в праздник* (ст. 20). Будучи уже близки к тому, чтобы сде-

латься прозелитами, они пришли на праздник и, когда молва о Христе дошла и до них, говорят: *хощем Иисуса видети* (ст. 21). Филипп приходит к Андрею, как старшему, и сообщает ему об этом. Но и Андрей сам собою не решает этого, так как он слышал уже; *на путь язык не идите* (Мф. X, 5). Поэтому, поговорив с Филиппом, он вместе с ним доводит дело до Учителя; они оба сказали Ему об этом. Что же говорит Христос? *Прииде час, да прославится Сын человеческий. Аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает* (ст. 23, 24). Что значит: *прииде час?* Прежде Он говорил: *на путь язык не идите,* и тем удерживал учеников, чтобы отнять у иудеев всякий предлог к неблагодарности. Но так как иудеи продолжали упорствовать, а язычники желали прийти к Нему, то Он и говорит: время уже идти на страдание, так как все уже исполнилось. Если мы будем продолжать заботиться об иудеях, несмотря на их упорство, а язычников не станем допускать к себе, при всем их желании, то это будет недостойно нашего промышления. И вот, так как Он намерен был послать учеников Своих к язычникам уже после креста, и между тем видит, что язычники сами идут к Нему, — то и говорит: время идти на крест. Не прежде Он послал их, — чтобы это служило свидетельством против иудеев. До тех пор, пока (иудеи) самым делом не отвергли Его, пока не предали Его распятию, Он не говорил: *шедше, научите вся языки* (Мф. XXVIII, 19), а напротив: *на путь язык не идите* (Мф. X, 5), и: *несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Исраилева,* и: *несть добро отъяти хлеба чадом, и поврещи псом* (Мф. XV, 24, 36). Но когда они возненавидели Его и возненавидели до того, что предали на смерть, то уже бесполезно было продолжать заниматься ими, в то время, как они отвергают Его. А они действительно отреклись от Него, сказав: *не имамы царя, токмо кесаря* (Ин. XIX, 15). Тогда уже и Он их оста-

вил, когда они Его оставили. Потому-то Он и говорит: *колькраты восхотех собрати чада* ваша, *и не восхотесте* (Мф. XXIII, 37). Что значит, *аще зерно пшенично пад на земли не умрет?* Это Он говорит о кресте. Чтобы (ученики) не смущались мыслью, что Он умерщвлен в то самое время, когда и язычники начали приходить к Нему, — Он говорит, что это-то самое в особенности и будет содействовать обращению язычников и распространению Его проповеди. Но как слова не так сильно убеждали их, то Он уверяет их в том же действительным опытом, говоря, что так бывает и с пшеницею, — она приносит больший плод, когда умрет. Если же так бывает с семенами, то тем более со Мною. Но ученики не поняли Его слов. Это Евангелист постоянно выставляет на вид, желая извинить их бегство впоследствии времени. Такую же речь вел и Павел, рассуждая о воскресении.

3. Какое же после этого будут иметь оправдание неверующие воскресению, когда оно ежедневно представляется в семенах, и в растениях, и при нашем рождении? Ведь прежде нужно истлеть семени, и потом уже бывает рождение. Впрочем, говоря вообще, — где действует Бог, там нет нужды в умствованиях. Каким образом Он сотворил нас из ничего? Это я говорю христианам, которые говорят о себе, что веруют Писанию. Но я скажу нечто и на основании умствований человеческих. Одни из людей живут порочно, другие добродетельно; но из числа порочных многие доживают до глубокой старости, наслаждаясь счастьем, а с людьми добродетельными бывает противное. Когда же каждый из них получит по заслугам? В какое время? Это так, говорят, но не будет воскресения тел. А разве они не слышат, что сказал Павел: *подобает тленному сему облещися в нетление* (1 Кор. XV, 53)? Здесь речь не о душе, потому что душа не подлежит тлению. Да и восстание свойственно тому, что пало; а пало тело. И почему ты

не хочешь (допустить) воскресения тел? Разве это невозможно для Бога? Но говорить так – дело крайнего безумия. Или неприлично? Почему же неприлично, чтобы существо тленное, участвовавшее в труде и смерти, приняло участие и в венцах? Если бы было неприлично, то оно не было бы сотворено в начале и Христос не принял бы на Себя плоти. А что Он и принял, и воскресил ее, – послушай, как Он говорит: *вложи* персты *и виждь, яко дух* костей и жил *не иматъ* (Ин. XX, 27; сн. Лк. XXVI, 39). Зачем также Он воскресил Лазаря, если лучше воскреснуть без тела? Зачем поставляет это в ряду чудес и благодеяний? Да зачем и вообще дал пищу? Нет, возлюбленные, не обольщайтесь еретиками. Есть, подлинно, и воскресение есть и суд; отвергают их только те, которые не хотят дать отчета в своих делах. И притом воскресение должно быть такое же, каково было и воскресение Христово, – потому что Христос есть *начаток и перворожден из мертвых* (Кол. I, 18). Но если воскресение состоит в очищении души и освобождении от грехов, а Христос не согрешил, то как Он воскрес? А если и Он согрешил, то как мы избавились от клятвы? Да и как Он говорит: *грядет мира сего князь, и во мне не иматъ ничесоже* (Ин. XIV, 30)? Ведь это значит, что Он безгрешен. Итак, по их мнению Христос или не воскрес, или, если воскрес, то до воскресения согрешил. Но Он и воскрес, и греха не сотворил; следовательно воскрес телом. А то нечестивое учение есть не что иное, как порождение тщеславия. Будем же избегать этой болезни, *тлят бо,* сказано, *обычаи благи беседы злы* (1 Кор. XV, 33). Это не учение апостольское; Маркион и Валентин – вот кто это выдумал. Будем же убегать этого, возлюбленные. Ведь при неправых догматах нет никакой пользы и от доброй жизни, точно так же, как и наоборот, – здравые догматы бесполезны при порочной жизни. Эллины

породили это, а они (еретики) распространили, заняв у языческих философов и утверждая как то, что вещество не создано, так и многое тому подобное. Таким образом, как сказали они, что, если бы не было несозданного вещества, то не было бы и Творца, так отвергли и воскресение. Но не будем внимать им, зная всемогущую силу Божию, — не будем внимать. Это я говорю вам; с своей же стороны мы не откажемся вступить с ними в борьбу. Человек безоружный и беззащитный легко может быть пленен, хотя бы он вступил в борьбу с слабым, хотя бы он был сильнее его. Если бы вы внимали Писанию и каждодневно упражнялись в нем, я не стал бы убеждать вас избегать борьбы с ними, а напротив даже советовал бы сразиться с ними, потому что истина сильна. Но как вы не умеете пользоваться Писанием, то я и боюсь за эту борьбу, чтобы они, застав вас безоруженными, не низложили вас. На самом деле, нет ничего слабее их, потому что они лишены помощи от Духа. Если же они пользуются мудростью языческою, то этому не должно удивляться, а напротив стоит посмеяться, что они руководствуются глупыми наставниками. Действительно, эти наставники ни о Боге, ни о твари не могли дойти ни до чего истинного; но что у нас теперь знает всякая вдовица, того не знал и сам Пифагор. Они говорили, например, что душа бывает то растением, то рыбою, то псом. Ужели таких, скажи мне, следует слушать? Какое же для этого основание? Они велики на улицах, отращивают красивые волосы и одеваются в плащи, — этим и ограничивается их любомудрие. А посмотришь внутрь, все — прах и пепел, нет ничего здорового, но *гроб отверст гортань их,* все полно нечистоты и тления, и все догматы их исполнены червей. Так первый между ними почитал богом воду, следующий за ним — огонь, третий — воздух, все же полагали найти его в телах. Ужели же, скажи мне, сле-

дует удивляться таким, которые не имели даже понятия о бестелесном Боге? Если же они наконец и приобрели (понятие), то это было уже после того, как в Египте они вошли в сношение с нашими. Но чтобы не возбудить между вами большого шума, я здесь окончу свое слово. Если бы я начал подробно излагать их мнения, как рассуждали они о Боге, как — о веществе, как — о душе, как — о телах, то последовал бы великий смех. Притом они и не нуждаются в нашем опровержении, — они сами опровергли друг друга. Так, написавший против нас книгу о веществе, сам себя опроверг. Потому, чтобы не утруждать вас понапрасну и не развивать перед вами лабиринта слов, — вместо всего этого я скажу вам, что надобно внимать божественному Писанию и не вступать в бесполезные словопрения. Это же внушает и Павел Тимофею (2 Тим. II, 14), несмотря на то, что последний был исполнен великой мудрости и имел силу чудотворений. Последуем же его внушению и, оставив пустословие, будем заниматься делами, то есть братолюбием и страннолюбием, и особенно позаботимся о милостыне, чтобы достигнуть обетованных благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXVII

Любяй душу свою, погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю. Аще кто Мне служит, Мне да последствует (Ин. XII, 24, 26)

1. Сладостна настоящая жизнь и заключает в себе много приятного, но не для всех, а только для привязанных к ней. Если же кто посмотрит на небо и увидит тамошние блага, тот скоро станет пренебрегать этой

жизнью и ставить ее ни во что. Ведь и телесная красота, пока нет другой — лучшей, возбуждает удивление, а когда явится красота лучшая, прежнею начинают пренебрегать. Так и мы, если станем смотреть на ту красоту и созерцать благолепие тамошнего царства, — скоро освободимся от настоящих уз, так как привязанность к настоящему действительно есть некоторого рода узы. К этому-то и приводит нас Христос, когда говорит: *любяй душу свою, погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю. Аще, кто мне служит, мне да последствует, и идеже есмь аз, ту и слуга мой будет* (ст. 25, 26). Слова эти походят, по-видимому, на загадку; но они — не загадка, в них заключается великая мудрость. Каким же образом *любяй душу свою* погубит ее? Когда кто исполняет ее неуместные пожелания, когда кто угождает ей больше, чем должно. Потому-то некто и дает такое наставление: *в след похотей* души *твоей не ходи* (Сир. XVIII, 30). Через это ты погубишь ее, потому что (похоть) отдаляет от пути, ведущего к добродетели. Точно также и наоборот, *ненавидяй* душу свою *в мире семъ*, спасет ее. Что значит: *ненавидяй* душу свою? Это означает того, кто не слушает ее, когда она внушает что-нибудь вредное. Но не сказал: кто не слушает ее, а: *ненавидяй* ее. Как мы не можем ни слышать голоса ненавидимых нами, ни видеть лица их равнодушно, так точно мы должны крайне отвращаться и от души, когда она внушает нам что-нибудь неугодное Богу. Так как (Христос) намеревался уже беседовать с учениками о смерти, и именно о Своей смерти, и предвидел их скорбь и уныние, то и употребляет усиленную речь, говоря: что сказать о том, что вы не можете перенести с твердостью Моей смерти? Ведь если и сами вы не умрете, — для вас не будет никакой пользы. Но смотри, как Он и смягчает Свою речь. Человеку, любящему свою душу, очень тяжело и прискорбно было услышать, что он должен уме-

реть. И нужно ли говорить о временах древних, когда и ныне мы найдем много людей, которые, несмотря на то, что убеждены в будущем, охотно решаются все перенести, лишь бы насладиться настоящей жизнью, — которые, смотря на здания, на, изобретения и произведения искусств, со слезами приговаривают: как много замышляет человек, и между тем — обращается в прах! До такой степени сильна привязанность к настоящей жизни! Итак, чтобы разрешить эти узы, Христос говорит; *ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю.* А что он сказал это ученикам с тем, чтобы ободрить их и удалить от них страх, это видно из дальнейших слов: *аще кто Мне служит, Мне да последствует.* Здесь Он говорит о смерти и требует последования самым делом. Слуга непременно должен следовать за тем, кому служит. И заметь, в какое время Он беседует с ними об этом; не тогда, когда они были гонимы, но когда были совершенно спокойны — когда, пользуясь от многих почетом и услугами, почитали себя в совершенной безопасности, — когда могли быть бодры духом и услышать: *и возмет крест свой и по мне грядет* (Мф. XVI, 24), то есть должен быть всегда готов на опасности, на смерть, на переселение из этой жизни. Вслед затем, так как Он сказал прискорбные слова, — предлагает и награду. В чем же эта награда? В том, что будут следовать за Ним и будут там, где Он. Этим Он показал, что за смертью последует воскресение. *Идеже есмъ Аз,* говорит Он, *ту и слуга Мой будет.* Где же Христос? На небесах. Итак, переселимся туда душою и умом еще и прежде воскресения. *Аще кто Мне служит,* возлюбит *его Отец* (Ин. XII, 26). Почему Он не сказал: Я возлюблю? Потому что ученики еще не имели о Нем надлежащего понятия, а думали более великое об Отце. Ведь они не знали и того, что Ему надлежало воскреснуть: как же могли помышлять о Нем что-нибудь великое? Потому-то и

сынам Зеведеевым Он говорит: *несть Мое дати, но им же уготовася от Отца Моего* (Мф. XX, 23), – хотя Он и сам судья. А здесь Он представляет и Свое истинное сыновство, потому что Отец примет слуг Его, как слуг Своего истинного Сына. *Ныне душа Моя возмутися: и что реку? Отче, спаси Мя от часа сего* (ст. 27). Так говорить, по-видимому, не следовало бы тому, кто убеждает идти на смерть; но на самом деле эти слова особенно приличны такому человеку. Чтобы не сказали, что Ему легко любомудрствовать о смерти, когда он сам недоступен для человеческих страданий, легко убеждать нас, когда Он сам вне опасности, – Он показывает, что и Он страшится смерти, и однако же для пользы (других) не отказывается умереть. Впрочем это относится к воспринятому Им человечеству, а не к божеству. Поэтому Он говорит: *ныне душа Моя возмутися.* (А если не так, то какая будет последовательность между этими словами и следующими: *Отче, спаси Мя от часа сего)*! И (душа Его) до того была возмущена, что Он даже искал бы избавления (от смерти), если бы только можно было ее избежать.

2. Это – немощи человеческой природы. Но Я, говорит Он, не могу ничего сказать, прося избавления, потому что *сего ради приидох на час сей.* Как бы так говорил Он: хотя смерть и приводит нас в трепет и смущение, но все же мы не должны избегать ее. Ведь и Я возмущен ныне, но не говорю об избавлении от смерти, потому что надобно переносить то, чему следует быть. Не говорю: избавь Меня от часа сего, но что? *Отче, прослави имя Твое* (ст. 28). Хотя смущение и заставляет Меня говорить те слова, но Я говорю противное: *прослави имя Твое,* то есть возведи уже (Меня) на крест. В этом ясно обнаруживаются свойства человеческие и природа, которая не хочет смерти, но привязана к настоящей жизни. Это показывает, что (Христос) был не чужд челове-

ческих ощущений. Как голод и сон не составляет преступления, так точно и привязанность к настоящей жизни. Иисус Христос имел тело, только чистое от грехов, но не лишенное естественных потребностей; иначе оно не было бы и телом. Этим же самым Он внушает нам и нечто другое. Что же именно? Чтобы мы даже и тогда, как случится нам быть в страхе и томлении, не уклонялись от того, что нам назначено. *Отче, прослави имя Твое.* Этим показывает, что умирает за истину; смерть Свою называет славою Божиею. Это и сбылось после креста: тогда вся вселенная должна была обратиться, познать имя Божие и служить Богу; и имя не только Отца, но и Сына, хотя (Христос) об этом умалчивает. *Прииде же глас с небесе: и прославих и паки прославлю* (ст. 28). Когда прославил? В предшествовавших событиях. *И паки прославлю* – после креста. Что же Христос? *Не Мене ради глас сей бысть,* но вас *ради.* А иудеи подумали, что это был гром, или что ангел говорил Ему. Почему же они так думали? Разве голос был не ясен и не внятен? Нет, они были люди грубые, плотские, беспечные, и потому голос тотчас исчез для них. Одни из них удержали только звук, а другие, хотя и знали, что это был голос членораздельный, но что он означал, не знали. Что же Христос? *Не Мене ради глас сей бысть,* но вас *ради.* Для чего Он сказал это? Для опровержения того, что они постоянно говорили, будто Он не от Бога. В самом деле, мог ли быть не от Бога тот, кого Бог прославляет и кем имя Божие прославляется? Для этого-то и глас снизошел; для этого и сам Он говорит: *не Мене ради глас сей бысть,* но вас *ради;* не для того, чтобы Я: из него узнал что-нибудь, чего прежде не знал, – Я знаю все Отчее, – но для вас. Так как они говорили, что ангел говорил Ему или что это был гром, а (слов) не слышали, то (Христос) говорит, что это было для вас, чтобы хоть таким образом заставить их спросить,

что было сказано. Но они, будучи поражены, не спросили и тогда, как услышали, что это относилось к ним. А кто не знал, к кому относилось сказанное, для того, естественно, голос мог показаться невразумительным. Вас *ради глас бысть*. Видишь ли, что все уничиженное бывает для них, а не потому, будто бы Сын имел нужду в помощи? *Ныне суд есть миру сему: ныне князь мира сего* повержен *будет* долу (ст. 31). Какую это имеет связь с словами: *прославих и прославлю?* Очень близкую и весьма тесную. Так как Он сказал *прославлю*, то показывает и самый способ прославления. Какой же это способ? Тот, говорит, что он будет повержен долу. Что же значит: *суд есть миру сему?* Как бы так говорит: будет суд и отмщение. Как это и каким образом? (Диавол) умертвил первого человека, найдя его повинным греху (так как смерть вошла через грех). Но во Мне он этого не нашел; за что же он напал на Меня и предал смерти? Зачем вложил в душу Иуды мысль погубить Меня? Не говори мне теперь, что Бог так устроил, что это дело не диавола, а Божией премудрости. Будем пока рассматривать лишь мысль этого злого существа. Итак каким же образом мир судится во Мне? Диаволу, как бы на суде, будет сказано: пусть ты всех умертвил, потому что нашел их виновными во грехе; но за что Христа умертвил? Не явно ли, что несправедливо? Поэтому через Него тебе будет отмщение за весь мир. А чтобы это было очевиднее, я объясню примером. Представь себе какого-нибудь свирепого тирана, который всех, кто ни попадется ему, подвергает различным жестокостям. Если этот человек, встретив царя или царского сына, несправедливо умертвит и его, то смерть этого последнего может отомстить ему и за всех прочих. Представь себе еще, что какой-нибудь заимодавец, взыскивая со своих должников, будет бить их и сажать в тюрьму; потом, по той же жестокости, заключит также в темни-

цу и того, кто ему нисколько не должен. В этом случае он будет наказан и за то, что он сделал другим, — именно, тот убьет его.

3. Так точно было и с Сыном (Божиим). Из-за того, что диавол дерзнул сделать со Христом, он получит наказание за все, что причинил нам. И что (Христос) указывает именно на это, видно из того, что Он говорит: *ныне князь мира сего* будет низвержен Моею смертью. *И аще, Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (ст. 32), то есть и язычников. А чтобы кто-нибудь не сказал: как же он будет низвержен, если он победит и Тебя самого? — говорит: не победит; да и может ли это быть, когда Я и других привлеку к Себе? И не говорит о воскресении, но о том, что важнее воскресения: *вся привлеку к Себе.* Если бы сказал: воскресну, то еще не видно было бы, что уверуют в Него, но сказав: уверуют — Он тем высказал и то и, другое, — что Он и воскреснет, потому что, если бы Он оставался мертвым и был простым человеком, тогда никто бы не уверовал. *Вся привлеку к себе.* А как же Он говорит, что Отец привлекает? Это значит, что Отец привлекает, когда привлекает Сын. *Привлеку*, говорит Он, так как их держит тиран и сами по себе они не могут прийти и освободиться из его рук, потому что он не пускает их. В другом месте это называет (Христос) *хищением. Никтоже может сосуды крепкаго расхитити, аще не первее крепкаго свяжет, и тогда сосуды его расхитит* (Мк. III, 27), — так говорит Он, изображая силу (врага). Следовательно, что там назвал Он хищением, то здесь называет привлечением. Итак, зная это, восстанем и прославим Бога, не верою только, но жизнью; а иначе это будет не слава, а хула. Не столько хулится Бог нечистою жизнью язычника, сколько развращением христианина. Поэтому, прошу вас, старайтесь всячески о прославлении Бога. Горе, сказано тому рабу которым, имя Божие хулится. А когда бу-

дет горе, тогда тотчас последует всякое наказание и мучение. Напротив, блажен тот, кем имя Божие прославляется. Так не будем же жить, как во тьме, но постараемся избегать всяких грехов, а особенно тех, которые клонятся к общему вреду, потому что ими-то особенно и наносится хула Богу. Какое, в самом деле, мы получим прощение, когда, обязанные, по заповеди, давать другим, мы будем похищать чужое? Какая будет для нас надежда на спасение? Ты будешь наказан, если не напитаешь алчущего: какое же получишь помилование, если обнажишь одетого? Мы постоянно говорим это, и не перестанем говорить. Может быть, не послушавшие сегодня послушают в следующие дни; если же некоторые и останутся непреклонными, то все же, по крайней мере, мы будем правы на суде, потому что исполнили свое дело. Но дай Бог, чтобы эти слова и нас не приводили в стыд, и вас не заставляли закрываться. Дай Бог всем с дерзновением стать перед судилищем Христовым, чтобы и мы могли похвалиться вами, и для своих зол найти какое-нибудь облегчение в вашем добром имени, о Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава вовеки. Аминь.

БЕСЕДА LXVIII

Отвеща Ему народ: мы слышахом от закона, яко Христос пребывает во веки: како Ты глаголеши, вознестися подобает сыну человеческому? Кто есть сей сын человеческий (Ин. XII, 34)?

1. Ложь бессильна и легко изобличается, хотя снаружи и разрисована многоразличными красками. Как те, которые покрывают смазкою стены, близкие к разрушению, через эту смазку не могут поправить их, так и люди, когда говорят ложь, легко изобличаются. Так

именно случилось и теперь с иудеями. Когда Христос сказал: *аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе,* — они возражают: *мы слышахом от закона, яко Христос пребывает вовеки: како Ты глаголеши, вознестися подобает сыну человеческому? Кто есть сей сын человеческий?* Итак, они знали, что Христос есть лицо бессмертное и имеет жизнь бесконечную. Следовательно понимали и то, что Он говорил. Да и в Писании во многих местах говорится вместе и о страдании, и о воскресении. Так например, Исаия поставляет то и другое вместе, когда говорит: *яко овча на заколение ведеся,* и так далее; и Давид во втором псалме, равно как и во многих других, соединяет то и другое; и патриарх (Иаков), сказав: *возлег уснул еси яко лев,* присовокупил: *и яко скимен: кто возбудит его* (Быт. XLIX, 9)? — чем указывает вместе и на страдание, и на воскресение. Но иудеи потому говорят, что Христос пребывает во век, что этим думали заградить Ему уста и показать, что Он не Христос. И смотри, какая злонамеренность! Не сказали: мы слышали, что Христос не должен страдать, не должен быть распят; но: *яко пребывает вовеки,* — хотя эти слова и не составляют возражения, потому что страдание не было препятствием к бессмертию. Отсюда можно видеть, что они понимали многое, что могло казаться обоюдным, и что они по доброй воле поступали злонамеренно. Так как выше Христос беседовал о смерти, то они, услыша здесь слово: *вознестися,* пришли именно к мысли о смерти. Затем говорят: *кто есть сей сын человеческий?* И это также с злым умыслом. Не подумай, говорят они, что мы разумеем здесь Тебя, и не говори, будто мы противоречим Тебе по вражде с Тобою. Вот мы даже и не знаем, о ком Ты говоришь, и все же однако высказываем свое мнение. Что же Христос? Желая заградить им уста и показать, что Его страдания нисколько не препятствуют Ему пребывать вовек, Он говорит: *еще мало*

время свет в вас есть (ст. 85). Этим показывает, что смерть Его есть только преставление, так как и солнечный свет не исчезает совершенно, но, скрывшись на краткое время, снова является. *Ходите, дондеже свет имате.* О каком времени говорит Он здесь? Разумеет ли всю настоящую жизнь, или только время до креста? Я думаю, – и то и другое, потому что, по неизреченному Его человеколюбию, многие уверовали в Него и после креста. А говорит Он это для того, чтобы побудить их к вере, что и прежде делал, когда говорил: *еще мало время с вами есмь* (Ин. VII, 33). *Ходяй во тьме, не весть, камо идет* (ст. 35). В самом деле, чего не делают теперь иудеи, и однако же не знают, что делают, но ходят как бы во тьме. Думают, что идут по прямому пути, а на самом деле идут противоположным путем; соблюдают субботу, хранят закон, наблюдают правила касательно пищи, но не знают, куда идут. Потому и говорил: *ходите во свете, да сынове света будете,* то есть Моими сынами. Вначале Евангелист говорит (о верующих), что они *не от крове, ни от похоти плотския, но от Бога родишася* (Ин. I, 13), то есть от Отца, – а здесь говорится о самом (Христе), что Он их раждает, чтобы ты знал, что у Отца и Сына одно действие. *Сия глагола Иисус, и отшед, скрыся от них* (ст. 35). Зачем Он теперь скрывается? Ведь не подняли против Него камней и не сказали никакой хулы, как было прежде: зачем же Он скрылся? Проникая в сердца их, Он знал, что в душе они ожесточились против Него, хотя и ничего не говорили; знал, что они кипели и готовы были убить Его, и не ожидал, пока дойдут они до самого дела, но скрылся, чтобы укротить их ненависть. Смотри, как на это указал и Евангелист: он сейчас же присовокупил: *толика знамения сотворшу Ему, не вероваху в Него* (ст. 37). Какие это знамения? Знамения, о которых Евангелист умолчал. Да это же видно и из после-

дующего. После того, как Он удалился и уступил им, Он снова приходит и кротко беседует с ними, говоря таким образом: *веруяй в Мя, не верует в Мя, но в пославшаго Мя* (ст. 44). И заметь, как Он (обыкновенно) поступает: начинает речь скромно и уничиженно, относя все к Отцу, а потом возвышает Свое слово. Когда же видит, что они приходят в ярость, – удаляется, а потом снова является и снова начинает речь уничиженную. Когда же Он так поступал? Скажи лучше, когда Он так не поступал? Вот, смотри, как Он говорит сначала: *якоже слышу, сужду* (Ин. V, 30); затем возвышеннее: *якоже бо Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет, живит* (V, 21); и опять: *Аз не сужду* вас, *ин есть судяй* (VIII, 50); а потом опять удаляется. Затем, явившись в Галилее, говорит: *делайте не брашно гиблющее* (VI, 27); и, сказав о Себе великое, именно – что Он сошел с неба, что Он дает живот вечный, снова уходит. А в праздник кущей опять является и поступает точно таким же образом.

2. Да и постоянно, как всякий может видеть, Он разнообразит таким образом свое учение: то приходит, то уходит, то говорит смиренно, то возвышенно. Так точно Он поступил и здесь. *Толика знамения сотворшу Ему*, говорит, *не вероваху в Него: да сбудется слово Исаии пророка, еже рече: Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся* (Ин. XII, 37–38)? И опять: сего *ради не можаху веровати, яко паки рече Исаия: слухом услышите, и не разумеете. Сия рече Исаия, егда виде славу его, и глагола о нем* (ст. 39, 41; сн. Ис. VI, 9). Вот опять слова *яко* и *рече* означают не причину, а следствие. Не потому иудеи не веровали, что так сказал Исаия, но потому сказал так Исаия, что они не будут веровать. Почему же Евангелист говорит не так, а напротив как будто представляет неверие следствием пророчества, а не пророчество – следствием неверия? В дальнейших же словах

он тоже самое выражает еще сильнее, говоря так: *сего ради не можаху веровати, яко рече Исаия.* Этим он хочет яснее доказать, что Писание не ложно и что предсказанное им совершилось не иначе, а именно так, как было предсказано. А чтобы кто-нибудь не сказал: зачем же и пришел Христос? или Он не знал, что Его не будут слушать? – для этого и приводит пророков, показывая, что и они это знали. Пришел же Христос для того, чтобы не имели никакого извинения в своем грехе. Что предсказал пророк, то предсказал потому, что так непременно будет. А если бы не должно было непременно совершиться, то он и не предсказал бы; но оно должно было непременно совершиться, потому что (иудеи) были неизлечимы.

Если же и поставлено здесь слово: *не можаху,* то оно значит тоже, что – не хотели. И ты не удивляйся этому. Вот и в другом месте говорится: *могий вместити, да вместит* (Мф. XIX, 22). Так и во многих местах Писание обыкновенно употребляет слово: возможность, в смысле хотения; вот например, еще: *не может мир ненавидети вас, Мене же ненавидит* (Ин. VII, 7). Да это же самое, как всякий может видеть, бывает и в обыкновенном разговоре. Так, когда кто говорит; я не могу полюбить такого-то, то под возможностью разумеет особенную силу хотения; точно также такой-то не может быть добрым. Да и пророк как говорит? *Аще пременит Ефиоплянин кожу свою и рысь пестроты своя,* и народ сей возможет *благо творити, научившеся злу* (Иер. XIII, 23). Не то разумеет он, будто совершение добродетели для этих людей невозможно; но что они не хотят того, потому и не могут. И слова Евангелиста выражают только то, что пророку невозможно было сказать ложь. Но никак нельзя сказать, чтобы поэтому самому иудеям невозможно было уверовать. Пророк мог остаться верным и в том случае, если бы они уверовали, – он бы того и не предсказал.

Так почему же, скажешь. Писание не выразилось таким образом? В Писании есть некоторые подобные особенности, а потому надобно подчиняться его правилам. *Сия же рече, егда виде славу его.* Чью славу? Отца. Как же Иоанн прилагает эти слова к Сыну, а Павел к Святому Духу? Это они говорят не потому, будто смешивают ипостаси, а чтобы показать, что у Них одно достоинство: что принадлежит Отцу, то принадлежит и Сыну, а принадлежащее Сыну принадлежит и Святому Духу. Хотя многое (Бог) изрек через ангелов, однако ж никто не говорит: как сказал ангел, но: как сказал Бог; что изречено Богом через ангелов, то принадлежит Богу, но принадлежащее Богу еще не принадлежит ангелам. А здесь (апостол) говорит, что это слова Духа (Деян. XXVI, 25–26). *И глагола о нем.* Что глагола? *Видех Господа, седяща на престоле высоце и превознесенне* (Ис. VI, 1), и проч. Итак, славою он называет здесь видение, дым слышание неизреченных таинств, зрение серафимов, молнию, исходящую от престола, на которую не могли смотреть те силы. *И глагола о нем.* Что глагола? Что он слышал голос, говоривший ему: *кого послю и кто пойдет? И рекох се аз есмь, посли мя. И рече: слухом услышите, и не уразумеете, и видяше узрите, и не увидите. Ослепи бо очи их и окаменил есть сердца их, да не видят очима, ни разумеют сердцем* (Ис. VI, 8–20; сн. Ин. XII, 40). Вот опять новое недоумение; но его не будет, если вникнем в дело надлежащим образом. Как солнце поражает глаза больных, но не потому, чтобы оно имело такое свойство, так бывает и с теми, кто не внимает словам Божиим. В этом же смысле говорится и о фараоне, что ожесточил его сердце. Так бывает и с теми, которые каким-нибудь образом противятся словам Божиим. И это – особенность Писания, равно как и выражения: *Бог предаде в неискусен ум* (Рим I, 28); и: *раздели языком* (Втор. IV, 19); это значит – позволил, попустил. В этих местах выражено

не то, будто Бог и это производит, но показывается, что это происходит от злобы других. Когда мы бываем оставлены Богом, тогда предаемся диаволу; а предавшись диаволу, подвергаемся бесчисленным бедствиям. Итак, чтобы устрашить слушателя, говорит: *ожесточи*, и: *предаде*. А что Бог не только не предает нас, но и не оставляет, если мы сами того не захотим, — послушай, что говорит: *не греси* ли *ваши разлучают между вами и между* Мною (Ис. LIX, 2)? И еще: *удаляющии себе отъ тебе погибнут* (Ис. LXXII, 27); а Осия говорит: *забыл еси закон Бога своего, забуду и аз* тебя (Ос. IV, 6). И сам Христос в Евангелии: *колькраты восхотех собрати чада твоя, и не восхотесте* (Лк. XIII, 34). И опять Исаия: *приидох, и не бяше человека: звах, и не бе послушающаго* (Ис. L, 2). Говоря таким образом, показывает, что мы сами полагаем начало оставлению нас Богом, сами бываем виновны в своей погибели. А Бог не только не хочет ни оставлять нас, ни наказывать, но когда и наказывает — делает это против Своего желания. *Не хощу*, говорит Он, *смерти грешника, но еже обратитися ему и жити* (Иез. XVIII, 32). А Христос даже плачет о разрушении Иерусалима, как поступаем и мы в отношении к своим друзьям.

3. Итак, зная это, будем употреблять все меры, чтобы не отпасть от Бога, и постараемся иметь попечение о своей душе и любовь друг к другу; не будет отторгать от себя своих членов, — это свойственно беснующимся и умалишенным, — но чем в худшем найдем их положении, тем большую покажем об них заботливость. Ведь мы часто видим людей, одержимых упорными и неисцелимыми телесными недугами, и однако же не перестаем прилагать к ним врачества. Что например, хуже подагры? Что — хирагры? Но разве мы отсекаем из-за этого члены? Вовсе нет. Напротив, употребляем все меры, чтобы получить хоть какое-нибудь

облегчение, если уж нет возможности уврачевать болезнь. Так же будем поступать и со своими братьями: хотя бы они страдали неисцелимыми болезнями, будем неотступно заботиться об их исцелении и носить тяготы друг друга. Через это мы исполним и закон Христов, и достигнем обетованных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXIX

Обаче убо и от князь мнози вероваша в Него: но фарисей ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут. Возлюбиша бо паче славу человеческую, неже славу Божию (Ин. XII, 42, 43)

1. Мы должны избегать всех вообще душевредных страстей, но особенно тех из них, которые и сами из себя рождают много грехов. Таково, например, сребролюбие. Оно и само по себе тяжкая болезнь, но становится еще тяжелее потому, что оно корень и мать всех зол. Таково же и тщеславие. Вот, например, и эти (начальники иудейские) отторглись от веры по любви к славе. *Мнози*, говорит Писание, *и от князъ вероваша в Него: но* иудеев *ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут.* Так точно и (Христос) еще прежде говорил им: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете* (Ин. V, 44)? Следовательно они были не князья, а рабы, и рабы самые низкие. Впрочем, впоследствии и этот страх исчез. При апостолах мы нигде не встречаем одержимых этою болезнью; при них обращались к вере и князья, и священники, ниспосланная благодать Святого Духа всех их сделала тверже адаманта. Но так как те-

перь это служило еще для них препятствием к вере, то послушай, что говорит Христос: *веруяй в Мя, не верует в Мя, но в пославшаго Мя* (ст. 44). Как бы так говорил Он: что боитесь вы уверовать в Меня? Вера в Меня, равно как и неверие, через Меня переходят к Богу. Смотри, как всегда и во всем обнаруживает Он совершенное равенство Своего существа. И не сказал: кто верует Мне, – чтобы кто не подумал, будто Он здесь говорит о Своих словах, – что можно было сказать и о людях, например, кто верует апостолам, верует не им, а Богу. Но чтобы ты знал, что Он здесь говорит о вере в Свое существо, Он не сказал: кто верует Моим словам, но: *веруяй в Мя.* Но почему, скажешь, Он нигде не сказал наоборот: кто верует в Отца, верует не в Отца, а в Меня? Потому что возразили бы: вот мы веруем в Отца, а в Тебя не веруем. Ведь они были еще очень немощны. Потому, беседуя с учениками, Он сказал так: *веруйте в Бога, и в Мя веруйте* (Ин. XIV, 2); а с иудеями – видя, что они, по своей немощи, еще не могут услышать такие слова, ведет речь иначе; им Он показывает, что невозможно уверовать в Отца, не уверовав в Него. И чтобы ты не подумал, будто это сказано в том же смысле, в каком может быть сказано и в отношении к человеку, Он присовокупляет: *видяй Мя, видит пославшаго Мя* (ст. 45). Что же? Значит Бог – существо телесное? Вовсе нет. Христос говорит здесь о видении умственном, и тем опять показывает свое единосущие. Но что значат слова: *веруяй в Мя?* Это тоже, как если бы кто сказал: кто берет воду в реке, берет ее не из реки, а из источника; а впрочем, и это еще весьма слабое подобие настоящего предмета. *Аз свет в мир приидох* (ст. 46). Так как Отец везде называется светом, и в Ветхом и в Новом Завете, то и он прилагает к Себе это название; поэтому и Павел, научившись отсюда, называет Его сиянием. Вообще Он здесь показывает великое

сродство с Отцом и не полагает никакого различия, потому что вера в Него, говорит, не к Нему относится, а переходит к Отцу. А светом Он Себя назвал потому, что Он уничтожает заблуждение и рассеивает умственный мрак. *Аще кто* Меня не слушает, *Аз не сужду ему: не приидох бо, да сужду мирови, но да спасу мир* (ст. 47). Чтобы не подумали, будто Он по немощи не обращал внимания на тех, которые пренебрегали Им, для этого Он сказал: *не приидох, да сужду мирови.*

2. Потом, чтобы не сделались от этого нерадивее, узнав, что если верующий получает спасение, зато и неверующий не подвергается наказанию, – смотри, как Он поставляет им на вид и страшный суд, присовокупляя следующие слова: *отметаяйся Мене и не приемляй глагол Моих, имать судящаго ему* (ст. 48). Но если *Отец не судит никому же* и Ты пришел не с тем, чтобы судить мир, так кто же его будет судить? *Слово, еже глаголах, то судит ему в последний день.* Так как они говорили, будто Он не от Бога, то Он и сказал так, показывая, что для них тогда не будет возможности говорить это, но слова, которые Я изрек ныне, предстанут вместо обвинителя, будут обличать их и отнимут у них всякое оправдание. *И слово, еже глаголах.* Какое слово? *Яко Аз не сам* от Себя пришел, *но пославый Мя Отец, той Мне заповедь даде, что реку и возглаголю* (ст. 49) – и все другие подобные слова. Следовательно это говорилось так только для них, чтобы они не могли иметь никакого предлога к извинению. В противном случае, какое (Христос) будет иметь преимущественно перед Исаиею? Ведь этот последний говорит то же самое: *Господь дает мне язык научения, еже разумети, егда подобает рещи слово* (Ис. L, 4). Какое перед Иеремиею, который также, когда был послан, получил вдохновение? Какое – перед Иезекиилем? Ведь и этот говорил после того, как поглотил свиток. Притом же, те, которые будут слушать Его слова, были

бы причиною Его знания. Если Он получил заповедь, что Ему говорит, только тогда, когда был посылаем, то наконец ты должен будешь сознаться, что Он того не знал прежде, чем был послан. А что может быть нечестивее этих слов, если кто станет принимать их в этом смысле и не позаботится узнать причину их уничиженности? Апостол Павел говорит, что даже ученики знали, *что есть воля Божия благая и угодная и совершенная* (Рим. XII, 2): Сыну ли не знать до тех пор, пока Он не получил заповеди? Есть ли в этом какая-нибудь сообразность? Видишь, что Он говорит с чрезвычайным уничижением для того, чтобы и иудеев привлечь к Себе, и на последующих людей наложить молчание? Итак, для того Он говорит по-человечески, чтобы хотя этим способом понудить их к тому, чтобы они избегали всего низкого в Его словах, зная, что Он так говорит не по существу, а по немощи слушателей. *И вем, яко заповедь его живот вечный есть: яже убо Аз глаголю, яко рече мне Отец, тако глаголю* (ст. 50). Видишь, как уничижены эти слова? Ведь кто получит заповедь, тот уже не господин над самим собою. А между тем, сам же он говорит: *якоже Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет, живит.* Ужели же воскрешать, кого хочет, Он имеет власть, а говорит, что хочет, не иметь? Очевидно, Он этими словами хочет сказать вот что: неестественно, чтобы иное говорил Он, и иное высказывал Я. *И вем, яко заповедь его живот вечный есть.* Это Он сказал против тех, которые почитали Его обманщиком и говорили, будто Он пришел на погибель. А словами: *Аз не сужду* показывает, что Он нисколько не виновен в их погибели. Этим Он как бы так свидетельствует, намереваясь оставить их и больше не обращаться с ними: беседуя с вами, Я ничего не говорил собственно от Себя, но все от Отца. И для того Он

заключает Свою беседу с ними словами уничиженными, чтобы сказать, что при самом конце таков был Мой последний голос к ним. Какой же именно? *Яко же рече Мне Отец, тако глаголю.* Если бы Я был противником Богу, Я бы сказал напротив, – что Я ничего не говорю угодного Богу, чтобы всю славу присвоить Себе; но Я все отношу к Нему, так что даже ничего Своего не говорю. Почему же вы не верите Мне, когда Я говорю, что Я получил заповедь, и когда с такою силою опровергаю ваше неправое мнение, будто Я противлюсь Отцу? Как получившим заповедь невозможно ни делать, ни говорить ничего другого, кроме того, что угодно пославшим их, до тех пор, пока они во всей точности не исполнят заповеди, так и Мне нельзя ни делать, ни говорить ничего другого кроме того, что хочет Отец. Что делаю Я, то творит Он, потому Он *со Мною есть и не остави Мене единаго Отец* (Ин. VIII, 29). Видишь, как Он всюду показывает что Он тесно соединен со Своим Родителем и между Ними нет ничего посредствующего? И в том случае, когда Он говорит: *о себе не приидох,* Он тем не власть у Себя отнимает, а уничтожает лишь мысль, будто Он чужд и противен Богу. Ведь если люди властны сами над собою, то тем более единородный Сын. А что это справедливо, – послушай, что говорит Павел: *умалил Себе и предаде за ны* (Флп. II, 7). Но, как я сказал, страшно, истинно страшно – тщеславие. Оно было причиною, что и эти люди не веровали, и другие худо веровали, и что слова, которые (Христос) говорил для их же самих – из человеколюбия, они обращали в повод к нечестию.

3. Итак, будем всячески избегать этого зверя. Он бывает различного рода и вида, и разливает свой яд на все, – и на сокровища, и на удовольствия, и на красоту

телесную. Потому-то мы везде и переступаем границы нужды; оттого и роскошь в одежде, и большая толпа слуг; оттого пренебрегается умеренность во всем — и в домах, и в одежде, и в столе, а роскошь господствует. Ты хочешь наслаждаться славою? Подавай милостыню: тогда тебя похвалят ангелы, тогда тебя прославит Бог. А теперь вся слава достается на долю золотых дел мастеров и ткачей; ты же остаешься без венца и нередко видишь себя обременяемою проклятиями. Не обвешивай ты всем этим своего тела, а издержи все это на пропитание нищих, и со всех сторон будут рукоплескания, отовсюду — великая похвала. Тогда именно ты будешь этим обладать, когда будешь раздавать другим; а покуда ты пользуешься одна, ты не владеешь. Дом — ненадежное хранилище; верное хранилище — это руки нищих. И зачем ты украшаешь тело, между тем как душа остается в небрежении и покрыта нечистотою? Зачем ты не столько заботишься о душе, сколько о теле? Ведь о ней следовало бы даже больше заботиться; по крайней же мере, возлюбленные, будем иметь о ней хоть такое же попечение. Скажи мне: если бы кто спросил у тебя, чего бы ты лучше желала — тело ли иметь чистое, здоровое и прекрасное, а одеяние носить бедное, или — иметь тело уродливое и больное, но ходить в золоте и щеголять убранством? Не гораздо ли скорее ты захотела бы иметь благообразие в самой природе своего тела, чем в пышности одежд? Ужели же ты по отношению к телу пожелаешь этого, а по отношению к душе — противного? Имея душу отвратительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть через золотые украшения? Не крайнее ли это безумие? Обрати лучше эти украшения внутрь и этими ожерельями убери свою душу. Когда они лежат на теле, они не служат ни к его здоровью,

ни к красоте. Ведь они не сделают ни черного белым, ни безобразного – красивым и благовидным. Но если ты украсишь ими душу, то скоро сделаешь ее из черной белою, из отвратительной и безобразной прекрасною и благовидною. И это не мое слово, но самого Господа, который говорит так: *аще будут греси ваши, яко багряное, яко снег убелю* (Ис. I, 18); и еще: *дадите милостыню, и вся чиста вам будут* (Лк. XI, 41). И не себя только, а и мужа своего ты сделаешь прекрасным, если будешь поступать таким образом. Когда мужья увидят, что вы оставили эти украшения, тогда они уже не будут иметь надобности в больших издержках; а не имея этой надобности, они вовсе отстанут от любостяжания и будут более склонны к милостыне. Да и вы тогда в состоянии будете смело советовать им делать то, что следует; а теперь вы совершенно лишены этой власти. В самом деле, какими устами вы будете говорить им это? Какими глазами будете смотреть, требуя от мужей, чтобы они подавали милостыню, когда большую часть вы издерживаете на украшение тела? Тогда ты в состоянии будешь смело говорить мужу о милостыне, когда оставишь золотые украшения. И если бы даже ты нисколько в том не успела, – по крайней мере, ты исполнишь с своей стороны все; а впрочем невозможно, чтобы ты не убедила своего мужа, когда будешь говорить ему самыми делами. *Что бо веси жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII, 16)? Потому, как теперь ты дашь ответ и за себя и за него, так если отложишь весь этот внешний блеск – получишь сугубый венец, и будешь торжествовать, нося венец вместе с мужем, в бесконечные веки, и будешь наслаждаться вечными благами, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXX

Прежде же праздника пасхи, ведый Иисус, яко прииде Ему час, да прейдет от мира сего к Отцу, возлюбль Своя сущия в мире, до конца возлюби их (Ин. XIII, 1)

1. *Подражатели мне бывайте*, говорит Павел, *якоже и аз Христу* (1 Кор. XI, 1). Для того Христос и плоть принял из одного с нами состава, чтобы через нее научить нас добродетели. *В подобии*, сказано, *плоти греха, и о гресе осуди грех во плоти* (Рим. VIII, 3). Да и сам Христос (говорит): *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. XI, 29). И этому Он учил не словами только, но и делами. Так, называли Его и самарянином, и бесноватым, и обманщиком, и бросали в Него камни; а фарисеи то слуг посылали, чтобы схватить Его, то подсылали других злоумышленников, притом и сами часто поносили Его, и все это тогда, как не только не имели ни малейшего повода к обвинению Его, а напротив, еще постоянно пользовались Его благодеяниями. Однако же, и после всего этого, Он не переставал творить им добро и словом, и делом. И когда один слуга ударил Его, Он говорит: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что Мя биеши* (Ин. XVIII, 23)? Но так поступал Он со Своими врагами и злоумышленниками. Посмотрим же, как Он поступает и со Своими учениками, а особенно – что Он теперь высказывает по отношению к (ученику) коварному. Ведь его следовало ненавидеть больше всех, потому что он, будучи учеником и участником в трапезах и вечерях, и видя чудеса, и удостоившись получить так много, поступил с Ним хуже всех, – не камни бросал в Него и не поносил Его, но выдал и предал. Между тем смотри, как Он благосклонно принимает его: Он умывает ему ноги. И этим также Он хотел удержать его от злого намерения. Мог Он, конеч-

но, если бы захотел, иссушить его, как смоковницу, и разорвать на части, как разорвал камни, и разодрать как завесу; но Он хотел, чтобы тот оставил свое злое намерение не по принуждению, а по доброй воле. С этой целью он и умывает ему ноги. Но и этого не устыдился этот несчастный и жалкий человек. *Прежде же праздника пасхи, ведый Иисус, яко прииде Ему час.* Не тогда только узнал, но знал, говорит (Евангелист), гораздо прежде, чем сделал то, что сделал. *Да прейдет.* Евангелист глубокомысленно называет смерть Его переходом. *Возлюбль Своя сущия в мире, до конца возлюби их.* Видишь, как Он, намереваясь оставить их, обнаруживает к ним сильнейшую любовь? Слова: *возлюбль, до конца возлюби их* – именно означают, что Он не упустил ничего, что следовало сделать тому, кто сильно любит. Но почему Он сделал это не сначала? Что важнее, то Он делает в конце, чтобы усилить их привязанность к Себе и приготовить им великое утешение в наступающих бедствиях. *Своими* же Он называет их по Своему близкому с ними общению. Называет Он и других *Своими,* но – как Свое создание, например, когда говорит: *и свои Его не прияша* (Ин. I, 11). Но что значит: *сущия в мире?* Это значит, что у Него были *Свои* и между умершими, как например, Авраам, Исаак, Иаков и подобные им; но они были уже не в мире. Видишь ли, что Он Бог и Ветхого, и Нового Завета? А что значит: *до конца возлюби их?* Этим (Евангелист) говорит, что Он никогда не переставал любить их; и это называет свидетельством особенно сильной любви. Правда, в другом месте (таким свидетельством) называется не это, а положение души за друзей своих; но тогда этого еще не было. Но почему Он сделал это (умыл ноги) теперь? Потому что это было гораздо удивительнее тогда, когда Он для всех казался столько славным; да через это и утешение не малое Он оставил перед разлукой с ними. Так как им

предстояло перенести жестокую скорбь, то Он предлагает им через это и равносильное утешение. *И вечери бывшей, диаволу уже вложившу в сердце Иуде, да Его предаст* (ст. 2). В изумлении сказал это Евангелист, показывая, что умыл ноги Иуде тогда, когда тот уже решился предать Его. Этим Он обнаруживает также великую злобу Иуды, – потому что его не остановило ни участие в вечери, хотя это обыкновенно лучше укрощает злобу, ни то, что Учитель продолжал заботиться о нем до самого последнего дня. *Ведый Иисус, яко вся даде ему Отец в руце и яко от Бога изыде и к Богу грядет* (ст. 3). Здесь выражает свое удивление, что Тот, кто так велик и так высок, кто пришел от Бога и к Богу отходит, кто все содержит в Своей власти, – что Он совершил это и, несмотря на все Свое величие, не возгнушался принять на Себя такое дело. Под преданием же, как мне кажется, он разумеет здесь спасение верных; и Христос, когда говорит: *вся Мне предана суть Отцем Моим* (Мф. XI, 27), – разумеет это же самое предание. Так точно Он и в другом месте говорит: *твои беша, и Мне их дал еси* (Ин. XVII, 6); и еще: *никто же может приити ко Мне, аще не Отец привлечет его* (Ин. VI, 44); и: *аще не будет дано ему с небесе* (III, 27). Итак, или это выражает, или то, что умовение ног нисколько не могло унизить, так как Он пришел от Бога и идет к Богу, и все содержит. А когда ты слышишь: предание, то не предполагай ничего человеческого. Этим показывается только уважение к Отцу и единомыслие с Ним, – потому что, как Отец предает Ему, так и Он предает Отцу, как это и показывает Павел, когда говорит: *егда предаст царство Богу и Отцу* (1 Кор. XV, 24). Говорит здесь об этом по-человечески, показывая Его великую заботливость об учениках и обнаруживая неизреченную любовь Его к ним, – так как Он теперь уже заботился об них, как о своих, научая их матери всех благ – смиренномуд-

рию, которое Он назвал началом и концом добродетели. И не без причины присовокуплены слова: *от Бога изыде и к Богу грядет,* но чтобы знали мы, что Он поступал достойно Того, кто пришел оттуда и туда идет, – поправ всякую гордость. И *востав от вечери и положи ризы* (Ин. XIII, 4).

2. Смотри, как не умовением только Христос показывает Свое смирение, но и другими действиями. Не прежде возлежания Он встал, а тогда, когда уже все возлегли. Затем не просто умывает, но сначала сложил с Себя одежду. Но и на этом не остановился, а еще опоясался полотенцем; да и этим не удовольствовался, но Сам же влил воду, а не другому велел наполнить ее. Так все это Он делает Сам, чтобы показать тем, что, когда мы делаем добро, то должны делать его не с небрежностью, но со всем усердием. И мне кажется, что Своему предателю Он умыл ноги первому, – так как (Евангелист) сказав: *и начат умывати ноги учеником* (ст. 5), затем продолжает: *прииде же к Симону Петру, и глагола ему той: Ты ли мои умыеши нозе* (ст. 6)? – То есть, теми ли самыми руками, которыми Ты отверзал очи, очищал прокаженных и воскрешал мертвых? Подлинно, уже и это выражает собой весьма много, – почему Петру и не было надобности сказать что-нибудь больше, чем: *Ты ли?* В этом одном уже высказывалось все. Но справедливо может кто-нибудь спросить: почему никто другой не воспрепятствовал Ему (умыть ноги), а только один Петр, что служит свидетельством не малой любви и уважения? Какая же этому причина? Мне кажется, что Христос прежде умыл ноги предателю, а потом приступил к Петру, и что другие были уже вразумлены примером Петра. А что действительно Он умыл кого-то другого прежде Петра, это видно из слов: когда же пришел к Петру. Впрочем, Евангелист не говорит прямо, но словом: *начат* намекает на это. И хотя

первым был Петр, но, вероятно, предатель, по своей наглости, возлежал даже выше верховного (апостола). Его наглость выказывается и в других случаях — например, когда он погружает вместе с Учителем (руку в солило), и когда, несмотря на обличения, не чувствует угрызения совести. Петр, однажды подвергшись упреку еще прежде, и упреку за слова, которые он сказал от любви, так смирился, что даже и тогда, как был в томлении и трепете, обратился к другому, чтобы тот вопросил; а этот (Иуда), несмотря на частые обличения, не приходил в чувство. Итак, когда подошел к Петру, *глагола ему той: Господи, ты ли умыеши мои нозе?* (Христос) говорит ему: *еже Аз творю, ты не веси ныне, разумееши же по сих* (ст. 6, 7), то есть (после узнаешь) какая от этого выгода как полезен этот урок, как это может расположить нас ко всякому смиренномудрию. Что же Петр? Продолжает противиться и говорит: *не умыеши ногу мою вовеки* (ст. 6). Что ты делаешь, Петр? Разве не помнишь прежних слов? Не ты ли сказал: *милосерд ты,* и услышал: *иди за мною, сатано* (Мф. XVI, 22, 23)? Ужели и это не вразумило тебя, и ты все еще горячишься? Да, говорит; но теперь совершается дело необыкновенное и поразительное. Поелику же Петр поступал так по великой любви, то и Христос опять уловляет его тою любовью. Как тогда Он сильно укорил его, сказав: *соблазн Ми еси,* так и теперь говорит: *аще не умыю тебе, не имаши части со Мною* (ст. 8). Что же этот пылкий и пламенный? *Господи,* говорит, *не нозе мои токмо, но и руце и главу* (ст. 9). Горяч в сопротивлении, но еще горячее в изъявлении согласия; а то и другое — от любви. Но почему (Христос) не сказал, для чего Он это делал, а употребил угрозу? Потому, что Петр не послушал бы. Если бы сказал: оставь, через это Я хочу научить вас смирению, — то Петр тысячу раз обещал бы быть смиренным, лишь бы только Владыка не де-

лал этого. А теперь что говорит? То, чего Петр всего более боялся и страшился, – именно, чтобы не быть отлученным от Него. Ведь это он часто спрашивал: *камо идеши,* и по этому-то поводу говорил: *душу мою положу за Тя* (Ин. XIII, 36–37). Если он не уступил и тогда, как услышал: ты не знаешь теперь, что Я делаю, а узнаешь после, – то тем более, если бы узнал. Поэтому-то и сказал: *разумееши же по сих,* – зная что, если бы он уразумел это теперь, то продолжал бы противиться. Да Петр и не сказал: объясни мне, и я не буду противиться; но – что было знаком еще большей горячности – он даже не хотел знать этого, а опять настаивает на своем, говоря: *не умыеши ногу мою.* Когда же (Христос) употребил угрозу, – он тотчас утих. Но что значит: *уразумееши по сих?* Когда именно *по сих?* Тогда, говорит, когда именем Моим будешь изгонять бесов, когда увидишь Мое вознесение на небо, когда узнаешь от Духа, что Я восседаю одесную Отца, – тогда поймешь то, что теперь совершается. Что же Христос? Когда Петр сказал: *Господи, не нозе мои токмо, но и руце и главу,* – (Христос) говорит: *измовенный не требует, токмо нозе умыти, есть бо вес чист. И вы чисти есте, но не еси. Ведяше бо предающаго Его* (ст. 9–11). Но если они чисты, – для чего умываешь им ноги? Для того, чтобы мы научились скромности. Поэтому-то Он обратился не к другой какой-нибудь части тела, а именно к той, которая менее всех других ценится. Что значит: *измовенный?* Тоже, что чистый. А разве они были чисты? Ведь они еще не были освобождены от грехов и не удостоились получить Святого Духа, так как грех еще владычествовал, клятвенное рукописание еще существовало и жертва еще не была принесена? Почему же Он называет их чистыми? Чтобы ты не подумал, будто они в том отношении чисты, что уже освобождены от грехов, Он присовокупил: *вы чисти есте за слово, еже рех*

вам (Ин. XIII, 10), – то есть вы пока чисты только с этой стороны; вы уже приняли свет; вы уже освободились от иудейских заблуждений. Так и пророк говорит: *измыйтеся и чисти будите, отимите лукавства от душ ваших* (Ис. I, 16). Значит, такой уже омылся и чист. А так как апостолы отвергли от души своей всякое лукавство и обращались со Христом с чистой совестью, то Он и говорит, сообразно со словами пророка, что *измовенный уже чист.* Под измовением Он разумеет здесь не иудейское омовение водой, но очищение совести.

3. Итак, будем и мы чисты; научимся делать добро. Но что такое добро? *Судите сиру и оправдите вдовицу и приидите, и истяжимся, глаголет Господь* (Ис. I, 17). В Писании часто говорится таким образом о вдовах и сиротах; а мы о том и не думаем. Между тем, представь, какая награда! *Аще будут греси ваши,* сказано, *яко багряное, яко снег убелю: аще же будут, яко червленное, яко волну убелю* (Ис. I, 18). Вдовицы беззащитны, а потому (Господь) много о них и заботится. Они, конечно, могли бы вступить и во второй брак, но из страха Божия они переносят скорби вдовства. Подадим же им руку помощи все мы, и мужи и жены, чтобы и нам самим когда-нибудь не подвергнуться тяжкой участи вдовства, или, если подвергнемся ей, – иметь полное право ожидать и себе человеколюбия. Не малую имеют силу слезы вдовицы; они могут отверзть самое небо. Не будем же обижать их, не станем увеличивать их несчастия, но будем оказывать им всевозможную помощь. Если будем поступать таким образом, то доставим себе совершенную безопасность и в настоящей жизни, и в будущем веке. Не только здесь, но и там они послужат для нас защитой; за оказанные им благодеяния они избавят нас от большей части наших грехов и дадут нам возможность с дерзновением предстать перед судилищем Христовым, чего да сподо-

бимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXI

Прият ризы Своя и, воздег паки, рече им: весте ли, что сотворих вам? и пр. (Ин. XIII, 12)

1. Опасно, возлюбленные, опасно впасть в глубину зол. Тогда уже трудно бывает душе исправиться. Поэтому нужно всячески стараться – не быть уловленным вначале, потому что легче не вдаться (в зло), чем, вдавшись, исправиться. Посмотри на Иуду: когда он вверг себя (в зло), то сколько ни получает помощи, – все не восстает. Сказал (Христос), обращаясь к нему: *един от вас диавол есть;* сказал: не все *веруют* (Ин. VI, 70, 64); сказал: *не о всех вас глаголю,* и: *Аз вем, ихже избрах* (XIII, 18), – но он ничего этого не чувствует. *Егда же умы ноги, и прият ризы Своя, и возлег, рече: весте ли что сотворих вам?* Это говорит, обращаясь уже не к одному Петру, но и ко всем. *Вы глашаете Мя:* Господь и Учитель; *и добре глаголете, есмь бо* (XIII, 12, 13). *Вы глашаете Мя,* – ссылается на их суждение. Потом, чтобы не показалось, что это слова их приязни, присовокупляет: *есмь бо.* Таким образом, приведя их собственные слова, Он тем самым делает их не тягостными; а подтвердив приведенные слова Своим (словом), отстраняет от них всякое подозрение. *Есмь бо,* говорит. Видишь ли, как, беседуя с учениками, Он гораздо открытее говорит о самом Себе? Как сказал Он: не называйте учителя на земле, *един бо есть ваш учитель,* так же сказал: *и отца не зовите на земли* (Мф. XXIII, 8). А выражение: *един* и: *един* сказано не об Отце только, но и о Нем. Если бы Он говорил, не разумея здесь и Себя, то как мог бы сказать: *да сынове света будете* (Ин. XII, 36)?

И опять: если бы называл учителем одного Отца, то как же говорит: *есмь бо,* и еще: *един есть наставник ваш, Христос* (Мф. XXIII, 10)?

Аще убо Аз, Господь и Учитель, умых ваши нозе, и вы должны есте друг другу умывати: образ бо сей дах вам, да якоже Аз сотворих, тако и вы творите (Ин. XIII, 14, 15). Но ведь это не одно и тоже, потому что Он – Учитель и Господь, а вы между собой – сорабы. Что же значит: *тако?* С таким же усердием. Для того Он и берет примеры от большого, чтобы мы делали хоть меньшее. Так и учители пишут для детей весьма красивые буквы, чтобы они, хотя несовершенно, подражали им. Что же теперь – презирающие своих собратий? Что теперь – требующие почестей? Христос умыл ноги предателю, святотатцу и хищнику и в самое время предательства, несмотря на нераскаянность, сделал его общником трапезы; а ты гордишься и надмеваешься? Так значит, скажешь, мы должны умывать ноги друг другу, следовательно и рабам? А что же особенного, если и рабам? Здесь раб и свободный различаются только по имени, а там – по существу дела. Христос по естеству Господь, а мы рабы; однако же, Он не отказался и это сделать. Но теперь приходится довольствоваться, если и со свободными мы не поступаем, как с рабами и купленными невольниками. И что мы тогда скажем, – мы и имеющие образцы такого долготерпения, нисколько не подражающие им, а поступающие совершенно напротив – без меры превозносящиеся и не воздающие должного? Ведь Бог, сам сначала совершив это (умыв ноги), сделал нас должниками друг другу, хотя мы обязаны воздавать друг другу и меньше (того, что Он сделал), так как Он – Господь, а мы, если будем делать это, будем делать для подобных нам рабов. На это самое и Он указал словами: *аще убо Аз, Господь и учитель,* и еще: *тако и вы.* Следовало бы ска-

зать: тем более вы – рабы; но Он предоставил это совести слушателей. Но почему же Он сделал это теперь? Потому что (ученики) скоро уже должны были сподобиться чести, одни – большей, другие – меньшей.

2. Поэтому, чтобы они не возносились друг над другом и не говорили, как прежде: *кто есть болий*, и не негодовали друг на друга, Он у всех их отнимает высокомерие, говоря: хотя бы ты был и очень велик, ты не должен нисколько возноситься над братом. И не сказал того, что важнее, именно: «если Я умыл ноги предателю, то что великого в том, если вы (будете умывать ноги) друг другу»; но, показав это на самом деле, предоставил судить о том зрителям. Поэтому Он говорил: *иже аще сотворит и научит, сей велий наречется* (Мф. V, 19), потому что учить по настоящему – это значит исполнять самым делом. Такое учение какой не истребит надменности? Какой не уничтожит гордости и высокомерия? Сидящий на херувимах умыл ноги предателю; а ты, человек – земля и пепел, персть и прах – превозносишься и высокомудрствуешь? И какой же будешь достоин ты геенны? Если ты действительно желаешь иметь чувства высокие, – приди, я покажу тебе путь, потому что ты даже не знаешь, что это значит. Кто прилепляется к настоящему, как к чему-то великому, у того душа низкая. Поэтому и смиренномудрие может быть только при величии души, и надменность – только от низости души. Как малые дети пристрастны бывают к ничтожным вещам, к мячикам, обручам и костям, а о великом не могут иметь и понятия, так точно и здесь, кто любомудрствует, тот будет считать за ничто блага настоящие (и потому ни сам не захочет иметь их, ни у другого не возьмет их), а кто не любомудрствует, тот будет думать иначе, будет пристрастен к паутине, к тени, к сонным мечтам и к тому, что еще

ничтожнее этого. *Аминь, аминь глаголю вам: несть раб болий господа своего, ни посланник болий пославшаго его. Аще сия весте, блажени есте, аще творите я. Не о всех вас глаголю, но да писание сбудется: ядый со Мною хлеб, воздвиже на Мя пяту свою* (Ин. XIII, 16–18). Что сказал прежде, то и теперь говорит, для увещания их. Если раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его, а Мной это сделано, то тем более вам должно делать это. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: для чего Ты это говоришь? Разве мы не знаем этого? – присовокупил следующее: Я говорю вам не потому, будто вы не знаете, но для того, чтобы вы осуществляли на самом деле Мои слова. Знать могут все, а делать – не все. Потому Он и сказал: *блажени есте, аще творите я*. Потому же именно и я непрестанно повторяю вам об этом, хотя вы и знаете, – чтобы расположить вас к делам. Ведь и иудеи знают, но они не блаженны, потому что не исполняют того, что знают. *Не о всех*, говорит, *вас глаголю*. О, долготерпение! Еще не открывает предателя, а напротив прикрывает его дело, подавая тем ему случай к покаянию. И открывает, и не открывает, говоря таким образом: *ядый со Мною хлеб, воздвиже на Мя пяту*. Мне кажется, что слова: *несть раб болий Господа своего* сказаны и для того, чтобы те, которым случится потерпеть зло от рабов или от каких-нибудь ничтожных людей, не соблазнялись, взирая на пример Иуды, который, получив бесчисленные благодеяния, заплатил злом Благодетелю. Поэтому и присовокупил: *ядый со Мною хлеб*, и, оставив все прочее, сказал о том, что по преимуществу могло его удержать и пристыдить: тот, говорит, кого Я питал, кого Я сделал участником Своей трапезы. Это Он говорил, научая благодетельствовать людям, делающим нам зло, даже и тогда, как они неисправимы. А так как Он сказал: *не о всех вас глаголю*, то, чтобы не навесть страха на многих, Он отделяет нако-

нец Иуду, говоря так: *ядый со Мною хлеб.* Выражение: *не о всех* не указывает непременно на одного; поэтому Он присовокупил: *ядый со Мною хлеб,* показывая этому несчастному, что Он подвергается его нападению не по неведению, но совершенно зная, – а это опять больше всего могло удержать его. И не сказал: предаст Меня, но: *воздвиже на Мя пяту,* чтобы тем выразить коварство, лукавство и скрытность его замысла.

3. Все же это написано для того, чтобы мы не были злопамятны к обидчикам, но вразумляли и оплакивали их. Действительно, слез достойны не те, которые терпят обиду, но те, которые причиняют ее. Лихоимец, клеветник и всякий, делающий какое-либо другое зло, вредят гораздо больше самим себе; а нам приносят величайшую пользу, если мы не мстим за себя. Положим, например, такой-то ограбил, а ты за обиду возблагодарил и прославил Бога. Через это благодарение ты приобрел себе бесчисленные награды, равно как тот приготовил себе неизреченный огонь. Если же кто скажет: что ж, если я не мог отомстить обидевшему меня, потому что я слабее его? – то я отвечу вот что: ты мог сердиться и гневаться, потому что это в нашей власти, желать зла опечалившему, тысячекратно проклинать его и всюду бесславить. Следовательно, кто этого не сделал, тот получит награду и за то, что не мстил, так как, очевидно, он не стал бы мстить и в том случае, если бы мог это сделать. Ведь обиженный, если он малодушен, пользуется всяким оружием – мстит обидевшему проклятиями, ругательствами, наветами. Итак, ты не только не делай этого, но и молись за него; а если ты не только не сделаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобен Богу. *Молитеся,* сказано, *за творящих вам напасть, яко да будете* подобны *Отцу вашему, иже есть на небесех* (Мф. V, 44). Видишь, какую великую пользу получаем мы от обид,

причиняемых нам другими? Ничем так не услаждается Бог, как тем, когда мы не воздаем злом за зло? Но что я говорю: когда не воздаем злом за зло? Ведь нам заповедано воздавать противным, – благодеяниями, молитвами. Поэтому и Христос воздал хотевшему предать Его благодеяниями, именно: умыл ноги, обличал тайно, укорял с кротостью, служил, удостоил его трапезы и целования, и хотя (Иуда) и от этого не сделался лучше, однако же Он не переставал делать Свое. Но, если хочешь, я научу тебя и примером рабов, и в особенности, рабов ветхозаветных, чтобы ты видел, что мы не можем иметь никакого извинения, когда бываем злопамятны. Итак, хотите ли, я скажу вам о Моисее? Или не вознести ли слово еще далее? Ведь чем древнее будут представлены примеры, тем будут они убедительнее. Почему же так? Потому что тогда добродетель была труднее. Жившие в то время не имели ни письменных наставлений, ни примеров жизни; подвизалась одна только природа без всякой посторонней помощи и принуждена была всюду плавать без всякой опоры. Потому-то (Писание), похваляя Ноя, не просто назвало его совершенным, но присовокупило: *в роде своем,* то есть в такое время, когда было много препятствий. Конечно, после него прославились и другие, однако же он ничем не будет меньше их, – потому что он был совершен в свое время.

Кто же был долготерпелив прежде Моисея? Блаженный и доблестный Иосиф, который, прославившись целомудрием, не менее прославился долготерпением. Его продали, между тем как он не сделал никакой обиды, но служил, работал и исполнял все, свойственное рабам. На него возвели злую хулу, но он не мстил, хотя имел и отца на своей стороне; напротив, он даже понес братьям пищу в пустыню и, когда не нашел их, не отчаялся и не возвратился назад, хотя

и имел к тому случай, если бы хотел, но всегда сохранял истинно братское расположение к этим свирепым и жестоким людям. Опять, когда он сидел в темнице и был спрошен о причине, он не сказал о них ничего худого, а только: *ничто сотворих,* и: *татьбою украден из земли еврейския* (Быт. XL, 15). И после этого, когда снова получил власть, он и питал их, и избавил от бесчисленных зол. Так-то, когда мы бодрствуем над собой, злоба ближнего не может отвратить нас от добродетели. Но не таковы были его братья. Они сняли с него одежду и хотели убить его, и поносили его за сновидение. Он принес им пищу, а они замышляли лишить его свободы и жизни. Сами ели, а брата, бросив нагого в ров, презирали. Что может быть хуже такого зверства? Каких убийц не были они бесчеловечнее? А потом, извлекши из рва, они предали его тысяче смертей, – продали людям иноплеменным и диким, отправлявшимся к варварам. Но он, сделавшись царем, не только не мстил им, но освободил их, сколько было в его власти, и от греха, назвав все случившееся делом Промысла Божия, а не их злобы. И все, что он ни сделал с ними, сделал не с тем, чтобы отомстить за обиду, но притворно, ради брата. От того-то, когда увидел впоследствии, что они не отпускают от себя его брата, – тотчас сбросил с себя личину, стал громко рыдать и обнимать их, как будто бы они, прежде погубившие его, оказали ему величайшее благодеяние; перевел их всех в Египет и осыпал бесчисленными благодеяниями. Какое же мы будем иметь оправдание, когда после закона и благодати, после такого умножения любомудрия, не подражаем и тому, кто жил до благодати и закона? Кто избавит нас от наказания? Нет, истинно нет ничего хуже злопамятства. Это же показал и должник десяти тысяч талантов. Сначала ему долг был прощен, а потом снова потребован: прощен – по человеколюбию Божию

а вновь потребован — за его жестокость и злопамятство к своему клеврету (Мф. XVIII, 24–88). Зная все это, будем прощать грехи нашим ближним и воздавать им добром, чтобы и от Бога получить милость, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXII

Аминь, аминь глаголю вам: приемляй, аще кого послю, Мене приемлет, и приемляй Мене, приемлет пославшего Мя (Ин. XIII, 20)

1. Великое воздаяние за услуги, оказываемые рабам Божиим, и плоды от них мы получаем еще в настоящей жизни. *Приемляй* вас, говорит Христос, *Мене приемлет; а приемляй Мене, приемлет пославшаго Мя.* А что может сравниться с принятием Христа и Его Отца? Но какую это имеет связь с тем, что сказано прежде? Что общего между словами: *аще творите я, блажени есте,* и следующими затем: *приемляй* вас? Связь тесная и весьма близкая. И смотри, какая именно. Так как (апостолы) должны были выступить (на проповедь) и потерпеть великие бедствия, то Христос утешает их двумя способами: во-первых, через самого Себя, а во-вторых, через других. Если, говорит, вы будете любомудрствовать, имея всегда в памяти Меня и представляя все, что Я потерпел и что сделал, то легко перенесете бедствия. Но не этим только (утешает их), но и тем, что они будут пользоваться великими услугами от всех. На первое Он указал, сказав: *аще творите я, блажени есте;* а на другое — словами: *приемляй* вас, *Мене приемлет.* Он отверз для них дома всех, так что они имели двойное утешение — и в своем любомудрии, и в усердии служащих им. Потом завещав это им, как лицам, имеющим

обойти всю вселенную, и помыслив, что предатель лишился и того и другого, и ничем этим не воспользуется, то есть ни терпением среди трудов, ни услугами людей, которые будут принимать, Он опять возмутился духом. Евангелист, означая это и показывая, что Он поэтому именно возмутился, присовокупляет: *сия рек Иисус, возмутися духом и свидетельствова и рече; един от вас предаст Мя* (Ин. XIII, 21). Опять на всех наводит страх, не назвав по имени. Хотя (апостолы) и не сознавали за собой ничего худого, но приходят в недоумение, потому что более верили словам Христа, нежели собственным своим помыслам. Поэтому они и смотрели друг на друга. Таким образом, приписав все дело одному, Христос тем уменьшил страх; а присовокупив: *един от вас,* привел всех в смущение. И что же? Все прочие смотрят друг на друга, а всегда пламенный Петр подает знак Иоанну. Так как он уже прежде подвергся упреку и, когда (Христос) хотел умыть ему ноги, не дозволял, да и везде, несмотря на то, что действовал по влечению любви, подвергался порицанию, то теперь, опасаясь (нового упрека), он не стал ни молчать, ни говорить, но через Иоанна хочет узнать.

Здесь прилично спросить: отчего в то время, когда все были в томлении и трепете, когда верховный (апостол) боялся, – Иоанн, как бы в радости, возлежит на лоне Иисусовом, и не только возлежит, но и припадает к персям? И не это только достойно исследования, но и следующее. Что же именно? То, что он говорит о себе: *егоже любляше Иисус.* В самом деле, почему никто другой не сказал этого о себе? Ведь и другие были любимы? Но Иоанн больше других. Если же не другой кто сказал это о нем, но он сам о себе, то в этом нет ничего удивительного. Так поступает по требованию обстоятельств и Павел, когда говорит: *вем человека прежде лет четыренадесяти* (2 Кор. XII, 2); да не мало он приписал себе и

других похвал. И ужели маловажным тебе кажется то, что как только услышал: *гряди по Мне* (Мф. IV, 18–20), тотчас же, оставив мрежи и отца, последовал, что он один с Петром взят был на гору, и опять, при другом случае, вошел в дом (архиерея)? Притом, сколько он же восхвалил Петра! Он не скрыл, что Христос сказал ему: Петр, *любиши ли Мя паче сих* (Ин. XXI, 15)? И везде он выказывает Петра пламенным и искренно расположенным к себе. Так, когда (Петр) сказал: *сей же что* (Ин. XXI, 21), то сказал это от великой любви. Вот почему никто другой не сказал так о себе; да и он не сказал бы, если бы ему не пришлось говорить об этом обстоятельстве. Если бы он, сказавши, что Петр дал знак Иоанну спросить, ничего больше не присовокупил, то привел бы нас в большое недоумение, и заставил бы искать причину (поступка Петра). Потому-то, чтобы отстранить это недоумение, он сам говорит: *бе возлежа на лоне Иисусове.* А ужели, по твоему мнению, ты мало узнал, услышав, что он возлежал и что Учитель дозволил ему такое дерзновение? Если же ты желаешь знать и причину этого, то это сделано было по любви. Потому-то он и говорит: *егоже любляше Иисус.* А я думаю, что он сделал это и с другой целью, именно – желая показать, что он был чужд обвинения в предательстве. Оттого-то он безбоязненно говорит и действует. Иначе, почему он сказал это не в другое время, а именно тогда, когда верховный подал ему знак? Так, чтобы ты не подумал, что подал ему знак, как старшему, – он говорит, что это сделано было по великой любви. Для чего же он припадает и к персям? (Ученики) не думали еще о Христе ничего великого, а притом (Иоанн) через это облегчал и печаль свою. Естественно, что тогда и лица их были печальны; ведь, если они были смущены в своей душе, то тем более это смущение (видно было) на их лицах. Потому-то,

утешая их и словами и вопросами, (Иисус) допускает и позволяет припадать к Своим персям. Заметь же и то, как Иоанн чужд хвастовства. Он не назвал себя по имени, но сказал: *егоже любляше*, подобно тому, как и Павел говорил: *веж человека прежде лет четыренадесяти*. При этом случае Иисус в первый раз обличает предателя, но и теперь – не называя его по имени, а как? *Ему же Аз омочив хлеб подам*. И самый этот образ обличения мог тронуть его, если уже он не устыдился и трапезы, вкушая от одного хлеба. В самом деле, пусть общение в трапезе не тронуло его; но кого бы не привлекло и то, что он принял от Христа хлеба? Но его не привлекло. Потому-то и *вниде* тогда *сатана в онъ*, посмеявшись над его бесстыдством. Пока он был в лике (апостолов), сатана не смел войти в него, но извне нападал на него; а когда (Христос) обнаружил его и отлучил, тогда уже безбоязненно вошел в него. Так как он был столько развращен и неисправим, то его не следовало долго держать в лике. Потому-то Христос наконец и изверг его; а когда он был извержен, тогда овладел им сатана и он, оставив собрание вышел ночью. *Глагола убо ему Иисус: друже, еже твориши, сотвори скоро. И никтоже разуме от возлежащих* (ст. 27, 28).

2. О, какая бесчувственность! Как можно было не смягчиться и не устыдиться! Но он вышел вон, сделавшись еще более бесстыдным. Слова же: *сотвори скоро* не означают ни повеления, ни совета; напротив, ими (Христос) укоряет и показывает, что Он хотел бы, чтобы (предатель) исправился, и что Он оставляет его только потому, что он был неисправим. И *сего*, говорится, *никтоже разуме от возлежащих*. Здесь может кто-либо прийти в недоумение касательно того, отчего ученики и после того, как спросили: *кто есть* и получили в ответ: *ему же Аз омочив хлеб подам*, – и после того не узнали (предателя)? Вероятно, Христос сказал тихо, так, что

никто не слышал. Потому-то, конечно, и Иоанн, припав к персям Его, спрашивал почти на ухо, чтобы не сделать явным предателя, и Христос отвечал таким же образом, так что и теперь не сделал его явным. И хотя Он с выразительностью сказал: *друже, еже твориши, сотвори скоро,* однако же апостолы, несмотря и на это, не поняли. Этими словами Он показывал, что все, сказанное Им иудеям о смерти, было истинно. А иудеям Он говорил: *область имам положити душу Мою, и область имам паки прияти ю: и никтоже возмет ю от Мене* (Ин. X, 18). И действительно, доколе Он не дозволял взять, никто не в силах был; а когда позволил, тогда это стало делом легким. Намекая на все это, Он и сказал: *еже твориши, сотвори скоро.* Но и тогда еще Он не сделал предателя известным. Могло статься, что он был бы растерзан и убит. Поэтому-то *никтоже разуме от возлежащих.* Ужели и Иоанн? Да, и Иоанн, – потому что он не предполагал, чтобы ученик мог дойти до столь великого беззакония. Будучи сами далеки от такого злодейства, (апостолы) не могли подозревать и в других ничего подобного. Итак, как прежде сказал им *не о всех глаголю,* и нигде не открыл (предателя), так и теперь они подумали, что Он говорит о постороннем. *Бе же,* говорится, *нощь, егда изыде* (ст. 30). Для чего ты говоришь мне о времени? Для того, чтобы ты познал бесстыдство (предателя), так как время не удержало его от исполнения предприятия. Однако же и это не сделало его явным. В то время апостолы, будучи одержимы страхом и большим беспокойством, находились в смущении и не поняли истинного смысла слов Христовых. Они думали, что (Христос) сказал: *нищим да нечто даст* (ст. 29), так как Он много заботился о нищих, научая и нас иметь о них великое попечение. И думали они так не без причины, а потому, что (Иуда) имел у себя ковчежец. Впрочем не видно, чтобы кто-

нибудь приносил Христу деньги. Что ученики питали Его от своих имуществ, об этом сказано, а на то нигде не сделано намека.

Каким же образом Тот, Кто повелевал не носить ни дорожной сумы, ни меди, ни жезла, носил ковчежец для служения нищим? Это для того, чтобы ты знал, что и человеку крайне бедному и распявшему плоть свою нужно иметь об этом великую заботу. Ведь (Христос) многое делал для нашего наставления. Таким образом ученики подумали, что Он это и говорит, то есть чтобы Иуда дал что-нибудь нищим. Но (Иуду) не тронуло и то, что Он не хотел обличить его до самого последнего времени. Так должны поступать и мы, — не обнаруживать грехов людей, живущих с нами, хотя бы они были неизлечимы. Да и после этого, когда Иуда пришел предать Его, дал ему лобзание и соизволил на такое дело тогда, когда уже шел на подвиг гораздо более тяжкий, на крест и на поносную смерть; и при этом опять показал Свое человеколюбие. Здесь же Он называет Свою смерть даже славой, научая нас, что нет ничего столь постыдного и поносного, что бы не обратилось к большей славе человека, если он подвергается тому ради Бога. После того, как Иуда вышел, чтобы предать Его, Он говорит: *ныне прославися Сын человеческий* (ст. 31). Этим Он ободряет поверженные в уныние души учеников и убеждает не только не сетовать, но даже радоваться. По этой-то причине Он и Петру еще прежде сделал упрек. Быть преданным смерти и победить смерть — это, действительно, великая слава. Вот это и значат слова, которые Он говорил о Себе: *егда вознесен буду, тогда познаете, яко Аз есмь* (Ин. XII, 42; ср. VIII, 28), и опять: *разорите церковъ сию* (Ин. II, 19), и еще: *знамение не дастся вам, токмо знамение Ионы* (Лк. XI, 29). И не великая ли, в самом деле, слава в том, что Он после смерти явился более могущественным, чем прежде смерти?

Ученики, чтобы уверить в воскресении, совершили большие чудеса. А если бы Он не воскрес и не был Бог, то как бы они именем Его совершили такие дела? *И Бог прославит Его* (Ин. XIII, 32). Что значит: *и Бог прославит Его в Себе?* Значит: через самого Себя, а не через другого. *И абие прославит Его,* – то есть вместе с крестом. Не после продолжительного времени, говорит; не будет ожидать отдаленного времени воскресения и не тогда явит Его славным; а тотчас же, на самом кресте обнаружится слава. И в самом деле, тогда солнце померкло, камни распались, завеса раздралась, многие тела усопших святых воскресли; на гробе были печати, его окружала стража, над телом лежал камень, – и однако же тело воскресло. Прошло сорок дней, и сошел Дух, и все тотчас же стали проповедовать Его. Это-то и значит: *прославит Его в Себе, и абие прославит Его:* не через ангелов и архангелов, и не через другую какую-либо силу, а через самого Себя.

3. Но как же Он прославил Его через самого Себя? Он все сделал для славы Сына, хотя все совершил сам Сын. Видишь ли, что (Христос) Свои дела относит к Отцу? *Чадца, еще с вами мало есмь: взыщете Мене, и якоже рех Иудеом, яко аможе Аз иду, вы не можете приити: и вам глаголю ныне* (Ин. XVII, 33). После вечери Христос начинает уже беседу печальную. Когда вышел Иуда, тогда был уже не вечер, а ночь. И так как скоро должны были прийти, чтобы взять Его, то надлежало передать апостолам все, чтобы они имели это в памяти. Впрочем, справедливее сказать, им напомнил все Дух. Естественно ведь, что они многое забыли, так как тогда в первый раз о том слышали и к тому же должны были подвергнуться столь великим искушениям. Они были одолеваемы сном, как и замечает другой евангелист, и были одержимы печалью, как говорит и сам Христос: *но яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша*

(Ин. XVI, 6): как же могли они хорошо удержать все это в памяти? Так для чего же им было говорено? Не мало способствовало в их мнении к славе Христовой то, что они, ясно узнав об этом впоследствии, припоминали, что еще прежде слышали о том от самого Христа. А для чего Он заранее повергает их души в уныние, говоря: *еще с вами мало есмь?* Иудеям это сказано было по справедливости. Но для чего же Ты нас ставишь наряду с этими неблагодарными? Отнюдь нет. Для чего же сказал: *якоже рех Иудеом?* Этим Он напомнил, что предсказывает это не теперь только, когда бедствия уже наступали, но предвидел это еще прежде; и этому свидетели они сами, так как они слышали, что Он говорил это и иудеям. Для того-то Он и присовокупил: *чадца,* – чтобы апостолы, услышав *якоже рех Иудеом,* не подумали, что и к ним эти слова были сказаны точно также, как к иудеям. Таким образом Он сказал это не для того, чтобы повергнуть их в уныние, а чтобы ободрить их, чтобы нечаянно пришедшие бедствия не смутили их. *Аможе Аз иду, вы не можете приити.* Этим показывает, что Его смерть есть преставление и переход к месту, куда не допускаются тела, подверженные тлению. Говорит же это для того, чтобы и возбудить в них любовь к Себе, и сделать ее более пламенной. Ведь вы знаете, что мы воспламеняемся особенной любовью к друзьям своим тогда, когда видим, что они удаляются от нас, и особенно, когда видим, что они удаляются в такое место, куда нам невозможно идти. Итак иудеям Он говорил это с тем, чтобы их устрашить, а апостолам – чтобы воспламенить в них любовь. Место это таково, что не только они, но даже и вы, возлюбленнейшие, не можете прийти туда. Здесь же Он показывает и Свое достоинство. *И вам глаголю ныне.* Почему *ныне?* Иначе им, и иначе вам, то есть не вместе с ними. Когда же искали Его иудеи, и когда

ученики? Ученики после того, как убежали, а иудеи тогда, как, по взятии их города и по пришествии на них отсюда гнева Божия, подверглись ужасным и неизобразимым бедствиям. Итак, иудеям Я говорил тогда – по причине их неверия, а вам теперь, чтобы бедствие не постигло вас неожиданно. *Заповедь новую даю вам* (ст. 34). Так как они, слыша эти слова, естественно могли прийти в смущение, как люди, которые будут лишены всякой помощи, то Он утешает их, ограждая любовью – этим корнем и утверждением всех благ.

Он как бы так говорил: вы скорбите о том, что Я отхожу? Но если вы будете любить друг друга, то вы будете еще сильнее. Почему же Он не так сказал? Потому что сказал то, что было для них гораздо полезнее: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте.* Этим Он уже показал вместе и то, что лик их не разрушится, как скоро Он даровал им и отличительный признак. Это Он сказал уже тогда, когда предатель был отделен от них. Как же Он называет эту заповедь новой, когда она была и в Ветхом Завете? Он сделал ее новой по самому образу; поэтому присовокупил: *якоже возлюбих вы.* Я, говорит, не долг вам отдал за предшествовавшие ваши заслуги, а Сам начал (любить вас). Так и вы должны благотворить своим друзьям, хотя бы и ничем не были обязаны им. Таким образом, умалчивая о чудесах, которые они имели совершить, Он отличительным признаком их поставляет любовь. Почему же так? Потому что она-то в особенности означает святых людей, так как она есть основание всякой добродетели. Ею по преимуществу все мы и спасаемся. Она-то, говорит, и означает ученика. Тогда все похвалят вас, когда увидят, что вы подражаете моей любви.

4. Что же? Не гораздо ли лучше показывают это чудеса? Нет. *Мнози бо рекут: Господи, не Твоим ли именем*

бесы изгонихом (Мф. VII, 22)? И опять, когда апостолы радовались, что им повинуются бесы, сказал: *не радуйтеся, яко дуси вам повинуются; но яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. X, 20). Правда, чудеса привели (ко Христу) вселенную, но это потому, что им предшествовала любовь. Если бы не было любви, не было бы и чудес. Она тотчас сделала апостолов людьми добрыми и прекрасными, так что у всех было одно сердце и одна душа. А если бы они были не согласны между собой, то погибло бы все. Но не к ним одним это сказано, а и ко всем имеющим уверовать в Него. Ведь и теперь не другое что соблазняет язычников, а именно то, что нет любви. Но они, скажешь, упрекают нас и в том, что не бывает чудес? Да, но не столько. В чем же апостолы показали любовь? Видишь, что Петр и Иоанн неразлучны друг с другом и вместе входят в храм? Видишь, что Павел также одушевлен любовью к ним, — и ужели еще сомневаешься? Если они стяжали другие добродетели, то тем более имели любовь, которая есть мать добра: она произрастает от души добродетельной, а где порок, там увядает это растение. Когда, оказано, умножится беззаконие, *изсякнет любы многих* (Мф. XXIV, 12).

Да и язычников не столько обращают чудеса, сколько жизнь; жизни же ничто так не благоустрояет, как любовь. Тех, которые совершали знамения, язычники часто называли и обманщиками; но чистой жизни они не могут укорить. Поэтому, доколе проповедь не была еще распространена, — чудеса по справедливости были предметом удивления, а теперь нужно возбудить удивление жизнью. Действительно, ничто столько не соблазняет, как порок; да и справедливо. Ведь, когда язычник увидит, что тот, кому заповедано любить и врагов, лихоимствует, грабит, побуждает к вражде и обращает-

ся с одноплеменниками, как с дикими зверями, — он назовет наши слова пустыми бреднями. Когда увидит, что (христианин) трепещет смерти, — как примет слова о бессмертии? Когда увидит, что мы властолюбивы и раболепствуем другим страстям, — то еще больше будет привержен к своему учению, не думая о нас ничего великого. Мы, истинно мы, виновны в том, что язычники остаются в заблуждении. Свое учение они давно уже осудили и на наше смотрят с уважением; но жизнь наша их удерживает от обращения. На словах любомудрствовать легко, — многие и из них это делали; но они требуют доказательства от дел. Пусть, скажешь, они подумают о наших древних мужах? Но они совсем не верят, а хотят видеть людей, живущих теперь. Покажи нам, говорят, веру от дел твоих; а дел нет. Напротив, они видят, что мы хуже зверей терзаем ближнего своего, и потому называют нас язвой вселенной. Вот что удерживает язычников и не дозволяет им присоединиться к нам. Поэтому мы будем наказаны и за них, — не только за то, что творим зло, но и за то, что через нас хулится имя Божие. Доколе мы будем привязаны к богатству, роскоши и другим страстям? Отстанем наконец от них. Послушай, что говорит пророк о некоторых безумцах: *да ямы и пием, утре бо умрем* (Ис. XXII, 13). О нынешних же людях и этого нельзя сказать. Теперь многие присваивают себе достояние всех, за что и порицает их пророк, говоря: *еда вселитеся едини на земли* (Ис. V, 8)? Потому-то я боюсь, чтобы не случилось чего-либо худого и чтобы нам не привлечь на себя никакого наказания Божия. А чтобы этого не было, будем упражняться во всякой добродетели, чтобы достигнуть и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXIII

Глагола Симон Петр: Господи, камо идеши? Отвеща ему Иисус: аможе Аз иду, не можеши ныне по Мне ити; последи же по Мне идеши (Ин. XIII, 36)

1. Великое благо – любовь. Она сильнее огня, восходит к самому небу, и нет препятствия, которое бы могло удержать ее сильное стремление. Вот, например, пламеннейший Петр: после того, как услышал: *аможе Аз иду, вы не можете приити,* – что говорит? *Господи, камо идеши?* Это он сказал, желая не столько узнать, (куда идет Христос), сколько последовать за Ним. Сказать прямо: я пойду – он пока еще не смел; а говорит: *камо идети?* И Христос отвечал не на слова его, а на мысль, так что его желание видно из самых слов Христа. Что Он сказал? *Аможе Аз иду, не можеши ныне по Мне ити.* Видишь ли, что Петр желал последовать за Ним, а потому и спросил? Да и тогда, как услышал: *последи же по Мне идеши,* он не удержал своего желания, хотя и получил вожделенную надежду, но желал до того, что сказал: *почто не могу ныне по Тебе ити? Душу мою за Тя положу* (Ин. XIII, 37). Так как он уже освободился от страха предательства и увидел себя в числе искренних (учеников), то уже с дерзновением сам спрашивает, между тем как другие молчат. Что ты говоришь, Петр? (Христос) сказал: *не можеши,* а ты говоришь: могу? Итак, ты узнаешь на самом опыте, что твоя любовь, без помощи свыше, ничто. Отсюда ясно, что Христос и падение Петра допустил для его же пользы. И прежними действиями Он хотел вразумить его; но так как Петр оставался при своей горячности, то хотя Он и не довел его и не побудил к тому, чтобы он отрекся, однако же оставил его без помощи, чтобы он познал свою немощь. Христос сказал, что Ему надлежит быть предану, а Петр говорит: *милосерд Ты, не иматъ быти Тебе сие* (Мф. XVI, 22).

Ему сделан был упрек, но он не вразумился, а напротив, когда Христос хотел умыть ему ноги, опять сказал: *не умыеши ногу мою вовеки* (Ин. XIII, 8). И теперь, когда услышал: *не можеши ныне по Мне ити,* снова говорят: *аще и вси отвергутся, аз не отвергуся.* Привыкнув таким образом противоречить Христу, он легко мог бы впасть в гордость; а потому-то Христос наконец и научает его не противодействовать. Вот на это и намекает Лука, когда говорит, что Христос сказал: *Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя* (Лк. XXII, 32), то есть чтобы ты не погиб окончательно. Через все это научает его смирению и показывает, что человеческое естество само по себе – ничто. Так как великая любовь побуждала Петра к противоречию, то Христос наконец вразумляет его, чтобы он не подвергался тому же и впоследствии, но, вспоминая о том, что случилось с ним, знал бы самого себя. И смотри, какое сильное падение! Не однажды и не дважды он подвергся этому падению, но испугался до того, что в короткое время трижды произнес слово отречения, – чтобы таким образом познал, что не столько он любил, сколько был любим. Однако же после такого падения Христос опять говорит: *любиши ли Мя паче сих* (Ин. XXI, 15)? Значит, это падение произошло не от холодности, а от того, что он лишился помощи свыше. Любовь Петра Христос принимает, но происходящее от ней противоречие отсекает. Если ты любишь, то должен покоряться тому, кого любишь. Сказал и тебе и бывшим с тобою: *не можеши*: для чего же ты споришь? Разве ты не знаешь, что значит отвергать слова Божии? Но так как ты не хочешь из этого уразуметь, что невозможно не быть тому, что Я говорю, то узнаешь о том из отречения, хотя оно тогда казалось тебе гораздо невероятнее. Об этом ты даже не знал, а то сознавал в своей душе, – и однако же случилось то, чего ты вовсе не ожидал. *Душу*

мою за Тя положу. (Петр) слышал, что больше этой любви *никтоже имать,* и потому, будучи ненасытен и желая достигнуть самой высшей, (любви), тотчас же устремился к ней. Но Христос, показывая, что только Он один может с уверенностью возвещать это говорит: *прежде даже алектор не возгласит,* то есть теперь же. Действительно, немного уже оставалось времени, так как беседовал поздно ночью, когда уже прошла первая и вторая стража. *Да не смущается сердце ваше* (Ин. XIV, 1). Это Он говорит потому, что ученики, услышав (слова Его), по всей вероятности, смутились. В самом деле, если верховному и столько пламенному (ученику) сказано было, что он прежде, нежели алектор возгласит, трижды отречется, то им естественно было ожидать, что их постигнет какое-либо несчастие, которое в состоянии потрясти и адамантовые души. А так как, помышляя об этом, они естественно приходили в ужас, то смотри, как Он успокаивает их, говоря: *да не смущается сердце ваше.* Этим Он прежде всего показывает Свою божественную силу, так как Он знает и обнаруживает то, что у них было на душе. *Веруйте в Бога, и в Мя веруйте,* то есть — все бедствия пройдут. Вера в Меня и в Отца сильнее угрожающих вам бедствий; она не допустит, чтобы какое-либо несчастие одолело вас. Затем прибавляет: *в дому Отца Моего обители многи суть* (ст. 2). Как в утешение скорбящему Петру Он говорил: *последи же по Мне идеши,* так и им подает такую же надежду. Чтобы они не подумали, что только ему одному дано обещание, Он говорит: *в дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекл бых вам: иду уготовати место вам,* — то есть и вы будете в том же месте, где и Петр. Там весьма много обителей и нельзя сказать, чтобы нужно было приготовлять их. А так как Он сказал: не можете *ныне по Мне ити,* то чтобы не подумали, что они навсегда отлучены от Него, Он присовокупил:

да идеже есмь Аз, и вы будете (ст. 3). Я столько забочусь об этом, что уже приготовил бы это место, если бы издавна оно не было уготовано для вас. Этим Он показывает, что они должны вполне надеяться и уповать на Него.

2. Потом, чтобы они не подумали, что Он говорит это только для ободрения их, но верили, что это действительно так, Он присовокупляет: *и аможе Аз иду, весте, и путь весте* (Ин. XIV, 4). Видишь ли, как Он удостоверяет их, что то не напрасно было сказано? Говорит же это потому, что видел их душу, – как она желает знать это. Петр сказал вышеприведенные слова не для того, чтобы узнать, но чтобы последовать. Когда же он подвергся упреку и между тем Христос объявил возможным то, что в то время казалось невозможным, то эта самая невозможность привела Петра к желанию тщательно узнать о том. Потому-то и говорит им: *и путь весте.* Как вслед за словами: *отвержешися Мене,* несмотря на то, что никто ничего не сказал, Он, испытуя сокровенное в сердце, присовокупил: не смущайтесь, – так и теперь, сказавши: *весте,* выразил желание их души и Сам подал им повод спросить об этом. Слова же: *камо идеши* – Петр сказал по внушению великой любви, а Фома от страха. *Господи, не вемы, камо идеши* (ст. 5). Мы не знаем, говорит, места, и как можем знать путь, туда ведущий? И смотри, с какой робостью. Не сказал: укажи нам это место, но: *не вемы, камо идеши.* Об этом давно уже все желали знать. В самом деле, если иудеи, слыша (эти слова), приходили в недоумение, несмотря на то, что хотели освободиться от Христа, то тем более желали узнать об этом те, которые никогда не хотели разлучиться с Ним. Потому-то, хотя они боялись спросить Его, однако же спрашивают, будучи побуждаемы к тому великой любовью и беспокойством. Что же Христос? *Аз есмь путь и исти-*

на и живот; никто же приидет к Отцу, токмо Мною (ст. 6). Почему же Он не тотчас, как Петр спросил: *камо идеши?* – отвечал: Я иду к Отцу, а вы теперь не можете идти, – но ввел в Свою речь столько слов, предлагая вопросы и ответы? Иудеям, конечно, Он по справедливости так не сказал; но почему ученикам? И ученикам, и иудеям Он говорил, что пришел от Бога и к Богу идет, но теперь говорит об этом яснее, чем прежде. Иудеям Он не сказал так ясно, потому что, если бы сказал: не можете прийти *к Отцу, токмо Мною,* то они тотчас же подумали бы, что это сказано по гордости; а теперь, когда Он умолчал об этом, Он поверг их в беспокойство. Но для чего же, спросишь, Он также говорил и ученикам, и Петру? Он знал великую ревность Петра, – что, в противном случае, он еще более стал бы беспокоить Его. Итак, чтобы отвлечь его от этого, Он говорит прикровенно; а когда достиг того, чего хотел, темнотой и прикровенностью речи, то опять говорит открыто.

Сказавши: *идеже есмь Аз,* туда никто не может прийти, Он присовокупил: *в дому Отца Моего обители многи суть,* и еще: *никтоже приидет к Отцу, токмо Мною.* Он не хотел так сказать им в самом начале, чтобы не повергнуть их в большую печаль; когда же утешил их, тогда и говорит. После упрека, сделанного Петру, Он, действительно, много отнял у них печали; а между тем и они сами, опасаясь, как бы не услышать того же, сделались более смиренными. *Аз есмь путь.* Это – подтверждение слов: *никтоже приидет, токмо Мною;* а слова: *и истина и живот* – удостоверение в том, что так непременно будет. Если Я истина, то от Меня не может быть лжи. Если же Я и жизнь, то и самая смерть не может воспрепятствовать вам прийти ко Мне. Иначе сказать: если *Аз есмь путь,* то вы не будете иметь нужды в руководителе; если Я истина, то слова Мои – не ложь; если Я жизнь, то,

хотя вы и умрете, однако же получите то, о чем Я сказал. Что касается до пути, то это они поняли и исповедали; а остального не уразумели, и однако же не смели спросить о том, чего не уразумели. Впрочем и из того, что было сказано о пути, они получили большое утешение. Если в Моей власти, говорит, привести вас к Отцу, то вы непременно туда придете. А другим путем туда и невозможно прийти. Словами же, которые Он сказал прежде: *никтоже может приити ко Мне, аще не Отец привлечет его* (Ин. VI, 44), и еще: *аще вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин. XII, 32), а также словами, сказанными теперь: *никтоже приидет к Отцу, токмо Мною,* – Он показывает Свое равенство с Отцом. Как же Он, сказавши: *аможе Аз иду, весте, и путь весте,* присовокупил: *аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо: и отселе познаете Его и видесте Его* (ст. 7)? Этим Он не противоречит Себе, потому что ученики, хотя и знали Его, но не так, как следовало. Бога они знали, а Отца еще не знали. Уже впоследствии Дух, сошедший на них, сообщил им совершенное знание. Смысл слов Христа такой: если бы вы знали Мое существо и достоинство, то знали бы и Отца. *И отселе познаете Его и видесте Его* (одно относится к будущему, а другое к настоящему), то есть через Меня. Под видением же Он разумеет познание умом. Кого мы видим, тех можем и видеть, и не знать; а кого знаем, тех не можем знать и не знать. Поэтому Он говорит: *и видесте Его,* в том же смысле, в каком сказано, что Его видели и ангелы (1 Тим. III, 16). Хотя они видели не самое существо Его, однако же говорится, что они видели Его, то есть так, как могли видеть. А сказал Он так для того, чтобы ты знал, что кто видел Его, тот знает Родившего Его. Видели же Его не в обнаженном Его существе, но облеченным плотью. Есть и другие места, где Он называет познание видением, – например, когда говорит:

блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. V, 7). Чистыми Он называет тех, которые свободны не только от блуда, но и от всех грехов, так как всякий грех оскверняет душу.

3. Итак, будем всячески стараться очистить себя от скверны. Очищается же она, во-первых, крещением, а потом и другими многоразличными средствами. Бог, по Своему человеколюбию, даровал нам разнообразные средства к очищению и после крещения. Первое из всех этих средств – милостыня, так как сказано: милостынями и верой очищаются грехи (Сир. III, 30). Но я разумею милостыню не от неправды, потому что это уже не милостыня, а жестокость и бесчеловечие. В самом деле, что за польза – обнажить одного и одеть другого? Милостыня должна происходить от сострадания, а это – бесчеловечие. И хотя бы мы отдали даже все, что похитили у других, для нас не будет никакой пользы. Это показывает Закхей, который тогда умилостивил Бога, когда обещал возвратить похищенное четверицею (Лк. XIX, 8). А мы, похищая весьма много, а отдавая мало, думаем умилостивить Бога, не зная, что тем еще более прогневляем Его. В самом деле, скажи мне: если бы ты, притащив с распутий и дорог мертвого и сгнившего осла, возложил его на жертвенник, – не стали бы все бросать в тебя камнями, как в нечестивца и беззаконника? Что же, если я докажу, что жертва от хищения еще более мерзка? Какое мы будем иметь оправдание? Положим, что принесен какой-либо драгоценный дар из того, что приобретено хищением: не зловоннее ли он мертвого осла? Хочешь знать, как велико зловоние греха? Послушай, что говорит пророк: *возсмердеша и согниша раны моя* (Пс. XXXVII, 6). Между тем ты в то время, как словами умоляешь Бога, чтобы Он предал забвению соделанные тобой грехи, сам же своими делами, тем, что похищаешь и лихоимствуешь,

и возлагаешь свой грех на жертвенник, заставляешь непрестанно помнить о них. Но не в этом только грех, а — что еще хуже — ты оскверняешь души святых. Жертвенник — камень, хотя он и освящается; а души святых всегда носят самого Христа: как же ты осмеливаешься приносить туда дары от такой нечистоты. Нет, скажешь, я не от этого имущества, а другого? Это — смешное и глупое пустословие. Разве не знаешь, что, если в великое множество имущества попадет и одна капля неправды, то все оно оскверняется? Как чистый источник делается весь нечистым, как скоро в него бросит кто-либо нечистоту, так и богатство, если привзойдет в него сколько-нибудь лихоимства, все заражается от того зловонием. Ведь мы умываем же руки, когда входим в церковь: зачем же не омываем сердца? Разве руки издают голос? Душа произносит слова; на нее взирает Бог; и когда она нечиста, ни к чему не служит чистота телесная. В самом деле, что пользы, если ты наружные руки умываешь, а внутренние оставляешь в нечистоте? Вот то-то и худо, и от того все идет у нас превратно, что мы, крайне заботясь о малом, пренебрегаем великим. Молиться с неумытыми руками — дело безразличное; а молиться с нечистой душой, это — величайшее из всех зол. Послушай, что сказано и иудеям, которые обращали особенное внимание на наружную нечистоту: *омый от лукавства сердце твое. Доколе будут в тебе помышления бед твоих* (Иер. IV, 14)? Омоем же себя и мы, но не грязью, а водой чистой, — милостыней, а не лихоимством. Прежде отстань от хищения — и потом подавай милостыню. *Уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. XXXVI, 27). Удержи руки от лихоимства — и тогда простирай их на милостыню. Если же мы теми же самыми руками одних будем обнажать, а других одевать, то хотя бы одевали и не тем, что похитили, — и в этом случае не избежим наказания. Иначе милостыня будет

поводом ко всякому преступлению. Лучше не оказывать милосердия, чем оказывать такое милосердие. Ведь и Каину лучше было совсем не приносить ничего. И если он, принесши меньшее, прогневал Бога, то как же не прогневает Его тот, кто подает чужое? Я тебе заповедал, скажет Бог, не похищать, а ты чествуешь Меня похищенным? Ужели ты думаешь, что для Меня приятно это? Поэтому Он скажет тебе: *вознепщевал еси беззаконие, яко буду тебе подобен: обличу тя и представлю пред лицем твоим, грехи твоя* (Пс. XLIX, 21). Но не дай Бог никому услышать этот голос! (Дай Бог), чтобы мы, совершив дела чистого милосердия, с ясными светильниками вошли в брачный чертог, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXIV

Глагола Ему Филипп: Господи, покажи нам Отца, и довлеет нам; глагола ему Иисус: толико время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе? Видевый Мене, виде Отца (Ин. XIV, 8, 9)

1. Пророк говорил иудеям: *лице блудницы бысть тебе, не постыдевшейся ко всем* (Иер. III, 3); но, кажется, что это прилично сказать не одному тому народу, но и всем, бесстыдно противящимся истине. В самом деле, на слова Филиппа: *покажи нам Отца* Твоего, Христос отвечал: *толико время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе?* И однако же есть люди, которые и после этих слов отделяют Сына от Отца. Между тем, какой искать еще близости больше этой? Ведь некоторые, вследствие этого изречения, впали даже в недуг Савеллия. Но оставим и тех и других, как людей, держащихся совершенно противоположных, но равно нечестивых мыслей, и рас-

смотрим подлинный смысл сказанных слов. *Толико время с вами есмъ,* говорит, *и не познал еси Мене, Филиппе?* Что ж? Разве Ты Отец, которого я ищу? Нет, говорит. Потому-то Он и не сказал: не познал Его, – но: *не познал еси Мене,* – показывая тем именно то, что Сын есть не иное что, а тоже, что Отец, хотя и пребывает Сыном. Но что же привело Филиппа к таким словам? То, что Христос сказал: *аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо* (Ин. XIV, 7), как не раз Он говорил это и иудеям. А так как у Него часто спрашивал уже Петр, спрашивали и иудеи: кто есть Отец? – спрашивал также и Фома, и между тем никто ничего ясного не узнал, но все оставалось еще неизвестным, то Филипп, чтобы не показаться докучливым и беспокоящим Его, подобно иудем, – сказав: *покажи нам Отца* Твоего, присовокупил: *и довлеет нам,* то есть мы ничего более не ищем. Христос сказал: *аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо,* и через Себя показывал Отца; но Филипп переменяет этот порядок и говорит: покажи Отца, – как будто бы уже в точности познал самого Христа. Но Христос не удовлетворяет его желания, а поставляет его на путь и убеждает познавать Отца через Себя. Филипп хотел видеть Отца этими телесными очами, быть может, потому, что слышал о пророках, что они видели Бога. Но ведь то, Филипп, было говорено приспособительно к нашей немощи. Потому-то Христос сказал: *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. I, 18), и еще *всяк слышавый от Отца и навык, приидет ко Мне* (VI, 45). *Ни гласа Его нигдеже слышасте, ни видения Его видесте* (V, 37). И в Ветхом Завете сказано: *не бо узрит человек лице Мое, и жив будет* (Исх. XXXIII, 10). Что же Христос? Сильно упрекает его: *толико время с вами есмъ, и не познал еси Мене, Филиппе.* И не сказал: не видел Меня, но: *не познал еси Мене.* Но ведь я, мог сказать Филипп, не Тебя хочу познать; я желаю теперь увидеть

Твоего Отца, а Ты мне говоришь *не познал еси Мене?* Какая тут связь? Весьма близкая. Так как, пребывая Сыном, Он есть тоже, что и Отец, то Он справедливо в Себе самом показывает Отца. Потом Он разделяет ипостаси, говоря: *видевый Мене, виде Отца,* чтобы кто-нибудь не сказал, что Он – вместе и Отец, и Сын. Если бы Он был Отец, то не сказал бы: кто видел Меня, тот видел и Его. Почему же Он не сказал Филиппу: ты требуешь невозможного, того, что несообразно с человеческой природой, что одному только Мне возможно? Так как Филипп сказал: *довлеет нам,* как будто бы уже познал (Христа), то Христос показывает, что он и Его не видел; иначе, если бы он мог видеть Его, то увидел бы и Отца. Потому и сказал: *видевый Мене, виде Отца,* – кто видел Меня, тот увидит и Его. А это значит вот что ни Меня, ни Его видеть невозможно. Филипп хотел познать через зрение, и так как думал, что уже видел Христа, и хотел таким же образом увидеть и Отца, то Христос показывает, что он не видел и Его.

Если бы кто под видением стал разуметь познание, то я и тому не буду противоречить, потому что кто познал Меня, говорит Христос, тот познал Отца. Но Он не сказал так, а желая представить единосущие, сказал: кто познал Мое существо, тот знает и существо Отца. Каким же это образом, скажешь? Ведь и тот, кто познал тварь, знает уже и Бога. Нет, тварь знают и видят все, а Бога знают не все. Но посмотрим, что хочет видеть Филипп: премудрость ли Отца, или благость Его? Нет; он хочет видеть именно то, что есть Бог, – самое существо. Вот на это и отвечает Христос: *видевый Мене.* А кто видит тварь, тот еще не видит существа Божия. Если кто видел Меня, говорит Христос, тот видел и Отца Моего. А если бы Он был иного существа, то не сказал бы так. Употреблю и более

простой образ речи: не зная золота, никто не может увидеть сущности золота в серебре, так как естество одного не обнаруживается через естество другого. Потому-то Христос справедливо сделал упрек Филиппу, сказав: *толико время с вами есмь*. Ты пользовался столько времени учением, ты видел чудеса, совершенные со властью, видел, что свойственно Божеству и что творит один только Отец, как-то: отпущение грехов, обнаружение сокровенных таин, изгнание смерти, создание из земли, *и не познал еси Мене?*

2. Так как Он облечен был плотью, то и сказал: *не познал еси Мене*. Если ты видел Отца, – не домогайся видеть больше того, потому что в Нем ты видел и Меня. Если видел Меня, не любопытствуй больше ни о чем, потому что во Мне ты познал и Его. *Не веруеши ли, яко Аз во Отце* (ст. 10), то есть являюсь в Его существе? *Глаголы, яже Аз глаголю, о Себе не глаголю*. Видишь, какая чрезвычайная близость и какое доказательство единства существа? *Отец же во Мне пребываяй, той творит дела*. Почему, начавши речь о словах, Он перешел к делам? Ему следовало бы сказать: Той глаголет глаголы. Это потому, что Он здесь говорит о двух предметах, об учении и чудесах, или же потому, что и слова Его были делами. Как же *той творит?* В другом месте Он говорит: *аще не творю дел Отца Моего, не имите Ми веры* (Ин. X, 37). Как же здесь говорит, что Отец творит? Этим Он показывает именно то, что между Отцом и Сыном нет ничего посредствующего. Слова его значат вот что: не иначе творил бы Отец, чем как творю Я. А в другом месте Он, действительно, представляет делающим и Себя самого, и Отца, говоря: *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. V, 17). Там Он показывает безразличие, а здесь – тожество дел. Если же слова Его с первого взгляда представляются уничиженными, то ты не удивляйся этому. Он наперед сказал: *не веруеши ли*, и потом уже

произнес те слова, показывая, что Он построил так речь для того, чтобы привести Филиппа к вере. Ведь Он проникал сердца учеников. *Веруйте, яко Аз во Отце и Отец во Мне* (ст. 11). Вам, которые слышите об Отце и Сыне, не следовало бы искать никакого другого доказательства на Их сродство по существу. Но если вам недостаточно этого для доказательства Их равночестия и единосущия, то познайте это хотя от дел. Значит, слова: *видевый Мене, виде Отца* Моего – сказаны были не о делах; иначе Он не сказал бы после: *аще ли же ни, за дела веру имете Ми.* Потом, показывая, что может совершать не только эти дела, но и другие гораздо большие, Он говорит об этом с чрезвычайной силой. Не говорит: Я могу совершить дела и больше этих, но, что гораздо удивительнее, могу, говорит, и другим дать власть совершать дела больше этих дел. *Аминь, аминь глаголю вам: веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит, яко Аз к Отцу Моему гряду* (ст. 12). То есть, теперь уже вы будете совершать чудеса, потому что Я отхожу. Затем, достигши того, к чему клонилась речь, Он говорит: *аще что просите во имя Мое,* приимете, и Я *то сотворю, да прославится Отец во Мне.* Видишь ли, как опять Он сам творит это? *Сотворю,* говорит, Я; и не сказал: умолю Отца, но: *да прославится Отец во Мне.* В другом месте Он сказал: *Бог прославит Его в Себе* (Ин. XVIII, 32), а здесь, что Сам прославит Отца. Когда Сын явится обладающим великим могуществом, тогда прославится и Отец. Что же значит: *во имя Мое?* То, что говорили апостолы: *во имя Иисус Христа востани и ходи* (Деян. III, 6). Все знамения, которые они совершали, были делом Его силы, и рука Господня была с ними (Деян. XVI, 21). *Аз,* говорит, *сотворю* (ст. 14). Видишь самодеятельность? Он совершал и то, что делалось другими: ужели же того, что Он сам делает, Он не может совершать Своей силой, но совершает при содействии

Отца? Но кто может сказать это? Для чего же Он говорит это во второй раз? Для того, чтобы утвердить Свое слово и показать, что прежде Он говорил приспособительно. А слова: *к Отцу гряду* означают: Я не погибаю, но пребываю в Своем достоинстве и нахожусь на небесах. Все же это Он говорил для утешения учеников. Так как они не понимали еще Его слов о воскресении и потому, вероятно, заняты были прискорбными мыслями, то Он обещает им, что они сами будут совершать такие (дела) для других, во всем обнаруживает Свою заботливость о них и показывает, что Он всегда пребывает, и не только пребывает, но и выкажет еще большую силу.

3. Итак, последуем за Христом и возьмем крест. Если и нет теперь гонений, зато теперь время для другого рода смерти. *Умертвите,* сказано, *уды ваши, яже на земли* (Кол. III, 5). Итак, погасим вожделение, умертвим гнев, истребим зависть. Это – жертва живая. Жертва эта не оканчивается пеплом, не рассеивается в дыме, не требует ни дров, ни огня, ни ножа. Для нее огонь и нож – Дух Святой. Воспользовавшись этим ножом, отсеки от сердца все излишнее и чуждое, открой заключенный слух. Страсти и злые пожелания обыкновенно заграждают вход слову. Так, усилившаяся привязанность к богатству не дозволяет слушать слово о милостыне; появившаяся зависть преграждает путь учению о любви; да и всякая другая страсть, вторгшись в душу, делает ее крайне нерадивой ко всему. Истребим же злые пожелания. Ведь нужно только захотеть, и – все исчезнет. Не будем думать, будто любовь к богатству сама по себе сильна: вся сила заключается в нашей беспечности. Есть много людей, которые, говорят, даже не знают, что такое серебро, потому что любовь к богатству – страсть неестественная. Естественные поло-

жения вложены в нас с самого начала; а о золоте и серебре долгое время даже не было известно, существуют ли они. Отчего же усилилась эта страсть? От тщеславия и крайней беспечности. Из пожеланий одни необходимы, другие естественны, а иные ни то, ни другое. Так все те желания, от неудовлетворения которым гибнет животное, естественны и необходимы, как например – желание пищи, питья и сна. Вожделение плотское естественно, но не необходимо, так как многие преодолели его, и однако же не погибли. А желание богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захотим, то и не подчинимся ему. Ведь и Христос, беседуя о девстве, сказал: *могий вместити, да вместит* (Мф. XIX, 12), а о богатстве не так, – а как? *Иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. XIV, 33). Что легко, к тому увещевает, а что превосходит силы многих, то оставляет произволению. Итак, зачем мы лишаем сами себя всякого оправдания? Кто пленен страстью особенно сильной, тот понесет не столь большое наказание; а кто уловлен страстью слабой, тот лишится всякого оправдания. И в самом деле, что мы будем отвечать, когда скажет: вы видели Меня алчущим, и не напитали (Мф. XXV, 42)? Какое будем иметь оправдание? Сошлемся, конечно, на бедность? Но мы не беднее той вдовицы, которая, положивши две лепты, превзошла всех. Бог требует от нас незначительности дара, а меры сердечного благорасположения; и это – знак Его промышления. Подивимся же Его человеколюбию и будем приносить, что можем, чтобы и в настоящей, и в будущей жизни, воспользовавшись великим Его человеколюбием, мы могли насладиться обещанными благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXV

Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите; и Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами ввек, Дух истины, Егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его (Ин. XIV, 15, 16, 17)

1. Везде нужны нам дела, а не уверения на словах, потому что говорить и обещать всякому легко, а сделать не так легко. К чему я это сказал? К тому, что теперь много людей, которые говорят, что они боятся Бога и любят Его, а делами показывают противное. Но Бог требует любви, являемой в делах. Потому-то и ученикам говорил: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите.* Так как Он сказал: *аще чесо просите, Аз сотворю,* то, чтобы не подумали они, что довольно только просить, Он присовокупил: *аще любите Мя,* – то есть в этом случае сотворю. А как ученики, услышав: *Аз к Отцу гряду,* естественно пришли в смущение, то Он говорит, что любовь состоит не в этом, не в настоящем смущении, а в повиновении словам Его. Я дал вам заповедь, чтобы вы любили друг друга, чтобы вы так же поступали друг с другом, как Я поступал с вами. Любовь в том и состоит, чтобы исполнять это и подражать тому, кого любим. *И умолю Отца, и иного Утешителя даст вам.* Опять речь приспособительная. Так как ученики еще не знали Его, и потому, естественно, сильно желали быть вместе с Ним, слышать Его речи, видеть Его во плоти, и ни в чем не находили для себя утешения, скорбя о Его отшествии, то что Он говорит? *Умолю Отца, и иного Утешителя даст вам,* то есть иного такого же, как Я. Да постыдятся же и зараженные недугом Савеллия, и имеющие не надлежащее понятие о Духе Святом! В этом изречении-то особенно и удивительно, что оно одним ударом ниспровергает совершенно противопо-

ложные ереси. Сказав: *иного,* указывает на различие Его ипостаси; а сказав: *Утешителя,* на единство существа. Почему же Он говорит: *умолю Отца?* Потому что, если бы сказал: Я пошлю, то не столько бы поверили; а теперь Он заботился о том, чтобы Ему веровали. Впоследствии Он высказывает, что сам посылает Его, говоря: *приимите Дух Свят;* а здесь говорит: *умолю Отца,* чтобы сделать для них слово достоверным. Ведь Иоанн говорит о Нем, что *от исполнения Его мы еси прияхом* (Ин. 1, 16): как же Он может принимать от другого то, что сам имеет? И опять: *той вы крестит Духом Святым и огнем* (Лк. III, 16). Какое же Он имел бы преимущество перед апостолами, если бы должен был умолять Отца, чтобы даровать Духа другим, между тем как апостолы часто делали это, как видно и без молитвы? И если Дух Святой по молитве посылается от Отца, то каким же образом Он сам собой нисходит? И как может от другого быть посылаем Тот, кто вездесущ, кто сам по себе разделяет (дарования) *коемуждо, якоже хощет,* и говорит со властью: *отделите Ми Варнаву и Савла* (Деян. XIII, 2)? Хотя Богу служили эти служители, однако же Он со властью призвал их на свое собственное дело, — не потому, чтобы дело, на которое призвал их, было иное, но для того, чтобы показать Свою власть. Итак, что же, скажешь, значит: *умолю Отца?* Показывается время пришествия (Духа Святого).

Когда Он очистил их жертвой, тогда и снизошел Дух Святой. А почему Он не пришел в то время, когда (Христос) был с ними? Потому что не была еще принесена жертва. Когда уже и грех был истреблен, и апостолы, получив повеление идти на опасности, готовились к борьбе, тогда надлежало прийти Тому, кто укрепляет на подвиги. Для чего же Дух приходит не тотчас по воскресении? Для того, чтобы апостолы сильнее возже-

лали Его и приняли с большей любовью. Доколе был с ними Христос, они не были в скорби; когда же Он отошел, они, лишившись Его, находились в великом страхе и, естественно, должны были принять Духа Святого с великим усердием. *Да будет с вами.* Это значит, что и по смерти не отойдет. А чтобы они, услышав об Утешителе, не предположили другого нового воплощения и не надеялись увидеть Его очами, — Христос, отклоняя их от этого, говорит: *егоже мир не может прияти, яко не видит его.* Он не так будет с вами, как Я, но будет обитать в самых душах ваших; это и значит: *в вас будет.* А называя Его Духом истины, Он тем указывает на образы, бывшие в Ветхом Завете. *Да будет с вами.* Что значит: *да будет с вами?* То же, что Он о Себе говорит: *Аз с вами есмь* (Мф. XXVIII, 20). Сверх того, Он намекает и на нечто другое, именно: не претерпит того, что Я претерпел, и не отойдет. *Егоже мир не может прияти, яко не видит Его.* А разве другой кто, скажи мне, может видеть Его? Нет; Он говорит здесь о познании, почему и присовокупляет: *ниже знает Его.* Он обыкновенно зрением называет и точное познание. Так как зрение яснее других чувств, то им всегда и означает точное познание. А под миром Он разумеет здесь злых людей. Таким образом Он утешает учеников тем, что даст им особенный дар. Смотри, как Он превознес этот дар: сказал, что есть иной, такой же, как Я; сказал: Он не оставит вас; сказал: к вам одним придет, так же, как и Я; сказал: *в вас будет.* И однако же, несмотря на все это, не уничтожил в них печали. Они хотели видеть Его и чтобы Он был с ними. Потому-то, удовлетворяя их желанию, Он говорит: и Я *не оставлю вас сиры: прииду к вам* (Ин. IV, 18). Не бойтесь, говорит: не потому Я сказал: пошлю иного Утешителя, что сам навсегда оставляю вас; не потому сказал: *в вас будет,* что сам уже не увижу вас. Нет, Я и сам приду к вам: не *остав-*

лю вас сиры. Как в начале речи сказал: *чадца,* так и здесь говорит: *не оставлю вас сиры.*

2. В начале Христос сказал: придете туда, *аможе Аз иду,* и: *в дому Отца Моего обители многи суть;* а здесь, – так как то время было далеко, – дает Духа. Но так как ученики, не поняв значения слов Его, не довольно ими утешились, то Он говорит: *не оставлю вас сиры,* – потому что этого они особенно и желали. А так как изречение: *прииду к вам* указывало на пришествие, то, чтобы они не ожидали опять такого же точно пришествия, какое было прежде, – смотри, как Он, не сказав об этом ясно, дал однако же это понять. Сказав: *еще мало, и мир к тому не увидит Мене,* Он присовокупил: *вы же увидите Мя* (ст. 19). Как бы так говорил: Я приду к вам, но не так, как прежде, когда Я каждый день непрестанно был с вами. А чтобы они не спросили: как же Ты сказал иудеям: *отселе* не *узрите Мене?* – Он, в разрешение этого возражения, говорит: *к вам* одним, – так же, как и Дух. *Яко Аз живу, и вы живи будете.* Крест не разлучит нас навсегда, но только на самое малое время скроет Меня. А под жизнью Он разумеет, как мне кажется, жизнь не только настоящую, но и будущую. *В той день уразумеете, яко Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (ст. 20). По отношению к Отцу, это сказано о существе, а по отношению к ученикам – о единомыслии и помощи, ниспосылаемой от Бога. Но как, спросишь, возможно допустить это? А как возможно допустить противное? Ведь между Христом и учениками расстояние великое и даже бесконечное. А что употреблены одни и те же слова, – этому не удивляйся Писание, говоря о Боге и людях, часто употребляет одни и те же слова не в одинаковом смысле. Так и мы называемся и богами, и сынами Божиими; но эти названия имеют не одно и то же значение, когда прилагаются к нам и к Богу. Равно и Сын называется образом и славой, точно так же, как и мы,

но – в совершенно различном значении. И опять: *вы же Христовы, Христос же Божий* (1 Кор. III, 23); но Христос не в том же смысле Божий, в каком мы Христовы. Итак, что же значат те слова? Когда Я воскресну, говорит, тогда вы узнаете, что Я не отделен от Отца, но имею ту же силу, и что Я всегда пребываю с вами, так как в то время самые события будут возвещать о подаваемой вам от Меня помощи, враги будут укрощены, вы получите дерзновение, опасности исчезнут, проповедь с каждым днем будет расцветать и все уступят и покорятся слову благочестия. *Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы.* Видишь ли, что и здесь одно и то же выражение имеет не одну и ту же силу? Если мы примем его в одном значении, апостолы ничем не будут отличаться от Христа. Почему же Он сказал: тогда *уразумеете?* Потому, что тогда они увидели Его воскресшим и пребывающим с ними, и тогда же познали истинную веру, так как велика была сила Духа, Который научал их всему. *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (ст. 21). Значит, не довольно только иметь, но нам нужно еще тщательно соблюдать. Но для чего Он много раз говорит им одно и тоже, именно: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите* (ст. 15), и: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их* (ст. 21), и еще: если кто услышит слово Мое *и соблюдет* его, *той есть любяй Мя;* а кто *не слушает словес Моих,* тот не любит Меня (ст. 23, 24)? Я думаю, Он этим намекает на их скорбь. Так как Он уже много любомудрствовал с ними о смерти, например: *ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю* (Ин. XII, 25), и: *иже не приимет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. X, 38), а притом намеревался сказать им еще и больше этого, то теперь, укоряя их, говорит: вы думаете, что ваша скорбь происходит из любви? Но любви свойственно было бы не скорбеть. Это именно Он хотел доказать всем тем, что говорил, и потому-то

далее этим и заключил Свою речь. *Аще бысте любили Мя,* сказал Он, *возрадовалися бысте убо, яко иду ко Отцу Моему* (Ин. XIV, 28). Значит, вы теперь скорбите от страха; а страшиться смерти несвойственно тем, которые помнят Мои заповеди. Вам следовало бы распять себя, если бы вы истинно любили Меня, потому что Мое слово внушало вам не приходить в страх от убивающих тело. Таких-то и Отец любит, и Я. *И явлюся* им *сам.* Тогда Иуда сказал: *и что, яко нам хощеши явитися* (ст. 22)?

3. Видишь, как душа их была стеснена страхом? Иуда смутился, встревожился и подумал, что они увидят и Его так же, как мы видим мертвых во сне. Итак, чтобы отклонить их от такого мнения, — послушай, что Он говорит: *Аз и Отец к нему приидем и обитель у него сотворим* (ст. 23). Как бы так говорит: как сам Отец является, так и Я. И не этим только уничтожил их несправедливое мнение, но и словами: *обитель у него сотворим:* это уже не сновидение. Но ты обрати внимание на ученика: он и смущается, и не смеет ясно сказать того, что хочет сказать. Он не сказал: горе нам, — Ты умираешь и хочешь явиться нам, как мертвые; нет, не сказал так, а сказал: *что бысть, яко нам хощеши явитися, а не мирови?* На это (Христос) говорит: вас Я особенно люблю, потому что вы соблюдаете Мои заповеди. Наперед говорит им о Своем явлении для того, чтобы они, когда увидят Его впоследствии, не сочли за призрак. А чтобы они не думали, что Он явится им так, как я сказал, Он высказывает и причину, то есть соблюдение Его заповедей, — говорит, что таким же образом явится и Дух. Если же они и после того, как столько времени жили с Ним, не могли еще вынести такого явления Его существа и даже не понимали его, то что было бы с ними, если бы Он так явился им с самого начала? Потому Он и вкушал с ними пищу, чтобы они не сочли явления Его

за призрак. Если они подумали так в то время, как увидели Его ходящим по водам, несмотря на то, что Он явился в том же самом виде и не задолго перед тем разлучился с ними, — то чего бы не подумали они, если бы вдруг увидели Его воскресшим, между тем как прежде видели, как Он был взят и связан? Для того-то Он часто и говорит им, что Он явится, и почему явится, и как, чтобы они не сочли Его явления за призрак. *Не любяй Мя, словес Моих* не *соблюдает и слово, еже слышасте, несть Мое, но пославшаго Мя* (ст. 25). Значит, кто не слушает этих слов, тот не Меня только не любит, но и Отца. Если доказательством любви служит повиновение заповедям, а заповеди от Отца, то, очевидно, кто повинуется им, тот уже любит не Сына только, но и Отца. Каким же образом и Твое, и не Твое (слово)? Это значит, что Я не говорю ничего без Отца и не говорю чего-либо Своего, отличного от того, что угодно Ему. *Сия глаголах вам в вас сый* (ст. 25). Так как все это было неясно и они иного не понимали, а во многом и сомневались, то, чтобы опять не пришли в смущение и не стали спрашивать: какие заповеди? — избавил их от всякого беспокойства, сказав: *Утешитель же, его же послет Отец во имя Мое, той вы научит* (ст. 26). Может быть, неясно то, что Я теперь вам сказал; но это изъяснит вам тот Учитель. А словами: *в вас пребывает* намекает на Свое отшествие. Затем, чтобы они не печалились, говорит, что пока Он будет оставаться с ними и пока не придет Дух, они не в состоянии будут уразуметь ничего великого и высокого. Это Он говорит с тем, чтобы приготовить их к мужественному перенесению Его отшествия, так как оно будет для них источником великих благ. А беспрестанно упоминает об Утешителе потому, что они тогда были одержимы скорбью. Но так как, и после этих слов, они приходили в смущение при мысли о скорбях, о борьбе, о Его

отшествии, то смотри, как Он опять утешает их, говоря: *мир оставляю вам* (ст. 27). Как бы так говорит: какой вам будет вред от смятений мира, когда вы будете иметь мир со Мной? Этот мир не такой (как обыкновенно). Внешний мир часто бывает и вреден, и бесплоден, и бесполезен для тех, которые имеют его; а Я даю такой мир, по которому вы будете жить в мире между собой, а это сделает вас особенно сильными. А так как Он опять сказал: *оставляю,* – что указывало на Его отшествие и могло привести их в смущение, – то опять же говорит: *да не смущается сердце ваше, ни устрашает* (ст. 27). Видишь ли, что они смущались частью от любви, частью от страха? *Слышасте, яко Аз рех вам: иду ко Отцу и прииду к вам. Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко иду ко Отцу, яко Отец болий Мене есть* (ст. 28) Какую же это могло принесть им радость и какое утешение? Что значат эти слова?

4. Апостолы еще ничего не знали о воскресении и даже не имели надлежащего понятия о Христе. Возможно ли, в самом деле, чтобы они имели это понятие, когда даже не знали, что Он воскреснет? Но Отца они признавали великим. Поэтому Христос и говорит: если вы и страшитесь за Меня, как будто Я не в состоянии защитить Себя, и не надеетесь, что после креста Я опять увижу вас, то все же как скоро услышали что Я к Отцу иду – должны были радоваться, потому что Я иду к большему и могущему уничтожить все бедствия. Вы *слышасте, яко Аз рех вам.* Для чего это сказал? Я так далек от страха, говорит этим Христос, так уверен в событиях что даже предсказал их. И это, и что будет после, *рех вам прежде даже не будет, да егда будет, веру имете, яко Аз есмь* (ст. 29). Как бы так говорил: вы не знали бы, если бы Я не сказал; а Я не сказал бы, если бы не был вполне уверен. Видишь ли, что те слова были сказаны приспособительно? Так и тогда, когда Он говорит: *мните ли,*

яко не могу умолити Отца, и представит Ми дванадесять легеона ангел (Мф. XXVI, 53)? – говорит приспособительно к мнению слушателей. Конечно, никто, и даже крайне неистовый, не скажет, что Он не мог помочь сам Себе, а имел нужду в ангелах. О Нем думали, как о человеке; поэтому Он и говорит: *дванадесять легеона ангел.* А между тем Он только спросил пришедших взять Его – и отбросил их назад. Если же кто назовет Отца большим в том отношении, что Он виновник Сына, то я не буду и этому противоречить; но это отнюдь не значит, чтобы Сын был иного существа. Слова Его значат вот что: доколе Я здесь, вам естественно думать, что находимся в опасности; если же Я отойду туда, – верьте, что вне опасности, потому что никто не может одолеть Его. Все же это Он говорил приспособительно к немощи учеников. Сам Я, говорит, вполне спокоен и не забочусь о смерти; потому-то и сказал: *сия рех вам прежде даже не будет.* Но так как вы не можете еще принять слова об этом, то Я и заимствую для вас утешение от Отца, Которого вы признаете великим. Утешив их таким образом, Он опять говорит о предметах печальных. *Ктому не глаголю с вами.* Почему? *Грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже* (ст. 30). Говоря о князе мира, разумеет диавола и злых людей, потому что диавол владычествует не над небом и землей, – иначе он все бы низвратил и ниспроверг, – но господствует над теми, которые сами предаются ему. Поэтому (Писание) называет его и князем тьмы века сего, разумея опять и здесь под тьмой злые дела. Что же? Значит, диавол умертвит Тебя? Нет; он *не имать во Мне ничесоже.* Почему же умертвят Тебя? Потому что Я так хочу, и да познает мир, что Я люблю Отца. Я, говорит, не подвластен смерти и не подлежу ей, но переношу ее из любви к Отцу. А это говорит для того, чтобы снова ободрить учеников и показать им, что Он не против

воли, но добровольно идет на смерть, и что Он презирает диавола. В самом деле, Он не ограничился тем, что сказал: *еще мало время с вами есмь*, но часто повторяет эти печальные слова. А чтобы сделать их удобоприемлемыми, Он справедливо примешивает к ним и слова радостные. Потому-то Он иногда и говорит: *иду и прииду*, также: *идеже есмь Аз и вы будете*, и еще: *не можете ныне по Мне ити, последи же идете*, также: *ко Отцу иду*, и: *Отец болий Мене есть*, и: *прежде даже не будет, рех вам*, и еще: Я не по необходимости терплю это, а по любви к Отцу, – чем внушает ученикам, что Его смерть не пагубна и не вредна, как скоро соизволяет на нее и сильно любящий Его, и сам любимый Им. Итак, примешивая с этой целью слова радостные, Он часто говорил и о предметах печальных, чтобы приучить к тому их ум. Ведь и словами: *в вас будет*, и: *уне вам есть, да Аз иду* (Ин. XVI, 7), Он также их утешал. Для того-то Он наперед весьма много и сказал о Духе, как-то: *в вас есть*, и: *мир не может прияти*, и: Он *воспомянет вся*, и: Он *Дух истины, Дух Святый, Утешитель*, и: *уне вам есть*, – чтобы они не скорбели, как будто уже у них не было никакого заступника и помощника. А словами: *уне есть* показывает, что (Дух Святый) соделает их духовными.

5. И мы видим, что это действительно сбылось. Робкие и боязливые, по принятии Духа, устремились в среду опасностей и безбоязненно пошли и на железо, и в огонь, и на зверей, и в пучину морскую, и на всякое мучение. Не книжные и простые, они говорили с таким дерзновением, что поражали слушателей. Из скудельных Дух соделал их железными, окрылил их и не допустил впасть ни в какую слабость человеческую. Такова-то благодать Духа! Она, если находит печаль, уничтожает ее; если злое вожделение, – истребляет; если страх, – изгоняет; и кто сподобился ее, того не допускает уже быть человеком, но, как бы переселив на самое

небо, располагает помышлять только о том, что на небе. Потому-то *ни един же что от имений своих глаголаше свое быти,* но непрестанно пребывали в молитвах, *в радости и простоте сердца* (Деян. IV, 32; II, 42). Этого преимущественно и требует Дух Святой: *плод бо духовный есть радость, мир, вера, кротость* (Гал. V, 22). Однако же, скажешь, часто печалятся и люди, исполненные Духа? Но эта печаль сладостнее радости. Печалился и Каин, но печалью мирской; печалился и Павел, но печалью по Боге. Все духовное приносит величайшую пользу, равно как и все мирское — крайний вред. Привлечем же к себе, через исполнение заповедей, необоримую помощь Духа — и мы будем ничем не меньше ангелов. Ведь и они не потому таковы, что бесплотны (иначе никто из бесплотных не был бы злым); но везде причиной всему — свободное произволение. Потому-то и между бесплотными нашлись такие, которые хуже людей и даже бессловесных, и между облеченными плотью — такие, которые лучше бесплотных. Так все праведники, хотя жили на земле и имели тело, однако же совершили великие дела. На земле они жили, как пришельцы и странники, а на небе — как граждане. Не говори же и ты: я облечен плотью, не могу одолеть (ее), не могу взять на себя трудов добродетели. Не обвиняй Создателя.

Ведь, если оттого, что мы носим плоть, добродетель становится для нас невозможной, то мы уже не виновны. Но что она не делается оттого невозможной, это доказывает лик святых. Так, плотское естество не воспрепятствовало ни Павлу быть таким, каким он был, ни Петру получить ключи неба. И Енох, будучи во плоти, *преложен бысть и не обреташеся* (Евр. XI, 5). Равно и Илия восхищен был с плотью, и Авраам с Исааком и Иаковом просияли, будучи облечены плотью; с плотью же и Иосиф устоял против той распут-

ной жены. И что я говорю о плоти? Хотя бы ты возложил на плоть и оковы, — и тогда не было бы никакого вреда. Хотя я и в узах, говорил Павел, *но слово Божие не вяжется* (2 Тим. II, 9). И что я говорю о узах и оковах? Присоедини еще темницу и заключение, и все это не будет препятствием для добродетели. Так именно учил Павел. Оковы для души — не железо, а рабский страх, любостяжание и бесчисленные страсти. Вот что связывает, хотя бы тело и было свободно. Но от тела, скажешь, рождаются и страсти? Это пустое извинение и ничтожная отговорка. Если бы действительно от тела рождались эти страсти, то им были бы подвержены все. Как никому нельзя избежать усталости, сна, голода и жажды, потому что все это естественно, так никто не избежал бы и подчинения страстям, если бы они были таковы. Если же многие избегают их, то ясно, что такого рода недостатки рождаются от беспечности души. Итак, отсечем беспечность и не будем обвинять тело, а подчиним его душе, чтобы, имея его в послушании, достигнуть вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXVI

Востаните, идем отсюду. Аз есмь лоза истинная, вы же рождие, и Отец Мой делатель есть (Ин. XIV, 31; XV, 1)

1. От невежества душа делается робкой и боязливой, точно так же, как от знания небесных догматов — великой и возвышенной. Лишенная всякого попечения, она бывает как-то робка — не по естеству, а по свободному произволению. Когда я вижу, что человек мужественный, бывший некогда смелым, становится робким, я

уже не считаю этого состояния естественным, потому что все естественное неизменно. Равным образом, когда вижу, что люди робкие вдруг делаются смелыми, я опять думаю тоже самое, — все приписываю свободному произволению. Так и ученики были весьма робки, доколе не узнали того, что следовало, и не сподобились дара Святого Духа; а впоследствии сделались неустрашимее львов. Например, Петр, который не вынес угроз служанки, был повешен вниз головой, был бичуем, находился в тысяче опасностей, и однако же не молчал, а говорил так смело, как будто терпел это во сне. Но все это — не прежде креста. Потому-то Христос и говорил: *востаните, идем отсюда.* Для чего же, скажи, мне? Ужели Он не знал времени, когда должен был прийти Иуда? Или Он боялся, чтобы Иуда не пришел туда и не задержал их, и чтобы не напали злоумышленники прежде, чем Он кончит Свою превосходную беседу? Отнюдь нет; это несовместно с Его достоинством. Если же Он не боялся, то для чего заставляет учеников идти оттуда и потом, когда кончил беседу, ведет их в сад, знакомый Иуде? Да если бы и пришел Иуда, разве не мог Он ослепить им глаза, что Он и сделал, только не теперь? Для чего же Он уходит? Чтобы дать ученикам несколько успокоиться. Находясь в неизвестном месте, они, естественно, были в страхе и трепете и от времени, и от места. В самом деле, ночь была уже очень глубокая, и могло статься, что они даже не внимали словам, а постоянно были заняты мыслью о том, что на них нападут, тем более, что и слова Учителя заставляли ожидать бедствий. *Еще мало,* говорил Он, *с вами есмь,* и: *грядет мира сего князь.* Потому-то, как они, слыша эти и подобные слова, смущались, полагая, что их тотчас же схватят, то Он ведет их в другое место, чтобы они, считая себя в безопасности, могли свободно уже слушать, имели же они услышать

великие догматы. Вот почему Он говорит: *востаните, идем отсюду.* Затем, продолжая речь, говорит: *Аз есмь лоза, вы же рождие.* Что Он хочет сказать этой притчей? То, что не внимающему Его словам невозможно жить и что будущие знамения совершатся силой Христовой. *Отец Мой делатель есть.* Что же? Значит, Сын нуждается в помощи? Нет; указание на Отца не означает этого. В самом деле, смотри, с какой точностью Он излагает притчу. Только о ветвях говорит, что они пользуются попечением делателя, а не о корне. О корне здесь упомянуто только для того, чтобы показать ученикам, что без Его силы они ничего не могут делать и что им должно так соединиться с Ним верой, как ветви с лозой. *Всяку розгу о Мне, не творящую плода, измет ю* Отец (Ин. XV, 2). Здесь Он намекает на жизнь, показывая, что без дел невозможно быть в Нем. *И всяку, творящую плод, отребит ю,* то есть сделает ее предметом великого попечения. Хотя о корне нужно бывает больше заботиться, чем о ветвях, – нужно его окапывать, очищать, однако же Он ничего не говорит здесь о корне, но все о ветвях, показывая тем, что Он сам себе довлеет, а ученики, хотя бы были и весьма добродетельны, имеют нужду в великой помощи делателя. Потому то Он и говорит: *творящю плод, отребит ю.* Когда ветвь бесплодна и может быть на лозе, (делатель) отсекает ее, а когда приносит плод – очищает ее и через то делает еще более плодоносной. Это впрочем можно разуметь и о бедствиях, которые в то время угрожали ученикам. Выражение: *отребит ю* значит – обрежет, отчего ветвь делается более плодоносной. Этим показывается, что искушения сделают учеников особенно сильными. А чтобы они не стали спрашивать, о ком это сказано, и чтобы опять не привесть их в беспокойство, Он говорит: *уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам* (ст. 3). Видишь, как Он представляет самого Себя заботящимся

о ветвях? Я, говорит, очистил вас. Хотя выше показывает, что это делает Отец, но между Отцом и Сыном нет никакого различия. Теперь нужно, чтобы и вы, со своей стороны, делали то, что следует. Затем, чтобы показать, что Он сделал это не потому, что имел нужду в их служении, а для их преуспеяния, Он присовокупляет: *якоже розга не может плода сотворити о себе,* так и тот, кто во Мне не пребудет. А чтобы они не отделились от Него из страха, Он укрепляет ослабевшую от боязни их душу, тесно соединяет с Собой и уже подает благие надежды, так как корень всегда остается, а отделяться и отпадать свойственно ветвям. Потом, побудив их с обеих сторон – и со стороны пользы, и со стороны вреда, Он требует того, что составляет нашу первую обязанность. *Иже будет во Мне, и Аз в нем* (ст. 5). Видишь, что и Сын участвует в попечении об учениках не меньше Отца? Если Отец очищает, зато Сын содержит в Себе; а от пребывания на корне и зависит плодоношение ветвей. Пусть ветвь и не очищается, но все же, оставаясь на корне, она приносит плод, хотя и не в таком количестве, в каком бы следовало; если же не остается, – и совсем не приносит плода. Впрочем уже показано, что и Сыну свойственно очищать, равно как быть корнем – Отцу, родившему и корень.

2. Видишь ли, как у них все общее – и очищать, и иметь силу корня? Конечно, велик вред (для ветви) и в том, когда она не может ничего производить; но (Христос) не в этом только поставляет наказание, а ведет речь далее. *Извержется,* говорит, *вон,* – не будет уже пользоваться попечением делателя; *и изсышет,* то есть потеряет все, что имела от корня; если имела какую-либо благодать, лишится ее и останется без помощи и жизни, сообщаемой от корня. И что же наконец? *В огнь влагается* (ст. 6). Но не таков удел человека, пребывающего во Христе. Далее показывает, что зна-

чит пребывать, и говорит: *аще глаголы Мои в вас пребудут* (ст. 7). Видишь ли, что и прежде я справедливо сказал, что Он требует от нас доказательства от дел? Действительно, сказавши: *еже аще что просите, то сотворю* (Ин. XIV, 13), Он присовокупил: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите* (ст. 15). Так и здесь: *аще пребудете во Мне, и глаголы Мои в вас пребудут, его же аще хощете, просите и будет вам* (XV, 7). Все же это Он говорил для того, чтобы показать, что злоумышляющие против Него будут сожжены, а они принесут плод. Перенесши таким образом страх от них на злоумышленников и показав, что они будут непобедимы, Христос говорит: *о сем, прославися Отец Мой, да плод многсотворите, и будете Мои ученицы* (ст. 8). Через это Он придает Своему слову достоверность. В самом деле, если принесение плодов имеет отношение к славе Отца, то Он не оставит в небрежении Своей славы. *И будете Мои ученицы.* Видишь ли, что тот Его ученик, кто приносит плод? А что значит: о *сем прославися Отец?* Это значит: Он радуется, когда вы во Мне пребываете, когда приносите плод. *Якоже возлюби Мя Отец, и Аз возлюбих вас* (ст. 9). Здесь уже говорит человекообразнее, потому что речь, приспособленная к понятиям людей, имеет особенную силу. Подлинно, сколь великую меру любви выказал Тот, кто благоволил умереть, кто, удостоив такой чести рабов, врагов и противников, возвел на небо! А если Я люблю вас, то не бойтесь. Если слава Отца в том, чтобы вы приносили плод, то не опасайтесь никакого зла. Потом, чтобы не сделать их беспечными, — смотри, как Он поощряет их. *Будите в любви Моей;* это уже от вас зависит. Как же это сделать? *Аще заповеди Моя,* говорит, *соблюдете, якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох* (ст. 10). Опять идет речь человекообразная, потому что законодатель, очевидно, не мог подлежать заповедям. Видишь ли, что и здесь так сказано, — о чем я всегда повто-

ряю, — по немощи слушающих? Действительно: Он многое говорит сообразно с их понятиями и всячески показывает, что они в безопасности и что их враги погибнут, и что все, что они имеют, имеют от Сына, и что, если они будут вести жизнь безукоризненную, никто и никогда не одолеет их. Заметь же и власть, с какой Он беседует с ними. Не сказал: *будите в любви* Отца, но: *в Моей*. Таким образом, чтобы не сказали: Ты сделал нас ненавистными для всех, и теперь оставляешь нас и отходишь, — показывает, что Он не оставляет их, а напротив, если только они пожелают, так тесно соединиться с ними, как лоза с ветвями. А чтобы они, с другой стороны, предавшись надежде, не сделались беспечными, Он говорит, что их благополучие не будет неизменно, если они будут нерадивы. Потом, чтобы не приписать всего дела Себе самому и не подать им повода к большему падению, — говорит: *о сем прославися Отец*. Так везде выказывает Свою любовь к ним вместе с любовью Отца. Значит, не в том слава, что было у иудеев, но в том, что они имели получить. А чтобы они не сказали: мы лишились отцовского наследства, мы всеми оставлены и сделались нагими и ничего не имеющими, — Христос говорит: посмотрите на Меня, Меня любит Отец, и однако же Я подвергаюсь предстоящим бедствиям. Так и вас Я оставляю теперь не потому, чтобы не любил вас. Если Я подвергаюсь смерти и однако же не считаю этого знаком нелюбви к Себе Отца, то и вам не должно смущаться. Если вы пребудете в любви Моей, то все эти бедствия нисколько не повредят вам в любви.

3. Итак, если любовь сильна и необорима, и состоит не в одних словах, то покажем ее на деле. Христос примирил нас с Собой, когда мы были врагами; мы же, сделавшись друзьями, постараемся остаться ими. Он начал, а мы будем хотя продолжать. Он любит не для

Своей пользы, потому что ни в чем не нуждается; а мы будем любить хотя из-за своей выгоды. Он возлюбил врагов, а мы станем любить хотя друга. Но мы поступаем напротив. Мы ежедневно хулим Бога хищением и любостяжанием. Может быть, кто-нибудь из вас скажет: ты каждый день беседуешь о любостяжании. О, если бы можно было говорить об этом и каждую ночь! О, если бы и тот, кто сопутствует вам на площади и сидит с вами за трапезой, если бы и жены, и друзья, и дети, и рабы, и земледельцы, и соседи, и даже пол и стены могли изливать эту речь, чтобы через то, хотя немного, мы поудержались! Этот недуг объял всю вселенную, обладает душами всех, — и, поистине, велика сила мамоны! Мы искуплены Христом, а служим золоту; проповедуем владычество одного, а покоряемся другому, и что бы он ни приказал, исполняем с усердием, и забываем для него и родство, и дружбу, и природу, и законы, и все. Никто не обращает взоров на небо, никто не помышляет о будущем. Но настанет время, когда не будет пользы и от этих речей. *Во аде,* сказано, *кто исповестся тебе* (Пс. VI, 6)? Вожделенно золото, — оно доставляет нам много наслаждений, и придает почет; но — не столько, сколько небо. Богача многие и отвращаются, и ненавидят, а человека добродетельного уважают и почитают. Но над бедным, скажешь, смеются, хотя бы Он был и добродетелен? Смеются, но не люди, а бессловесные, почему и не нужно обращать на то внимания. Ведь, если бы мычали ослы и каркали вороны, а все люди мудрые хвалили бы, — мы, конечно, не пренебрегли бы мнением последних и не стали бы обращать внимания на крики бессловесных. А те, которые высоко ценят предметы настоящие, подобны воронам и хуже ослов. Если бы тебя хвалил царь земной, — ты, верно, нисколько не заботился бы о мнении толпы, хотя бы и все смеялись над тобой. Ужели же, когда тебя

хвалит Владыка всех, ты будешь искать еще похвалы от жуков и комаров? А таковы, действительно, эти люди в сравнении с Богом, и даже не таковы, а еще хуже. Доколе же мы будем пресмыкаться в грязи? Доколе будем поставлять для себя судьями беспечных ленивцев и чревоугодников? Они могут хорошо оценивать игроков в кости, пьяниц и живущих для чрева, а добродетели и порока они не могут вообразить себе и во сне. Если бы кто стал смеяться над тобой потому, что ты не знаешь, как провести каналы для стока воды, — ты, без сомнения, не оскорбился бы, а напротив, даже посмеялся бы над укоряющим в таком незнании. Зачем же, желая подвизаться в добродетели, поставляешь для себя судьями людей, которые совсем не знают ее? Потому-то мы никогда и не успеваем в этом искусстве. Мы вверяем свое дело не людям опытным, а невеждам; а они судят не так, как требует искусство, а по собственному невежеству. Потому, умоляю вас, будем презирать мнением толпы; особенно же не станем желать ни похвал, ни имений, ни богатства, и не будем считать бедность за какое-либо зло. Бедность научает нас и мудрости, и терпению, и всякому любомудрию. Ведь и Лазарь жил в бедности и, однако же, был увенчан; и Иаков желал иметь только хлеб; и Иосиф находился в крайней бедности и был не только рабом, но и узником, и, однако же, поэтому мы еще более удивляемся ему. Мы не столько восхваляем его в том случае, когда он раздавал пшеницу, сколько в том, когда находился в темнице, — не столько тогда, когда был в оковах, — не тогда, когда восседал на троне, а когда подвергался козням и был продан. Итак, представляя себе все это и помышляя о венцах, сплетаемых этими подвигами, будем удивляться не богатству и почестям, не удовольствиям и владычеству, а бедности, оковам, узам и терпению ради добродетели. Конец первых

исполнен смятения и беспокойства, и обладание ими соединено с настоящей только жизнью; а плод последних — небо и небесные блага, *ихже око не виде и ухо не слыша,* которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXVII

Сия глаголах вам, да радость Моя в вас будет, и радость ваша исполнится. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы (Ин. XV, 11, 12)

1. За всякое доброе дело тогда бывает награда, когда оно приходит к надлежащему концу; если же оно прервется, не достигнув конца, то уже бывает кораблекрушение. И как корабль, везущий богатый груз, если не успеет войти в пристань, а потонет в средине моря, не получает никакой пользы от долгого плавания, а напротив, тем бывает несчастнее, чем больше понес трудов, так точно и души, которые падают прежде конца трудов и ослабевают среди подвигов. Потому и Павел сказал, что слава, честь и мир будут уделом тех, которые текут *по терпению* добрых дел (Рим. II, 7). Это же и Христос внушает теперь ученикам. Он выразил им Свою любовь, — и они радовались о Нем. Но так как наступавшее страдание и печальные речи должны были прекратить их радость, то Он, достаточно побеседовавши с ними и утешивши их, говорит: *сия глаголах вам, да радость Моя в вас будет, и радость ваша исполнится,* — то есть, чтобы вы не отпали от Меня, чтобы не прекратили своего течения. Вы радовались о Мне и много радовались, но вот вы подверглись печали. Итак, чтобы радость ваша достигла конца, Я уничтожаю эту печаль,

показывая вам, что о настоящих событиях нужно не печалиться, а радоваться. Я видел, что вы соблазнились, но — не пренебрег, не сказал: зачем вы теряете мужество, — а говорил то, что могло принести вам утешение. Так хочу Я всегда соблюдать вас в той же любви. Вы слышали о царствии — и радовались. А Я сказал вам это, чтобы исполнилась радость ваша.

Сия есть заповедь, да любите друг друга, якоже Аз возлюбих вы. Видишь ли, что любовь к Богу тесно связана с нашей и соединена с ней как бы некоторой цепью? Потому-то (Христос) иногда говорит о двух заповедях, а иногда об одной, — так как невозможно, получивши одну, не иметь и другой. Иногда Он говорит: в этом *закон и пророцы висят* (Мф. XXII, 40); а иногда: *елика хощете, да творят вам человецы, тако и вы творите им. Сей бо есть закон и пророцы* (Мф. VII, 12). Также: *исполнение закона любы* (Рим. XIII, 10). Это же говорит и здесь. Если пребывание (в Боге) зависит от любви, а любовь от исполнения заповедей, а заповедь состоит в том, чтобы мы любили друг друга, то, очевидно, пребывание в Боге зависит от нашей взаимной любви. И не просто говорит о любви, но указывает и образ любви: *якоже Аз возлюбих вы.* Затем снова показывает, что Он отходит не по ненависти, а по любви; и потому-то, говорит, вы особенно и должны были прославлять Меня, так как за вас Я полагаю душу Мою. Впрочем Он нигде не говорит так, но выше — изображая доброго пастыря, а здесь — наставляя учеников и показывая как величие любви, так и то, каков Он. А почему Он везде превозносит любовь? Потому, что она есть признак учеников, она — утверждение добродетели. Потому-то и Павел так много говорит о ней, как истинный ученик Христов, узнавший ее по опыту. *Вы друзи Мои есте. Не ктому вас глаголю рабы; раб бо не весть, что творит господь его. Вы други Мои есте, вся бо, елика*

слышах от Отца Моего, сказах вам (ст. 14, 15). Как же он говорит: *многою имам глаголати вам, но не можете носити ныне* (Ин. XVI, 12)? Словами: *вся* и: *елика слышах* Он внушает не другое что, но именно то, что Он не говорит ничего постороннего, но только слышанное от Отца. А так как преимущественным знаком дружбы считается то, когда сообщаются тайны, то вы, говорит, удостоены и этого общения. Когда же говорит: *вся,* то разумеет все, что им нужно было слышать. Потом выставляет и другой не малый знак дружбы. Какой же именно? *Не вы,* говорит, *Мене избрасте, но Аз избрах вас* (ст. 16), то есть Я искал вашей дружбы. И на этом не остановился; но еще говорит: *и положих вас,* то есть насадил, *да вы идете* (все еще продолжает сравнение с виноградной лозой), то есть чтобы вы распространялись, *и плод принесете, и плод ваш пребудет.* Если же плод пребудет, то тем более вы. Я не только, говорит, возлюбил вас, но и осыпал вас величайшими благодеяниями, распростирая ветви ваши по всей вселенной.

2. Видишь ли, сколько Он употребляет способов, чтобы выказать любовь? Он открыл тайны, Он первый искал их дружбы, Он даровал им великие блага, Он за них подвергся страданиям. Здесь же показывает, что Он и постоянно будет пребывать с ними; они будут приносить плод, а чтобы приносить плод, для этого необходимо иметь Его помощь. *Да егоже аще просите от Отца во имя Мое, даст вам* (ст. 16). Но ведь исполнять прошения – дело того, кого просят: как же исполняет Сын, когда просят Отца? Это – чтобы ты знал, что Сын не меньше Отца. *Сия глаголах вам, да любите друг друга* (ст. 17), то есть Я говорю не в укор, что Я душу Мою полагаю, что Я предварил вас дружбой, но – для того, чтобы привести вас к дружеству. Потом, так как терпеть от большой части людей гонение и по-

ношение — дело тяжелое и невыносимое, которое может повергнуть в уныние и душу возвышенную, то Христос приступает к этому предмету уже после того, как наперед сказал весьма многое. Предварительно Он смягчил их душу, а уже потом начинает говорить об этом и ясно показывает, что и это, равно как и все другое как уже Он показал, совершается для их пользы.

Как прежде сказал, что не только не нужно скорбеть, а напротив нужно еще радоваться тому, что Он отходит к Отцу, — так как Он делает это не потому, что покидает их, а потому, что очень любит, — так и здесь показывает, что им должно радоваться, а не скорбеть. И смотри, как Он располагает к этому. Не сказал: знаю, что это прискорбно, но потерпите для Меня, так как вы и страдаете за Меня. Такая причина была еще недостаточна для их утешения; и потому, оставив ее, Он предлагает другую. Какую же именно? Ту, что это служит доказательством самой высокой добродетели и что следует скобеть не о том, что вас будут теперь ненавидеть, а напротив тогда, когда бы вас стали любить. На это Он намекает словами: *аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы* (ст. 19). Значит, если бы вы были любимы, то это было бы явным знаком вашей порочности. Но так как, сказав это, Он не успел еще утешить их, то опять продолжает речь: *несть раб болий господа своего. Аще Мене изгнаша, и вас изженут* (ст. 20). Здесь показывает, что поэтому-то в особенности они будут (Его) подражателями. В самом деле, пока Христос был во плоти, брань велась против Него; а когда Он переселился, тогда настала брань против них. И так как они, будучи малочисленны, тревожились тем, что должны будут сражаться против такого множества, то Он ободряет их души, говоря, что потому-то особенно им и должно радоваться, что их будут ненавидеть.

Через это, говорит, вы сделаетесь соучастниками Мне в страданиях. И так, вы не должны смущаться; вы не лучше Меня, потому что, как Я уже сказал, *несть раб болий господа своего.* Затем следует и третье утешение, именно то, что вместе с ними подвергается оскорблению и Отец. *Сия вся*, говорит, *сотворят за имя Мое, яко не ведят пославшаго Мя* (ст. 21), то есть оскорбляют и Его. Далее, лишая врагов всякого извинения, а вместе предлагая и новое утешение, говорит: *аще не бых пришел, и глаголал им, греха не быша имели* (ст. 22). Этим показывает, что все действия врагов и в отношении к Нему, и в отношении к ним – несправедливы. Зачем же Ты привел нас к таким бедствиям? Ужели не предвидел брани и ненависти? Поэтому Он опять говорит: *ненавидяй Мене, и Отца Моего ненавидит* (ст. 23), – предвозвещая и здесь врагам не малое наказание. Так как они в свое оправдание ссылались на то, что гонят Его ради Отца, то этими словами Он отнял у них такое оправдание. Они не имеют никакого извинения. Преподав учение на словах, Я подтвердил его делами, согласно с законом Моисеевым, который всем повелел повиноваться тому, кто будет подобным образом говорить и действовать, кто будет и руководить к благочестию, и совершать величайшие чудеса. И не просто сказал Он: чудеса, но – *ихже ин никтоже сотвори* (ст. 24). Об этом и сами они свидетельствовали, когда говорили: *николиже явися тако во Израили* (Мф. IX, 33), и: *от века несть слышано, яко кто отверзе очи слепу рождену* (Ин. IX, 32). Таково же и чудо над Лазарем; таковы же и все другие чудеса, равно как и образ чудодействия, – все ново и необыкновенно. За что же, могли сказать, и Тебя и нас преследуют? *Яко от мира несте. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы* (ст. 19). Напоминает им слова, которые некогда сказал и братьям Своим; но тогда Он говорил осторожнее, чтобы не

устрашить их, а теперь, напротив, открыл все. Из чего же видно, что нас ненавидят за это? Из того, что было со Мной. В каком, скажи Мне, слове или деле могли обвинить Меня? И однако же они не приняли Меня. А чтобы это не было для нас изумительно, Он указал и причину, именно — злобу их; но и на этом не остановился, а приводит еще и пророка, показывая, что он издревле предвозвестил и сказал: *возненавидеша Мя туне* (Пс. LXVIII, 5). Так поступает и Павел. Когда многие удивлялись, отчего не уверовали иудеи, — Он приводит пророков, которые издревле предсказали об этом и сказали причину неверия, именно — их злобу и гордость. Что же? Если они не соблюли Твоего слова, а потому не соблюдут и нашего; если они Тебя преследовали, а потому будут преследовать и нас; если они видели такие знамения, каких никто другой не совершил; если слышали такие слова, каких никто не говорил, и не получили никакой пользы; если они ненавидят Твоего Отца, а вместе с Ним и Тебя, — то для чего же, скажи, Ты нас вверг в среду их? Как возможно, чтобы мы были достойны веры? И кто из единоплеменников наших послушает нас?

3. Чтобы, помышляя об этом, они не смущались, смотри, какое Он предлагает утешение. *Егда приидет Утешитель, егоже Аз послю, Дух истины, иже от Отца исходит, той свидетельствует о Мне. И вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте* (ст. 26, 27). Он будет достоин веры, потому что Он — Дух истины. Потому-то и назвал Его не Духом Святым, а Духом истины. А слова: *иже от Отца исходит* — показывают, что Он знает все в точности. Так Христос и о самом Себе говорит: *вем, откуду приидох и камо иду,* рассуждая и здесь об истине. *Его же Аз послю.* Вот видишь, не один только Отец посылает, но и Сын. И вы тоже будете достойны веры, так как вы были со Мною, а не от других слышали. И апостолы,

действительно, утверждались на этом, говоря: *иже с Ним ядохом и пихом* (Деян. X, 41). А что это сказано не из лести, о том свидетельствует Дух. *Сия глаголах вам, да не соблазнитеся* (Ин. XVI, 1), – то есть когда увидите, что многие не веруют, и когда сами вы подвергнетесь бедствиям. *От сонмищ ижденут вы,* потому что уже постановили, *да аще кто исповесть Христа, отлучен от сонмища будет* (Ин. IX, 22). *Но приидет час, да всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу* (XVI, 2). Будут домогаться вашей смерти, как бы дела благочестивого и богоугодного. Затем опять предлагает утешение. *И сия сотворят, яко не познаша Отца, ни Мене* (ст. 3). Достаточно для вашего утешения, что вы будете терпеть это за Меня и за Отца. Здесь опять напоминает им о блаженстве, о котором говорил вначале: *блажени есте, егда поносят вам, и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех* (Мф. V, 11). *Сия глаголах вам, да егда приидет час, воспомянете сия,* а поэтому признаете верным и все прочее. Вам, конечно, уже нельзя будет сказать, что Я, льстя вам, говорил только приятное для вас, и что слова Мои были обман. Кто имел бы в виду обмануть, тот не стал бы и предсказывать нам неприятного. Для того Я предсказал об этих бедствиях, чтобы они нечаянным нашествием не смутили вас, а с другой стороны, и для того, чтобы не говорили, будто Я не предвидел, что они наступят. И так вспоминайте, *яко аз рех вам* (ст. 4). И действительно, иудеи, преследуя их, всегда прикрывались коварным предлогом, будто гонят их, как людей вредных. Но это не смущало учеников. Они уже наперед слышали и знали, за что они страдают, и эта причина могла вполне ободрить их. Потому-то Христос везде и выставляет ее, говоря: *не познаша Мене,* и: *сотворят* за Меня, *за имя Мое* и за Отца (Ин. XV, 21; XVI, 3), и: Я первый пострадал, и: отваживаются на это несправедливо.

4. Будем же и мы помышлять об этом во время искушений. Когда терпим что-либо от злых людей, то, взирая на Начальника нашего и Совершителя веры, будем представлять себе, что терпим от злых людей, терпим за добродетель и за Него. Если станем помышлять об этом, то все будет легко и сносно. В самом деле, если каждый даже хвалится тем, когда страдает за возлюбленных, то будет ли чувствовать какую-либо скорбь тот, кто претерпит что-нибудь за Бога? Если Христос ради нас назвал славой то, что всего поноснее — крест, то тем более так должно думать нам. Если же мы можем столько презирать страдания, то тем более — богатство и любостяжание. Итак, когда нам предстоит потерпеть что-нибудь неприятное, мы должны помышлять не только о трудах, но и о венцах. Как купцы думают не только о морях, но и о прибыли, так и нам должно помышлять о небе и о дерзновении к Богу. Если приятной представится тебе любостяжательность, — подумай, что на это не соизволяет Христос, и она тотчас же покажется тебе противной. Опять, если тебе тяжело будет подать нищему, то ты не останавливайся мыслью на издержке, а тотчас же представь себе жатву от этого сеяния. И когда тебе трудно будет воздержаться от страстного вожделения к чужой жене, то подумай о венце за подвиг — и легко совершишь подвиг. Если и людской страх удерживает от постыдных дел, то тем более — любовь ко Христу.

Сурова добродетель, но будем представлять ее облеченной в величие будущих обетований. Люди с душой возвышенной находят ее и без этого, саму по себе, прекрасной, и потому стремятся к ней, живут добродетельно не из-за наград, а для угождения Богу, и высоко ценят целомудрие не для того, чтобы избежать наказания, а потому, что так повелел Бог.

Если же кто более немощен, тот пусть представляет себе и награды. Так будем поступать и по отношению к милостыне: будем милосерды к единоплеменникам и не станем презирать гибнущих от голода. Не крайняя ли, в самом деле, несообразность в том, что мы сами сидим за трапезой в смехе и пресыщении, а между тем, проходя по улице и слыша, как другие плачут, не только не обращаем на их плач внимания, но еще негодуем на них и называем их обманщиками? Что ты говоришь, человек? Ужели из-за одного хлеба станет кто-нибудь обманывать? Да, скажешь ты. В таком случае, тем скорее нужно сжалиться над ним, тем скорее нужно избавить его от нужды. Если же ты не хочешь подать, — по крайней мере, не оскорбляй; если не хочешь спасти от потопления, — по крайней мере, не ввергай в пропасть. Подумай, как ты будешь умолять Бога о помощи, когда отвергаешь пришедшего к тебе нищего. *В нюже,* сказано, *меру мерите, возмерится вам* (Мф. VII, 2). Подумай, с каким сокрушением он отходит: голова его склонилась долу, он плачет, при нищете он получил еще новую рану от презрительного с ним обращения. Если и просить милостыню вы считаете крайним несчастием, то подумай, какую бурю испытывает тот, кто просит, но не получает и еще отходит поруганным. Доколе мы будем уподобляться диким зверям и забывать самую природу из любостяжания? Многие вздыхают при этом, не я хочу, чтобы вы не теперь только, а всегда имели такое сострадание. Подумай о том дне, когда мы предстанем на суд Христов, когда будем просить о помиловании себя и Христос, поставив нищих перед лицо всех, скажет нам, что из-за одного хлеба и одного овола вы возбудили такую бурю в этих душах. Что мы ответим? Чем оправдаемся? А что Он поставит их перед лицо всех, это ты можешь

узнать из Его слов: *понеже не сотвористе единому сих, ни Мне сотвористе* (Мф. XXV, 45). Не они уже будут обращаться к нам с речью, а Бог будет обличать нас за них. Когда и богач увидел Лазаря, — Лазарь ничего не сказал ему, но говорил за него Авраам. Так будет и с нищими, которых мы презираем. Мы увидим их не в жалком виде, не с простертыми руками, но в состоянии покоя; а между тем сами явимся в их виде. И, о, если бы мы явились только в их виде, а не подверглись гораздо тягчайшему наказанию! Ведь богач не от крупиц только желал там насытиться, а томился в пламени, жестоко мучился и слышал: *яко восприял еси благая в животе твоем, и Лазаръ такожде злая* (Лк. XVI, 25). Итак, не будем считать богатство чем-нибудь великим. Оно приведет нас к мучению, если мы не будем внимательны; а если будем внимательны, то и бедность доставит нам и наслаждение, и покой. Если будем переносить ее с благодарностью, то и от грехов освободимся, и приобретем великое дерзновение перед Богом.

5. И так, не будем всегда искать покоя, чтобы там насладиться покоем. Предпримем труды для добродетели, отсечем излишнее, не станем искать ничего большего, но все, что имеем, будем расточать на нуждающихся. Иначе, какое мы будем иметь оправдание, когда Бог обещает нам небо, а мы не подаем Ему и хлеба? Он возжигает для тебя солнце и предоставляет всю тварь в твое служение; а ты не даешь Ему и одежды и не хочешь разделить с Ним твоего крова? И что я говорю о солнце и о твари? Он предложил тебе тело и даровал честную кровь; а ты не даешь Ему и чаши воды? Но ты подал однажды? Да это — не милость; если ты не подаешь, пока имеешь, ты не все́ еще исполнил. Ведь и девы, у которых были светильники, имели елей, но не в достаточном количестве. И в том случае, если бы ты подавал

от своего, тебе не следовало бы скупиться; но ты подаешь принадлежащее Господу, – зачем же скряжничаешь? Хотите ли, я скажу причину такого бесчеловечия? Эти люди любостяжанием наживают имение и оттого скупы на милостыню. Кто привык так приобретать, тот не умеет издерживать. Как, в самом деле, тому, кто привык к хищничеству, расположить себя к противному? Как будет давать другому свое, кто берет чужое? И пес как скоро привык питаться мясом, уже не может охранять стада, почему пастухи и убивают такого рода псов. Чтобы и с нами не случилось того же, будем воздерживаться от такой пищи, – ведь и те питаются плотью, которые бывают причиной голодной смерти. Не видишь ли, как Бог сделал все для нас общим? Если же допустил иным быть в бедности, то и это для облегчения богатых, чтобы они, подавая бедным милостыню, могли освободиться от грехов. А ты и в этом отношении стал жесток и бесчеловечен. Отсюда видно, что, если бы и в большем ты имел такую же власть, то совершил бы множество убийств и отказал бы всем и в свете, и в жизни. Чтобы этого не случилось, (Бог) в богатстве положил предел твоей ненасытности. Если вам больно слышать это, то тем больнее мне видеть это на деле. Доколе ты богат, а тот беден? До вечера – не далее. Жизнь так коротка и все уже при дверях, так что на все нужно смотреть, как на короткий час. К чему тебе наполненные кладовые, множество слуг и управителей? Для чего бы не иметь тебе тысячи проповедников милосердия? Кладовая не издает никакого голоса, а еще привлекает к себе множество разбойников; а что сберегается для бедных, то взойдет к самому Богу, и усладит настоящую жизнь, и разрешит все грехи, и доставит славу у Бога и честь у людей. Зачем же ты не желаешь самому себе стольких благ? Ведь не столько бедным ты сделаешь добра, сколько самому

себе, когда будешь им благотворить. Для них ты улучшишь настоящее состояние, а самому себе приготовишь будущую славу и дерзновение, которого и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава вовеки. Аминь.

БЕСЕДА LXXVIII

Сих же вам исперва не рех, яко с вами бех. Ныне же иду к пославшему Мя, и никтоже от вас вопрошает Мене: камо идеши? Но яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша (Ин. XVI, 4—6)

1. Велика сила печали, и много нам нужно мужества, чтобы с твердостью противостоять этой душевной болезни и, извлекая из нее пользу, — так как и в ней есть нечто полезное, — избегать всего излишнего. Именно, только тогда хорошо печалиться, когда мы, или другие, грешим; а когда мы впадаем в обыкновенные человеческие несчастья, тогда печаль бесполезна. Потому-то, когда печаль поразила и учеников, как людей еще несовершенных, — смотри, как исправляет их упреком. Прежде они обращались к Нему с множеством вопросов. Так и Петр говорил: *камо идеши* (Ин. XIII, 36)? И Фома: *не вемы, камо идеши, и како можем путь ведети?* И Филипп: *покажи нам Отца Твоего* (Ин. XIV, 5, 8). А теперь, услышав, что *от сонмищ ижденут вы*, что *возненавидят* вас и что *всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу*, так упали духом, что даже объяты были немотой и уже ничего Ему не говорят. Вот в этом Он и укоряет их, говоря: *сих же вам исперва не рех, яко с вами бех. Ныне же иду к пославшему Мя, и никтоже от вас вопрошает Мене: камо идеши? Но яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша.* Действительно, опасна неумеренная печаль;

опасна и может довести до смерти; потому и Павел говорил: *да не како многою скорбию пожерт будет таковый* (2 Кор. II, 7). *Сих же вам испервa не рех*, говорит. Почему же не сказал сначала? Чтобы не сказал кто, что Он говорил по заключению из многократных прежних случаев. Зачем же приступает Он к столь трудному делу? Я знал, говорит Он, это и сначала, и не говорил вам не по незнанию, но потому, что *с вами бех*. Опять и это (сказано) человекообразно. Как бы так говорит: вы были в безопасности и вам можно было спрашивать всегда, когда вы хотели; вся война воздвигнута была против Меня, и потому излишне было говорить об этом сначала. Но ужели, действительно, Он этого не говорил? Не сказал ли Он, призвав двенадцать (учеников): *пред владыки и цари ведени будете, и на соборищах биют вас* (Мф. X, 18)? Как же теперь говорит: *испервa не рех?* Тогда Он предсказывал только удары и ведение на суд, а не то, что их смерть будет казаться столь вожделенной, что убиение их станут даже считать за служение Богу. А между тем, это особенно и могло устрашить их, что их будут судить, как нечестивцев и людей вредных. К этому нужно прибавить и то, что там Он говорил о страданиях, которые они должны были претерпеть от язычников; а здесь с особенной силой сказал еще и о гонениях иудейских, и показал, что они уже при дверях. *Ныне же иду к пославшему Мя, и никтоже от вас вопрашает Мене: камо идеши? Но яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваши.* Не малое они получили и отсюда утешение, узнав, что Ему известна чрезмерность их скорби. Они были в крайнем смущении от страха разлуки с Ним и от ожидания имеющих постигнуть их бедствий, так как не знали, будут ли в силах мужественно перенести их. Но почему Он не сказал им об этом после, когда они уже удостоились Духа? Чтобы ты знал, что они были весьма добродетельны. Если, не

удостоившись еще Духа, они не отпали, несмотря на то, что погружены были в скорбь, то подумай, какими имели быть они, сподобившись благодати. Если бы они тогда услышали и перенесли, мы все приписали бы Духу; а теперь это всецело – плод их души и ясное доказательство любви ко Христу, проистекавшей из одного их сердца. *Но Аз истину вам глаголю* (ст. 7). Смотри, как Он опять утешает их. Не то, говорит, Я возвещаю вам, что приятно для вас; но, хотя вы и крайне печалитесь, однако надобно выслушать полезное. Вам хотелось бы, чтобы Я остался, но полезно – иное. А кто заботится, тому свойственно не щадить друзей, когда дело идет о их пользе, и не отвлекать их от того, что для них выгодно. *Аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет.* Что скажут здесь не имеющие надлежащего понятия о Духе? Ужели лучше, чтобы отшел Господь и пришел раб? Видишь ли, как велико достоинство Духа? *Аще ли же иду, послю его к вам.* Какая же отсюда польза? *И пришед, Он обличит мир* (ст. 8), то есть, если Он приидет, враги, поступая так, не останутся без наказания. Конечно, и того, что уже сделано, достаточно, чтобы заградить им уста; но когда и через Него явлены будут те же дела, когда и учение будет предложено совершеннейшее, и чудеса совершены еще большие, тогда они гораздо более подвергнутся осуждению, так как будут видеть, что все это совершается во имя Мое, чем еще очевиднее доказывается воскресение. Теперь они могут еще говорить: Он сын тектона, мы знаем Его отца и матерь; но когда увидят, что смерть разрушается, зло истребляется, исправляются недостатки природы, прогоняются демоны, – когда увидят неизреченное подаяние Духа и что все это делается через призывание Меня, – что они скажут тогда? Свидетельствовал о Мне и Отец; свидетельствовать будет и Дух. Он уже свидетельствовал и вначале; но будет свидетельствовать и теперь.

2. Выражение: *обличит о гресе* значит – отнимет у них всякое оправдание и покажет, что их преступление непростительно. *И о правде, яко ко Отцу Моему иду, и к тому не видите Мене* (ст. 10), – то есть что Я вел жизнь безукоризненную; а доказательство этому в том, что Я иду ко Отцу. Так как они всегда в обвинение Его говорили, что Он не от Бога, и потому называли его грешником и беззаконником, то Он говорит, что (Дух) отнимет у них и этот предлог к обвинению. В самом деле, если потому являюсь Я беззаконником, что они думают, будто Я не от Бога, то, когда Дух покажет, что Я отошел к Богу, и – не на время, но с тем, чтобы пребывать там (это именно и значат слова: *к тому не видите Мене*), что скажут они тогда? Смотри, как этими двумя (изречениями) опровергается их злое предположение. Ведь и творить чудеса несвойственно грешнику, потому что грешник не может творить чудес; и всегда быть у Бога также несвойственно грешнику. Следовательно, вы уже не можете говорить, что Он грешник, что Он не от Бога. *О суде же, яко князь мира осужден есть* (ст. 11). Здесь опять возобновляет речь о правде, так как Он победил противника. Если бы Он был грешником, то не победил бы, потому что этого не мог сделать никто даже из людей праведных. А что (диавол) осужден через Меня, это узнают те, которые впоследствии будут попирать его и ясно увидят Мое воскресение, которое служит знаком его осуждения, так как он не мог удержать Меня. Значит, и то, что говорили, будто Я беса имею и будто Я обманщик, – и это окажется тогда ложным. Я не победил бы его, если бы Я был повинен греху. Теперь же он осужден и низвержен. *Еще много имам глаголати вам, но не можете носити ныне* (ст. 12). Значит, лучше Мне отойти, если вы в состоянии будете разуметь тогда, когда Я отойду. Что же? Разве Дух больше Тебя, что теперь мы не можем уразуметь, а Он даст нам возмож-

ность уразуметь? Ужели Его действие сильнее и совершеннее? Нет; и Он будет говорить Мое. Поэтому и прибавляет: *не от себе глаголати иматъ, но елика аще услышит, глаголати иматъ и грядущая возвестит. Он Мя прославит, яко от Моего приимет, и возвестит вам. Вся, елика иматъ, Отец, Моя сутъ* (ст. 13–15). Так как Он сказал, что Дух вас научит и воспомянет, и утешит вас в скорбях, – чего сам Он не сделал, – и что лучше Мне отойти, а Ему прийти, что теперь вы не можете разуметь, а тогда будете иметь эту возможность, и что Он наставит на всякую истину, – то, чтобы, слыша это, они не подумали, что Дух больше, и не впали в крайнюю глубину нечестия, Он говорит: *от Моего приимет,* то есть что говорил Я, то и Он будет говорить. А словами: ничего не будет от Себя – дает разуметь, что Дух не будет говорить ничего противного, ничего отличного, сравнительно с Моим. Следовательно, как говоря о самом Себе: *от Себе не глаголю* (Ин. XIV, 10), разумеет то, что Он не говорит ничего, не принадлежащего Отцу, ничего такого, что было бы отлично и чуждо, так точно и о Духе. А выражение: *от Моего* значит: из того, что Я знаю, от Моего знания. Одно знание у Меня и у Духа. *И грядущая возвестит вам.* Этим Он ободрил их души, так как ни к чему столько не склонен человеческий род, как к знанию будущего. Об этом они постоянно спрашивали Его: *камо идеши?* Какой это путь? Итак, чтобы избавить их и от этой заботы, Он говорит, что предвозвестит вам все, чтобы ничто не постигло вас нечаянно. *Он Мя прославит.* Чем? Тем, что во имя Мое совершит знамения. И так как ученики, по пришествии Духа, имели совершить большие чудеса, – то, чтобы опять выставить равночестие (с Духом), Христос говорит: *Он Мя прославит.* Но о какой говорит Он всякой истине, когда свидетельствует, что наставит нас *на всякую истину?* Сам (Христос) часто не говорил о Себе ничего велико-

го и явно не отступал от закона, и потому что был облечен плотью, и для того, чтобы не подумали, что Он говорит сам о Себе, и потому, что апостолы еще не ясно знали о Его воскресении и были еще несовершенны, а также и по причине иудеев, чтобы не дать им повода думать, будто они наказывают Его, как законопреступника. Когда же впоследствии ученики отделились от иудеев, и иудеи были уже отвергнуты, когда многие имели уверовать и получить отпущение грехов, когда уже другие говорили о Нем, а не сам Он о Себе, — тогда справедливо было сказано великое. Не Моему, значит, неведению, говорит (Христос), надобно приписать то, что Я не сказал всего, что следовало сказать, но — немощи слушателей. Поэтому, сказав: *наставит на всяку истину*, прибавил: *не от себе глаголати имать*. А что Дух не нуждается в научении — послушай, что говорит Павел: *такожде и Божия никтоже весть, точию Дух Божий* (1 Кор. II, 11). Следовательно, как дух человека знает не по научению от другого, так и Дух Святой. *От Моего приимет*, то есть будет говорить согласно с Моим (словом). *Вся, елика имать Отец, Моя суть* (ст. 15). Если же Отчее — Мое, а Дух будет говорить от принадлежащего Отцу, то, значит, Он будет говорить от Моего.

3. Но почему же не пришел прежде отшествия Христова? А потому, что тогда проклятие не было еще уничтожено, грех не был еще истреблен, все еще были повинны наказанию; поэтому Он и не пришел. Надобно, говорит Христос, чтобы наперед вражда была уничтожена и вы примирились с Богом, и тогда уже получили тот дар. Но почему говорит: *послю его?* Это значит: предуготовлю вас к принятию Его. Разве же возможно посылать Того, кто вездесущ? С другой стороны, Он этим показывает и различие ипостасей. Все же это говорит так по следующей причине: так как ученикам тяжело

было разлучиться с Ним, то этим Он убеждает их и держаться Духа и чтить Его. Он мог, конечно, и сам делать то же (что Дух); но предоставляет Ему творить чудеса, чтобы они познали Его достоинство. Как Отец мог создать все существующее, и однако же творит Сын, чтобы мы познали Его могущество, так точно и здесь. Для того Сын и воплотился, чтобы предоставить действие Духу и через то заградить уста тем, которые доказательство неизреченного человеколюбия обращают в повод к нечестию. В самом деле, они говорят, будто Сын потому воплотился, что Он ниже Отца; но мы ответим им: что же вы скажете о Духе? Ведь Он не принял плоти, и однако же вы не говорите на этом основании, что Он больше Сына или что Сын ниже Его. Потому-то и при крещении воспоминается Троица. Хотя и Отец все может сделать, и Сын, и Святой Дух, но так как об Отце никто не сомневается, сомнение же было о Сыне и Духе Святом, то и принята (Троица) в тайнодействии, чтобы, по общению в подаянии тех неизреченных благ, мы познали и общение в достоинстве. А что Сын и сам по Себе может то, что совершает с Отцом в крещении, равно как и Дух Святой, – послушай, как ясно об этом сказано. Так, (Христос) говорил иудеям: *да увесте, яко власть имать Сын человеческий на земле отпущати грехи* (Мк. II, 10); и опять: *да сынове света будете* (Ин. XII, 36); и: *Аз живот вечный дам им* (Ин. X, 28); и потом еще: *да живот*, говорит, *имут и лишше имут* (Ин. X, 10). Посмотрим теперь, как то же самое совершает и Дух. Где это можно видеть? *Коемуждо же*, говорит, *дается явление Духа на пользу* (1 Кор. XII, 17). А кто дарует это, тот тем более отпускает и грехи. И опять: *Дух есть, иже оживляет* (Ин. VI, 63); и: *оживотворит живущим Духом его в вас* (Римл. VIII, 11); и: *Дух живет правды ради* (Римл. VIII, 10); и еще: если же Духом водитесь, *несте под законом. Не приясте бо духа работы в боязнь, но приясте Духа сыноположения*

жения (Рим. VIII, 15). Да и все чудеса, какие тогда творили (апостолы), творили по действию пришествия Духа. И в послании к Коринфянам Павел говорил: *но омыстеся, но освятистеся именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего* (1 Кор. VI, 11). Итак, поелику об Отце многое слышали, а Сына видели многое совершающим, о Духе же ничего ясно не знали, то (Дух Святой) творит чудеса и вводит совершенное знание. Но, чтобы на этом основании они не стали считать Его, как я и прежде сказал, большим, — говорит: *елика аще услышит, глаголати имать, и грядущая возвестит.* Если же это не так, то не должны ли вы будете допустить нелепости, будто только тогда должен был услышать, и ради учеников? Ведь, по вашему мнению, Он и тогда должен был получить знание только ради слушателей. А что может быть беззаконнее таких слов? С другой стороны, что бы Он мог и услышать? Не все ли это Он сказал уже через пророков? Если Он должен был учить об упразднении закона, — это уже было сказано. Если о Христе, о Его божестве и домостроительстве спасения, — и это уже сказано. О чем же еще, и с большей ясностью, Он должен был сказать впоследствии? *И грядущая возвестит.* Этим в особенности показывает Его достоинство, так как предсказывать будущее преимущественно свойственно Богу. А если бы и это узнавал от других, то не имел бы ничего более в сравнении с пророками. Но здесь обнаруживает совершенное знание, какое свойственно Богу, так как невозможно, чтобы Он говорил что-нибудь иное. Выражение же: *от Моего приимет* — значит: или от дарования, которое привзошло в плоть Мою, или от знания, которое и Я имею, — но не потому, чтобы Он нуждался или научался от другого, а потому, что знание одно и то же. Почему же сказал так, а не иначе? Потому, что (апостолы) еще не знали учения о Духе. Поэтому Он заботится только об

одном, чтобы они уверовали в Него и приняли Его, и не соблазнялись. Так как Он сказал: *един есть ваш учитель, Христос* (Мф. XXIII, 8), то, чтобы они не подумали, что окажут Ему преслушание, веруя Святому Духу, — (Он говорит): Мое и Его учение одно и то же. Откуда Я должен был заимствовать Мое учение, из того же источника и Он будет говорить. Не думайте же, что Его учение — иное. И оно — Мое, и увеличивает Мою славу. Одна воля Отца и Сына, и Святого Духа. Это же Он желает видеть и в нас, говоря: *да будут едино, якоже* и Ты, и Я *едино есмы* (Ин. XVII, 22).

4. Ничто ведь не может сравниться с единомыслием и согласием; при этом и один бывает равен многим. Если, например, будут единодушны два или десять, то один уже не один, но каждый из них бывает в десять раз больше, и ты в десяти найдешь одного, и в одном — десять. Если у них есть враг, — он уже нападает не на одного, и бывает побежден так, как если бы нападал на десятерых, потому что подвергается поражению не одного только, но десятерых. Если один обеднел, — он не в бедности, потому что имеет достаток в большей части, то есть в девяти, и обедневшая часть, меньшая, прикрывается большей, имеющей достаток. Каждый из них имеет двадцать рук и двадцать глаз, и столько же ног. Не своими только глазами он смотрит, но и глазами других; не своими только ногами ходит, но и ногами других; не своими только руками работает, но и руками других. Он имеет и десять душ, так как не только сам о себе, но и другие о нем заботятся. Если бы их было и сто, — опять будет то же самое, и сила еще увеличится.

Видишь ли необыкновенную силу любви, как она делает одного непобедимым и многочисленным? При ней и один может быть во многих местах, — один и тот

же и в Персии, и в Риме. Чего не может сделать природа, то может любовь. Одной частью он будет здесь, а другой там, или, лучше, он весь — здесь, и весь — там. А если он имеет тысячу друзей или две тысячи, то подумай, насколько еще увеличится его сила. Видишь ли, какое умножение производит любовь? Чудно, в самом деле, то, что из одного она делает тысячу! Для чего же мы не приобретаем этой силы и не утверждаем себя в безопасности? Любовь лучше власти и всякого богатства; она дороже здоровья и самого света; она — основание благодушия. Доколе мы будем ограничивать любовь одним или двумя? Возьми себе урок и из противного. Пусть кто-нибудь не имеет ни одного друга (что служит знаком крайнего неразумия, потому что только глупый скажет: нет у меня друга): какова будет жизнь его? Хотя бы он был чрезвычайно богат, хотя бы в довольстве и роскоши, хотя бы приобрел бесчисленные блага, — он бывает одинок и беспомощен. Между друзьями же не так; но хотя бы они были и бедны, — они бывают богаче богатых. Чего кто-нибудь не посмеет сказать сам за себя, то скажет за него друг; чего не может доставить сам себе, того достигнет через другого и даже гораздо более того. Таким образом дружба будет для нас основанием всякого удовольствия и всякой безопасности. В самом деле, невозможно потерпеть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами. И царские телохранители не так бдительны, как эти: те охраняют по нужде и страху, а эти по доброжелательству и любви; любовь же гораздо сильнее страха. Притом царь боится своих стражей, а человек, имеющий друзей, больше надеется на них, чем на себя, и при них не боится никого из злоумышляющих. Будем же приобретать этот товар, — бедный, чтобы иметь утешение в бедности, богатый, чтобы в безопас-

ности владеть богатством, начальник, чтобы безопасно начальствовать, подчиненный, чтобы иметь благосклонных начальников. Это — повод к снисходительности, это — основание кротости. Ведь и между зверьми те особенно жестоки и неукротимы, которые не живут стадами. Потому-то мы и живем в городах, и имеем площади, чтобы обращаться друг с другом. Это и Павел повелел, говоря: *не оставляюще собрания своего* (Евр. X, 25); нет ничего хуже одиночества, необщительности и недоступности. Что же, скажешь, монахи и те, которые заняли вершины гор? И они не без друзей. Они удалились от шума городского, но имеют многих товарищей, единодушных с ними и искренно привязанных друг к другу. Для того они и удалились от мира, чтобы достигнуть этого. Так как препирательство о делах производит многие распри, то они, удалясь от мира, с великим усердием упражняются в любви. Что же, скажешь, если кто будет один? Ужели и он имеет бесчисленных друзей? Я желал бы, конечно, видеть, если возможно, чтобы (отшельники) и жили вместе; но и теперь да будет непоколебима дружба. Ведь не место делает друзьями. И у них есть много почитателей; но их не почитали бы, если бы не любили. Да и они, со своей стороны, молятся о всей вселенной, а это служит величайшим доказательством дружества. Потому-то и в таинствах мы лобзаем друг друга, чтобы нам — многим — быть едино, и о непосвященных совершаем общие молитвы, молимся о больных, о плодах вселенной, о земле и море. Видишь ли всю силу любви в молитвах, в таинствах, в увещаниях? Она — причина всех благ. Если мы будем усердно держаться ее, то и настоящее хорошо устроим, и достигнем царствия, которого да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXIX

Вмале, и ктому не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя, яко иду ко Отцу Реша же от ученик Его к себе: что есть сие, еже глаголет: вмале и проч. (Ин. XVI, 16–18)

1. Душу, страждущую и одержимую великой скорбью, ничто обыкновенно так не поражает, как частое повторение слов, рождающих печаль. Для чего же Христос, сказав: *иду*, и: *ктому не глаголю с вами* (Ин. XIV, 30), часто повторяет то же самое, говоря: *вмале, и ктому не видите Мене,* и: *яко иду к пославшему Мя?* Лишь только ободрил учеников словами о Духе, как опять низлагает их помыслы. Для чего Он так поступает? Он испытывает их душу, делает ее совершеннее и, заставляя их слушать печальное, тем самым наилучшим образом приучает их к мужественному перенесению разлуки с Ним. В самом деле, привыкши к этому на словах, они легко уже могли потом перенести это и на деле. А если кто тщательно рассмотрит, – тот найдет, что и то самое служит утешением, что Он сказал: *иду ко Отцу;* этим Он показал, что Он не погибнет, но что смерть Его есть некоторого рода преставление. В то же время Христос предложил им и другое утешение. Он не сказал только: *вмале и ктому не видите Мене,* но и прибавил: *вмале, и узрите Мя,* показывая тем, что возвратится, что разлука с ними будет кратковременная, а пребывание – постоянное. Но этого они не поняли. Поэтому справедливо кто-нибудь может подивиться, для чего они, много раз слышавшие об этом, недоумевают, как будто ничего о том не слышали. Отчего же, в самом деле, они не поняли? Или от печали, как я, по крайней мере, думаю, – так как она изглаждала из их памяти то, что говорилось, – или от неясности самых слов. Им казалось, будто Он утверждает два противоречия, хотя и не было

противоречия. Если мы увидим Тебя, говорили они, то куда Ты отходишь? Если же Ты отходишь, то как мы увидим Тебя? Поэтому и говорят: *не вемы, что глаголет.* Что Он должен был отойти, это они знали; а что спустя немного времени Он опять приидет к ним, того не знали. Поэтому-то Христос и упрекает их в том, что они не поняли сказанного. А чтобы лучше напечатлеть в них учение о смерти, что Он говорит? *Аминь, аминь глаголю вам, яко восплачетеся и возрыдаете вы,* — как и было во время смерти и креста, — *а мир возрадуется* (ст. 20). Так как они, не желая (видеть Его смерти), легко склонялись к вере, что Он не умрет, и, когда услышали, что Он умрет, были в недоумении, не зная, что значит: *вмале,* — то Он говорит: *восплачетеся и возрыдаете. Но печаль ваша в радость будет.*

Потом, чтобы показать, что после печали бывает радость, и что печаль рождает радость, и что печаль кратковременна, а радость бесконечна, — обращается к примеру из обыкновенной жизни и говорит: *жена, егда раждает, скорбь имать* (ст. 21). При этом Он употребляет притчу, которой часто пользовались и пророки, сравнивая скорбь с тяжкими болезнями рождения. Слова Его значат вот что: вас постигнут как бы болезни рождения, но болезнь рождения бывает причиной радости. В одно и то же время Он и уверяет в истине воскресения, и показывает, что отшествие отсюда подобно исшествию на свет из утробы матерней. Как бы так говорит: не удивляйтесь, что через такую печаль Я веду вас к полезному; и мать также через печаль достигает того, что становится матерью. Здесь Он намекает и на нечто таинственное, именно — что Он разрушил болезни смерти и соделал то, что родился новый человек. И не сказал только, что скорбь пройдет; но что о ней нет и воспоминания: так велика следующая за ней радость. Так будет и со святыми. Но ведь жена радуется не пото-

му, что пришел человек в мир, а потому, что у нее родилось дитя; если бы она по той причине радовалась, то ничто не препятствовало бы и женам не рождающим радоваться за других, рождающих. Для чего же Он так сказал? Он привел этот пример только для того, чтобы показать, что печаль временна, а радость постоянна, что (смерть) есть переход к жизни и что от скорби бывает великая польза. И не сказал: родилось дитя; но: *человек*. Этим, мне кажется, Он намекает на Свое воскресение и на то, что Он имел родиться не для этой болезненной смерти, но для царства. Поэтому не сказал: родилось у нее дитя; но: *родися человек в мир. И вы же печаль имате убо ныне; паки же узрю вы, и печаль ваша в радость будет* (ст. 22). Затем, показывая, что Он уже не умрет, говорит: *и никтоже ю возмет от вас. В той день Мене не воспросите ничесоже* (ст. 23). Этим опять показывает не что иное, как то, что Он – от Бога. Тогда вы уже будете знать все. Что же значит – *Мене не воспросите?* Вы не будете нуждаться в посреднике, но довольно будет произнести только имя, чтобы получить все. *Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое* (ст. 23). Показывает силу Своего имени, так как (апостолы), не видя и не прося Его, но только называя Его имя, будут иметь великую цену у Отца. Когда же так было? Тогда когда они говорили: *призри ни прещения их, и даждь рабом твоим со дерзновением глаголами слово твое* и творить во имя твое чудеса. *И подвижеся место, идеже бяху* (Деян. IV, 29–36). *Доселе не просисте ничесоже* (ст. 24). Этим опять показывает, что Ему лучше отойти, так как до того времени они ничего не просили, а тогда получат все, о чем ни попросят. Хотя Я уже не буду вместе с вами, – вы не думайте, что вы оставлены: имя Мое даст вам большее дерзновение.

2. Так как эти слова были прикровенны, то Он говорит: *сия в притчах глаголах вам: но приидет час, егда ктому*

в притчах не глаголю вам (ст. 25). Будет время, когда вы все ясно уразумеете. Это Он говорит о времени воскресения. Тогда *яве о Отце возвещу вам.* И действительно, в продолжение сорока дней Он был и беседовал с ними, вместе вкушая пищу и *глаголя яже о царствии Божии* (Деян. I, 3–4). Теперь, будучи в страхе, вы не внимаете словам Моим; тогда же, увидев Меня воскресшим и пребывая со Мной, вы безбоязненно узнаете все, потому что сам Отец возлюбит вас, когда ваша вера в Меня сделается твердой. *И не умолю Отца* (ст. 26). Ваша любовь ко Мне достаточно ходатайствует о вас. *Яко вы Мене возлюбисте, и веровасте, яко Аз от Бога изыдох, и приидох в мир. И паки оставляю мир, и иду ко Отцу* (ст. 27, 28). Так как слово о воскресении не мало утешало их, равно как и то, что Он говорил: Я пришел от Бога и к Нему иду, – то Он часто повторяет эти слова. Одно удостоверяло в том, что они веруют в Него правильно; а другое – что они будут в безопасности. Итак, когда Он говорил: *вмале, и не видите Мене: и вмале, и узрите Мя,* – ученики, естественно, не понимали этого; теперь же не так. Но что же значит: *Мене не воспросите?* Не скажете: *покажи нам Отца Твоего,* и: *камо идеши?* – потому что узнаете все, и Отец так же будет расположен к вам, как и Я. Теперь они узнали, что будут друзьями Отцу, и это особенно ободрило их. Потому и говорят: *ныне вемы, яко веси вся* (ст. 30). Видишь, как Его ответ сообразен был с их мыслями? *И не требуеши, да Тя кто вопрошает* (ст. 30), то есть прежде, чем Ты услышал, Ты знал, что соблазняет нас, и успокоил, сказав: *Отец любит вы, яко вы Мене возлюбисте* (ст. 27). Теперь только, после столь многих и великих (слов), ученики говорят: *ныне вемы.* Видишь, как они были еще несовершенны? Затем, так как они, как бы изъявляя Ему некоторую благодарность, говорят: *ныне вемы,* – Он отвечает: вам еще многое нужно, чтобы прийти к совершенству; вы ни в

чем еще не совершенны. Вот и теперь вы предадите Меня врагам, и такой вами овладеет страх, что вы не в состоянии будете даже удалиться все вместе. Но я не потерплю от того никакого зла. Видишь ли, как опять слово Его приноровлено к их понятиям? В том-то Он и обвиняет их, что они постоянно нуждаются в таком снисхождении. Так как они сказали: *се ныне не обинуяся глаголеши, а притчи никоеяже не глаголеши* (ст. 28), и потому веруем Тебе (ст. 30), – то Он показывает, что и теперь, когда они веруют, они еще не веруют, и не допускает их слов. Это Он говорит, имея в виду дальнейшее время. Выражение же: *Отец со Мною есть* (ст. 32) Он опять употребил для них, потому что всегда и везде хотел научить их этому. Потом, чтобы показать, что, говоря таким образом, Он еще не преподал им знания совершенного, но сказал так для того, чтобы они не смущались мыслями, – а им естественно было подумать нечто человеческое и что они не получат от Него никакой помощи, – говорит: *сия глаголах вам да во Мне мир имате* (ст. 33), то есть чтобы вы не удаляли Меня из ваших мыслей, но всегда имели бы в своем сердце. Итак, пусть никто не возводит в догмат этих слов: они сказаны в наше утешение и по любви. Не теперь только, говорит, вы подвергаетесь таким страданиям, и ваши бедствия этим не окончатся; но до тех пор, пока вы будете в мире, вы будете иметь скорбь, – не теперь только, когда предают Меня, но и после. Но будьте бодры духом: вы не потерпите никакого зла. Когда Учитель победил врагов, то не должно уже скорбеть ученикам. Но как, скажи мне, Ты победил мир? Сказал же Я, что низложил его князя; но вы это узнаете и впоследствии, когда все будет уступать и повиноваться вам.

3. И мы, если захотим, можем побеждать, взирая на Начальника веры нашей и идя тем путем, какой Он

проложил нам. В этом случае и смерть не одолеет нас. Что же, скажешь, ужели мы не умрем? Ведь из этого было бы видно, что она не одолеет нас. Но ратоборец не тогда бывает славен, когда не вступает в борьбу с врагом, а тогда, когда, сразившись с ним, остается непобежденным. Так и мы еще не смертны, потому что вступаем в борьбу, но бессмертны, потому что ее побеждаем. Тогда мы были бы смертны, если бы навсегда оставались в ее власти. Потому, как не могу я назвать бессмертными самых долговечных животных, хотя они и долго не умирают, так точно и смертным — того, кто, будучи поражен смертью, после смерти воскреснет. Скажи мне, в самом деле, если бы кто покраснел на короткое время, ужели бы мы, поэтому, стали всегда называть его красным? Нет, потому что это не есть обыкновенное его состояние. И если бы кто побледнел, — ужели бы мы сказали, что он одержим желтухой? Нет, потому что это состояние минутное. Так не называй же и смертным того, кто на короткое время подвергся смерти. Иначе мы должны будем сказать тоже и о спящих, потому что и они, так сказать, умирают и становятся бездейственны. Но (смерть) разрушает тела? Что же из этого? Разрушает, но не для того, чтобы они оставались в тлении, но чтобы соделались лучшими. Будем же побеждать мир, будем стремиться к бессмертию! Последуем за Царем, поставим победный знак, будет презирать мирские удовольствия! И не нужно трудов. Перенесем душу на небо, и побежден весь мир. Если ты не будешь пристрастен к нему, — он побежден. Если будешь смеяться над ним, — он посрамлен. Мы — странники и пришельцы: не будем же огорчаться ничем печальным. Ведь если бы ты, происходя из славного отечества и от знаменитых предков, отправился в какую-нибудь далекую землю, не будучи там никому знаком, не имея ни слуг, ни богатства, и если бы там кто-

нибудь обидел тебя, — ты, конечно, не огорчился бы так, как если бы потерпел это дома. Ясное сознание, что ты находишься не в своей, а в чужой стране, помогло бы тебе легко перенести все — и презрение, и голод, и жажду, и все, что бы ни случилось. Так думай и теперь, что ты странник и пришлец, и пусть ничто не смущает тебя в этой чужой стране. Ты имеешь город, художник и строитель которого — Бог, а пребывание твое здесь кратковременно и непродолжительно. Пусть, кто хочет, бьет, обижает, поносит: мы — в чужой стране и живем в бедности. Тяжело потерпеть это в отечестве, между согражданами: тогда — это величайшее бесчестие и несчастие. Но если кто будет там, где у него нет ни одного знакомого, то ему все легко перенести. Обида бывает особенно тяжела тогда, когда обижают с намерением. Например, если кто оскорбит начальника, зная, что он начальник, тогда оскорбление горько; если же оскорбит его, приняв за простого человека, то оскорбление не может и коснуться того, кто подвергся ему. Так точно будем рассуждать и мы. Оскорбляющие нас совсем не знают, кто мы такие, то есть, что мы — граждане неба, записаны в горнем отечестве и принадлежим к лику херувимов. Не будем же огорчаться и не станем оскорбление считать оскорблением. Если бы они знали нас, то не оскорбили бы. Но нас считают бедными и ничтожными? Не будем и это считать оскорблением. Скажи мне: если бы какой-нибудь путешественник, предупредив на малое расстояние своих слуг, остановился, в ожидании их, в гостинице, и если бы содержатель гостиницы или кто-нибудь из путешественников, не зная, кто он, стал досадовать на него и поносить его, — не посмеется ли он над таким неведением? Это заблуждение не доставит ли ему скорее удовольствия? Не станет ли он забавляться им, как будто бы оскорбляли кого-нибудь другого?

Так будем поступать и мы; и мы сидим в гостинице, ожидая наших спутников, идущих тем же путем. Когда мы все будем вместе, тогда узнают, кого оскорбляли. Тогда они поникнут головой и скажут: *сей есть, егоже* мы, безумные, *имехом в посмех* (Прем. Сол. V, 3).

4. Будем же утешать себя двумя мыслями: во-первых — тем, что нас не оскорбляют, потому что оскорбляющие не знают, кто мы; во-вторых — тем, что, если мы захотим требовать удовлетворения, они подвергнутся самому тяжкому наказанию. Но не дай Бог, чтобы кто-нибудь имел столь жестокую и бесчеловечную душу. Что же, если нас оскорбляют единоплеменники? Ведь это уже тяжело? Напротив, это-то и легко. Почему так? Потому, что не одинаково переносим мы обиды от тех, кого любим, и от тех, кого не знаем. Поэтому, утешая обиженных, мы часто говорим такие слова: тебя обидел брат, — перенеси великодушно; обидел отец, обидел дядя. Если же имя брата и отца имеет такую силу, — что же, если я назову имя еще более родное? Мы не только братья друг другу, но и члены, и одно тело. Если мы ценим имя брата, — тем более имя члена. Не слыхал ли ты мирской пословицы, которая говорит, что в друзьях надобно терпеть и недостатки? Не слышал ли, что и Павел говорит: *друг друга тяготы носите* (Гал. VI, 2)? Не видишь ли любовников? Между вами я не могу найти другого примера, и потому принужден обратить речь на этот предмет. Тоже, впрочем, делает и Павел, говоря так: *к сим плоти нашей отцы имехом наказатели, и срамляхомся* (Евр. XII, 9); особенно же прилично сказать здесь то, что он пишет римлянам: *якоже*, говорит, *представисте уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие, тако представите уды ваша рабы правде* (VI, 19). Потому и мы смело будем держаться этого примера. Итак, не видишь ли любовников? Сколько они переносят бедствий, пылая страстью к блудным женщинам! Их бьют

по щекам, колотят, над ними смеются; они терпят блудницу развратную, которая отвращается от них и наносит им тысячу оскорблений. И при всем том, если хотя однажды они увидят что-нибудь приятное и ласковое, все им кажется благополучным, все прежнее исчезает и все переносится легко, будет ли то бедность, или болезнь, или другое что подобное. Жизнь свою они считают бедственной или блаженной, смотря по тому, как расположена к ним их любовница. Не знают они ни человеческой славы, ни бесчестия; но, хотя бы кто и оскорбил их, – от великого удовольствия и за ее благосклонность они все переносят легко. А она сама хотя бы ругала их, хотя бы плевала им в лицо, – они терпят это и думают, что в них бросают розами. И что удивительного, если они так расположены к ней! Они дом ее считают великолепнее всех домов, хотя бы он был глиняный, хотя бы клонился к падению. И что я говорю о стенах? Они воодушевляются даже при виде тех мест, где они бывают вечером. Но здесь дайте мне, наконец, сказать апостольское слово. Как он сказал: *якоже представисте уды ваша рабы нечистоте, тако представите уды ваши правде,* – так точно и я говорю: как возлюбили вы этих (женщин), так любите друг друга, и ничто не будет казаться вам тяжким. И что я говорю – друг друга? Так будем любить Бога.

Вы ужаснулись, услышав, что я требую такой же меры любви к Богу, какую показывают иные к орудиям своих страстей. А я ужасаюсь, что мы не показываем и такой любви. Если хотите, рассмотрим это подробнее, хотя говорить об этом и очень тяжело. Любовница не обещает любовнику ничего доброго, но – бесчестие, стыд и поношение. Знакомство с блудной женщиной именно это и производит, – делает человека смешным, позорным, бесчестным. Бог же обещает нам небо и небесные блага; Он сделал нас сынами Своими, брать-

ями Единородного; Он и в этой жизни представил тебе бесчисленные блага, и по смерти обещает даровать воскресение и столько благ, сколько и представить невозможно; Он делает нас достойными чести и уважения. И опять, так заставляет расточить все имение в пропасть и на пагубу; а Бог повелевает сеять для неба, воздает сторицей и дарует вечную жизнь. Так поступает с любовником, как с невольником, распоряжаясь хуже всякого тирана; а Бог говорит: *не ктому вас глаголю рабы, но други* (Ин. XV, 15).

5. Видели, как много зол – там, и сколько благ – здесь? И что же после этого? Для любовницы многие проводят ночи без сна и, что бы она ни приказала, все исполняют с усердием – оставляют и дом, и отца, и мать, и друзей, и богатство, и почести, и все свое имение подвергают расстройству и запустению. Для Бога же или, лучше, для себя самих мы не хотим истратить и третьей части нашего имущества. Видя алчущего, мы отвращаем от него взор; проходим мимо нагого и не удостаиваем его даже слова. А любовники, если увидят даже служанку любовницы, женщину грубую, останавливаются с ней среди площади и, как бы красуясь и величаясь тем, разговаривают с ней, разливаясь в длинных речах. Для любовницы за ничто считают жизнь, начальников, царство (как это известно тем, которые испытали эту болезнь), и бывают более благодарны ей за ее приказания, чем другим за услуги. Не справедливо ли после этого быть геенне? Не справедливы ли бесчисленные наказания? Отрезвимся же и предоставим на служение Богу хотя столько же, хотя половинную часть того, что иные отдают блуднице, хотя даже третью долю. Может быть, вы опять ужаснетесь? Да, и я ужасаюсь. Но я хотел бы, чтобы вы ужасались не слов только, но и самого дела. Между тем, здесь сердце у нас сжимается; а лишь выйдем, – все бросаем. Что же из того пользы?

Там, если надобно тратить деньги, никто не жалуется на бедность, но часто, пленившись, и занимают, и дают; здесь же, если мы вспомним о милостыне, нам представляют детей, и жен, и дом, и начальство, и тысячи извинений. Но там, скажешь, много удовольствия? Об этом-то я и плачу, и рыдаю. А что если я покажу, что здесь больше удовольствия?

Там отнимают не мало удовольствия стыд, поношение, трата денег, наконец – ссоры и вражда; а здесь нет ничего такого. Да и что, скажи мне, может сравниться с этим удовольствием – жить в ожидании неба и небесного царства, светлости святых и нескончаемой жизни? Но это, скажешь, в ожидании, а то – в действительности. В какой действительности? Хочешь ли, я скажу, что и здесь в действительности? Подумай, какой ты наслаждаешься свободой: живя добродетельно, ты никого не боишься и не страшишься – ни врага, ни наветника, ни клеветника, ни соперника, ни соискателя в любви, ни завистника, ни бедности, ни болезни, ни другого чего-нибудь человеческого. Там, напротив, хотя бы и весьма много сбывалось по желанию, хотя бы и богатство стекалось, как из источника, – ссора с соперниками в любви, наветы и козни сделают самой несчастной жизнь того, кто связывается с ними. Из угождения той презренной, развратной и сластолюбивой женщине, действительно, неизбежно возникают ссоры; а это хуже тысячи смертей и несноснее всякого наказания. Здесь же нет ничего такого. *Плод же духовный*, говорит (апостол), *любы, радость, мир* (Гал. V, 22). Нет здесь ни ссор, ни безвременной траты денег, ни досады после траты. Хотя бы ты дал овол, хотя бы хлеба, хотя бы чашу холодной воды, – за все будет тебе великая благодарность и ничто не заставит тебя огорчаться и печалиться, но все послужит к тому, чтобы сделать тебя славным и избавить от всякого стыда. Какое же мы

будем иметь оправдание, какое извинение, когда, оставляя это, предаемся противному и добровольно ввергаем самих себя в печь, огнем горящую? Потому умоляю страдающих такой болезнью — вновь собрать свои силы, возвратиться к здоровью и не позволять себе впасть в отчаяние. Блудный сын потерпел бедствия еще более жестокие; но так как возвратился в отеческий дом, то стал в прежней чести и явился славнее того, кто всегда поступал хорошо. Поревнуем ему и мы, и возвратившись ко Отцу, избавим себя, хотя поздно, от этого плена и перейдем к свободе, чтобы сподобиться и царства небесного, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу со Святым Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXX

Сия глагола Иисус, и возведе очи Свои на небо, и рече: Отче, прииде час: прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя (Ин. XVII, 1)

1. *Иже сотворит и научит,* сказано, *сей велий наречется в царствии небеснем* (Мф. V, 19), — и весьма справедливо. Ведь любомудрствовать на словах легко, а показывать на деле — свойственно лишь душе доблестной и великой. Потому-то и Христос, беседуя о незлобии, представляет в образец самого Себя, повелевая брать с Себя примеры. Поэтому же и теперь, после увещания, Он обращается к молитве, научая нас в искушениях оставлять все и прибегать к Богу. Так как словами: *в мире скорбни будете* Он поколебал души учеников, то молитвой опять ободряет их. Они все еще смотрели на Него, как на человека, и для них-то Он и молится, подобно тому, как и о Лазаре, когда высказывает и причину: *народа ради стоящаго рех, да веру имут, яко Ты Мя по-*

слал еси (Ин. XI, 42). Так, скажешь, при иудеях этому и следовало быть: но к чему же это при учениках? Этому следовало быть и при учениках; те, которые после столь многого говорят: *ныне вемы, яко веси вся,* больше всех нуждались в утверждении. А впрочем, Евангелист и не называет этого действия молитвой, но как говорит? *Возведе очи Свои на небо.* Значит, по его словам, это скорее была беседа с Отцем. Если же в других местах он и говорит о молитве, и представляет Христа то преклоняющим колена, то возводящим очи на небо, — не смущайся. Из этого мы научаемся, с каким усердием должно приносить молитвы, научаемся, и стоя, взирать очами не только телесными, но и душевными, и преклонять колена с сокрушением сердца. В самом деле, Христос пришел не для того только, чтобы явить Себя, но и для того, чтобы научить неизреченной добродетели; а учитель должен учить не словами только, но и делами. Итак послушаем, что Он говорит здесь. *Отче, прииде час прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя.* Снова показывает нам, что Он не неволей идет на крест. Иначе, как бы Он стал молиться о том, чтобы это сбылось, и называть крест славой не только для самого Распинаемого, но и для Отца? Так действительно и было: не Сын только прославился, но и Отец. До креста даже и иудеи не знали Его. *Исраиль же,* сказано, *Мене не позна* (Ис. I, 3); а после креста притекла вся вселенная. Затем Христос говорит и о самом образе славы, и как Он прославит Отца. *Якоже дал еси ему власть всякия плоти, да всяко еже дал еси ему* не погибнет (ст. 2). Слава Божия в том, действительно, и состоит, чтобы всегда благодетельствовать. Что же значит: *якоже дал еси Ему власть всякия плоти?* Этим показывает, что дело проповеди не ограничится одними иудеями, но прострется на всю вселенную, и полагает начало призванию язычников. Так как Он сказал: *на путь язык не идите*

(Мф. X, 5), а впоследствии скажет: *шедше научите вся языки* (Мф. XXVIII, 19), то теперь показывает, что это угодно и Отцу. В самом деле, проповедь язычникам весьма соблазняла иудеев и даже учеников. Ученики и впоследствии не легко дозволяли себе входить в общение с язычниками, пока не получили наставления от Духа, — так как отсюда происходил не малый соблазн для иудеев. Оттого-то даже после столь великого явления Духа, Петр, пришедши в Иерусалим, едва мог избегнуть порицаний, рассказав о плащанице (Деян XI, 1—19). Что же значит: *дал еси Ему власть всякия плоти?*

А когда, — спрошу я еретиков, — Он получил эту власть? Прежде ли создания людей, или после создания? Сам Он говорит: после распятия и воскресения, так как тогда сказал: *дадеся Ми всяка власть. Шедше научите вся языки* (Мф. XXVIII, 18, 19). Что же? Ужели Он не имел власти над делом Своим? Ужели Он только сотворил людей, а власти над ними после сотворения не имел? Но и в предшествующие времена Он, как видно, все делает Сам: одних наказывает, как грешников; других, обращающихся, исправляет: *еда утаю*, говорит, *от Авраама раба Моего, яже Аз творю* (Быт. XVIII, 17); а иных и удостаивает чести, как праведников. Или тогда Он имел, а теперь потерял и опять получил? Но какой демон может сказать это? Если же одна и та же власть и тогда, и теперь: *якоже*, говорит, *Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын, ихже хощет, живит* (Ин. V, 21), — то что значит сказанное? Он намерен был послать апостолов к язычникам; а чтобы они не почли этого нововведением, — так как Он говорил: *несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Исраилева* (Мф. XV, 24), — Он показывает, что это угодно и Отцу. А что Он говорит об этом с великим уничижением, в том нет ничего удивительного: таким образом Он и их (апостолов) тогда назидал, и тех, которые будут после, и, как я уже гово-

рил, такой чрезмерностью уничижения всегда ясно внушал, что Он говорит приспособительно.

2. Что же значит: *всякия плоти?* Ведь известно, что не все уверовали. Сколько от Него зависело, – все уверовали. Если же не внимали словам Его, то в этом вина не учащего, но не принимающих (учения). *Да всяко, еже дал еси Ему, дастъ им живот вечный* (ст. 2). Не удивляйся, что и здесь Он говорит человекообразно. Он поступает так и по вышесказанным причинам, и потому, что всегда остерегался говорить сам о Себе что-нибудь великое, так как это неприятно было слушающим, которые все еще не думали о Нем ничего великого. От того-то Иоанн, когда говорит от своего лица, поступает не так, но возводит слово до высокого, говоря таким образом: *вся тем быша, и без него ничтоже бысть* (Ин. I, 3), и: *живот бе* (I, 4), и: *свет бе* (I, 9), и: *во своя прииде* (I, 11); не то, что Он не имел бы власти, если бы не получил ее, но что Он и другим дал власть *чадом Божиим быти* (I, 12). Подобным образом и Павел называет Его равным Богу. Сам же Он просит, как обыкновенный человек, говоря так: *да всяко еже дал еси Ему, даст им живот вечный. Се же есть живот вечный, да знают Тебе единаго истиннаго Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа* (Ин. XVII, 3). *Единаго истиннаго Бога:* говорит так для отличия от ложных богов, так как хотел послать апостолов к язычникам. Если же не согласятся с этим, но на одном этом основании станут отвергать, что Сын есть истинный Бог, то, идя таким образом дальше, они отвергнут и то, что Он есть Бог. В самом деле, (Христос) говорит: *славы яже от единаго Бога, не ищете* (Ин. V, 44). Что же? Ужели поэтому Сын уже не Бог? Если же Сын – Бог, хотя Отец и называется единым, то явно, что Он и истинный, хотя (Отец) и именуется единым истинным. Притом, когда Павел говорит: *или един аз и Варнава* (1 Кор. IX, 6), – ужели он исключает Варнаву? Совсем нет; слово: *един*

употреблено только для различения от других. И если — не истинный Бог, то каким образом Он есть *истина?* Истина от истинного различается весьма немного. Чем назовем мы, скажи мне, не истинного человека? Конечно уже и не человеком? Так точно, если Сын не есть истинный Бог, то как Он может быть Богом? Да как Он и нас может делать богами и сынами, не будучи Сам истинным? Но об этом подробнее сказано нами в другом месте. Потому пойдем далее. *Аз прославих Тя на земли* (ст. 4). Хорошо сказано: *на земли,* потому что на небе Отец уже прославлен, имея славу и по естеству, и будучи покланяем от ангелов. Следовательно, не о той славе говорит, которая нераздельна с существом Его, — так как эту славу Он всегда имеет вполне, хотя бы и никто не прославлял Его, — но о славе, происходящей от служения людей. Поэтому и выражение: *прослави Мя* нужно разуметь точно также. И чтобы убедиться, что Он говорит об этом роде славы, послушай далее. *Дело соверших, еще дал еси Мне, да сотворю* его (ст. 4). Но ведь дело только было еще начато или даже еще и не начато: как же Он говорит: *соверших?* Это — или потому, что Он со Своей стороны сделал все, или потому, что о будущем говорит, как уже о совершившемся, или — что всего лучше сказать — потому, что все, действительно, было уже совершено, когда положен был корень благ, из которого непременно должны были произрасти плоды и Он уже соприсутствует, соприкасается тому, что должно было совершиться впоследствии. При этом Он опять выражается приспособительно: *еже дал еси Мне.* Если бы, действительно, Он ожидал, пока не услышит и не узнает, — это было бы гораздо ниже Его славы. Но что Он пришел на это по Своему произволению, явно из многих мест. Так, например, Павел говорит: Он так возлюбил нас, что предал Себя самого за нас (Еф. V, 2), и: *Себе умалил, зрак*

раба прим (Флп. II, 7). И опять: *яко же возлюби Мя Отец, и Аз возлюбих вас* (Ин. XV, 9). *Прослави Мя Ты, Отче, у Тебе самого славою, юже имех у Тебе прежде мир не быть* (ст. 5). Где же слава? Пусть у людей Он, действительно, был не славен, облекшись в одежду (плоти); но каким образом Он ищет прославления и у Бога? О чем же Он здесь говорит? Речь – о воплощении. Естество плоти, действительно, не было еще прославлено; оно не сподобилось еще нетления и не приобщилось царского престола; поэтому Он не сказал: *на земли;* но: *у Тебе.*

3. Этой славы сподобимся и мы в свою меру, если будем бодрствовать. Потому и Павел говорит: *понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся* (Рим. VIII, 17). Итак, бесчисленных слез достойны те, которые, несмотря на предстоящую им такую славу, леностью и сонливостью вредят самим себе. Если бы и геенны не было, и тогда несчастнее всех были бы те, которые, имея возможность царствовать и прославляться вместе с Сыном Божиим, сами себя лишают столь великих благ. Подлинно, если бы надобно было подвергнуться растерзанию и умереть тысячей смертей, и отдать каждый день тысячу душ и столько же тел, – не следовало ли бы перенести все это за столь великую славу? А между тем, мы не пренебрегаем и богатством, которое впоследствии и по неволе оставим, – не пренебрегаем богатством, которое навлекает на вас тысячу зол, останется здесь и не принадлежит нам, потому что мы не своим распоряжаемся, хотя бы получили его и от отцов. А когда есть еще и геенна, и червь нескончаемый, и огонь неугасимый, и скрежет зубов, – то как, скажи мне, мы будем терпеть это? Доколе не откроем глаз и будем тратить все время на ежедневные распри, ссоры и пустые слова? Доколе будем питать землю, утучнять тело и нерадеть о душе, не обращая никакого внимания на необходимое, и прилагая великую заботу об

излишнем и пустом? Мы строим себе блистательные гробницы, покупаем дорогие дома, влачим за собой толпы всякого рода слуг и выдумываем разных распорядителей, поставляя начальников над домами, деньгами, и начальников над начальниками; а о запустевшей душе нет у нас никакой заботы. И где этому будет конец? Не одно ли чрево наполняем мы? Не одно ли тело одеваем? К чему же это множество хлопот? Зачем и для чего душу, которую получили, мы разрываем и раздираем на столь разнообразные службы, вымышляя сами для себя жестокое рабство? Кто нуждается во многом, тот, действительно, раб многого, хотя, по-видимому, и владеет всем этим. Так и господин есть раб своих слуг и вводит новый более тяжкий род рабства. Но он раб еще и в том отношении, что без них не смеет выйти ни на площадь, ни в баню, ни в поле. Слуги и без него часто ходят повсюду, а он, считающийся господином, если нет при нем рабов, не смеет выйти из дома один, а если и выступит из дома один, считает себя смешным. Может быть, некоторые станут смеяться над нами за эти слова, но поэтому-то самому они и достойны бесчисленных слез. А чтобы показать, что это, действительно, рабство, я охотно спрошу тебя: захотел ли бы ты нуждаться в том, чтобы кто-нибудь клал кусок хлеба в твой рот или подставлял чашу к твоим устам? Не считал ли бы ты такого рода услугу достойной слез? Или, если бы для того, чтобы пойти куда-нибудь, ты всегда имел нужду в каких-нибудь носильщиках, — не счел ли бы ты себя поэтому самым несчастным и жалким из людей? Так точно тебе следовало бы рассуждать и теперь, — потому что нет никакого различия в том, носят ли кого бессловесные животные, или люди. И не тем ли, между прочим, скажи мне, отличаются от нас ангелы, что они не нуждаются в столь многом, как мы? Следовательно, чем меньше мы имеем нужд, тем

более приближаемся к ним, а чем больше, тем глубже ниспадаем в эту тленную жизнь. И чтобы убедиться, что это действительно так, спроси у стариков, какую жизнь они считают счастливой, ту ли, когда они были под властью этих суетных вещей, или ту, когда они уже сами владеют ими? Мы потому обратились к старикам, что люди, упоенные молодостью, не чувствуют даже чрезмерности этого рабства. А одержимые лихорадкой? Тогда ли они считают себя счастливыми, когда, томясь сильной жаждой, много пьют и многого просят, или тогда, когда, выздоровев, избавляются от этой потребности? Видишь, что во всех случаях нуждаться во многом — дело жалкое и не свойственное любомудрию, и что через это усиливается рабство и пожелание. Зачем же мы добровольно увеличиваем для самих себя бедственность нашего положения? Скажи мне, в самом деле, если бы тебе можно было без всякого вреда жить без кровли и стен, — не согласился ли бы ты лучше на это? Для чего же ты умножаешь знаки своей немощи? Не за то ли мы называем блаженным Адама, что он не нуждался ни в чем, ни в жилищах, ни в одеждах? Так, скажешь; но теперь мы уже имеем нужды. Зачем же мы умножаем эти нужды? Если многие отказывают себе и во многом нужном, например: в рабах, жилищах, деньгах — то какое мы будем иметь оправдание, преступая пределы нужды? Чем больше ты окружишь себя нуждами, тем большому подвергнешься рабству, потому что, чем в большем будешь нуждаться, тем более сократишь свою свободу. Совершенная свобода состоит в том, чтобы вовсе ни в чем не нуждаться, а следующая за ней — нуждаться в немногом, и эту-то свободу имеют преимущественно ангелы и их подражатели. А достигнуть этого, пребывая в смертном теле, — подумай, сколько в этом славы! Это выразил и Павел, пиша Коринфянам: *аз же вы щажду*, и: да *не скорбь*

плоти имети будут таковии (1 Кор. VII, 28). Деньги потому и называются деньгами, что их следует употреблять на нужды, а не хранить и не зарывать в землю; это значит уже не владеть, но быть во владении. Если мы станем только то иметь в виду, как бы их побольше приобрести, а не то, чтобы пользоваться ими на нужды, то порядок уже извращается, и они владеют нами, а не мы ими. Освободимся же от этого жестокого рабства и соделаемся, наконец, свободными. Зачем мы сами для себя выдумываем множество разнообразных уз? Не довольно ли для тебя уз естественных, житейских необходимостей и скопления бесчисленных дел? А ты сплетаешь для себя еще другие сети и связываешь себя ими по ногам! Когда ты достигнешь неба и будешь иметь силу стоять на такой высоте? Вожделенно, истинно вожделенно, чтобы ты, разорвав все эти связи, мог достигнуть высшего града. Препятствий так много и других. Чтобы победить их, будем соблюдать уверенность. Через это мы достигнем и вечной жизни, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXI

Явих имя Твое человеком, ихже дал еси Мне от мира. Твои беша, и Мне их дал еси, и слово Твое сохраниша (Ин. XVII, 6)

1. Сын Божий называется ангелом великого совета, как по причине других (истин), которые Он открыл, так особенно потому, что Он возвестил людям об Отце. Вот об этом-то Он и теперь говорит: *явих имя Твое человеком.* Сказав: Я совершил Твое дело, Он снова подробнее говорит о том же, объясняя, какое это дело. Но ведь имя было уже известно? Исаия, например, говорит: *кля-*

тися будут Богом истинным (Ис. LXV, 16). На это я и теперь скажу тоже, что много раз говорил, то есть: оно было известно, но только иудеям, и то не всем; а теперь говорит о язычниках. Притом Он показывает не только это, но и то, что они познали Бога, как Отца; а не одно и тоже значит, что (Бог) есть Творец, и – что Он имеет Сына. Явил же Христос имя Его и словами, и делами. *Ихже дал еси Мне от мира.* Как прежде сказал: *никтоже приидет ко Мне, аще не будет дано ему,* и: *аще не привлечет его Отец Мой* (Ин. VI, 65, 44), так и здесь говорит: *ихже дал еси Мне.* Но так как Он же говорит, что Он сам есть путь, то отсюда явно, что в этих словах Он высказывает две (мысли), именно, что Он не противен Отцу, и – что такова воля Отца, чтобы люди веровали Сыну, *Твои беша, и Мне их дал еси.* Этим Он хочет научить, что Отец весьма любит Его. А что Ему, действительно, не нужно было принимать их, это видно из того, что сам Он и сотворил их, сам постоянно и промышляет о них. Как же возможно, чтобы Он принял их? Нет; это, как я сказал, означает только единомыслие Его с Отцом. Если же кто захочет понимать это по-человечески и так, как сказано, то (люди) не будут уже принадлежать Отцу. В самом деле, если в то время, как Отец имел их, Сын их не имел, то очевидно, что, когда Он отдал их Сыну, сам перестал ими владычествовать. А отсюда опять выйдет еще большая нелепость, именно: доколе они были у Отца, они были несовершенны; а как скоро перешли к Сыну, стали совершенными. Но смешно это и сказать! Итак, что же Он выражает этим? То, что и Отцу угодно, чтобы они веровали Сыну. *И слово Твое сохраниша, и ныне разумеша, яко вся, елика дал еси Мне, от Тебе суть* (ст. 7). Каким образом они слово Твое сохранили? Они уверовали в Меня и не внимали иудеям, потому что кто верует в Него, тот *утверди,* как он говорит, *яко Бог истинен есть* (Ин. III, 33). Некоторые, прав-

да, читают так: *ныне разумех, яко вся, елика дал еси Мне, от Тебе суть;* но этого нельзя допустить. Как, в самом деле, возможно, чтобы Сын не знал того, что принадлежит Отцу? Нет, это сказано об учениках. Как скоро, говорит, Я сказал, – они уразумели, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть; что нет у Меня ничего чуждого, ничего особенного от Тебя, – потому что особенное как бы предполагает уже много чуждого. Итак, они уразумели, что все, чему Я учил, – Твое, – и наставления, и догматы. Но откуда они узнали? Из Моих слов, потому что Я так и учил. И не только это, но и то, что Я от Тебя пришел (ст. 8), – как это, действительно, Он и старался внушить во всем Евангелии. *Аз о сих молю* (ст. 9). Что Ты говоришь? Ты учишь Отца, как бы неведущего, Ты беседуешь, как будто с человеком незнающим? Что, в самом деле, значит это разделение? Видишь ли, что не для чего иного Он молится, как только для того, чтобы показать, какую любовь Он имеет к ним? Кто не только подает свое, но и другого умоляет о том же, тот, действительно, высказывает великую любовь. Итак, что же значит: о *сих молю? Не о всем,* то есть *мире, но о тех, ихже дал еси Мне.* Он часто повторяет слово: *дал еси,* чтобы показать, что это угодно Отцу. Потом, так как Он многократно говорил: *Твои суть, и* Ты *Мне их дал еси,* то чтобы не подумал кто-нибудь, что часть Его недавняя и что Он только теперь принял их, – Он, устраняя неправую мысль, говорит: *Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя, прославихся в них* (ст. 10).

Видишь ли равночестие? Чтобы ты, слыша: *дал еси Мне,* не подумал, что они отчуждаются теперь от власти Отца или – еще прежде – Сына, Он уничтожил и то и другое, сказав те слова. Он как бы так говорит: когда ты слышишь: *Мне их дал еси,* – не думай, что они становятся уже чуждыми Отцу (потому что все Мое принадлежит Ему); равным образом, когда слышишь слова:

Твои беша, – не думай, что они были чужды Мне, потому что все, принадлежащее Ему, есть Мое. Таким образом *дал еси* сказано только по одному приспособлению; все, что имеет Отец, принадлежит Сыну, и все, что имеет Сын, принадлежит Отцу. Этого нельзя сказать даже о Сыне по человечеству; но (говорится о Нем), так как Он больше (человека). Всякому известно, что принадлежащее меньшему принадлежит и большему, но – не наоборот; а здесь говорится и наоборот, что и показывает равенство. Это же Христос показал и в другом месте, когда, беседуя о ведении, сказал: *вся, елика иматъ Отец, Моя сутъ* (Ин. XVI, 15). А выражения: *дал еси Мне,* и все подобные, – чтобы показать, что Он, не как чуждый, пришел и привлек их к Себе, но принял их, как своих. Затем Он представляет причину и доказательство, говоря: *и прославихся в них,* то есть что Я имею власть над ними, или что они прославят Меня, веруя Тебе и Мне, и прославят одинаково. Если же Он прославился в них не одинаково, то принадлежащее Отцу не принадлежит уже Ему. А никто не прославляется тем, над чем не имеет власти.

2. Как же Он прославился одинаково (с Отцем)? Все одинаково умирают за Него, как и за Отца, проповедуют Его, как и Отца, и как говорят, что все совершается именем Отца, так – и именем Сына. *И ктому несмъ в мире, и сии в мире сутъ* (ст. 11), то есть: хотя Я и не буду видим во плоти, однако через них буду прославляться. Но почему Он непрестанно говорит: *в мире несмъ,* – и: так как Я оставляю их, то поручаю их Тебе, – и: *егда бех в мире, Аз соблюдах их* (ст. 12)? Кто станет понимать эти слова просто, тот придет ко многим нелепостям. Возможно ли, в самом деле, допустить, чтобы Его действительно не было в мире и чтобы, отходя, Он поручал их другому? А те слова сказаны как бы простым человеком, который навсегда разлучается с ними. Видишь ли, что

Он говорит весьма многое по-человечески и приспособляясь к их понятиям, так как они думали, будто в Его присутствии они будут безопаснее? Потому-то Он и говорит: *егда бех, Аз соблюдах их*. Но ведь Он же сказал: *прииду к вам* (Ин. XIV, 18), и: *с вами есмь до скончания* (Мф. XXVIII, 20). Почему же теперь говорит так, как бы действительно намеревался разлучиться? Это, как я уже сказал, приспособление к их мнению, – для того, чтобы они несколько успокоились, слыша, что Он говорит так и поручает их Отцу. Так как они, после многих с Его стороны утешений, не убеждались, то Он, наконец, обращается с беседой к Отцу, выказывая сильную любовь к ним. Он как бы так говорил: так как Ты призываешь Меня к Себе, то утверди их в безопасности, потому что Я к Тебе иду. Что Ты говоришь? Разве сам не можешь хранить их? Конечно, могу. Для чего же говоришь это? *Да имут радость Мою исполнену* (ст. 13), то есть чтобы они не смущались, будучи еще несовершенны. Этими словами Он показал, что все это говорил так для их успокоения и радости: иначе слова Его представляются противоречащими. Ныне же *несмь в мире, и сии в мире суть*. Так, действительно, думали ученики; а Он приспособляется к ним. Если бы Он сказал: Я соблюду их, – они не столько поверили бы; поэтому говорит: *Отче, святый соблюди их во имя Твое* (ст. 11), то есть Твоею помощью. *Егда бех в мире, Аз соблюдах их во имя Твое* (ст. 12). Опять беседует, как человек и как пророк, потому что нигде не видно, чтобы Он делал что-нибудь именем Божиим. *Ихже дал еси Мне, сохраних, и никтоже от них погибе, токмо сын погибельный, да сбудется писание* (ст. 12). И в другом месте Он говорит: *все, еже даде Ми, не погублю от него* (Ин. VI, 39). Но ведь не один только тот (Иуда) погиб, но и многие впоследствии. Как же Он говорит: *не погублю?* Сколько от Меня зависит, – не погублю. В другом месте Он

показывает это еще яснее, говоря: *не изжену его вон* (Ин. VI, 37). Не Моя вина; Я не отгоняю и не оставляю; если же кто сам собой отпадает, Я насильно не влеку. *Ныне же к Тебе гряду* (ст. 13). Видишь, как по-человечески составлена эта беседа? Потому, если кто захочет на этом основании унижать Сына, тот унизит и Отца. Смотри, в самом деле, как Он с самого начала то как бы учит Его и поясняет Ему, то как бы заповедует. Как бы учит, когда говорит: *не о мире молю;* а как бы заповедует, когда говорит: *Аз соблюдах их доселе, и никтоже погибе,* и: так и Ты *соблюди их.* И опять: *Твои беша, и Мне их дал еси,* и: *егда бех в мире, Аз соблюдах их.* Но разрешение на все в том, что все эти слова сказаны были приспособительно к их немощи. Сказав, что *никтоже от них погибе, токмо сын погибельный,* Он прибавил: *да сбудется писание.* О каком Он говорит Писании? О том, которое многое о Нем предсказывает. Но (Иуда) погиб не потому, чтобы через это исполнилось Писание. Касательно этого я уже много и прежде говорил, что это особенный оборот свойственный Писанию – представлять как бы причиной то, что сбывается впоследствии. И если мы не хотим ошибаться, то должны все тщательно исследовать – и свойство говорящего, и предмет (речи), и законы, свойственные Писанию. *Братие, не дети бывайте умы* (1 Кор. XIV, 20).

3. Но это надобно прилагать не к разумению только Писания, но и к жизни. Малые дети не ищут, действительно, великого, а обыкновенно удивляются ничего не стоящему. Так, они с радостью смотрят на колесницы, коней, возничего и колеса, когда все это сделано из глины; а если видят действительно царя, сидящего на золотой колеснице, и запряженных белых лошаков, и великую пышность, – не обращают и внимания. Или еще: получив куклу, сделанную из того же вещества и представляющую невесту, они наряжают ее; а на невест

настоящих и блистающих красотой и не взглянут. Так поступают они и во многих других случаях. Этому же ныне подвержены многие и из взрослых. Слыша о небесном, они не обращают и внимания, а ко всему бренному пристрастны, как дети, — изумляются земному богатству, высоко ценят и славу, и наслаждение в настоящей жизни, хотя все это — такие же детские (игрушки), как и те, а небесное доставляет жизнь, и славу, и успокоение. И как дети, лишаясь игрушек, плачут, а небесного и пожелать не умеют, так точно и многие из тех, которых считают мужами. Поэтому-то сказано: *не дети бывайте умы*. Ты любишь, скажи мне, богатство? Зачем же ты любишь не богатство пребывающее, а детские игрушки? Ведь, если бы ты увидел, что кто-нибудь дорожит свинцовой монетой и наклоняется, чтобы поднять ее, — не заключил ли бы ты о его большой бедности? А ты собираешь вещи еще более ничтожные, и считаешь себя в числе богатых! Есть ли в этом какой-нибудь смысл?

Нет, богатым мы назовем того, кто презирает все настоящее, потому что никто, поистине никто не решится пренебречь этими ничтожными вещами — серебром, золотом и другими призрачными благами, если не имеет любви к большему, точно так же, как — и свинцовой монетой, если не имеет золотых монет. Потому и ты, когда видишь человека, оставляющего без внимания весь мир, будь уверен, что он это делает не по чему-нибудь другому, а именно потому, что имеет в виду мир лучший. Так и земледелец пренебрегает небольшим количеством пшеницы, потому что надеется на большую жатву. Если же, при неверной еще надежде, мы пренебрегаем тем, что имеем, то тем более должны поступать так при ожидании несомненном. Потому-то я прошу и умоляю — не вредите самим себе и, владея грязью, не лишайте себя сокровищ горних,

не ведите в пристань корабля с соломой и мякиной. Пусть, что хотят, говорят обо мне, пусть сердятся на меня за частое повторение этого увещания, пусть называют меня пустословом, докучливым, несносным: я никогда не перестану увещевать в этом и постоянно буду повторять всем вам эти пророческие слова: *грехи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогих* (Дан. IV, 24). *И обеси тыя на своей выи, да не днесь убо сотвориши, утре же оставиши.* Как это тело требует ежедневной пищи, так или еще гораздо более – и душа. И если мы не будем питать ее, она становится слабее и постыднее. Не станем же презирать ее, когда она гибнет и томится голодом. Много ран она получает каждый день – от пожеланий, от гнева, от нерадения, от злословия, мщения и зависти: надобно, следовательно, приготовлять для нее и лекарства. А не маловажно лекарство милостыни: его можно прилагать ко всем ранам. *Дадите,* сказал (Господь), *милостыню, и се вся чиста вам будет* (Лк. XI, 41), – милостыню, но не то, что приобретено любостяжанием, потому что уделяемое от приобретенного любостяжанием не имеет значения, хотя бы ты подавал и нуждающимся. Так, истинная милостыня свободна от всякой неправды, и она-то все делает чистым. Такая милостыня лучше и поста, и лежанья на земле. Хотя эти подвиги тяжелее и труднее, но она – плодотворнее. Она просвещает душу, утучняет ее и делает благообразной и прекрасной. Не столько плод маслины оживляет силы борцов, сколько этот елей укрепляет подвижников благочестия. Будем же умащать им свои руки, чтобы успешно поднимать их на противника. Кто старается быть милосердым к нуждающемуся, тот скоро отстанет и от любостяжания. Кто постоянно подает бедным, тот легко и от гнева отстанет, и никогда не будет высоко думать о себе. Как врач, постоянно пользующий раненых,

легко смиряется, вглядываясь в человеческую природу при несчастных случаях с другими, так и мы, если решимся помогать бедным, удобно научимся любомудрствовать, не будем дивиться богатству и не станем считать настоящего чем-нибудь великим; но будем пренебрегать всем и, воспарив к небу, удобно достигнем вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXII

Аз дах им слово Твое, и мир возненавиде их, яко не суть от мира, якоже и Аз от мира несмь (Ин. XVII, 14)

1. Когда мы, живя добродетельно, подвергаемся преследованию людей злых и за привязанность к добродетели терпим от них осмеяние, — не будем печалиться и скорбеть. Таково уже свойство добродетели, что она, обыкновенно, в людях злых возбуждает к себе ненависть. Завидуя тем, кто хочет жить праведно, и думая самим себе приготовить оправдание, если очернят добрую славу других, злые люди ненавидят (добрых), как идущих противоположным путем, и всячески стараются обесславить их жизнь. Но не будем сокрушаться, потому что ненависть злых служит знаком добродетели. Потому-то и Христос говорит: *аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы* (Ин. XV, 19), и опять в другом месте: *горе* вам, *егда добре рекут вам еси человецы* (Лк. VI, 26). Поэтому же и здесь Он говорит: *дах им слово Твое, и мир возненавиде их.* Этим опять высказывает причину, по которой они достойны великого попечения Отца. За Тебя, говорит, и за слово твое они подверглись ненависти; поэтому достойны всего промышления.

Не молю, да возмеши их от мира, но да соблюдеши их от неприязни (ст. 15). Снова поясняет Свою речь, снова делает ее вразумительнее, – чем не иное что показывает, как только то, что Он много заботится об учениках, так как молится за них с таким тщанием. Но ведь Он сказал, что Отец все сделает, чего бы они ни попросили. Почему же здесь сам молится за них? Это, как я сказал, только для того, чтобы выразить любовь к ним. *От мира не суть, якоже и Аз от мира несмь* (ст. 16). Как же Он в другом месте говорит: *ихже дал еси Мне от мира, Твои беша* (ст. 6)? Там Он разумеет природу, а здесь – злые дела. Таким образом многое говорит в похвалу учеников, и во-первых, что они *не суть от мира,* потом, что сам Отец дал их, что они соблюли слово Его и что за это их ненавидят. А что Он говорит: *якоже и Аз от мира несмь,* – этим не смущайся. Слово: *якоже* не означает здесь совершенного сходства. Как в таком случае когда говорится о Христе и об Отце, словом: *якоже* выражается полное равенство, по сродству Их естества, так и тогда, когда говорится о нас и о Христе, оно допускает великое различие, по причине великой и беспредельной разности между Его и нашим естеством. И если Христос *беззакония не сотвори, ниже обретеся лесть во устех Его* (Ис. LIII, 9), то как могут быть сравниваемы с Ним апостолы? Что же значат слова Его: *от мира не суть?* Они имеют в виду другой (мир), – у них ничего нет общего с землей, – они сделались небесными гражданами. И этим так же Он показывает Свою любовь, – так как хвалит их перед Отцом и поручает их Родившему. Сказав же: *соблюди их,* Он сказал не только об избавлении их от опасностей, но и об утверждении в вере. Потому и прибавил: *святи их во истину твою* (ст. 17), – сделай святыми преподанием Святого Духа и правых догматов. Как прежде сказал: *чисти есте за слово, еже глаголах вам* (XV, 3), так и теперь говорит то же са-

мое: наставь их, научи истине. Но ведь Он сказал, что это делает Дух: как же теперь просит об этом Отца? Это опять для того, чтобы ты познал равночестие. А исповедание правых догматов о Боге, действительно, освящает душу. Не удивляйся и тому, что Он приписывает освящение слову. А что Он говорит о догматах, это видно из того, что Он прибавил: *слово Твое истина есть,* то есть нет в нем ничего ложного, но все сказанное должно непременно исполниться; нет так же ничего образного, ничего телесного. Так и Павел говорят о Церкви, что Христос освятил ее – *в глаголе* (Еф. V, 26). Значит, и глагол Божий может очищать. Впрочем, мне кажется, что выражение: *святи их* значит и нечто другое, именно: отдели их для слова и проповеди. И это опять видно из дальнейших слов. *Якоже Мене,* говорит Христос, *послал еси в мир, и Аз послал их в мир* (ст. 18). То же говорит и Павел: *положив в нас слово примирения* (2 Кор. V, 19). Действительно, для чего пришел Христос, для того и апостолы обошли вселенную. Но слово: *якоже* опять и здесь не означает равенства между Им и апостолами: иначе каким бы образом люди могли быть посланы? А говорить о будущем, как о прошедшем, – дело Ему обыкновенное. *И за них Аз свящу Себе, да и тии будут священи во истину* (ст. 19). Что значит: *свящу Себе?* Приношу Тебе жертву. Жертвы же все называются святыми, как и действительно свято все, принесенное Богу. Но так как в Ветхом Завете освящение было в прообразе, под видом овцы, а теперь оно уже не в прообразе, но в самой истине, то Он говорит: *да и тии священи будут во истину* Твою. И их самих Я посвящаю Тебе, и делаю приношением. Это Он говорит или потому, что Глава их делается жертвой, или потому, что они и сами будут жертвой. *Представите,* сказано, *уды ваши жертву живу, святу* (Рим. XII, 1), и еще: *вменихомся, яко овцы заколения* (Пс. XLIII, 23). Таким образом и без смер-

ти Он делает их жертвой и приношением. А что словом: *священу* Он намекал на Свою жертву, это видно из того, что следует далее. *Не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя* (ст. 20). Так как Он умер за верующих, а между тем сказал: *за них Аз священу Себе*, то, чтобы кто не подумал, что Он умер только за апостолов, Он прибавил: *не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя* (ст. 20).

2. Через это Он опять ободрил их души, показав, что будет много учеников. Так как Он сделал общим достоянием то, что им принадлежало по преимуществу, то опять утешает их, объявляя, что они же будут виновниками и спасения других. А сказав и о спасении их, и об освящении верой и жертвой, Он говорит, наконец, о единомыслии и тем заключает Свое слово. Этим Он начал, этим и оканчивает. Вначале Он сказал: *заповедь новую даю вам* (XIII, 34), а теперь: *да едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе* (ст. 21). Слово: *якоже* опять не означает, по отношению к ученикам, точного равенства, потому что для них таковое и невозможно было. Оно значит: сколько возможно для людей, — подобно тому, как и в словах: *будите милосерди, якоже и Отец ваш* (Лк. VI, 36). А что значит: *в нас?* По вере в Нас. Так как ничто столько не соблазняет всех, как раздор, то он старается, чтобы были едино. Что же, скажешь, — достиг ли Он этого? И очень достиг, — потому что все, уверовавшие через апостолов, суть едино, хотя некоторые из них и отделились. Впрочем, и это (отделение) не укрылось от Него; напротив, Он предсказал и о нем, и показал, что оно происходит от человеческого нерадения. *Да и мир веру имет, яко Ты Мя послал еси* (ст. 21). Это же самое Он говорит и в начале: *о сем разумеют еси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (XV, 35). Но каким образом другие могли через это уверовать? Уверуют, говорит, пото-

му что Ты — Бог мира. Итак, если они будут соблюдать все то, чему научились, то слушающие их узнают Учителя по ученикам. Если же они будут в несогласии, то никто не скажет, что они — ученики Бога мира; а не признавая Меня миротворцем, никто не будет исповедовать и того, что Я послан Тобой. Видишь ли, как до самого конца Он старается утвердить Свое единомыслие с Отцом? *И Аз славу, юже дал еси Мне, дах им* (ст. 22), то есть славу чудес, славу учения и славу — да будут единодушны, потому что и в том слава *да будут едино* и слава — больше чудес. Как по отношению к Богу мы изумляемся, что в естестве Его нет ни несогласия, ни борьбы, и это — величайшая слава, так, говорит, и они да прославятся тем же. Но почему же, скажешь, Он просит Отца даровать им это, тогда как, по Его же словам, дает сам? Говорит ли Он, действительно, о чудесах, или о единомыслии, или о мире, — везде видно, что Он сам преподал им это. Все это показывает, что Он просит для утешения их. *Аз в них, и Ты во Мне* (ст. 23). Каким образом Он дал славу? Тем, что Он пребывал в них сам, имея с Собой и Отца, чтобы теснее соединить их. А в другом месте Он говорит не так: не через Него Отец придет, но сам Он и Отец придут, и обитель у него сотворят (Ин. XIV, 13). Таким образом там Он уничтожает мнение Савеллия, а здесь — Ария. *Да будут совершени во едино, и да разумеет мир, яко Ты Мя послал еси* (ст. 23). Часто повторяет это, чтобы показать, что мир может привлекать больше, чем чудеса. И действительно, как вражда имеет силу разделять, так согласие — соединять. *И Я возлюбил их, якоже Мене возлюбил еси* (ст. 23). Опять и здесь слово: *якоже* означает — столько, сколько человек может быть любим. А доказательство этой любви то, что Он Себя самого предал за них. Сказав таким образом, что будут в безопасности, что они не совратятся, что они будут святы,

что многие уверуют через них, что они сподобятся великой славы, что не только сам Он возлюбил их, но и Отец, – Христос говорит, наконец, и о том, что будет (с ними) по отшествии отсюда, о наградах и венцах, им уготованных. *Отче*, говорит Он, *ихже дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною* (ст. 24). А этого они всегда и домогались, говоря: *камо идеши* (Ин. XIV, 5)? Но что Ты говоришь? Ты просишь, чтобы получить это, а сам еще не имеешь? Как же Ты сказал им: *сядите на двоюнадесяте престолу* (Мф. XIX, 28)? Как обещал много и другого, еще большого? Видишь ли, что Он говорит все это приспособительно? Иначе, как бы Он мог сказать: *последи же идеши* (Ин. XIII, 36)? Очевидно, Он говорит так для большого удостоверения в любви. *Да видят славу Мою, юже дал еси Мне* (ст. 24). Это опять доказательство единомыслия с Отцом. Оно, конечно, выше прежних, потому что Он сказал: *прежде сложения мира;* но и в нем есть некоторое приспособление, так как Он говорит: *дал еси Мне.* Если же это не так, то я очень желал бы спросить противников: тот, кто дает, – дает, конечно, кому-либо существующему? Итак, неужели Отец прежде родил Сына, и уже после дал Ему славу, а сначала оставил Его без славы? Но как можно допустить это? Видишь ли, что слово: *дал* значит то же, что родил?

3. Почему же Христос не сказал: да будут причастниками славы, но: *да видят славу?* Этим Он намекает на то, что все блаженство состоит именно в созерцании Сына Божия; а отсюда происходит уже и слава. Так и Павел говорит: *откровенным лицем славу Господню взирающе* (2 Кор. III, 18). В самом деле, как те, которые смотрят на солнечные лучи и наслаждаются прозрачнейшим воздухом, получают удовольствие через зрение, так и тогда, но гораздо в высшей степени, созерцание доставит нам наслаждение. В то же время Христос здесь

показывает, что предметом созерцания будет не то, что подлежит обыкновенному зрению, но некая поразительная сущность. *Отче праведный, и мир Тебе не позна* (ст. 25). Что это значит? Какая здесь последовательность? Этим показывает, что никто не знает Бога, кроме тех, которые познали Сына. Смысл слов Его следующий: Я хотел бы, чтобы все были в этом состоянии; но не (все) познали Тебя, хотя и ничего не могут сказать в свое оправдание. Вот это именно и значат слова: *Отче праведный.* В этих словах, мне кажется, Он выражает и негодование на то, что не хотели познать столь Благого и Праведного. Так как иудеи говорили, что Бога они знают, а Его не знают, то против этого Он говорит: *яко возлюбил Мя еси прежде сложения мира* (ст. 24), и тем защищает Себя от иудейских обвинений. В самом деле, тот, Кто приял славу, Кто возлюблен прежде сложения мира, Кто желает их самих иметь свидетелями этой славы, — как мог быть Он противником Отцу? Несправедливо, значит, то, что говорят иудеи, будто они знают Тебя, а Я не знаю; напротив, Я знаю Тебя, другие же Тебя не познали. *И сии познаша, яко Ты Мя послал еси* (ст. 25). Видишь ли, что Он намекает на тех, которые говорили, будто Он не от Бога, и к этому направляет все слово? *И сказах им имя Твое, и скажу* (ст. *26)*. Но ведь Ты сказал, что совершенное знание даруется Духом? Так; но что принадлежит Духу, то — Мое. *Да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них* (ст. 26). Когда они уразумеют, кто Ты, тогда узнают, что Я не чужд, но весьма любим, что Я истинный Сын и соединен с Тобой. Убедившись же в этом, как должно, они соблюдут и веру в Меня, и твердую любовь. А когда они будут любить, как должно, тогда Я буду пребывать в них. Видишь ли, к какому прекрасному Он пришел концу, заключив речь словом о любви, матери всех благ? Будем же веровать и любить Бога, чтобы и о нас не было

сказано: *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся Его* (Тим. I, 16), и еще: *веры отвергся есть, и невернаго гортий есть* (1 Тим. V, 8). В самом деле, если неверный оказывает пособие и рабам, и сродникам, и чужим, а ты не заботишься и о принадлежащих к твоему роду, то какое, наконец, будет тебе оправдание, когда через тебя Бог подвергается хуле и поношению? Посмотри, сколько Бог дал нам поводов к благотворительности. Одного, говорит Он, милуй, как сродника, другого – как друга, третьего – как соседа, того – как согражданина, этого – как человека. Если же ничто это не трогает тебя, но ты разрываешь все узы, то узнай от Павла, что ты хуже неверного. Тот, ничего не слышавший о милостыне, ничего о том, что на небе, превзошел тебя человеколюбием; а ты, обязанный любить самих врагов, смотришь на своих, как на врагов, и деньги бережешь больше, чем людей. Между тем деньги, будучи истрачены, не потерпят никакого вреда; а человек, оставленный без призрения, погибнет. Что это за безумие – беречь деньги и не беречь родных! Откуда вселилась эта страсть? Откуда это бесчеловечие и жестокость?

4. Если бы кто, севши как бы на вершине зрелища, взглянул на весь мир, – или лучше, ограничимся пока, если хотите, одним нашим городом, – так, если бы кто, севши на высоком месте, мог разглядеть все человеческое, – подумай, сколько увидел бы он безрассудства, сколько пролил бы слез, каким посмеялся бы смехом, сколько почувствовал бы ненависти! Мы, действительно, поступаем так, что наши дела и смешны, и глупы, и жалки, и ненавистны. Вот один кормит собак, чтобы ловить диких зверей, а сам впадает в зверство; другой – ослов и волов, чтобы возить камни, а презирает людей, истаивающих от голода: тратит бездну золота, чтобы соорудить каменных людей, а людей настоящих, которые от бедствий сделались каменными, оставляет в

небрежении. Иной собирает драгоценные камешки и с большим трудом убирает ими стены, а видя нагие члены нищих, нисколько не трогается. Одни к своим одеждам придумывают еще одежды, а между тем, другие не имеют, чем покрыть и нагого тела. В судах, опять, один пожирает другого. Иной расточает все на блудниц и тунеядцев; другой — на комедиантов и плясунов; иной — на пышные постройки, на покупку сел и домов. Опять, один вычисляет проценты, другой — проценты на проценты; иной сочиняет бумаги, наполненные многими убийствами и даже ночью не имеет отдыха, неусыпно бодрствуя на пагубу другим. Едва настал день, один бежит на прибыль неправедную, другой — на трату беспутную, а иные — на казнокрадство. Вообще, об излишнем и запрещенном много заботы, а о необходимом нет и мысли. Судящие носят, действительно, имя судей, а поступают, как разбойники и человекоубийцы. Если кто рассмотрит тяжбы или завещания, тот опять и здесь найдет множество зла, — коварство, воровство, злые умыслы. И об этом все попечение, а о духовном нет и мысли. В церковь все приходят только для того, чтобы поглазеть; но от нас требуется не это, — нам нужны дела и чистая душа. Если же ты весь день истратишь на любостяжание, и потом, придя (в церковь), скажешь несколько слов, то не только не умилостивишь Бога, но еще более раздражишь Его. Если ты хочешь преклонить на милость твоего Господа, то покажи дела: познай множество всякого рода бедствий, призри нагих, алчущих, обижаемых. Бог открыл тебе тысячи путей к человеколюбию. И так, не будем обманывать самих себя, живя напрасно и даром, и не будем небрежны потому, что теперь здоровы. Мы уже не раз подвергались болезни и, дойдя до крайней степени изнеможения, умирали от страха и ожидания будущего. Помышляя об этом, будем думать, что опять можем подвергнуться тому же; приоб-

ретем тот же самый страх и сделаемся лучшими, – так как настоящие наши дела достойны тысячи осуждений. Заседающие в судах подобны львам и псам, а торгующие на рынках – лисицам. Да и те, которые живут, не занимаясь никакими делами, – и те пользуются свободой от дел не как должно, но губят весь досуг на театры и происходящие оттуда дурные дела. И нет никого, кто обличал бы за все это; а соревнующих и сокрушающихся, что сами не могут делать наравне с другими, – много. Но и эти последние также подвергнутся наказанию, хотя они и не делают худого, потому что *не точию сия творят, но и соизволяют творящим* (Рим. I, 32). Наклонности их одинаково растленны, а из слов апостола видно, что будет наказание и за сердечное расположение. Каждый день я говорю это и не перестану говорить. Если кто послушает, – хорошо; а если и никто не обратит внимания, то все же вы услышите это тогда, когда вам не будет от того никакой пользы, и вы станете укорять самих себя, а я буду чист от вины. Но не дай Бог, чтобы я имел только это оправдание; нет, я желал бы, чтобы вы были и похвалой для меня перед судилищем Христовым, чтобы вместе насладиться небесными благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXIII

И сия рек Иисус, изыде со ученики Своими на он пол потока кедрска, идеже бе вертоград, в онь же вниде сам и ученицы Его (Ин. XVIII, 2)

1. Страшна смерть и великого исполнена ужаса, но – не для тех, кому известно высшее любомудрие. Кто ничего ясно не знает о будущем, но считает смерть

разрушением и окончанием жизни, тому естественно страшиться и ужасаться ее, потому что он как бы отходит в небытие. А мы, по благодати Божией, познавшие безвестные и тайные премудрости Его, и считающие смерть переселением, мы были бы неправы, если бы стали трепетать ее; напротив, мы должны радоваться и благодушествовать, потому что, оставляя эту временную жизнь, мы отходим к другой, гораздо лучшей, блистательнейшей и не имеющей конца. Вот этому-то и Христос научает нас самым делом, идя на страдание не по насилию и необходимости, но добровольно. *Сия рек Иисус,* сказано, *изыде со ученики Своими на он пол потока кедрска, идеже бе вертоград, в онь же вниде сам и ученицы Его. Ведяше же и Иуда, предаяй Его, место, яко множицею собирашеся ту Иисус со ученики Своими* (Ин. XVIII, 1–2). Идет среди ночи, переходит поток, спешит достигнуть места, известного предателю, и через то избавляя злоумышленников от труда и освобождая их от всякого беспокойства, показывает ученикам, что идет на страдание добровольно, — а это в особенности могло утешить их, — и заключает Себя в саду, как бы в темнице. *Сия рек* им. Что ты говоришь? Ведь Он беседовал с Отцом, ведь Он молился? Почему же ты не говоришь, что Он пришел туда, окончив молитву? Потому, что то была не молитва, но речь — ради учеников. С Ним вошли и ученики Его в сад. До такой степени Он избавил их от боязни, что они не только уже не противоречат, но и вошли в сад. Но каким образом пришел туда Иуда? Какое он имел побуждение идти туда? Из этого видно, что Христос часто проводил ночи вне дома. Иначе, если бы Он всегда проводил ночь дома, — Иуда не пришел бы в пустое место, но пошел бы в дом, в надежде найти Его там спящим. А чтобы ты, услышав о саде, не подумал, что Христос скрывался, Евангелист присовокупил: *ведяше Иуда место,* — и не только это, но

еще и то, что *множицею собирашеся ту со ученики Своими.* Действительно, Он часто бывал с ними наедине и беседовал о предметах необходимых, о которых другим не следовало слышать. Это Он делал по преимуществу в горах и в садах, всегда изыскивая местность, удаленную от шума, чтобы внимание не отклонялось от слушания. *Иуда убо, прием спиру и от архиерей и фарисей слуги, прииде тамо* (ст. 3). Те неоднократно и прежде посылали схватить Его, но не могли. Из этого видно, что Он и теперь предал Себя добровольно. Но каким образом уговорили спиру? Это были солдаты, готовые делать все за деньги. *Иисус же, ведый вся грядущая нань, изшед рече им: кого ищете* (ст. 4)? То есть не теперь только и не из того, что они пришли, Он узнал об этом, но уже наперед знал все это и потому без смущения говорил и действовал. Почему же они приходят с оружием, намереваясь схватить Его? Они боялись Его последователей. По этой же причине они и напали на него поздно ночью. *Изшед рече им: кого ищете? Отвещаша Ему: Иисуса Назорея* (ст. 4, 5). Видишь ли непреоборимую силу, — как Он, находясь среди них, ослепил глаза их? А что не темнота была причиной — это показал Евангелист, сказавши, что они имели и светильники. Да если бы и не было светильников, все же они должны были бы узнать Его по голосу. Если же они и не знали Его, то как мог не узнать Иуда, который неразлучно находился с Ним? Ведь и он стоял вместе с ними, и однако ж, не только, подобно им, не узнал Его, но и повергся вместе с ними на землю. Это сделал Иисус для того, чтобы показать, что без Его соизволения они не только не могли бы взять Его, но и увидеть Его, хотя Он находился среди них. *Паки вопроси их: кого ищете* (ст. 7)? О, безумие! Слово Его повергло их на землю; а они и после того, как испытали столь великую силу, не обратились, но опять устремляются на то же. Потому,

исполнив с Своей стороны все, Он, наконец, предает Себя и говорит им: *рех вам, яко Аз есмь* (ст. 8). *Стояше же и Иуда, иже предаяше Его* (ст. 5). Заметь незлобие Евангелиста: он не поносит предателя, но рассказывает событие, стараясь одно лишь показать, что все произошло по Его соизволению. А чтобы кто-нибудь не сказал, что Он сам расположил их к тому, — так как сам Себя отдал им и объявил Себя перед ними, — Христос сначала сделал все, что могло отклонить их от предприятия, и уже тогда, как они остались упорными в злобе и не имели никакого оправдания, предал им Себя, говоря: *аще убо Мене ищете, оставите сих ити* (ст. 8). Так до последней минуты выказывает Свою любовь к ученикам! Если, говорит, вы во Мне имеете нужду, то не трогайте их. Вот Я сам Себя предаю вам. *Да сбудется слово, еже рече, яко не погублю от них никогоже* (ст. 9). Под именем погибели разумеет здесь не эту смерть, но ту — вечную; а Евангелист принял эти слова и в смысле настоящей смерти. Может быть, кто-нибудь удивится, как не взяли вместе с Ним и не умертвили апостолов, особенно, когда Петр раздражил их своим поступком с рабом. Кто же удержал их? Не другой кто, а та же сила, которая повергла их на землю. Потому-то и Евангелист, желая показать, что это произошло не по их воле, но по силе и воле Того, Кто был взят ими, и присовокупил: *да сбудется слово, еже рече, яко никтоже от них погибе.*

2. Ободренный этими словами, равно как и тем, что уже совершилось, Петр поднимает в это время оружие против пришедших. Но как же, скажешь, был нож у того, кому заповедано было не иметь ни дорожной сумы, ни двух одежд (Мф. X, 9)? Мне кажется, Петр боялся именно этого, и потому заранее приготовил. Если же ты спросишь: каким образом тот, кому дано повеление не ударять в ланиту, делается человекоубий-

цей, — (я отвечу), что, действительно, ему заповедано было не мстить за себя; но здесь он мстил не за себя самого, а за своего Учителя. Притом же ученики не были еще вполне совершенны. Если ты хочешь видеть Петра любомудрствующим, то посмотри на него впоследствии, когда он подвергается ранам и переносит их с кротостью, терпит бесчисленное множество бедствий и не раздражается. А Христос и здесь совершает чудо и тем в одно и то же время и научат нас благодетельствовать зло творящим, и обнаруживает Свою силу. Рабу Он возвращает ухо, а Петру говорит: *вси приемшии нож, ножем погибнут* (Мф. XXVI, 52). Как поступил при умовении (ног), смирив горячность Петра угрозой, так поступает и здесь. А о имени раба Евангелист упоминает по той причине, что это событие было весьма важно не потому только, что Христос исцелил, но и потому что исцелил человека, который пришел взять Его и немного после имел ударить Его в ланиту, что этим Он отстранил долженствовавшую возникнуть отсюда брань на Его учеников. Поэтому-то Евангелист сказал и имя, чтобы тогдашние читатели могли изыскать и исследовать, действительно ли это так было. Не без намерения также он говорит и о правом ухе; этим, как мне кажется, он хотел показать горячность апостола, так как он устремился почти на самую голову. Но Иисус не только Петра останавливает угрозой, но и других утешает следующими словами: *чашу, юже даде Мне Отец, не имам ли пити ея* (ст. 11)? Этим Он показывает, что все, что теперь совершается, зависит не от силы врагов, но от Его соизволения, а вместе с тем обнаруживает, что Он не противник Божий, но послушен Отцу даже до смерти. Тогда-то уже *яша Иисуса, и связаша Его, и ведоша Его ко Анне первее* (ст. 12, 13). Для чего же к Анне? От полноты удовольствия они хвалились этим событием, как бы одержали победу. Анна *бе*

тесть Каиафе. Бе же Каиафа давый совет Иудеом, яко уне есть единому человеку умрети за люди (ст. 13, 14). Для чего Евангелист опять напомнил нам это пророчество? Для того чтобы показать, что все это совершилось для нашего спасения, и что таково величие этой истины, что и сами враги предвозвещали о том. Итак, чтобы слушатель не смутился, услышав об узах, напоминает об этом пророчестве, то есть — что смерть Его была спасением для вселенной. *По Иисусе же идяше Симон Петр и другий ученик* (ст. 15). Кто этот другой ученик? Тот, кто написал об этом. Почему же он не называет себя по имени? Когда он возлежал на персях Иисусовых, тогда была у него причина скрыть Свое имя: но почему он это делает теперь? По той же самой причине. В самом деле, и здесь он повествует о великом подвиге, то есть что в то время, когда все разбежались, он последовал. Поэтому-то он скрывает свое имя и о Петре упоминает прежде, чем о себе. О себе же он был вынужден упомянуть здесь, чтобы показать, что он обстоятельнее всех других рассказывает о происшествиях во дворе, потому что он сам был внутри двора. И смотри, как он отстраняет от себя похвалу! Чтобы кто-нибудь не сказал, что он в то время, как все удалились, прошел даже далее Симона, он говорит: *знаем бе архиереови* (ст. 15), — чтобы никто не удивлялся тому, что он последовал, и никто не превозносил его за мужество.

Напротив, поведение Петра, точно, удивительно: он был весьма боязлив, и однако же дошел до самого двора, тогда как все другие удалились. Что он пришел туда, это показывает его любовь; а что он не вошел во двор, это зависело от его страха и боязни. Для того именно Евангелист и описал это, чтобы наперед приготовить извинение его отречению. О себе же самом он, не как что-нибудь важное, замечает, что он *знаем бе архиереови;*

но так как сказал, что он один вошел с Иисусом, то, чтобы ты не подумал, что это было делом его великой души, он выставляет на вид и причину этого поступка. А что и Петр вошел бы, если бы ему было дозволено, показал это в последующем повествовании. Действительно, когда (Иоанн) вышел и приказал привратнице ввести его, Петр тотчас вошел. Почему же он сам не ввел его? Он не отставал от Христа, но следовал за Ним, и потому приказал женщине ввести Петра. Что же эта женщина? *Еда и ты ученик еси человека сего?* А он отвечает: *несмь* (ст. 17). Что ты говоришь, Петр? Не сказал ли ты недавно, что, если надобно будет мне и душу свою положить за Тебя, я положу? Итак, что же случилось, что ты не в состоянии перенести даже вопроса привратницы? Разве воин спрашивал тебя? Разве один из тех, которые взяли? То была простая и ничтожная привратница, да и вопрос был не резкий. В самом деле, она не сказала: и ты ученик этого обманщика и губителя, но — *человека сего;* а это, скорее, были слова сострадающей и соболезнующей. Но Петр и этого не вытерпел. А слова: *еда* и *ты* — сказаны потому, что Иоанн был уже во дворе. Так кротко говорила эта женщина! Но ничего этого не заметил и не обратил на это внимания ни в первый раз, ни во второй, ни даже в третий, доколе алектор не возгласил; да и это не образумило его, пока Иисус не взглянул на него с горестью. Он стоял с слугами архиерейскими и грелся (ст. 18), а Христос, связанный, содержался в доме. Впрочем, это говорим мы не с тем, чтобы осудить Петра, но чтобы показать истину слов Христовых. *Архиерей же вопроси Иисуса о ученицех Его, и о учении Его* (ст. 19).

3. Какое лукавство! Теперь он хочет узнать, между тем как постоянно слышал Христа, когда Он проповедовал во храме и учил открыто! Не имея возможности ни в чем обвинить Его, стали спрашивать об учениках,

вероятно, о том — где они, для чего Он их собрал, с каким намерением и с какой целью. Все же это говорил с желанием обличить Его, как возмутителя и нововводителя, как будто никто другой не внимал Ему, кроме их одних, как будто то было какое-нибудь злое скопище. Что же Христос? Опровергая это, Он говорит: *Аз не обинуяся глаголах мiру* (ст. 20), — а не ученикам наедине; Я открыто учил в церкви. Что же? Разве Он ничего не говорил втайне? Говорил, но не потому, как думали они, — не из боязни и не с намерением произвести возмущение, а только в тех случаях, когда преподаваемое Им учение превышало понятие простого народа. *Что Мя вопрошаети? Вопроси слышавших* (ст. 21). Это слова не человека надменного и упрямого, но твердо уверенного в истине своих слов. Что Он вначале говорил: *аще Аз свидетельствую о Мне, свидетельство Мое несть истинно* (Ин. V, 31), то же самое выражает и теперь, желая представить свидетельство вполне достоверное. В самом деле, так как архиерей спрашивал Его об учениках, как учениках, то Он отвечает: Меня ты спрашиваешь о Моих? Спроси врагов, наветников, тех, которые связали Меня: пусть они говорят. Ведь самое несомненное доказательство истины, когда кто призывает врагов в свидетели своих слов. Что же архиерей? Ему надобно было бы произвести такое исследование, но он этого не сделал, а между тем зато, что Христос сказал так, *един от предстоящих слуг удари Его о ланиту* (ст. 22). Что может быть наглее этого? Ужаснись небо, вострепещи земля при таком долготерпении Владыки и при такой несправедливости рабов! И что же было Им сказано? Ведь Он сказал: *что Мя вопрошаеши* — не потому, чтобы отказывался отвечать, но потому, что хотел устранить всякий повод к несправедливости. И между тем, как за такой ответ Его ударили в ланиту, Он, несмотря на то, что мог все поколебать и истребить и ниспровергнуть, —

ничего такого не делает, а напротив, произносит слова, могущие укротить всякое зверство. *Аще зле,* говорит, *глаголах, свидетельствуй о зле,* то есть, если ты можешь порицать Мои слова, докажи это, если же не можешь, *что Мя биеши* (ст. 23)? Видишь ли судилище, исполненное шума, смятения, ярости и бесчинства? Архиерей спрашивал злонамеренно и коварно; Христос отвечал прямо и как должно. Что же затем следовало сделать? Опровергнуть или принять слово Его. Но этого не делают; а раб ударяет Его в ланиту. Значит, это уже не судилище, а заговор и насилие. Потом, так как и при всем этом не нашли ничего, то отсылают *Его связаннаго к Каиафе* (ст. 24).

Бе же Симон Петр стоя и греяся (ст. 25). О, в какую бесчувственность погружен был этот горячий и пламенный человек в то время, как отводили Иисуса! И после всего этого, он даже не трогается с места, но все еще греется, – чтобы ты знал, как велика слабость нашей природы, когда ее оставит Бог. И когда спросили его, – он опять отпирается. Затем родственник раба, *емуже Петр уреза ухо,* негодуя на этот поступок, говорит: *не аз ли тя видех в вертограде* (ст. 26)? Но ни сад, ни пламенная любовь, которую там выказал (Христос) в беседе с учениками, не привели ему на память то, что было: он все это забыл от страха. Но для чего все евангелисты согласно написали об этом? Не для того, чтобы осудить ученика, но чтобы нас научить, как худо не возлагать всего упования на Бога, а надеяться на себя. Ты же, с своей стороны, подивись попечительности Учителя: и в то время, как сам находился во власти (врагов) и был связан, Он оказывает великое промышление об ученике, – восстановляет своим взглядом падшего и приводит его в слезы. *Ведоша же Иисуса от Каиафы в претор* (ст. 28). Так было для того, чтобы множество судей, даже против воли, засвидетельствовало, что истину

исследовали с точностью. *Бе же утро* (ст. 28). К Каиафе ведут прежде, нежели алектор возгласил, а к Пилату — утром. Таким обозначением времени Евангелист показывает, что Каиафа целую половину ночи допрашивал Его, но ни в чем не обличил, а потому и отослал к Пилату. Предоставив другим повествовать о том, сам Иоанн говорит о дальнейшем. И смотри, как смешны иудеи! Схватили невинного, взялись за оружие, а в преторию не входят, *да не оскверпятся* (ст. 28). Между тем, какое, скажи мне, осквернение — войти в судилище, где преступники получают законное возмездие? Но те, которые одесятствовали мяту и анис (Мф. XXIII, 23), не думали, что они оскверняются, когда убивают несправедливо; а войти в судилище считали для себя осквернением. Но почему они сами не убили Его, а привели к Пилату? Главным образом потому, что их начальство и власть в то время были уже весьма ограниченны, так как они находились под владычеством у римлян; а с другой стороны, они опасались, чтобы впоследствии времени не быть обвиненными от Пилата и не подвергнуться наказанию. А что значат слова: *да ядят пасху* (ст. 28)? Ведь и сам Христос совершил пасху *в первый день опресночный* (Мф. XXVI, 17)? Или Евангелист называет здесь пасхой весь праздник, или иудеи, действительно, тогда совершали пасху, а Христос совершил ее одним днем прежде, чтобы Его заклание было в пяток, когда совершалась и ветхозаветная пасха. Таким-то образом иудеи, взявшись за оружие, что было непозволительно, и проливая кровь, выказывают особенную разборчивость в отношении к месту и вызывают к себе Пилата. Пилат вышел и говорит: *кую вину приносите на человека сего* (Ин. XVIII, 29)?

4. Видишь ли, насколько он был чужд их властолюбия и зависти? Хотя Христос был связан и приведен таким множеством людей, — не почел этого за несом-

ненное доказательство вины, но спрашивает, признавая несправедливым то, что суд они присвоили себе, а ему предоставили наказание без суда. Что же они? *Аще не бы был сей злодей, не бехом предали Его тебе* (ст. 30). О, безумие! Почему же вы не высказываете самого злодеяния, а прикрываете его? Почему не обличаете зла? Видишь ли, как они везде отказываются от прямого обвинения и ничего не могут сказать? Анна спросил об учении, и выслушав ответ, отослал к Каиафе. Этот, с своей стороны, снова спросил Его и, не найдя ничего, препроводил к Пилату. Пилат говорит: *кую вину приносите на Него?* Но и тут они ничего не могут сказать, а опять прибегают к одним предположениям. Потому-то Пилат в недоумении говорит: *поимите Его вы, и по закону вашему судите Ему. Реша же Иудее: нам не достоит убити никогоже.* Это они сказали, *да слово Иисусово сбудется, еже рече, назнаменуя, коею смертию хотяте умрети* (ст. 31, 32). Но каким образом на это указывали слова: *не достоит убити никогоже?* Евангелист говорит так или потому, что Христос должен был умереть не за них только одних, но и за язычников, или потому, что им нельзя было никого распинать. Если же они говорят: *нам не достоит убити никогоже,* то этим указывают на обстоятельства того времени. А что они убивали, и убивали другим способом, это показывает пример Стефана, побитого камнями. Но Христа они хотели распять, чтобы и самый образ смерти Его сделать позорным. Пилат, желая избавиться от беспокойства, не входит в продолжительное исследование дела; но, войдя, спрашивает Иисуса и говорит: *Ты ли еси царь иудейск?* Иисус отвечал: *о себе ли ты сие глаголеши, или инии тебе рекоша о Мне* (ст. 33, 34)? Для чего Христос спрашивает об этом? Чтобы обнаружить злой умысел иудеев. Пилат слышал уже об этом от многих; но так как иудеи ничего не могли сказать, то, во избежание продолжительного исследования, он ре-

шается выставить на вид то самое, что всегда на Него взводили. Притом, когда он сказал им: *по закону вашему судите Ему,* – они, желая показать, что преступление Его не иудейское, отвечают: *нам не достоит,* то есть Он виновен не против нашего закона, но вина его государственная. Пилат уразумел это и потому, как будто ему самому угрожала опасность, говорит: *Ты ли еси царь иудейск!* Следовательно Христос спрашивает его не по незнанию, но говорит: *инии тебе рекоша* – для того, чтобы и он обвинил иудеев. Это самое высказывает и Пилат, когда говорит: *еда аз жидовин есмь? Род твой и архиерее предаша Тя мне: что еси сотворил* (ст. 35)? Этим он хотел оправдать себя. Но так как он сказал: *Ты ли еси царь иудейск?* – то Иисус, обличая Его, говорит: ты, конечно, слышал об этом от иудеев; почему же не делаешь точнейшего исследования? Они сказали, что Я – злодей; спроси же: какое Я зло сотворил? Но ты этого не делаешь, а просто высказываешь вину. *О себе ли ты сие глаголеши,* или по внушению других? Пилат не мог тотчас сказать, что слышал об этом, но просто ссылается на народ и говорит: *предаша Тя мне,* и потому надобно спросить Тебя, что Ты сделал. Что же Христос? *Царство Мое несть от мира сего* (ст. 38). Он возводит Пилата, который был не очень зол и не похож на иудеев, и хочет показать, что Он не простой человек, но Бог и Сын Божий. И что же Он говорит? *Аще от мира сего было бы царство Мое, слуги Мои убо подвизалися быша, да не предан бых был Иудеом* (ст. 36). Этим Он уничтожил то, чего именно доселе страшился Пилат, – уничтожил подозрение в похищении Им царской власти. Ужели же царство Его не *от мира сего?* Конечно, от мира. Как же Он говорит: *несть?* Это не то означает, будто Он здесь не владычествует, но то, что Он имеет начальство и на небе, и что власть Его не есть человеческая, но гораздо выше и славнее человеческой. Но

если Его власть выше, то каким образом Он взят этой последней? Он предал сам Себя добровольно. Но Он пока не открывает этого, а что говорит? Если бы Я был от мира сего, *слуги Мои убо подвизалися быша, да не предан бых был Иудеом.* Этим показывает слабость царства земного, так как оно получает свою силу от слуг; а горнее царство сильно само по себе и не нуждается ни в ком. Еретики в этих словах находят предлог утверждать, что Христос отличен от Создателя. Но как же о Нем сказано: *во своя прииде* (Ин. I, 11)? И что, с другой стороны, значат слова Его: *от мира не суть, якоже и Аз от мира несмь* (Ин. XVII, 16)? В таком же смысле Он говорит и о царстве, что оно не от мира. Этим Он не отнимает у Себя власти над миром и промышления о нем, но показывает, что царство Его, как я уже сказал, не есть человеческое и скоропреходящее. Что же Пилат? *Убо царь ли Ты? Отвеща Иисус: ты глаголеши, яко царь Аз есмь: Аз на сие родихся* (ст. 37). Если же Он родился царем, то от рождения же имеет и все прочее, и нет у Него ничего, что бы Он приобрел впоследствии. Следовательно, когда ты слышишь: *якоже Отец имать живот в себе, тако даде и Сынови живот имети в себе* (Ин. V, 26), то не представляй здесь ничего другого, кроме рождения. Таким же образом разумей и другие подобные места. *И на сие приидох в мир, да свидетельствую истину* (ст. 37), то есть, чтобы это самое всем возвестить, всех этому научить и всех в этом убедить.

5. Ты же, человек, когда слышишь это и видишь своего Владыку связанным и водимым туда и сюда, почитай за ничто все настоящее. А то с чем сообразно, что тогда как Христос претерпел за тебя столь многое, ты часто не переносишь даже слов! Он подвергается оплеванию, а ты украшаешься дорогими одеждами и перстнями, и если не от всех слышишь похвалы, то считаешь и жизнь не в жизнь. Он терпит поношение,

переносит насмешки и позорные удары по ланитам; а ты хочешь, чтобы тебя все почитали, и не переносишь поношения Христова. Не слышишь ли, что говорит Павел: *подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу* (1 Кор. XI, 1)? Итак, если кто станет осмеивать тебя, — ты вспомни о твоем Владыке: Ему поклонялись с насмешкой, Его бесчестили и словами и делами, над Ним много смеялись; а Он не только не мстил тем же, но за все воздавал противным, — кротостью и терпением. Ему-то станем и мы подражать. Через это мы в состоянии будем избавиться и от всякого оскорбления. В самом деле, не тот, кто оскорбляет, но кто малодушествует и огорчается оскорблением, — бывает причиной оскорбления, так как придает ему язвительность. Ведь если бы ты не огорчился, — оскорбление не было бы для тебя и оскорблением. А чувствовать огорчение от оскорблений, — это зависит не от тех, которые причиняют их, но от тех, которые им подвергаются. Да из-за чего тебе и огорчаться? Если тебя оскорбили несправедливо, в таком случае приличнее всего не негодовать, а жалеть о том (оскорбителе); если же справедливо, то тем более надобно быть спокойным. Как в том случае, когда кто-нибудь назовет тебя богатым, между тем, как ты беден, — такая похвала нисколько не относится к тебе, а скорее служит для тебя насмешкой, так и тогда, когда оскорбляющий тебя скажет что-нибудь такое, чего на самом деле нет, — его порицание также нисколько не относится к тебе. Но если совесть укоряет тебя в том, что сказано (обидчиком), в таком случае не огорчайся его словами, но исправься в своих делах. Это я говорю об оскорблениях действительных. Если же кто станет укорять тебя за бедность и незнатное происхождение, — ты посмейся над ним. Это служит бесчестием не для того, кто слышит, но для того, кто говорит, так как он не умеет любомудр-

ствовать. Но когда это говорится, скажешь, в присутствии многих, которые не знают истины, тогда рана бывает невыносима? Напротив, тогда-то особенно это и выносимо когда предстоит перед тобой множество свидетелей, которые тебя хвалят и одобряют, а того укоряют и осмеивают. Ведь у людей рассудительных не тот пользуется почтением, кто мстит, но тот, кто ничего не говорит в ответ на обиду. Если же между присутствующими не найдется ни одного рассудительного, в таком случае еще более посмейся над своим обидчиком и порадуйся зрелищу небесному, потому что там все тебя похвалят, будут рукоплескать тебе и одобрять тебя. А между тем, достаточно и одного ангела, в сравнении с целой вселенной. И что я говорю об ангелах, когда и сам Господь прославит тебя? В таких-то помышлениях будем упражнять себя. Нет никакого вреда в том, когда мы промолчим в случае оскорбления, а напротив, вредно мстить за оскорбление. Если бы, действительно, было вредно в молчании переносить оскорбительные слова, то Христос не сказал бы: *аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мф. V, 39). Потому, если кто скажет о нас неправду, – будем жалеть о нем, потому что он навлекает на себя наказание и мучение, назначенное за злоречие, и становится даже недостойным читать Священное Писание. *Грешнику бо рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания моя, и восприемлеши завет мой усты твоими? Себя на брата твоего клеветал еси* (Пс. XLIX, 16, 20). А если бы он сказал и правду, – и в этом случае он достоин сожаления. Ведь и фарисей говорил правду; но тем нисколько не повредил тому, кто слушал его, а напротив, еще принес ему пользу, а себя самого лишил бесчисленных благ, потерпев кораблекрушение от этого осуждения. Таким образом, в том и другом случае, кто оскорбляет тебя, терпит вред, а не ты. Ты, напро-

тив, если будешь внимателен, приобретешь сугубую пользу: с одной стороны, ты умилостивишь Бога своим молчанием, а с другой – сделаешься гораздо скромнее, найдешь в сказанных о тебе словах повод к исправлению своих поступков и научишься пренебрегать славой человеческой. А ведь и от того происходило для нас огорчение, что многие крайне пристрастны к мнению людскому. Вот если так мы захотим любомудрствовать, то ясно узнаем, что все человеческое – ничтожно. Научимся же этому и, сообразив свои недостатки, станем мало-помалу исправлять их; определим для себя исправить в настоящий месяц один недостаток, в следующий затем – другой, а еще в следующий – третий. Таким образом, восходя как бы по некоторого рода ступеням, мы достигнем неба по лествице Иаковлевой; мне кажется, эта лествица, вместе с тем зрелищем, какое видел Иаков, между прочим, указывает и на постепенное восхождение по лествице добродетели, по которой можно взойти от земли на небо, – не по ступеням чувственным, но через исправление и улучшение нравов. Приступим же к этому путешествию и к этому восхождению, чтобы достигнуть неба и насладиться там всеми благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXIV

Аз на сие родихся, и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину. Всяк, иже есть от истины, послушает гласа Моего (Ин. XVIII, 37)

1. Чудесная вещь – долготерпение! Оно поставляет душу как бы в тихое пристанище, избавляя ее от волн и зловредных ветров. Христос и всегда нас учил терпению, но в особенности теперь, когда Его судят и водят

по разным местам. Так, когда Его привели к Анне, Он отвечал с великой кротостью и слуге, который ударил Его в ланиту, сказал такие слова, которые могут уничтожить всякую гордость. Отсюда Он перешел к Каиафе, потом к Пилату и, проведя таким образом целую ночь, Он везде и во всем обнаруживал великую кротость. В то время, как о Нем говорили, что Он – злодей, хотя доказать того не могли, – Он стоял молча; а когда был спрошен о царстве, тогда отвечал Пилату, чтобы научить его и возвести к высшим понятиям. Но почему Пилат производит допрос не в присутствии иудеев, но наедине, войдя в преторию? Он имел о Христе довольно высокое понятие, и потому хотел, вдали от смятения иудейского, узнать все в точности. Когда же он спросил: *что сотворил еси,* – Христос в Своем ответе об этом ничего не сказал; а о чем преимущественно желал Пилат услышать, именно о царстве Его, о том сказал следующее: *царство Мое несть от мира сего,* то есть Я, действительно, царь, но не такой, какого ты себе представляешь, а гораздо славнее. Этими и дальнейшими словами Он уже дает заметить, что Он не сделал никакого зла. В самом деле, Кто говорит о Себе: *Аз на сие родихся, и на сие приидох, да свидетельствую истину,* Тот показывает, что Им не сделано никакого зла. Потом, сказавши: *всяк, иже есть от истины, послушает гласа Моего,* – Он привлекает внимание Пилата и склоняет его сделаться слушателем Своих слов. Если кто, говорит, истинен и любит истину, тот непременно будет слушать Меня. И этими немногими словами до того, действительно, пленил Пилата, что тот сказал: *что есть истина* (ст. 38)? Впрочем, (Пилат) продолжал пока заниматься делом, которое не терпело отлагательства. Он понимал, что этот вопрос требовал времени, а между тем хотел избавить Иисуса от неистовства иудеев. Потому-то он вышел и – что говорит? *Аз ни едныя вины обретаю в Нем*

(ст. 38). Смотри, какое благоразумие! Не сказал: так как Он погрешил и достоин смерти, то простите Его для праздника; но сначала оправдал Его от всякой вины, и потом уже с полным правом просит, чтобы они, если не хотят отпустить Его, как невинного, — по крайней мере, пощадили бы Его, как виновного, ради праздника. Поэтому и присовокупил: *есть обычай вам, да единаго вам отпущу на пасху*, и потом, желая преклонить их: *хощете ли убо, да отпущу вам царя иудейска? Возопиша же вси: не сего, но Варавву* (ст. 39. 40). Какое гнусное желание! За подобных себе просят и виновных отпускают, а невинного повелевают предать казни! Таков уже издавна их обычай! Но ты во всем этом замечай человеколюбие Господа, *Би его Пилат* (XIX, 1), — быть может, желая через то утишить и укротить ярость иудеев. В самом деле, так как прежними средствами Он не мог освободить Христа, то, желая этим, по крайней мере ограничить зло, приказал бить Его и позволил делать с Ним все, что было сделано, — возложить на Него *ризу багряну и венец* (ст. 2), чтобы только утишить их гнев. Для того он и вывел Его к Ним в венце, чтобы они, увидевши позор, какому Его подвергли, несколько успокоились от страсти и извергли из себя яд. Но почему воины делали это, если, действительно, не было приказания от начальника? Из угождения иудеям. Так они и вначале, не по его приказанию, пошли ночью, но отважились на все из-за денег, в угождение иудеям. Между тем, Христос и при столь многих и столь великих поруганиях стоял молча, как поступил и при допросе, и ничего не отвечал. А ты не только слушай это, но и непрестанно содержи в своем уме; и когда видишь, что Владыка вселенной и всех ангелов, подвергаясь от воинов поруганию словами и делами, все переносит молчаливо, — поступай также и сам. Пилат назвал Христа царем иудейским; поэтому и

возлагают на Него одежду посмеяния. Затем он вывел Его и говорит: *ни единыя вины не обретаю в Нем* (ст. 4). И вот вышел *носяй венец,* – но и это не погасило ярости иудеев; они кричали: *распни, распни Его* (ст. 5, 6). Тогда Пилат, видя, что все его усилия напрасны, говорит: *поимите Его вы и распните* (ст. 6). Отсюда видно, что и прежние (поругания) он дозволил для укрощения их неистовства: *аз бо,* говорит, *не обретаю в Нем вины* (ст. 6).

2. Смотри, сколько средств употребляет судия, чтобы защитить Его, постоянно объявляя Его невинным; но тех псов ничто уже не могло преклонить. Ведь и эти слова: *поимите и распните* – показывают, что он отрекается и не хочет иметь с ними участия в беззаконном деле. Таким образом они привели Христа с тем, чтобы умертвить Его по приговору начальника; но случилось противное: по приговору начальника скорее следовало отпустить Его. Будучи посрамлены этим, они говорят: *мы закон имамы, и по закону нашему должен есть умрети, яко себе Сына Божия сотвори* (ст. 7). Но как же, когда судия сказал вам: *поимите Его вы и по закону вашему судите Ему,* – вы говорили: *нам не достоит убити никогоже,* а теперь прибегаете к закону? И заметь обвинение: *яко себе Сына Божия сотвори!* Но, скажи мне, разве это преступление, когда тот, кто совершает дела, свойственные Сыну Божию, называет себя Сыном Божиим? Что же Христос? И в это время, когда они так разговаривали между собой, Он молчал, исполняя пророческое изречение: *не отверзает уст своих: во смирении его суд его взятся* (Ис. LIII, 7, 8). Между тем, Пилат, услышав от них, что Он *себе Сына Божия сотвори,* испугался, боясь, как бы в самом деле не было справедливо то, что они сказали, и как бы ему не показаться законопреступником. А они, хотя знали это как из слов, так и из дел, – не ужасаются, но умерщвляют Его за то самое, за что

подобало бы поклоняться Ему. По этой причине Пилат уже не спрашивает Его: *что еси сотворил?* – но, колеблемый страхом, опять сначала производит допрос, говоря: *аще Ты еси Христос?* Но Он не отвечал (ст. 9), потому что (Пилат) уже слышал: *Аз на сие родихся, и на сие приидох,* и: *царство Мое несть от мира сего,* и поэтому должен был воспротивиться иудеям, и освободить Христа, но он этого не сделал, а напротив, уступил неистовству иудейскому. Затем иудеи, опровергнутые во всем, обращаются к обвинению в преступлении государственном и говорят: *всяк, иже царя себе творит, противится кесарю* (ст. 12). Поэтому надобно было бы тщательно исследовать, действительно ли он домогался власти и замышлял низвергнуть кесаря с царства; но Пилат такого тщательного исследования не делает. Потому и Христос ничего не отвечал ему, так как знал, что он обо всем спрашивает напрасно. С другой стороны, о Нем свидетельствовали дела, и потому Он не хотел опровергать и защищаться словами, показывая тем, что Он добровольно идет на смерть. А так как Он молчал, то Пилат говорит: *не веси ли, яко власть имам распяти Тя* (ст. 10)? Видишь ли, как он уже наперед осудил сам себя? И подлинно, если все от тебя зависит, то почему же ты, не найдя в Нем никакой вины, не отпускаешь Его? Когда таким образом Пилат сам на себя произнес осуждение, – (Иисус) говорит: *предавый Мя тебе болий грех имать* (ст. 11), показывая тем, что и он также повинен греху. А чтобы низложить его высокомерие и гордость, – говорит: *не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано было* (ст. 11), – чем показывает, что все это совершается не случайно и не по обыкновенному порядку, но таинственно. А чтобы, услышав слова: *аще не бы ти дано было,* не подумал, что он свободен от всякой вины, – присовокупил: *предавый Мя тебе болий грех имать.* Но ведь если в самом деле

дано было, то, очевидно, ни он (Пилат), ни они (иудеи) не подлежат обвинению? Напрасно ты будешь говорить это. Выражение: *дано* здесь значит — допущено. Христос как бы так сказал: (Бог) допустил быть этому; однако же поэтому вы не чужды преступления. Этими словами Он устрашил Пилата и представил ясное Себе оправдание, почему Пилат и *искаше пустити Его.* Но иудеи снова стали кричать: *аще сего пустиши, неси друг кесарев* (ст. 12). Так как, представивши обвинения от своего закона, они нисколько не успели, то теперь злонамеренно обращаются к чужим законам, говоря: *всяк, иже царя себе творит, противится кесарю.* Но где же Он являлся похитителем царской власти? И чем вы можете доказать это? Порфирой? Диадемой? Одеянием? Воинами? Но не всегда ли Он ходил один с двенадцатью учениками, употребляя все простое — и пищу, и одежду, и жилище? Но какое малодушие и какая неуместная робость! Пилат, подумав, что он действительно подвергнется опасности, если пренебрежет этим, выходит как бы с намерением исследовать дело (это именно значит выражение: *седе на судищи*); а между тем, не сделав никакого исследования, предает Его, думая тем преклонить их. А что он с таким намерением делал это, послушай, что он говорит: *се царь ваш* (ст. 15). Когда же они сказали: *распни Его* (ст. 14), — он опять присовокупил следующие слова: *царя ли вашего распну* (ст. 15)? Но они вопияли: *не имамы царя, токмо кесаря* (ст. 15), и тем добровольно сами себя подвергли наказанию. Потому и Бог предал их, что они уже наперед сами отвергли от себя Его промышление и покровительство. И так как они единогласно отреклись от Его царства, то Он и попустил им подвергнуться их собственному приговору. То, что было сказано, конечно, могло уже укротить их гнев; но они боялись, чтобы Христос, будучи отпущен, не собрал опять вокруг Себя

народ, и потому всячески старались не допустить этого. Великое, поистине, зло — властолюбие, великое это зло, и может погубить душу. Поэтому-то они никогда Его и не слушали. Пилат, вследствие одних Его слов, хотел Его отпустить; а они не перестают говорить: *распни!* Но почему они настоятельно желают подвергнуть Его такого рода смерти? Потому, что это была смерть самая позорная. Опасаясь, чтобы впоследствии не осталось какой-нибудь памяти о Нем, они стараются подвергнуть Его и казни позорной, не разумея того, что препятствиями возвышается истина. А что они это предполагали, послушай, что говорят они: *помянухом, яко льстец Он рече, яко по триех днех возстану* (Мф. XXVII, 63). Поэтому они все привели в движение и употребили все меры, чтобы очернить последующие события; поэтому непрестанно кричали: *распни,* — то есть кричала беспорядочная толпа, подкупленная начальниками.

3. Мы же не только станем читать об этом, но и будем все это содержать в своем уме, — терновый венец, одежду, трость, побои, удары по ланитам, заплевания, посмеяния. Постоянное памятование об этом в состоянии уничтожить какой бы то ни было гнев. Будут ли нас осмеивать, или будем мы терпеть что-либо несправедливо, — постоянно станем говорить: *несть раб болий господа своего* (Ин. XV, 20), и будем представлять себе слова иудеев, которые они в неистовстве говорили Христу: *беса имаши; самарянин еси Ты* (Ин. VIII, 48); *о веельзевуле изгонит бесы* (Мф. XII, 24). Для того Христос и потерпел все это, чтобы мы шли по стопам Его и терпеливо переносили насмешки. Насмешки раздражают несравненно более, чем ругательства, и однако же Он не только перенес их, но и все сделал для того, чтобы издевавшихся над Ним избавить и освободить от предстоящего им наказания. Так и апостолов Он послал для их спасения, и потому-то ты слышишь, как они говорят:

вемы, яко по неведению сия сотвористе (Деян. III, 17), и такими словами привлекают их к покаянию. Этому станем и мы подражать; ничто так не умилостивляет Бога, как любовь ко врагам и благотворение обижающим нас. Когда кто-нибудь обидит тебя, ты смотри не на него, но на диавола, который побуждает его к тому; на диавола изливай весь свой гнев, а о нем даже жалей, так как он находится под влиянием диавола. Если ложь – от диавола (Ин. VIII, 44), то тем более от него же – безрассудный гнев. Равным образом, когда увидишь издевающегося над тобой, помышляй, что это диавол побуждает его, потому что насмешки – не христианское дело. И если тот, кому заповедано плакать (Мф. V, 4), кто слышал слова: *горе смеющимся* (Лк. VI, 25), – если тот поносит других, осмеивает и раздражается, то он заслуживает с нашей стороны не порицания, а слез. Ведь и Христос возмутился духом, когда помыслил об Иуде. Итак, будем стараться осуществлять все это на деле. Если же мы не будем так поступать, то мы напрасно и без пользы, или – лучше сказать – назло себе пришли в этот мир. Одна вера не может ввести нас в царство небесное; напротив, из-за ней-то особенно и будут осуждены те, которые ведут жизнь порочную, потому что *ведевый волю господина своего, и не сотворив, биен будет много* (Лк. XII, 47), и опять: *аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели* (Ин. XV, 24). Какое же мы будем иметь оправдание, когда мы находимся внутри царских чертогов, удостоились проникнуть в самое святилище, сделались причастниками очистительных таинств, и, между тем, живем хуже язычников, которые не сподобились ни одного из этих даров. Если они, ради суетной славы, обнаружили столько любомудрия, то тем более надлежит нам, для угождения Богу, упражняться во всякой добродетели. А между тем, мы не пренебрегаем даже богатством. Они неоднократно пренебрегали

даже собственной жизнью и во время войны жертвовали своими детьми неистовству демонов, и презирали собственную природу ради угождения демонам; а мы не хотим пренебречь даже серебром ради Христа и гневом для угождения Богу, но воспламеняемся и бываем ничем не лучше страдающих горячкой. И как эти последние, будучи одержимы болезнью, горят как бы в огне, так и мы, точно мучимые некоторым огнем, никогда не бываем в состоянии удержаться от пожелания, а напротив, усиливаем гнев и любостяжание. Потому-то я стыжусь и изумляюсь, когда вижу между язычниками людей, пренебрегающих богатством, а у нас — всех, безумно преданных ему. Если же и найдутся такие, которые презирают богатство, — зато они бывают одержимы другой какой-нибудь страстью, например, гневом и завистью, так что трудное дело — найти чистое любомудрие. А причина этого в том, что мы не стараемся получить врачество от Священного Писания и слушаем его не с умилением, скорбью и стенанием, но без всякого внимания, когда случится свободное время. Оттого-то, когда бежит стремительный поток житейских дел, он все потопляет и губит всякую пользу, какая и была, может быть, приобретена. Ведь если бы кто, имея рану, приложил к ней лекарство, но не привязал бы его тщательно, а позволил ему отпасть, и допустил в свою язву попасть воде и пыли, и жару, и бесчисленному множеству других вещей, которые могут растравлять его рану, — в таком случае, конечно, он не получил бы никакой пользы, но не от слабости врачебных средств, а от собственной беспечности. Так обыкновенно случается и с нами, когда мы божественным словам внимаем мало, а житейским заботам предаемся всецело и непрерывно. В этом случае всякое семя подавляется и все делается бесплодным. Итак, чтобы этого не было, откроем, хотя

немного, глаза, воззрим на небо, посмотрим на гробницы и могилы отошедших людей. И нас ожидает тот же конец, и эта необходимость переселения часто настает для нас прежде наступления вечера. Станем же готовиться к этому отшествию. Нам нужно многое запасти на этот путь, потому что там великий жар, большой зной, совершенная пустыня. Нельзя уже там остановиться в гостинице; нельзя ничего купить; но все надобно взять с собой отсюда. Послушай, что говорят девы: *идите к продающим* (Мф. XXV, 9); но те, которые пошли, ничего не приобрели. Послушай, что говорит Авраам: *пропасть велика между нами и вами* (Лк. XVI, 26). Послушай, что говорит Иезекииль о том дне: *Ное, и Иов, и Даниил не избавят сынов своих* (Иез. XIV, 14, 18). Но не дай Бог нам услышать эти слова! Дай Бог, напротив, чтобы мы запаслись здесь всем нужным для вечной жизни и с дерзновением узрели Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXV

Тогда убо предаде Его им, да распнется. Поемше Иисуса и ведоша, и нося крест Свой изыде на глаголемое лобное место, еже глаголется еврейски Голгофа, идеже пропяша Его (Ин. XIX, 16—18)

1. Счастье легко может обольстить и развратить людей невнимательных. Вот, например, иудеи еще вначале, пользуясь покровительством Божиим, домогались закона, по которому управляются царства языческие, и в пустыне после манны вспоминали о луке. Так точно и теперь, отказываясь от царства Христова, они провозглашают над собой царство кесарево. Потому-то (Господь) и поставил над ними царя, согласно с их при-

говором. А что Пилат, услышав это, *предаде Его им, да распнется,* – крайне несправедливо! Ему следовало бы допросить, действительно ли Христос домогался присвоить Себе царскую власть, а он произнес приговор единственно по страху. Чтобы он не подвергся ему, Христос наперед уже сказал: *царство Мое несть от мира сего;* но он, всецело предав себя настоящему, не хотел любомудрствовать ни о чем великом. Равным образом, и сон жены его должен был поразить его; но он ни от чего этого не образумился и не воззрел на небо, но предал Христа. Тогда (иудеи) возложили на Него крест, уже как на осужденного: они так гнушались этим древом, что не позволяли себе даже прикоснуться к нему. Так было и в прообразе: и Исаак нес дрова. Только тогда все дело ограничилось намерением отца, так как то было прообразование; а теперь все исполнилось самым делом, потому что это была истина. *И изыде на лобное место.* Некоторые говорят, что здесь умер и погребен Адам, и что Иисус водрузил знамение победы на том самом месте, где царствовала смерть. Действительно, Он вышел, неся крест, как знак победы над державой смерти, и, подобно победителям, нес знамение победы на Своих раменах. Что за важность, если иудеи и с другим намерением определили Ему нести крест? Они распинают Его даже вместе с разбойниками, но и в этом случае против воли исполняют пророчество: так все, что они делали в поношение, служило к подтверждению истины, чтобы ты познал, как велика ее сила. Ведь и об этом издревле предсказал пророк: *яко со беззаконными вменися* (Ис. LIII, 11). Итак, диавол хотел помрачить это событие, но не мог: распяты были трое, но просиял один Иисус, чтобы ты познал, что все совершилось Его силой. И хотя чудеса совершались в то время, когда трое пригвождены были ко крестам, однако же никто и ни одного из них не

приписал никому другому, кроме одного Иисуса. Так бессильны оказались козни диавола, и все обратилось на главу его! Ведь даже из тех двух (разбойников) один спасся. Таким образом диавол не только не повредил славе креста, но и не мало содействовал ей, потому что обратить разбойника на кресте и ввести его в рай — не меньше значит, чем потрясти камни. *Написа же и титла Пилат* (ст. 19) — для того, чтобы с одной стороны, отомстить иудеям, а с другой — защитить Христа. Так как они предали Его, как преступника, и старались подтвердить это мнение распятием Его вместе с разбойниками, то, чтобы никто уже впоследствии не имел права взносить на Него злобных обвинений и осуждать Его, как какого-нибудь преступника и злодея, Пилат, заграждая уста как иудеям, так и всем, кто захотел бы осуждать Его, и показывая, что они восстали против своего собственного царя, положил, как бы на победном памятнике, надпись, которая издает величественный голос и возвещает Его победу, и провозглашает царство, хотя и не всецелое. И это Пилат объявил не на одном, но на трех языках. Так как естественно было предполагать, что между иудеями, по случаю праздника, много было иноплеменников, то, чтобы ни один из них не оставался в неведении об оправдании Его, Пилат возвестил о неистовстве иудеев на всех языках. Между тем, иудеи завидовали и тогда, как Он был распят. Но какой мог произойти для вас вред от этой надписи? Никакого. Ведь если (Христос) был смертен и немощен, и должен был исчезнуть, то чего вы боитесь надписи, которая говорит, что Он — царь иудейский? И что они говорят? Скажи, что Он сам (это) сказал (ст. 21), потому что теперь (эта надпись выражает судебный) приговор и общее мнение, а если прибавлено будет: *яко сам рече*, в таком случае это припишется Его собственной дерзости и наглости. Однако

же Пилат не переменил своего решения, но остался при прежнем мнении. А через это опять устрояется не малое какое-либо дело, но событие весьма важное. В самом деле, так как древо креста зарыто было в землю, — потому что никто не позаботился убрать его, частью от страха, а частью оттого, что верующие заняты были другими, крайне необходимыми делали; так как, с другой стороны, это древо впоследствии имели отыскивать, а между тем естественно, что три креста лежали вместе, то, чтобы крест Господень не остался неузнанным, Господь допустил быть на нем надписи, и таким образом этот крест сделался известным всем, во-первых, оттого, что он лежал посреди других, а потом и по бывшей на нем надписи, потому что кресты разбойников не имели надписей. Воины разделили между собой ризы, а хитона не разделили (ст. 23). Смотри, как через все их худые дела исполняются пророчества! И это ведь издревле было предсказано (Пс. XXI, 19). Хотя распяты были трое, но предсказания пророков исполнялись только на Нем. Почему, в самом деле, не поступили так и с одеждами других, а только — с одеждами Его одного? Но ты заметь точность пророчества. Пророк сказал не о том только, что они разделили, но и о том, что не разделили. И действительно, одежды они разделили, а хитона не разделили, но дело о нем предоставили жребию (ст. 24). Не без значения также употреблено выражение: *свыше исткан* (ст. 23); но одни говорят, что оно имеет смысл иносказательный и означает то, что Распятый был не простой человек, но имел и *свыше* божество.

2. Другие утверждают, что Евангелист в этом случае описывает самый вид хитона. Действительно, так как в Палестине ткут одежды, сложив вместе два куска материи, то Иоанн, чтобы показать, что таков именно был хитон, говорит: *свыше исткан.* А говорит он об этом,

мне кажется, для того, чтобы указать на бедность одежд и на то, что Христос, как во всем прочем, так и в одежде наблюдал простоту. В то время, как воины разделяли между собой одежды, сам Распятый поручает Матерь Свою ученику, научая нас всячески заботиться до последнего издыхания о наших родителях. Таким образом, когда она неблаговременно беспокоила Его, Он говорил: *что есть Мне и тебе, жено* (Ин. II, 4)? – и: *кто есть мати Моя* (Мф. XII, 48)? А теперь выказывает величайшую любовь к ней и поручает ее попечению ученика, *егоже любляше* (ст. 26). Иоанн опять скрывает свое имя по скромности; если бы он хотел хвалиться, то непременно представил бы и причину, по которой был любим, так как этой причиной, конечно, было что-нибудь великое и дивное. Но почему Христос ни о чем другом не беседует с Иоанном и не утешает его в скорби? Потому, что не было времени для слов утешения. А с другой стороны, не маловажно было уже и то, что он почтен был столь великой честью и получил такую награду за свое постоянство. Но ты заметь, с каким душевным спокойствием Христос все делал в то время, когда распятый висел на кресте, – с учеником беседовал о Своей Матери, исполнял пророчества, разбойнику подавал добрые надежды, между тем как прежде распятие мы видим Его в поте, душевном томлении и страхе. Что же это значит? Тут нет ничего непонятного, ничего неясного: там обнаруживалась немощь естества, а здесь открывалось величие силы. С другой стороны, тем и другим Христос научает нас, что и мы, хотя и смущаемся перед наступлением бедствий, тем не менее не должны уклоняться от них, и что, выступив на подвиг, мы должны все считать легким и удобным. Итак, не будем трепетать смерти. Правда, душа по самой природе имеет любовь к жизни; однако же от нас зависит или разрешить эти узы души и ослабить это стремление к

жизни, или скрепить и усилить. Как мы, хотя имеем вожделение к плотскому совокуплению, тем не менее, когда любомудрствуем, ослабляем силу похоти, так точно бывает и с любовью к жизни. Как вожделение плотское Бог вложил в нас для деторождения, с тем, чтобы сохранить преемство в нашем роде, а не для того, чтобы воспрепятствовать шествованию высшим путем воздержания, так и любовь к жизни Он всеял в нас для того, чтобы отвратить нас от самоубийства, а не для того, чтобы воспретить нам презирать настоящую жизнь. Зная это, мы должны соблюдать меру и, с одной стороны, никогда не должны сами собой идти на смерть, хотя бы нас угнетали бесчисленные бедствия, а с другой – не должны уклоняться и отказываться от нее, когда нас влекут на смерть за богоугодные дела, но смело идти на смерть, предпочитая будущую жизнь настоящей.

Стояху же при кресте жены (ст. 25). Немощнейший пол явился тогда наиболее мужественным: так все переменилось! Христос, поручая Матерь Свою ученику, говорит: *се сын твой* (ст. 26). О, какой великой честью Он почтил Своего ученика! Так как сам уже отходил, то и поручил на попечение ученику. Как мать, она, естественно, скорбела и искала покровительства; а потому Он справедливо вручает ее возлюбленному ученику и говорит ему: *се мати твоя* (ст. 27). Это Он сказал с тем, чтобы соединить их взаимной любовью. Ученик так и понял и потому *поят ю во своясы* (ст. 27). Но почему Христос не упомянул ни о какой другой жене, хотя и другие стояли при кресте? Чтобы научить нас оказывать предпочтение своим матерям. Действительно, как в том случае, когда родители препятствуют в делах духовных, не должно и знать их, так, напротив, когда они нисколько в том не препятствуют, – им надобно воздавать все должное и предпочитать их всем

другим людям, за то, что они нас родили, за то, что воспитали, за то, что понесли из-за нас, множество трудов и горя. Этим Христос заграждает уста и бесстыдству Маркионову. В самом деле, если Он не родился по плоти и не имел матери, то почему Он только о ней одной показывает столь великое попечение? *Посем ведый Иисус, яко вся совершишася* (ст. 28), — то есть, что не остается уже ничего не исполненного в плане домостроительства Божия. Так во всех случаях Он старался показать, что смерть Его — необыкновенная, потому что все зависело от власти Умирающего, и смерть приступила к телу Его не прежде того, как сам Он восхотел; а Он восхотел тогда, как все уже исполнилось. Потому-то Он и говорил: *область имам положити душу Мою, и область имам паки прияти ю* (Ин. X, 18). Итак, зная, что все уже исполнилось, Христос говорит: *жажду* (ст. 28), — и в этом случае опять исполняет пророчество. Но ты помысли о злодействе стоящих при кресте. Ведь мы, хотя бы имели бесчисленное множество врагов, хотя бы испытали от них нестерпимые обиды, — мы плачем от жалости, когда видим, что их умерщвляют; а враги Христа и при этом не примирились с Ним, и не смягчились, смотря на Его страдания, но еще более ожесточались и увеличивали насмешки, и, поднесши уксус губою, напоили Его так, как обыкновенно напояют преступников, — для чего и была при них трость. *Егда же прият оцет, рече: совершишася* (ст. 30). Видишь, как Он все делал без смущения и со властью? Это же видно и из дальнейшего. Когда все уже совершилось, — Христос, *преклонь главу,* так как она не была пригвождена, *предаде дух* (ст. 30), — то есть испустил дыхание. Обыкновенно испускают дух не после преклонения головы; но здесь было напротив: Христос преклонил главу не тогда, когда уже испустил дух, как обыкновенно бывает с нами, но тогда испус-

тил дух, когда преклонил главу. Всем этим Евангелист показал, что Он — Господь всего мира.

3. Между тем, иудеи, пожирающие верблюда и оцеживающие комаров (Мф. XXIII, 24), совершив столь великое злодеяние, опять выказывают особенную заботливость о дне. *Понеже пяток бе, да не останут на кресте телеса в субботу, молиша Пилата, да пребиют голени их* (ст. 31). Видишь, как могущественна истина? О чем они так ревностно стараются, через то самое исполняется пророчество и сбывается новое, бывшее им, предсказание. В самом деле, когда воины пришли, то у других перебили голени, а у Христа не перебили; но в угождение иудеям пронзили копием ребра Его и таким образом поругались даже над мертвым Его телом. Какое гнусное и отвратительное злодеяние! Но не смущайся, возлюбленный, и не унывай! Что они делали со злым намерением, то самое содействовало к утверждению истины; об этом именно было пророчество, которое говорит: *воззрят нань, егоже прободоша* (ст. 37). Кроме того, это злодеяние послужило основанием веры для тех, которые впоследствии имели не веровать, например, для Фомы и подобных ему. А вместе с тем, тут совершилось и неизреченное таинство: *абие изыде кровь и вода* (ст. 34). Не без значения и не случайно истекли эти источники, но — потому, что из того и другого составлена Церковь. Это знают посвященные в таинства: водой они возраждаются, а кровью и плотью питаются. Так, отсюда получают свое начало таинства; и потому, когда ты приступаешь к страшной чаше, приступай так, как бы ты пил от самого ребра. *И видевый* это *свидетельствова, и истинно есть свидетельство его* (ст. 35), то есть: я не от других слышал, но сам был притом и видел, и свидетельство истинно. И это справедливо, потому что он повествует о поношении, какому подвергся Христос, а не о чем-нибудь великом

и чудном, из-за чего бы ты мог заподозрить его слово. Он подробно рассказывает о случившемся, чтобы заградить уста еретикам и предвозвестить будущие таинства, — созерцая заключающееся в них сокровище. При этом исполняется и другое пророчество, именно: *кость не сокрушится от него* (ст. 36). Хотя это сказано было об агнце иудейском, но в прообразе так было наперед ради истины, и совершеннее это исполнилось в настоящем случае. Потому-то Евангелист и представил на вид слова пророка. Так как, непрестанно указывая на собственное свое свидетельство, он мог показаться недостойным веры, то он представляет во свидетели Моисея, говоря, что и это совершилось не случайно, но уже издревле было преднаписано. Вот это именно и значат слова: *кость не сокрушится от него.* С другой стороны, своим свидетельством он подтверждает слова пророка. Я, говорит, сказал об этом для того, чтобы вы узнали, что между прообразом и истиной находится большое сходство. Видишь, сколько он употребляет старания, чтобы уверить в том, что кажется позорным и, по-видимому, наносит бесчестие? Подлинно, то обстоятельство, что воин поругался даже над мертвым телом, было гораздо хуже самого распятия; однако же я, говорит, и об этом сказал, и сказал с великим тщанием, *да вы веру имете* (ст. 35). Итак, пусть никто не отказывается, веровать, пусть никто не стыдится и не причиняет через то вреда нашим делам. То, что кажется особенно позорным, то именно и составляет наше драгоценнейшее благо. *По сих* пришед *Иосиф, иже от Аримафеа, сый ученик* (ст. 38), не из числа двенадцати, но, может быть, из числа семидесяти. Полагая, что наконец крест укротил неистовство (иудеев), последователи Христовы безбоязненно приходят и заботятся о погребении. Иосиф, представ перед Пилата, просит у него позволения — и тот позволяет. Да и почему бы он

мог не позволить? В деле Иосифа принимает участие и Никодим, и они совершают великолепное погребение, потому что все еще думали о Христе, как о простом человеке. Они приносят такие ароматы, которые преимущественно имели силу надолго сохранять тело и не давать ему скоро предаться тлению. Это показывает, что они не представляли о Христе ничего великого; тем не менее, однако же, в этом видна их великая любовь к Нему. Но почему не пришел никто из двенадцати — ни Иоанн, ни Петр, ни другой кто из значительных? Евангелист не скрывает и этого. Быть может, кто-нибудь скажет, они боялись иудеев; но и те (Иосиф и Никодим) также одержимы были страхом.

Об Иосифе именно сказано, что он был *потаен страха ради иудейска* (ст. 38). Итак, нельзя сказать, что он сделал это потому, что совершенно пренебрегал иудеями; нет, и он боялся, и однако же пришел. А Иоанн, хотя присутствовал при кресте и видел кончину Христову, — не сделал ничего подобного. Что ж это значит? Мне кажется, что Иосиф был из числа людей весьма знаменитых, как это видно и из самого погребения, и что он был известен Пилату. Потому-то он и получил дозволение. И он погребает Его, уже не как преступника, но, — по обычаю иудейскому, — великолепно, как человека великого и славного.

4. Но как у них не много оставалось времени (смерть Христова последовала в девятом часу, и потому, естественно, что, пока они ходили к Пилату, и пока снимали тело со креста, наступил уже вечер, когда нельзя было заниматься работой), то они полагают Его в ближайшую гробницу. Устроилось так, что Христос положен был в новом гробе, в котором никто прежде не был положен, чтобы воскресение не могло быть приписано кому-нибудь другому, вместе с Ним лежащему, чтобы ученики, по близости этого места,

легко могли прийти и быть зрителями случившегося, и чтобы свидетелями погребения были не только они, но и враги. То, что положены были печати на гробе и приставлена стража из воинов, это, действительно, с их стороны было свидетельством погребения, так как Христос хотел, чтобы и погребение Его было не менее достоверно, чем воскресение. Потому-то и ученики ревностно стараются доказать, что Он действительно умер. Воскресение Его имело быть подтверждаемо всем последующим временем; между тем, если бы смерть Его в то время была сокрыта и не сделалась совершенно известной, то это могло бы повредить слову о воскресении. Впрочем, не поэтому только совершилось то, что Христос был близко положен, но и для того, чтобы обнаружилась лживость молвы о похищении Его тела. *Во едину же от суббот,* то есть в день воскресный, *Мария Магдалина, прииде заутра, еще сущей тьме, на гроб, и виде камень взят от гроба* (XX, 1). Христос воскрес в то время, как лежали печати и камень. Но так как надобно было, чтобы и другие совершенно убедились, то гроб, после Его воскресения, отверзается, и таким образом это событие становится достоверным.

Это именно привело в волнение и Марию. Пламенея самой нежной любовью к Учителю, она, как только минула суббота, не могла оставаться в покое, но пошла в глубокое утро, желая от места получить какое-нибудь утешение. Когда она увидела это место и камень отваленный, то не вошла и не посмотрела в гроб но, побужденная сильной любовью, побежала к ученикам. Она заботилась о том, чтобы как можно скорее узнать, что случилось с телом. На это именно указывает и бегство ее; это же означают и ее слова: *взяша,* говорит она, *Господа моего, и не вем, где положиша Его* (ст. 2). Видишь, что она еще ничего ясно не знала о воскресении, но

думала, что перенесено тело, и без всякого притворства о всем объявляет ученикам? Но Евангелист не отнял у этой жены принадлежащей ей великой похвалы и не счел для себя стыдом того, что ученики от нее первой узнали о воскресении, так как она бодрствовала целую ночь. Так во всех случаях блистает истиннолюбивый его нрав! Когда же она пришла и сказала об этом, — ученики, выслушав ее, поспешно приходят ко гробу и видят лежащие пелены; а это было знаком воскресения. В самом деле, если бы кто перенес тело, то сделал бы это, не обнажая его; равно как если бы кто украл его, то не стал бы заботиться о том, чтобы снять сударь, свить его и положить *на едином месте,* но — как? Взял бы тело в том виде, в каком оно лежало. Потому-то Евангелист предварительно и сказал, что при погребении Христа употреблено было много смирны, которая не хуже свинца приклеивает пелены к телу. Итак, когда ты слышишь, что головные повязки лежали отдельно, — не верь тем, которые говорят, будто украдено. Вор не был бы так глуп, чтобы стал столько заботиться о предмете совершенно излишнем. В самом деле, для чего ему было оставлять погребальные пелены? Да и как бы он мог скрыться, если бы стал делать это? Естественно, ему нужно было истратить на это много времени, а если бы он замедлил, то был бы пойман. Но для чего отдельно лежат пелены, и отдельно — плат свитый? Для того, чтобы ты знал, что это сделано без торопливости и без смущения, так как отдельно положено одно, и отдельно положено и свито другое. Поэтому-то ученики и поверили воскресению. И когда впоследствии Христос является им, — они уже убеждены были тем, что видели. Заметь и здесь, как далек Евангелист от хвастовства и как он свидетельствует о тщательности исследования Петрова! Сам он, предварив Петра и увидев лежащие пелены, ничего более не

исследует, но удаляется; а пламенный Петр вошел внутрь гроба, рассмотрел все с тщательностью и, увидев нечто более, пригласил и его посмотреть. Войдя во гроб после Петра, Иоанн увидел погребальные пелены лежащими отдельно одни от других. А то, что они были разделены, и одни положены в одном месте, а другие, свитые, в другом, показывало, что это сделано кем-то с заботливостью, а не как-нибудь, не в смущении.

5. И ты, когда слышишь, что Христос воскрес нагим, перестань безумно тратиться на погребение. Что, в самом деле, значат эти излишние и бесполезные издержки? Погребающим они причиняют большой убыток, а умершему не приносят никакой пользы и, если сказать правду, даже вредны. Роскошные похороны неоднократно бывали причиной разграбления могил и производили то, что погребенный некогда со всей изысканностью лежал потом нагой и без погребения. Но, о, тщеславие! Какую великую власть оно обнаруживает среди самого плача! До какого безумия доводит оно! Многие, в отвращение грабежа, раздирают тонкие погребальные пелены и наполняют их множеством ароматов, чтобы вдвойне сделать их бесполезными для похитителей, и таким образом предают земле. Не безумие ли это? Не помешательство ли это ума — выказывать великолепие и в то же время уничтожать его? Нет, скажешь, мы придумываем все это для того, чтобы безопасно лежали на мертвеце. Что же? Если не возьмут их воры, то не съедят ли их моль и черви? А если не съедят моль и черви, то не истребит ли время и тление? Но положим, что ни воры, ни моль, ни черви, ни время, ни другое что не истребят вещей, положенных в могилу; положим, что и тело останется не поврежденным до самого воскресения, и все те вещи сохранятся новыми, прочными и тонкими: какая от этого польза

для отшедших, когда тело восстанет нагим, а все эти вещи останутся здесь и не принесут нам никакой пользы во время будущих истязаний? Но почему же, скажешь, так было при погребении Христовом? Тебе вовсе не следует сравнивать погребения Христова с погребениями человеческими. Там было и то, что блудница излияла миро на святые ноги Его. Впрочем, если и об этом надобно сказать что-нибудь, то, во-первых, это было сделано людьми, которые не знали учения о воскресении. Потому-то и говорится: *якоже обычай есть Иудеом погребати* (XIX, 40). Ведь не из числа двенадцати были те, которые почтили Иисуса погребением; но то были те, которые не весьма высоко ценили Его. Двенадцать не так Его почтили, но — своей смертью, преданием себя на заклание и перенесением за Него разных напастей. Правда, и то была честь, но гораздо ниже этой, о которой я сейчас сказал. С другой стороны, у нас, как я уже сказал, теперь речь о людях; а тогда все это сделано было для Господа. А чтобы ты знал, что Христос нисколько не желал этого, — (послушай), что Он сказал: вы видели Меня алчущим, и напитали; жаждущим, и напоили; нагим, и одели (Мф. XXV, 35–39); но нигде не сказал: умершим, и погребли. Я это говорю не с тем, чтобы истребить обычай погребения, — нет, — но с тем, чтобы пресечь роскошь и неуместное великолепие. К этому, скажешь, располагает скорбь и печаль, и сострадание к умершему? Нет, — это происходит не от сострадания к умершему, но от тщеславия.

Если же ты хочешь оказать соболезнование умершему, — я укажу тебе иной способ погребения и научу тебя облекать его в такие одежды, которые восстанут с ним и представят его в блистательном виде. Эти одежды ни молью не истребляются, ни временем не разрушаются, ни ворами не похищаются. Какие же это одежды? Это —

одеяние милостыни. Эта одежда восстает вместе с умерших, потому что печать милостыни навсегда остается с ним. Этими-то одеждами будут блистать те, которые тогда услышат: вы напитали Меня, когда Я алкал. Эти одежды делают умерших славными, знаменитыми и безопасными, а одежды нынешние – не что иное, как пища моли и трапеза червей. И это я говорю не потому, чтобы запрещал иметь попечение об умерших; но для того, чтобы вы делали это с умеренностью, прикрывали лишь тело и не предавали его земле нагим. Если и живым не следует иметь ничего больше как только покров тела, то тем более – умершим, потому что мертвое тело не столько нуждается в одеждах, сколько живое и дышащее. Пока мы живем, нам нужно одеяние и по причине холода, и для благоприличия; а коль скоро мы умерли, – у нас нет этих нужд, и только для того, чтобы тело не лежало нагим, нам нужны погребальные пелены. Самые же лучшие у нас погребальные пелены, это – земля, покрывало прекраснейшее и самое приличное нашему земному телу. Итак, если теперь, когда у нас столько нужд, не надобно искать ничего излишнего, то тем более неуместна пышность тогда, когда нет таких нужд.

6. Но люди, скажешь, которые увидят это, станут смеяться. Если бы и стал кто смеяться, на того, очевидно, не следует обращать большого внимания, как на человека совершенно глупого. Многие, напротив, скорее будут удивляться нам и восхвалять наше любомудрие. Не это достойно смеха, но то, что мы теперь делаем, когда плачем, рыдаем и как бы погребаем себя с умершими. Вот что достойно и смеха, и наказания; а любомудрие во всем этом, равно как и соблюдение умеренности в одеждах, доставляет нам венцы и похвалы. В этом случае все нас восхвалят, подивятся силе Христовой и скажут: о, как велика сила Распятого!

Он убедил смертных и тленных, что смерть не есть смерть, и вот они поступают так, как будто они не умирают, но переселяются в лучшую страну. Он убедил их, что это тленное и земное тело облечется в одежду гораздо блистательнейшую шелковых и златотканных одежд, — облечется в нетление; и потому они не много заботятся о похоронах, но считают самым лучшим погребальным украшением добродетельную жизнь.

Так все будут говорить о нас, когда увидят нас любомудрствующими. Если же увидят, что мы терзаемся скорбью, малодушествуем и окружаем себя хором рыдающих женщин, то будут смеяться и издеваться над нами, и тысячу раз осудят нас, укоряя за безрассудную трату и напрасный труд. И мы слышим, что за это, действительно, все осуждают нас; и — весьма справедливо. В самом деле, какое мы будем иметь извинение, когда тело наше, истребляемое тлением и червями, украшаем, а Христа, жаждущего, нагого и странника, презираем? Отстанем же от этой суетной заботы. Будем погребать умерших так, чтобы это полезно было и нам, и им к славе Божией. Будем раздавать за них обильную милостыню и препровождать их с этим прекраснейшим напутствием. Если память скончавшихся знаменитых мужей защищала живых (как говорит Господь: *защищу град сей Мене ради, и Давида ради раба Моего* — 4 Цар. XIX, 34), то тем более сделает это милостыня. Она, именно она и мертвых воскрешала, — когда окружили (Петра) *вдовицы, показующа, елика творяше с ними сущи Серна* (Деян. IX, 36). Итак, когда кто будет умирать, пусть родственники умирающего приготовляют для него погребальное одеяние и пусть убеждают его перед кончиной оставить что-нибудь бедным. Пусть с этой одеждой Он отойдет, пусть и Христа оставит

своим наследником. Если те, которые назначают по себе наследниками царей, оставляют через то в величайшей безопасности своих родных, то представь себе, какое приобретет благоволение и себе, и всем своим тот, кто вместе с детьми оставит своим наследником и Христа! Вот прекрасное одеяние для умерших. Оно полезно, как остающимся в живых, так и отходящим. Если в таком виде мы будем погребены, то явимся блистательными во время воскресения. А если, заботясь о теле, пренебрежем душу, то потерпим тогда много бед и подвергнемся великому осмеянию. Не малый стыд — отойти отсюда без добродетели; не столько позорно для тела быть поверженным без погребения, сколько для души — явиться тогда без добрых дел. Итак, станем одевать душу, станем убирать ее в продолжение всей нашей жизни. Если же при жизни мы не радели о ней, — образумимся, по крайней мере, при смерти и завещаем сродникам нашим помочь нам, по смерти, милостыней. При таком взаимном содействии друг другу, мы получим великое дерзновение, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXVI

Идоста же паки к себе ученика. Мария же стояше у гроба вне плачущи (Ин. XX, 10, 11)

1. Женский пол как-то особенно чувствителен и весьма склонен к состраданию. Говорю это для того, чтобы для тебя не было удивительным, отчего Мария горько плакала при гробе, а Петр не обнаружил ничего подобного. Ученики, говорит Евангелист, *идоста к себе,*

а Мария *стояше плачущи.* Она, по самой своей природе, легко трогалась, а притом она еще не знала ясно учения о воскресении; напротив, ученики, увидев пелены, уверовали и отправились домой в изумлении. Почему же они не пошли прямо в Галилею, как было им заповедано перед страданием? Может быть, они ожидали прочих (учеников); а с другой стороны, они еще находились в крайнем изумлении. Итак, они пошли домой, а Мария стояла у гроба. Великое, поистине, утешение, как я уже сказал, доставляет нам самый вид гроба. Видишь ли поэтому, как она, для большего утешения, приникает взором во гроб и хочет видеть место, *идеже бе лежало тело* (ст. 12)? Оттого не малую получила она и награду за столь великое усердие. Чего не видели ученики, то первая увидела жена, именно – ангелов в белых ризах, сидящих – одного у ног, а другого у главы (ст. 12); самая одежда их показывала уже великую радость и веселие. Так как ум жены не был столько возвышен, чтобы от гробных пелен прийти к вере в воскресение, то вот совершается нечто большее: она видит ангелов, сидящих в светлых одеждах, чтобы через это могла уже воспрянуть от скорби и утешиться. Впрочем, ангелы ничего не говорят ей о воскресении: она возводится к этому догмату мало-помалу. Она видит лица, более обыкновенного светлые; видит одежды блестящие; слышит голос участия, так как ангелы говорят ей: *жено, что плачешися* (ст. 13)? Через все это, как через отверстую дверь, она мало-помалу приводима была к слову о воскресении. Да и самый образ сидения ангелов располагал ее к вопросу: из него видно было, что они знают о случившемся, и потому-то сидят не вместе, а отдельно друг от друга. Но так как невероятно было, чтобы она сама прямо осмелилась спросить, то они и вопросом и образом сидения распо-

лагают ее к разговору. Что же она? Она с жаром и вместе с любовью говорит: *взяша Господа моего и не вем, где положиша Его* (ст. 13). Что ты говоришь? Так ты еще ничего не знаешь о воскресении, а все еще воображаешь, что тело Христово переложено? Видишь ли, как она еще не разумела этого высокого догмата? *И сия рекше, обратися вспять* (ст. 14). Что здесь за последовательность? Мария вступает в разговор с ангелами и, еще ничего не услышав от них, обращается назад. Мне кажется, что в то время, как она говорила, Христос внезапным своим явлением позади ее привел в изумление ангелов, и они, узревши Владыку, и видом, и взором, и движением тотчас обнаружили, что увидели Господа; а это и заставило жену оглянуться и обратиться назад. Так явился Христос ангелам; а Марии – не так, чтобы не поразить ее изумлением с первого взгляда, но – в виде более смиренном и обыкновенном. Это видно уже из того, что она приняла Его за садовника. Женщину с такими уничиженными понятиями, очевидно, надобно было возводить к высшим понятиям не вдруг, но постепенно. Поэтому и Христос спрашивает ее: *жено, что плачеши, кого ищеши* (ст. 15)? Этим Он показал, что Ему известно, о чем она хочет спросить, и расположил ее к ответу. Так поняла это и Мария, и потому не произносит имени Иисуса, но, полагая, что вопрошающий уже знает, о ком она осведомляется, говорит: *аще ты еси взял Его, повеждь ми, где еси положил Его, и аз возму Его* (ст. 15). Опять говорит о положении, взятии и переложении, беседуя о Нем, как о мертвом. Смысл слов ее такой: если вы, боясь иудеев, взяли Его отсюда, то скажите мне, и я возьму Его. Велико усердие, велика любовь жены; но высокого в ней еще нет ничего. Потому-то, наконец, Христос открывает ей высокую тайну, не видом Своим, а голосом. Как в тех

случаях, когда Он находился среди иудеев, иногда они узнавали Его, а иногда не узнавали, так и в то время, как Он говорил, Его узнавали лишь тогда, когда Он хотел. Так, когда Он говорил иудеям: *кого ищете?* – они не узнавали Его ни по виду, ни по голосу, до тех пор, пока Он хотел. То же самое случилось и здесь. Христос произнес теперь только имя Марии, укоряя ее и упрекая за то, что она так думает о Нем, тогда, как Он жив. Но как же она отвечает *обращся,* между тем, как Христос с ней беседовал? Мне кажется, что она, сказав: *где еси положил Его,* обратилась к ангелам, с намерением спросить их, чему они изумились, и что Христос, назвав ее по имени, снова заставил ее обернуться от ангелов в Его сторону и по голосу дал узнать Себя. Действительно, она узнала Его тогда, когда он назвал ее, сказав: *Марие* (ст. 16), и значит, узнала не по виду, но по голосу. Может быть, кто-нибудь спросит: откуда известно, что ангелы пришли в изумление и что поэтому Мария обратилась назад? Но в таком случае нужно будет также спросить: откуда известно, что Мария прикоснулась ко Христу и пала к ногам Его? И как это последнее открывается из слов: *не прикасайся Мне* (ст. 17), так и первое видно из того, что сказано: *обратися.* Но почему Христос сказал: *не прикасайся Мне?* Некоторые говорят, что Мария просила у Него духовной благодати, так как слышала, что Он говорил ученикам: *аще пойду* ко Отцу, *умолю* Его, *и инаго Утешителя даст вам* (Ин. XIV, 3, 16).

2. Но как она, не бывшая тогда с учениками, могла слышать эти слова? С другой стороны, и по своим понятиям она далека была от подобного желания. Да и как она могла просить об этом, когда Он еще не отошел к Отцу? Что же это значит? Мне кажется, что она и теперь желала обращаться с Ним, как прежде, и от радо-

сти не представляла себе ничего великого, хотя Он и сделался по плоти гораздо совершеннейшим. Поэтому Христос, чтобы отклонить ее от такого мнения и внушить ей не говорить с ним без всякой осторожности (потому что и с учениками, как видно, Он уже не обращался по-прежнему), – возвышает ее помышления и через то научает ее более благоговейному с Ним обращению. Если бы Он сказал: не подходи ко Мне, как прежде; теперь обстоятельства изменились, и Я уже не буду обращаться с вами по-прежнему, – то это было бы неприятно и отзывалось бы похвальбой и тщеславием. Но слова: *не убо взыдох ко Отцу* были не тягостны и, между тем, выражали то же самое. Сказав: *не убо взыдох ко Отцу,* Христос дает разуметь, что Он спешит туда и стремится. А кто готов уже отойти на небо и не будет более обращаться с людьми, на того уже не следовало смотреть с такими же мыслями, с какими смотрели прежде. Что такое объяснение справедливо, видно из следующих слов: *иди и рцы братии Моей, яко иду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (ст. 17). Но ведь Он намерен был сделать это не тотчас, но спустя сорок дней: для чего же говорит так? Для того, чтобы возвысить помыслы Марии и уверить ее, что Он восходит на небо. А слова: *ко Отцу Моему и Отцу вашему, Богу Моему и Богу вашему* – относятся к воплощению, так как и восшествие свойственно только плоти. Христос выражается так потому, что говорит с женой, которая не представляла себе ничего великого. Значит, Бог в ином смысле Отец Его и в ином – наш? Именно так. Если Бог не в одинаковом смысле – Бог праведных и Бог прочих людей, то тем более – Сына и наш. А так как Христос сказал: *рцы братии,* то, чтобы на основании этих слов не стали предполагать какого-либо равенства (между Ним и учениками), – Он показывает и

различие: сам Он будет восседать на престоле Отчем, а они будут предстоять этому престолу. Следовательно, хотя Христос, по человеческому естеству Своему, и соделался братом нашим, однако же по славе — весьма отличен от нас, отличен настолько, что и выразить нельзя. Между тем, Мария уходит, чтобы возвестить об этом ученикам (ст. 18). Вот как хорошо усердие и постоянство! Но отчего ученики теперь не скорбят о том, что Христос намерен отойти от них, и не говорят того, что говорили прежде? Тогда они скорбели потому, что Он шел на смерть; а теперь, когда Он воскрес, из-за чего им было печалиться? Мария возвестила им и о своем видении, и о словах, которые могли утешить их. Но легко могло случиться, что ученики, слушая это, или не поверят жене, или, поверив, будут скорбеть о том, что Христос не удостоил их своего явления, хотя и обещал явиться им в Галилее. Поэтому, чтобы они не тревожились такими мыслями, Христос не дал миновать и одному дню, но, возбудив в них желание видеть Его, — как тем, что они уже знали о Его воскресении, так и рассказом жены, — в тот же день по наступлении вечера, когда они горели желанием видеть Его и были одержимы страхом, — отчего еще более усиливалось их желание, — предстал перед ними, и притом чудесным образом.

Почему же Он явился вечером? Потому, что особенно в это время, по всей вероятности, они находились в наибольшем страхе. Но вот что удивительно: как они не сочли Его за призрак, когда Он вошел через затворенные двери и внезапно? Это, без сомнения, потому, что Мария успела уже произвести в них сильную веру, а притом Он и явился к ним в светлом и кротком виде. Днем же Он не явился для того, чтобы ученики собрались все вместе, — так как они были в

великом страхе. Поэтому Он даже не стучал в дверь, но внезапно стал посреди их, показал им ребра и руки, а вместе с тем и голосом успокоил волновавшиеся мысли их, сказав: *мир вам* (ст. 20), то есть не смущайтесь. Этим Он напомнил им слова, сказанные перед страданием: *мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. XIV, 27), и еще: *во Мне мир* имейте: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33). *Возрадовашася же ученицы, видевше Господа* (ст. 20). Видишь ли, как слова Его оправдались на деле? Что сказал Он перед страданием: *паки узрю вы и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возъмет от вас* (Ин. XVI, 22), – то исполнил теперь самым делом. Все же это привело учеников к совершенной вере. А так как они имели непримиримую брань с иудеями, то Он часто повторяет: *мир вам,* – предлагая таким образом равносильное брани утешение.

3. Вот какое первое слово сказал Христос по воскресении. Потому-то и Павел повсюду говорит: *благодать вам и мир.* Женам Господь благовествует радость, так как женский пол был в печали и на печаль осужден был первым проклятием. Таким образом Он, совершенно прилично, мужам благовествует мир – по причине брани, а женам радость – по причине печали. Уничтожив все, что было поводом к скорби, Христос далее говорит о благотворных следствиях креста. Таким следствием был мир. Значит все препятствия теперь отстранены, Христос одержал блистательную победу, и все приведено к вожделенному концу. Поэтому Он, наконец, говорит: *якоже посла Мя Отец и Аз посылаю въ* (ст. 21). Для вас не будет никакой трудности, как по причине совершившихся уже событий, так и по достоинству моего лица, – так как Я посылаю вас. Этим он возвышает души учеников и показывает, что их слова будут вполне достоверны, так как они примут

на себя Его дело. И теперь Он уже не умоляет Отца, но собственною властью дарует ученикам силу. *Дуну и глагола им: приимите Дух Свят: имже отпустите грехи, отпустятся им, и имже держите, держатся* (ст. 22, 23). Как царь, посылая правителей, дает им власть и заключать в темницу, и освобождать из темницы, так и Христос, посылая учеников, облекает их такой же властью. Как же Он прежде сказал: *аще не иду Аз, Утешитель не приидет* (Ин. XVI, 7), а теперь дает Духа? Некоторые говорят, что Христос не сообщил ученикам Духа, а только посредством дуновения сделал их способными к Его принятию. Ведь если Даниил, при виде ангела, пришел в *ужас* (Дан. VIII, 17), то чего не испытали бы и ученики, если бы приняли эту неизреченную благодать, не будучи наперед к тому приготовлены? Потому-то, говорят, Христос не сказал: вы прияли Духа Святого, но — *приимите Дух Свят.* Но не погрешит тот, кто скажет, что и тогда ученики получили некоторую духовную власть и благодать, только — не воскрешать мертвых и совершать чудеса, а отпускать грехи, — так как различны дарования Духа. Потому-то Христос и присовокупил: *имже отпустите, отпустятся,* — показывая, какой род благодатной силы даруется им. А впоследствии, спустя сорок дней, они получили силу чудотворений, почему Христос и говорит: *приимете силу нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидетели во Иерусалиме же и во всей Иудеи* (Деян. I, 8); а свидетелями они сделались посредством чудес. Неизреченна, поистине, благодать Духа и многоразличны дары Его! Сообщает же Христос дары Духа, чтобы ты знал, что у Отца и Сына и Святого Духа один дар и одна власть. В самом деле, что присвояется, по-видимому, Отцу, тоже самое оказывается принадлежащим и Сыну, и Святому Духу. Как же сказано, что никто не приходит к Сыну, *аще не Отец привлечет его* (Ин. VI, 64)? Но это же самое, очевидно, принадлежит

и Сыну: *Аз есмь*, говорит Он, *путь: никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною* (Ин. XIV, 6). А вот, смотри, это же приписывается и Духу: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. XII, 3). Так точно и апостолы представляются дарованными Церкви то от Отца, то от Сына, то от Духа Святого. И разделение дарований, как видим, усвояется и Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

4. Употребим же все меры к тому, чтобы иметь в себе Духа, и будем со всей почтительностью обращаться с теми, кому вверена власть действовать благодатными дарами. Подлинно, велико достоинство священников! *Имже,* сказано, *отпустите грехи, отпустятся.* Потому-то и Павел говорит: *повинуйтеся наставником вашим и покоряйтеся* (Евр. XIII, 17), и: *имейте их по преизлиха в любви* (1 Сол. V, 13). В самом деле, ты заботишься только о своих делах, и, если их устроишь хорошо, – не будешь отвечать за других людей. А священник, хотя бы и хорошо устроил свою собственную жизнь, но если не будет с должным усердием заботиться о жизни твоей и всех других, вверенных его попечению, то вместе с порочными пойдет в геенну, и часто, невинный по своим делам, он погибает за ваши беззакония, если не исполнит надлежащим образом всего, что до него касается. Итак, зная, какая великая угрожает опасность священникам, оказывайте им великую любовь. На это указал и Павел, когда сказал: *тии бо бдят о душах ваших,* и – не просто, но *яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Потому им надобно оказывать великое уважение. Если же и вы вместе с другими станете оскорблять их, то и ваши дела не будут благоуспешны. Доколе кормчий благодушествует, до тех пор и плывущие на корабле безопасны; а коль скоро он, от оскорблений и враждебных действий со стороны спутников, находится в горе, то уже не может ни быть бдительным по-прежнему, ни

действовать с обычным своим искусством, и нехотя подвергает их бесчисленным бедствиям. Так и священники, если будут пользоваться у вас надлежащей честью, в состоянии будут устроить и ваши дела, как следует; а если вы будете опечаливать их, то ослабите их руки и сделаете то, что они вместе с вами легко будут увлечены волнами, хотя бы они были и весьма мужественны. Помысли о том, что сказал Христос об иудеях: *на Моисеове седалищи седоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекут вам блюсти, творите* (Мф. XXIII, 23). Теперь же нельзя сказать, что священники воссели на седалище Моисеевом; нет, они воссели на седалище Христовом, потому что приняли Христово учение. Потому и Павел говорит: *по Христе посольствуем, яко Богу молящу нами* (1 Кор. V, 20). Не видите ли, как все подчиняются властям мирским? Хотя подчиненные часто превосходят начальствующих и знатностью рода, и жизнью, и мудростью, однако же, из уважения к тому, кто их поставил, они не думают ни о чем этом, но чтут определение царя, каков бы ни был тот, кто получил над ними начальство. Таков-то у нас страх, когда поставляет начальника человек! Но когда рукополагает Бог, — мы и презираем рукоположенного, и оскорбляем его, и преследуем бесчисленными поношениями, и, тогда как нам запрещено судить и своих братьях, изощряем язык на священников. И какое найдем мы себе оправдание, когда в своем глазе не видим бревна, а у другого с злобным старанием замечаем и сучок? Ужели не знаешь, что, когда судишь таким образом других, приготовляешь и себе самому тягчайшее осуждение? Говорю это не потому, чтобы я одобрял недостойно проходящих служение священства; нет, — я крайне жалею о них и плачу; тем не менее однако же утверждаю, что и в этом случае подчиненные, и особенно люди самые простые, не имеют права судить

их. Пусть жизнь священника будет самая порочная; но, если ты внимателен к самому себе, то не потерпишь никакого вреда в том, что ему вверено от Бога. Если Господь заставил говорить ослицу и через волхва даровал духовные благословения; если, таким образом, и через бессловесные уста ослицы, и через нечистый язык Валаама Он действовал для неблагодарных иудеев, то тем более для вас, если вы будете признательны, Он сделает со своей стороны все что нужно, и ниспошлет Духа Святого, — хотя бы и крайне порочны были священники. Ведь и чистый (священник) не своей собственной чистотой привлекает Духа Святого; но все совершает благодать. *Вся бо саша суть*, говорится, *аще Павел или Аполлос, или Кифа* (1 Кор. III, 22). Все, что вверено священнику, есть единственно Божий дар; и, сколько бы ни преуспевало человеческое любомудрие, оно всегда будет ниже той благодати. Говорю это не для того, чтобы мы беспечно располагали своей жизнью, но для того, чтобы вы подчиненные, видя нерадение кого-либо из предстоятелей, не преумножали по этому поводу для самих себя зла. Но что я говорю о священниках? Ни ангел, ни архангел не может оказать никакого действия на то, что даруется от Бога: здесь все устрояет Отец и Сын и Святой Дух, а священник только ссужает свой язык и простирает свою руку. Да и несправедливо было бы, если бы, по причине порочности другого лица терпели вред те, которые с верой приступают к символам нашего спасения. Итак, зная все это, будем и Бога бояться, и уважать Его священников, оказывая им всякую честь, чтобы и за свои добрые дела и за уважение к ним получить от Бога великую награду, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVII

Фома же, един от обоюнадесяте, глаголемый близнец, не бе с ними, егда прииде Иисус. Глаголаху же ему друзии ученицы: видехом Господа. Он же рече им: аще не вижу, не иму веры, и прочее (Ин. XX, 24, 25)

1. Как веровать просто и без разбора – дело легкомыслия, так и сверх меры испытывать и больше, чем нужно, исследовать – дело ума крайне упрямого. Поэтому-то и Фома подвергается порицанию. Когда апостолы сказали ему: *видехом Господа,* – он не поверил, не столько по недоверию к ним, сколько потому, что считал невозможным это дело, то есть воскресение из мертвых. Он не сказал: я не верю вам, но: *аще не вложу руку мою, не иму веры.* Но отчего в то время, как все были собраны, не было его одного? Вероятно, он тогда не возвратился еще из прежде бывшего рассеяния. А ты, когда видишь этого ученика неверующим, подумай о человеколюбии Господа, который и ради одной души показывает Себя в ранах, приходит и для спасения одного, хотя и более других упорного. В самом деле, (Фома) искал себе удостоверения посредством самого грубого чувства и не верил даже глазам. Он не сказал: если не увижу, но: если не осяжу, чтобы узнать, не призрак ли то, что я вижу. Без сомнения, и возвестившие ученики были уже достойны веры, равно как и Сам, обещавший это; тем не менее однако же, поелику Фома искал себе большого, то Христос не отказал ему и в этом.

Для чего же Он является ему не тотчас, а спустя восемь дней? Для того, чтобы Фома, внимая в течение этого времени убеждениям учеников и слыша одно и тоже, воспламенился большим желанием и сделался более твердым в вере на будущее время. Но откуда он знал, что и ребра прободены? Слышал это от учени-

ков. Отчего же этому он поверил, а тому не поверил? Оттого, что то было событие совершенно необыкновенное и чудесное. Но ты заметь правдолюбие апостолов и они не скрывают недостатков ни своих, ни чужих, но описывают их со всей истиной. Итак, снова является Иисус и не ожидает пока (Фома) станет просить Его или скажет что-нибудь подобное, но еще прежде, чем тот сказал что-нибудь, исполняет его желание, показывая тем, что Он был с учениками и в то время как (Фома) говорил с ними. Он употребил те же самые слова, сильно укоряя его и вразумляя на будущее время. Сказав: *принеси перст твой семо, и виждь руце Мои, и вложи руку твою в ребра Моя,* — прибавил: *и не буди неверен, но верен* (ст. 27). Видишь ли, что сомнение происходило от неверия? Но так было прежде, чем получили Духа Святого; а после — не так: они уже были совершенны. И не этими только словами Христос укорил, но и дальнейшими. Когда Фома, удостоверившись, успокоился и воскликнул: *Господь мой и Бог мой,* — Христос сказал: *яко видех Мя веровал еси: блажени не видевшии и веровавше* (ст. 28, 29). Вера в том, действительно, и состоит, чтобы принимать невидимое: *есть вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. XI, 1). А блаженными Он называет здесь не одних только учеников, но и тех, которые уверуют после них. Но ведь ученики, скажешь, увидели и уверовали? Однако же, они ничего подобного не требовали, но от погребальных пелен тотчас приняли слово о воскресении и прежде, чем увидели самого Христа, уже показали полную веру. Итак, если кто в настоящее время скажет: как бы я желал жить в те времена и видеть Христа чудодействующего! — тот пусть подумает, что *блаженни не видевшии и веровавше.* При этом случае справедливо можно прийти в недоумение, каким образом тело нетленное имело на себе язвы гвоздинные, и как возможно

было касаться его смертной рукой? Но не смущайся: это было делом снисхождения. Тело столь тонкое и легкое, что вошло сквозь затворенные двери (ст. 26), очевидно, чуждо было всякой дебелости; но (Христос) показывает его таким для того, чтобы уверить в воскресении и научить, что именно Он был распят, и не другой воскрес вместо Его. Поэтому-то Он воскрес, имея на Себе знаки креста; поэтому же Он вкушает и пищу. И апостолы очень часто представляли это, как свидетельство воскресения, говоря: *иже с ним ядохом и пихом* (Деян. X, 41). Потому как до распятия мы видим Его ходящим по волнам и однако же не говорим, что тело Его было другого естества, а не нашего, так и после воскресения, видя на Нем язвы, не станем называть Его тленным, — потому что Он показывал их для ученика. *Многа же и ина знамения сотвори Иисус* (ст. 30). Так как этот Евангелист сказал меньше других, то говорит, что и все прочие сказали не все, но столько, сколько нужно было для привлечения слушающих к вере. А если бы, говорит, все было описано, то думаю, что и мир не вместил бы книг (XXI, 25).

2. Отсюда явно, что не из хвастовства говорили о чудесах, которые они описали, но единственно — для пользы. Да и как возможно, чтобы они описали из хвастовства, когда большую часть их опустили? Но почему же они не о всех рассказали? Преимущественно — по их множеству; потом они думали и то, что кто не поверит сказанному, тот не поверит и большему, а кто примет это, тому ничего больше не нужно будет для утверждения в вере. Впрочем, мне кажется, что здесь (Евангелист) говорит только о знамениях, бывших после воскресения, почему и замечает: *пред ученики своими* (ст. 30). Как до воскресения нужны были многие (чудеса) для того, чтобы уверовали, что Христос есть Сын Божий, так после воскресения — для того, чтобы убедились, что Он воскрес. Поэтому и присовокупил:

пред ученики своими, так как после воскресения обращался только с ними, почему и говорил: *мир ктому не увидит Мене* (Ин. XIV, 19). Потом, чтобы ты знал, что все это было сделано только ради учеников, прибавляет: *и да верующе живот* вечный *имате во имя Его* (ст. 31). Здесь Он обращает речь вообще к людям и показывает, что сказал об этом не ради Того, в кого мы веруем, но преимущественно для нашей собственной пользы. *Во имя Его,* то есть через Него, – потому что Он есть *живот* (Ин. XIV, 6). *Посем явися учеником на мори Тивериадстем* (Ин. XXI, 1). Видишь, что Он не постоянно обращается с ними и не так, как прежде? Явился вечером, и скрылся; потом – еще однажды, спустя восемь дней, и опять скрылся; затем теперь – на море, и опять при великом страхе. Но что значит: *явися?* Из этого видно, что, если бы Он не снизошел, то не был бы видим, так как тело Его было уже нетленно и бессмертно. А для чего упомянул о месте? Чтобы показать, что Христос избавил их от чрезмерного страха, так что они выходили уже из дома и ходили повсюду. Они уже не сидели, запершись в доме, но, избегая опасности от иудеев, отправились в Галилею. И вот Симон идет ловить рыбу. Так как Христос не постоянно находился с ними, а Дух Святой еще не был им дарован, и они оставались тогда без всякого поручения, то, не имея никакого дела, они обратились к своему промыслу. *Бяху вкупе Симон и Фома и Нафанаил,* призванный Филиппом, *и сыны Заведеовы и ини два* (ст. 2). Так как, говорю, у них не было никакого дела, то они пошли ловить рыбу и занимались этим ночью, потому что боялись. О ловле же рыбы говорит и Лука (V, 1–10), но разумеет не это событие, а другое. Прочие ученики пошли (за Петром), так как они уже не разлучались друг от друга, а вместе с тем хотели посмотреть на ловлю и с пользой употребить свободное время. Итак они трудятся, и

когда утомились, им предстает Иисус, но не тотчас обнаруживает Себя, а сначала входит с ними в разговор. Он говорит им: *еда что снедно имате* (ст. 5)? – Вступает в разговор совершенно по-человечески, как бы намереваясь что-нибудь купить у них. Когда же они отозвались, что у них нет ничего, Он повелел им бросить направо: они бросили и получили улов. А когда они узнали Его, то ученики Петр и Иоанн опять обнаруживают особенности своих характеров. Тот был пламеннее, а этот возвышеннее; тот стремительнее, а этот проницательнее. Поэтому Иоанн первый узнал Иисуса, а Петр первый пошел к Нему, – так как не малые были при этом и знамения. Какие же именно? Во-первых, поймано было множество рыбы; потом, мрежа не разорвалась; далее, они нашли готовыми уголья *и рыбу лежащу и хлеб* (ст. 9) прежде, чем достигли (берега). Теперь Христос творил уже не из готового вещества, как по некоторому смотрению творил прежде креста. Итак Петр, как только узнал Его, бросил все – и рыбу, и мрежи, и препоясался. Видишь и почтительность, и любовь? Хотя ученики были в расстоянии двух сот локтей, но Петр, несмотря и на это, не захотел ожидать, пока придет на судне, но поспешил вплавь. Что же Иисус? *Приидите*, говорит, *обедуйте. Ни един же смеяше истязати Его* (ст. 12). Теперь они уже не имели своей обычной смелости, не дерзали, как прежде, и не обращались к Нему с речью, но в молчании, с великим страхом и благоговением сидели и смотрели на Него. Они знали, *яко Господь есть* (ст. 12), и потому не спрашивали: *кто еси?* Видя изменившееся лицо, исполненное необычайного величия, они были очень изумлены и хотели бы что-нибудь спросить об этом; но страх и сознание, что это был не другой кто, а именно Он, удерживали их от вопроса, и они лишь вкушали то, что Он создал Своей высокой властью. Здесь Он

уже не взирает на небо и не делает ничего человеческого, как это было прежде, показывая, что и тогда это делалось по снисхождению. А что Он не постоянно и не так, как прежде, обращался с учениками, об этом говорит (Евангелист): *се уже третие явися им, востав от мертвых* (ст. 14). Христос повелевает принести и часть рыбы, чтобы показать, что видимое ими — не призрак. Впрочем, здесь не говорится, чтобы Он сам ел с ними, но Лука в другом месте говорит об Нем: *с ними же и ядый* (Деян. I, 4). Как это было, мы не можем сказать. Без сомнения, это происходило как-нибудь чудесно, не потому, чтобы естество еще нуждалось в пище, но — по снисхождению, для доказательства воскресения.

3. Слушая об этом, вы, может быть, воспламенились и назвали блаженными тех, которые обращались с Ним, равно как и тех, которые будут в общении с Ним в день общего воскресения. Употребим же все меры к тому, чтобы узреть Его чудное лицо. Если теперь, когда только слышим об этом, мы так воспламеняемся и желали бы жить в те дни, когда и Он жил на земле, слышать Его голос, видеть лицо, приходить к Нему, касаться Его и служить Ему, то подумай, что значит — видеть Его, когда Он уже не в смертном теле и действует не по-человечески, но дориносится ангелами, когда и мы сами будем в бессмертном теле и, созерцая Его, будем наслаждаться и прочим восходящим всякое слово. Поэтому-то, умоляю вас, будем всячески стараться о том, чтобы не лишиться такой славы. И в этом нет ничего трудного, если только мы захотим, — ничего тягостного, если будем внимательны: *аще бо терпим, и воцаримся* (2 Тим. II, 12). Что же значит: *терпим?* Если будем переносить скорби, гонения, если будем идти тесным путем. Тесный путь сам по себе труден, но от нашей решимости и надежды на будущее делается легким. *Еже бо ныне легкое печали по преумножению в преспеяние тяготу*

вечныя славы соделовает нам, не смотряющим нам видимых, но не видимых (2 Кор. IV, 17, 18). Итак возведем очи наши на небо и будем постоянно представлять и созерцать тамошнее. Если мы всегда будем иметь это в мыслях, то и здешние удовольствия не будут для нас привлекательны, и горести не будут тягостны. И над этим, и над подобным мы будем смеяться, и уже ничто не в состоянии будет ни поработить, ни надмить нас, если только мы желанием своим устремимся туда и будем взирать на ту любовь. И что я говорю: не будем скорбеть при настоящих бедствиях? Мы не будем даже замечать их: таково уже свойство любви. Кого мы любим и кто находится не вместе с нами, но вдали от нас, того-то именно мы и представляем себе каждый день. Велика, поистине, сила любви: она устраняет душу от всего и привязывает к любимому предмету. Если мы так возлюбим Христа, то все здешнее будет, казаться, нам тенью, все — только призраком и сном. Тогда и мы скажем: *кто ны разлучит от любве* Христовы? *Скорбь ли или теснота* (Рим. VIII, 35)? Не сказал: имущество, богатство, красота, так как все это крайне ничтожно и презренно, но указал на то, что почитается тяжким, — на голод, гонения, смерть. Он и это презрел, как ничего незначащее, а мы из-за денег разлучаемся с нашей жизнью и устраняемся от света. Павел предпочитает любовь к Нему и смерти, и жизни, и настоящему, и будущему, и всякой вообще твари; а мы, лишь только увидим немного золота, тотчас воспламеняемся и попираем законы Христовы. Если неприятно слышать об этом, то тем менее надобно терпеть это на деле. Но в том-то и беда, что мы, когда слышим это, — ужасаемся, а когда делаем, — не ужасаемся, напротив, мы и легкомысленно клянемся, и преступаем клятвы, и хищничаем, и требуем лихвенных процентов, и нерадим о целомудрии, и оставляем прилежную молит-

ву, и преступаем большую часть заповедей, и ради денег не обращаем никакого внимания на своих собратий. Да, кто пристрастен к богатству, тот причиняет тысячу зол ближнему, а вместе с ним и себе самому. Он легко раздражается, поносит, называет уродом, клянется, преступает клятву и не соблюдает даже и того, что предписывает ветхозаветный закон. Кто любит богатство, тот не будет любить даже ближнего, а между тем, нам заповедано ради царствия любить самих врагов. И если мы, исполняя древние заповеди, не можем достигнуть царства небесного, *аще не избудет правда* наша *паче* тех (Мф. V, 20), то, преступая и их, как получим оправдание? Пристрастный к богатству не только не станет любить врагов, но и на самих друзей будет смотреть, как на врагов.

4. Да что я говорю о друзьях? Пристрастные к богатству часто не признают самой природы. Такой человек ни родства не знает, ни знакомства не помнит, ни возраста не почитает, никого не имеет другом, но ко всем проявляет враждебное расположение, больше же всех – к самому себе, – не потому только, что губит душу свою, но и потому, что обременяет себя бесчисленными заботами, трудами, печалями. Он решается на путешествия, подвергается неприятностям, опасностям, козням и всему подобному, лишь бы только иметь у себя корень зол и насчитать много золота. Что может быть ужаснее такой болезни! Человек, одержимый ею, отказывается и от роскоши и от всякого удовольствия, из-за которых так много грешат люди, и лишает себя славы и чести. Любящий богатство всех подозревает и имеет множество обвинителей, завистников, клеветников и злоумышленников. Те, которые обижены им, ненавидят его, потому что потерпели от него зло; те, которые еще ничего не потерпели, вооружаются против него, из опасения потерпеть и из соболезнования к потерпев-

шим; а наконец, и люди великие и могущественные, частью по негодованию на него из сострадания к низшим, а частью и по зависти, также становятся его врагами и ненавидят его. Но что я говорю о людях? Против кого сам Бог вооружен, — какая остается тому надежда, какое утешение, какая отрада? Пристрастный к богатству никогда не будет в состоянии пользоваться им; он будет рабом и стражем его, но не господином. Стараясь всегда увеличить, он никогда не захочет тратить его, но будет изнурять себя, будет беднее всех нищих, потому что никогда не удовлетворит своей страсти. А ведь деньги существуют не для того, чтобы беречь их, но для того, чтобы ими пользоваться. Если же мы станем зарывать их от других, то может ли быть что жалче нас, когда мы всюду бегаем и стараемся все захватить, чтобы запереть у себя в дому и изъять из общего употребления? Есть, впрочем, и другой недуг, не меньше этого. Одни зарывают деньги в землю, а другие расточают для чрева, на роскошь и пьянство, и таким образом вместе с наказанием за неправду навлекают на себя наказание за сластолюбие. Одни употребляют их на тунеядцев и льстецов, другие на игру и блудниц, а третьи на другие подобные надобности, и таким образом пролагают себе бесчисленные пути, ведущие в геенну, и оставляют прямой и законный путь, ведущий к небу, между тем как этот путь не только доставляет выгоду, но и приятнее тех путей. Кто дает блудницам, тот делается смешным и зазорным; он будет иметь много ссор, а удовольствие краткое, лучше же сказать — даже и краткого не получит. Сколько бы ни давал он отверженным женщинам, они ничуть не будут благодарны ему: *сосуд бо сокрушен чуждий дом* (Притч. XXIII, 27). Притом же этот род бесстыден, и Соломон любовь такой женщины уподобил аду. Она тогда только успокаивается, когда увидит своего любовника ничего уже не имеющим. Лучше же сказать, — она и

тогда не успокаивается, но еще больше величается, попирает лежащего, предает его великому осмеянию и столько делает ему зла, что и описать, нельзя. Не таково удовольствие спасаемых. Здесь никто не имеет соперника в любви, но все радуются и веселятся — как те, которые благоденствуют, так и те, которые смотрят на них. Ни гнев, ни печаль, ни стыд, ни поношение не смущают души такого человека; напротив, там великое спокойствие совести и великая надежда на будущее, светлая слава и великая честь, полное благоволение Божие и безопасность. Нет там ни единого утеса и никакой опасности, напротив — недопуступное для волн пристанище и тишина. Представляя себе все это и сравнивая одно удовольствие с другим, изберем для себя лучшее, чтобы сподобиться и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXVIII

Егда же обедоваше, глагола Симону Петру Иисус: Симоне Ионин, любиши ли Мя паче сих? Глагола Ему: ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя (Ин. XXI, 15)

1. Многое и другое может доставить нам дерзновение перед Богом и сделать нас славными и достопочтенными; но преимущественно перед всем, мы приобретаем благоволение свыше попечением о ближних. Вот этого и Христос требует от Петра. Когда трапеза учеников приходила к концу, *глагола Симону Петру Иисус: Симоне Ионин, любиши ли Мя паче сих? Глагола ему: ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя* (ст. 15, 16). Почему же, помимо других учеников, беседует об этом с Петром? Потому, что он был избранный

из апостолов, уста учеников, верховный в их лике, почему и Павел приходил некогда видеть его преимущественно перед другими. Вместе с тем Христос поручает ему попечение о братии и для того, чтобы показать, что отныне он должен иметь дерзновение, так как отречение его предано забвению. Не воспоминает об его отречении и не порицает его за то, что было; но говорит: если ты любишь Меня, то заботься о братии; покажи теперь ту горячую любовь, которую ты всегда обнаруживал и которой утешался; душу свою, которую ты обещал положить за Меня, предай за овец Моих. Будучи спрошен в первый и во второй раз, Петр призвал в свидетели самого Ведущего сокровенные тайны сердца. Когда же потом спрошен был и в третий раз, то смутился, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что было прежде, потому что и тогда он говорил с уверенностью, но последствия опровергли его. Поэтому снова прибегает ко Христу и говорит: *Ты веси вся,* то есть и настоящее, и будущее. Видишь, как он исправился и стал благоразумнее? Уже не упорствует в своем мнении и не противоречит. Поэтому-то он и смутился. Может быть, я думаю только, будто люблю, а на самом деле не люблю, как и прежде я много думал о себе и говорил с уверенностью, но последствия опровергли меня. А троекратно Христос спрашивает его и троекратно заповедует ему одно и тоже, чтобы показать, как высоко Он ценит попечение о Своих овцах, и что это в особенности служит знаком любви к Нему. Сказав ему о любви к Себе, Христос предрекает ему и мученичество, которому он подвергнется, и тем показывает, что то, что Он говорил ему, говорил не по недоверию к нему, а напротив, по совершенной уверенности в нем, желая показать образец любви к Себе и научить нас, каким образом преимущественно мы должны любить Его. Вот почему говорит: *егда был еси юн, поясался еси сам, и ходил еси, аможе*

хотел еси. Егда же состареешися, воздежеши руце твои, и иные *тя* пояшут и ведут, *аможе не хощеши* (ст. 18). Несомненно, что Петр сам этого хотел и желал, потому Христос и возвестил ему это. Он неоднократно говорил: *душу мою за Тя положу* (Ин. XIII, 37), и: *аще ми есть и умрети с Тобою, не отвергуся Тебе* (Мф. XXVI, 33); поэтому Христос и устроил по его желанию. Что же значит: *аможе не хощеши?* Христос говорит здесь о свойстве природы, о необходимом законе плоти, о том, что душа неохотно разрешается от тела, так что, хотя бы намерение было и твердое, но и при этом природа обнаруживает себя. Никто без страдания не расстается с телом, и это Бог устроил, как я и прежде говорил, для пользы, чтобы немного было насильственных смертей. Ведь если и при этом диавол успевает побуждать к самоубийству и весьма многих доводит до стремнин и пропастей, то, если бы не такова была любовь души к телу, многие тотчас устремлялись бы к этому даже от самой ничтожной печали. Итак слова: *аможе не хощеши* означают естественную любовь. Почему Христос, сказав: *егда был еси юн*, говорит потом: *егда же состареешися!* Этим показывает, что Петр тогда был уже не молод, как это и справедливо, но и не стар, а в совершенном возрасте. Для чего же он напомнил ему о прежней жизни? Чтобы показать, что таковы Его дела. В житейских делах человек молодой бывает полезен, а состаревшийся бесполезен; а в Моих делах, говорит, не так: напротив, с наступлением старости доблесть блистательнее и мужество славнее, не встречая никаких препятствий от возраста. И это он говорил не с тем, чтобы устрашить, но для того, чтобы воодушевить, потому что Он знал его желание, знал, что он издавна пламенно стремился к этому благу. Вместе с тем Христос указывает здесь и на образ его смерти. Так как Петр всегда хотел быть в опасностях за Него, то Он говорит: будь спокоен; Я исполню твое желание, так что, чего ты

не потерпел в юности, то потерпишь в старости. Далее, Евангелист, возбуждая слушателя, прибавил: *сие же рече, назнаменуя, коею смертию прославит Бога* (ст. 19). Не сказал: умрет, но: *прославит Бога,* чтобы ты знал, что страдания за Христа составляют славу и честь для страждущего. *И сия рек, глагола ему: иди по Мне.*

Здесь Христос опять указывает на Свое попечение о нем и на Свое великое расположение к нему. Если же кто спросит: почему же престол иерусалимский получил Иаков? — то я отвечу, что Петра Христос поставил учителем не для этого престола, но для вселенной. *Обращся же Петр, виде ученика, егоже любляше Иисус, во след идуща, иже и возлеже на вечери на перси его, и глагола: Господи, сей же что* (ст. 20, 21)?

2. Для чего напомнил нам о бывшем тогда возлежании? Не просто и не без причины, но — чтобы показать, какое Петр имел дерзновение после своего отречения. Прежде он не смел спросить, но поручил это другому, а теперь ему вверено даже попечение о братии. Теперь он не только не поручает другому того, что до него касается, но уже и сам за другого спрашивает Учителя: Иоанн молчит, а он говорит. Здесь же Евангелист показывает и любовь к нему (Петра). Действительно, Петр очень любил Иоанна; это видно и из последующих событий, да и вообще во всем Евангелии и в Деяниях обнаруживается их взаимная любовь. И вот, поелику Христос предсказал Петру величие, вручил ему вселенную, предвозвестил мученичество и засвидетельствовал, что его любовь больше любви других, то Петр желая иметь его своим общником, говорит: *сей же что?* Не пойдет ли и он одним с нами путем? Как прежде, не дерзая сам спросить, поручил это Иоанну, так теперь, платя ему тем же и думая, что он хотел бы спросить о себе, но не смеет, сам берет на себя предложить о нем вопрос. Что же Христос? *Аще хощу, да той пребывает,*

дондеже прииду, что к тебе (ст. 22)? Так как Петр говорил по крайней заботливости и не желая разлучиться с Иоанном, то Христос, показывая, что сколько бы он ни любил его, но любовь его не сравняется с любовью самого Христа, – говорит: *аще хощу, да той пребывает, что к тебе?* Этим Он научает нас не сокрушаться и не любопытствовать больше, чем сколько Ему угодно. Петр всегда был пылок и скор на такие вопросы, а потому Христос этими словами снова обуздывает его горячность и научает не быть сверх меры любопытным. *Изыде же слово се к братии,* то есть к ученикам, *яко той не умрет. И не рече Иисус, яко не умрет, но: аще хощу тому пребывати, дондеже прииду, что к тебе* (ст. 23)? Не думай, говорит, что Я одинаково устрою вашу судьбу. А это он сделал потому, что теперь неблаговременна была их взаимная любовь. Так как они должны были принять на себя попечение о вселенной, то им уже не следовало быть вместе друг с другом: это было бы весьма вредно для вселенной. Поэтому-то Христос и говорит Петру: тебе поручено дело; заботься о нем, совершай его, терпи и подвизайся. Что, если Я хочу, чтобы Иоанн здесь пребывал? Ты смотри за своим делом и о нем заботься.

Заметь и здесь скромность Евангелиста. Сказав о мнении учеников, он исправляет его, так как они не уразумели того, что Христос сказал. *Не рече,* говорит, *Иисус, яко не умрет, но: аще хощу тому пребывати* (ст. 23). *Сей есть ученик свидетельствуяй о сих, иже и написа сия, и* вемы, *яко истинно есть свидетельство его* (ст. 24). Почему он один так говорит, тогда как никто другой этого не делает, и уже в другой раз сам свидетельствует о себе, между тем как это неприятно слушателям? Какая тому причина? Говорят, что он после всех приступил к написанию (Евангелия), будучи на то подвигнут и возбужден Богом. Поэтому он постоянно указывает на любовь Его к себе, намекая тем на причину, по которой решился

писать. Поэтому же часто упоминает и о том (что его свидетельство истинно), придавая через то достоверность своему слову и показывая, что он приступил к этому по побуждению свыше: *и вем,* говорит, *яко истинно есть* то, о чем он повествует. Если же многих это не уверит, то им можно увериться из следующего. Из чего же? Из того, что сказано далее. *Суть же,* говорит, *ина многа, яже сотвори Иисус, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню мирови вместити пишемых книг* (ст. 25). Отсюда видно, что я писал без пристрастия. Если при таком множестве я не сказал даже и столько, сколько другие, но, опустив большую часть их, выставил на вид козни иудеев и рассказал, как они бросали в Него камнями, как ненавидели Его, оскорбляли и поносили, как именовали Его даже бесноватым и обманщиком, то явно, что я писал без лести. Кто льстит, тот обыкновенно поступает как раз напротив, все позорное скрывает, а дела блистательные излагает. И вот почему он с совершенной уверенностью написав то, что написал, не отказывается выставить свое собственное свидетельство, вызывая рассмотреть и исследовать каждое событие в отдельности. Ведь и у нас есть обыкновение, когда мы считаем что-нибудь несомненно верным, не отказываться от собственного о том свидетельства. Если же это делаем мы, то тем более он, писавший по внушению Духа. Так говорили, проповедуя, и другие апостолы: *мы есмы свидетели* тому, что проповедуем, *и Дух, его же даде повинующимся ему* (Деян. II, 32). Притом Иоанн присутствовал при всех (событиях), не оставлял Христа и во время распятия, и ему поручена была Матерь: все это знак, что (Христос) любил его и что он знал все в точности. Если же он сказал, что знамений было совершено так много, — ты этому не удивляйся, но подумай о неизреченной силе Творящего и прими с верой сказанное. Как для нас легко говорить, так, или

еще гораздо легче, для Него делать то, что Ему угодно. Ему довольно было восхотеть и — все исполнилось.

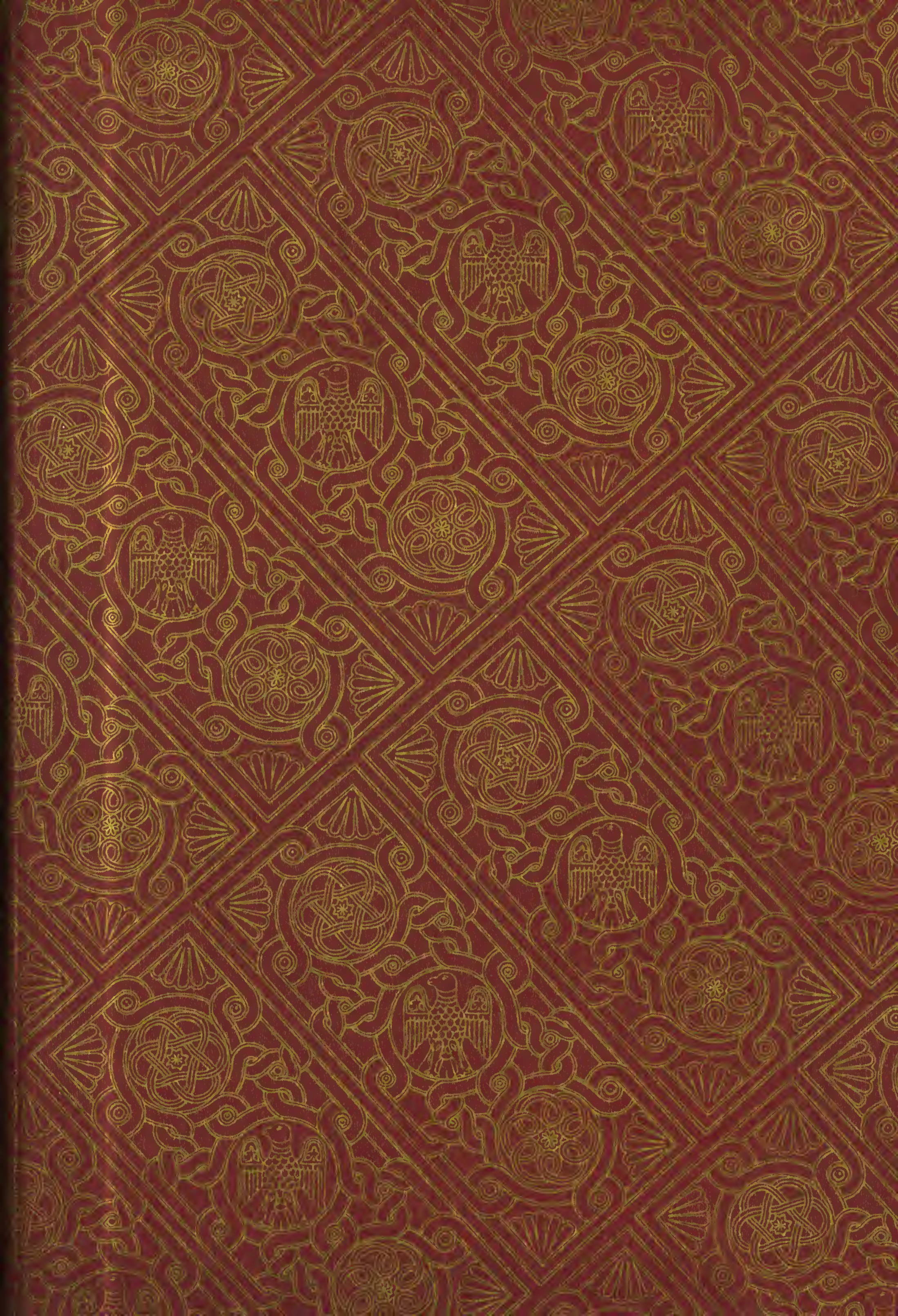
3. Будем же тщательно внимать сказанному и не перестанем читать и изъяснять. От частого чтения мы получим много пользы; через это мы в состоянии будем очистить жизнь свою и истребить в себе терние. Таковы именно грехи и житейские заботы, — бесплодны они и болезненны. Как терние, с какой бы стороны не коснулись его, уязвляет касающегося, так и житейские дела, с какой стороны ни приступишь к ним, всегда наводят печаль на того, кто связывает себя ими и заботится в них. Но духовные дела не таковы; напротив, они похожи на драгоценный камень, который, как ни повернешь его, — отовсюду увеселяет зрение. Например, сотворил ли кто милостыню? Он не только питается надеждой на будущее, но наслаждается и здешними благами: он ничего не опасается и все делает с великим дерзновением. Преодолел ли кто злое вожделение? Еще прежде наступления царствия, он уже здесь получает плод, слыша похвалу и одобрение от всех, а прежде всего от собственной совести. Да таково и каждое доброе дело, между тем как дела злые, еще прежде геенны, уже здесь мучат совесть. Если ты грешишь, то, подумаешь ли о будущем, — поражаешься страхом и трепетом, хотя никто не наказывает тебя; подумаешь ли о настоящем, — имеешь много врагов и живешь в подозрении, и не можешь даже прямо и посмотреть на обидевших тебя, лучше же сказать, и на тех, которые не обидели. От греха не столько получаем мы удовольствия, сколько скорби: тут и совесть вопиет, и посторонние люди осуждают, и Бог прогневляется, и геенна угрожает поглотить нас, и мысли не могут успокоиться.

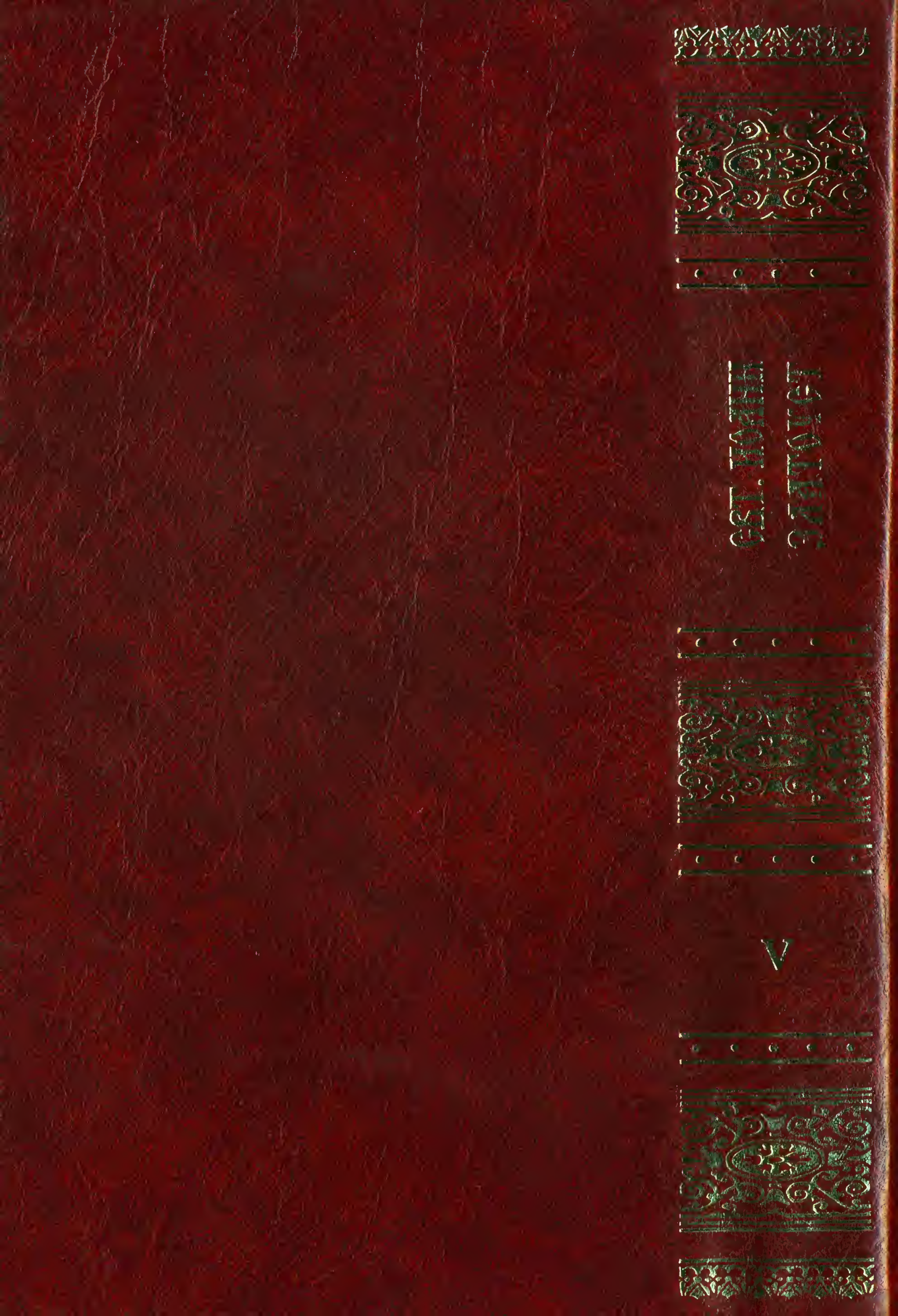
Тяжел, поистине тяжел и невыносим грех, — тяжелее всякого свинца. Кто сознает его за собой, тот отнюдь не может смотреть прямо, хотя бы был и очень

нечувствителен. Так Ахаав, хотя был крайне нечестив, но, почувствовав грех, ходил с поникшей головой, сокрушался и скорбел. Потому-то он и вретище возложил на себя, и проливал источники слез. Если и мы будем это делать, если будем плакать, как Ахаав, и сложим с себя грехи, как Закхей, то и мы получим прощение. Как при опухолях и язвах, сколько бы кто ни прилагал к ним лекарств, не остановив наперед притекающей и растравляющей рану материи, все бывает напрасно, потому что не остановлен источник зла, — так бывает и с нами: если мы не удержим рук от любостяжания и не прервем этого нечистого потока, то, хотя бы стали давать и милостыню, все будет напрасно. Что уврачует милостыня, то затопит, испортит и сделает еще худшим любостяжание. Перестанем же сначала хищничать, и тогда уже станем подавать милостыню. Если же мы сами будем стремиться в пропасть, то где у нас будет возможность остановиться? Когда человека падающего один станет тянуть вверх (что делает милостыня), а другой будет увлекать вниз, то от такой борьбы не произойдет ничего более, кроме того, что этот человек будет разорван. Итак, чтобы нам не потерпеть этого и чтобы милостыня не оставила и не покинула нас в то время, как любостяжание влечет нас долу, — облегчим себя и воспарим горе. Тогда, освободившись от дел злых и сделавшись совершенными через упражнение в делах добрых, мы сподобимся вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СВТ. ИОАНН
ЗЛАТОУСТ
V